

As

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

5

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES
D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1941 • LENINGRAD

ЕВ 1941 АКС 332

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 3

MÉTÉRIAUX ET RECHERCHES D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS № 3

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

MATÉRIAUX POUR L'ARCHÉOLOGIE
DE LA KABARDINO-BALKARIE

Под редакцией
М. И. АРТАМОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД

ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1941 • LENINGRAD

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
М. И. АРТАМОНОВ

От редакции

Территория Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики чрезвычайно богата археологическими памятниками ранних эпох. Однако, до Октябрьской революции она оставалась почти не исследованной в археологическом отношении, особенно в степной и предгорной своих частях. Только в первые годы советского культурного строительства стихийное накопление археологических материалов в музее г. Нальчика впервые вызвало внимание археологов к археологическим памятникам республики.

Изучение археологии Кабардино-Балкарии стало одной из основных задач Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Археологические исследования на территории республики производились ГАИМК с 1924 по 1933 г. под руководством проф. А. А. Миллера. Экспедиция поставила перед собой следующие задачи: выявление и исследование древних поселений, совершенно неизвестных до тех пор на Северном Кавказе; всестороннее комплексное изучение ранних культур в тесной увязке археологических, этнографических и иных источников; установление относительной периодизации памятников центрального Предкавказья.

В процессе выполнения этого плана были изучены: энеолитический могильник у г. Нальчика, наиболее ранний из известных в настоящее время на Северном Кавказе; более или менее одновременное с ним Агубековское поселение; более позднее поселение эпохи раннего металла у хутора «Долинское» и курганы медного века в Кабардинском парке г. Нальчика.

Кроме того экспедицией проведена углубленная разведка территории Кабардино-Балка-

рии и связанного с ним Пятигорья с разведочными раскопками памятников различных эпох вплоть до древне-кабардинских.

Издаваемый сборник, подготовленный к печати уже несколько лет назад, представляет собой частичную публикацию собранных экспедицией материалов и некоторые научные обобщения, являющиеся итогом коллективного опыта сотрудников экспедиции и ее руководителя.

Основным успехом Северо-Кавказской экспедиции надо признать построение и твердое обоснование относительной периодизации изученных ею памятников. Принципиально новым и наиболее важным отличием этой периодизации от иных классификаций, построенных, как известно, на формальных признаках, является наполнение трех условных, но последовательно связанных между собою «стадий» исторического развития варварских племен центрального Предкавказья конкретным социально-экономическим содержанием. В частности, впервые с достаточной исторической убедительностью установлена закономерность заселения высокогорной зоны Северного Кавказа, представляющего важнейшее значение для вопроса об этногенезе горских народностей Кавказа. Тем самым, основные положения, построенные на работах Северо-Кавказской экспедиции, выходят за пределы изучения истории Кабардино-Балкарии и с соответствующими поправками могут быть применены для понимания исторического развития на других территориях Кавказа.

Институт истории материальной культуры рад отметить выходом этой работы двадцатилетние успехи Автономной Кабардино-Бал-

карии на путях социалистического строительства и культуры.

Вместе с тем совершенно ясно, насколько недостаточен объем проведенных до сих пор археологических работ и как велика необходимость дальнейшего и притом значительного их развертывания в связи с задачами, стоящими перед советским кавказоведением. Совершенно необходимыми работами на терри-

тории Кабардино-Балкарии являются: выявление и исследование памятников палеолита, для чего есть соответствующие предпосылки; углубленное изучение поселений и погребальных памятников второй стадии и всестороннее комплексное изучение памятников третьей стадии, в значительном числе выявленных разведкой, но в настоящее время наименее изученных.

А. А. ИЕССЕН

Археологические памятники Кабардино-Балкарии

(Значение древних памятников Республики)

Историческое прошлое территории современной Кабардино-Балкарской Автономной Республики освещается письменными источниками только на протяжении нескольких последних столетий. Притом только с XVII в. эти источники становятся более обильными и позволяют с большей или меньшей полнотой выяснить весь ход исторических событий и уровень хозяйственного и социального развития, достигнутый к тому времени кабардинским и балкарским народами. Освещаются письменными источниками также и дальнейшие процессы, протекавшие на данной территории в связи с длительной борьбой против правительства царской России, стремившегося к колониальному порабощению Кавказа. Относящиеся же к более раннему времени письменные свидетельства, при всей их ценности, настолько малочисленны и отрывочны, что на их основании сколько-нибудь целостное изучение исторического развития на интересующей нас территории не представляется возможным.

При таком положении дел, общем с соседними областями Северного Кавказа, основным видом источников, могущим осветить местный исторический процесс более раннего времени, являются источники археологические, т. е. сохранившиеся до наших дней предметы и сооружения, созданные человеком в процессе труда или по крайней мере носящие на себе следы этой трудовой деятельности. При всей важности привлечения к историческому исследованию лингвистических и фольклорных материалов, так же как и данных современной этнографии, все же основные опорные точки и хронологию пройденных этапов исторического развития мы скорее всего и наиболее надежным способом получим путем исследования материальных археологических памятников. Дело в том, что последовательность явлений, изучаемых при лингвистических и фольклорных исследованиях, так же как и связь их с той или иной территорией, чаще всего могут быть выявлены только с большим трудом, при-

том только в отношении целых групп явлений или в пределах отдельных их рядов. Выясняемая таким путем историческая перспектива, при отсутствии прямых письменных свидетельств, может быть доказана и уточнена только путем увязки ее с археологическими памятниками. Последние же при достаточно полном изучении позволяют на основании стратиграфических наблюдений установить бесспорным образом их последовательность во времени и дают ряд указаний как об экономическом базисе, так и о явлениях надстроечного порядка соответствующей эпохи.

В свою очередь использование этих указаний, заключающихся в «мертвом» археологическом материале, в целях адекватного отображения исторического процесса, становится возможным только при условии освещения и оживления его по возможности также и данными письменно-исторических, лингвистических, фольклорных и этнографических источников.

Таким образом, только при комплексном использовании всех видов относящихся сюда исторических материалов может быть успешно разрешена стоящая перед советской исторической наукой важнейшая задача создания подлинной истории как всей нашей страны в целом, так в частности и отдельных народов, населявших и населяющих ее области, в том числе и Кабардино-Балкарию. История эта должна, с другой стороны, охватить весь исторический процесс, начиная с наиболее ранних моментов развития человеческого общества на соответствующей территории; другими словами, обязательно должны изучаться и ранние, бесписьменные эпохи, соответствующие в частности на Северном Кавказе не только доклассовому состоянию общества, но и эпохе формирования антагонистических классов, а в значительной мере и далее вплоть до эпохи ярко выраженных феодальных отношений. В применении же к этим эпохам стержневую и ведущую роль во всей комплексной исторической работе призвано сыграть изучение

источников археологических, т. е. памятников материальной культуры.

Из сказанного необходимо сделать заключение, что без систематического исследования археологических памятников никакое изучение истории современной Кабардино-Балкарии не-

В настоящей статье сделана попытка кратко охарактеризовать современное состояние наших сведений об археологических памятниках Республики с целью определения их значения в качестве исторического источника и наметки основных задач дальнейших исследований.

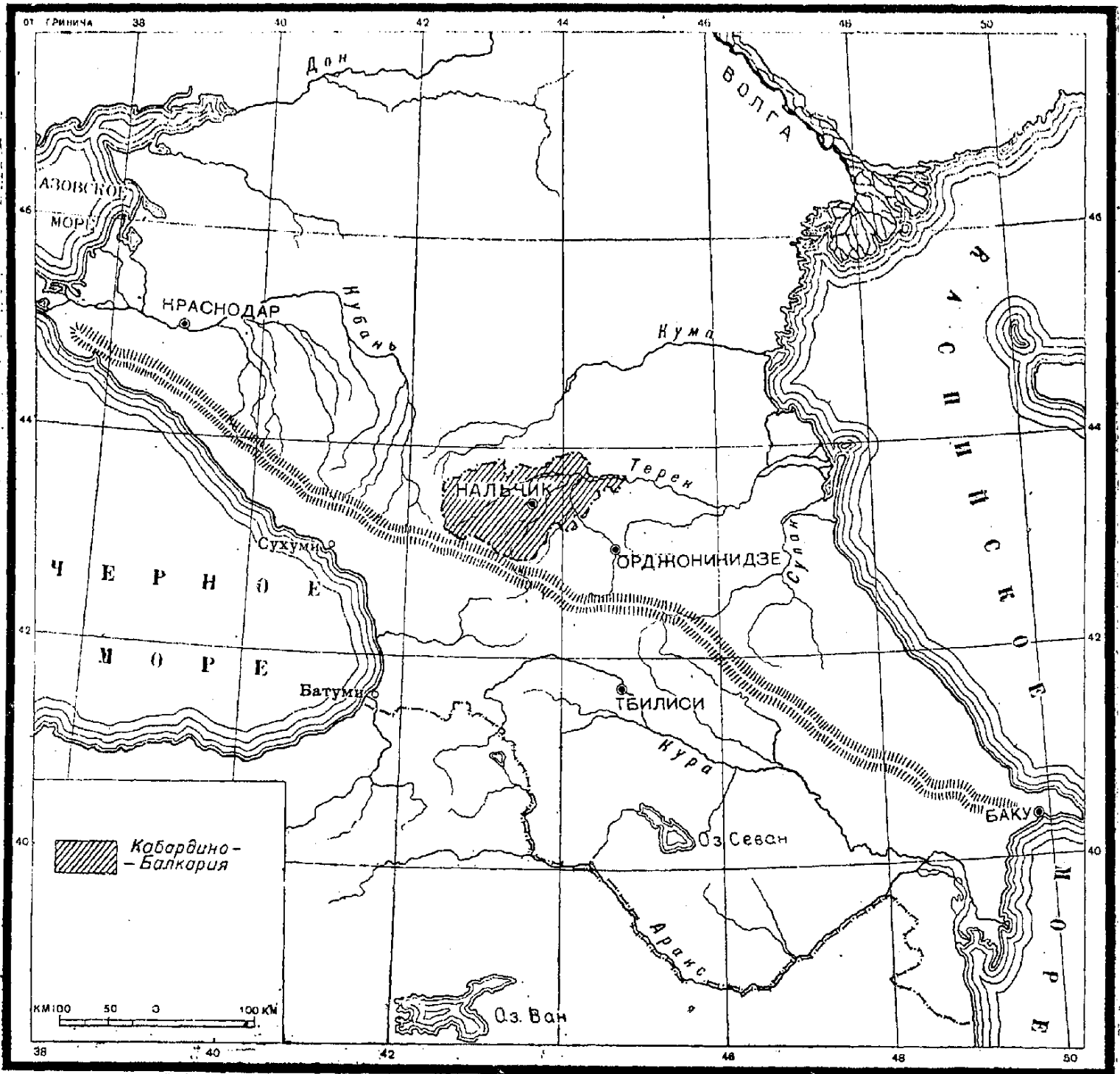

Рис. 1. Географическое положение Кабардино-Балкарии.

возможно, причем это относится ко всем историческим периодам, примерно вплоть до XVI в., если не до еще более позднего времени. Археологические исследования являются, таким образом, совершенно необходимой предпосылкой разработки истории Кабардино-Балкарии, если эту историю не ограничивать только последними 3—4 столетиями.

ОЧЕРК ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ

История изучения памятников древности, сохранившихся в пределах современной Кабардино-Балкарии, начинается в XVIII в. и связана с экспедициями Петербургской Академии Наук на Кавказ, вызванными политическими целями

царского правительства. Первые научные наблюдения археологического порядка сделаны еще академиком Гильденштедтом, посетившим во время своего путешествия в Грузию Малую и Большую Кабарду (1770 и 1773 гг.) и описавшим несколько христианских крестов с греческими надписями и других памятников [67, т. I, стр. 502—503 и табл. XII—XIII; т. II, стр. 10—14 и табл. II].

Академик Паллас посетил Кабарду в 1793 г. и в своем описании упомянул также о некоторых памятниках позднейшего времени, вроде склепа на левом берегу Малки выше нынешней Марьинской станицы и склепового могильника на нижнем течении Баксана [69, стр. 319, 353—363].

Такого же порядка наблюдения сообщает Клапрот, бывший на Кавказе в 1807—1808 гг. Им, между прочим, дается описание городища Джулата на Тереке, против нынешней станицы Котляревской, и ряд других сведений [68, т. I, стр. 430 и 543; т. II, стр. 359 сл.].

Эти наблюдения, касавшиеся памятников весьма недавнего для того времени прошлого, ценны потому, что впоследствии эти памятники более не описывались и до наших дней в наиболее значительной своей части не дошли. Во всяком случае те памятники, которые были связаны с христианским культом и в XVIII в. еще сохранялись в большом числе, затем в большинстве были разрушены под влиянием пропаганды ислама, находившей в Кабарде и Балкарии благодарную почву в силу целого ряда причин, среди которых на первом месте следует поставить воинствующую позицию ислама по отношению к царскому правительству [ср., напр., 59, стр. 397—399].

Первое путешествие со специально археологической целью было предпринято А. Фирковичем в 1849 г. Им был осмотрен район Нальчика и совершена поездка по маршруту Нальчик—Заюково—Былым—Чегем—Безенги—Хулам—Балкарское ущелье—Нальчик. Во время этой поездки им описывались преимущественно памятники позднейшего времени—христианские церкви, развалины укреплений, надгробные сооружения. В сел. Псыгансу (б. Джанхотова) им был осмотрен «курган» и произведена попытка его раскопки, в результате которой были обнаружены остатки какой-то кирпичной постройки [59, стр. 392—402].

Таким образом, Фиркович является первым исследователем, попытавшимся применить археологические раскопки для изучения древних культурных остатков, сохранившихся в Кабарде. Сделанные в том же 1849 г. в Кабарде (у Баксанского укрепления и в Каменномостском на Малке) и в других местностях Северного Кавказа находки ряда бронзовых вещей

послужили П. Савельеву поводом для опубликования первой работы о вещественных древностях края, в которой он ошибочно относил эти вещи, близкие к середине I тысячелетия до н. э., к VIII—XI вв. н. э. [60]. Такая значительная ошибка находит себе полное объяснение в незнакомстве исследователей середины XIX в. с древностями Кавказа.

Следующая работа относится уже к 1867 г., когда Нарышкиным было совершено путешествие на Кавказ, во время которого им были описаны встречавшиеся ему памятники древности по маршруту Нальчик—Заюково—Былым—верховья Баксана и обратно по Баксану до впадения его в Малку [46].

В рассмотренное нами время интерес исследователей почти исключительно обращался к памятникам позднейших периодов, сохранявшимся на поверхности. Положение меняется в последней трети XIX в., когда археологические раскопки получили уже широкое признание для изучения отдаленных периодов человеческой истории, когда в Западной Европе уже оформилась как особая дисциплина так называемая «доисторическая археология», а в России давно уже велись обширные раскопки в области греческих колоний Причерноморья и в скифских курганах украинских степей.

На Северном Кавказе интерес к скрытым в земле памятникам древности пробудился после открытия Кобанского могильника в северной Осетии (1869), давшего в последующее время исключительный по богатству, разнообразию и художественной выделке бронзовый инвентарь.

С конца семидесятых годов XIX в. начался длинный ряд раскопок древних могильников, производившихся главным образом с целью добычи вещей и, в огромном большинстве случаев, без достаточной научной документации.

Наряду с этими раскопками, производившимися все же с научными целями, развилось коллекционирование местных древностей путем скупки их у находчиков. Этот внезапно появившийся спрос был использован помещичье-кулацкой верхушкой местного населения в качестве одного из способов своего обогащения. В результате всего этого за период последних сорока лет до Великой Октябрьской социалистической революции на Северном Кавказе было разграблено огромное количество древних могильников, чем делу научного исследования истории страны нанесен не поддающийся учету вред. Особенно пострадали за это время древние памятники северной Осетии и Закубанья, а также Малой Чечни. О размерах этого разграбления можно судить хотя бы по тому, что, например, землевладелец Хабош Кануков только в селении Верхний Кобан раскопал свыше 500 могил и продал археологических предметов на сумму более 20 000 рублей.

¹ Цифры в прямых скобках соответствуют порядковым номерам „Списка литературы“, стр. 36—38.

В пределах Кабардино-Балкарии за рассматриваемый период также было раскопано, или, вернее, разграблено очень большое количество древних погребений; раскопки эти, в особенности в Балкарии, местами приняли характер такого же сплошного грабежа, как и в Осетии.

Так, большие могильники у сел. Верхний Чегем, у Былыма (б. Озроково) и в Верхней Балкарии уничтожены почти целиком.

Из добытых таким образом вещей был составлен целый ряд частных коллекций. Среди них интересно отметить коллекцию Д. А. Вырубова, бывшего одно время начальником Нальчикского округа; впоследствии коллекция эта в значительной своей части была приобретена Археологической комиссией для Эрмитажа в Ленинграде и для Исторического музея в Москве (1897). По сохранившемуся до сих пор в Нальчике рассказу, Вырубов вызвал к себе целый ряд «старшин» из местных князей и не то просил, не то приказал доставлять ему древние предметы. Естественно, что собранная таким способом коллекция имеет небольшое научное значение, так как ни о месте, ни об условиях находки отдельных предметов не сохранилось почти никаких сведений.¹

Другая крупная коллекция местных древностей была собрана баксанским князем Измаилом Урусбиевым, производившим специальные раскопки в Баксанском и Чегемском ущельях, о которых однако никаких отчетов не сохранилось. Известно только, что, напр., в Чегеме, на горе Донгат, им было раскопано около 40 могил. Коллекция Урусбиева изучалась и частично издана В. Ф. Миллером в 1888 г. [43], а затем в 1896 г. в наиболее значительной своей части была куплена венгерским исследователем графом Зичи и издана в числе его собраний д-ром Бела Пошта [76].

Сходный характер имела также коллекция генерала Неверовского, собранная главным образом в Осетии, но включающая также довольно много предметов из восточной части Большой Кабарды. Часть этой коллекции была куплена б. Археологической комиссией для Исторического музея в Москве,² другая часть хранится в Гос. Этнографическом музее в Ленинграде.

Далеко не все добываемые древности поступали однако в коллекции, все же входившие в поле зрения научного исследования. Быть может, наибольшая часть находок бесследно исчезла, расходясь по частным рукам. Почти весь металл, попадавший в частные руки, шел в переплавку, и только немногие скупщики обслуживали спрос частных

коллекционеров, а отчасти и музеев. Так, напр., скупщик Агджигитов из Нальчика в 1913—1916 гг. продал целый ряд находок б. Археологической комиссии и Эрмитажу. [24д; 47д].

Скупка производилась для продажи не только русским, но и иностранным музеям. Так, имеются сведения, что из Нальчика древние предметы переправлялись в один из германских музеев и будто бы также в Британский музей [16, стр. 4; 24а; 24б]. Большой вред памятникам, особенно наземным, причиняли также туристы, в значительной мере расширившие такие ценные для изучения истории края источники, какими являлись склеповые погребения с мумифицированными трупами в Верхней Балкарии [38, стр. 48—49].

Попытки борьбы с кладоискательством путем административных запрещений не приводили ни к чему, как в силу невозможности надзора в труднодоступной местности, так, в особенности, вследствие заинтересованности местной администрации и землевладельцев в собирании древностей. Основной же причиной массового кладоискательства являлось конечно развитие на Северном Кавказе капиталистических товарных отношений, превращавших в товар все, вплоть до зарытого в земле могильного инвентаря. Характерно полное непонимание этого обстоятельства дореволюционными деятелями в области археологии. Объяснения их оставляют открытым вопрос, почему же в течение сотен и тысяч лет, предшествовавших проникновению русского капитализма на Кавказ, памятники древности только в относительно небольшой степени подвергались расхищению и почему после великой Октябрьской Социалистической революции кладоискательство опять резко сократилось.

В сравнении с этим массовым уничтожением памятников древности собственно научное их исследование в дореволюционное время производилось вообще на Кавказе в относительно небольших, а в пределах Кабардино-Балкарии даже в более чем скромных размерах.

За весь период до 1917 г. можно указать только очень небольшое число археологических работ, проведенных на территории Республики; притом исследовались исключительно древние могильные памятники и отчасти сохранившиеся позднейшие наземные архитектурные сооружения.

В числе первых таких работ следует указать на раскопки проф. В. Б. Антоновича в районе станиц Прохладной и Солдатской, где им в 1879 г. был раскопан в общей сложности 21 курган, из них 18 позднесредневековых и 2 кургана II тысячелетия до н. э. [3]. Работы эти составили часть обширных исследований, выполнявшихся на Кавказе для V Археологического съезда в Тифлисе (1881).

¹ Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1897/252. Частично Вырубов и сам занимался раскопками [см. 8].

² Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1892/25

Вскоре после Тифлисского съезда состоялась экспедиция Московского археологического общества в Терскую область под руководством проф. В. Ф. Миллера. Экспедиция эта в 1883 и 1886 гг. занималась, в ряду прочих своих заданий, изучением археологических памятников Балкарии. В 1883 г. была совершена поездка В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского по маршруту Нальчик — Хулам — Чегем — Былым [45]. Во время этой поездки изучались наземные памятники (башни, склепы), а также описывались могильники, причем в некоторых были произведены и небольшие раскопки (5 могил в Чегеме, 2 склепа в Былыме). В 1886 г. поездку в Балкарское ущелье совершили сотрудники В. Ф. Миллера — Н. Н. Харузин и З. П. Тулинцев. Ими также раскопано 3 погребения в Зильги и в Шканы, а наряду с этим собирались находки у местного населения и изучались наземные архитектурные памятники [61].

Обстоятельное описание результатов работы экспедиции, изданное В. Ф. Миллером, до последнего времени являлось наиболее полным и важным источником для ознакомления с археологическими памятниками Балкарии [43, стр. 70—123].

Краткое изложение этой работы см. 56, стр. 343—346].

Результаты других исследований дореволюционного времени были опубликованы только в форме отчетов, без всяких попыток осветить значение изученных памятников в исторической перспективе. Среди этих работ следует прежде всего упомянуть о разведках и раскопках преподавателя Владикавказского реального училища В. И. Долбежева, в течение более 20 лет занимавшегося археологией в Терской области (1881—1903), в том числе и территории Кабардино-Балкарии.

После поездки 1883 г. в Безенги и Чегем, о которой у нас не сохранилось сведений, Долбежев в 1888 г. работал в районе сел. Заюково (б. Атажукино I) на Баксане, где он раскопал целый ряд могил и небольших курганов и обследовал позднейшие кабардинские склеповые сооружения и памятники [47а, стр. 290—299].¹

Часть собранных Долбежевым во время этих двух поездок материалов из Безенги, с Чегема и с Баксана была им передана в Берлин профессору Вирхову и последним опубликована [74].

Затем в 1893 г. В. И. Долбежев вновь производил обследования в разных местах Кабарды и Балкарии и безуспешно искал греческие надписи у сел. Заюково, в районе Хулама и в Балкарском ущелье. Кроме того, вблизи сел. Старый Урух (б. Хату Анзорова) на ручье Ше-

кер им раскопано два кургана [47б].² В 1898 г. им же производились исследования в восточной части Малой Кабарды и в соседних местностях нынешней Ингуши; у селений Нижний Курп и Верхний Курп раскопано 3 могилы [47г, стр. 156—160].³

Весьма интересные работы в 1896—1898 гг. производились художником И. А. Владимировым, оставившим обстоятельные отчеты о своих работах [47в, стр. 43—46 и 138—145; 47г, стр. 51—53 и 124—140].³ За эти три года им было раскопано в районе Нальчика в разных местах 2 небольших кургана II тысячелетия до н. э., 16 гробниц в большом могильнике VI—VIII вв. н. э. (последние в урочище Песчанка, в верхнем течении р. Нальчик) и 13 курганов позднего средневековья, XIV—XVI вв. По Черёку им раскопано 2 средневековых кургана у Кашкатау и 6 могил, тоже позднего средневековья, в Зильги в Балкарском ущелье. На Чегеме исследовано 5 курганов того же возраста близ сел. Чегем II (б. Куденетово II) и 1 могила в верховьях Чегема, раннесредневековая. Примерно к VI—VIII вв. относятся также раскопанные на Баксане у селений Былым (б. Озроково) и Гижгит в разных местах 4 гробницы. Тут же близ Гижгита им исследовались остатки старых построек, причем было раскопано 2 комнаты. К сожалению, и эти работы Владимирова, наиболее обширные из всех проводившихся в дореволюционное время в Нальчикском округе раскопок, не были связаны с систематическими поисками древних поселений.

Наряду с работами центрального дореволюционного археологического учреждения — б. Археологической комиссии (работы В. И. Долбежева и И. А. Владимирова) — можно указать только отдельные небольшие исследования и сборы работников других учреждений; о большинстве этих исследований сколько-нибудь полных отчетов не осталось.

Прежде всего следует упомянуть о работах Московского археологического общества, последовавших за экспедицией общества 1883 и 1886 гг.

Так, П. С. Уварова в 1888 г. раскопала 5 позднесредневековых курганов близ сел. Хату Анзорова (Старый Урух), на левом берегу Шекера [55, стр. 80], там же, где в 1893 г. копал В. И. Долбежев.

В 1892 г. по поручению общества на Баксане, Чегеме и Черёке был Г. И. Куликовский, о поездке которого однако сохранилась только краткая заметка [5]. В 1897 г. археологические разведки на Баксане и, повидимому, на Черёке производил В. М. Сысоев, отчет кото-

¹ См. также: Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1893/74.

² См. также: Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1898/45.

³ См. также: Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дела 1896/215 и 1898/40.

¹ См. также: Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1888/12.

рого также Обществом опубликован не был [106].

Наряду с этими предприятиями, некоторые исследования производились и местными работниками. Здесь можно упомянуть раскопку Н. В. Кирилловым в 1886 г. одного древнего кургана на р. Шалушке [10а].

В 1891 г. уже упоминавшийся начальник Нальчикского округа Вырубов копал древние погребения в Балкарском ущелье у сел. Зильги [8].

Начиная с 1902 г. вплоть до начала империалистической войны, почти ежегодно производил раскопки курганов в б. Пятигорском округе В. Р. Апухтин. Неоднократно работы им велись и в пределах Нальчикского округа, по видимому, главным образом в бассейне Малки. К сожалению, отчетов Апухтина почти никаких не сохранилось, а собранная им весьма ценная коллекция оказалась утраченной, за исключением очень небольшой обезличенной части, поступившей в Пятигорский музей (ср. [26]: находки из Бабукова на Малке).

После 1906 г. в пределах Нальчикского округа производил раскопки, а также и покупал находки В. А. Скиндер, о работах которого в этом районе не сохранилось ничего, кроме поступившей в Пятигорский музей его коллекции.

Лучше мы осведомлены о работах Терского статистического комитета, в лице М. А. Караулова производившего в 1912 г. раскопку 7 кабардинских курганов XIV—XV вв. близ колонии Эбенецер [24в; 53].

В следующем 1913 г. небольшие археологические работы были проведены Терским областным музеем (во Владикавказе). В частности Г. А. Вертеповым и П. П. Распоповым велись раскопки на Баксане в районе Былыма, Гижгита и ниже Нижнего Баксана (б. Куркужана), где ими было раскопано 5 склепов эпохи раннего средневековья, содержавших костяки с деформированными черепами [24г; 50; 62].

В 1913—1915 гг. небольшие обследования и сборы в окрестностях Нальчика произвел преподаватель С. И. Покровский [47д, стр. 209].¹

Приведенный перечень по существу исчерпывает дореволюционные археологические работы. Его можно было бы дополнить указанием на ряд собранных разными лицами и переданных научным учреждениям коллекций и случайных находок (поступившая в б. Геологический комитет, а затем в Эрмитаж коллекция В. П. Ренгартена, ряд коллекций, переданных в Терский — ныне Осетинский — и Ставропольский — ныне Ворошиловский — музей и др.

Из работ, не носивших специально археологического характера, наибольший интерес представляет подробный отчет В. Тепцова о совер-

шенной им в конце 80-х годов прошлого века поездке из Карачая в Верхний Баксан, затем вниз по Баксану до Былыма, оттуда на Чегем и в Безенги, во время которой весьма внимательно и обстоятельно отмечались все встреченные памятники древности [52].

Приведенных нами сведений достаточно для выяснения характера дореволюционных археологических работ в Кабардино-Балкарии. Их основной типичной чертой являлось, как и во всей археологии старой России, исключительное внимание к древним могилам, дающим обильный вещественный инвентарь, представляющий к тому же нередко довольно значительную ценность в художественном и просто в материальном отношении (изделия из драгоценных металлов). В то же время вопрос об изучении древних поселений, являющихся наиболее важным и ценным источником для понимания экономики и социальной структуры общества прошлых эпох, даже и не ставился.

Второй чертой, типичной для дореволюционных археологических исследований в крае, является их распыленность и случайность. В результате, за сорок лет не было проведено ни одной систематической, по определенному плану задуманной работы; единственным исключением в этом отношении можно считать разве только экспедицию В. Ф. Миллера. Не было никакого учреждения, которое поставило бы своей задачей планомерное изучение данного района в археологическом отношении.

В результате случайности исследований, проводившихся при одновременном массовом разрушении и уничтожении памятников древности в целях грабежа и наживы, мы к моменту революции по территории Кабарды и Балкарии располагали хотя и большим, но ни в какой мере научно не проработанным материалом, разбросанным по целому ряду музеев как русских, так и зарубежных. Главнейшие из них: Эрмитаж в Ленинграде, Исторический музей в Москве, Кавказский музей в Тбилиси, Терский в Орджоникидзе (б. Владикавказ), Музей Северного Кавказа в Ворошиловске (б. Ставрополь), а также музеи Берлина и Будапешта.

В годы империалистической и гражданской войн изучение археологических памятников в рассматриваемых нами районах, как и на всем Северном Кавказе, приостановилось. Однако с организацией Кабардино-Балкарской автономной области и с началом восстановительного периода работы возобновились уже в новых условиях. Эти новые условия характеризовались прежде всего переходом всех исследований в руки правительственных учреждений, а с другой стороны, уничтожением частного рынка древностей, в связи с чем приостановились грабительские раскопки памятников.

Важнейшим шагом в деле организации археологического изучения области явилось открытие в 1921 г. областного музея в Нальчике. Заведующим новым учреждением был назначен

¹ См. также: Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дела 1913/215, 1914/5, 1915/192.

М. И. Ермоленко, еще в довоенное время доставлявший собиравшиеся им находки в Ставропольский и Терский музеи [13; 14; 15].

В течение немногих лет удалось сосредоточить в Нальчикском музее весьма значительные археологические коллекции (к 1928 г. они насчитывали уже 5960 номеров), добытые во время многочисленных поездок по области, а также поступившие от отдельных лиц и правительственных учреждений. В течение нескольких лет (1922—1925) музей производил также раскопки, исследовав за 4 года 76 курганов [17; 19]. К сожалению, об этих раскопках мы не имеем почти никаких сведений, кроме указаний музейного инвентаря о месте и времени работы. Совершенно ясно, что, благодаря такой неполноте документации, материал из этих довольно обширных раскопок далеко не обладает той научной значимостью, которую он имел бы при наличии всех сведений об условиях находки предметов, при сохранении костей погребенных покойников, костей животных и тому подобных остатков. Однако, невзирая на эту неполноценность добытого раскопками материала, нальчикское собрание все же, благодаря систематической фиксации сведений о происхождении всех доставленных в музей или собранных музеем памятников, уже является в настоящее время наиболее крупным и ценным собранием древностей, происходящих с территории Кабарды и Балкарии.

В качестве заслуги М. И. Ермоленко следует указать, что им первым было обращено внимание и на древние поселения области, значительное число которых им было осмотрено [см. напр. 18]. В 1929 г. им же произведены были раскопки на наиболее древнем из известных нам сейчас неолитическом поселении в окрестностях Нальчика [20].

Если музей до сих пор в основном являлся центром собирания вещественного материала, то работы исследовательского характера после Великой Октябрьской социалистической революции в Кабардино-Балкарии проводились экспедициями Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в Ленинграде (ГАИМК), созданной взамен дореволюционной Археологической комиссии. Академия с 1923 г. начала работу на Северном Кавказе, организовав для этой цели Северо-Кавказскую экспедицию под руководством А. А. Миллера. В задачу экспедиции с самого начала входило изучение последовательных этапов исторического развития местного населения, опираясь прежде всего на древние поселения. Перед экспедицией, таким образом, стояли вопросы исторического порядка, чуждые дореволюционной археологии, но определившие собой весь характер новых исследований [39].

В 1924 г. экспедиция впервые вела работы в Кабардино-Балкарии. В этом году были проведены разведки древних поселений в районе

Нальчика и совершена поездка в Балкарское ущелье для изучения главным образом архитектурных памятников. На ряду с этим были изучены собрания Нальчикского музея [36, стр. 73—83].

Во второй раз экспедиция вернулась к Нальчикскому району в 1929 г. и затем вела здесь работы в 1930, 1932 и 1933 гг. В течение этих четырех лет работы экспедиции протекали в трех направлениях. Во-первых, собирался и изучался весь материал по прежним археологическим работам в области, и в частности изучались собрания Нальчикского музея. Во-вторых, велись работы стационарного типа в ближайших окрестностях Нальчика, имевшие целью изучить главным образом наиболее ранние памятники неолита и медного века.

Здесь были проведены раскопки древнейшего могильника на участке новой больницы, начатые еще в 1923 г. музеем. В 1929 и 1930 гг. на этом могильнике («Курган № 1») было раскопано более сотни погребений, давших в общей сложности довольно значительный материал для характеристики соответствующей стадии.¹ Кроме этого могильника экспедицией близ Нальчика было исследовано еще три кургана более поздней стадии родового общества (II тысячелетие до н. э.)² и два кургана XIV—XV вв. н. э.³ Важнейшей работой экспедиции в этом районе явились поиски и обследование древних поселений. В этом направлении было осмотрено, зафиксировано на карте, охарактеризовано глазомерной съемкой и подъемным материалом довольно большое число древних укрепленных и неукрепленных поселений по рекам Нальчику, Кенже и Шалушке, относящихся к ряду этапов исторического развития—от времени медного века и до средних веков. На двух наиболее древних из числа этих поселений велись и раскопочные работы: более значительные на поселении у хутора Долинского в 3 км выше Нальчика (1932 и 1933)⁴ и небольшие на так называемом Агубековском поселении западнее Нальчика, уже изучавшемся в 1929 г. М. И. Ермоленко (1932 и 1933 гг.).⁵

Третьим направлением работ явились разведочные обследования, предпринимавшиеся с целью расширения изучавшегося экспедицией района как в сторону степи, так и в сторону гор. Работы эти проводились пишущим эти строки. В 1929 г. они велись вне границ Республики в районе Пятигорья, а также на Золке и на Малке от сел. Малка до сел. Псухурей, а в 1930 г. небольшие разведки проведены на Баксане от Кызбуруна I до Баксаненка.

¹ См. ниже статью А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, стр. 67.

² См. ниже статью Б. Е. Деген-Ковалевского, стр. 213.

³ См. ниже статью А. В. Мачинского, стр. 319.

⁴ См. ниже статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 147.

⁵ См. ниже статью Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова, стр. 51.

В 1933 г. этой работе было придано особое направление в связи с наметившейся возможностью специального изучения вопроса о древнем горном, металлургическом и металлообрабатывающем производстве на Северном Кавказе. В план разведки, выполненной по заданию местных организаций, было включено изучение не только древних поселений и других археологических памятников, но прежде всего сохранившихся следов древнего горного дела и металлургии. Разведки, охватившие Баксанское ущелье выше Былыма и Чегемское выше Актотрака, дали материал, значительно дополнивший ранее известную картину в обоих направлениях. Таким образом, экспедиция впервые включила в свой общий план также и частную тему по истории отдельного производства, разработка которой возможна только в тесной связи с общим археологическим изучением края и на его основе.

Работы экспедиции пока были опубликованы только в виде кратких отчетов, относящихся лишь к 1924, 1929 и 1932 гг. [36, 37, 39, 40]. Более полные материалы о работе экспедиции помещены в настоящем издании, представляющем первую попытку некоторой общей сводки по археологии Кабардино-Балкарии. Однако и после опубликования этих материалов необходимо прийти к выводу, что начатые с новыми установками, в плане постановки и разрешения определенных исторических проблем, работы 1929—1933 гг. могли только наметить пути к их разрешению. Весь масштаб работ, как в части охвата территории, так и по изучавшемуся преимущественно отрезку исторического прошлого, был слишком мал. При таком масштабе, диктовавшемся материальными возможностями экспедиции, остается еще провести довольно значительные и длительные работы, чтобы получить в некоторой степени законченное представление об историческом прошлом Республики.

Кроме указанных работ Северо-Кавказской экспедиции некоторое расширение археологических исследований было достигнуто также и путем организации Академией истории материальной культуры охранных работ в зоне реки Баксан. В 1933 г. специальный отряд (во главе с Б. Е. Деген-Ковалевским) провел обследование зоны строительства в районе селений Заюково и Кызбурун I и произвел небольшие раскопочные работы на поселении VI—VIII вв. н. э. и на могильнике позднего средневековья в Заюкове [9]. В 1934 г. работы эти были продолжены А. А. Иессеном, причем обследованный участок был расширен на правый берег Баксана и вверх в сторону Гунделена, а раскопке в Заюкове, кроме того же поселения VI—VIII вв. и другого позднего могильника, были подвергнуты два кургана II тысячелетия до н. э. [22].

Таким образом, за последние 20 лет дело изучения археологических памятников Кабар-

дино-Балкарии пошло по новому пути. Прежде всего были начаты исследования, имеющие перед собой в перспективе освещение конкретного исторического процесса, протекавшего на данной территории. С другой стороны, был создан местный центр собирания археологического материала в виде Нальчикского музея, благодаря чему значительная часть случайных находок, ранее уничтожавшихся или расходящихся по рукам, стала концентрироваться в одном месте.

Не останавливаясь пока на достигнутых на сегодняшний день результатах изучения собранных материалов, отметим в данной связи современное состояние музея. Со времени перехода к реконструктивному периоду в Кабардино-Балкарии развилось крупное строительство, а также значительно расширены полевые площади, что связано с многочисленными нарушениями поверхности почвы, скрывающей могилы и другие памятники древности. Количество случайных находок в Республике благодаря этому значительно возросло и в очень большой степени превышает ту их часть, которая передается в музей. Последний, однако, не имея необходимого штата, пока не располагал возможностями ни для организации эффективного наблюдения за новыми находками, ни для ведения достаточно широкой разъяснительной работы среди рабочих, колхозников, работников сельсоветов и учителя. Отсутствие в музее специалистов-археологов привело, с другой стороны, к тому, что и имеющиеся в музее ценнейшие археологические материалы на месте не обрабатывались.

Музей, являющийся сейчас в части археологии наиболее богатым и интересным среди музеев всех национальных республик и областей Северного Кавказа, должен быть поднят на соответствующую высоту с тем, чтобы в дальнейшем дело археологического изучения Республики он мог вести своими силами.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ ПО СТАДИЯМ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Мы проследили в кратких чертах постепенное развитие археологических исследований на территории Кабардино-Балкарии. Теперь необходимо отдать себе отчет в том, чего же достигли все эти исследования, каковы их результаты, какие вопросы ими разрешены и что остается сделать в дальнейшем.

Нужно сказать, что несмотря на отсутствие в прошлом планомерного и систематического изучения памятников рассматриваемой нами территории, мы сейчас все же можем дать некоторую историческую характеристику ряда пройденных этапов развития. Возможность эта в очень значительной мере обусловлена работами последних лет — экспедицией Академии

истории материальной культуры и наличием значительного собрания Нальчикского музея.

Прежде всего следует отметить, что известные нам сейчас памятники охватывают далеко не весь период жизни человека в пределах данной территории. Мы не имеем пока ни одного указания на присутствие здесь остатков человека наиболее ранних и длительных периодов его существования. Остатков древнего каменного века, палеолита, как и более поздних периодов, отвечающих мезолиту или раннему неолиту археологической классификации, мы пока не знаем. Между тем ряд обстоятельств, как наличие многочисленных пещер и вся местная природная обстановка в четвертичную эпоху, позволяет думать, что здесь, в удобных для обитания районах предгорий, вполне мог жить и палеолитический человек. Открытие многочисленных палеолитических стоянок на южном склоне Кавказского хребта, от Имеретии до Абхазии, и наличие Ильской стоянки на северном склоне только подкрепляют это предположение. Поиски таких стоянок как пещерного, так и открытого типа могут быть затруднены глубоким залеганием культурного слоя под позднейшими пещерными или наносными отложениями. Тем больше внимания при будущих археологических работах необходимо уделять обследованию соответствующих мест, так как обнаружение хотя бы одной древней стоянки и выяснение геологических условий ее залегания несомненно позволит с гораздо большей уверенностью продолжать эту работу.

Следующий период в истории первобытного общества, эпоха расцвета и затем упадка родовой организации, представлена в известных нам сейчас памятниках весьма обильными остатками. К сожалению, значительное большинство имеющихся материалов, в том числе входящие в собрание Нальчикского музея, недостаточно документировано; кроме того, изучались почти исключительно могильные памятники этого времени, дающие, как известно, одностороннее и часто искаженное изображение современного им уровня экономики и социального строя, так как в погребальном обряде сохранялись пережиточные черты, относящиеся к более древним, уже пройденным этапам развития. В изучении поселений родового общества сделаны только первые шаги (упомянутые раскопки двух поселений около Нальчика). При этом следует отметить, что такие поселения в других районах Северного Кавказа не изучались еще нигде.¹

Несмотря на такое неудовлетворительное состояние источников, все же в результате работ последних лет наметилась возможность расчленения всего относящегося к эпохе родо-

вого общества материала на несколько групп, соответствующих последовательным стадиям исторического развития.¹

Первая стадия

Наиболее ранняя из этих стадий (I стадия) представлена упомянутым выше Агубековским поселением около Нальчика, обследованным Нальчикским музеем в 1923—1929 гг. и экспедицией ГАИМК в 1932 и 1933 гг. К тому же или близкому времени относится и древний могильник (курган № 1) на участке новой больницы в Нальчике, изучавшийся теми же организациями.² Сюда же следует относить некоторые отдельные находки, среди которых одной из наиболее древних является кремневый топор с полированной рабочей частью из сел. Малка (Ашабово) в Нальчикском музее (рис. 2, 1).

Для характеристики экономики этой стадии мы пока располагаем довольно малочисленными, но очень показательными наблюдениями. Здесь прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие костей домашних животных при довольно большом количестве остатков животных диких, что по всей вероятности можно истолковать как указание на значительную роль охоты и на отсутствие скотоводства. Убедительных свидетельств в пользу земледелия мы также пока не имеем; встреченные на Агубековском поселении каменные терки говорят скорее всего об использовании в порядке собирательства разного рода растительных материалов, как желудей, орехов и т. п.

Вещественный инвентарь могильника характеризуется наличием кремневых изделий и отсутствием металла. На поселении преобладают отщепы обсидиана; кроме того, здесь найдены несверленные каменные топоры и плоские каменные долотца, а также сверленная каменная булава. Керамические изделия в могильнике почти отсутствуют; в поселении они более многочисленны; отличаются они примитивной техникой. Наконец могильник дал ряд образцов художественного производства в виде женской статуэтки и целой серии ручных и ножных браслетов из мергеля и в виде костяной пластинки с вырезанным изображением змей. Фрагмент глиняной статуэтки найден и на поселении.

Таким образом по характеру вещественного материала памятники этой стадии по археологической классификации должны быть отнесе-

¹ Характеристика первых трех стадий в последующем изложении основана на работах Северо-Кавказской экспедиции Академии и впервые изложена А. А. Миллером в „Проблемах истории материальной культуры“ [40].

² См. ниже статью Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова (стр. 51—66) и статью А. П. Круглова, Б. Б. Пятровского и Г. В. Подгаецкого, стр. 67—146.

¹ Только в 1939 г. начато исследование ранних поселений медно-бронзового века в Дагестане. См. А. П. Круглов. Краткие Сообщения ИИМК, V, 1940, стр. 66—67.

ны еще к неолиту. Однако наличие в одной из могил медного колечка и близость погребального обряда (скорченные погребения, окрашенные красной краской) к господствующему в последующее время, свидетельствует о принадлежности рассматриваемой группы к самому рубежу палео-металлического времени или медного века.

Находка в более поздней могиле № 31 бус из стекловидной массы позволяет говорить о проникновении в местную среду изделий из других районов, более продвинувшихся по пути культурного развития, скорее всего из Закавказья или из еще более южных областей, так как местного производства подобных изделий на Северном Кавказе мы не знаем и на следующих этапах.

О социальной организации общества этого времени мы пока имеем только первоначальные данные. Следует отметить однородный и массовый характер могильника, не дающий осно-

вания для выделения в нем различных групп погребений, отвечающих имущественной дифференциации населения. Таким образом перед нами кладбище небольшой, недифференцированной в экономическом отношении родовой группы, несомненно здесь же в непосредственной близости проживавшей. Другой такой же группе отвечало, вероятно, исследованное поселение западнее Нальчика. Предположительно можно говорить о матриархальной организации этих родовых групп.

Дальнейшее накопление археологических материалов должно будет разрешить вопрос о хронологическом соотношении Нальчикского могильника и поселения; вероятно, что они, относясь в общем к одной стадии, все же не одновременны (могильник моложе поселения).

Для определения абсолютной хронологической даты всей первой стадии в целом пока еще нет никаких прочных оснований. Суверенностью можно утверждать только то, что ста-

Таблица 1

Дата (до н. э.)	Стадии	Поселения в Кабардино-Балкарии	Могильные памятники в Кабардино-Балкарии	Памятники соседних территорий
Не позднее III тысячелетия	I стадия	Агубековское поселение	Нальчикский могильник (курган № 1)	Мариупольский могильник
Ок. 2000 г.	II стадия	Долинское поселение, ранний комплекс	Курганы в „садках“ у Нальчика, раск. 1922 и 1928 гг.	Майкопский курган и его группа
		Долинское поселение, поздний комплекс	Соломенский курган у Нальчика, 1926 г.	Курганы Новосвободной (б. Царской) станицы
			Курганы II стадии — основная группа (напр. Нальчик — Кабардинский парк, „садки“ и мн. др.)	Курганы „среднекубанской“ группы (по А. В. Шмидту)
			Курганы II стадии — поздняя группа (напр. Нальчик — Советская дача, 1929; стрельбище 1935 и 1936)	Могильник в Нижней Кобани
Ок. 1000 г.	III стадия	Ряд поселений по Малке, Баксану, Нальчику и т. д.	Ряд курганов и могильников (Нальчик — стрельбище, Заюково, Гижгит, Каменноостское и др.)	Могильник в В. Кобани
Ок. 600 г.	„Скифский“ период	То же	Каменноостский могильник, группа VII—VI вв. и др.	Кисловодский могильник VIII—VI вв. Моздокский могильник VII—VI вв. Келермесские курганы VI в.
До 200 г.			Курганы скифского типа Нальчикского района	Кубанские курганы V—III вв.

дия эта безусловно относится ко времени, предшествующему II тысячелетию до н. э. Хронологические соотношения памятников этой и следующих стадий могут быть изображены в виде приведенной на стр. 16 табл. 1.

Вторая стадия

Следующая, II стадия представлена многочисленными курганами, случайными находками и рядом древних поселений, в числе которых находится и исследованное в 1932 и 1933 гг. поселение у Долинской.¹ Здесь можно отметить несомненное наличие земледелия (зерно-терки, вкладыши от серпов) и домашнего скота, причем ведущую роль в хозяйстве повидимому играло земледелие. Жилища на Долинской стоянке расположены редко; сооружались они из обмазанного глиной плетня и внутри заключали очажные ямы. Повидимому рядом с жилищами находились возделываемые участки, на что указывает характер перекопанного в древности почвенного слоя. Остатков искусственных оборонительных сооружений не найдено. К сожалению, раскопан до сих пор только незначительный участок этой стоянки, заслуживающей исследования в более крупном масштабе благодаря хорошей сохранности культурных остатков, залегающих близко к поверхности и до нашего времени не потревоженных человеком.

Ряд поселений этого времени известен нам в предгорной полосе, напр. западнее Лечинкая на Чегеме и в районе Заюкова на Баксане (рис. 2, 2). Дальнейшие разведочные работы несомненно значительно увеличат их число, так как курганные погребения и случайные находки предметов этого времени известны и в степной части области, а в отдельных случаях и в высокогорной полосе сел. Верхний Чегем, Нижний Чегем и др. (табл. 1).

Для изготовления орудий и оружия отчасти еще применяется камень; мы имеем кремневые отщепы и наконечники стрел, а также полированные каменные орудия, особенно рабочие топоры и сверленные боевые топоры. Однако наряду с камнем распространение получают медные орудия: топоры, кинжалы и др. Кроме орудий из меди, все шире распространяются медные украшения вроде булавок, различного рода бус, подвесок, блях. Изготовление этих изделий из меди было широко распространено на северном склоне Кавказа; местные очаги этого производства существовали также и на территории Кабардино-Балкарии. Неясным пока остается вопрос о местах добычи необходимого металла; во всяком случае совершенно отрицать его добычу в пределах территории Республики мы не имеем оснований [23, стр. 92 слл.].

Погребения этой стадии, в первой половине периода обычно скорченные и окрашенные красной охрой, в последующее время вытянутые, известны в довольно большом числе. Могилы чаще всего находятся под более или менее значительной курганной насыпью. Можно полагать, что в Кабарде именно к этой стадии относятся многие из наиболее крупных курганов, до сих пор никем не исследованных; путем раскопок такое положение установлено, напр., в предгорной полосе Закубанья.

Курганы этого периода в пределах Республики раскапывались в довольно значительном числе, однако о наибольшей их части нет достаточно полных сведений.¹ Во всяком случае известные на сегодня материалы позволяют связать их с соответствующими курганами других районов Северного Кавказа и наметить среди них определенное членение на несколько хронологических групп.

Такое же расчленение на две хронологические, следовавшие одна за другой, группы можно теперь провести и в отношении находок на Долинском поселении, причем эти группы по некоторым признакам могут быть связаны с группами погребальных комплексов как в районе Кабарды, так и в более удаленных частях Северного Кавказа. В целом рассматриваемая стадия охватывает несомненно весьма значительный промежуток времени. Наиболее ранние ее комплексы, как ранний комплекс Долинского поселения и некоторые погребения Нальчикского района (курганы в «садках» 1922 и 1928 гг.; рис. 2, 3—6), соответствуют примерно группе известного Майкопского кургана, исследованного Н. И. Веселовским в 1897 г; более поздний комплекс Долинского поселения и некоторые курганы соответствуют курганам у станицы Новосвободной (б. Царской) в Майкопском районе, в то время как наибольшая часть курганных погребений, в том числе и 3 кургана, исследованные Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК в Нальчике, падают на еще более позднее время и соответствуют курганам, известным в районе Пятигорска и Кисловодска (раскопки Д. Я. Самоквасова) и в Прикубанье.

Для определения абсолютной хронологии всей этой стадии на Северном Кавказе мы не располагаем достаточно полными данными, и вопрос этот пока не разработан. Для общей ориентировки можно привести следующие соображения: начальный период (группа Майкопского кургана, а следовательно, повидимому, и ранний комплекс Долинского поселения) на основании сопоставлений с памятниками других районов скорее всего должен быть отнесен примерно к рубежу III—II тысячелетий до н. э. С другой стороны, начало рассматриваемой ниже III стадии во всяком случае не может быть

¹ См. ниже статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 147.

¹ См. ниже статью Б. Е. Деген-Ковалевского, стр. 213, а также работу А. Иессена [22].

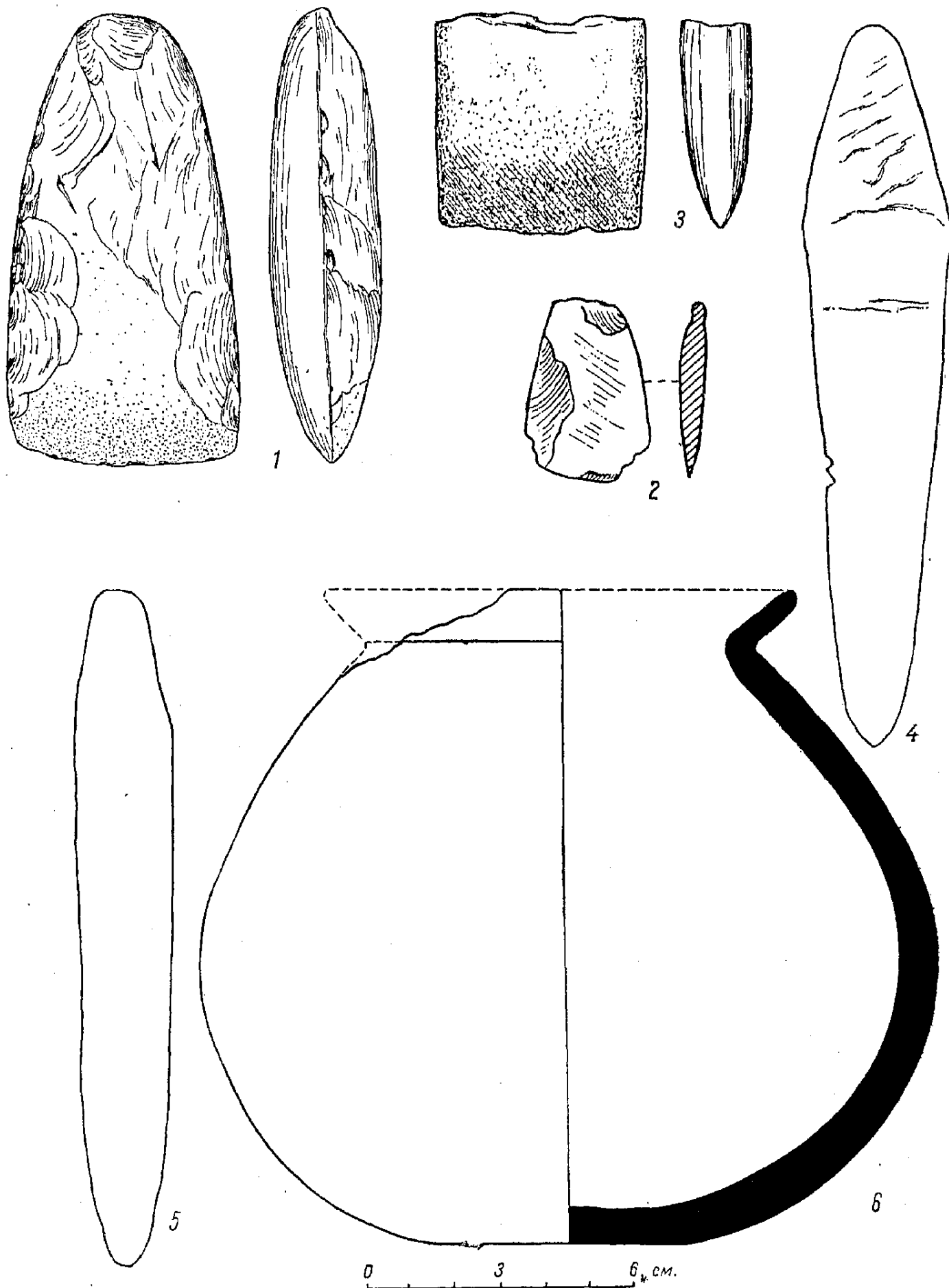

Рис. 2. Находки в Кабарде.

1 — кремневый топор из сел. Малка; 2 — змеиное долото с правобережного городища у Заюкова; 3 и 4 — обломок каменного клина и медный нож из кургана в „садках“ в Нальчике (№№ 107 и 108 — 1928 г.); 5 и 6 — медный нож и глиняный горшок из кургана в „садках“ (№№ 80—81/22). 1, 3, 4, 5 и 6 — из собрания Нальчикского музея; 2 — из сборов Баксанской экспедиции ГАИМК 1934 г.

относимо ко времени более раннему, чем самый конец II тысячелетия до н. э. Таким образом для II стадии в целом, включая все намечающиеся в ней хронологические подразделения, датировка определится приблизительно от конца III до конца II тысячелетия до н. э., или, более грубо, как II тысячелетие до н. э.

Несомненно, что дальнейшее накопление точных наблюдений, особенно по древним поселениям, позволит уточнить наши представления

мнения патриархальной организации уже на этой II стадии.

Третья стадия

III стадия, стадия северокавказского «бронзового века» в собственном смысле слова, падает на самый конец II и на начало I тысячелетия до н. э. К этому или даже к более позднему времени относится несколько древних

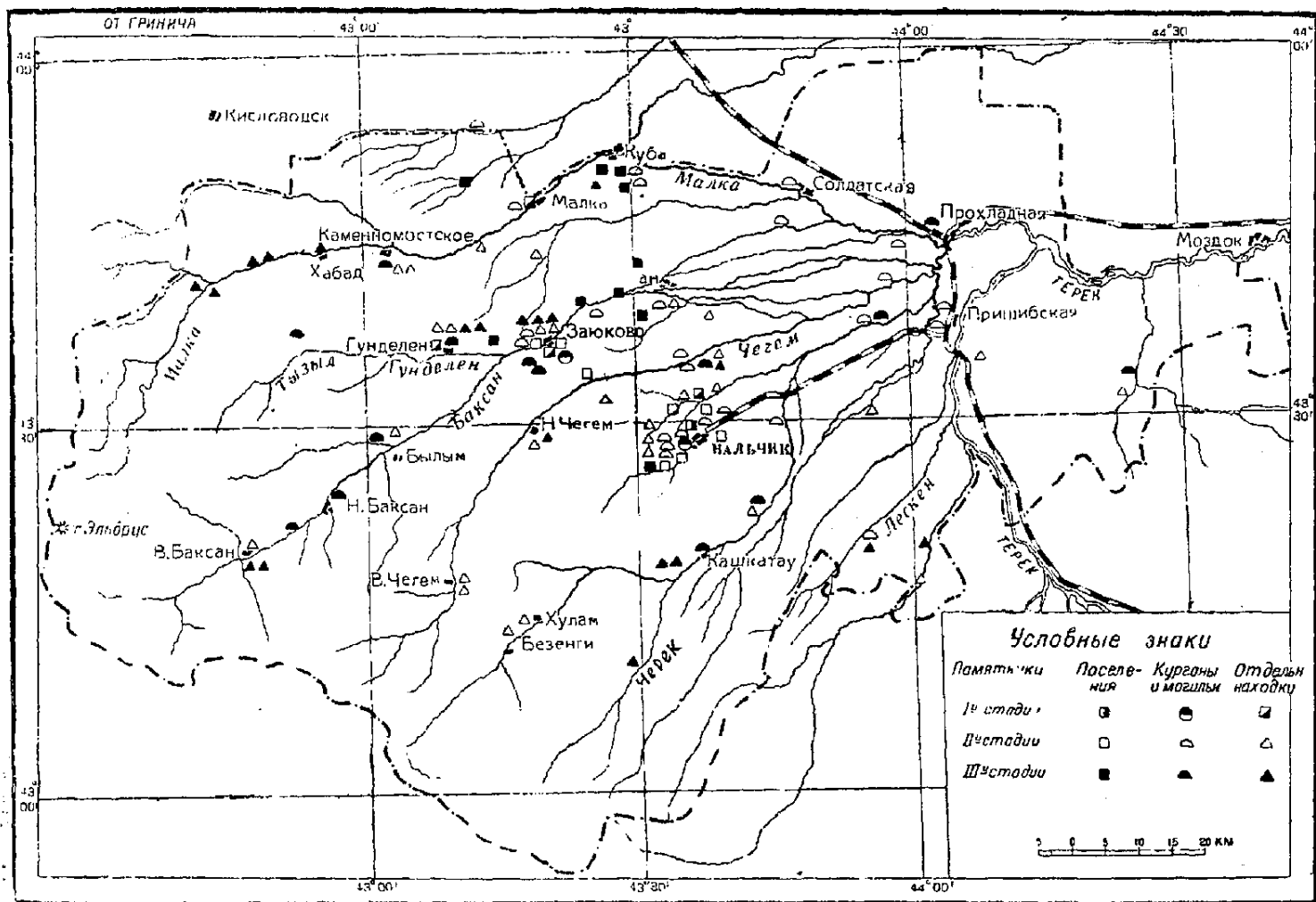

Рис. 3. Распространение памятников эпохи родового общества (I—III стадий) в Кабардино-Балкарии.

о продолжительности этой II стадии, а также и об ее абсолютной датировке.

В отношении социальной организации общества II стадии в районе Кабардино-Балкарии у нас также пока еще нет достаточных сведений, что опять-таки вызвано малочисленностью точно изученных памятников, особенно поселений. На основании данных и исследований Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК можно суммарно характеризовать стадию как переходную от материнского рода к патриархальной организации. В основном это мнение основывается на наблюдениях над могильным инвентарем; однако, принимая во внимание отставание погребальных обрядов, сохранение в них черт, характеризующих более ранние стадии, следует эту характеристику считать сугубо предварительной, допуская возможность оформ-

поселений в предгорной, а также и в степной полосе (Волчьи ворота на р. Нальчик; район Кызбуруна III, Заюкова, Баксана, Кубы). Ни одно из этих поселений пока не изучено, как не изучены они и в соседних областях. Характеристика этих поселений пока возможна только на основании подъемного материала, давшего преимущественно обломки глиняной посуды, по своим формам и орнаментации позволяющие связать их с соответствующими им по времени могилами. Курганы (Чегем и другие местности в Кабарде) и могильники этой стадии (Заюково, Гижгит и др.) известны в Кабардино-Балкарии также пока в небольшом числе; больше имеется случайных находок, причем распространение их прослежено в горы до Верхнего Баксана и до Верхнего Чегема (Нальчикский музей; ср. карту рис. 3).

Данных для хозяйственной и социальной характеристики этой стадии мы пока имеем далеко недостаточно, так как специальных работ по изучению ее памятников за последние годы на Северном Кавказе вообще не проводилось. Старые же работы дали хотя и многочисленный, но неполноценный в научном отношении материал. Больше всего его накоплено в северной Осетии, где к этой стадии относится известный могильник в Верхней Кобани и значительное число одновременных ему погребений в других местах (табл. II).

Весь характер памятников этого периода позволяет определить его как стадию полного господства патриархально-семейной организации. На основании распространения находок мы можем предполагать, что именно на этой стадии происходит окончательное хозяйственное освоение высокогорной полосы и овладение горными пастбищами, связанное со значительным развитием скотоводства с сезонными перекочевками, о чем между прочим говорит обилие изображений домашних животных. В это же время интенсивное развитие скотоводства имеет место и во всей степной полосе восточной Европы, где оно несколько позже приводит к оформлению «скифского» типа общества скотоводов. Каковы движущие силы этого процесса на Северном Кавказе и в частности в рассматриваемом районе, пока сказать трудно. Дальнейшие исследования в этом направлении должны будут разрешить как этот, так и целый ряд других вопросов. К числу этих последних принадлежит вопрос о характере заселения горной полосы (постоянного или сезонного, связанного с пастбищным хозяйством, типа), о роли земледелия в предгорной полосе (в соседних областях — Пятигорье, Закубанье — мы имеем указания на сохраняющееся значение земледелия в предгорьях) и др. Совершенно ясно, что без изучения поселений данной стадии разрешение этих вопросов будет невозможным.

Среди вещественных памятников этого времени на первом месте стоят многочисленные прекрасно сделанные изделия из бронзы. Среди них мы имеем топоры, кинжалы, наконечники копий, разнообразные украшения, в том числе особенно характерные застежки-фибулы; впервые появляются конские удила из бронзы, свидетельствующие об овладении конем как средством передвижения, и много других предметов. Все эти предметы изготовлены из сплава меди с оловом (в среднем около 10% олова) и по своим типам тождественны с такими же предметами, распространенными на Северном Кавказе от Дагестана до района Майкопа, а также во всем западном Закавказье. Здесь, в западном Закавказье, повидимому, находились основные центры производства этих изделий и источники снабжения металлом, по крайней мере медью, так как вопрос о происхождении олова пока не решен. Однако произ-

водство таких же изделий, а отчасти и добыча металла, имели место и на северном склоне Кавказа; таким образом вполне вероятно, что в дальнейшем в Кабарде и Балкарии будут открыты металлургические и литейные мастерские этого времени, указания на которые уже дали случайные находки 1936 г. у Хасаута в долине Нарзанов (Пальчикский музей).

«Скифский» период

Следующее за III стадией время, начиная с VII—VI вв. до н. э., характеризуется в степном Предкавказье, а в западной его части (в бассейне Белой и Лабы) также и в предгорьях, оформлением «скифского» общества, основанного на крупном кочевом или полукочевом скотоводстве и идущего по пути ускоренной классовой дифференциации на основе развития частной собственности и частного накопления. Здесь эта стадия является, следовательно, стадией разложения родовых отношений. Как протекает развитие в предгорной и горной полосе северного склона Центрального Кавказа, мы пока подробно сказать не можем, так как относящиеся к этому времени памятники здесь никогда специально не изучались. Однако есть все основания полагать, что здесь развитие шло более замедленным темпом и состояние местного общества мало изменилось сравнительно с предшествующим периодом и по существу относится к тому же этапу III стадии, о которой мы говорили выше.

В области материального производства важнейшим достижением этого времени является освоение производства железа, из которого, начиная с VII—VI вв., на всем Северном Кавказе изготавливается основная масса орудий и оружия.

Памятники «скифского» периода (VII—III вв. до н. э.) пока в Кабардино-Балкарии известны в небольшом числе, однако в соответствии со сказанным уже сейчас можно в пределах Республики наметить два различных комплекса — степной, отвечающий собственно «скифской» культуре, с одной стороны, предгорный и горный, теснейшим образом связанный с предшествующим этапом III стадии, — с другой.

В предгорной и горной полосе традиции предшествующего периода развиваются во всех основных слагаемых археологического комплекса, вплоть до форм и типов отдельных предметов, что в целом несомненно свидетельствует о сохранении того же самого общего хозяйственного уклада, отличного от перестроившегося уклада «скифской» степи.

Из памятников этого периода следует указать на ряд могильников и случайных находок. С этой группой памятников тесно связаны упоминавшиеся выше поселения III стадии предгорий, часть которых может быть относиться к рассматриваемому времени. Среди принадлежащих к этому времени археологических

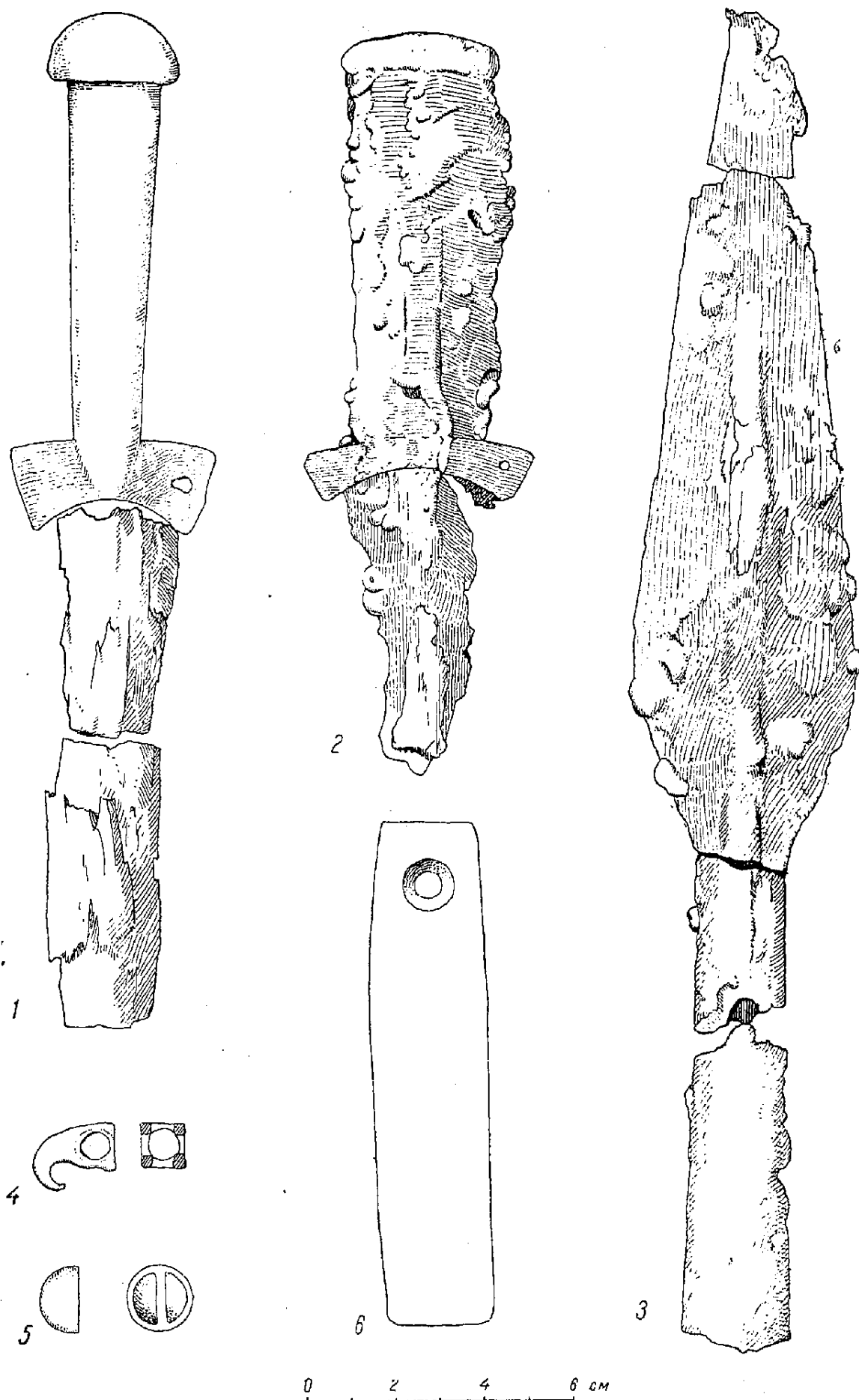

Рис. 4. Каменномогильник на Малке.

1 — кинжал из грунтового погребения 1914 г. (Нальчикский музей, № 636); 2—6 — кинжал, наконечник копья, перекрестие для ремней, пуговица и точилка из курганного погребения 1921 г. (Нальчикский музей). 1 и 2 — железо и бронза; 3 — железо; 4—5 — бронза; 6 — камень.

материалов на первом месте следует поставить коллекцию Нальчикского музея из могильника VII—VI вв. у сел. Каменноостского на Малке (табл. III; рис. 4; табл. IV, 12). К несколько более позднему времени, VI—V вв. до н. э., относится прекрасное бронзовое зеркало из Хабаза в том же музее (табл. V, 3). Могильники, примерно, VI в. известны, но не исследованы, у сел. Мукулан на левом и несколько ниже сел. Нижний Баксан на правом берегу Баксана (табл. IV, 8—11).¹ Еще ниже по Баксану, в районе Былыма (на Алмалы-

именно к «скифской» эпохе относятся наиболее крупные курганы.

«Сарматский» период

Мало отчетливо на сегодняшний день выступает в археологическом материале Кабардино-Балкарии следующий период — «сарматский» по общепринятой для всего степного юго-востока терминологии (II в. до н. э.—II—III вв. н. э.). Специального изучения памятников этого времени до сих пор в Республике не произ-

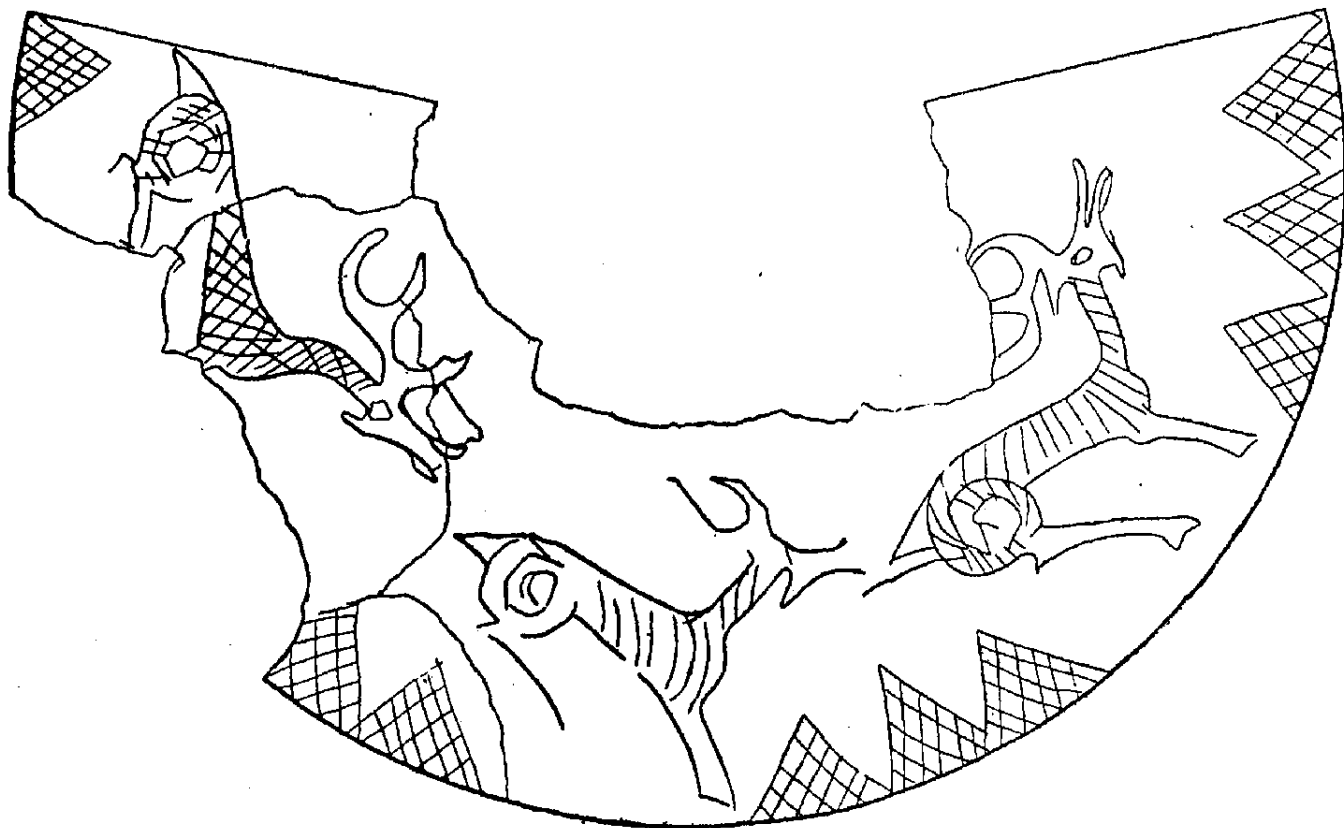

Рис. 5. Развернутый рисунок орнамента на сосуде Нальчикского музея (ср. табл. V, 2).

кая) установлено существование в рассматриваемое время местного производства бронзовых изделий (табл. IV, 1—7).² Отдельные находки известны и из других ущелий Балкарии (напр., в б. коллекции Урусбиева [43; 76]), из Заюкова [74, стр. 453—455] и других мест.

Памятники степного скифского типа в Кабарде пока известны только в виде немногочисленных случайных находок и погребений, напр. у Нальчика (табл. V; рис. 5 и 6) и у аула Вольного.³ Однако наличие их вблизи границ Республики — в Моздоке, у Марьинской станицы, в Пятигорске — позволяет с уверенностью ожидать их в достаточно большом числе и в Кабарде. Как везде на Северном Кавказе и в Причерноморье, вероятно и здесь

водилось. Поселений мы здесь пока не знаем совсем, хотя не исключена возможность, что при более детальном изучении ниже охарактеризованных поселений раннего средневековья некоторые из них удастся отнести, по крайней мере в известной части их культурных отложений, именно к этому времени.

Среди случайных находок, в частности в поступившей в Будапешт через Зичи коллекции Урусбиева, есть немало предметов, относящихся к данной эпохе и свидетельствующих между прочим о довольно определенно выступающем проникновении изделий эллинистических и боспорских производственных центров до ущелий Чегема и Баксана. К этой категории ввозных предметов следует отнести фибулы римских типов, египетские подвески из голубой пасты, бронзовые ручки от сосудов, некоторые виды бус и ряд других поделок [43, табл. XXII слл.; 76, табл. XX слл.].

Пути проникновения этого ввоза в пределы

¹ Сборы В. П. Ренгартена и разведки экспедиции ГАИМК 1933 г.

² Сборы В. П. Ренгартена.

³ Неопубликованные материалы Нальчикского музея [см. также 21].

Кабарды и Балкарии еще не выяснены. Трудно допустить наличие сколько-нибудь значительных и регулярных сношений через перевалы из Балкарии в Сванию и далее в западное Закавказье. Более вероятно, что ввоз этот направлялся из района Боспорского царства через западное Предкавказье, а отчасти, может быть, и через Осетию, располагавшую значительно более удобными перевалами в Закавказье, чем Балкария.

В этой связи необходимо указать, что для западного Предкавказья, точнее для степного Прикубанья, «сарматское» время в археологических памятниках выступает весьма ярко как стадия формирования уже классового общества. Характерны многочисленные укрепленные поселения, во многом напоминающие те, которые мы дальше на востоке, в том числе и в Кабардино-Балкарии, встречаем позже, во второй половине I тысячелетия н. э. Повидимому соседство Боспора и мирные и военные сношения с ним ускорили процессы исторического развития в Прикубанье по сравнению с центральным Предкавказьем.

В заключение необходимо указать, что, применяя условные термины «скифский», «сарматский» «аланский» и т. п. для наименования определенных периодов исторического развития, мы отнюдь не хотим сказать, что в каждый данный период в пределах Кабардино-Балкарии появлялось новое население, соответствующее этим названиям, так же как не хотим сказать, что местное население называлось скифами и т. д. В сущности только в применении к эпохе раннего средневековья мы можем утверждать, что население страны именовалось «аланами»; и последний термин, однако, так же как термины «скиф» и «сармат», инозем-

ными писателями часто применялся к довольно широкому кругу племен. Поэтому, между прочим, нельзя безоговорочно все сведения об аланах, как это иногда делают, относить к предкам современных осетин; правильнее будет считать, что осетины являются потомками части алан, в то время как другие их части слились или растворились в других этнических группах [42, стр. 42—47; 34а, стр. 115—117; 34б, стр. 311—312; 6, стр. 52—53]. Что же касается миграционной смены населения, то мы не имеем никаких данных, позволяющих считать, что в пределах рассмотренного нами выше периода исторического развития когда-либо происходили полная смена и вытеснение древнего населения новыми пришельцами. Наоборот, следует полагать, что основное ядро населения, освоившего постепенно территорию Кабардино-Балкарии, сохранялось до позднейшего времени.

«Аланский» период

(раннее средневековье)

Как мы видели, по памятникам эпохи доклассового, в частности родового общества, в дореволюционное время почти совсем не изучавшимся, за последние годы проведена довольно значительная работа, являющаяся первым шагом к конкретному выяснению местного исторического развития. Несколько меньше сделано по памятникам позднейшего времени, начиная примерно с середины I тысячелетия н. э. Эта группа памятников, однако, уже в дореволюционное время привлекала к себе известный исследовательский интерес, а результаты ее изучения отчасти возможно связывать с письменными историческими свидетельствами, вследствие чего в отношении последних 15 столетий мы уже сейчас можем осветить некоторые частные вопросы и детали исторического процесса, пока еще не поддающиеся выяснению для более ранних периодов.

На следующих страницах сделана попытка охарактеризовать достигнутую на сегодняшний день степень изученности археологических памятников этого времени и наметить некоторые исторические проблемы, требующие разрешения путем археологических работ.

В наши задачи, однако, не входило полное использование письменных исторических источников, без чего, разумеется, не может быть написана история Кабардино-Балкарии в период формирования классового общества и во время развитого феодализма.

В пределах указанной эпохи в качестве первого периода необходимо выделить раннее средневековье с IV—V и, примерно, до X в. н. э., период, который условно можно называть «аланским», являющийся временем первоначального оформления классового общества в центральном Предкавказье. Памятники раннего средневековья в Республике представлены чрезвычайно обильно и сейчас нам уже

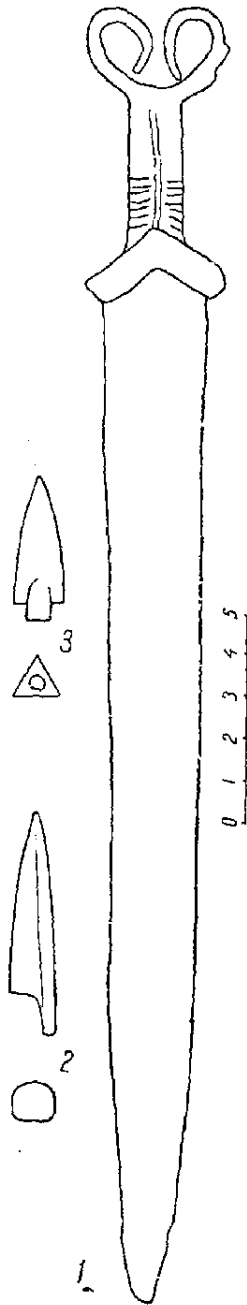

Рис. 6. Комплекс из кургана на шоссе Нальчик — Шалушинское (№№ 505—506/1927).

1 — железный меч (акинак); 2 — костяной и 3 — бронзовый наконечники стрел. Нальчикский музей.

известно большое количество укрепленных городищ, поселений и могильников этого периода.

Несмотря на свою неполноту, материал, которым мы располагаем сейчас, уже позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Прежде всего обращает на себя внимание характер группировки поселений этого времени и их топографическое размещение. В обследованных нами до сих пор участках пограничной между степью и предгорьями полосы, наиболее густо

общины господствующей семьи будущего мелкого феодала, окружено площадью поселения, в свою очередь опоясанного рвом. Здесь, видимо, обитала основная масса населения, а иногда при очень крупных размерах городища, двойных рвах и т. п., здесь же может быть содержался и скот. Этот план городища является типовым для всей пограничной степной зоны, хотя в отдельных деталях встречаются многочисленные отклонения.

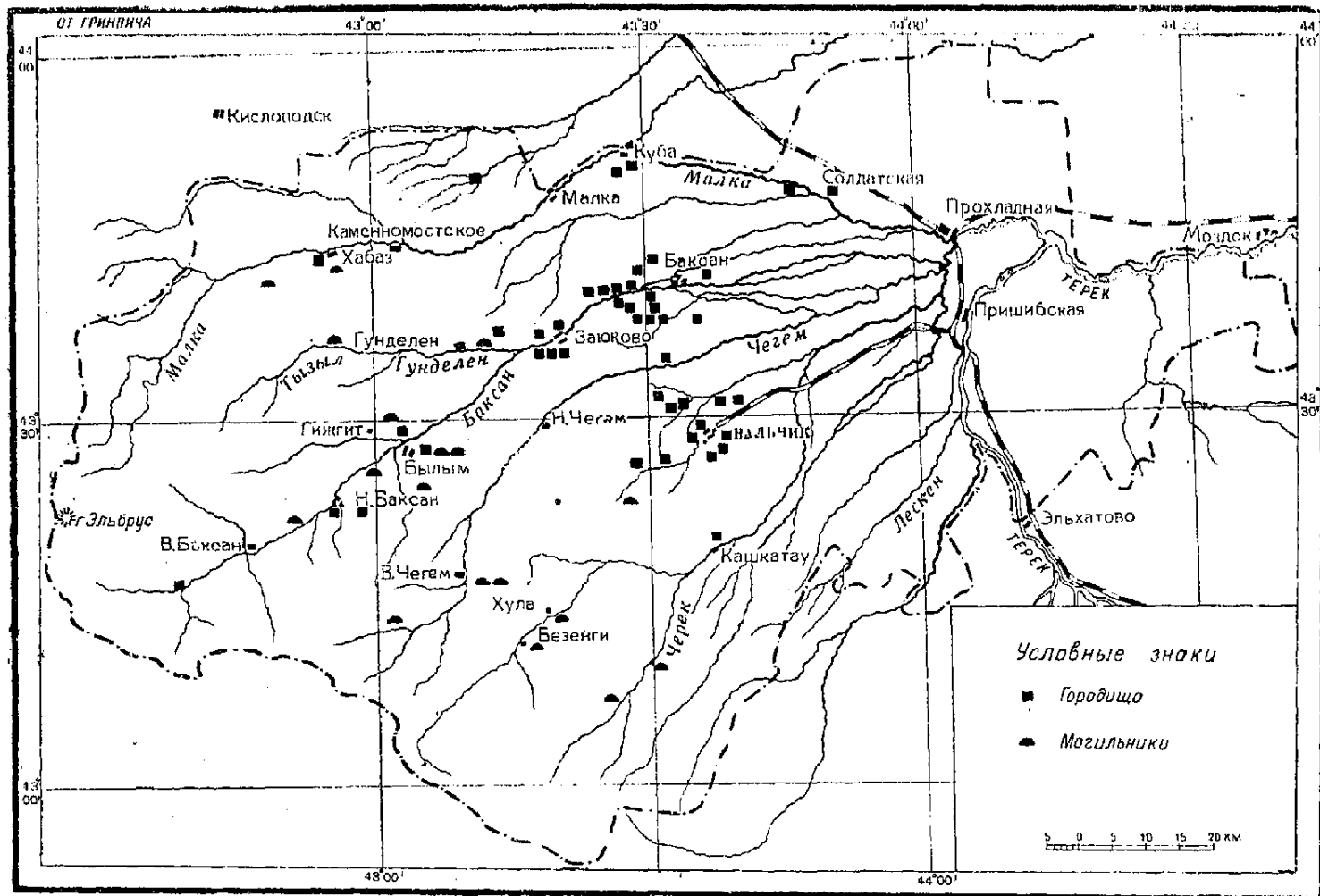

Рис. 7. Распространение поселений и могильников „аланского“ периода в Кабардино-Балкарии.

заселенной в рассматриваемое время, мы видим расположение этих поселений вполне определенными группами (рис. 7). В этом отношении наиболее интересной является группа городищ на реке Баксан [22]. Здесь мы имеем четыре больших укрепленных городища на правом берегу реки, западнее сел. Кызбурун III, на границе степи и отрогов горы Кызбурун. Такая же группа из трех городищ расположена и на левом берегу, восточнее сел. Кызбурун II, вдоль высокого берега ручья Псарыша, текущего по древнему руслу, соединявшему долину Баксана с долиной Малки.

Каждое из этих городищ имеет центральный укрепленный холм, окруженный рвом до 12 и более метров глубины. Это центральное укрепление, представляющее скорее всего место обитания уже выделившейся из среды

Впереди указанных двух групп городищ, в 6—8 км, в открытой степи расположены (по одному) небольшие круглые укрепления, типа большого кургана с плоской вершиной, окруженные валом и рвом. Эти укрепления, по найденному на них подъемному материалу относящиеся к тому же времени, что и городища, несомненно играли роль сторожевых форпостов Баксанской группы городищ, выдвинутых в сторону степи. Таким образом мы получаем впечатление строго продуманной организации обороны, что, несомненно, свидетельствует об известном единстве населения данного района как в экономическом, так, вероятно, и в этническом отношении.

Впечатление это еще усиливается при ознакомлении с памятниками того же периода, расположенными по Баксану выше Кызбуруна II,

т. е. в нижней части Баксанского ущелья. Здесь первое поселение находится на высоком нагорном левом берегу Баксана западнее Кызбуруна II; это же место в позднейшее время было использовано для постройки укрепления временного русского завоевания. Тянущиеся на большом протяжении остатки древнего обитания распространяются до большого укрепленного городища на господствующем над долиной мысе против Кызбуруна I. У восточного края этого последнего селения широкая терраса правого берега занята тремя небольшими круглыми укреплениями с плоской вершиной. Выше Кызбуруна I долина Баксана расширяется и только в районе сел. Заюкова вновь суживается. В восточной части этой последней теснины мы имеем небольшое городище с окружающим его поселением¹ на левом и значительные остатки обширного древнего поселения, с несколькими укрепленными вершинами, против средней части Заюкова, на правом берегу. Наконец, еще выше, в районе левого берега р. Гунделен, над Балкарской окружной больницей, мы имеем еще одно обширное укрепленное городище на выступе горы, валом и ровом отделенное от основного ее массива. В этом же районе террасированные склоны гор свидетельствуют о производившейся некогда, и скорее всего именно в рассматриваемое нами время, длительной их распашке [22].

Чрезвычайно существенным является то обстоятельство, что все перечисленные нами укрепления от Гунделена до выхода Баксана на плоскость связаны между собой зрительной связью, что заставляет думать о принадлежности всей этой группы к одной военной и племенной организации. Выше по Баксану непосредственное продолжение этой системы городищ пока не прослежено.

Вторая система поселений этого же времени расположена в окрестностях Нальчика и группируется вокруг городищ аула Вольного, на правом берегу Нальчика. В сторону степи, как на левом берегу Нальчика, так и на правом, выдвинуто несколько небольших укреплений, связанных в свою очередь зрительно с городищами у Вольного, а также и у сел. Нартан. В общем эта система не закончена обследованием и состав ее пока не вполне выяснен.

В Нальчикском районе к этому же времени относятся раскопанные И. А. Владимировым 16 погребений в подбойных пещерах у Песчанки, датируемые найденной в одном из них золотой монетой Юстиниана временем не ранее конца VI в. [47г, стр. 51—52 и 124—135].² Изображения креста, высеченные на стенах некоторых из 16 исследованных пещер, дали Владимирову повод говорить о принадлежно-

сти погребенных к христианской религии, на чем нам еще придется остановиться [47г., стр. 127, рис. 9 и стр. 131, рис. 34].

Целый ряд других городищ расположен по Малке, на Золке, на Шалушке. Наконец остатки поселений того же времени известны в большом числе и в высокогорной зоне, в области ксерофитных котловин.

Так, на Баксане обильные остатки густого заселения известны от района Былыма вверх до Мукулана, а возможно и выше. Здесь имеется ряд укрепленных и неукрепленных поселений и многочисленные могильники, содержавшие главным образом могилы в виде склепов, отчасти под насыпью; последние изучались в свое время В. Ф. Миллером [43, стр. 87—91], И. А. Владимировым [47в, стр. 45—46 и 143—145; 47г, стр. 52—53 и 135—139], Г. А. Вертеповым [24г, 50, 62], а также дали значительное количество случайных находок [табл. VI]. Богатые могильные комплексы, отчасти с золотыми украшениями, найденные у Былыма, Гижгита и далее в сторону с. Нижний Баксан, свидетельствуют о существовании здесь в V—X вв. значительного и богатого оседлого населения. Характерной особенностью костяков, находимых в этих могильниках, является искусственная деформация черепа [4; 43, стр. 90; 62; 73].

На основании разведок 1933 г. есть основание к этому времени относить также добычу медной руды на горе Тешик-алды выше Нижнего Баксана и плавку меди на р. Тютю. Такое определение времени этих работ, требующее еще проверки, указывает, быть может, на то, что разработка горных богатств являлась одной из причин, обусловивших несомненное интенсивное заселение пояса ксерофитных котловин, неизвестное в такой степени ни в более раннее, ни в позднейшее время. Возможно, что к этому же периоду относятся и отмечаемые на Верхнем Баксане следы древней распашки [52, стр. 142—147], аналогичные отмеченным нами для Гунделенской котловины.

Такая же картина прослежена и на Чегеме, где к этому периоду относится большая часть многочисленных находок из обширных могильников правого берега Чегема, по правую сторону речки Кордон (Кардан) [43, стр. 84—87; 74, стр. 435—446; 76, стр. 433 слл.].

Менее ясную картину мы имеем по остальным ущельям, хотя нам известно довольно много случайных находок этого времени из района Хабаза на Малке, из Безенги и из других мест.

В целом следует сказать, что время раннего средневековья представлено многочисленными памятниками, систематическое и детальное изучение которых, несомненно, позволит расчленить их на более дробные хронологические подразделения, даст картину группировки населения и характеризует его хозяйство и социальный строй. Уже сейчас, однако, есть

¹ На этом поселении в 1933—1934 гг. Баксанской экспедицией частично исследовано одно жилище [9, стр. 12 слл.; 22].

² См. также Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1898/40.

все основания говорить о прочной оседлости населения при наличии развитого земледелия. Так, к этому периоду относятся наиболее ранние в данном районе вращающиеся жернова (рис. 8). Параллельно с земледелием развивалось и скотоводство. На основе такой производственной базы формировалась, по видимому, организация возникающего классового общества, обеспечившая сравнительно значительное накопление богатств в руках образующегося класса феодалов. Свидетелем этого богатства является между прочим

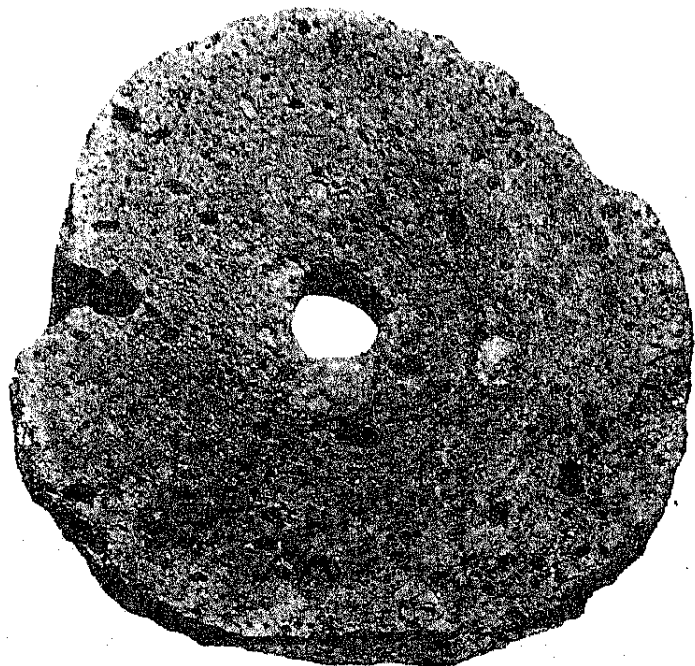

Рис. 8. Жернов из «аланского» поселения в Заюкове (Баксанская экспедиция 1934 г.).

и довольно большое число золотых изделий, найденных в погребениях рассматриваемого времени—вроде находок у Былыма [частично относимых ошибочно к с. Куденетову: 47а, стр. 162; 54], в Гижгите (музей в Нальчике), и в других местах. По всей совокупности имеющихся у нас сведений, правда очень отрывочных, можно утверждать, что такого значительного количества золота не находилось в быту местного населения ни в какую другую эпоху его исторического прошлого (табл. VII).

Исторические причины образования на северных склонах Центрального Кавказа на этот период многочисленного, зажиточного оседлого населения (та же картина наблюдается в бассейне верхней Кубани и в Пятигорье, с одной, в северной Осетии и Чечне, с другой стороны) пока еще не могут считаться достаточно выясненными. Несомненно, этот процесс был обусловлен значительным развитием производительных сил (земледелие, овладение недрами), однако требуется еще детальная и большая работа над памятниками, особенно над

поселениями, для конкретного выяснения исторического развития кавказской Алании, игравшей во второй половине I тысячелетия н. э. довольно значительную роль в борьбе Византии, хазар и персов, а затем и арабов, за преобладание на Кавказе.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что такая характеристика «аланского» общества центрального Предкавказья может быть дана только на основе изучения археологических памятников, так как письменные источники далеко недостаточно освещают вопрос. Обычно для характеристики аланского общества используют описание, данное в IV в. Аммианом Марцелином, отмечающим кочевое скотоводство алан при отсутствии постоянных жилищ и земледелия [64, XXXI, 2, 17—20]. Описание это, во-первых, относится к такому раннему времени, для которого мы пока в Кабарде не имеем памятников, подобных описанным выше, во-вторых, оно частично обусловлено древней литературной традицией, связанной со скифами,¹ и таким образом могло уже во время его составления быть не вполне точным. С другой стороны, приведенные сведения о кочевом быте алан могли относиться к более северным степным районам, а не к центральному Предкавказью; в пользу такого допущения говорит и приводимое Аммианом мнение, что термин «алан» является собирательным, обнимающим целый ряд народностей, объединенных под именем их победителей [64, XXXI, 2, 13—17].

Для столетий, следующих за временем Аммиана, мы в византийских письменных источниках не находим прямых указаний на образ жизни и хозяйственный уклад «аланского» общества. Имеются только указания на участие алан в войнах Византии с Персией, на покорение части их турками и т. д.² Места обитания алан характеризуются зато достаточно точно. Так, Прокопий в VI в. помещает их к северу от сванов, следовательно именно в пределах Кабардино-Балкарии, а арабские писатели X в. — между Сериром (в северном Дагестане) и черкесами, т. е. также со включением Кабардино-Балкарии. Мы знаем, что аланы в течение длительного времени считались друзьями Византии и, очевидно, благодаря поддержке с ее стороны, а также благодаря созданию собственной политической организации, в течение столетий могли сохранить известную независимость в бурных событиях, предшествовавших образованию хазарского государства, а затем сопровождавших арабские походы на Кавказ и последний период существования хазарской державы. Состояние аланского «царства» в X в. красочно охарактеризовано

¹ На это обращал внимание еще В. Ф. Миллер [42, стр. 52].

² Эти письменные источники приведены у Ю. Кулаковского [32] и у В. Ф. Миллера [42, стр. 42 сл.].

Мас'уди: «Царь аланов выставляет 30 000 всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари. Царство его представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов» («Луга золота», гл. 17; цитирую по переводу Н. А. Караулова [25, стр. 54]). Хотя это описание, вероятно, должно быть относимо к восточной части Алании, восточнее Дарьяла, но приведенные выше археологические факты показывают, что оно вполне приложимо и к более западным районам, притом не только к X в., но и к значительно более раннему времени.

Однако всякий шаг дальше в деле истолкования приведенного текста, в его конкретизации, будет зависеть от исследования археологических памятников, единственного исторического источника, могущего для рассматриваемого времени дать обильные новые материалы.

Существенным образом археологические памятники дополняют письменные сведения и по более частному вопросу о проникновении на Северный Кавказ, в аланскую среду, христианства, являвшегося одним из рычагов византийского политического влияния на варваров. В специальной литературе установилось мнение, основанное на византийских письменных источниках, что христианство в Аланию проникло лишь в начале X века [30; 32, стр. 51]. В то же время археологические памятники, повидимому, позволяют значительно снизить эту дату. За это говорят упомянутые выше изображения крестов на стенах могильных пещер на Песчанке, открытые И. А. Владимировым и относящиеся ко времени не ранее конца VI и не позже VIII в. н. э. К этой же эпохе В. В. Латышев относил также и каменный крест с греческой надписью, найденный на Рым-горе западнее Кисловодска; надпись, по его мнению, вряд ли позднее VII—VIII вв. н. э. [33, стр. 44]. Остальные сохранившиеся до наших дней христианские памятники Северного Кавказа, повидимому, все относятся к значительно более позднему времени. Мы знаем, что VI—VIII вв. являются временем оживленных сношений алан с Византией, причем Прокопий еще в VI в. их именует «друзьями христиан и ромеев» [71, II, § 29]. Таким образом археологические факты опровергают гипотезу о позднем проникновении христианства и, видимо, свидетельствуют о том, что даже сообщение Мас'уди о принятии христианства «царями» аланов во время аббасидов (т. е. не ранее 750 г.) и об изгнании присланных из Византии священников после 320 г. гиджры (т. е. 932 г.) [25, стр. 53], по крайней мере, в первой своей части и в применении к западной части Алании, дает неточную, слишком позднюю дату.

В этой же связи можно отметить, что в Кабарде и Балкарии, так же как и в более запад-

ных районах Северного Кавказа, христианские памятники и этого и позднейшего времени связаны с византийским влиянием, сказывающимся и в греческом языке или, по меньшей мере, в греческом письме надписей. Между тем далее к востоку, в северной Осетии, Ингушии, Чечне сохранившиеся христианские памятники генетически связаны с Грузией. Такое положение Кабарды и Балкарии объясняется уже отмеченным нами отсутствием удобных сообщений с Закавказьем через Сванию и, наоборот, наличием их с византийским Причерноморьем. Ближе к последнему, в бассейнах Зеленчука, Верхней Кубани и Теберды, повидимому, помещался и главный центр христианства среди алан, о чем свидетельствуют многочисленные церкви и другие памятники. Там же, вероятно, был центр аланской епархии, упоминаемой с начала X и до XIV в. [30, 31, 32]. Было бы очень интересно для характеристики связей Предкавказья, имевших в это время не только торговое, но и большое политическое значение, использовать широкий круг археологических материалов. К сожалению, могильный инвентарь и тому подобный более или менее массовый материал пока еще недостаточно разработан и для использования его в этом направлении требуется специальное исследование. Однако возможность получения интересных результатов можно показать на одном примере, а именно на распространении византийских и восточных монет.

Подсчет опубликованных сведений о находках таких монет в центральном Предкавказье приводит к результатам, данным в табл. 2.¹

При всей предварительности этого подсчета и при практически полном отсутствии материала по Ингушии и Чечне, а также по бассейну Кубани, все же распределение монетных находок в пределах центрального Предкавказья вряд ли является случайным. Мы видим, что в более западных районах (Балкария, Дигория) значительно преобладают византийские монеты, тогда как в восточной Осетии, прилегающей к Дарьялу, еще более значительно преобладают монеты восточные. С IX в. находки обрываются, что может быть вызвано или изменением обряда погребения или же ослаблением экономических связей Предкавказья с внешним миром.

Вопрос этот может быть разрешен только путем дальнейшего изучения археологических памятников рассматриваемой эпохи и более позднего времени.

К этим позднейшим периодам, после X в., мы теперь обратимся.

II тысячелетие н. э.

Памятники последнего тысячелетия на территории Кабардино-Балкарии пока изучались

¹ Сводка составлена по литературе и по материалам архива ИИМК.

Таблица 2

Место находок	Византийские монеты (включая индикации)	Сасанидские и арабские монеты	Грузинские монеты
Ингушния (Джераховский пост)	„Греческие золотые монеты“	—	—
Осетия (Чми, Балта, Кобан, Саниба, Н. Садоп)	2 (кон. VI—нач. VII в.)	Более 26 (VI—VIII вв.)	—
Дигория (Камунта, Галнат)	18 (кон. V—нач. VIII в.)	7 (VI—VIII вв.)	Несколько(?)
Балкария (Чегем, Былым, Гижгит и Нальчик)	30 (кон. IV—нач. VIII в.)	2 (VI—VIII вв.)	—
Верхняя Кубань (Сенты)	1 (X в.)	—	—

чрезвычайно слабо. Совершенно неосвещенным можно считать как раз наиболее интересный в историческом отношении период, примерно с XI до XV в., к концу которого мы, по письменным источникам, застаем уже ту этническую группировку местного населения, которая существовала вплоть до последнего времени, до проникновения пришлого русского населения на территорию Кабарды. Обычно при этом считают, что балкарцы обосновались в горах не позже XIV в., так как уже в XV в. предгорья и степь были заняты кабардинским народом, закрывшим выход на плоскость для горцев [см., напр., 43, стр. 72—73; 28, стр. 72—75].

Между тем вопрос о генезисе балкарского и кабардинского народов не может решаться вне учета процесса переоформления прежнего местного населения. Об этом процессе мы пока почти ничего не знаем. Нельзя думать, что образование Кабарды и Балкарии произошло просто путем механического вытеснения одного народа другим. Вовсе не отрицая вполне вероятных передвижений населения, все же нужно стремиться к вскрытию сложных процессов скрещения, происходящих с сохранением ядра древнего населения, а не к одной констатации нового этнического термина, объясняемого как результат «прихода» его носителя извне.

С этой точки зрения естественно спросить, как же археологические памятники освещают процессы образования кабардинского и балкарского народов на территории древней Алании. В такой форме этот вопрос не ставился и археологический материал для его разрешения до сих пор не привлекался.

При рассмотрении этой проблемы историки до сих пор в основном опирались на местные предания, на данные языка и этнографии и на

небольшое число письменных свидетельств. Между тем совершенно несомненно, что накопление и изучение археологических источников позволит во многих отношениях уточнить и исправить намечающиеся решения, если только изучение это будет вестись на достаточно обширном и научно собранном материале.

В этом направлении уже сейчас намечаются некоторые наблюдения, требующие только дальнейшего пополнения и уточнения для их использования в целях изучения конкретного исторического процесса.

Прежде всего необходимо указать на коренное изменение в составе археологических памятников рассматриваемого периода XI—XIV вв. по сравнению с предшествующим временем. Прекращают свое существование аланские городища, исчезают богатые могильники, нередко содержавшие предметы из золота. Проследить процесс этих изменений мы в деталях еще не можем, так как памятники не изучались, но резкое различие в обстановке скажем X и XIV вв. выступает чрезвычайно отчетливо.

Такие обстоятельства, как исчезновение в эпоху позднего средневековья укрепленных городищ в степной и предгорной полосе, как резкое уменьшение количества глиняной посуды в культурных остатках, говорят за переход населения Кабарды к новым формам хозяйства, сохранившимся затем до новейшего времени и хорошо известным по описаниям XVIII и XIX вв., — именно к скотоводству в качестве ведущей основной отрасли хозяйства, связанной с летними кочевками и с утратой прочной вековой связи аулов, ставших собственными зимовками, с одним определенным местом. Отсюда известная нам из истории XVIII и XIX вв. чрезвычайная легкость переноса кабардинских селений на новые места [7, т. I,

стр. 86—87; 35, стр. 37; 68, т. I, стр. 637], причем Потоцкий, напр., указывает, что кабардинские аулы остаются на одном месте не более 4—5 лет [70, т. I, стр. 177]. Отсюда же и полное отсутствие древних поселений со значительным культурным слоем среди археологических памятников этого времени.

В этой связи остается невыясненным важный вопрос о времени, когда прекратили свое существование описанные нами укрепленные городища. По данным наших предварительных разведок создается впечатление, что уже время XI—XII вв. в подъемном материале городищ не представлено или представлено очень слабо. Так ли это на самом деле, необходимо выяснить дальнейшей работой, так как от ответа будет зависеть решение вопроса, прекратилось ли существование городищ, а следовательно и связанного с ними уклада хозяйства в степи и предгорьях, еще до монгольского завоевания или же в связи с ним, т. е. только в XIII в.

Письменные источники, относящиеся к годам, непосредственно предшествующим появлению монголов, во всяком случае рисуют уже картину, резко отличную от того, что мы видели в предыдущие столетия.

Так, епископ Феодор в своем «Аланском послании» (между 1222 и 1240 гг.) сообщает любопытные сведения о варварских набегах на Аланию [31, стр. 24, гл. 20] и об упадке аланской церкви [31, гл. 15—16].

Наиболее ярким документом является рассказ доминиканца Юлиана, прибывшего в Аланию около 1235 г. из Венгрии. Из Матриги (Тамани) он со своими спутниками после 13 дней пути через степь, «где не нашли ни домов, ни людей», прибыл в Аланию, т. е. в данном случае скорее всего в район западной Алании — в бассейн Кубани или в Пятигорье. Страна находилась в состоянии полной раздробленности и постоянной междоусобной войны: «сколько местечек (ville), столько князей (duces), из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахания все люди одного местечка вооруженные вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров, или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные, а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек» [72, т. I, стр. 152; русский перевод: 51, стр. 999]. В таких условиях о сколько-нибудь успешном сопротивлении нападению извне, конечно, не могло быть и речи, и монгольское нашествие было, повидимому, только последним толчком, завершившим распад когда-то сильных аланских племен.

Так или иначе, происходят решительные сдвиги во всем хозяйственном укладе древнего населения Алании и в связи с этим начи-

нается падение также и установившегося здесь христианства. В этой связи можно отметить, что наиболее значительные церкви в западных частях Алании (на Зеленчуке, Теберде и др.) все построены не позже XI в. При императоре Алексее Комnene (1081—1118) происходит соединение епархий аланской и сотириупольской, а в 1347 г. митрополит Алании Лаврентий возражает против попытки разделить эти епархии, приводя мотивировку их соединения (очевидно восходящую к началу XII в.), а именно: «Митрополия аланская вовсе не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее ведет пастушеский образ жизни» [30, стр. 12—13; 63, стр. 258—259]. Исследование памятников XII—XIV вв. и этому свидетельству должно дать его настоящий исторический вес.

Не сделано также попытки определить по археологическим данным наиболее ранние несомненно кабардинские памятники и их отношение к памятникам предшествующего времени, что также могло бы содействовать выяснению исторического генезиса позднейшей феодальной Кабарды XV—XVIII вв., в образовании которой, надо полагать, участвовал не только господствующий пришлый элемент из среды адыгских племен, но и часть старого местного аланского населения. Нам представляется наиболее вероятным, что основную роль в сложении конкретного социального строя Кабарды сыграла вызванная новой исторической обстановкой перестройка всего хозяйства местного населения на основе полукочевого скотоводства, уже существовавшего у адыгских племен, вошедших в состав Кабарды. Этот процесс имел своим последствием распространение кабардинского языка и среди остатков старого аланского населения. Маловероятной кажется сплошная смена алан новым адыгским этническим элементом.

Не поставлены эти же самые вопросы в линии археологических фактов и по отношению к Балкарии, где мы не только предположительно, но с полной уверенностью можем говорить о привнесении тюркского элемента в старую местную аланскую среду, с переходом всего населения на турецкую речь. Однако эта уверенность основана не на изучении археологических памятников, а на лингвистических и исторических изысканиях последнего времени [42, стр. 7—11; 43, стр. 70—72; также и более поздние работы]. Между тем встает вопрос, нельзя ли путем изучения памятников момент оставления городищ предгорий и степи поставить в связь со столкновениями алан с турками и с проникновением турок в ущелья Балкарии.

Не сделано также попытки выделить балкарские древности и сопоставить их с памятниками половцев, что было бы существенно, учитывая особую близость языка балкар и карачаевцев, с одной, и половцев (кыпчаков,

куман), с другой стороны. Вообще попытка выяснения этнической принадлежности тех или иных археологических комплексов или групп памятников для рассматриваемого времени отнюдь не представляется безнадёжной, если только материал будет в достаточном количестве собран и тщательно обработан.

В качестве примера такого возможного использования археологических источников можно указать на распространение степных «каменных баб», оставленных, по всей совокупности данных, именно кочевниками-половцами в XI—XIII вв.; южная граница их распространения на Северном Кавказе проходит примерно по линии Армавир—Пятигорск—Калмыцкие степи. Ни одной каменной бабы степного типа нет по правую сторону Малки и Терека. Вполне допустимым кажется проведение границы между турками-кочевниками и их соседями—аланами Предкавказья—для XI—XIII вв. именно по этой линии.

Все эти проблемы стоят перед нами и ждут своего разрешения на основе археологических исследований с привлечением всех других видов источников.

То, что сделано в этом направлении до сих пор, представляет только весьма незначительное начало, не позволяющее в данной связи дать больше, чем краткое перечисление основных видов известных нам памятников последних 7—8 столетий. В виду различий в характере поселений, а отчасти и могильников, в степной и горной частях Республики—их удобнее всего рассмотреть в отдельности.

В пределах Кабарды мы не знаем древних поселений монгольского и послемонгольского времени, за исключением некоторых следов аулов XVIII и XIX вв., русских укреплений эпохи кавказской войны и пока только одного городища более раннего возраста.

Это городище расположено на правом берегу Терека против станции Котляревской и представляет собой остатки древнего города Джулата, известного по победе Тимура над Тохтамышем в 1397 г. Городище это, только бегло описанное Клапротом [68, т. II, стр. 359 слл.], дало ряд находок эпохи монгольского господства на Северном Кавказе, хранящихся теперь в Нальчикском музее. Расположенный на торговом пути в Грузию, Джулат, вероятно, играл значительную роль в жизни центральной части Северного Кавказа наряду с другими городами того времени, как Татар-туп (в Осетии, на границе Кабардино-Балкарии, у сел. Эльхотово) и как крупнейший центр Маджары на Куме [27].

Среди памятников могильного типа, относящихся к этому же периоду, прежде всего следует отметить многочисленные курганные могильники, преимущественно из мелких, часто каменных, насыпей, весьма густо расположенных. Наряду с курганами имеются и могильники грунтовые, без всяких внешних признаков.

Исследованные до сих пор курганные и грунтовые могильники дали очень мало материала исторического значения. Курганные погребения по ряду признаков близки к курганам известного Белореченского могильника XIV—XV вв. на Кубани, однако необходимо отметить большую бедность кабардинских курганов. Таковы курганы у Прохладной и Солдатской [3, стр. 234—240 и 251—253; 66, г. III, стр. 55 слл.], в районе Нальчика [47в, стр. 139—142],¹ у Чегема II (б. Куденстова II) [47в, стр. 138—139], у колодези Эбеццер [24в; 53] и др. Характеризуются погребения под этими курганами немногочисленными серебряными или бронзовыми, иногда золочеными украшениями, железными пашками и ножами, вытянутым положением костяков, головою на запад; костяк часто помещается в деревянной колоде или в гробу из досок, иногда только обставлен досками по сторонам.

Одновременные грунтовые могилы, вроде заюковских [9, стр. 15—17; 22], чаще всего не сопровождаются никаким инвентарем. Более поздние могилы не исследовались совсем. Невыясненным остается время прекращения насыпки курганов, но, по видимому, оно падает примерно на XV—XVI вв. Намогильные памятники рассмотрены нами ниже.

В горной части Республики следы древних поселений известны в целом ряде мест, причем они связаны с сооружениями крепостного характера, часто расположенными в весьма трудно доступных местах. Таковы прежде всего крепостные сооружения и поселения Балкарского ущелья у Зильги и Куннома [43, стр. 78; 61, стр. 186], около Хулама [43, стр. 77], в ущелье Джилги-су близ Верхнего Чегема; на левом берегу Баксана выше поселка Эльджурту и в некоторых других местах.

Поселения эти, вблизи которых часто расположены древние могильники, пока не могут быть точно датированы, но судя по поверхностным находкам черепков древней керамики и т. д. они вряд ли моложе XIII—XV вв. В отношении этих поселений интересно поставить вопрос, принадлежали ли они еще древнему аланскому населению на последнем этапе его существования, или же они относятся уже к периоду после переоформления его, связанного с тюркизацией.

К более позднему времени относятся современные балкарские селения, отчасти существующие уже в течение ряда столетий. Интересно отметить, что Баксанское ущелье, заселенное по местным преданиям выходцами из восточных ущелий Балкарии лишь в XVIII в., по видимому не имеет памятников XVI—XVII вв., когда средняя его часть, примерно от Верхнего Баксана до Былыма или даже до Гунделена, была необитаемой и являлась как бы нейтральной зоной между сванами, чегемцами,

¹ См. ниже, стр. 319 статью А. В. Мачинского.

Кабардой и Карачаем. В восточных ущельях примерно к XV—XVII столетиям относятся между прочим боевые башни, сохранившиеся еще в ряде мест. Среди них выделяется башня Балкароковых в Верхнем Чегеме, являющаяся единственной на северном склоне Центрального Кавказа башней сванского типа, построенной по местному преданию сванскими мастерами.

Могильники этих поздних времен в Балкарии представлены как небольшими курганами, так и грунтовыми могилами, иногда со сложным на поверхности из камня подобием домика или саркофага.

Вероятно к первой половине этого периода, т. е. скорее всего к XI—XV вв., относятся и немногочисленные христианские церкви, сохранившиеся в разных местах Балкарии. Следует упомянуть церковь вблизи Былыма, две церкви в Верхнем Чегеме, церковь Тотур-тыби около Хулама, где еще в 1893 г. В. И. Долбежев видел остатки стенной росписи [476, стр. 102; здесь на рис. 9 воспроизводятся зарисовки Долбежева],¹ наконец церкви в селениях Шканты, Курноят и Кашкатау [36, стр. 78—81].

Среди надгробных построек (склепов), по своим формам общих для Кабарды и Балкарии (табл. VIII; рис. 10), можно различить два основных типа — прямоугольный с двускатной крышей и восьмиугольный или шестиугольный с остроконечной крышей. Первый тип, повидимому, является более древним. В основном, надгробия этого рода повторяют тип часовни. Такого рода надгробия отмечены в разных местностях Республики. Здесь можно упомянуть постройки на обширном могильнике левого берега Чегема у сел. Верхний Чегем, один такой склеп на Баксане около могильника из небольших каменных курганчиков против сел. Эльджурту („могила Камгута") и ряд подобных склепов в районе Заюкова [46, стр. 328; 47а, стр. 297—299; 22].² Такой же склеп, по рисунку Палласа, находился и севернее нижнего течения Баксана, в районе Баксаненка (могилы Джамбулатовых) [69, стр. 319, рис. 7 и стр. 358—359]. В качестве местного позднего деривата этого типа можно отметить открытые прямоугольные склепы без крыши в Заюкове [22] и в могильнике Джамбулатовых [69].

Шести- и восьмиугольные склепы с остроконечной крышей, повидимому, появляются в более позднее время; многие из них, если не все, построены уже в эпоху господства мусульманства. По своему типу они являются специфической особенностью Кабарды, Балкарии и прилегающей части Осетии; в других районах Северного Кавказа надгробия этого типа встречаются в несколько иных формах.

Из сохранившихся памятников можно указать группу на Чегеме у сел. Чегем II (б. Куденетово II), группу на упомянутом могильнике близ Верхнего Чегема и один склеп Абаевых на кладбище сел. Шканты в Балкарском ущелье [43, стр. 81—82; 36, стр. 78].

На некоторых склепах около Заюкова Нарышкин в 1867 г. имел возможность прочитать арабские надписи с датами середины XVIII в., причем он к сожалению не указывает, имелись ли такие надписи также и на прямоугольных склепах или только на восьмигранных [46, стр. 328]. Гильденштедт в 1773 г. отмечает, что склеповая постройка в районе горы Кызбурун сооружалась во время его путешествия [67, т. II, стр. 10—11]. Долбежев в районе Заюкова зафиксировал дату одного прямоугольного склепа на правом берегу Баксана, оказавшегося построенным в 1122 г. гиджры, т. е. в 1710 г. н. э. Кроме того, один склеп, тип которого по отчету остается неясным, имел дату 1211 г. (1796—1797 г. н. э.).¹ На левом берегу Баксана он же отмечает шести- и восьмигранные постройки с арабскими надписями, не приводя их дат: особенно интересной является упоминаемая им шестигранная постройка с арабской надписью и с высеченным на двух стенах изображением креста (рис. 10).² Таким образом в данном случае мы, очевидно, имеем памятник времени вытеснения христианства исламом, которое, в общем, можно относить к XVII—XVIII вв.

Таким образом из склеповых построек наиболее древними являются, очевидно, прямоугольные, первоначально воспроизводившие тип христианской часовни, но сооружавшиеся вплоть до начала XVIII в., когда в Кабарде господствующим был ислам; открытые прямоугольные постройки, повидимому, относятся к XVIII в.; постройки шести- и восьмигранные с конической крышей появляются, видимо, позже прямоугольных; их сооружают в XVII—XVIII вв., когда они становятся наиболее обычным типом склепов. За довольно значительный возраст наиболее ранних склепов, может быть около XV в., говорит также расположение «могилы Камгута» в связи с могильником курганного типа, а также непризнание населением Верхнего Чегема обширного Чегемского могильника за могильник своих предков (в последнем могильнике имеются, однако, и восьмиугольные склепы).

Все древние склепы Кабарды и Балкарии подверглись расхищению, а в значительной части и полному уничтожению. Нельзя не пожалеть о том, что ни одна группа склеповых погребений не была исследована научно, особенно в высокогорной части области, где благодаря атмосферным условиям погребенные в склепах покойники в большинстве случаев

¹ Архив ИИМК, фонд б. Археол. ком., дело 1893/74.

² Там же, дело 1888/12.

¹ Там же.

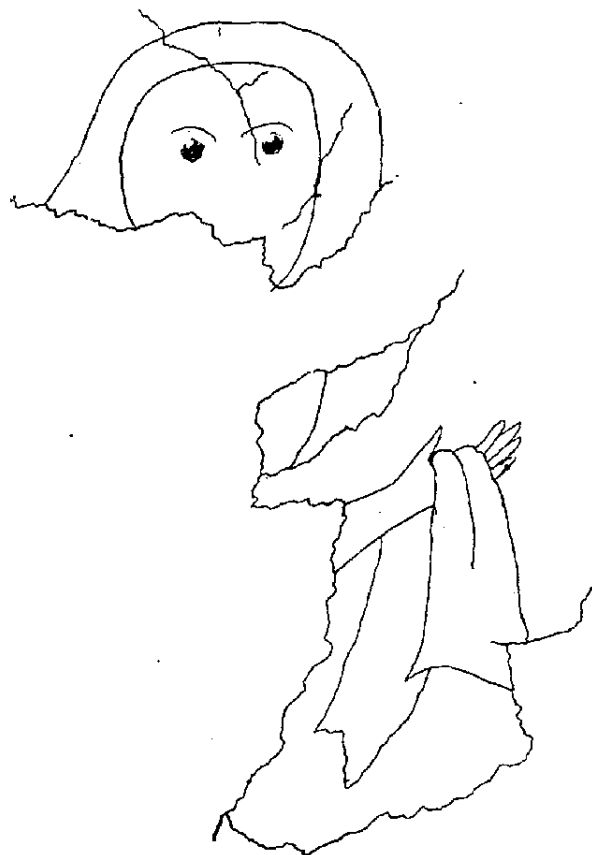
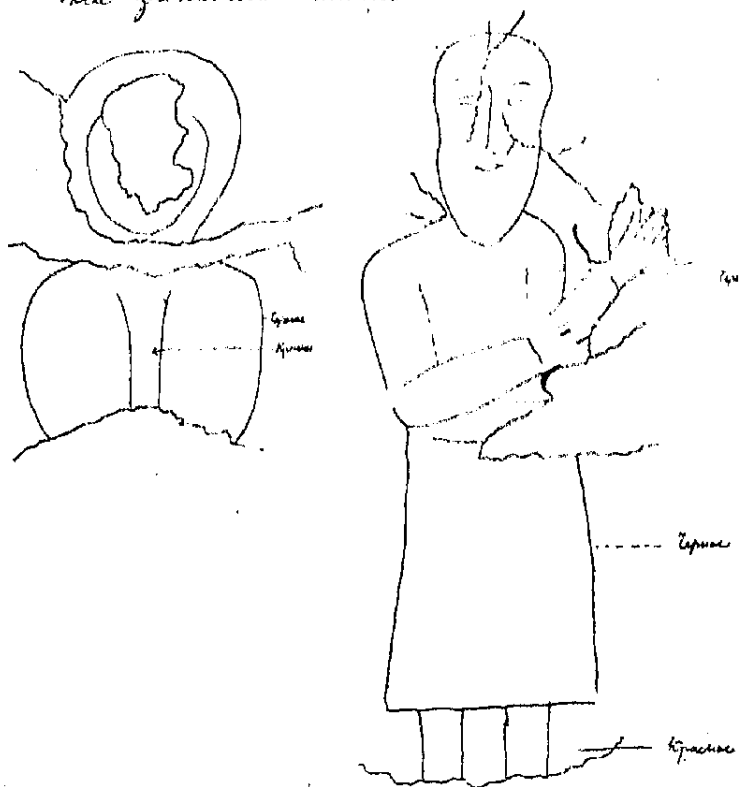
² Там же.

на восточной стене:

Вверху

на западной стене

на северной стене.

фрагмент штуржкомуркен Галлии.

Рис. 9. Фрески древней церкви в поселке Тотур Хуламского ущелья, по зарисовке В. И. Долбежева в 1893 г. Левый нижний рисунок находился на южной стене. (Из Архива ИИМК, дело 1893/74.)

мумифицировались и прекрасно сохранялись, так же как и их одежда и прочий могильный инвентарь [49]. Материал таких погребений был бы интересен и в антропологическом отношении и по линии увязки с ископаемых археологических памятников с данными этнографического изучения.

Наряду с надгробными склепами, а частично вероятно и ранее их, в пределах Кабарды и Балкарии в эпоху номинального господства христианской религии на могилах ставились

и, наконец, еще с двух крестов, находившихся на левом берегу Баксана близ устья Гунделена, Гильденштедту были доставлены рисунки [рис. 11; см. 67, т. I, стр. 502—503, табл. XIII, 1—4; т. II, стр. 10; 48, стр. 12—17, №№ 25—28 и 31, рис. 5—8]. Крест с греческими буквами стоял на р. Шелухе в 12 верстах от Нальчика [59, стр. 392; 48, стр. 11, № 20]. Наконец, о крестах с надписями и изображениями, имеющимися на Баксане и в других местах Большой Кабарды, говорится

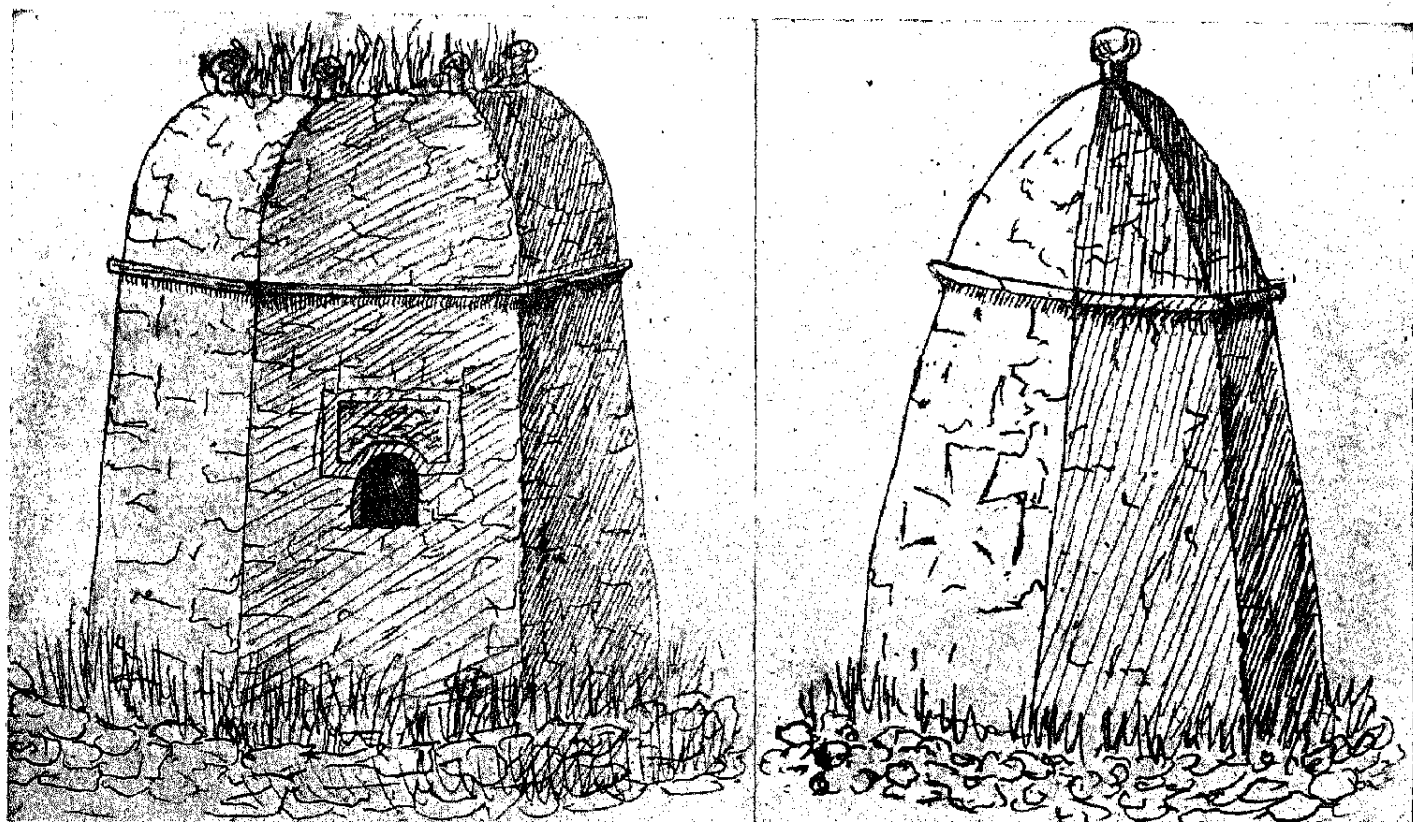

Рис. 10. Древние кабардинские склепы около сел. Заюкова, по зарисовке В. И. Долбежева в 1888 г. (Из Архива ИИМК, дело 1888/12.)

также кресты и памятники, в громадном большинстве, повидимому, уничтоженные в XVIII и XIX вв. под влиянием пропаганды ислама. Большинство этих крестов, несомненно, не имело никаких изображений или надписей. Таковы плиты с высеченными крестами, отмеченные в большом числе В. Ф. Миллером на верхнем могильнике горы Донгат в Чегеме [43, стр. 84], такой же камень на Джилги-су [43, стр. 75], камень у Нижнего Баксана [46, стр. 330] и крест, обнаруженный в 1933 г. в Заюкове [9, стр. 14]. Однако встречались и более интересные в историческом отношении надгробия. Так, кресты с греческими надписями видел и зарисовал в 1773 г. Гильденштедт — первый на Чегеме около нынешнего селения Чегем II, второй к северу от первого близ правого берега Баксана; два других креста находились, по сообщенным ему сведениям, у горы Кызбурун, на правом берегу Баксана

еще в сообщении Алексея Тузова 1743 г. [29, стр. 34].

Однако наиболее интересные из известных нам, и к тому же сохранившиеся, памятники найдены вне современных административных границ Кабарды, хотя и в непосредственной их близости. Я имею в виду прежде всего памятник-статую некоего Георгия с р. Этоки (так наз. Дука-бек; табл. IX) со сложными рельефными изображениями языческого культового характера и греческой надписью; к сожалению, дата не может быть прочитана и датировки памятника XII или XVII веком (1130 или 1623 г.) являются спорными [67, т. II, стр. 14, табл. II; 48, стр. 17, № 32, табл. 5; 33, стр. 45—46; 44, стр. 119—126, табл. LXIII и LXVI; памятник этот описан еще в целом ряде других работ]. Вследствие близости некоторых изображений этого памятника с изображениями следующего Эльхотовского памятника,

а также на основании одежды и вооружения, мы склоняемся к датировке его примерно XVI в.; тем самым и дата 1623 г. нам кажется наиболее вероятной, несмотря на возражения В. Ф. Миллера.

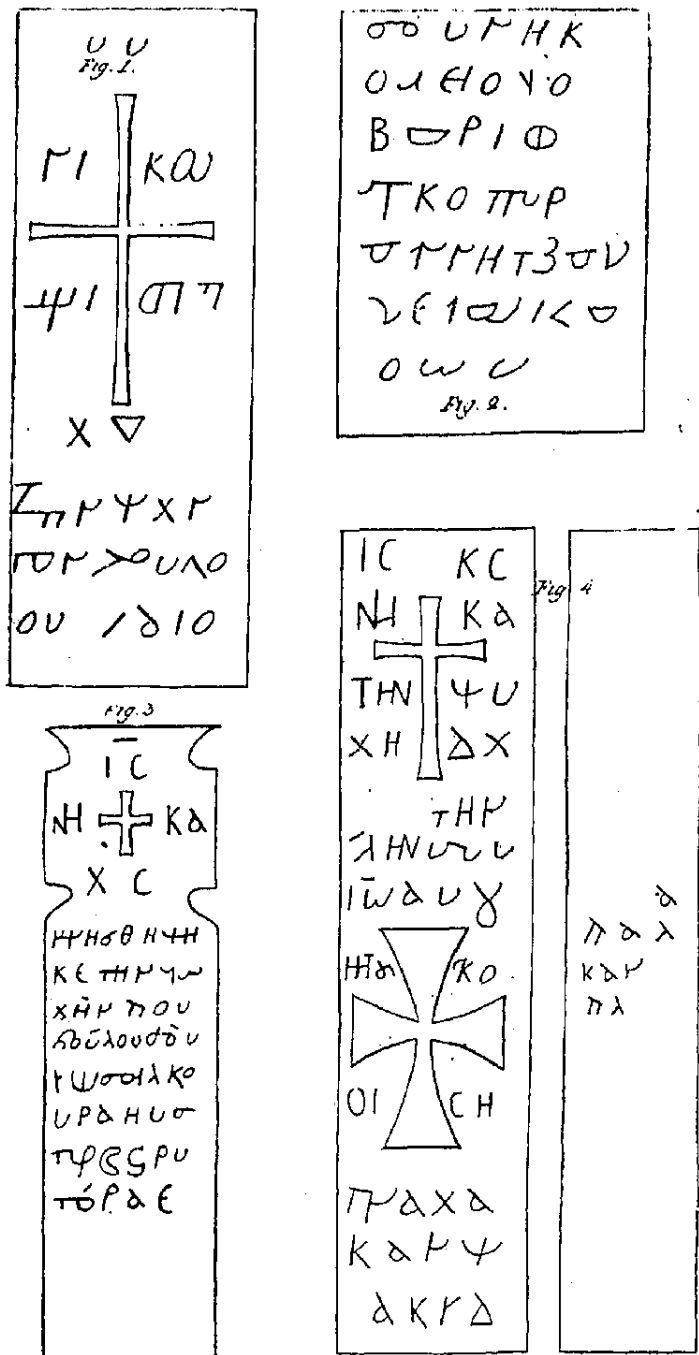

Рис. 11. Древние кресты с надписями из Большой Кабарды, изданные И. А. Гильденштедтом. (По I. A. Gildenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. I, 1787, табл. XIII.)

1—2 — на левом берегу Баксана, недалеко от устья Гунделена; 3 — район сел. Кызбурун III; 4 — около сел. Чегем I.

Второй памятник найден около аула Эльхотова на Тереке, вблизи древнего города Тартуп, на границе Кабарды. Памятник этот является крестом с греческой надписью и рельефными изображениями людей, в том числе всадников (табл. X). Он имеет ближайшую аналогию в памятнике с р. Кунбелея, несколько далее на юго-восток, дающем точную дату — 1581 год [67, т. 1, стр. 502—503,

табл. XII и XIII, 5; 48, стр. 15—16, №№ 29—30; 33, стр. 45; 44, стр. 126—135, табл. I.XIII-2, LXIV и LXV. Эти памятники также описаны еще рядом других авторов]. Таким образом является доказанным, что в конце XVI в. в Кабарде еще ставились памятники с варваризованными греческими надписями. В своих изобразительных моментах эти памятники дают оригинальное сочетание языческих и христианских элементов без всякого влияния ислама.

С этой датой вполне согласуется то обстоятельство, что в XVIII в. в Чегеме еще сохранялись, но уже не употреблялись, греческие церковные книги, о чем в 1736 г. как очевидец сообщает упомянутый Тузов [29, стр. 34—36]; отдельные листы этих книг затем Клапротом были определены как относящиеся ко второй половине XV в. [43, стр. 76; 68, т. I, стр. 532].

В части надгробных памятников и крестов теперь вряд ли можно рассчитывать на многочисленные новые находки; исключение конечно составляют надгробия мусульманского типа, устанавливаемые на могилах, хотя и в сильно упрощенном виде, до самых последних дней. Из более древних памятников типа статуй, не имеющих надписей, можно отметить часть статуи из Кызбуруна III в Нальчикском музее и очень грубый, сильно попорченный памятник на степи западнее сел. Псухурей на Малке. Возраст этих двух памятников пока остается неясным.

К более позднему времени относится, повидимому, последнее сооружение, на которое следует обратить внимание в данной связи, именно боевой вал в сел. Заюково, пересекающий в месте наименьшей ширины левобережную террасу от обрыва к Баксану до склонов горы Хара-Кора. Предание связывает этот вал с борьбой Кабарды против крымских татар, и вал действительно обращен к востоку, к степи, откуда только и могли проникнуть в Баксанское ущелье конные войска крымцев. Если только не был использован более древний вал, сооружение это, может быть, следует отнести к началу XVIII в., когда заведомо крымцы проникли на Баксан [28, стр. 76 сл.].

Памятники позднейшего времени, эпохи русского завоевания, нами в обзор не включены, хотя полевое их обследование, в частности укреплений, местонахождений аулов, могильных памятников XIX в. и т. п., в некоторых случаях могло бы помочь освещению истории края в дополнение к литературным и архивным материалам.

ВЫВОДЫ

Из приведенного нами краткого обзора археологических памятников Кабардино-Балкарии выводы напрашиваются сами собой.

Совершенно ясно, что тех сведений о прошлых этапах развития, которыми мы располагаем сейчас, далеко недостаточно для изучения конкретного исторического процесса, про-

текавшего на рассматриваемой территории. Недостаточность их становится еще более ощутимой вследствие того, что и соседние территории изучены в столь же незначительной степени. В частности огромное количество археологического материала, найденного в горной части северной Осетии, отнюдь не может послужить опорой при разработке материалов Кабарды и Балкарии, так как и научная документация и последующая разработка этих материалов находятся на том же неудовлетворительном уровне, который характеризует большинство старых коллекций, собранных в Кабардино-Балкарии.

Наоборот, есть основания считать, что вследствие проведенных в Республике за последние годы полевых работ, в частности работ экспедиции Академии истории материальной культуры, предпосылки для дальнейшего развития исследований в Кабардино-Балкарии более благоприятны, чем в соседних районах, где сколько-нибудь значительных археологических исследований за это время не производилось.¹

Дело в том, что накопленный в последние годы значительный фонд наблюдений, позволивших в некоторых случаях, как мы выше уже отмечали, перейти к формулировке выводов исторического порядка, требует дальнейшего пополнения и углубления. Проведенная в целом ряде местностей территориальная разведка памятников требует относительно небольшой работы, чтобы связать эти участки в сплошную обследованную площадь. Уже осуществленные раскопки некоторых памятников позволили получить известное представление о ряде этапов исторического развития в данной местности и требуют лишь дальнейшего своего развертывания.

Все эти работы, при переносе исследований на любую другую территорию Северного Кавказа, следовало бы сделать повторно, так как только систематическое изучение всех видов разновременных памятников на относительно небольшой территории позволит наметить и обосновать такую картину местного исторического развития, опираясь на которую в дальнейшем можно будет перейти к конкретизации отдельных частных вопросов, с одной стороны, и к изучению соседних районов — с другой.

Нельзя не учитывать при этом и того обстоятельства, что Кабардино-Балкария в современных административных границах является весьма удобной для постановки систематических археологических работ уже в силу своего географического положения. В пределах ее представлены все характерные для Северного Кавказа ландшафтные зоны, от типичной степи до высокогорной страны, что создает благоприятные условия для выяснения вопроса

о последовательности и характере освоения этих различных зон в процессе исторического развития местного населения.

При этом есть основания полагать, что полученные исторические выводы будут иметь не узко местное значение, а в известной мере смогут быть приложены и к другим районам северного склона Кавказа, находившимся примерно в тех же исторических условиях и характеризующим той же естественной обстановкой.

Все сказанное приводит к выводу о настоятельной необходимости возможно скорее продолжить начатые археологические работы в Кабардино-Балкарии. Дальнейшая работа должна состоять в систематическом и планомерном изучении всех видов археологических памятников с конечной целью сведения всех накопленных фактов и наблюдений в едином обобщающем исследовании, которое явится необходимой предпосылкой для углубленного изучения истории Кабарды и Балкарии. С другой стороны, при производстве этих исследований все время следует иметь в виду такую проработку соответствующего археологического материала, которая могла бы послужить опорой для последующего изучения и других территорий Северного Кавказа.

Нам остается осветить вопрос о наиболее рациональной постановке задач для дальнейших работ с целью получения максимального эффекта при наименьшей затрате времени и средств.

Если оценить с этой точки зрения достигнутый на сегодняшний день уровень наших знаний, то мы должны будем прийти к следующим заключениям.

Начавшееся давно накопление археологического материала по территории Кабардино-Балкарии только совсем недавно было дополнено изучением археологических памятников с исторической точки зрения.

Первый этап этого изучения, состоявший в учете и систематизации ранее добытого материала, в основном уже пройден.

Очередной второй задачей является планомерное обследование и поиски археологических памятников с целью их учета, предварительной характеристики и выяснения территориального распределения отдельных их хронологических групп в пределах Республики. Эта работа отчасти может привести и к уточнению и дополнению намеченной последовательности конкретных комплексов памятников, отвечающих определенным стадиям исторического развития. В частности необходимо искать памятники наиболее древнего обитания человека на нашей территории, т. е. памятники палеолита. Таким образом задача сводится к выяснению фактического наличия материальных остатков прошлого и к уточненной их датировке: при этом уже самое географическое размещение их представит значительный исто-

¹ С 1936 г. начаты систематические работы в Чечне и Дагестане.

рический интерес, при условии, конечно, сплошного обследования изучаемой территории. Для выполнения этой задачи за последние годы сделано довольно много, однако мы еще достаточно далеки от достижения необходимой полноты этого обследования.

Третьим этапом в изучении археологических памятников Республики должно явиться систематическое исследование хозяйства прошлых исторических периодов, особенно производственной техники. Для сколько-нибудь полного представления о динамике развития этого базиса древнего общества недостаточно одного обследования памятников. Только применение раскопок, притом в достаточно широких размерах, может обеспечить эту полноту. Необходимо тщательно изучить путем раскопок целый ряд древних поселений и могильников, относящихся к различным этапам исторического развития. Кроме того, для каждого из этих этапов необходимо будет исследовать памятники, находящиеся в различной физико-географической среде, в нашем случае в степной, предгорной и высокогорной зонах. Только при выполнении этого условия мы сможем получить правильное представление о различиях в процессах хозяйственного развития в каждой из этих зон. Правильный выбор объектов раскопки должен быть обеспечен предварительным выполнением общего разведочного обследования.

Наконец четвертой и последней задачей является исследование истории древнего населения края в целом, основанное на изучении всей совокупности данных, получаемых в результате разведочного обследования и раскопок. Эта часть работы представит наибольшие трудности и потребует очень больших предварительных усилий.

В настоящий момент к разрешению этой задачи мы в отношении Кабардино-Балкарии, за недостаточностью имеющихся наблюдений, еще не подошли.

Совершенно ясно, что и в близком будущем мы можем ожидать накопления таких наблюдений и материалов только при том условии,

что археологические исследования будут производиться планомерно, с четко поставленными задачами и по возможности с исключением элемента случайности, слишком часто при прошлых археологических работах на Северном Кавказе определявшего выбор объекта исследования.

Таким образом вытекающий из всех приведенных соображений план работ должен на первое место ставить разведочное обследование всей территории Республики, сопровождаемое раскопками. Из раскопок за это время наиболее целесообразно было бы выполнить ряд небольших работ на поселениях, могильниках и других памятниках, преимущественно из числа угрожаемых разрушением при новом строительстве. По выполнении этого плана был бы собран вполне достаточный материал для составления в известной мере законченного археологического обзора Кабардино-Балкарии, чем завершился бы определенный этап в ее изучении. В дальнейшем стали бы своевременными систематические крупные раскопки отдельных важных памятников с целью развития и пополнения тех выводов исторического порядка, которые можно будет сделать на основе намечаемых сейчас работ преимущественно исследовательского характера.

В процессе этих работ, несомненно, нужно будет уделить достаточно внимания всем основным этапам истории местного населения, начиная с наиболее древних времен; однако также несомненно, что очередной и актуальной задачей является значительное усиление внимания к позднейшим периодам, начиная, примерно, с аланского времени. Такое расширение тематики по сравнению с выполнявшимися до сих пор исследованиями позволит дать ценный, а в некоторых отношениях, вероятно, и решающий, новый материал для освещения сложных исторических процессов, протекавших на Северном Кавказе в прошлом и в настоящем тысячелетиях, процессов, в результате которых на интересующей нас территории сформировались кабардинский и балкарский народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В список включены все изданные до настоящего времени работы, специально посвященные археологическим памятникам Республики. Из мелких заметок, в том числе газетных, и работ, лишь попутно касающихся этих памятников, включены только наиболее важные. Из работ, касающихся письменных исторических источников, лингвистических и этнографических материалов, приведены лишь непосредственно цитируемые в настоящей статье.

Общую библиографию по истории и этнографии см. в книге Д. А. Сарахан „Библиография Кабарды и Балкарии“ (Нальчик, 1930).

1. Айналов Д. В. Обломок пиксиды и другие древности из Озурковского могильника, находящиеся

в Историческом музее. Археол. изв. и зам., № 1, Москва, 1894, стр. 1—8.

2. Анисимов С. Кавказские Альпы. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. М.—Л., 1929. (При описании маршругов указываются некоторые городища и другие памятники древности; сведения в основном заимствованы из № 18).

3. Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. V Археол. съезд в Тифлисе, I, Труды предварительных комитетов, М., 1882, стр. 216—270. (В пределах КВАССР — стр. 234—240 и 251—253).

4. Анучин Д. Н. О древних искусственно-деформированных черепках, найденных в пределах России.

- Изв. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., XLIX, вып. 4, М., 1887, стр. 367—414 и отдельно. (Череп из Балкарии — стр. 389—391, 411—414).
5. Археологические известия и заметки, М., 1893, № 1, стр. 41. (Сообщение о поездке Г. И. Куликовского).
 6. Боровков А. Карачаево-балкарский язык. Яфет. сборн., т. VII, Лгр., 1932, стр. 37—55.
 7. Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, I—II, М., 1823.
 - Владимирский И. А. См. № 47 в), г).
 8. Вырубков Д. Раскопка кургана Хусанаты близ поселка Зильги, Балкарского общества и могильников в местности Рахты. Древности, Труды Моск. археол. общ., XVI, 1900. Протоколы, стр. 195—196.
 9. Деген-Ковалевский Б. Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Изв. ГАИМК, вып. 110 (Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., II), М.—Л., 1935, стр. 11—28.
 - Долбежев В. И. См. № 47 а), б), г).
 10. Древности. Труды Моск. археол. общ. а) т. XII, Протоколы, М., 1888, стр. 63 и 114; б) т. XVIII, Протоколы, М., 1901, стр. 160. (Сообщения о работах Н. В. Кириллова и В. М. Сысоева).
 11. Дубянский В. В. На Эльбрус по Баксану. Приложения к Ежегодн. Кавк. горн. общ. № 4, Пятигорск, 1911. (О памятниках — стр. 18 и далее).
 12. Ермоленко М. И. Древние христианские храмы близ Нальчика и мумии балкарских могильников Терской области. Труды Ставроп. учен. архивн. ком., вып. I, 1910. (Небольшая заметка).
 13. Ермоленко М. И. О древних могильниках в Нальчикском округе Терской области. Там же, вып. II, 1910. (Заметка, 2 стр.).
 14. Ермоленко М. И. Могилы седой старины Нальчикского округа Терской области. Там же, вып. V, 1913. (Заметка, 2 стр.).
 15. Ермоленко М. И. Памятники древнего христианства на Кавказе. Там же, вып. V, 1913. (Заметка, 1 стр.).
 16. Ермоленко М. И. Археология Кабарды и Балкарии, Нальчик, 1927. (Листовка, 4 стр.).
 17. Ермоленко М. И. Кабардино-Балкарский областной музей. Владикавказ, 1928.
 18. Ермоленко М. И. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928.
 19. Ермоленко М. И. Редкая археологическая находка в Кабардино-Балкарской автономной области (Краткая заметка). Нальчик, 1929.
 20. Ермоленко М. И. Неолитическая стоянка в пределах Кабардино-Балкарской автономной области. Нальчик, 1929.
 21. Иессен А. А. Северо-Кавказские сосуды с изображением оленя. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2, стр. 14—18.
 22. Иессен А. А. Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 г. Археол. исслед. в РСФСР 1934—1936, М.—Л., 1941, стр. 220—236.
 23. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1936, стр. 7—237. (Во все разделы включен материал Кабардино-Балкарии).
 24. Известия Археологической комиссии.
 - а) Прибавление к вып. 34, СПб., 1910, стр. 91. (Сведения о находках).
 - б) Прибавление к вып. 37, СПб., 1910, стр. 144. (Сведения о находках).
 - в) Прибавление к вып. 46, СПб., 1912, стр. 132—135. (Работы М. А. Караулова).
 - г) Прибавление к вып. 52, СПб., 1913, стр. 76—77 и 93—94. (Работы Терского музея).
 - д) Вып. 65, П. 1918, стр. 174 (Сведения о находках).
 25. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, VII. Мас'уди. Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, XXXVIII, Тифлис, 1908, отд. I, стр. 29—78.
 26. Каталог выставки XII Археол. съезда в Харькове, 1902, Дополнение, стр. 34. (Находки В. Р. Алухтина).
 27. Кокоев Г. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата. Зап. Сев.-Кавк. краев. горск. н.-и. инст., т. II, Ростов н/Д., 1929, стр. 205—214.
 28. Кокоев Г. К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. Учен. зап. Инст. этнич. и нац. культур народов Востока, II, М., 1930, стр. 72—89.
 29. Кокоев Г. Материалы по истории Осетии (XVIII век), т. I. Изв. Сев.-Осет. н. инст., т. VI, Орджоникидзе, 1934. (Памятники Чегемского ущелья — стр. 34—36).
 30. Кулаковский Ю. Христианство у алан. Визант. врем., т. V, СПб., 1898, стр. 1—18.
 31. Кулаковский Ю. Епископа Феодора „Аланское послание“. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. XXI, 1898, отд. II, стр. 11—27.
 32. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
 - 32а. Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию. Советская Этнография, II, М.—Л., 1939, стр. 175—181.
 33. Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве. Зап. Русск. археол. общ., н. с., т. II, СПб., 1887, стр. 44—47 и таблица (см. также стр. CLXI).
 34. Марр Н. Я. Иштарь.
 - а) Яфет. сборн., т. V, Лгр., 1927, стр. 109—178;
 - б) Избранные работы, т. III, М.—Л., 1934, стр. 307—350.
 35. Месяц С. И. Население и землепользование Кабарды. Труды по ест.-ист. и экономич. обслед. Кабарды, т. II, вып. I, Воронеж, 1928.
 36. Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. Сообщ. ГАИМК, т. I, Лгр., 1926, стр. 71—142. (Работы в Кабарде и Балкарии — стр. 73—83).
 37. Миллер А. А. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 году. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3, стр. 26—30.
 38. Миллер А. А. К вопросу об охране памятников старины. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 4—5, стр. 22—51.
 39. Миллер А. А. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 9/10, стр. 63—67.
 40. Миллер А. А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 году. Проблемы ист. матер. культ., Лгр., 1933, № 1/2, стр. 47—51.
 41. Миллер А. А. Элементы „неба“ в вещественных памятниках. Из истории докапиталистических формаций. Сб. статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра, Изв. ГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 125—157. (В значительной мере построена на материалах Кабардино-Балкарии).
 42. Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. III. Учен. зап. Моск. унив., Отд. ист.-филол., вып. 8, М., 1887.
 43. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. Матер. по археол. Кавказа, вып. I, М., 1888. (Специально о территории Балкарии — стр. 70—123 и табл. XVIII—XXVI).
 44. Миллер В. Ф. Оголоски кавказских веровний на могильных памятниках. Матер. по археол. Кавказа, вып. III, М., 1893, стр. 119—136.
 45. Миллер В. и Ковалевский М. В горских обществах Кабарды. Вестн. Европы, 1854, № 4, стр. 540—588.
 46. [Нарышкин Н.]. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году. Изв. Русск. археол. общ., т. VIII, СПб., 1877, стр. 325—368 и табл. I—X. (Поездка совершена в Кабарду и в Баксанское ущелье — стр. 326—330 и табл. I; в Сванию путешественники не проникли).
 47. Отчеты Археологической комиссии за годы 1859—1915. СПб.

- а) За 1882—1888 гг., стр. 162 (случайные находки); стр. 290—299 (работы В. И. Долбежева).
- б) За 1893 г., стр. 32—33 и 102—104 (работы В. И. Долбежева).
- в) За 1897 г., стр. 43—46 и 138—145 (работы И. А. Владимирова); стр. 75—76 (собрание Вырубова).
- г) За 1898 г., стр. 51—53 и 124—140 (работы И. А. Владимирова); стр. 156—160 (работы В. И. Долбежева).
- д) За 1913—1915 гг., стр. 208—210 (случайные находки).
- Краткие сообщения о случайных находках имеются в отчетах и за некоторые другие годы.
48. Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа, СПб., 1881.
49. Прохрителев Г. И. Мумии балкарских могильников. Сборник сведений о Северном Кавказе, т. IX, Ставрополь, 1914, стр. 1—4. Эта же статья помещена в „Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии“, вып. V, 1913.
50. Раскопки в Нальчикском округе, в августе 1913 года (к докладу Г. А. Вертепова в Обществе любителей казачьей старины). Труды Ставроп. учен. архивн. ком., вып. V, 1913 (3 стр.).
- Савельев П. См. № 60.
51. Рассказ доминиканца Юлиана. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. V, 1863, стр. 996—1002.
52. Тепцов В. По истокам Кубани и Терека. Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа, вып. XIV, Тифлис, 1892, стр. 59—212. (К Балкарии относится вторая часть статьи, со стр. 114).
53. Терские Ведомости, 1912, № 92. (Статья о раскопках М. А. Караулова в кол. Эбенецер).
54. Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, стр. 143. (Случайная находка из Куденетова).
55. Уварова П. С. Могильники и курганы Кавказа. Древности, Труды Моск. археол. общ., XV, вып. I, 1894, Протоколы, стр. 73—89. (Кабарда — стр. 80).
56. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Матер. по археол. Кавказа, вып. VIII, М., 1900. (К Балкарии относятся стр. 343—346, где дано краткое изложение работ В. Ф. Миллера, см. № 43).
57. Уварова П. С. Археология. Коллекции Кавказского музея (Museum Caucasicum), т. V, Тифлис, 1902. (Памятники Кабардино-Балкарии — стр. 46, 152—154, 155—156 и 159).
58. Филимонов Г. Д. Древние каменные изваяния в Пятигорске. Вестн. Общ. древнерусск. искусства, 1874—1876, М., 1876, Отд. I, стр. 67—80.
59. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. Зап. Археол. общ., т. IX, вып. 2, СПб., 1857, стр. 371—405. (К Кабардино-Балкарии относятся стр. 392—402).
60. Ханьков Н. и Савельев П. Древности, найденные на Кавказе. Зап. Археол. общ., т. IX, вып. I, СПб., 1856, стр. 50—60. Статья перепечатана в сборнике: П. Савельев. Археологические и пумизматические отрывки, I, СПб., 1856, стр. 61—71.
61. Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Вестн. Европы, 1888, №№ 10 и 11. (К Балкарии относятся № 11, стр. 178—194).
62. Чехович М. И. Краниологические исследования серии черепов из Куркужанского могильника (из Терского областного музея). Зап. Терского общ. любит. казачьей старины, № 4, Владикавказ, 1914, стр. 53—69.
63. *Acta Patriarchatus Constantinopolitani*, I. Viudobonae, 1860 (edid. Miklostch Müller).
64. *Amniani us Marcellinus, Rerum gestarum libri qui super sunt*. Имеется ряд изданий; места, касающиеся Кавказа, выбраны и переведены у В. В. Латышева, Изв. древних писателей греч. и лат. о Скифии и Кавказе, т. II, СПб., 1904, стр. 323—345.
65. *Avdief V. L. Egypt and the Caucasus. Ancient Egypt and the East*, parts 1—2. 1933, стр. 29—32. (Несерьезная работа; со стороны Кавказа использован материал Кабардино-Балкарии).
66. *Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase*, I. Paris—Lyon, 1885, стр. 49 и табл. I; III. 1887, стр. 43—45; 55—60, 71.
67. *Güldenstädt J. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge*, I—II. Sankt-Petersburg, 1787—1791.
68. *Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808*, I—II, Berlin u. Halle, 1812—1814.
69. *Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, I. Leipzig, 1799.
- *Posta B.* См. № 76.
70. *Potocki J. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*, I—II. Paris, 1829.
71. *Procopius Caesariensis. De bello persico*, I—II. Имеется ряд изданий; русский перевод С. Дестуниса (Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами, I—II. СПб., 1876—1880).
72. *Theimer A. Vetera documenta historica Hungariam sacram illustrantia*, I. Romae, 1859.
73. *Török. Beschreibung makrocephaler Schädel aus dem Kaukasus* (в книге: M. Déchy. *Kaukasus*, III, Berlin, 1907, стр. 133—139).
74. *Virchow R. Nordkaukasische Altertümer. Ztschr. für Ethnologie*, XXII; Berlin, 1890, Verhandlungen, стр. 417—466. (К Кабардино-Балкарии относятся стр. 434—466).
75. *Virchow R. Analysen kaukasischer und assyrischer Bronzen*. Там же, XXIII, Berlin, 1891, Verhandlungen, стр. 354—359. (Между прочим анализы бронз с Чегема и Баксана).
76. *Zichy E. Voyages au Caucase et en Asie Centrale*, II. Description de la collection archéologique par le Dr. Béla de Posta, Budapest, 1897. (Коллекция из Баксанского и Чегемского ущелий описаны на стр. 388—406 и 433—481, табл. XII—XXVII).

A. JESSEN

Les monuments archéologiques de la République Autonome Kabardino-Balkare (Caucase du Nord)

(Résumé)

L'auteur donne un bref aperçu des recherches archéologiques effectuées jusqu'à présent sur le territoire de la République (fig. 1). Les monuments archéologiques ont pour l'histoire du territoire en question une importance capitale, même en cas d'époques récentes, vu le manque

presque absolu de sources écrites jusqu'au XVIIIme siècle.

Les recherches scientifiques portant sur les monuments du pays furent inaugurées par Güldenstädt, Pallas, Klaproth en 1773—1808. Ces savants voyageurs mentionnent bon nombre de

monuments (chapelles, tombeaux, croix tombales etc.) disparus depuis. Firkowitch (1849) et Narychkin (1867) donnèrent une description des monuments existant de leur temps dans les hautes vallées de la Balkarie.

Le dernier tiers du siècle passé fut l'époque d'une grande activité dans le domaine de l'archéologie caucasienne. Les fouilles des archéologues furent en même temps accompagnées (aussi bien, du reste, que suivies et précédées) d'une spoliation grandiose des nécropoles anciennes ayant pour but la vente des objets anciens et l'enrichissement illicite des fouilleurs. Comme partout dans le Caucase du Nord, les tombes des régions en question, détruites en beaucoup plus grand nombre que fouillées scientifiquement, livrèrent une masse d'objets dont la provenance exacte resta inconnue. Les collections du comte Zichy et de Vyrouboff furent composées d'objets de cette catégorie.

Des fouilles scientifiques, commencées par Antonowitch en 1879, furent continuées par W. Miller (1883), Dolbesheff (1883—1898), Wladimiroff (1896—1898), Wertepoff (1913) et quelques autres. Mais W. Miller fut le seul à donner une monographie approfondie basée sur ses recherches; tous les autres fouilleurs ne publièrent que des comptes rendus succincts de leurs travaux.

Après la fin de la guerre civile et l'établissement de l'autonomie du pays, on fonda un musée à Nalčik, chef-lieu de la République autonome. Le directeur du musée, M. Yermolenko, eut la chance d'accumuler pendant une quinzaine d'années une vaste collection archéologique, provenant de ses propres fouilles et, en plus grande partie encore, de trouvailles faites fortuitement. Dès 1924 commencent les recherches archéologiques, conduites par une expédition de l'Académie d'Histoire de la Culture matérielle de Leningrad (A. Miller; campagnes de 1924, 1929, 1930, 1932, 1933). Enfin, en 1933 (Degen-Kovalevsky) et en 1934 (Jessen) une expédition de la même Académie effectua des recherches sur le Baksan. Ces recherches de l'époque soviétique avaient pour but principal l'étude des matériaux archéologiques comme sources historiques. Outre les tombes anciennes on étudia surtout les stations et les habitations, inconnues jusqu'alors. Pendant la campagne de 1933 on commença une étude spéciale des mines et de la métallurgie ancienne.

Ce sont les résultats de ces expéditions qui, joints aux collections du musée de Nalčik, permettent maintenant de donner un aperçu historique des monuments du pays, sans toutefois qu'il fût possible de caractériser d'ores et déjà en détail les étapes de l'évolution locale.

Nous ne connaissons point de vestiges du Paléolithique ni du Néolithique proprement dit. Les restes les plus anciens de la société archaïque aujourd'hui connus appartiennent

à l'âge de transition entre la pierre et le cuivre (fig. 2). Une nécropole de ce temps fut fouillée à Nalčik et livra près de 150 inhumations de squelettes en position accroupie, peints d'ocre rouge. L'âge du cuivre pur, qui correspond pour sa plus grande partie au II-me millénaire av. n. ère, est bien représenté par un grand nombre de kourganes. Deux emplacements furent examinés près de Nalčik, l'un de l'époque de transition, l'autre de l'âge du cuivre. Quelques autres stations et beaucoup d'objets isolés (pl. I) ont été découverts pendant les recherches effectuées dans le pays (carte, fig. 3). Les monuments de ces époques reculées sont traités en détail dans les quatre comptes rendus de fouilles qui suivent.

L'âge du bronze classique est représenté par des trouvailles du type de Koban, nécropole de l'Ossétie, vers la fin du II-me et le commencement du I-er millénaire. Les objets de cette époque (pl. II) se trouvent en assez grand nombre jusque dans les hautes-vallées du Tchequem et du Baksan, ce qui s'explique probablement par le développement considérable de l'élevage. Les stations de cette époque ou de l'époque suivante, bien que connues, ne furent pas fouillées.

L'époque scythique, des VII—VI-mes au III-me siècles av. n. ère, représente le premier âge du fer. Nous ne connaissons que quelques kourganes dans les steppes Kabardiennes (pl. V et fig. 5, 6) et des nécropoles d'un type post-Kobanien dans les parties montagneuses du pays (pl. III, IV et fig. 4). L'époque sarmate, du II-me s. av. n. ère, n'est connue que par un certain nombre de trouvailles dont la provenance exacte est ignorée.

L'époque du bas Moyen âge commence vers le milieu du I-er millénaire de n. ère, quand le territoire en question, d'après les écrivains grecs, était occupé par les Alains, agriculteurs et éleveurs. Nous connaissons un grand nombre de places fortifiées appartenant à l'époque des V—X-mes siècles de n. ère. Leur mode de groupement permet d'affirmer qu'elles furent réunies en groupe, à chaque fois par une seule organisation militaire, politique et économique. Les groupes de Nalčik et du Baksan sont les mieux connus (fig. 7). On n'a pas fouillé ces emplacements, sauf une habitation sur le Baksan (fig. 8). Les tombes de cette époque ont livré beaucoup de trouvailles intéressantes et assez riches (pl. VI, VII). C'est à cette époque qu'appartient la majorité des objets d'or connus jusqu'à présent. Apparemment c'est à cette époque aussi que furent exploitées les mines de cuivre du pays.

Les monuments archéologiques des siècles suivants sont fort mal connus. Ils devront être soumis à une étude approfondie pour résoudre le problème de la formation historique des Kabardiens et des Balkares. Dans les steppes les places fortifiées sont abandonnées vers le

XIII-me siècle ou plus tôt encore; dès le XV-me nous y trouvons, à en juger d'après les sources écrites, les Kabardiens semi-nomades. Une seule ville des temps de la domination mongole, Dshulat sur le Terek, se trouve entre les frontières actuelles de la République autonome. Quelques nécropoles de ces siècles furent fouillées sans résultats remarquables (voir plus bas l'article de Mačinskij).

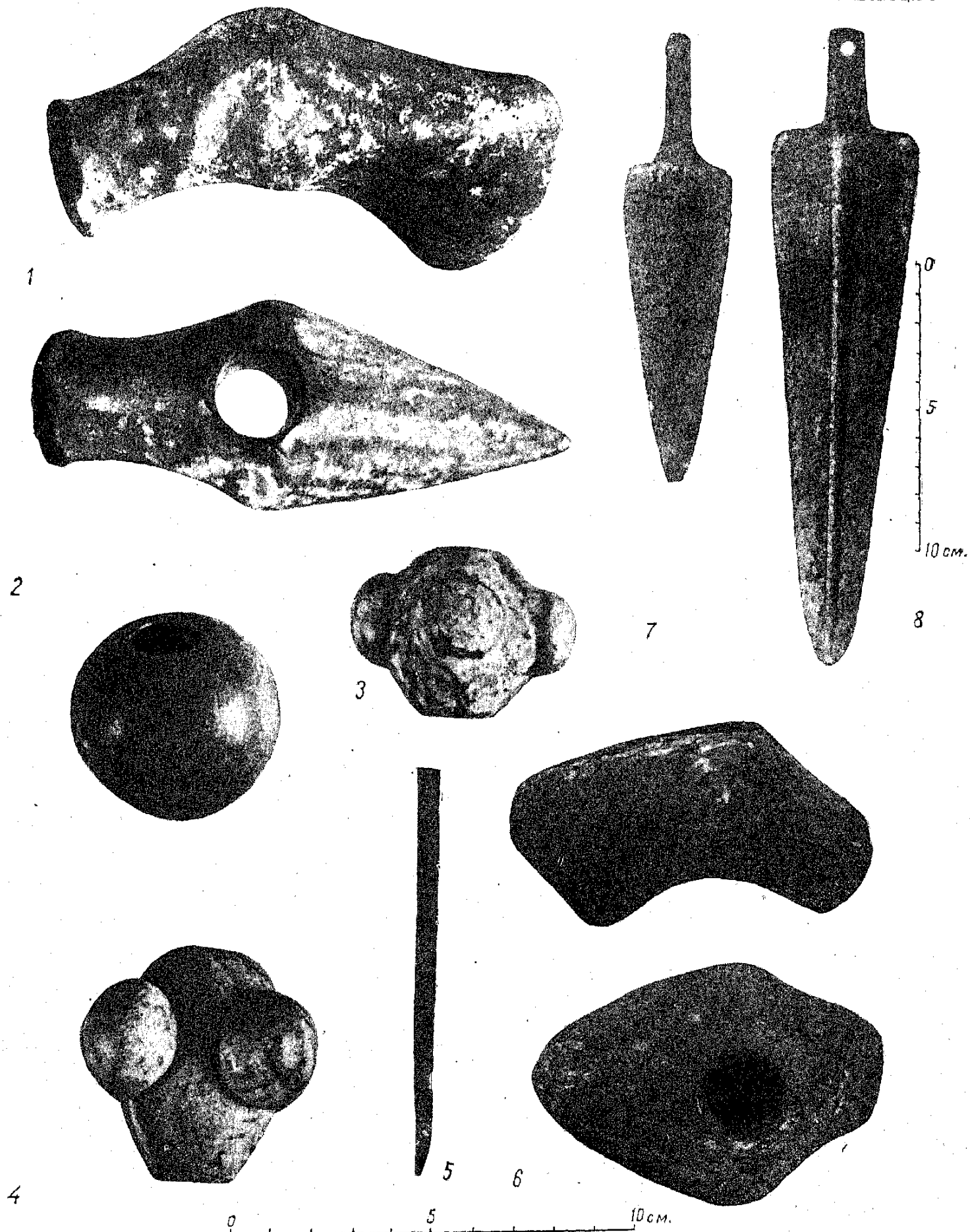
Dans les hautes-vallées les places d'habitation humaine restent fortifiées. Nous connaissons des véritables forteresses et des tours séparées. Quelques églises chrétiennes sont d'un âge indéterminé (fig. 9). Beaucoup de constructions tombales en forme de chapelles ou de maisons d'habitation et, plus tard, bâties sur un plan hexagonal ou octogonal, datent des siècles nouveaux, jusqu'au XVIII-me (pl. VIII; fig. 10).

L'introduction de l'islamisme au XVIII-me

siècle chez les Kabardiens et à la fin du XVIII-me ou au commencement du XIX-me chez les Balkares, fit détruire la plupart des monuments chrétiens, dont les statues et les croix tombales, inscrites en caractères grecs, avaient une grande valeur historique. Quelques monuments seulement de cette catégorie sont sauvés pour la science (pl. IX, X et fig. 11).

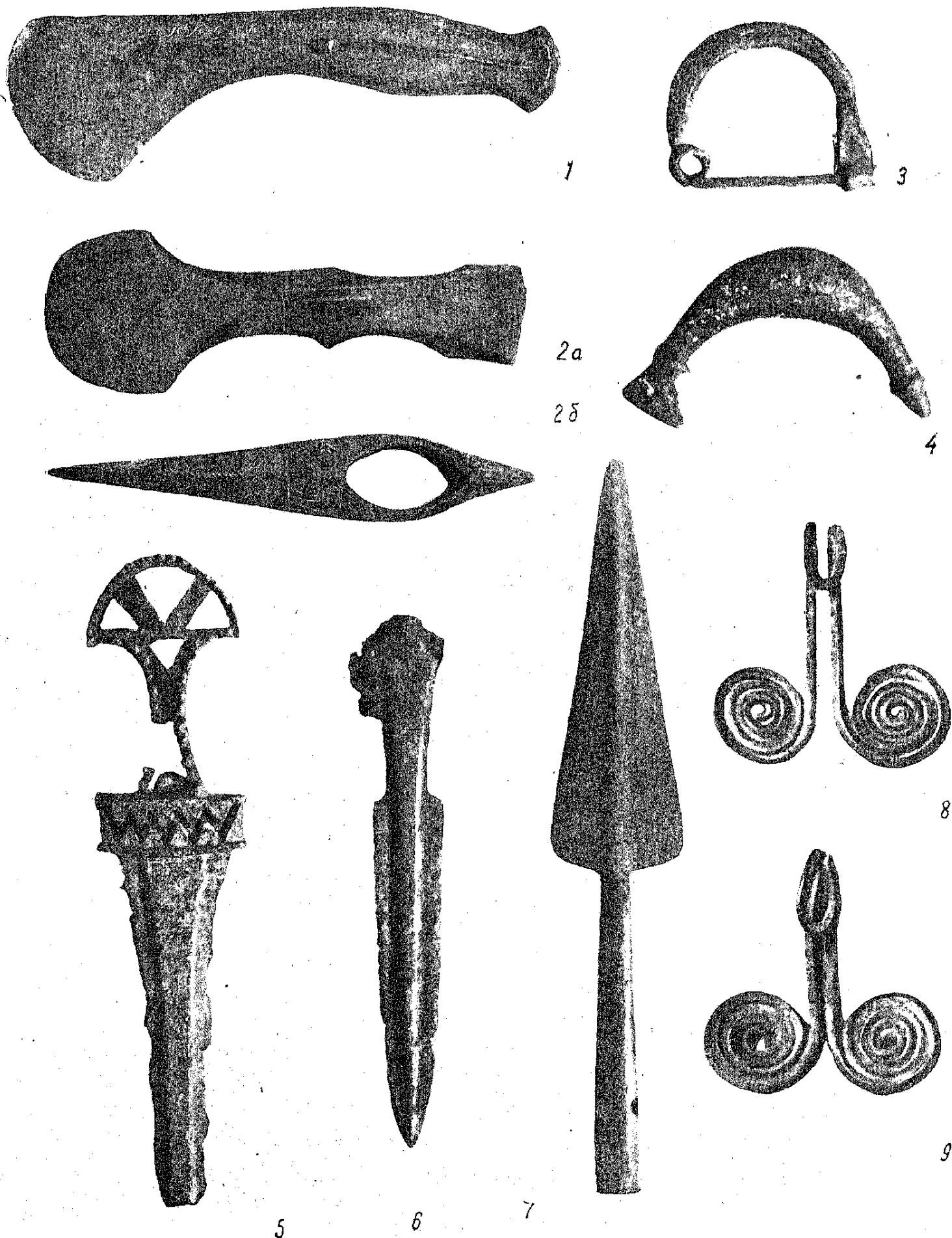
Pour les années prochaines les recherches archéologiques sur le territoire de la République doivent, en première ligne, se proposer les buts suivants:

- 1) exploration générale des monuments archéologiques sur tout le territoire;
- 2) fouilles des monuments les plus importants et, en première ligne, de ceux, menacés par les travaux publics;
- 3) publication d'une monographie complète sur l'archéologie du pays.

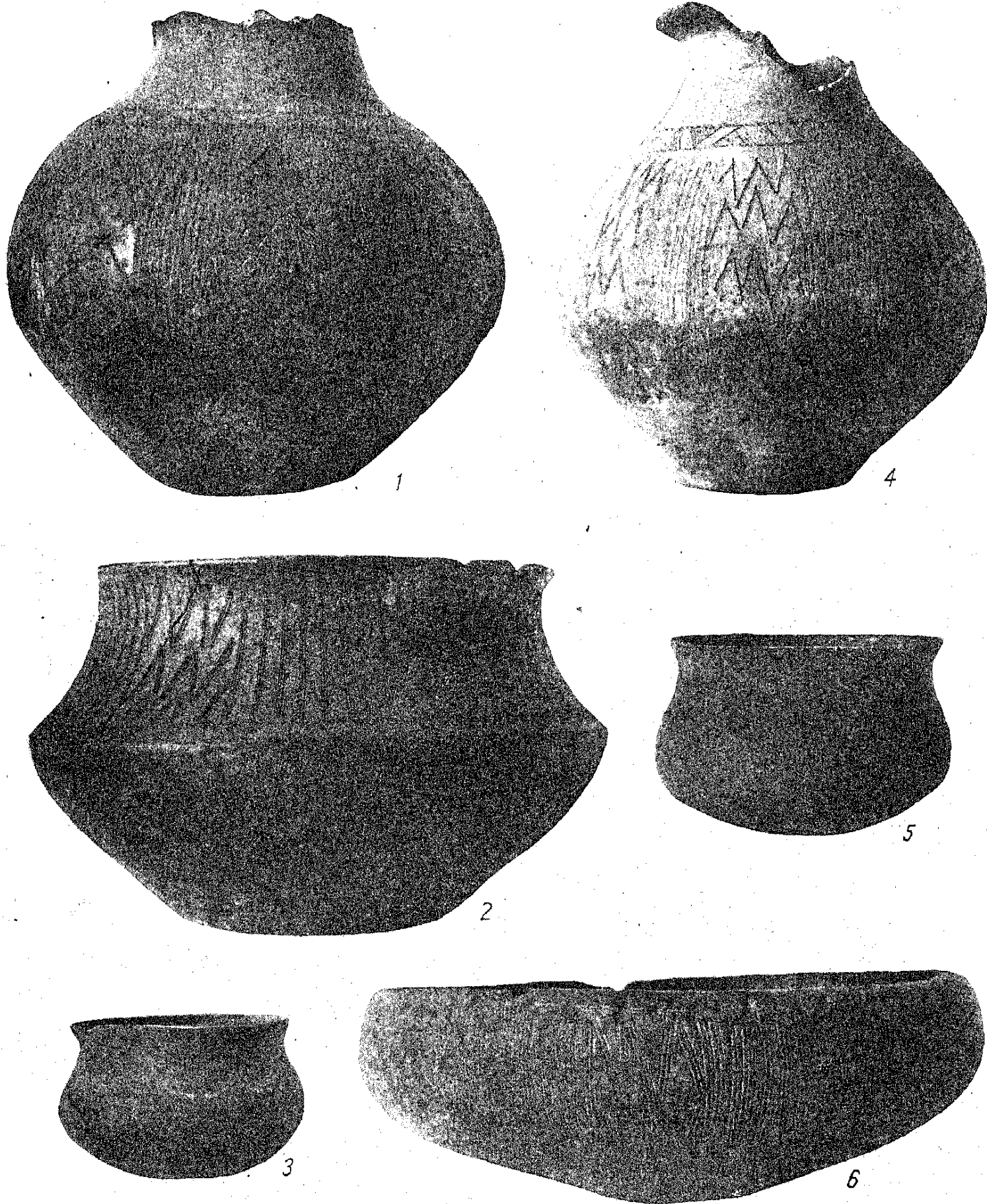
Находки в горной Балкарии.

1, 2 и 3 — топор и навершия булавы, сел. Нижний Чегем; 4 — навершие булавы, сел. Губенель; 5 и 6 — медная булавка (опилена находчиком) и каменный топорик, найденные вместе, сел. Верхний Чегем; 7 и 8 — медные нож и кинжал с Алмаля-кая, близ сел. Былым. 1, 2, 3, 4, 7 и 8 — Гос. Эрмитаж; 5 и 6 — из сборов Сев.-Кавк. экспедиции ГАИМК 1933 г. (переданы в Нальчикский музей). (Масштабы общие для 1—6 и для 7 и 8.)

Бронзовые изделия III стадии из Кабардино-Балкарии.

1 — топор, куплен в Нальчике 1914 г. (дл. 20 см); 2a и 2б — топор из могилы в сел. Гижгит (дл. 19 см); 3—4 — фибулы из той же могилы (дл. 6 и 10 см); 5 — кинжал из сел. Верхний Баксан (дл. 33 см); 6 — кинжал из сел. Каменноостского, 1925 (дл. 27 см); 7 — наконечник копья из Тубенеля (дл. 25,5 см); 8—9 — „очковидные спирали“ из могилы в сел. Заюково (дл. 7,2 см). 1 и 7 — Гос. Эрмитаж; 2—6 и 8—9 — Нальчикский музей.

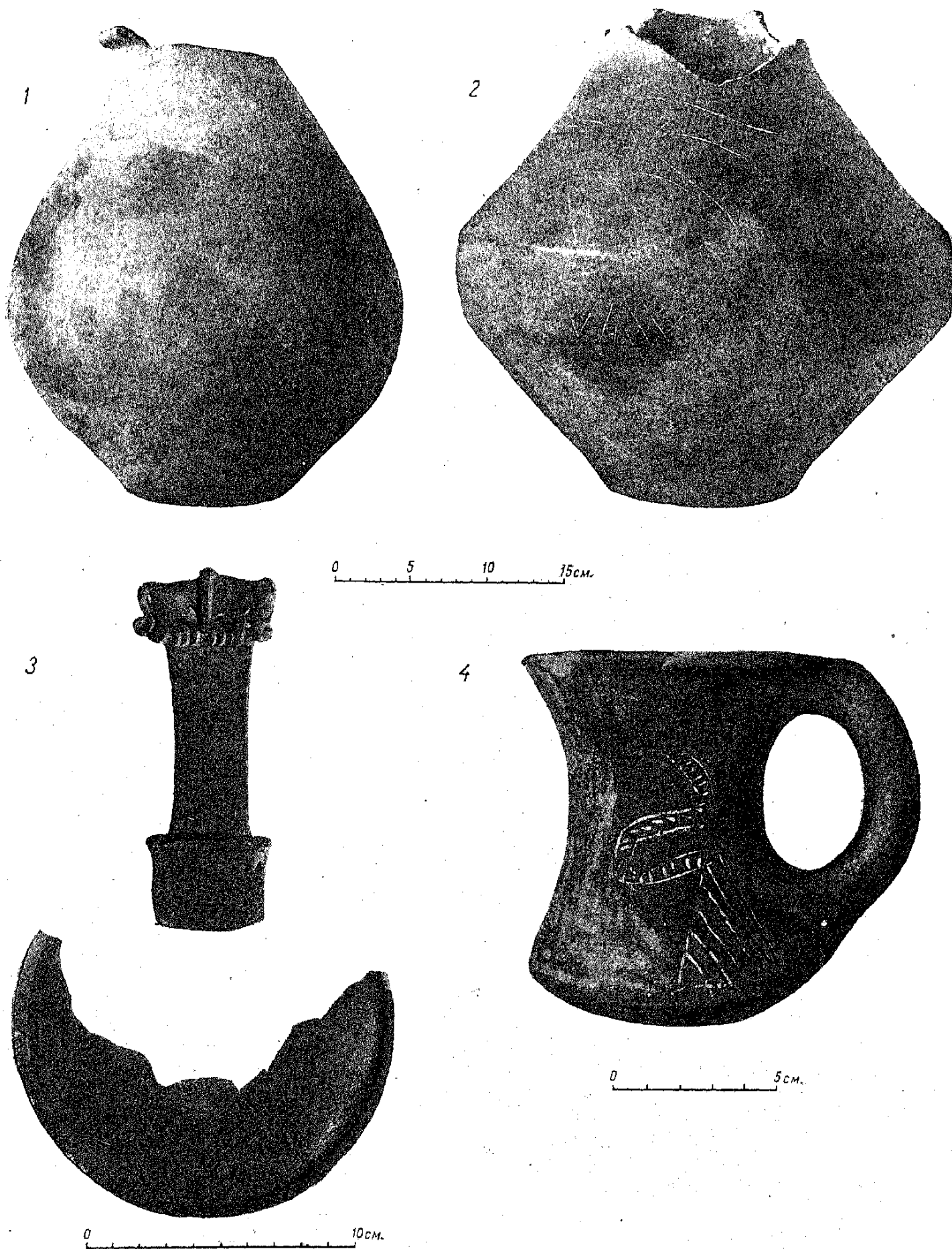

Сосуды из Каменноостского могильника на Малке.

1, 2 и 3 — вторая могила 1921 г.; 4, 5 и 6 — первая могила 1921 г. Высота: 1 — 29 см; 2 — 14 см; 3 — 6,5 см; 4 — 36 см; 5 — 6,5 см; 6 — 8 см (Нальчикский музей).

1-6 — бронзовые булавки; 7 — бронзовая фигурка коня из пещеры на Алмалы-кая, близ сел. Былым; 8-9 — бронзовые кинжаловидные привески из Мукулана на Баксане; 10-11 — бронзовое колесико и бронзовая ручка — головка животного, отсюда же; 12 — сосуд из Каменноостовского могильника на Малке. 1-11 — Гос. Эрмитаж; 12 — Нальчикский музей.
(к NN 1-11)

Памятники скифского периода из Кабарды в Нальчикском музее.

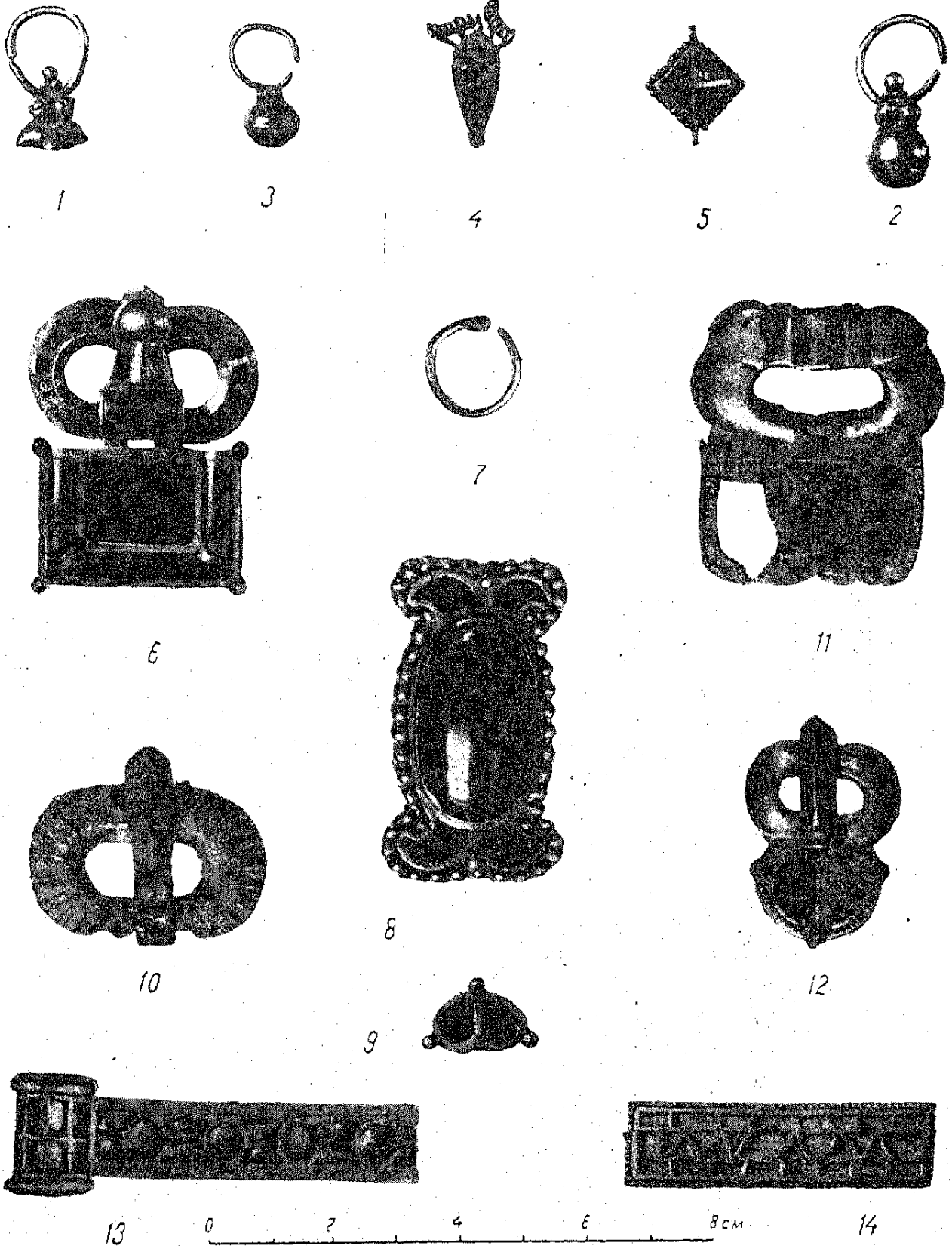
1 — глиняный сосуд из сел. Чегем II (№ 85/1925); 2 — то же, с изображением оленей, из окрестностей Нальчика (№ 510/1927); 3 — бронзовое зеркало из кургана близ сел. Хабаз; 4 — глиняная кружка из сел. Урванского (№ 435/1925).

0 2 4 6 см.

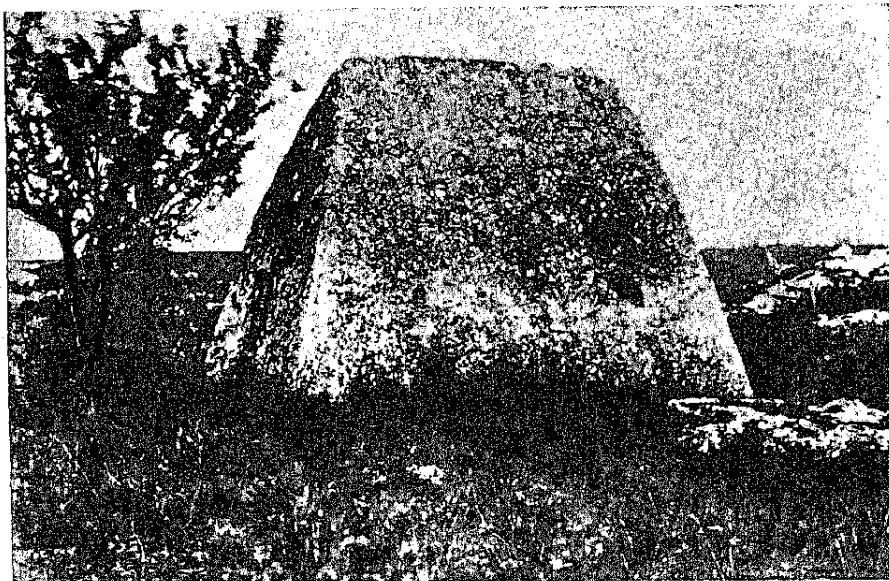
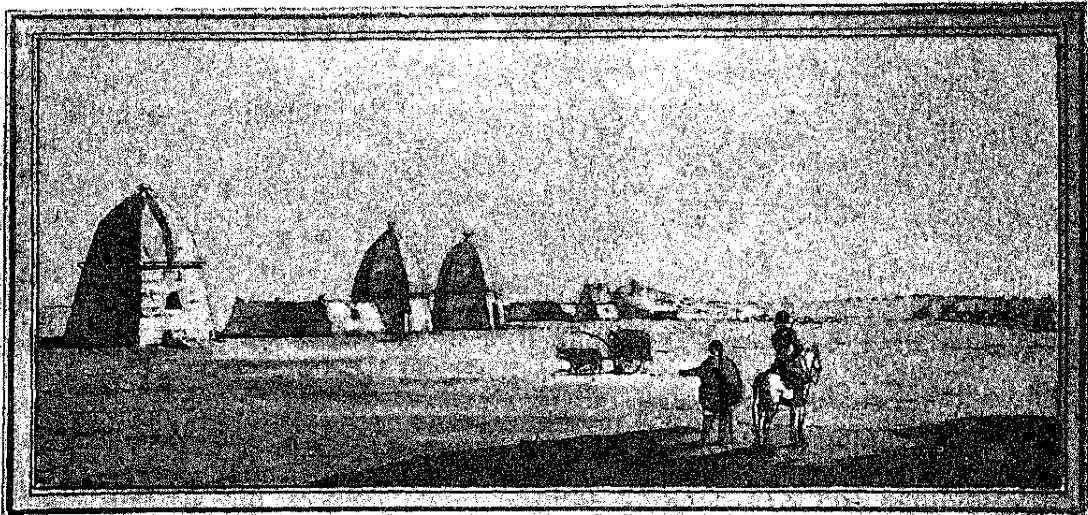
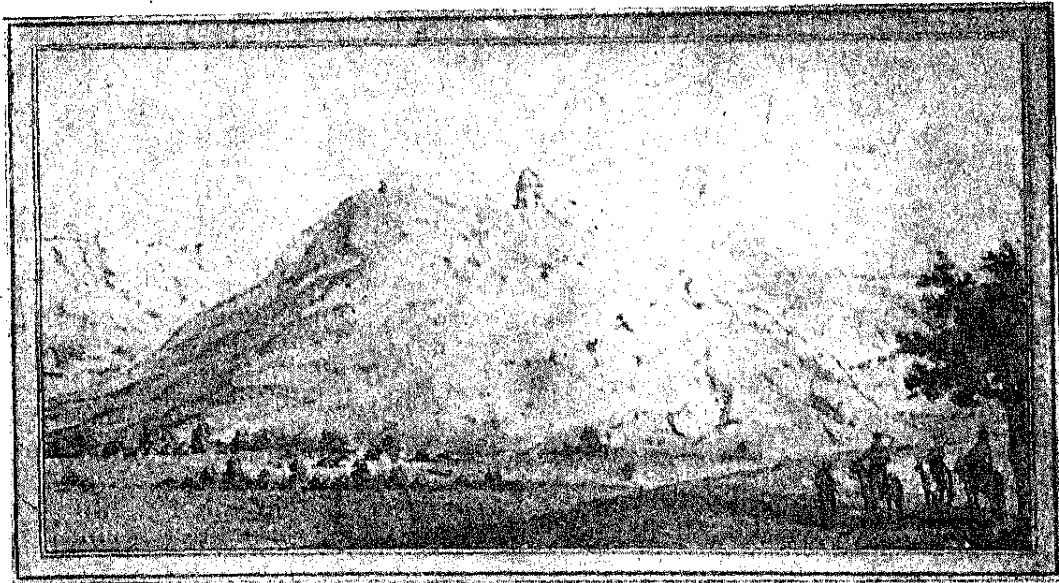
Мукуланский могильник.

1—3 — глиняные сосуды; 4—9 — бронзовые изделия (Гос. Эрмитаж).

Украшения V—VI вв. н. э. из Кабардино-Балкарии.

1—9 — из „Чегемского общества“, собрание Д. А. Вырубова (Гос. Эрмитаж); 10—14 — из покупки в Нальчаке 1913 г. (Гос. Эрмитаж).
 1—9, 13 и 14 — золото; 10—12 — бронза.

1 — кабардинский склеп на горе Куш-бшана на Малке, район современной Марьевской станицы. (Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs, I, 1799, стр. 363.); 2 — кабардинские склепы в районе Баксаненка (там же, I, стр. 319); 3 — кабардинский склеп на Баксане (по фотографии Нарышкина, 1857, Архив ИИМК).

Памятник с Этоки (теперь в Историческом музее в Москве). По Материалам по археологии Кавказа, вып. III, табл. LXIII и LXVI.

Памятник из Эльхотова (теперь в Историческом музее в Москве). По Материалам по археологии Кавказа
вып. III, табл. LXIII и LXV.

Е. Ю. КРИЧЕВСКИЙ и А. П. КРУГЛОВ

Неолитическое поселение близ г. Нальчика

В процессе ознакомления с коллекциями Нальчикского музея Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК было обращено внимание на комплекс древних вещей, собранных заведующим музеем вблизи местности Затяшье на участке так называемом «агубековском». Вещи эти по своему характеру резко выделяются среди прочих коллекций и обращают на себя внимание чрезвычайной архаичностью форм. Заведующим музеем ежегодно в этой местности производились сборы подъемного материала, а в 1929 г. поставлены небольшие раскопки, выяснившие наличие культурного слоя.¹

В дальнейшем, в целях сокращения, поселение это называем Агубековским. Оно находится в расстоянии около 1.5 км к северо-западу от г. Нальчика. Поселение расположено на восточном берегу древнего протока, отделившегося от р. Нальчик в предгорьях и имевшего основное направление на северо-восток, совпадающее с направлением большинства речных протоков в данной местности. В настоящее время проток этот совершенно высох и отличается от окружающей равнины лишь иной растительностью, а в дождливое время легкой заболоченностью. Берега протока, очень пологие, с вполне установившимися профилями, указывают на его значительную древность. Против древнего поселения в пределах тальвега был осмотрен шурф глубиной свыше 1.5 м, стенки которого оказались сложенными из типичных речных отложений. До дна протока шурф не был доведен.

С восточной стороны в проток впадал неглубокий овраг, разделяющийся вблизи места своего впадения на две части и отделяющий своими разветвлениями небольшой участок берега в виде холма округлой в плане формы, с площадкой 60 м в поперечнике (рис. 1). Весь рельеф местности имеет мягкие контуры, приобретенные в результате длительного действия дождевых вод и распаивания всей поверхности поселения в последнее время.

Поселение занимало как центральный участок, ограниченный оврагами, так и прилегающие площади вдоль протока, равные по длине 400 м, а также продолжалось за холмом, к западу от него. На поверхности поселения в большом количестве встречались фрагменты керамики, отщепы и орудия из кремня и обсидиана, а также более крупные каменные поделки. Находки на всей поверхности поселения однородны, за исключением его северо-восточной части, на которой замечается примесь средневекового материала. К северо-востоку от центральной части поселения, ограниченной оврагом, у дороги из Нальчика в Кенже, и в расстоянии около 90 м от берега протока находится небольшой плоский курган, диаметр насыпи которого равен 40 м. По внешнему виду он напоминает курган № 1, раскопанный экспедицией в г. Нальчике.

Агубековское поселение исследовалось Северо-Кавказской экспедицией; в 1924,¹ 1929² и в 1930 гг. на поселении был произведен сбор подъемного материала, а в 1932³ и в 1933 гг. поставлены небольшие разведочного характера раскопки. Непосредственным руководителем работ в 1932 г. был А. П. Круглов, а в 1933 г. Е. Ю. Кричевский.

В 1932 г. экспедицией были произведены небольшие раскопки на северном участке холма. Здесь были заложены два раскопа площадью 12 кв. м каждый. Первый раскоп находился на пологом склоне холма, рядом с межевой канавой, а второй в расстоянии 5 м к юго-западу, на его вершине. Как в том, так и в другом раскопе культурный слой оказался перемешанным в результате современной обработки почвы. Наибольшее количество находок залегало в толще чернозема, слагающей верхний

¹ Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и в 1925 гг. Сообщ. ГАИМК, Лгр., 1926, т. I, стр. 82, рис. 10.

² Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3, стр. 28.

³ Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. Проблемы ист. матер. культ., 1933, № 1—2, стр. 50—51.

¹ М. И. Ермоленко. Неолитическая стоянка. Изд. Обл. музея Кабардино-Балкарской автономной области, 1929.

горизонт холма. Находки концентрировались на глубине до 0.40 м от поверхности, реже встречались в нижнем горизонте почвенного слоя до глубины 0.60 м и совершенно отсутствовали в слое подстилающей желтой глины. Характер находок как в первом, так и во втором раскопе однороден. В первом раскопе было найдено: 109 фрагментов глиняных сосудов, 32 отщепов обсидиана, 7 кремневых отщепов, 3 кремневых орудия, полированное долото из змеевика, каменная терка и пест, а также несколько осколков камня и кусков слегка

культурных остатков были такими же, как в раскопе № 2. Находки на всей площади были распределены довольно равномерно, если не считать одного пункта их большего скопления, о котором речь будет дальше. От поверхности земли до глубины 0.25—0.30 м на раскопанном участке было найдено: около 230 обломков глиняных сосудов, 90 кремневых отщепов и осколков, 4 кремневых нуклеуса, 12 кремневых орудий, 210 обсидиановых отщепов и осколков, 25 кусков обожженной глины и 1 фрагмент терки. На глубине от 0.25—0.30 до

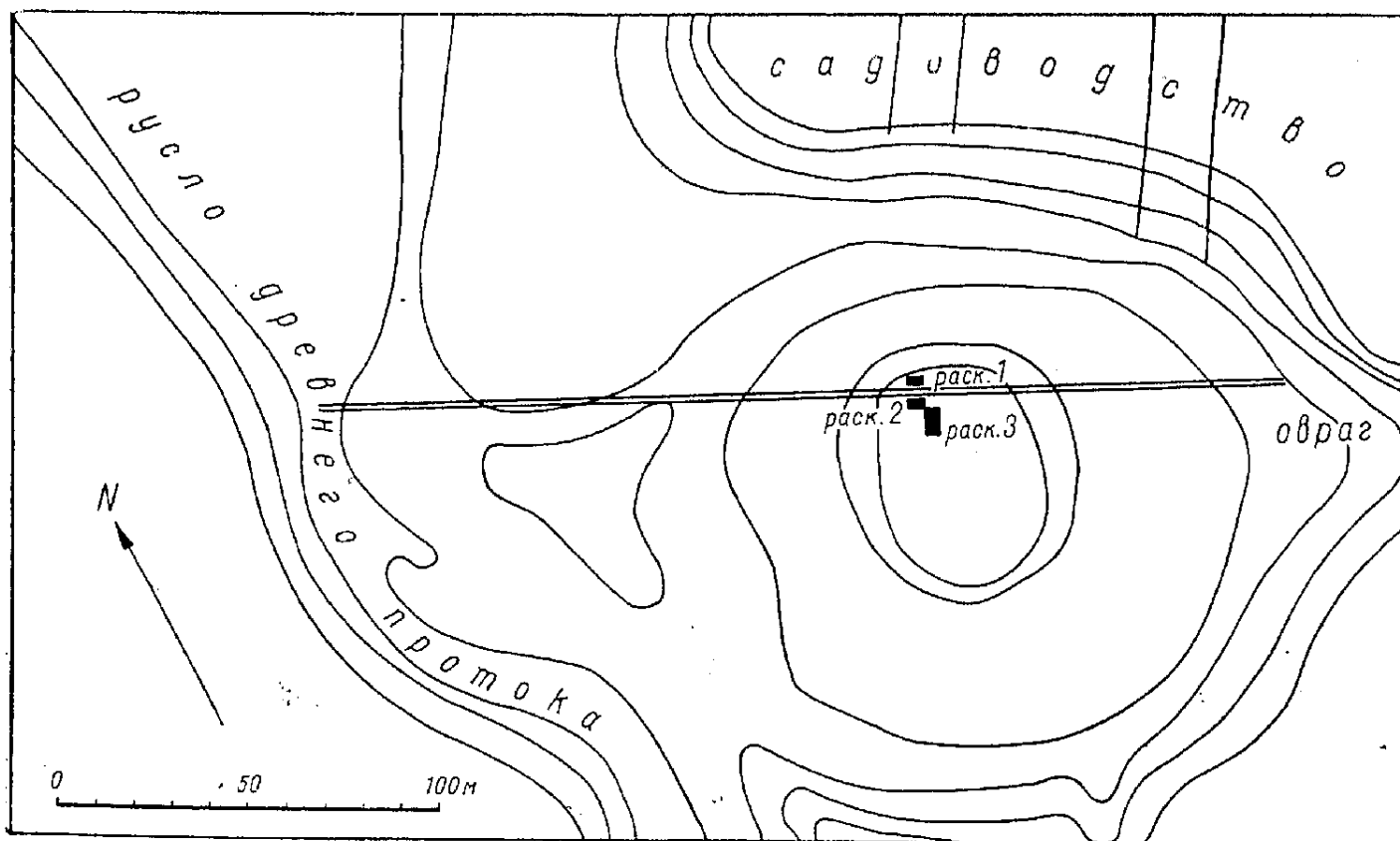

Рис. 1. План центральной части Агубековского поселения.

обожженной глины. Во втором раскопе обнаружено: 305 фрагментов глиняных сосудов, 96 отщепов обсидиана, 38 кремневых отщепов, 5 кремневых орудий, каменная терка, 2 каменных песта, большое количество мелких кусков камня, 7 кусков горелой глины и 3 кости животных. Керамика как в первом, так и во втором раскопе оказалась сильно измельченной, с замытыми краями, не позволяющей восстановить форму сосудов. Кости животных, по определению В. И. Громова, принадлежат молодой особи свиньи, по всей вероятности дикой. При сопоставлении материалов из обоих раскопов обращает на себя внимание значительно большая насыщенность культурными остатками слоя во втором раскопе, заложенном на вершине холма.

Раскоп 1933 г. (№ 3) расположен на вершине холма рядом со вторым раскопом 1932 г. Всего вскрыто пространство размером 32 кв. м. Последовательность слоев и расположение

0.35—0.40 м было сделано наибольшее число находок. Там было найдено свыше 1000 обломков глиняных сосудов, 180 осколков и отщепов обсидиана и 90 осколков и отщепов кремня, 3 кремневых и 4 обсидиановых орудия, 1 кремневый нуклеус и свыше 400 кусков обожженной глины. Глубже находки почти отсутствовали. Так, на глубине свыше 0.40—0.55 м было найдено на всем протяжении раскопа только 11 черепков, 4 обсидиановых осколка и 2 куски обожженной глины.

Почти на всем протяжении раскопа культурные остатки находились в перемешанном слое; не было никакой возможности установить какую-либо закономерность или правильность в их залегании. Только в одном случае были замечены очертания ямы. Яму удалось выявить в горизонтальном сечении уже на глубине 0.30 м. Она имела форму неправильного четырехугольника с округленными углами (длина сторон 0.93, 0.95, 0.65 и 0.43 м). Яма

достигала 0.22 м глубины, причем одна ее стенка была довольно крутая, а другие, напротив, очень пологие. В яме, преимущественно у ее дна, было отмечено скопление культурных остатков. Здесь было найдено 134 обломка глиняных сосудов, 78 кусков обожженной глины, 4 кремневых и 10 обсидиановых осколков, незначительные обломки костей животных, куски угля и комки красной краски. Стенки ямы не имели следов обжига. По полученным нами данным трудно ответить на вопрос о назначении этой ямы, но во всяком случае кажется, что ее нельзя считать очажной и что скорее всего она могла быть или ямой для запасов, или ямой для мусора, или основанием углубленного жилища.

Жилища древних обитателей нашего поселения, очевидно, представляли собою легкие плетеные хижины. Обнаруженные при раскопках куски обожженной глины не имеют оттиска плетня или стояков и не могут считаться, поэтому, остатками обмазки стен.

Перейдем к характеристике найденного при раскопках материала.

Во всех раскопках, как нами уже отмечалось, встречались куски слабо обожженной глины коричневатого цвета, имевшие различную форму. В значительно большем количестве они были обнаружены на вершине холма, занятого поселением, в раскопе 1933 г. (табл. I). Здесь их находили как в толще нарушенного культурного слоя, так и в древней неглубокой яме, выкопанной в материковой глине. Большинство кусков было сильно замыто и имело неправильные округлые очертания, а часть из них сохранилась несколько лучше и дает представление об их первоначальной форме. Насколько можно судить по фрагментам, которые удалось собрать, большая часть кусков представляет собою лепешки продолговатой формы, сильно утолщенные по одному краю и утончающиеся к другому. В тех случаях, когда поверхность лепешек сохранилась лучше, на одной из сторон отчетливо видны отпечатки колотого дерева, а другая имеет на себе следы заглаживания пальцами (табл. I, 1—2). Утолщенный край лепешки, по всей вероятности, был обращен кверху. Вдоль этого края на большинстве кусков имеется или продольный желобок или сделан небольшой уступ. На нескольких кусках, на толстом крае, имеются небольшие вертикальные выступы, по толщине равные или толстому краю лепешки, в тех случаях, когда желобок, идущий поверху, прерывается, или более тонкие, когда рядом с выступом сохраняется небольшой уступ, проходящий и на смежных частях предмета (табл. I, 3, 4). В одном случае на небольшом куске утолщенного края нанесен врезанный орнамент в виде косо расположенных продолговатых углублений (табл. I, 5). Размер лепешек: длина сохранившихся кусков от 14 до

19 см, ширина 5—6 см, наибольшая толщина 1.3—1.8 см.

Другую группу кусков обожженной глины составляют плоские обломки. На двух таких кусках имеются отпечатки цыновки, плетеной в «елочку» (табл. I, 6). Толщина обломков колеблется от 0.8 до 2.5 см.

По определению, сделанному в Институте исторической технологии ГАИМК, глина, из которой изготовлены описанные нами лепешки, «была в слабом восстановительном обжиге при температуре 500—600°. Она резко отличается по своему составу от черепков, найденных на том же поселении, и, вероятно, была поблизости от костров или служила для стенок при ограждении их».

В раскопе 1933 г. был найден фрагмент небольшого кольца (?), сделанного из той же глины, и обломок поделки цилиндрической формы, слепка сужающейся к одному концу. В виду незначительности сохранившихся частей этих предметов определить их форму и назначение не представляется возможным.

Основную группу находок, как в раскопках, так и при сборах на поверхности, составляли фрагменты глиняных сосудов (рис. 2). С технической стороны керамика Агубековского поселения характерна своим однообразием. Все собранные фрагменты принадлежат по технике их изготовления и по характеру теста к одному типу. В заключении Института исторической технологии ГАИМК о технике и материале, из которого изготовлены сосуды Агубековского поселения, говорится следующее: «Материал для изготовления черепка — глина низкого качества, сильно загруженная вкраплением слюды в виде отдельных чешуек и зерен кварца. Черепок был обожжен при температуре 750°. Обжиг был недостаточным и восстановительным. Это могло дать черепок низкого качества, малой плотности и проницаемый для жидкости. Значительное включение слюды в глине не повышает качеств черепка. Формовка изделий производилась без гончарного круга. Нормальный обжиг черепка Агубековского поселения наступает при температуре выше 750°, что было недоступно для той обстановки обжига, при которой изготовлялись подобные изделия. Искусственное добавление слюды к глине для изготовления черепков мало вероятно и было бы совершенно бесполезным. Материал для оформления изделия следует считать неудачно выбранным, что, вероятно, зависело от отсутствия подходящих выходов гончарных глин в окрестностях стоянки». Основной цвет всех черепков желтый с красноватым или сероватым оттенком. Полное отсутствие целых сосудов или крупных фрагментов не дает возможности восстановить их форму. Подавляющее большинство венчиков является фрагментами прямого, расходящегося растробом, края сосуда и только самая незначительная часть венчиков имеет отогнутый наружу край.

В наших сборах венчиков последнего типа имеется всего три экземпляра: два из них (рис. 2, 3, 4) имеют край резко отогнутый наружу (диаметр отверстия 12 см), а у третьего прямой венчик оканчивается слабо отогнутым ободком (диаметр отверстия 18 см).

В целом собранная нами керамика дает возможность предполагать существование, по крайней мере, трех различных форм. Наиболее

имеется два, диаметр одного из них 5.5 см, а второго 3.5 см. Отдельные фрагменты указывают на существование сосудов с днищами большего диаметра — 6—9 см.

Агубековское поселение дает, далее, несколько черепков с горизонтально просверленными ушками, очевидно служившими для подвешивания сосудов (рис. 3, 5, 6). Характерным фактом является почти полное отсутствие

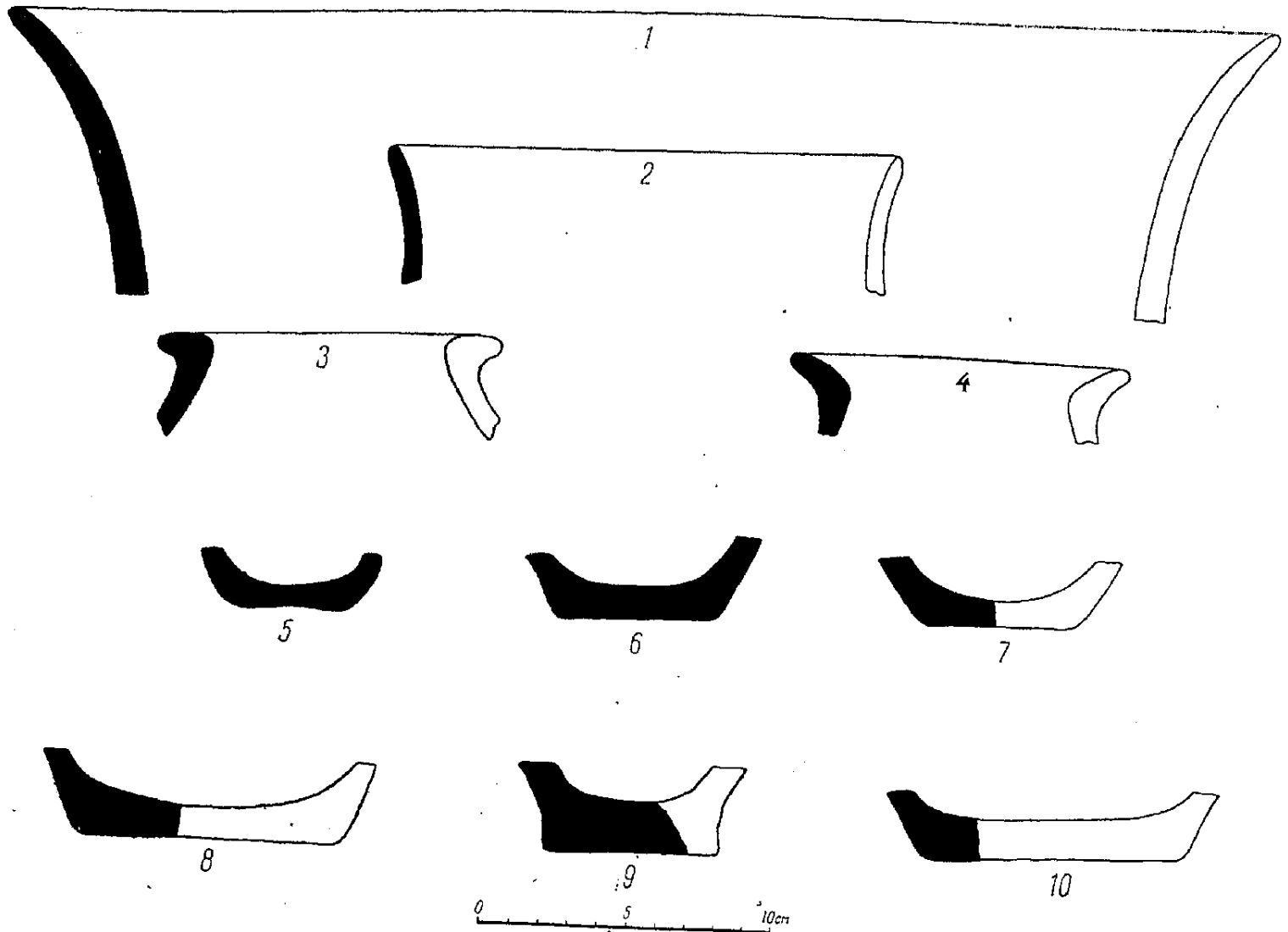

Рис. 2. Агубековское поселение. Профили венчиков и днищ глиняных сосудов.

широко распространенной формой являются большие горшки с прямым расходящимся краем (рис. 2, 1, 2). Имеющиеся у нас образцы показывают, что диаметры отверстия сосудов подобного типа равны в одном случае 18, а в другом 44 см. Еще меньше данных для суждения о формах сосудов дают фрагменты стенок. В собранном экспедицией материале имеются фрагменты, представляющие округлые переходы от плечиков к шее или части выпуклого брюшка сосудов шаровидных очертаний. Свыше 10 обломков представляют части днищ сосудов (рис. 2, 5—10). Сосуды Агубековского поселения имеют плоское дно, иногда несколько вогнутое в центре. Целых днищ

орнаментированной керамики. Как единственный орнаментальный элемент выступает только выпуклый валик, очевидно располагавшийся на стенках сосуда в горизонтальном направлении (рис. 3, 3—4). Особняком стоит один фрагмент миниатюрного сосуда, имевшего форму круглодонной чашечки (рис. 3, 2). Высота сохранившейся части сосуда 3 см, диаметр 3.5 см.

Наконец, важно отметить наличие среди керамического материала одного фрагмента сильно схематизированной глиняной статуэтки, изображающей человека (рис. 3, 1). Сохранившаяся часть статуэтки длиной 5 см представляет собою длинную тонкую шею, оканчиваю-

щуюся своеобразно моделированной головой. Последняя имеет форму вытянутого овала и является более широкой и плоской, чем шея. Моделировка лицевой части головы ограничилась одним широким защипом по всей длине «лица». На тыльной стороне головы, соответственно защипу на лицевой, также заметен небольшой валик. Вдоль обеих сторон овала «лица», по краям его, имеются ряды дырочек, частью, видимо, заплывших при обжиге. На одной стороне «лица» таких дырочек 4, на

рабочего края. В одном случае (рис. 4, 3) скребок сделан из первичного откола от гальки, так что вся поверхность его со стороны спинки покрыта коркой, снятой лишь фасетками, формирующими рабочий конец орудия. На трех кремневых скребках корой покрыта часть спинки. Характер обработки рабочего края различен — на одних орудиях последний получен несколькими сколами, а на других тщательно обработан отжимной ретушью. Скребки, изготовленные из обсидиана, также не од-

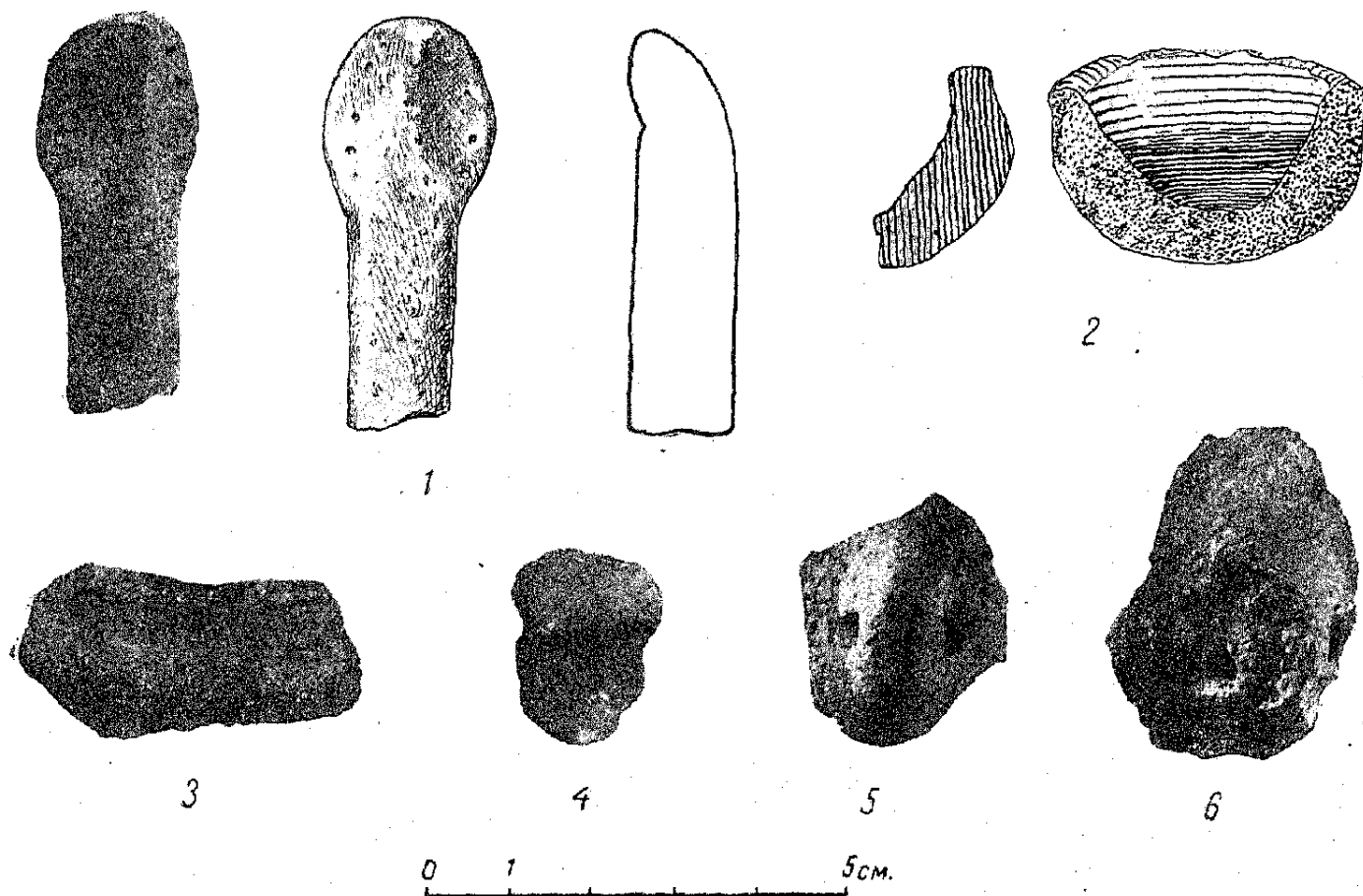

Рис. 3. Агубековское поселение.

1 — фрагмент глиняной статуэтки; 2 — глиняный сосуд; 3—6 — обломки стенок глиняных сосудов.

другой — 5. Керамическое тесто, из которого изготовлена статуэтка, вполне аналогично тесту сосудов.

В большом количестве на поселении встречаются разнообразные каменные орудия. Основную массу мелких каменных орудий Агубековского поселения составляют скребки различных типов, изготовленные из обсидиана и кремня. Среди имеющегося материала можно выделить скребки с округлым рабочим краем, сделанные на отщепе, скребки, изготовленные на концах пластин, и орудия, имеющие высокую дисковидную форму.

Первая группа скребков наиболее многочисленна. Сюда мы относим 5 орудий, сделанных из кремня (рис. 4, 1—4, 6), и 3 из обсидиана (рис. 4, 5, 9, 10). Отщепы, из которых изготовлены орудия, имеют неправильную форму, чем объясняется и различный контур

нородны. Рабочий край одного скребка сформирован очень мелкой крутой ретушью, сильно поврежденной в результате работы (рис. 4, 9), два другие скребка обработаны более тщательно плоской отжимной ретушью, заходящей на спинку орудия (рис. 4, 5, 10).

Скребки, изготовленные на концах пластин, встречаются значительно реже. В наших сборах их имеется два экземпляра (рис. 4, 7—8). Эти орудия, кроме ретуши, формирующей рабочее лезвие, имеют ретушь, идущую вдоль обоих краев пластины, на которых заметны и следы сработанности в виде небольших выщерблин. Один из скребков имеет следующие размеры: длина пластины 2,5 см, ширина по рабочему краю 1,3 см; второй скребок фрагментирован.

Скребок дисковидной формы, изготовленный из массивного кремневого отщепа, найден

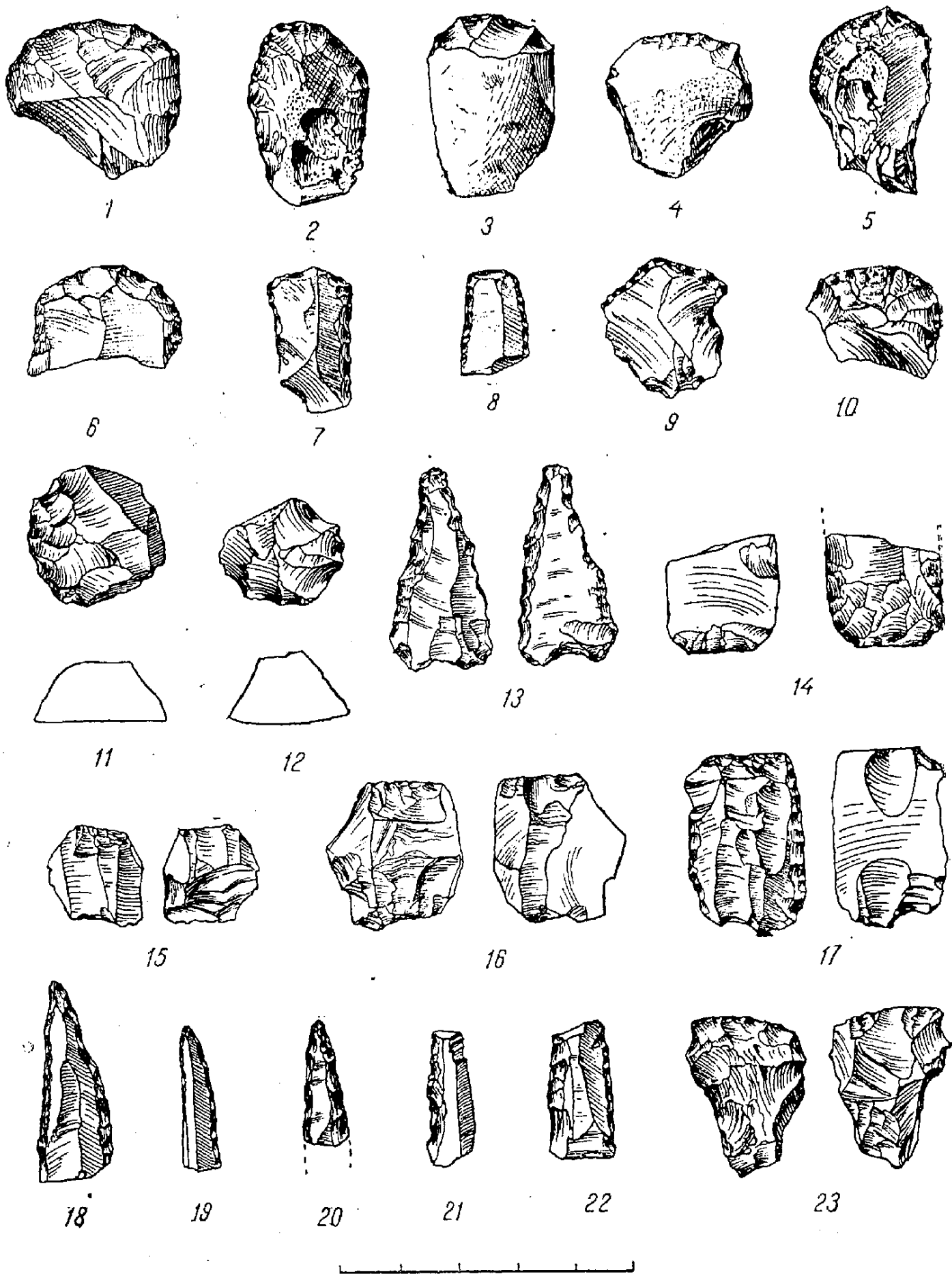

Рис. 4. Кремневые и обсидиановые орудия Агубековского поселения.

1-12 - скребки; 13-14 - наконечники стрел; 15-17, 23 - орудия типа «pièce écaillée»; 18-22 - проколки; 1-4, 6-8, 11, 13-22 - кремь; 5, 9-10, 12, 23 - обсидиан.

лишь в одном экземпляре (рис. 4, 11). Со стороны спинки он обработан грубыми сколами, а по рабочему краю поверх этих сколов имеет более тонкую подправку. Гладкое брюшко орудия представляет собою поверхность откола. Размеры скребка: поперечник 2.4 см, высота 1.3 см.

Возможно, что в группу скребков следует отнести и небольшое нуклеидное орудие, изготовленное из обсидиана, дисковидное в плане и обработанное сколами, идущими от основания орудия к его верхней части (рис. 4, 12). Со стороны брюшка имеются также два небольших скола, а остальная его часть представляет собою поверхность откола от нуклеуса. Значительная часть орудия покрыта коркой. Сработанность имеет вид небольших выщерблин по краю. Размеры: поперечник 2.1 см, высота 1.2 см.

Проколки, найденные в количестве трех экземпляров, изготовлены из кремневых пластинок и по форме могут быть отнесены к типу срединных (рис. 4, 18—20). Края пластинок обработаны крутой ретушью. К сожалению, в нашем материале не имеется ни одного целого экземпляра этого рода орудий, а потому невозможно установить, была ли нанесена ретушь, формирующая рабочее острие, вдоль всей пластины, или ограничивалась лишь ее заостренной частью. По всей вероятности, мы имеем различные приемы обработки. У проколки, изображенной на рис. 4, 19, с одного края ретушь продолжается вдоль всего орудия до излома пластины, а на втором формирует лишь острие. Возможно, что нижними частями проколки являются два обломка пластины с крутой ретушью по краям (рис. 4, 21, 22). Здесь точно так же в одном случае ретушь имеется на обоих краях пластины, а в другом нанесена по одному из них. Длина найденных обломков колеблется от 2.1 до 3.5 см.

Кремневые острия представлены двумя экземплярами, от одного из которых имеется лишь верхняя часть (рис. 5, 11, 12). Оба они изготовлены из пластины продолговатой формы. Острие, сохранившееся полностью (рис. 5, 11), имеет по одному краю очень мелкую ретушь, идущую вдоль всей пластинки, а по другому — более крутую, нанесенную лишь на ее конце. Длина орудия равна 4.5 см. Второе острие изготовлено из более массивной пластины и тщательно обработано отжимной ретушью. Орудие это находилось в огне, так как его поверхность покрыта сетью тонких трещинок.

Наконечники стрел в материалах Агубековского поселения представлены крайне плохо. Нам известен лишь один наконечник, изготовленный из кремневой пластины серого цвета, имеющий неправильно-подтреугольную форму, с округлой выемкой в основании (рис. 4, 13). Ретушь формирует лишь край наконечника и не заходит на спинку и брюшко пластины, представляющие собою поверхности откола от ну-

клеуса. Следует отметить, что по одному краю наконечника ретушь нанесена со стороны спинки пластины, а по другому со стороны брюшка. Характер ретуши очень небрежный: она образует неровные, зазубренные края; орудие имеет незаконченный вид. Размеры наконечника: длина 3.5 см, наибольшая ширина 1.7 см. Возможно, что частью наконечника является фрагмент кремневой поделки, изображенный на рис. 4, 14. Орудие было изготовлено из пластины. Со стороны спинки оно обработано плоской ретушью, идущей по краю и захватывающей значительную часть поверхности орудия, а со стороны брюшка имеется ретушь, утончающая его конец.

Орудия типа «*pièce écaillée*» изготовлены из пластин и отщепов кремня (рис. 4, 15—17). Рабочее долотовидное лезвие их образовано рядом сколов, нанесенных с обеих сторон орудия, и имеет очень сильные следы сработанности в виде многочисленных и глубоких выщерблин. Орудий данного типа имеется 3 экземпляра. Возможно, что в эту же группу следует отнести и одно орудие из обсидиана (рис. 4, 23). Рабочий край его с одной стороны образован ретушью, нанесенной поверх более грубых сколов, а с другой — несколькими плоскими сколами.

Особо следует отметить группу обсидиановых и кремневых отщепов и пластинок, имеющих по краю небольшие сегментовидные выемки (рис. 5, 1—7). В большинстве случаев эти выемки следует рассматривать как результат сработанности отщепа, не подвергавшегося предварительной обработке ретушью. В двух случаях можно говорить о наличии ретуши, формирующей вогнутый рабочий край. В одном случае она имеется на кремневом отщепе (рис. 5, 7), а в другом нанесена по краю пластинки из обсидиана (рис. 5, 4). Поделки с округлыми выемками в наших материалах представлены шестью экземплярами, сделанными из обсидиана, и двумя из кремня. Размер выемок и форма их различны. На одном отщепе они, будучи более округлы, имеют размеры по хорде, проведенной между концами выемки, в пределах от 0.5 до 1 см. Реже встречаются отщепы с выемками большего размера, но значительно менее вогнутыми. Размеры выемок во втором случае колеблются от 1.3 до 2.1 см. На одном из кремневых отщепов сделаны две выемки, одна из них расположена на конце отщепа а вторая на боковой стороне. Назначение этих поделок недостаточно ясно, возможно, что они служили для обработки кости, подобно вогнутым скребкам, хорошо известным из верхнепалеолитических стоянок.

Кроме описанных орудий среди материалов Агубековского поселения имеется большое количество пластинок с ретушью, как целых, так и в обломках (рис. 5, 8—10, 13—22). По всей вероятности, большая часть этих пластинок упо-

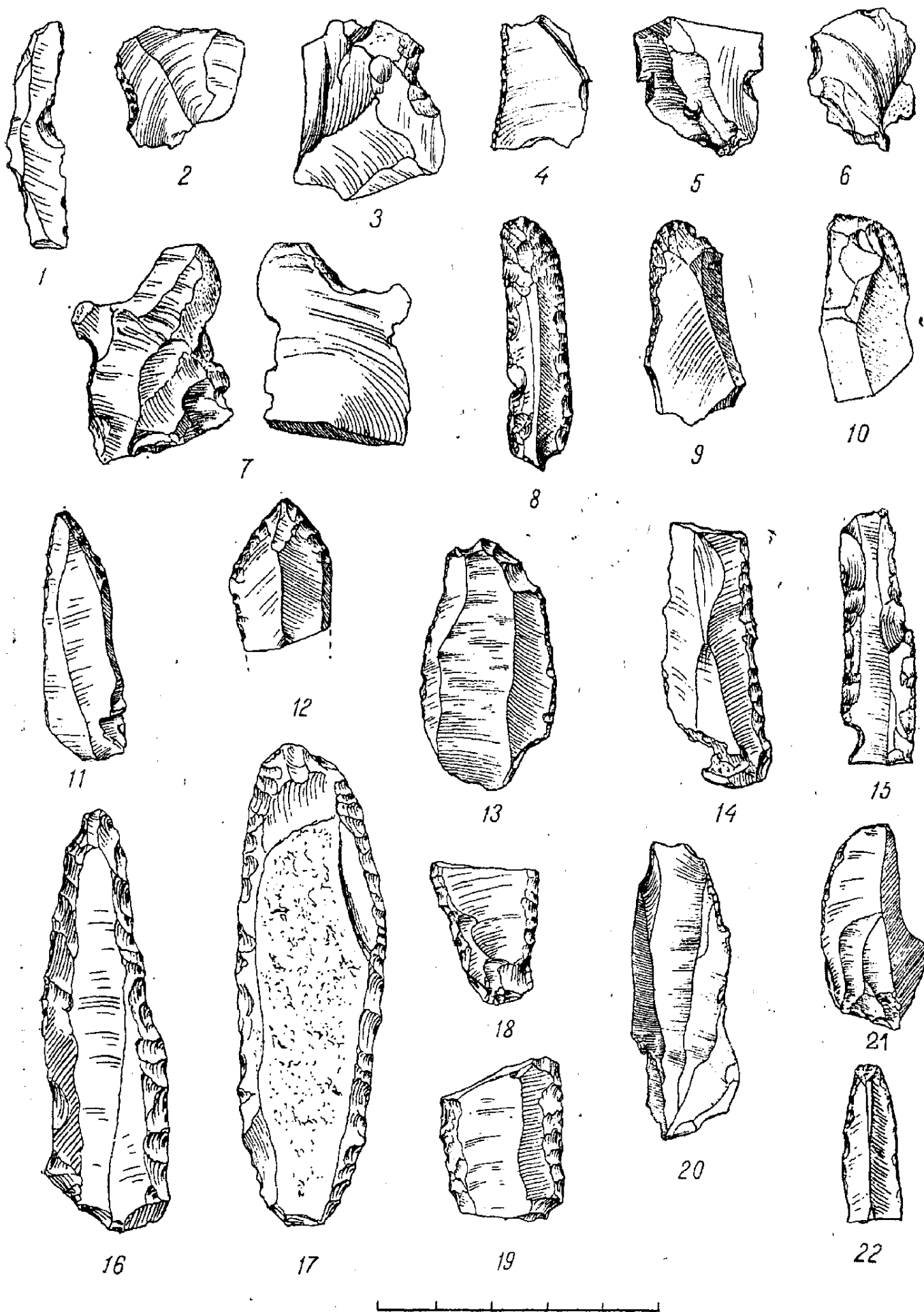

Рис. 5. Кремневые и обсидиановые орудия Агубековского поселения.
 1—7 — пластины и отщепы с сегментовидной вьжкой; 1, 7, 20, 22 — кремни; 2—6, 21 — обсидиан.

треблялась в качестве режущих ножевидных орудий. Ретушь на большинстве пластин нанесена только по краю и не заходит на их спинки.

Заканчивая обзор мелких каменных орудий, необходимо отметить численное преобладание обсидиана как поделочного материала над кремнем, в отличие от поселений более позднего времени в этом же районе. Obsidian в большинстве случаев употреблялся без вторичной подправки ретушью, вследствие наличия режущих граней. Следы сработанности, имеющие характер очень мелких выщерблин, заметны на многих обсидиановых отщепах и осколках.

Учитывая довольно часто встречающиеся в археологической литературе замечания о закавказском происхождении обсидиана, находимого на Северном Кавказе, и об ограничении его распространения на закавказской территории районом Армении, считаем совершенно необходимым подчеркнуть местное происхождение этого материала для центрального Предкавказья. Первая геологическая находка обсидиана на Северном Кавказе была зарегистрирована в 1898 г.,¹ и за последующие годы был собран по этому вопросу довольно обширный материал.² Несколько лет тому назад геолог А. Микей исследовал проблему обсидиановых включений в толщах вулканических туфов по среднему течению р. Баксана (у сел. Заюково) в расстоянии 45—50 км от Нальчика.³ Имеются в геологической литературе также и указания на местное происхождение древних обсидиановых орудий и отщепов, в частности находимых на Агубековском поселении.⁴

Существенным обстоятельством является присутствие среди материалов Агубековского поселения двух топоров, видимо, одного определенного типа. Один из них был обнаружен при раскопках 1933 г. Речь идет о фрагменте (обушной части) каменного полированного топора (табл. II, 3). Сохранившаяся часть (диаметр 5.5 см) свидетельствует об округлом разрезе и цилиндрической форме топора в це-

лом. Обушная часть имеет выраженное коническое окончание. К этому же типу топоров, возможно, относится и другое каменное полированное орудие Агубековского поселения, хранящееся в Нальчикском музее (рис. 6).

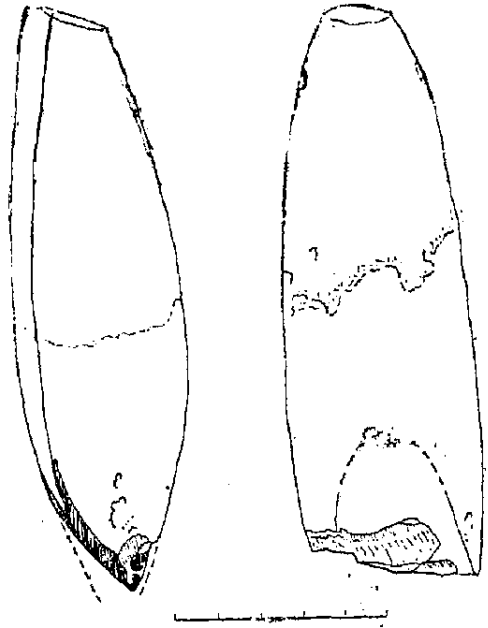

Рис. 6. Каменный топор с Агубековского поселения.

Оно имеет округлый разрез, цилиндрическую форму и несколько сужается к обуху. Скошенное лезвие сохраняет явные следы длительного употребления. Длина топора 14 см, ширина лезвия 4 см, диаметр обушной части 2 см. Эти топоры принадлежат к известному типу неолитических овальноцилиндрических топоров.

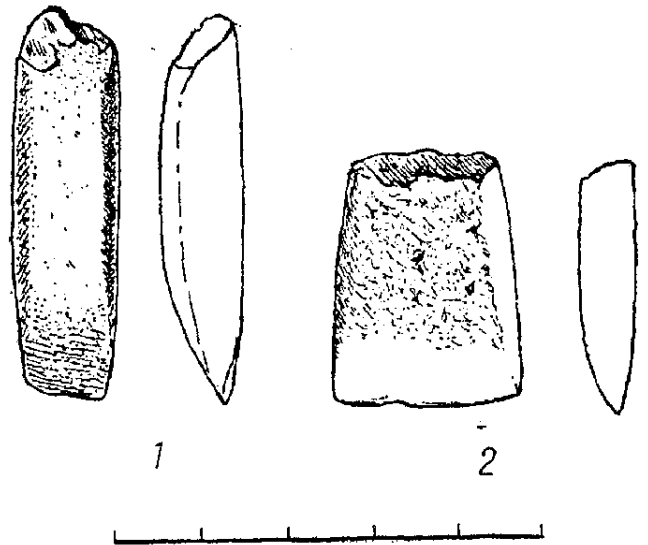

Рис. 7. Каменные долота с Агубековского поселения.

Следующей категорией полированных каменных орудий нашего поселения являются долота небольших размеров. Два таких долота сохранились в фрагментированном виде (табл. II, 5, 6 и рис. 7). Длина сохранившейся части первого долота 3 см, наибольшая толщина 0.7 см,

¹ С. И. Борчевский. Описание минералогической коллекции, собранной в верховьях Кубани в 1898 г. Изв. Общ. люб. изуч. Кубанской обл., вып. 2, Екатеринодар, 1900, стр. 200—254, по списку № 31.

² В. В. Дубянский. К петрографии Эльбруса. Изв. Варшавск. политехн. инст., вып. III, 1914, стр. 468—469. — Он же. Заметка о новой вулканической области в долине Баксана. Изв. Варшавск. политехн. инст., 1912 стр. 111.

³ А. Я. Микей. Новая находка обсидиана с Эльбруса. Минеральное сырье, 1929, № 3. — А. J. Miskeu. Ueber Obsidiane aus dem Kabardino-Balkarischen autonomen Bezirke, Stbl. f. Mineral., 1930, Abt. A., № 10, стр. 416—428.

⁴ П. Н. Чирвинский. Obsidian из Карачаевской и Кабардино-Балкарской автономных областей. Зап. Всеросс. минер. общ., т. LXIII, 1934, № 1, стр. 247—262. — Он же. Краеведение по следам первобытного человека. Газ. „Кировский Рабочий“, 1935, 15 ноября.

ширина по лезвию 2 см; длина второго—1.7 см, наибольшая толщина 0.9 см, ширина по лезвию 2.2 см. Эти измерения сохранившихся частей предметов говорят об их исключительно малых размерах. Долотца эти имеют односторонне выпуклую форму, лезвия их были хорошо сточены и несколько скошены. Третье долото, происходящее из этого же поселения, по своим размерам так же мало, как и предыдущие, но по своей форме несколько отличается от них (табл. II, 4 и рис. 7, 1). Оно более узко и, видимо, длиннее первого и второго. Ширина лезвия этого долота достигает 1 см, его наибольшая толщина 0.8 см, а длина 4.5 см. Это третье долото, как и оба предыдущие, имеет асимметричный односторонне-выпуклый разрез, а лезвие его также сточено и скошено. Трудно с уверенностью говорить о функциональном назначении этих маленьких долот. Можно предположить, что они могли использоваться как стамески при мелких работах по дереву. Четвертое орудие сохранилось также в фрагментированном виде (табл. II, 2). Оно сильно уплощено с боков, а его выпуклая верхняя сторона круто спадает и образует при соприкосновении с плоской нижней стороной тупое и несколько скошенное лезвие, имеющее сильные следы сработанности. Размеры орудия: длина сохранившейся части 4 см, высота 2.8 см, толщина 1.2 см. Орудие это было передано для определения в Институт исторической технологии ГАИМК. Г. Г. Лемлейном дано следующее заключение: «Сильно измененная выветрелая горная порода с твердостью в некоторых участках, равной 7, но в других значительно ниже. Поверхность шлифована. Ребра скруглены, что может служить указанием на возможное применение предмета в качестве наконечника сверла. Возможно также ударное применение (сработанность конца)».

Следующим типом каменных шлифованных изделий, представленных на Агубековском поселении, является навершие булавы округлоконической формы из габбро (табл. II, 1). Высота его достигает 4.3 см, а наибольший диаметр 5.7 см; отверстие имеет вид усеченного конуса, причем наименьший его диаметр находится у большего основания булавы.

Чрезвычайно типичными для Агубековского поселения являются крупные каменные орудия, среди которых прежде всего следует выделить довольно обширную группу терок, терочников и пестов. Предметы эти были находимы как при сборе подъемного материала на различных участках поселения, так и в заложённых экспедицией раскопах.

Терки имеют вид удлиненного плоского валуна, на одной из широких сторон которого заметны следы от продолжительного употребления (табл. III, 1, 3, 5, 7). На терках, изготовленных из твердых кристаллических пород, рабочая поверхность представляет собою

совершенно ровную плоскость, иногда слегка вогнутую по длине (табл. III, 3). Поверхность терок из вулканического туфа, встречающихся значительно чаще, менее ровная, что следует объяснить характером материала. Небольшие размеры рабочих поверхностей этих орудий выделяют их из серии хорошо известных зерпотерок, часто встречающихся на поселениях «эпохи бронзы» на Северном Кавказе и в степной полосе Европейской части СССР, и позволяют ставить вопрос об их ином функциональном назначении. Размеры терок Агубековского поселения следующие: по длине они в среднем равны 22—25 см при ширине 10—14 см.

Растирание на этих терках производилось небольшими терочниками, представляющими собою маленькие гальки или валуны, отдельные участки которых стерты и имеют вид больших ровных площадок с одной, с двух или с нескольких сторон предмета (табл. III, 2). Встречаются, правда, значительно более редкие, терочки, которым придана определенная форма. Можно отметить терочник, круглый в плане (табл. III, 6). Верхняя и нижняя плоскости его сильно стертые, а боковые грани грубо оббиты. Диаметр этого терочника 8 см. Другой терочник, четырехугольный в сечении, имеет следы стертости на всех четырех гранях. На одном из концов орудия, слегка суженном, имеются следы от ударов. Возможно, что этот предмет употреблялся в качестве песта. Второй конец орудия отбит. Длина сохранившейся части терочника 8.5 см, ширина 6 см.

Песты Агубековской стоянки имеют неправильно цилиндрическую форму. Рабочий край этих орудий, в отличие от терочников, не горизонтально уплощенный, а слегка выпуклый. Песты, очевидно, употреблялись для разбивания и дробления, на что указывают выщерблины на их рабочих концах. Фрагмент такого песта имеется в материалах экспедиции (табл. II, 9), длина сохранившейся части 13 см, поперечник 6 см. В собраниях Нальчикского музея имеются такие песты, достигающие в высоту 20 см.

К числу орудий, служивших для растирания, кроме вышеописанных предметов, мы относим два дисковидной формы камня, хранящиеся в том же музее. Первый из них (рис. 8) имеет круглое отверстие, пробитое в центре, и четыре округлых выемки по краю диска. Центральное отверстие пробивалось с двух сторон, но резкой грани между той и другой выемкой нет. Предмет этот сделан, по всей вероятности, из плоского валуна. Камень пористый, красноватого цвета. Размеры предмета следующие: поперечник диска 15—17.5 см, толщина 4.2 см, диаметр отверстия 2 см. Второй камень разбит, в музее имеется лишь половина предмета; он точно так же имел округлое отверстие в центре,

выбитое с двух сторон диска, но, в отличие от первого предмета, лишен выемок по краю. Камень, из которого изготовлен этот диск, красноватого цвета, сильно пористый, по всей вероятности, как и в первом случае, представляющий собою вулканический туф. Размеры: поперечник диска 12 см, толщина 4 см, диаметр отверстия 2 см. Один каменный диск имеется среди материалов экспедиции. От предметов Нальчикского музея он отличается тем, что не имеет отверстия. Диаметр диска 16 см, толщина 6 см (табл. III, 4).

На ряду с вышеописанными предметами встречаются поделки из камня, назначение которых неясно. Мы имеем в виду маленькие гальки из вулканического туфа, круглой или овальной формы, имеющие с двух сторон симметрично расположенные высверленные углубления (табл. II, 7—8). На некоторых гальках углубления эти небольшие, на других же они почти смыкаются друг с другом. В одном случае, при такой сверловке камня, он раскололся на два куска. Размеры галек: длина овальной гальки 6.5 см, ширина 4 см, диаметр круглой гальки 4.5 см.

Заканчивая обзор предметов из камня, необходимо отметить наличие точильных камней продолговатой формы и трехгранных в сечении (табл. II, 10—11).

Обращаясь к вопросу об археологической датировке Агубековского поселения, следует отметить прежде всего, что оно не имеет аналогичных ему среди памятников, известных к настоящему времени на Северном Кавказе. Инвентарь Агубековского поселения имеет ряд черт, позволяющих относить его к неолитическому времени и, следовательно, считать древнейшим из известных нам поселений на Северном Кавказе, не считая палеолитических стоянок.

Об этом, прежде всего, говорит система хозяйства его обитателей, поскольку удается реконструировать ее на основании данных, имеющихся в нашем распоряжении. Во-первых, у нас нет оснований предполагать у древних обитателей Агубековского поселения наличия земледелия. Среди всех терок, представленных в наших материалах, нет ни одной, которую можно было бы считать зернотеркой. Все они слишком незначительны по своим размерам, для того чтобы употребляться для растирания зерна. Этому также противоречила бы пористая структура камня. С другой стороны, эти терки могли быть удобными для растирания съедобных корней, диких плодов, орехов или желудей. Набор терок Агубековского поселения дает, следовательно, основание говорить не о земледелии, а о собирательстве.

В заложенных экспедицией раскопах кости животных встречались очень редко. Однако, поскольку их удалось определить, они принадлежат дикой свинье. Таким образом ко-

стные остатки не дают основания говорить о скотоводстве, а скорее об охоте. Это примитивное охотничье-собираческое хозяйство древних обитателей нашего поселения уже само по себе может свидетельствовать в пользу его высокой древности, его неолитического возраста.

С этим согласуется находка каменных полированных топоров цилиндрической формы, округлых в разрезе, т. е. древнего неолитического типа (Stumpfnackiges Walzenbeil).

Это подтверждают и находки вышеописанных миниатюрных долот двух основных форм:

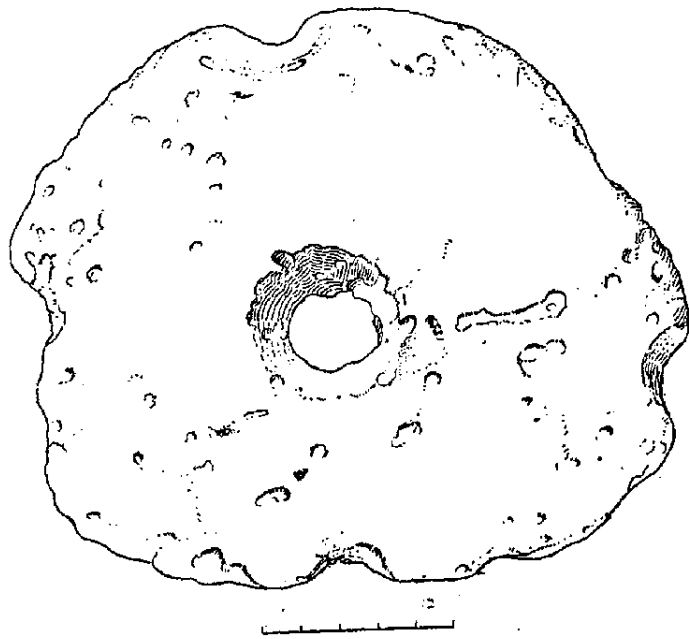

Рис. 8. Каменный «жорнов» с Агубековского поселения.

одной широкой и плоской, другой более узкой и несколько более высокой. Неолитический материал Европы может дать достаточно близкие аналогии этим миниатюрным односторонне-выпуклым орудиям, особенно в связи с культурой ленточной керамики Рейна и Дуная. Подобные колодковидные и долотовидные орудия длиной с палец, по мнению Пфейфера, могли служить для резьбы по дереву,¹ а по мнению Мелиса — для сглаживания и полировки кожаных и керамических изделий.² Отметим также, что близкие по формам (односторонне-выпуклые) и по размерам орудия знает и трипольская культура.

Не противоречит неолитической датировке нашего поселения и наличие каменного навершия булавы. Каменное навершие шаровидной формы было найдено в кургане № I в г. Нальчике.

На западе каменные навершия булав выступают в древнейших неолитических куль-

¹ Pfeiffer. Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen, 1923.

² Mehlis. Die sogenannten Schuhleistenkeile der neolithischen Zeit. Ctbl. für Anthr., Ethn. u. Urgesch., 1901, H. 3 u. 4.

турах, как, например, в культуре древней ланейной керамики Моравии,¹ или культуре, характеризующейся нижними слоями Винчи в Югославии.² На правобережной Украине каменный наконечник булавы «в виде креста с шарообразными оконечностями» был найден в поселении, которое относится к древнейшей стадии трипольской культуры.³ Отметим также наличие каменных наконечников булавы в древнейших погребениях Мариупольского могильника.

Верхняя часть глиняной статуэтки, найденная в нашем поселении, по своей форме имеет ряд аналогий на Северном Кавказе. С одной стороны, длинная узкая шея этого фрагмента позволяет сопоставить его с северокавказскими статуэтками типа «langhalsige Kiole», сделанными из алебаstra;⁴ с другой стороны, можно было бы думать, что узкая и длинная шея агубековской статуэтки вставлялась в соответствующий канал в верхней части туловища. Глиняные статуэтки, найден-

ные Веселовским в Ульском кургане,¹ имели подобные отверстия, и можно себе представить, что в них вставлялись головы с длинной шеей, аналогичные найденной нами.

Моделировка лицевой части одним приемом — прием, широко известный в неолитической и энеолитической пластике. Так было формовано лицо дагестанской статуэтки Русова.² Так были моделированы лица многих желских статуэток трипольской культуры. С трипольскими статуэтками наш фрагмент связывается также наличием ряда дырочек по краю головы.³

Все те статуэтки, с которыми сопоставляется наш фрагмент, представляют собою изображения женщин. Наличие культовых изображений женщин было бы вполне естественно и в Агубековском поселении, для обитателей которого было характерно как примитивное охотничье-собираческое хозяйство, так и единственно возможная на данной стадии развития матриархально-родовая система социальных отношений.

E. KRÍČEVSKIJ et A. KRUGLOV

Une station néolithique près de la ville de Nalčik

Résumé

A 1.5 km au Nord-Ouest de Nalčik se trouve la station d'Agubekovo, la plus ancienne connue actuellement en Kabardino-Balkarie. Elle occupe une petite colline de forme circulaire et la partie contiguë de la rive d'un ancien cours d'eau. Au voisinage est situé un petit tumulus plat rappelant extérieurement le tumulus-cimetière étudié par la mission archéologique Nord-Caucasienne.⁵ L'emplacement de cette ancienne localité a été utilisé pour la culture du maïs et de la vigne; aussi les tranchées creusées par la mission ont-elles rencontré une couche archéologique remaniée.

Les objets ont été trouvés dans la couche de sol végétal jusqu'à une profondeur de 0.60 m et faisaient complètement défaut dans la couche sous-jacente d'argile jaune.

Le groupe principal est constitué par des tessons de poterie. Les vases sont en argile fortement mêlée de sable et se distinguent par une cuisson insuffisante (750°). La pâte

en est peu compacte et perméable aux liquides. Les vases sont de couleur jaune à nuance rougeâtre ou grisâtre. La forme la plus répandue est le grand vase à bord droit écarté (fig. 2). Le fond est plat, parfois légèrement concave au centre. Caractéristique est la présence de fragments de vases à anses perforées horizontalement (fig. 3, 5, 6). L'unique élément ornemental est un bourrelet disposé sur les parois du vase dans le sens horizontal (fig. 3, 3, 4).

Il convient de signaler comme céramique un fragment de statuette humaine fortement schématisée, d'une pâte tout à fait analogue à celle des vases (fig. 3, 6).

On a recueilli en grande quantité des instruments divers en silex et en obsidienne. Ils consistent surtout en grattoirs de différentes formes (fig. 4, 1—12): grattoirs sur éclat à bord actif arrondi, grattoirs sur bout de lame et outils discoïdes de haute forme. Il convient de mentionner en outre des perçoirs tirés de lames en silex (fig. 4, 18—22), des pointes en silex (fig. 5, 11—12), des pointes de flèche de forme triangulaire avec encoche à la base (fig. 4, 13),

¹ Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 5—6, табл. IV.

² Там же, рис. 1.—V Археол. съезд. Протоколы Предварительного комитета, М., 1879, табл. XVI.

³ В. В. Хвойко, ук. соч., табл. XIV, рис. 7.—Коротке Звіломлення за 1926 г., табл. XIV, рис. 4, и мн. др.

¹ D. Palliardi. Relative Chronologie der jüngeren Steinzeit in Mähren. Wien. Prähist. Ztschr., 1914, 1.

² Childs. The Danube in prehistory. 1932, стр. 29.

³ В. В. Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья. Труды XI Археол. съезда, т. I, М., 1901, стр. 779.

⁴ Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. Изв. Археол. ком., вып. 35, 1910, стр. 4—5, табл. I—II. См. также глиняную статуэтку с длинной шеей с Херсонщины (там же, рис. 9).

⁵ Voir le présent recueil, p. 67.

des outils du type «pièce écaillée» (fig. 4, 15—17), des éclats de silex et d'obsidienne à petites encoches segmentoïdes sur le bord (fig. 5, 1—7), ainsi que de nombreux éclats et lames retouchés (fig. 5, 13—22). Les petits instruments de pierre sont faits surtout en obsidienne, roche qu'on rencontre dans la Kabardino-Balkarie dans les couches de tufs volcaniques.

L'outillage récolté renferme aussi des instruments de pierre polie, parmi lesquels il y a lieu de signaler en première ligne des haches de forme ovoïde-cylindrique (du type dit «Stumpfnackiges Walzenbeil») (fig. 6; pl. II, 3) et de petits ciseaux en serpentine (fig. 7; pl. II, 4—6). À ce groupe doit être rapporté aussi un fragment de massue de forme conique arrondie en gabbro (pl. II, 1).

Les gros instruments de pierre du type des meules, des broyeurs et des pilons sont extrêmement caractéristiques de la station d'Agubekovo. La plupart de ces meules sont en tuf volcanique. Les dimensions restreintes des surfaces actives de ces pièces et la porosité de la roche dont elles sont faites excluent la possibilité de leur emploi pour le broyage du grain (pl. III, 1, 3, 5, 7). Le travail sur ces meules s'effectuait à l'aide de broyeurs, qui représentaient de petits galets à surfaces usées (pl. III, 2, 5). Les pilons sont de forme cylindrique irrégulière et servaient à casser et broyer, comme l'atteste l'ébrèchement de leurs bouts actifs (pl. II, 9).

La datation de la station d'Agubekovo se

heurte à de grandes difficultés, vu qu'elle est à ce jour l'unique en son genre qui soit connue dans le Caucase du Nord. Son âge ancien découle avant tout du caractère de son économie, qu'on réussit à reconstituer d'après les données disponibles. On y constate l'absence de matériel dénotant l'existence de l'agriculture, les meules mentionnées ci-dessus ne pouvant être utilisées pour broyer le grain; les parallèles ethnographiques indiquent que semblables objets servaient au broyage des racines comestibles, des fruits sauvages, des noix et des glands. Les os d'animaux trouvés lors des fouilles appartenaient au porc sauvage; on n'a pas découvert d'os d'animaux domestiques. Tout cela permet de conclure à ce que les anciens habitants du lieu vivaient de la chasse et du ramassage.

L'outillage atteste également l'âge néolithique du site: haches de type néolithique ancien, ciseaux bien connus en rapport avec la culture à céramique rubanée du Rhin et du Danube et les monuments de Tripolje, massue en pierre, connue par exemple par la culture à céramique linéaire ancienne de la Moravie ou la culture caractérisée par les couches inférieures de Vinča en Yougoslavie; à noter aussi la présence de massues en pierre dans les très anciennes sépultures du cimetière de Mariupol. Caractéristique également est la trouvaille d'un fragment de statuette humaine, qu'on peut rapprocher des statuettes en terre cuite de la culture de Tripolje.

0
1
5

3

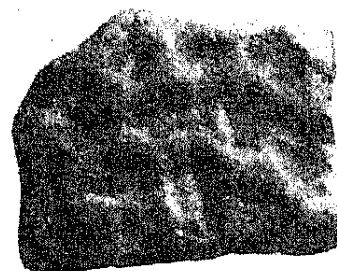

4

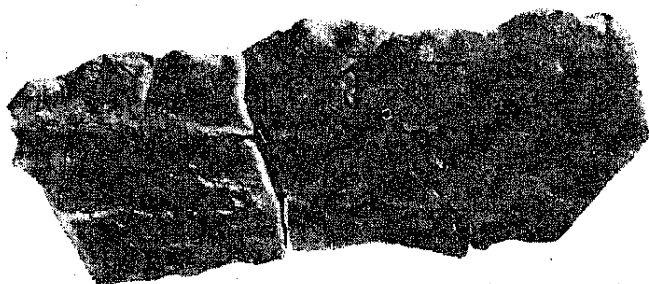
0 1 5 10 см.

5

6

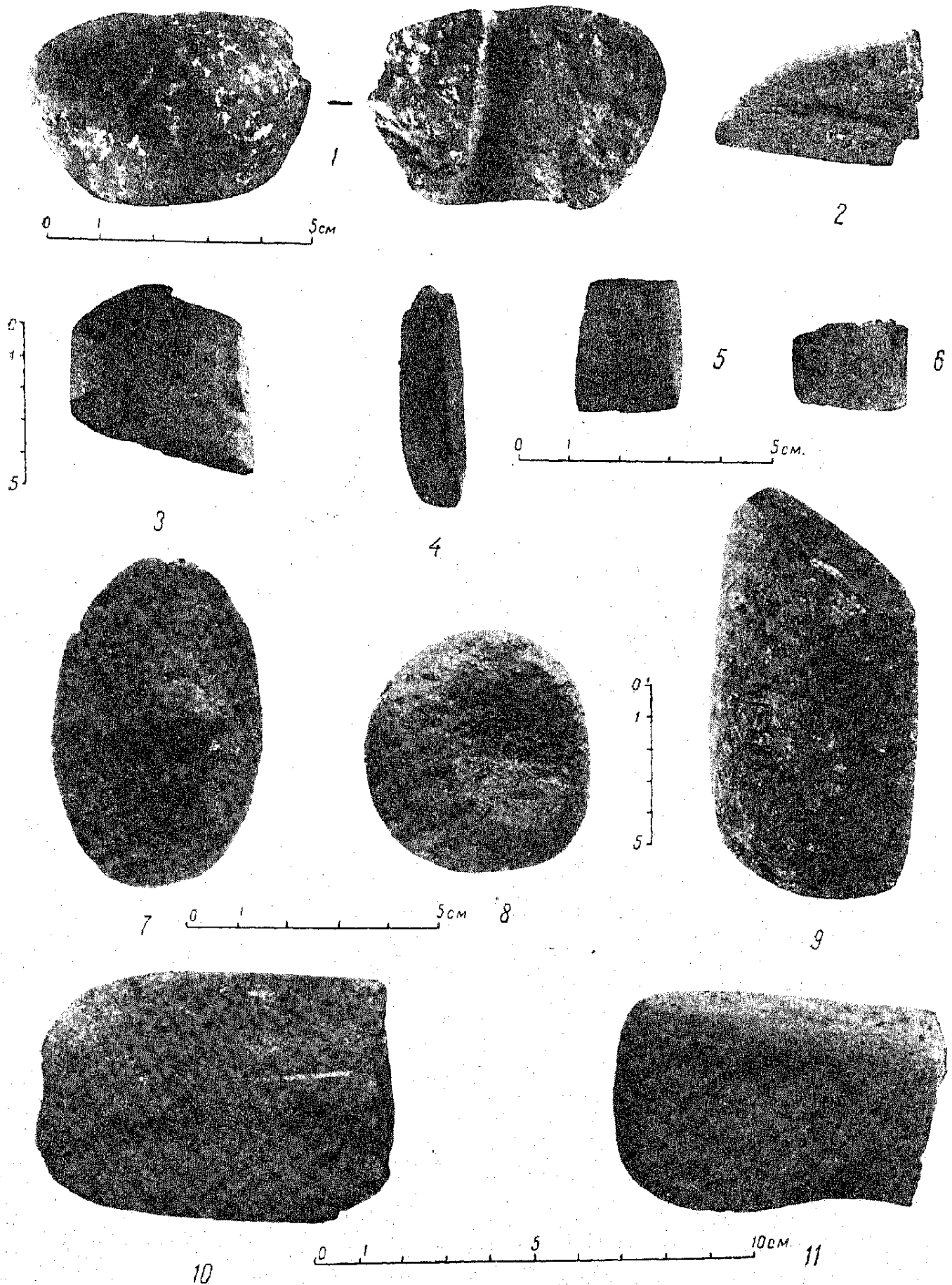
2

7

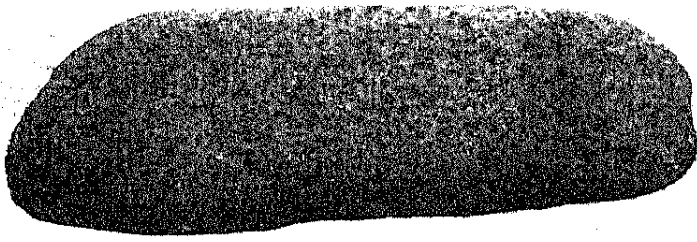
0 1 5 10 см.

Куски глиняной обмазки с Агубековского поселения.

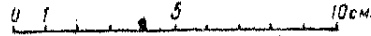

Каменные поделки с Агубековского поселения.

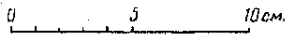
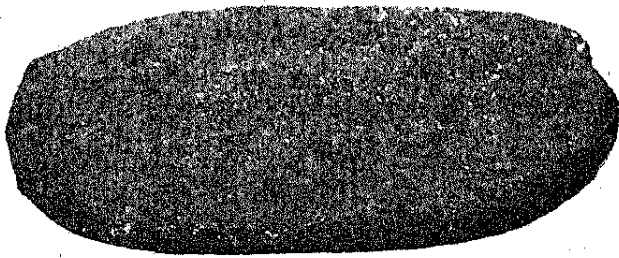
1 — навершие булавы; 2 — наконечник сверла (?); 3 — обухная часть топора; 4—6 — долота; 7—8 — гальки с округлыми углублениями; 9 — пест; 10—11 — точильные камни.

1

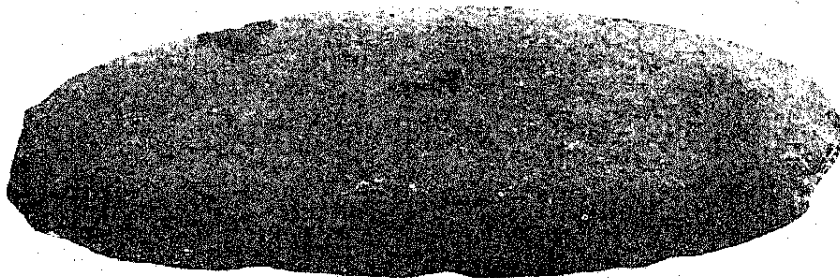
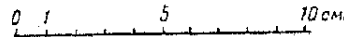
2

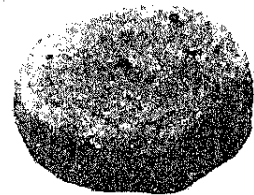
3

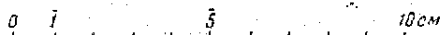
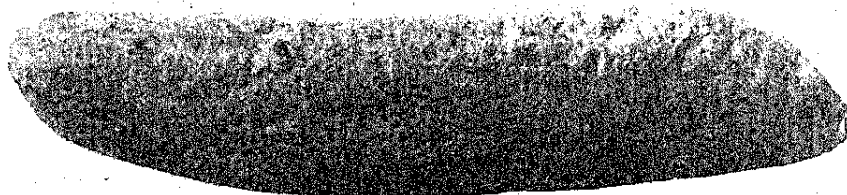
4

5

6

7

Каменные терки и терочки с Агубековского поселения.

А. П. КРУГЛОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ и Г. В. ПОДГАЕЦКИЙ

Могильник в г. Нальчике

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК, производя работы по изучению древнейших этапов общественного развития на территории Кабардино-Балкарии, естественно, не могла ограничить себя исследованиями только одних поселений. Уже в 1924 г. при обработке археологических материалов местного музея экспедицией было обращено внимание на предметы, происходящие из случайно открытого в г. Нальчике могильника и имеющие чрезвычайно архаический характер, что подтверждалось и условиями их находки.¹

Место расположения могильника, ныне застроенное, представляло собою почти вплоть до 1929—1930 гг. западную окраину города и носило вследствие имевшихся там огородов наименование «базки».

В 1923 г. владелец одного из этих огородов, проводя межевую канаву вокруг своего участка, прорезал ею южную полу находившейся здесь низкой расплывшейся возвышенности. В обрез канавы выходили человеческие кости, обломки глиняных сосудов, камни и мелкая галька, грунт же в некоторых местах был окрашен в красноватый цвет. Это было замечено заведующим Нальчикским музеем М. И. Ермоленко, который в том же году раскопал часть открытого таким образом могильника.

За все время раскопок, производившихся М. И. Ермоленко в течение 1923 г., было открыто 26 сохранивших первоначальное положение человеческих костяков.² Вещественные материалы, найденные во время этих работ, поступили в музей, где обратили на себя внимание Северо-Кавказской экспедиции.

Разрушение могильника, повидимому, продолжалось и после раскопок М. И. Ермоленко. В 1924 г. было замечено, что на месте

межевой канавы и раскопанного участка жители стали добывать песок и глину, производя подкопы под насыпь. В то же время в получившуюся после раскопок Ермоленко выемку стали свозить мусор. Впоследствии добывание глины и песка прекратилось, а к 1929 г., ко времени начала работ Северо-Кавказской экспедиции, весь участок канавы и проведенных в 1923 г. раскопок оказался засыпанным мусором. Близ могильника шло строительство областной больницы. Постройки возводились в районе большого скопления курганов, находящихся к С, СЗ и З от города.

Это скопление курганов включало и описываемый нами могильник, оказавшийся на участке, отмежеванном для постройки зданий «административного городка». «Учитывая научный интерес открытой здесь культуры, как древнейшей и еще неизвестной по хорошим источникам, а также и неизбежность окончательного разрушения кургана (могильника) с развитием планового строительства города, исследование этого памятника поставлено было экспедицией в первую очередь в ряду ее задач 1929 г.»¹

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ

Исследование могильника в 1929 г. производилось с 17 августа по 20 сентября под руководством начальника Северо-Кавказской экспедиции А. А. Миллера. В работах принимали участие члены экспедиции — научные сотрудники А. А. Иессен и А. М. Оранжева и научно-технический сотрудник Е. П. Орлова (Этногр. отдел Гос. Русского музея), работник Московского музея изящных искусств В. Д. Блаватский, практиканты-студенты Лгр. Гос. Университета Л. С. Генералова, Г. В. Григорьев, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, Н. Н. Титова и Р. С. Улиц-

¹ Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1929 г. Архив ИИМК, 1930, дело № 45, л. 31, стр. 14.

² М. И. Ермоленко. Редкая археологическая находка в Кабардино-Балкарской автономной области (Краткая заметка). Изд. Кабардино-Балкарского обл. музея, Нальчик, 1928—1929.

¹ Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1929 г. Архив ИИМК, дело № 45, л. 32, стр. 15. См. также: А. А. Миллер, Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщения ГАИМК, 1931, № 3, стр. 26—28.

кая и сотрудник Экск.-лект. базы Лгр. Политпросвета Б. Е. Деген-Ковалевский.

Для исследования первоначально был выделен участок площадью в 88 кв. м, расширенный впоследствии до 160 кв. м (рис. 1). В границы этого участка входило приблизительно 130 кв. м площади прежних раскопок и повреждений. Вначале были очищены углубления, заполненные мусором и оползнями разрытой почвы. В пересыпанном и перемешанном с отбросами грунте были найдены ломаные человеческие кости, каменные браслеты и их обломки, кремневые отщепы и орудия, обломки керамики, куски красной краски, отдельные булыжники и пр. Почти все погребения, сохранившие свое первоначальное положение, были встречены за пределами поврежденной площади могильника, немногие же исключения в большинстве своем представляли полуразрушенные захоронения.

В 1930 г. в работах участвовали научные сотрудники А. М. Оранжевская и Б. Б. Пиотровский.

К северо-западной, частично к северо-восточной и к юго-восточной границам исследованной в 1929 г. площади были прирезаны участки общей площадью в 98 кв. м. Характер расположения погребений, не имевших той скученности, которая наблюдалась в работах предшествовавшего года, а также отсутствие погребений в большей части северо-западного участка позволяют считать, что в пределы раскопок вошла почти вся площадь распространения могильника с СЗ на ЮВ.

МЕТОДИКА

Вся поверхность могильника была проnivelирована через центр в двух перпендикулярных направлениях. Намеченная для раскопки площадь была разбита на метровые квадраты, высотные отметки были высчитаны для всех углов квадратов.

Раскопка могильника производилась путем постепенного углубления широкими площадями. Вследствие однородности грунта контуры могильных ям не прослеживались, за исключением только немногих наиболее глубоких погребений, залегающих в слое песка или подстилающего его галечника. При таких условиях единственными показателями наличия погребений являлись непосредственно сами кости или окрашенный красной краской окружающий их грунт.

При появлении костей или окрашенного грунта данный участок подвергался расчистке при помощи ножей и кистей, сопровождавшейся тщательным просмотром самого грунта. После расчистки погребения, их остатки фотографировались или зачерчивались (масштаб 1/5), причем все детали чертежа выполнялись тут же на месте. За ось прини-

малась линия, проведенная от черепа до нижней части таза; от двух конечных точек этой оси прямыми засечками производилась фиксация положения костей (рис. 52).

На чертежах погребений Нальчикского могильника, хранящихся в архиве ИИМК, все линии промеров сохранены, что даст полное представление о степени точности чертежа.

Все промеры, как горизонтальные, так и вертикальные, производились от ближайших пикетов, являвшихся точками пересечения координат сетки раскопа. Отчеты глубины велись также и от горизонталей, прочерченных по стенкам раскопа на уровне нулевой точки или на 1—2 м ниже ее. После проведенной описанным способом фиксации погребение разбиралось.

В виду чрезвычайно плохой сохранности костного материала, для дальнейшего изучения брались преимущественно наиболее хорошо сохранившиеся длинные кости и кости черепа, которые предварительно иногда подвергались обработке парафином. Что же касается вещественного материала, то последний брался полностью, за исключением маленьких бесформенных обломков керамики, некоторых осколков кремня и части мелких кусочков мела.

ВНЕШНИЙ ВИД МОГИЛЬНИКА

Могильник имеет чрезвычайно плоскую и низкую насыпь, резко отличающуюся в этом отношении от сравнительно высоких насыпей курганов эпохи бронзы в этой же местности. Высота насыпи равна, примерно, 0,67 м, а принимая во внимание естественное понижение поверхности почвы в данном месте как к В, так и к Ю, мы получим максимальную высоту в 0,85 м, при диаметре в 30 м. Подъем насыпи к центру выражается, примерно, в 4—5 см на 1 м заложения; края ее незаметно переходят в естественный профиль местности. Насколько можно судить по данным нивелировки, основание насыпи не имело точной фигуры круга.

СТРАТИГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА

Путем наблюдения и фиксации многочисленных обрывов удалось с достаточной ясностью установить стратиграфические данные могильника.

Самым нижним слоем, в котором встречаются наиболее глубокие погребения, является древний речной нанос галечника, который залегает горизонтально в направлении В—З, к Ю же, т. е. в сторону древней долины реки, имеет значительное падение в форме уступа до 1 м. На галечнике по всей вскрытой его поверхности залегал слой супесчанистого характера, постепенно переходивший в своей верхней части в бурый суглинок, перекрывавший супесь небольшим слоем в толщину. На суглин-

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М

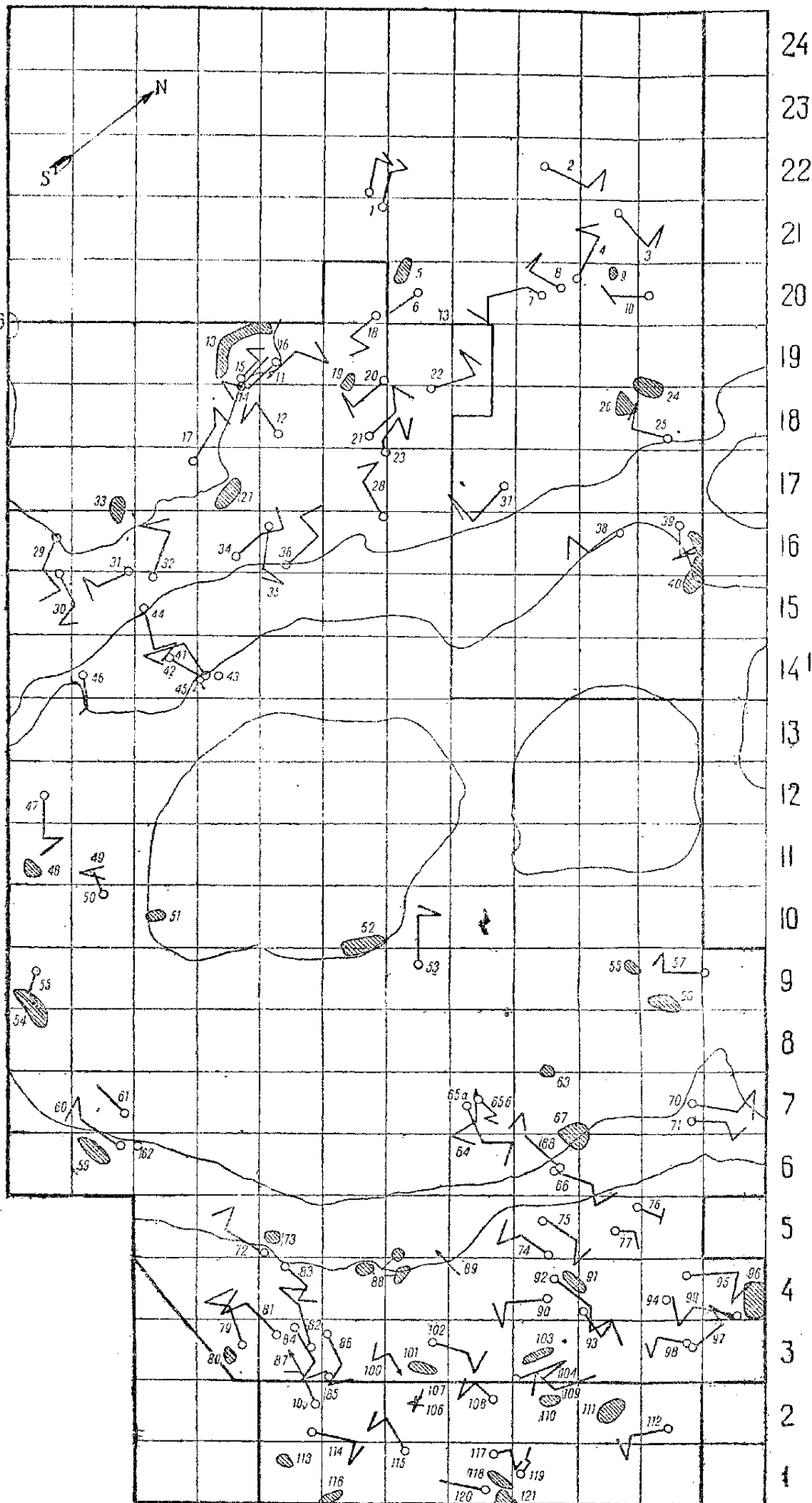

Рис. 1. План могильника в г. Нальчике.

ке лежал современный почвенный слой незначительной мощности. Помимо прокопанной межевой канавы и глубоких выемок прежних раскопок, во многих местах насыпи могильника дерновый слой был снят, примерно, на глубину лопаты. Эти повреждения сделаны были, очевидно, в недавнее время в целях добычи булыжного камня, который обычно имеется в большом количестве в древних курганах Нальчикского района и иногда залегает непосредственно под дерновым слоем.

Все встреченные погребения находились в супесчанистом слое, от поверхности его горизонта и до подстилающего галечника, некоторые же оказались и в галечном отложении. Слой бурого суглинка образовался в результате действия почвообразовательных процессов. На сохранившихся неразрушенными участках этот слой «залегает в виде целостного и непосредственного отложения, перекрывая нарушенные погребения отложения супеска. Отложение это не могло образоваться как эффект действия водных потоков. Остается предположение, что этот бурый суглинок представляет собою тот же супесчанистый слой, но переработанный почвообразовательными процессами. Разница между слоем суглинка и верхним почвенным покровом, весьма значительная в данный момент, может быть рассматриваема как два момента одного процесса, а в таком случае бурый суглинок выступает перед нами в качестве известного показателя почвообразовательных процессов, происходивших от поверхности почвы на некоторую глубину, не превосходящую в данных условиях 0.60 м, включая, разумеется, и современную гумусную почву. Преобразование супесчаных материалов в бурый суглинок могло произойти после окончания сооружения насыпи, как и преобразование того же материала в темную верхнюю почву. Таким образом, на основании погребений представляется возможным датировать и процесс образования суглинистого отложения. В исследованных обрезах суглинок оказался разрушенным лишь в месте более поздних, чем основные могилы, впускных погребений»¹ (рис. 2).

В насыпи кургана встречаются отдельные кремневые изделия и отщепы, а также обломки глиняных сосудов. Возможно, что они попали туда случайно, вследствие того, что земля для насыпи бралась с места древнего поселения. Следы культурного слоя были обнаружены в обресе канавы у восточной полы кургана. Культурный слой выражен не отчетливо, встречались лишь отдельные фрагменты керамики и мелкие обломки костей.

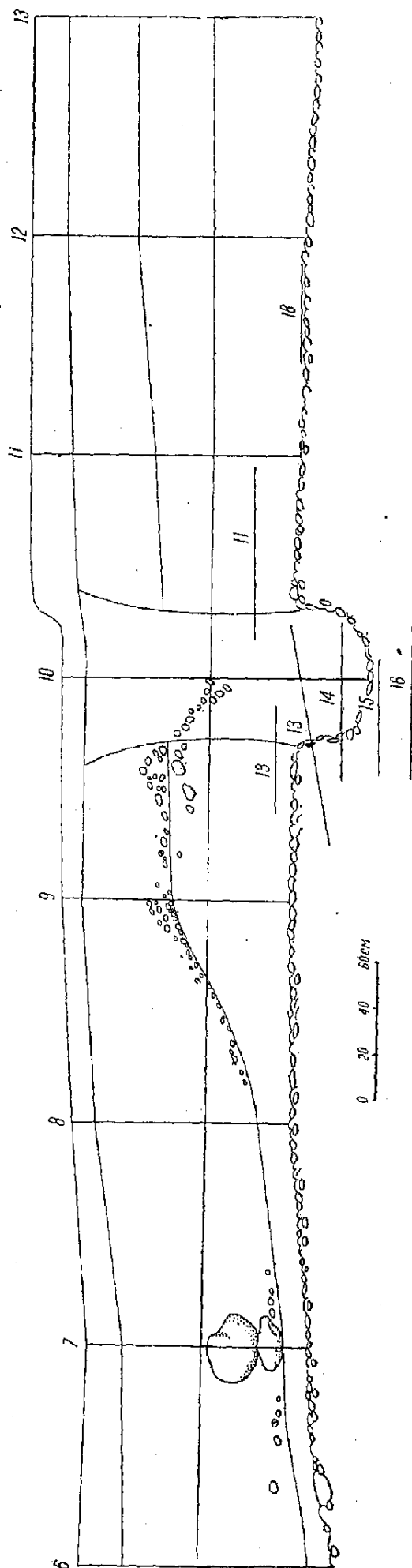

Рис. 2. Обрез раскопа 1929 г., Нальчикский могильник.

¹ Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1929 г. Архив ИИМК, 1930, дело № 115, л. 34, стр. 17. Из этого же отчета нами извлечена часть указанных сведений об организации работ, методике, внешнем виде могильника и стратиграфии.

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребение № 1, а, б (1930, № 17)¹Кв. Е 22 — Ж 22, глуб. ² — 0.60 м (рис. 3)

Над погребением — камни, лежащие в беспорядке. Под камнями — два костяка на правом боку с согнутыми ногами. Кости скелетов совершенно раздавлены. Яркая красная краска встречается на всей площади могилы отдельными краплениями. На челюсти левого костяка (а) — фрагмент кремневой пластинки с ретушью (рис. 4), среди костей грудной клетки — обломок стенки глиняного сосуда. При разборке же правого костяка (б) между челюстями найден осколок кремня.

Погребение № 2 (1930, № 22)

Кв. И 22 — К 22, глуб. — 0.62 м (рис. 5)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении; руки согнуты в локтях, правая — более сильно. Положение костей нарушено. Череп раздавлен. Слабая окраска красной краской заметна на костях рук и ног.

Погребение № 3 (1930, № 20)

Кв. К 21 — Л 21, глуб. — 0.53 м (рис. 6)

Погребение в галечнике. Костяк на левом боку, ноги в сильно согнутом положении, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Раздавленный череп отделен от костей туловища. Кости и грунт могилы сильно окрашены красной краской.

Погребение № 4 (1930, № 19)

Кв. К 20—21, глуб. — 0.19 м (рис. 6)

Костяк на груди; череп раздавлен и отделен от туловища. Кости согнутых ног повернуты вправо. Костяк лежит на слое красной краски толщиной ок. 1 см. Грунт могилы и кости также окрашены яркочерной краской. Часть костяка находится под камнями.

У черепа, позади его, — 3 подвески из просверленных клыков оленя (рис. 7, 4), костяное кольцо (рис. 7, 5), 10 подвесок из просверленных лисьих клыков (рис. 7, 1) и 1 каменная бусина черного цвета (рис. 7, 3). При разборке костяка обнаружены 2 подвески из просверленных клыков оленя, 5 обломков костяных колец, 10 целых и 2 обломка подвесок из просверленных резцов козы или овцы (рис. 7, 2) и 3 обломка подвесок из просверленных лисьих клыков (табл. I, 1—5).

Погребение № 5, а, б (1930, № 27)

Кв. Ж 20—21, глуб. — 0.53 м (рис. 6)

Разрушенное погребение. Беспорядочная груда костей среди которых имеются 2 черепа.

Погребение № 6 (1930, № 27)

Кв. Ж 20, глуб. — 0.53 м (рис. 6)

Разрушенное погребение. Сохранилась верхняя часть костяка, лежащего на левом боку. Кости крайне плохой сохранности.

Погребение № 7 (1930, № 29)

Кв. З 20 — И 20, глуб. — 0.47 м (рис. 6)

Костяк на спине, ноги в согнутом положении и череп на левом боку, левая рука вытянута вдоль туло-

вища, правая согнута. Череп раздавлен, положение некоторых костей нарушено.

Погребение № 8 (1930, № 21)

Кв. И 20—21, глуб. — 0.51 м (рис. 6)

Детский костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении; правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Кости плохой сохранности. Череп отделен от костей туловища; положение костей правой руки нарушено. Костяк, сильноокрашенный красной краской, лежит на слое такой же краски. У лицевых костей 14 каменных бус цилиндрической формы черного цвета (рис. 8, 3). Перед костями грудной клетки 11 подвесок из просверленных резцов козы или овцы (рис. 8, 2), 1 буса, подобная предыдущим, и 4 маленьких бесформенных гальки. На тазовых костях 3 просверленные раковины *Pectunculus* sp. (рис. 8, 4), 7 целых костяных колец и 2 их обломка (рис. 8, 1), 3 подвески из просверленных клыков оленя (рис. 8, 5), 1 подвеска из просверленного лисьего клыка и 13 обломков подвесок из просверленных резцов козы или овцы. При разборке костяка в различных местах обнаружены: 1 подвеска из просверленного клыка оленя, 2 обломка подвесок из просверленных лисьих клыков (рис. 8, 2). При разборке костей черепа найдены: 1 костяное кольцо, 1 подвеска из просверленного клыка оленя и 1 подвеска из просверленного клыка кошки (табл. I, 6—11 и табл. II, 1—3).

Погребение № 9 (1930)

Кв. К 20, глуб. + 0.07 м (рис. 6)

Разрушенное погребение. Сохранились обломки черепа.

Погребение № 10 (1930, № 18)

Кв. К 20 — Л 20, глуб. + 0.08 м (рис. 6)

В плотном грунте — костяк на спине, ноги согнуты и обращены вправо, череп же — в обратную сторону; руки вытянуты вдоль туловища. Кости крайне плохой сохранности. Перед лицевыми костями черепа находился череп кабана на глубине + 0.18 м.

Погребение № 11 (1929, № 51, 53)

Кв. Д 19, глуб. — 0.40 м (рис. 9)

Разрушенное погребение. Костяк на правом боку, с согнутыми ногами, череп отсутствует. Кости сильно окрашены красной краской, лежащей слоем под костями ног. У левой руки — 2 отщепы кремня; у ног — осколок кремня и обломок глиняного сосуда.

Костяк перекрывает погребения №№ 14 и 16.

Погребение № 12 (1929, № 47)

Кв. Г 18 — Д 18, глуб. — 0.53 м (рис. 9 и 10)

Костяк (взрослый мужчина) на левом боку, ноги в сильно согнутом положении. Кости плохой сохранности (раздавлены). Положение костей нарушено.

Костяк перекрывает погребения №№ 14 и 16.

Погребение № 13 (1929, №№ 53, 63, 69а)

Кв. Г 19 — Д 19, глуб. — 0.55—0.81 м (рис. 9, 12)

Остатки разрушенного погребения. Некоторые кости (таз, кости рук и обломки черепа) находятся в верхней части могильной ямы погребения № 15, вырытой в галечнике. Другая же часть костей (2 позвонка, лучевая и пяточная кости, несколько ребер и кости ног) — на краю ямы. Все кости лежат в беспорядке на различном уровне.

¹ В скобках указывается год, когда было раскопано погребение, и полевой номер последнего.

² Глубина высчитана от пикета, уровень которого был при нивелировке принят за нуль.

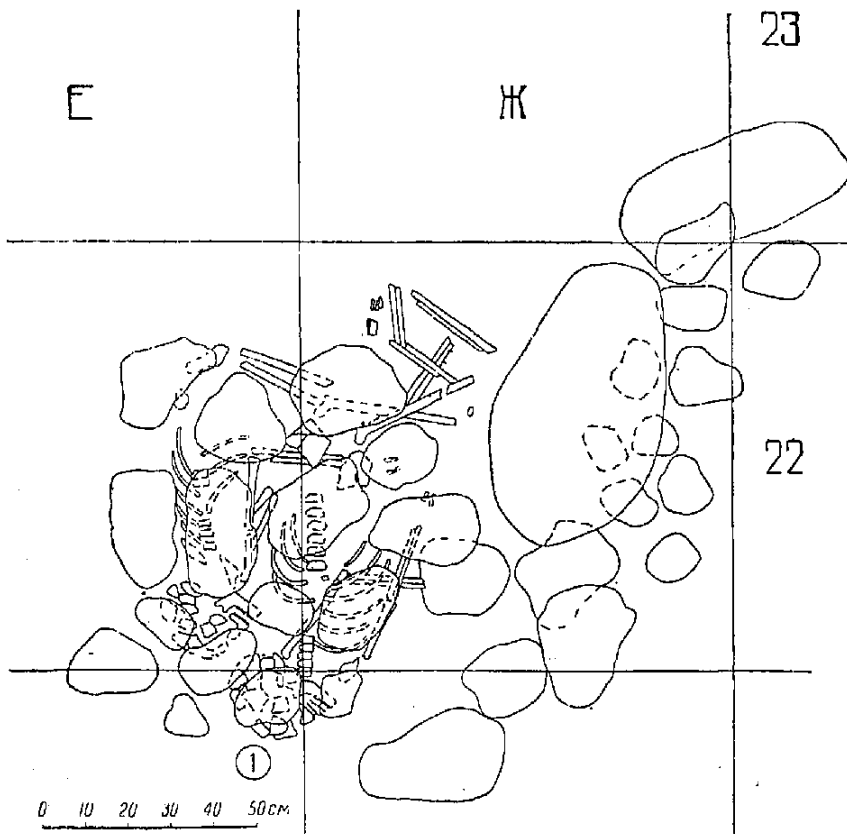

Рис. 4. Кремневая пластинка из погребения № 1, Нальчикского могильника.

Рис. 3. Погребения № 1, а и б, Нальчикский могильник.

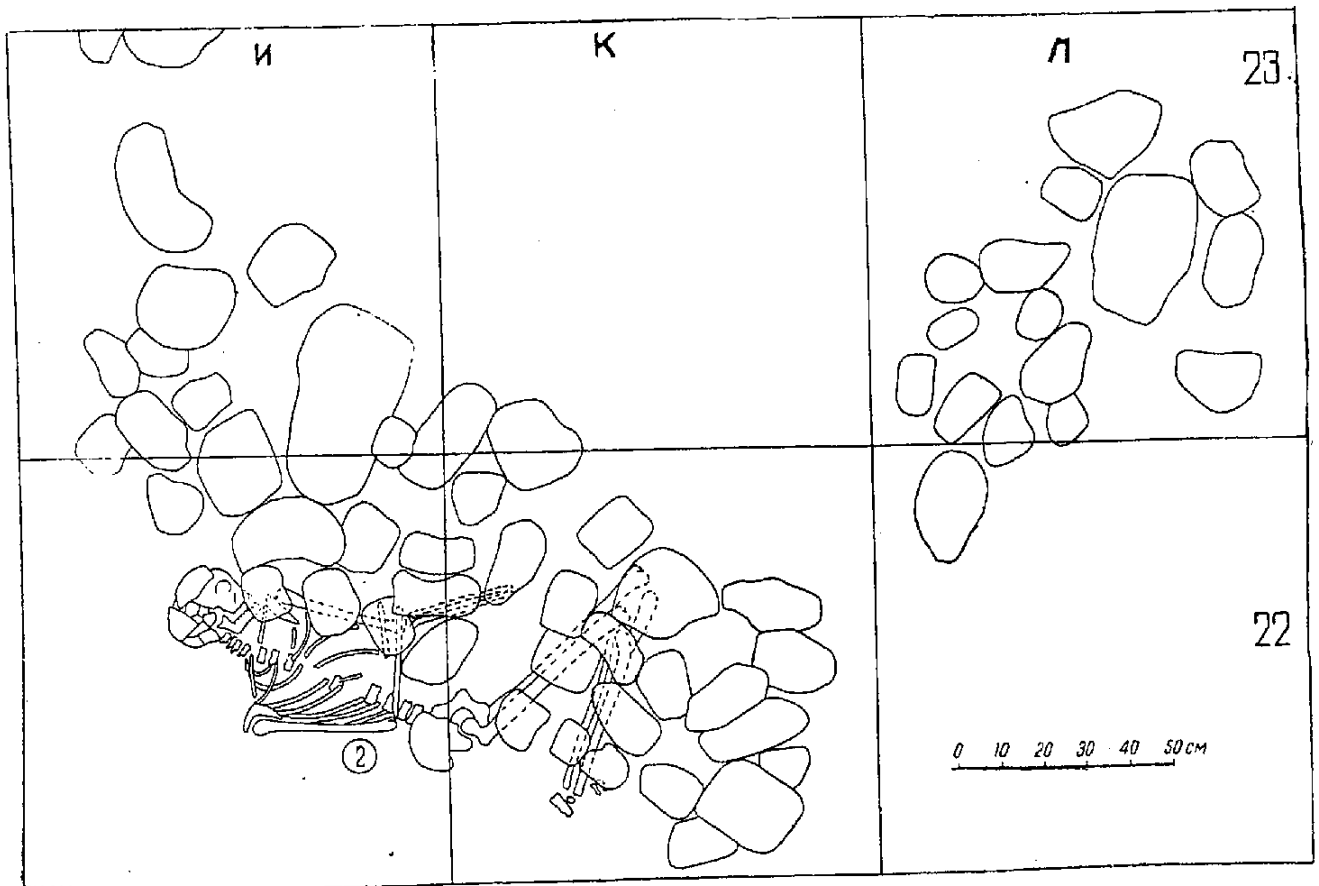

Рис. 5. Погребение № 2, Нальчикский могильник.

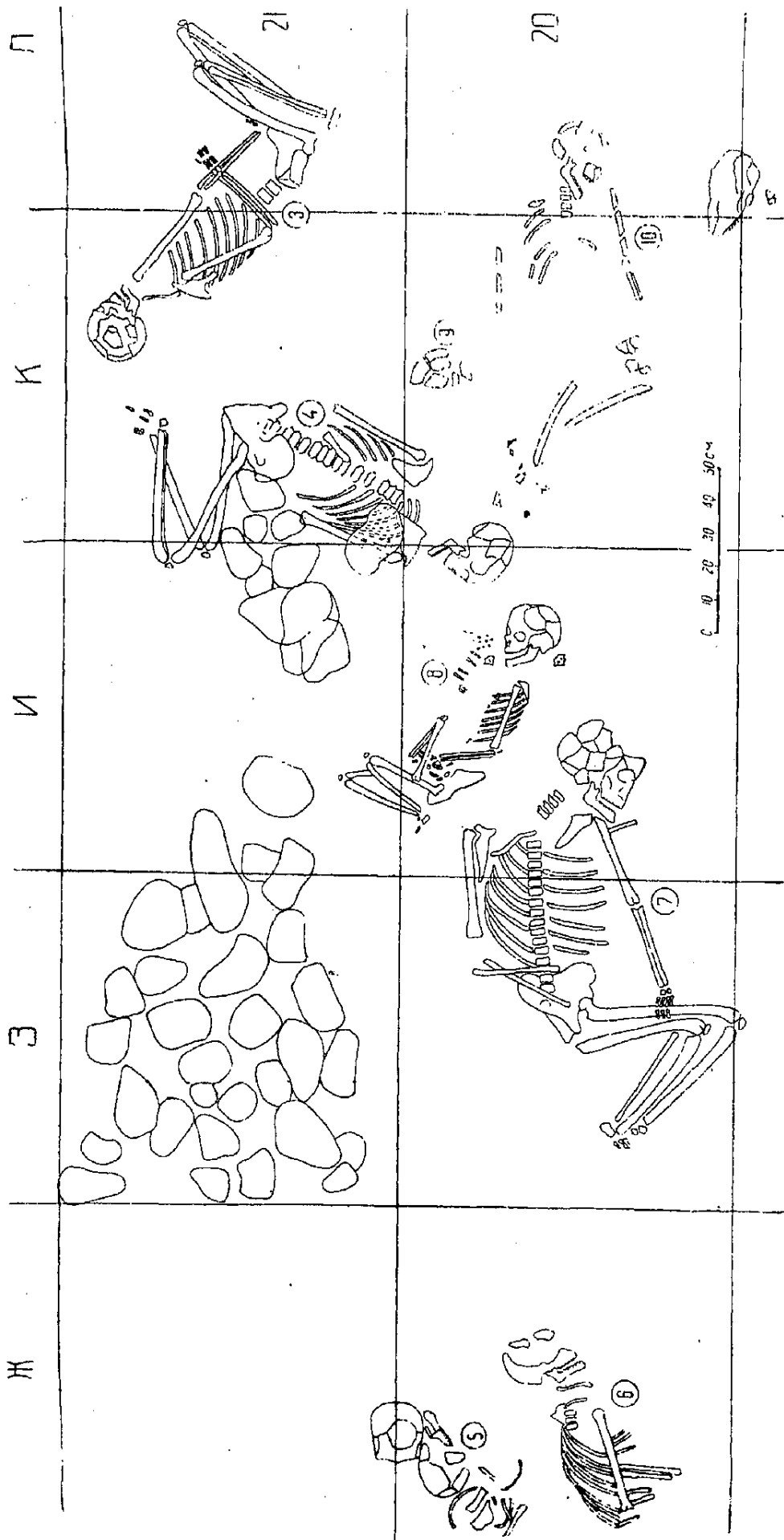
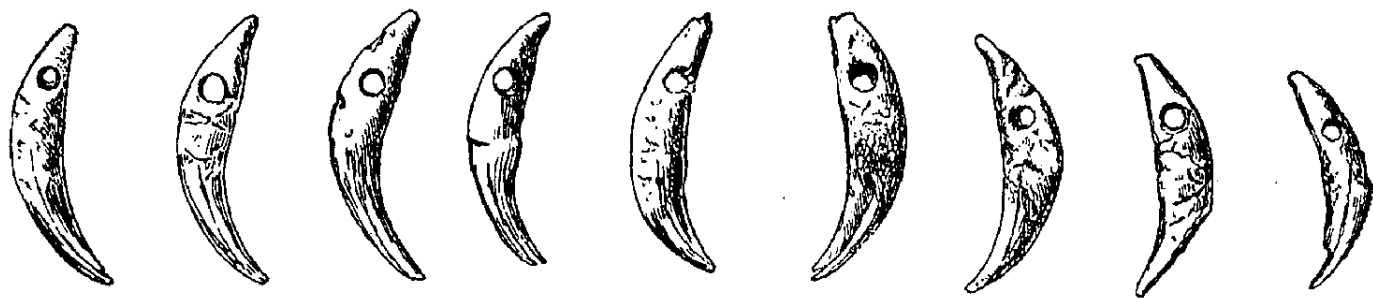
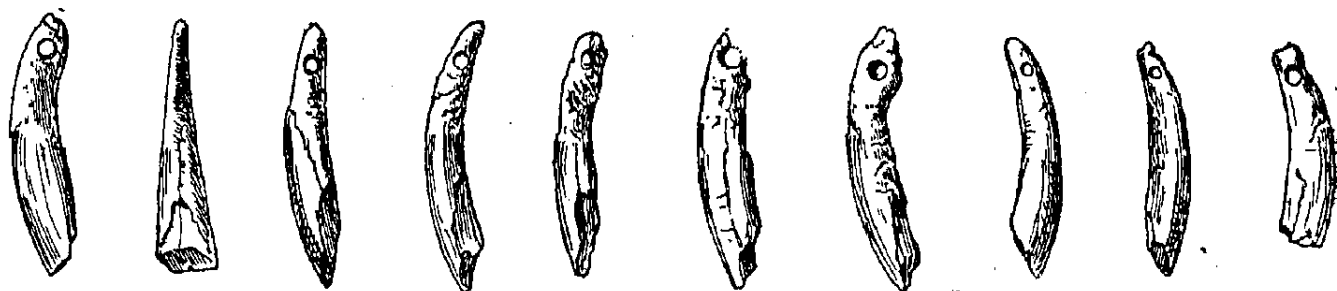

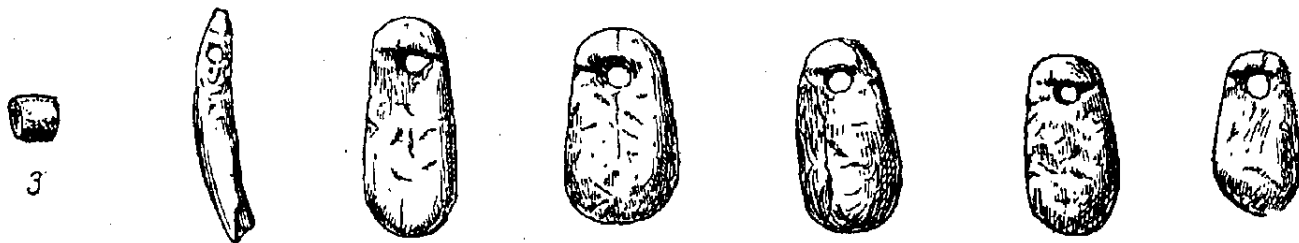
Рис. 6. Погребения №№ 3—10, Налчкскй мотльнйк.

1

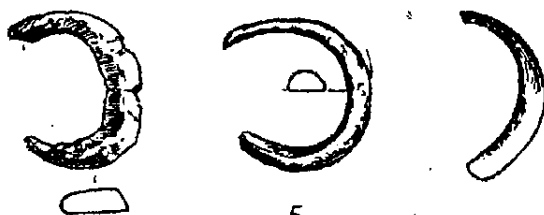

2

3

4

5

Рис. 7. Подвески из зубов животных, костяные кольца и каменная бусина (погребение № 4).

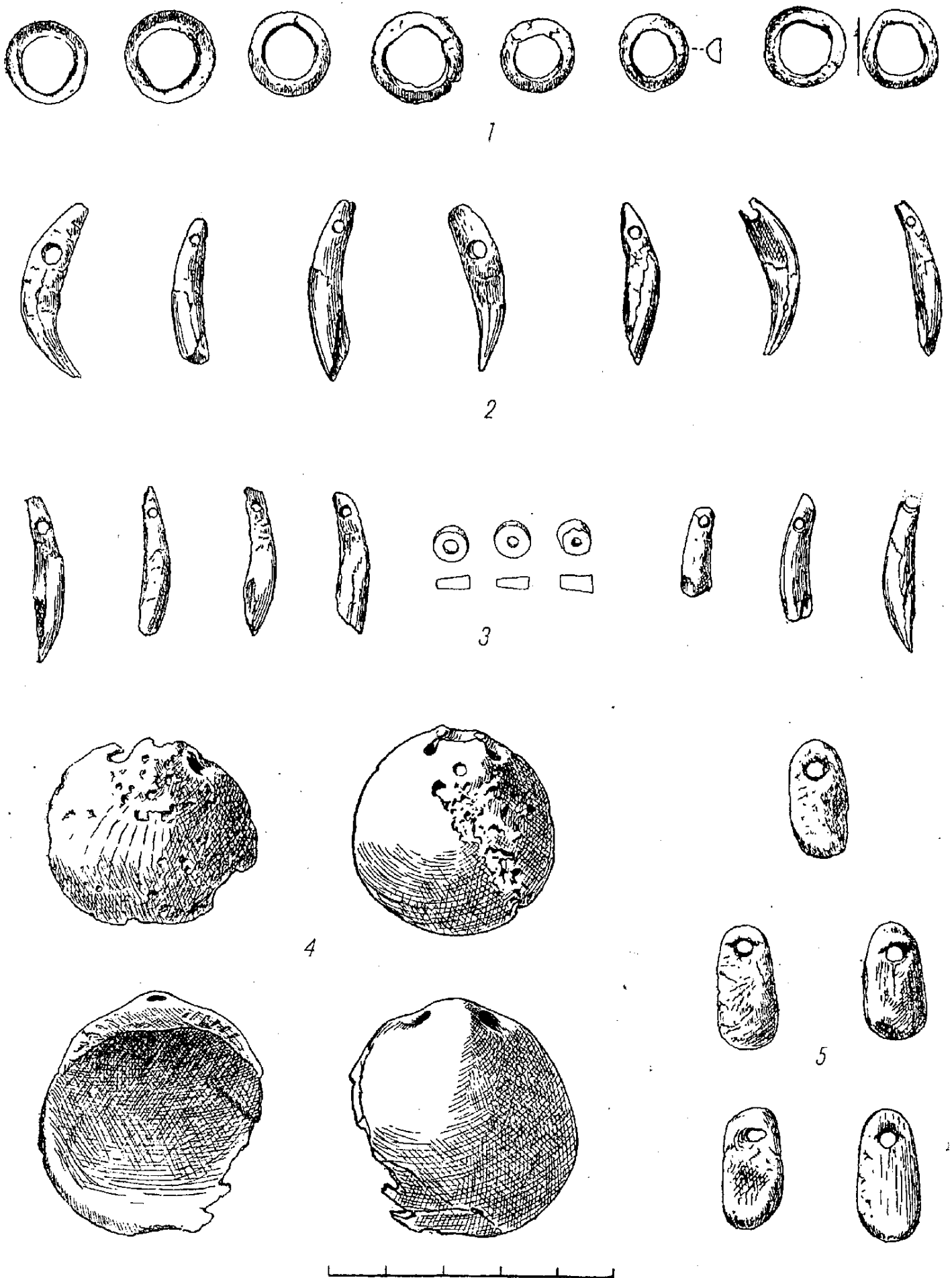

Рис. 8. Подвески из зубов животных, костяные кольца, каменные бусы и просверленные раковины (погребение № 8).

Погребение № 14 (1929, № 54)

Кв. Г 19 — Д 19, глуб. — 0.76 м (рис. 9, 11 и 12)

Костяк на левом боку, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута вверх. Кости ног отсутствуют. Положение костей нарушено, череп отделен от туловища. Окрашенность костей и окружающего грунта слабая.

Костяк частично перекрыт погребениями №№ 11 и 12 и перекрывает погребения №№ 15 и 16.

Погребение № 15 (1929, № 69)

Кв. Г 19, глуб. — 0.96 м (рис. 9 и 13)

В могильной яме, вырытой в галечнике, — женский костяк (18—40 лет) на левом боку с подогнутыми ногами. Кости плохой сохранности. Весь костяк сильно окрашен красной краской.

Костяк, перекрывая погребение № 16, перекрыт частично погребением № 14.

Погребение № 16 (1929, № 71)

Кв. Г 18—19 — Д 19, глуб. — 1.10 м (рис. 9, 14 и 15)

Женский костяк (18—40 лет) на груди: ноги в согнутом положении обращены так же, как и череп, направо, руки вытянуты. Кости плохой сохранности; череп разрушен. Кости и грунт интенсивно окрашены красной краской. Под костями левой руки — два крупных камня.

Костяк перекрыт погребениями №№ 11, 12, 14 и 15.

Погребение № 17 (1929, № 46)

Кв. В 17 — Г 18, глуб. — 0.52 м (рис. 9)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута. Кости весьма плохой сохранности. Череп отделен от костей туловища и раздавлен на мелкие куски, разрушены кости ног и таза. У костей ног — отщеп кремня.

Погребение № 18 (1929, № 57)

Кв. Е 19—20, глуб. — 0.57 м (рис. 16)

Костяк подростка (13—15 лет) на левом боку, ноги в согнутом положении; руки так сильно согнуты, что кости их находятся у лицевых костей. Череп разрушен. Между бедренными костями и локтевыми суставами — несколько обломков глиняных сосудов, лежавших несколько выше костей, а неподалеку от них — ближе к тазовым костям — кремневый отщеп.

Погребение № 19 (1929, № 50)

Кв. Е 18—19, глуб. — 0.35 м (рис. 16)

Разрушенное детское погребение. Сохранились ребра, кости черепа и рук. На костях черепа и локтевых — следы красной краски. У черепа — ракушка (*Buliminus* sp.). К ЮВ от костей, вблизи их, найдены обломок венчика глиняного орнаментированного сосуда и 1 кремневый отщеп.

Погребение № 20 (1929, № 45)

Кв. Е 18—19, глуб. — 0.15 м (рис. 16 и 17)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Кости весьма плохой сохранности, череп раздавлен. Весь костяк и окружающий его грунт окрашены красной краской (наиболее интенсивно череп, плечевая кость левой руки и таза).

Костяк лежит рядом и почти на одном уровне с погребением № 21.

Погребение № 21 (1929, № 42)

Кв. Е 18 — Ж 18, глуб. — 0.06 м (рис. 16 и 17)

Мужской костяк (около 60 лет) на левом боку, ноги в согнутом положении, руки у лица. Сохранность костей весьма плохая. Весь костяк и окружающий его

грунт сильно окрашены красной краской, особенно череп, кости рук, коленный сустав и грунт между костяком и погребением № 20. Позади скелета два больших камня.

Костяк, частично перекрывая погребение № 23, лежит рядом и почти на одном уровне с погребением № 20, но ориентирован в противоположную сторону и окрашен сильнее.

Погребение № 22 (1929, № 59)

Кв. Ж 18 — З 19, глуб. — 0.45 м (рис. 16 и 18)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута. Кости очень плохой сохранности, череп раздавлен. Кости (особенно в области грудной клетки) и грунт могилы окрашены красной краской.

Погребение № 23 (1929, № 48)

Кв. Е 17—18 — Ж 18, глуб. — 0.68 м (рис. 16)

Костяк мужской (20—25 лет) на правом боку; ноги в сильно согнутом положении, причем колени подняты вверх; руки согнуты в локтях. Череп поврежден, положение мелких костей нарушено. Весь костяк окрашен красной краской; особенно сильно череп, позвонки, коленные и локтевые сочленения и кости таза. Между большими берцовыми костями — обломок кремневой пластинки со следами красной краски.

Костяк частично перекрыт погребением № 21.

Погребение № 24 (1930, № 23)

Кв. Л 18—19, глуб. — 0.66 м (рис. 19)

Кости ног и локтевая кость разрушенного детского погребения. Скелет лежал с подогнутыми ногами. У костей найдена кремневая пластинка.

Погребение № 25 (1930, № 26)

Кв. К 18 — Л 18, глуб. + 0.01 м (рис. 19)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки согнуты в локтях. Кости крайне плохой сохранности; слабо окрашены красной краской. Перед костями два крупных камня, у челюсти и среди костей таза — кусочки мела.

Костяк частично перекрывает погребение № 26.

Погребение № 26 (1930, № 28)

Кв. К 18 — Л 18, глуб. — 0.04 м (рис. 19)

Разрушенное погребение. Сохранились лишь кости ног, руки и грудной клетки. Костяк лежал на правом боку с согнутыми ногами. Среди костей встречены кусочки мела.

Кости частично перекрыты погребением № 25.

Погребение № 27 (1929, № 60)

Кв. Г 17, глуб. — 0.93 м (рис. 20)

Детский костяк на правом боку, ноги в согнутом положении. Кости очень плохой сохранности. Весь скелет и грунт могилы окрашены красной краской. У костей левой руки — кремневый отщеп.

Погребение № 28 (1929, № 41)

Кв. Е 16—17, глуб. + 0.08 м (рис. 20)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Череп частично разрушен, положение мелких костей нарушено. На костях и в окружающем грунте заметны следы красной краски, особенно сильно окрашены челюсти, кости правой руки, грунт около нее и позвоночник. При костяке — 1 осколок и 3 отщепы кремня (два перед правой рукой, один в нижней части позвоночника)

и один у бедренной кости); неподалеку от пяточных костей — глиняный сосуд, фрагментированный (табл. III, 2). Неподалеку от костей ног, ниже на 0.45 м, — два обломка рогов оленя, перекрывающие частично погребение № 36 (табл. X, 2, 3).

Погребение № 29 (1929, № 62)

Кв. А 15—16, глуб. — 1.14 м (рис. 21 и 22)

Женский костяк (взрослый) на спине, ноги и череп на левом боку, руки вытянуты вдоль туловища (правая рука, возможно, была согнута). Кости плохой сохранности. Череп разрушен, нарушено положение костей грудной клетки. Костяк слегка окрашен красной краской, особенно сильно окрашены бедренные кости и кисть левой руки. У лицевых костей черепа и костей левой руки — крупные камни, при костях кисти левой руки — коренной зуб быка.

Костяк частично перекрыт погребением № 30.

Погребение № 30 (1929, № 52)

Кв. А 15—16, глуб. — 0.80 м (рис. 21 и 23)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении. Кости очень плохой сохранности: череп разрушен, кости левой руки и грудной клетки нарушены. Окраска костей красной краской незначительна, наиболее окрашены кости таза. При костяке обнаружены два кремневых отщепов, один у таза, другой на месте локтя левой руки.

Костяк частично перекрывает погребение № 29.

Погребение № 31 (1929, № 44)

Кв. В 15—16, глуб. — 0.75 м (рис. 21 и 24)

Костяк женский (около 40 лет) на правом боку, ноги в согнутом положении. Кости очень плохой сохранности; череп и большинство костей разрушены. В области верхней части туловища — большое количество бус, группа бус также у костей рук. Бусы пастовые миниатюрные, цилиндрические — 548 белых и голубых и 538 коричневатокрасных; также же, цилиндрические с тремя рожками — 48 белых и голубых; большое количество обломков тех и других, из сердолика — 1 круглая, из яшмы — 1 цилиндрическая (рис. 25, 4 и табл. II, 9). При костяке найдены: уголек, 2 медных конусообразных подвески из свернутых пластинок, причем одна с тисненными выпуклостями (рис. 25, 2 и табл. IV, 2; одна подвеска лежала перед лицевыми костями), 2 медных фрагментированных подвески в виде незамкнутых овальных колечек с заходящими друг за друга расширяющимися концами (рис. 25, 3 и табл. IV, 3; одна из подвесок лежала на верхних позвонках у черепа), 10 подвесок (5 фрагментированных) из просверленных клыков оленя (рис. 25, 1 и табл. IV, 1; между плечевым суставом и нижней челюстью), 7 осколков и отщепов кремня (один вместе с медной подвеской перед лицевыми костями), 6 ракушек (1 *Helix* sp. и 5 *Vulvinitus* sp.) и глиняный фрагментированный сосуд в обломках (табл. III, 1) близ медной подвески перед лицевыми костями.

Костяк частично перекрывает могильное пятно погребения № 32.

Погребение № 32 (1929, № 64)

Кв. В 16, глуб. — 1.37 м (рис. 21)

Погребение в галечнике. В песчанном слое, перекрывающем галечник, ясно заметны очертания могильной ямы. Костяк (мужчина? 18—40 лет) на левом боку, ноги в сильно согнутом положении, правая рука вытя-

нута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. Весь костяк сплошь засыпан красной краской. На черепе — два отщепов кремня со следами красной краски. Могильное пятно частично перекрыто погребением № 31.

Погребение № 33 (1929, № 64)

Кв. Б 16—17 (рис. 21)

Остатки разрушенного погребения. Сохранились череп, обломок бедренной кости и два обломка ребер.

Кости залегают в могильном пятне, заключавшем погребение № 32.

Погребение № 34 (1929, № 43)

Кв. Г 16 — Д 16, глуб. — 0.02 м (рис. 20)

Костяк на спине, ноги, лежавшие на правой стороне, согнуты, левая рука слегка согнута в локте; кости правой руки отсутствуют. Кости весьма плохой сохранности, череп и кости ног разрушены.

Костяк частично перекрывает погребение № 35.

Погребение № 35 (1929, № 61)

Кв. Д 15—16, глуб. — 1.10 м (рис. 20)

Костяк на левом боку, ноги в сильно согнутом положении, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Костяк окрашен красной краской, особенно сильно окрашены череп и кости грудной клетки. Положение мелких костей нарушено; повидимому, кости растасканы грызунами, так как фаланга и пяточная кость ноги оказались у затылочной части черепа. У нижней челюсти — обломок кремневой пластинки.

Костяк частично перекрыт погребением № 34.

Погребение № 36 (1929, № 56)

Кв. Д 16—17, глуб. — 1.12 м (рис. 20 и 26)

Костяк на спине, ноги в согнутом положении, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Костяк густо окрашен красной краской, особенно у черепа, где толщина окрашенного грунта достигает 0.35—0.40 м, в других же местах 0.05—0.06 м. У локтя левой руки — пластинка из дентины кабаньего клыка с двумя дырочками на концах (рис. 27 и табл. II, 4).

Погребение № 37, а, б (1930, № 24)

Кв. З 16—17, глуб. — 0.89 м (рис. 28)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки слегка согнуты (а). У лица костяка череп и кости ребенка (б). Весь скелет интенсивно окрашен красной краской, которая пятнами встречается также и в грунте. Неподалеку от коленного сустава костяка — череп кабана со следами красной краски.

Погребение № 38 (1930, № 31)

Кв. И 16 — К 16, глуб. — 0.81 м (рис. 29)

Костяк на спине, ноги, лежавшие на правом боку, в согнутом положении, руки слегка согнуты в локтях. Череп отделен от туловища. Положение плохо сохранившихся костей нарушено.

Погребение № 39 (1930, № 30)

Кв. Л 16 (рис. 29)

Детский костяк, лежащий спиной вверх. Положение костей ног нарушено, часть их отсутствует. Кости крайне плохой сохранности.

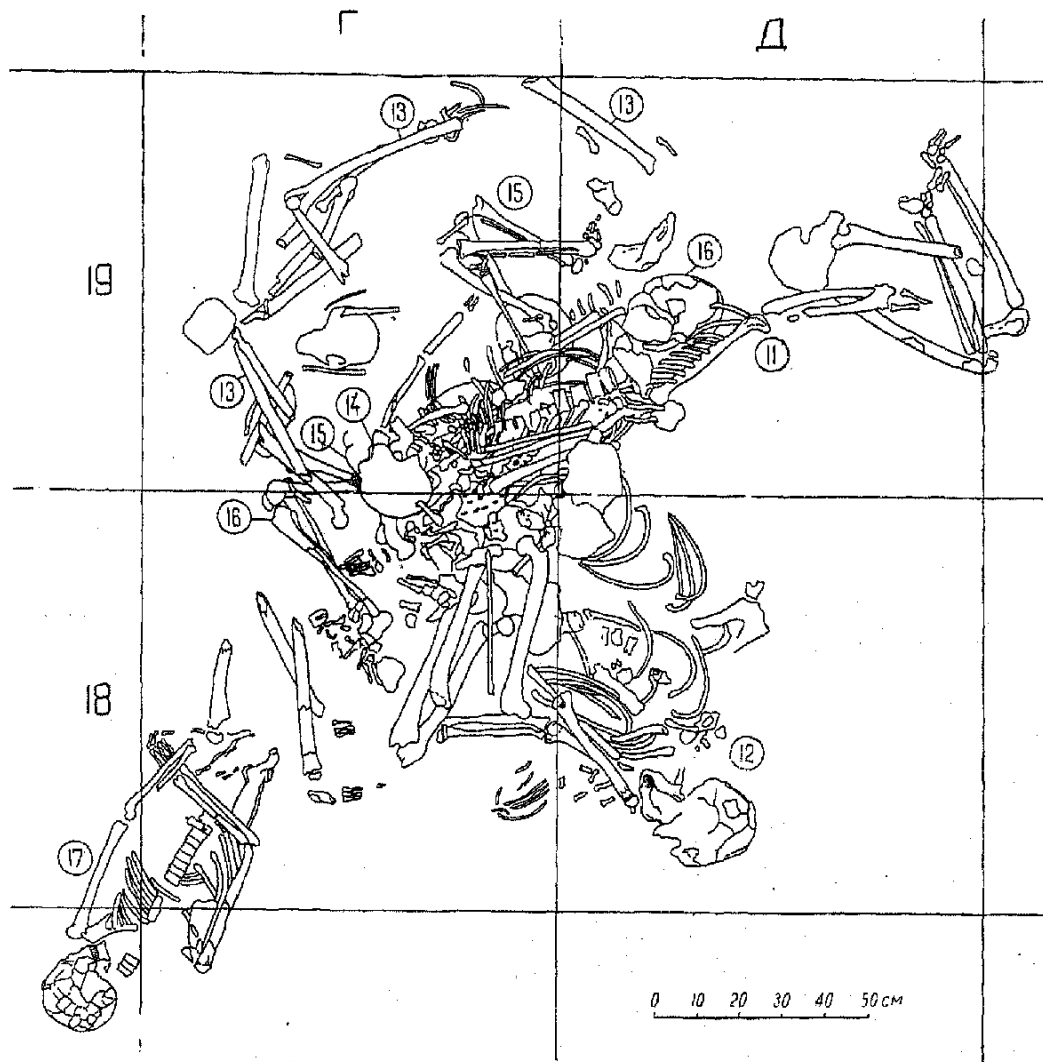

Рис. 9. Погребения №№ 11—17, Нальчикский могильник.

Рис. 11. Погребение № 14, Нальчикский могильник.

Рис. 10. Погребение № 12, Нальчикский могильник.

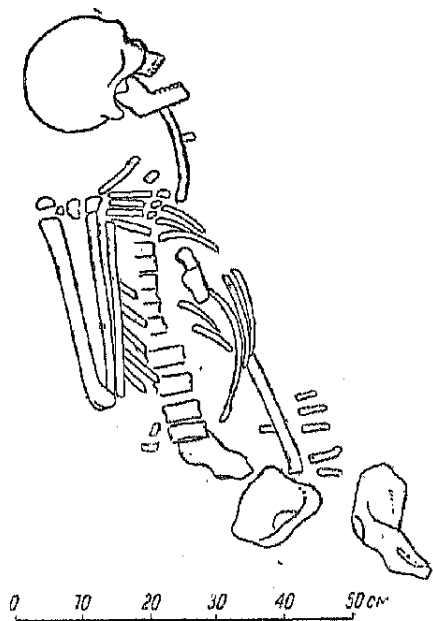

Рис. 12. Погребение № 14, Нальчикский могильник.

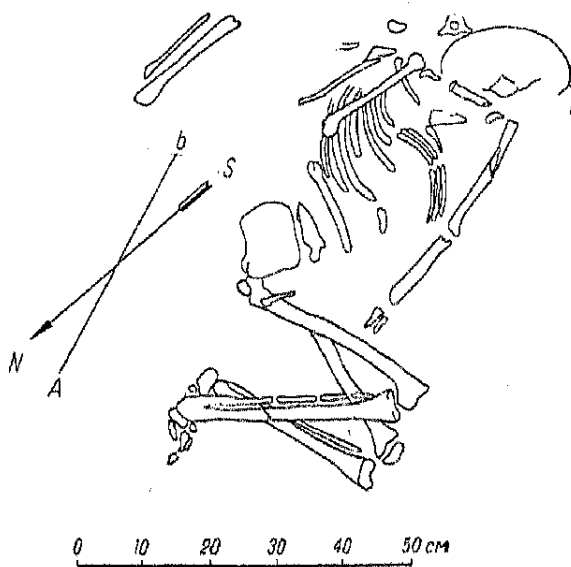

Рис. 13. Погребение № 15, Нальчикский могильник.

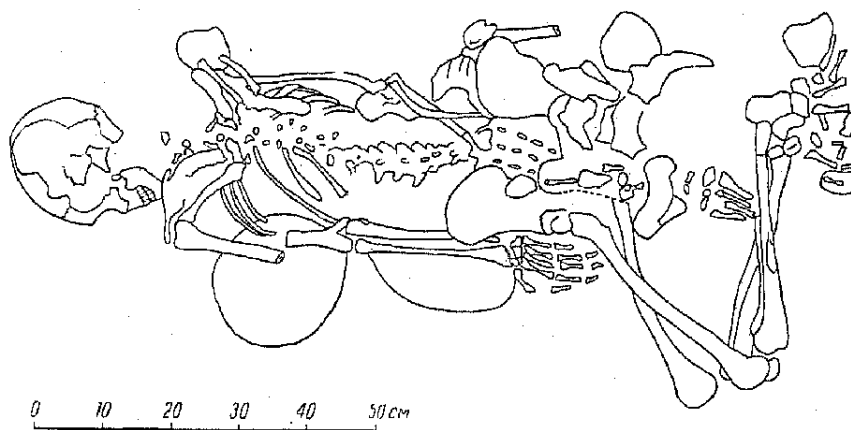

Рис. 14. Погребение № 16, Нальчикский могильник.

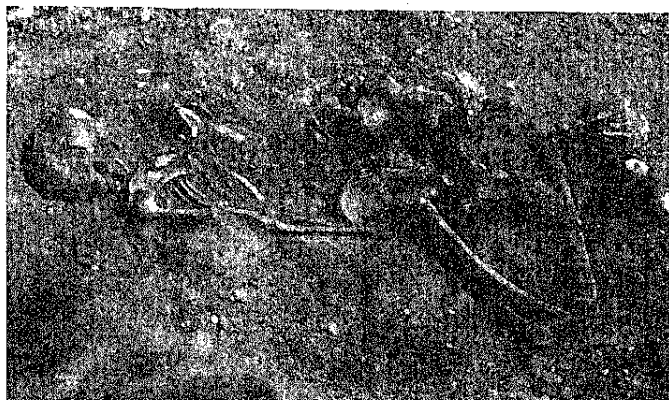

Рис. 15. Погребение № 16, Нальчикский могильник.

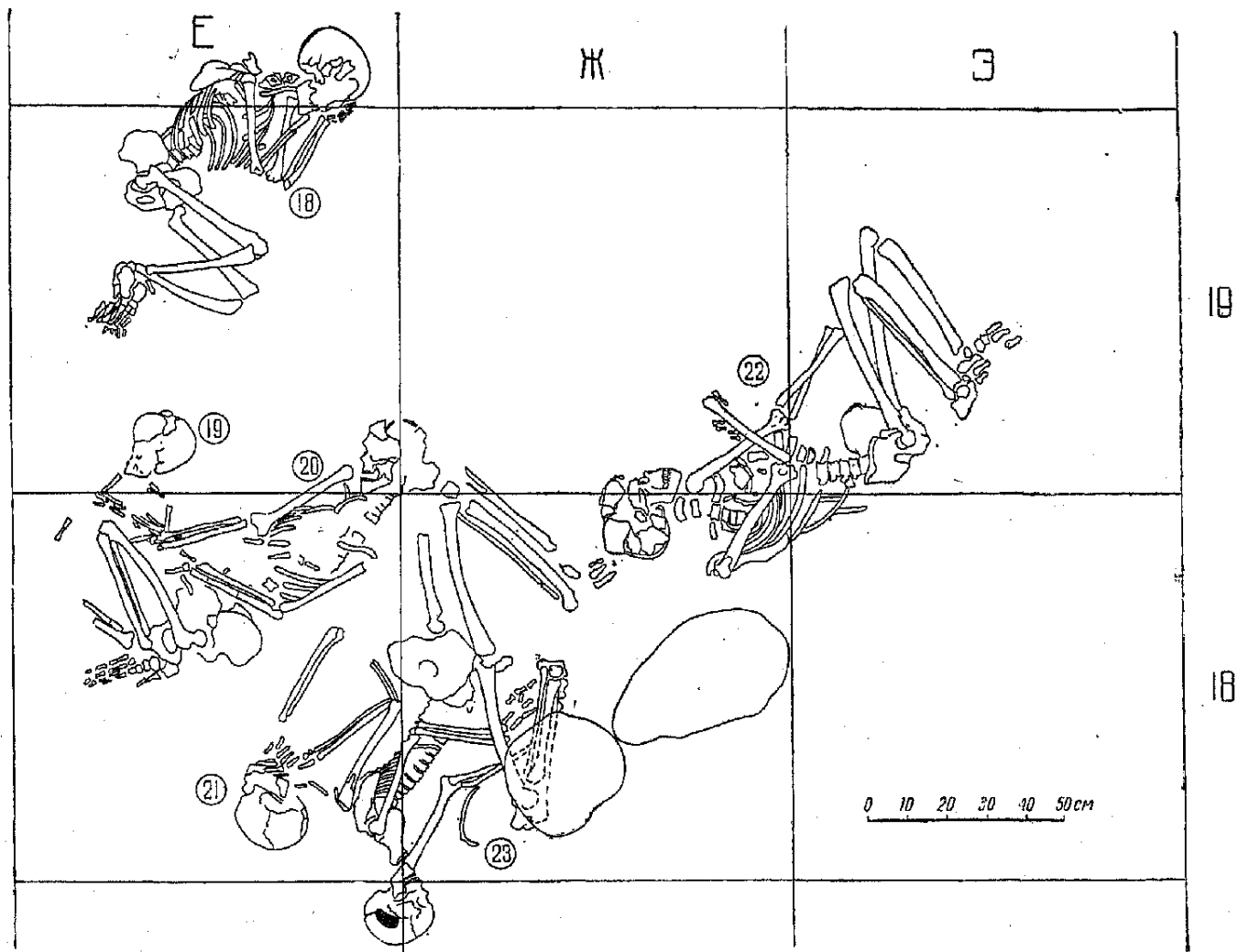

Рис. 16. Погребения №№ 18—23, Нальчикский могильник.

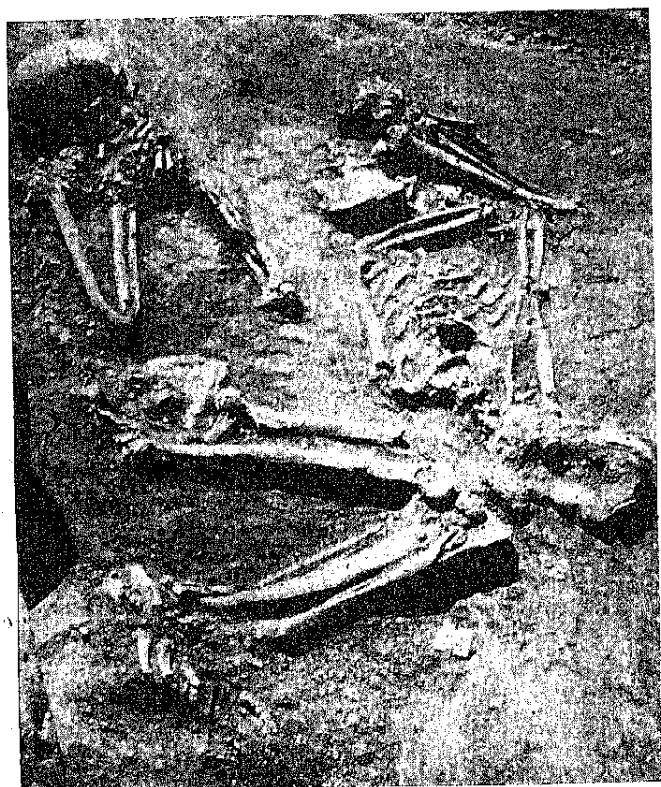

Рис. 17. Погребения №№ 20—21, Нальчикский могильник.

Рис. 18. Погребение № 22, Нальчикский могильник.

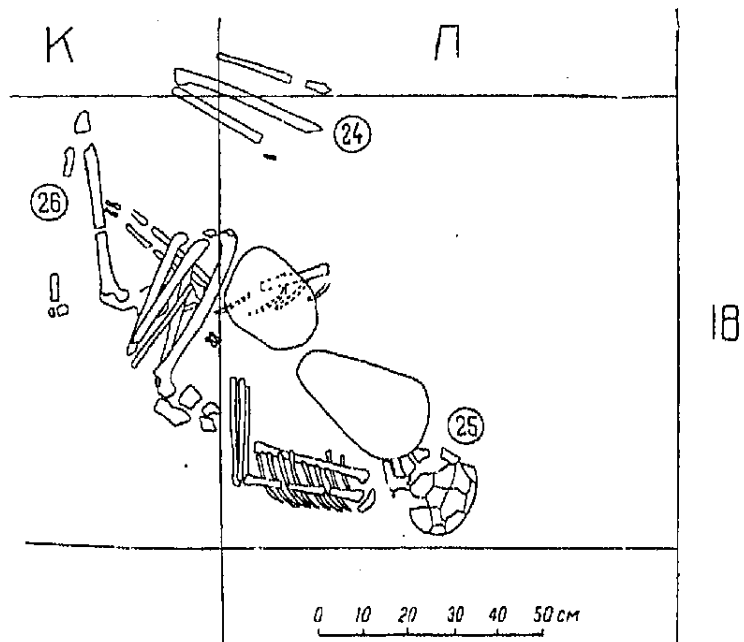

Рис. 19. Погребения №№ 24—26, Нальчикский могильник.

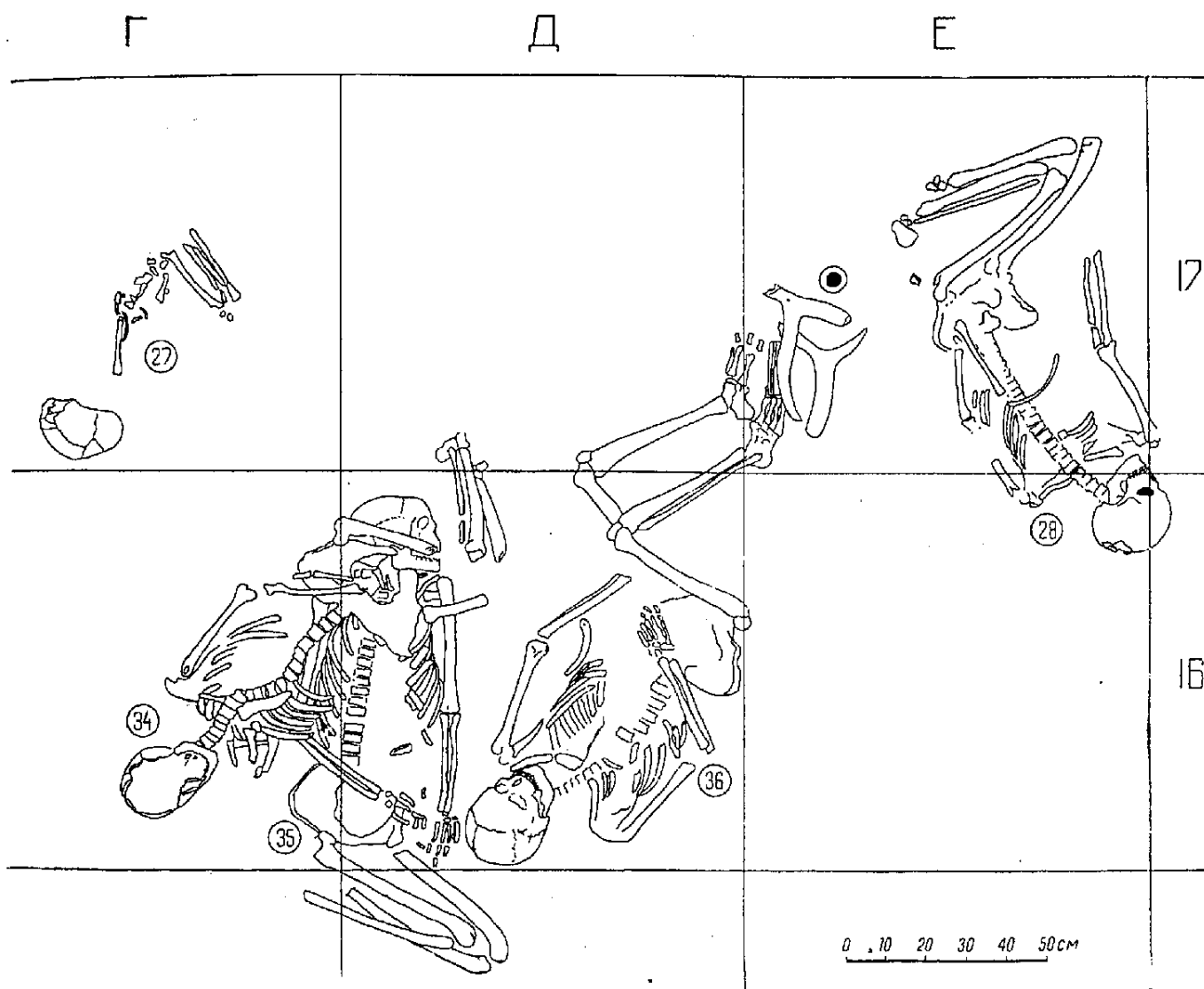

Рис. 20. Погребения №№ 27—28 и 34—36, Нальчикский могильник.

Погребение № 40 (1930, № 25)

Кв. Л 15—16, глуб. — 1.13 м (рис. 29)

Разрушенное погребение. Сохранились череп, ребра, кости рук и ног. Кости плохой сохранности. У костей грудной клетки — пятно красной краски.

Погребение № 41 (1929, № 55)

Кв. В 14—Г 14, глуб. — 0.84 м (рис. 30 и 31)

Женский костяк (около 60 лет) на левом боку, руки вытянуты вдоль туловища. Кости ног разрушены. Нарушено положение костей ног и грудной клетки. Костяк сильно окрашен красной краской, особенно в области груди и шеи. При костяке найдены 2 отщепы кремня со следами красной краски и 33 бусы: 1 из мрамора, боченкообразная, белого цвета (рис. 32, 7 и табл. IV, 5), 1 такая же, но плоская, круглая (рис. 32, 9 и табл. IV, 6), 1 из мрамора, цилиндрическая с кососрезованными краями белого цвета (рис. 32, 8 и табл. IV, 4), 18 небольших из мрамора, цилиндрических, белого цвета (рис. 32, 5—6 и табл. IV, 9), 9 маленьких каменных (из змеевика), плоских, круглых, темнозеленого цвета (рис. 32, 3, 4 и табл. IV, 7), 1 такая же, но с сероватым оттенком (табл. IV, 10), 1 такая же но круглая в плане и подтреугольная в профиле, темносерого цвета (рис. 32, 1 и табл. IV, 11), 1 небольшая каменная (гагат-гешир), круглая в плане и трапециевидная в профиле, черного цвета (рис. 32, 2 и табл. IV, 8). Почти все бусы со следами красной краски. 14 бус находились у шеи в ненарушенном порядке (остатки ожерелья).

Костяк перекрывает погребения №№ 42, 44, 45.

Погребение № 42 (1929, № 58)

Кв. В 14, глуб. — 1.05 м (рис. 30 и 33)

Мужской костяк (40—60 лет) на правом боку, руки вытянуты вдоль туловища. Череп трепанирован. Кости ног отсутствуют (разрушены проходящей через курган канавой). Весь костяк окрашен красной краской; наиболее сильно череп, плечевые и локтевые кости. Отдельные скопления краски находились и в грунте над и под покойником.

Костяк перекрыт погребением № 41 и перекрывает погребения №№ 44, 45.

Погребение № 43 (1929, № 58)

Кв. Г 14, глуб. — 1.05 м (рис. 30)

Разрушенное погребение. Сохранились череп и мелкие кости.

Кости находятся у края раскопа М. И. Ермоленко.

Погребение № 44 (1929, № 66)

Кв. В 14—15, глуб. — 1.58 м (рис. 30)

Женский костяк (40—60 лет) на левом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки слегка согнуты в локтях. Череп сильно поврежден; положение отдельных костей нарушено. Кости и грунт могилы окрашены в яркокрасный цвет; красная краска (мумия) сплошным слоем подстилает скелет и особенно густо насыпана в области коленных суставов. У левой руки — кремневый отщеп со следами красной краски.

Костяк частично перекрыт погребениями №№ 41, 42.

Погребение № 45 (1929, № 66)

Кв. В 14—Г 14, глуб. — 1.58 м (рис. 30)

Остатки разрушенного погребения. Сохранились череп и 2 позвонка, окрашенные красной краской.

Кости перекрыты погребениями №№ 41, 42.

Кости находятся у края раскопа М. И. Ермоленко.

Погребение № 46 (1929, № 67)

Кв. Б 13—14, глуб. — 1.28 м (рис. 30)

Костяк (40—60 лет) на груди, согнутые ноги и череп на правом боку; левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука слегка согнута в локте. Большая часть костей ног отсутствует; череп отделен от костей туловища. Весь костяк сильно окрашен красной краской. На локтевом суставе левой руки каменный браслет (рис. 34 и табл. V, 9), около таза — кремневые отщепы.

Костяк находится у края раскопа М. И. Ермоленко.

Погребение № 47 (1929, № 35)

Кв. А 11—12, глуб. — 0.95 м (рис. 35)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении. Кости плохой сохранности. Череп разрушен. Положение костей скелета нарушено. Кости окрашены красной краской. У ребер крупный камень.

Погребение № 48 (1929, № 34)

Кв. А 11

Разрушенное погребение. Сохранившиеся кости (череп, плечевая кость и несколько позвонков) лежат в беспорядке.

Погребение № 49 (1929, № 24)

Кв. Б 11, глуб. — 1.32 м (рис. 35)

Разрушенное погребение. Сохранились кости ног, перекрывающие нижнюю часть костяка № 50. На всех костях заметны следы красной краски. У костей — 3 кремневых отщепы.

Погребение № 50 (1929, № 24)

Кв. Б 10—11, глуб. — 1.32 м (рис. 35)

Детский костяк на правом боку. Кости разрушены. На всех костях заметны следы красной краски.

Нижняя часть скелета перекрыта костями ног погребения № 49.

Погребение № 51 (1929, № 30)

Кв. В 10, глуб. — 0.77 м (рис. 35)

Разрушенное погребение ребенка (около 7 лет). Сохранились череп и частично кости рук; кости ног отрезаны проходящей через курган канавой. Кости и окружающий их грунт окрашены красной краской.

Погребение № 52 (1929, № 23)

Кв. Е 9—10, глуб. — 1.66 м (рис. 36)

Разрушенное погребение. Сохранились лишь кости ног костяка, лежавшего на правом боку. Фаланги ног сильно окрашены красной краской.

Кости находятся на границе раскопа М. И. Ермоленко.

Погребение № 53 (1929, № 16)

Кв. Ж 9—10 (рис. 36 и 37)

Детский костяк (7—8 лет) на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки тоже согнуты в локтях. Все кости плохой сохранности, положение некоторых из них нарушено. Все погребение сильно окрашено красной краской (толщина слоя краски под челюстью 25 мм). У нижней челюсти пластинка из клыка кабана с вырезанными изображениями двух змеек (рис. 38, 1 и табл. IV, 12) и подвески из просверленных клыков оленя (рис. 38, 2, и табл. IV, 13, 14).

Погребение № 54 (1929, № 25)

Кв. А 8—9, глуб. — 0.86 м (рис. 39)

Разрушенное погребение. Сохранились лишь кости ног, таза и руки костяка, лежавшего на левом боку с подогнутыми ногами. Кости окрашены красной краской.

Погребение, перекрывая кости ног погребения № 55, находится на границе раскопа М. И. Ермоленко.

Погребение № 55 (1929, № 40)

Кв. А 9, глуб. — 1.54 м (рис. 39)

Детский костяк (7—8 лет) на правом боку, ноги подогнуты. Положен на подстилку из мелкой гальки. Кости плохой сохранности. Костяк окрашен красной краской; особенно сильно голени. Под черепом лежал плоский камень, а у левой плечевой кости — крупные камни.

Костяк частично перекрыт погребением № 54.

Погребение № 56 (1929)

Кв. К 9, глуб. — 1.19 м (рис. 40)

Остатки разрушенного погребения в мешаном слое. Сохранились в очень плохом состоянии некоторые чрезвычайно разрушенные кости и череп, сильно окрашенные красной краской и лежащие в беспорядке.

Погребение № 57 (1929, № 26)

Кв. Л 9, глуб. — 2.03 м (рис. 40 и 41)

Костяк (мужской?) на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Череп поврежден. Положение костей рук, грудной клетки и таза нарушено. Все погребение сильно окрашено красной краской, причем отдельные куски ее встречаются в грунте. У костей таза кремневый отщеп.

Погребение № 58 (1929, № 26)

Кв. Л 9, глуб. — 2.03 м (рис. 40 и 41).

Разрушенное погребение. Сохранились кости таза и ног, позвонки, ребра и череп, лежащие в беспорядке.

Погребение № 59 (1929, № 20)

Кв. Б 6, глуб. — 0.52 м (рис. 42)

Разрушенное погребение. Кости лежат в беспорядке, частично перекрывая погребение № 60. Сохранились кости черепа, таза и ног.

Погребение № 60 (1929, № 20)

Кв. Б 6—7, глуб. — 0.52 м (рис. 42)

Мужской костяк (40—60 лет) на правом боку, ноги в сильно согнутом положении, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. У костей лица — кремневый отщеп, на бедренной кости — фрагмент кремневой пластинки.

Костяк частично перекрыт погребением № 59.

Погребение № 61 (1929, № 21)

Кв. Б 7, глуб. — 0.52 м (рис. 42)

Костяк (18—20 лет) на правом боку (?). Положение костей нарушено. Кости рук (частично) и ног отсутствуют.

Костяк находится в непосредственной близости с погребением № 60.

Погребение № 62 (1929, № 20)

Кв. Б 6 — В 6, глуб. — 0.52 м (рис. 42)

Остатки разрушенного погребения. Отдельный череп, при котором найден отщеп кремня.

Погребение № 63 (1929)

Кв. И 7—8, глуб. — 1.01 м (рис. 43)

Остатки разрушенного погребения в церкопанном грунте. Сохранились обломки черепа.

Погребение № 64 (1929, № 22)

Кв. З 6—7, глуб. — 1.34 м (рис. 43 и 44)

Костяк на правом боку, ноги в согнутом положении, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Череп отсутствует. Почва над костяком и грунт могилы, так же как весь скелет, сильно окрашены красной краской.

Костяк перекрывает погребение № 65.

Погребение № 65, а, б (1929, № 37)

Кв. З 6—7, глуб. — 1.84 м (рис. 43)

Погребение в слое галечника.

а — костяк на левом боку с подогнутыми ногами; положение костей нарушено; сильно окрашен красной краской; у костей таза и нижней части ног два кремневых отщепа со следами красной краски, у черепа костяная поделка в виде уплощенного стержня, заканчивающегося утолщением (табл. IV, 23); соприкасается с костями погребения № 65 б.

б — костяк подростка на правом боку с подогнутыми ногами; сильно окрашен красной краской; соприкасается с костями погребения №№ 65 а и 68.

Костяки перекрыты погребением № 64.

Погребение № 66 (1929, № 8)

Кв. И 6 — К 6, глуб. — 0.61 м (рис. 43)

Костяк (мужской? 40—60 лет) на правом боку, ноги в согнутом положении, руки также слегка согнуты в локтях. Положение мелких костей нарушено. У лицевых костей — две гальки, у плечевого сустава правой руки — 4 коренных зуба быка, у кисти левой руки — обломок венчика глиняного сосуда, при тазовых костях — кремневый отщеп.

Костяк перекрывает погребения №№ 67 и 68.

Погребение № 67 (1929, № 14)

Кв. И 6, глуб. — 0.85 м (рис. 43)

Разрушенное погребение. Кости в полном беспорядке. Некоторые кости окрашены красной краской. При разборке погребения найдены под костями 3 отщепа кремня, вблизи костей 1 фрагмент глиняного сосуда и обломок коренного зуба быка.

Кости перекрывают погребение № 68 и частично находятся под погребением № 66.

Погребение № 68 (1929, № 37)

Кв. И 6 — 7, глуб. — 1.84 м (рис. 43)

Костяк на правом боку, ноги в согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Положение костей нарушено. Сильно окрашен красной краской. Соприкасается с костями погребения № 64 б.

Костяк перекрыт погребениями №№ 67 и 68.

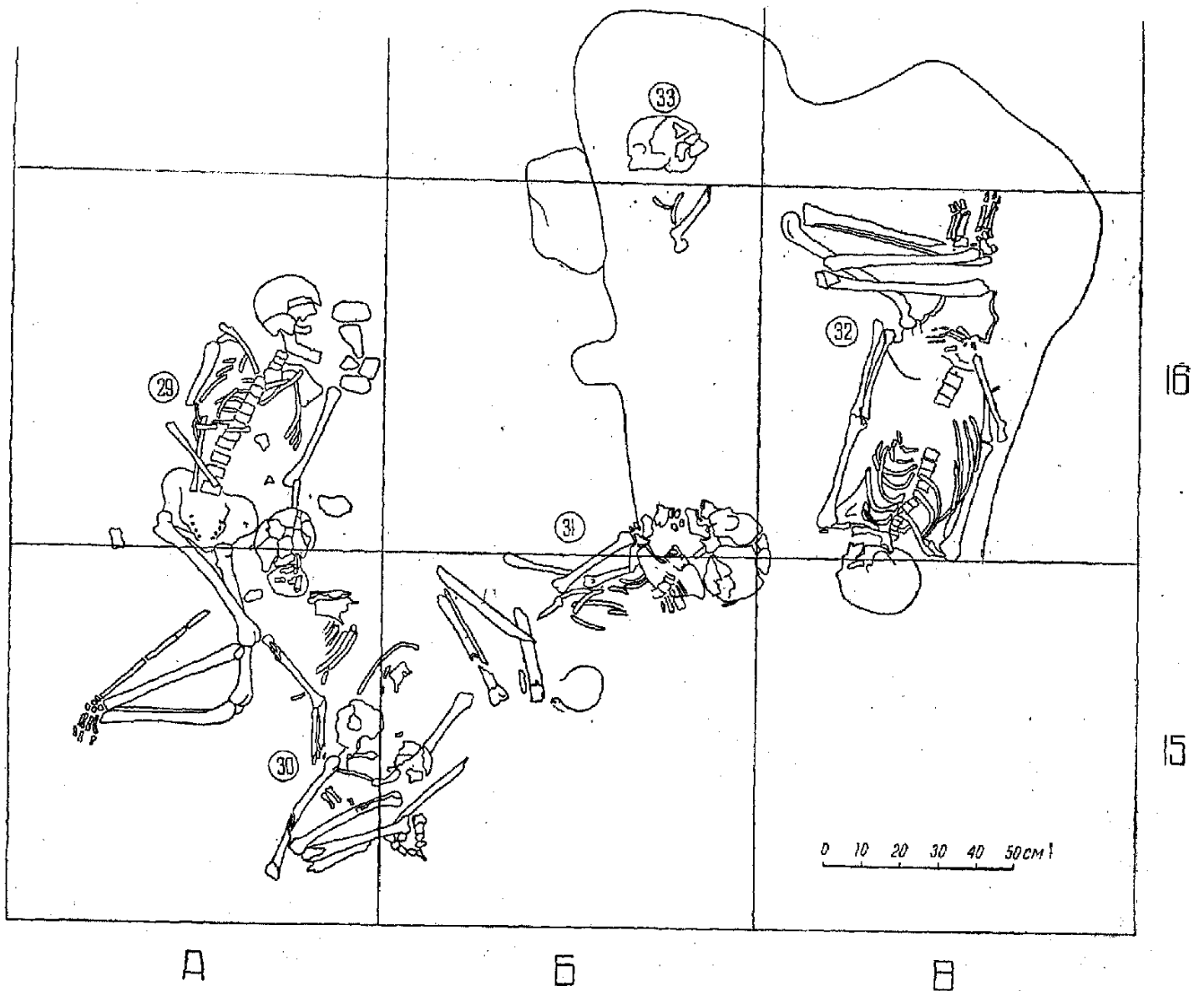

Рис. 21. Погребения № 29—33, Нальчикский могильник.

Рис. 22. Погребение № 29, Нальчикский могильник.

Рис. 23. Погребение № 30, Нальчикский могильник.

Рис. 24. Погребение № 31, Нальчикский могильник.

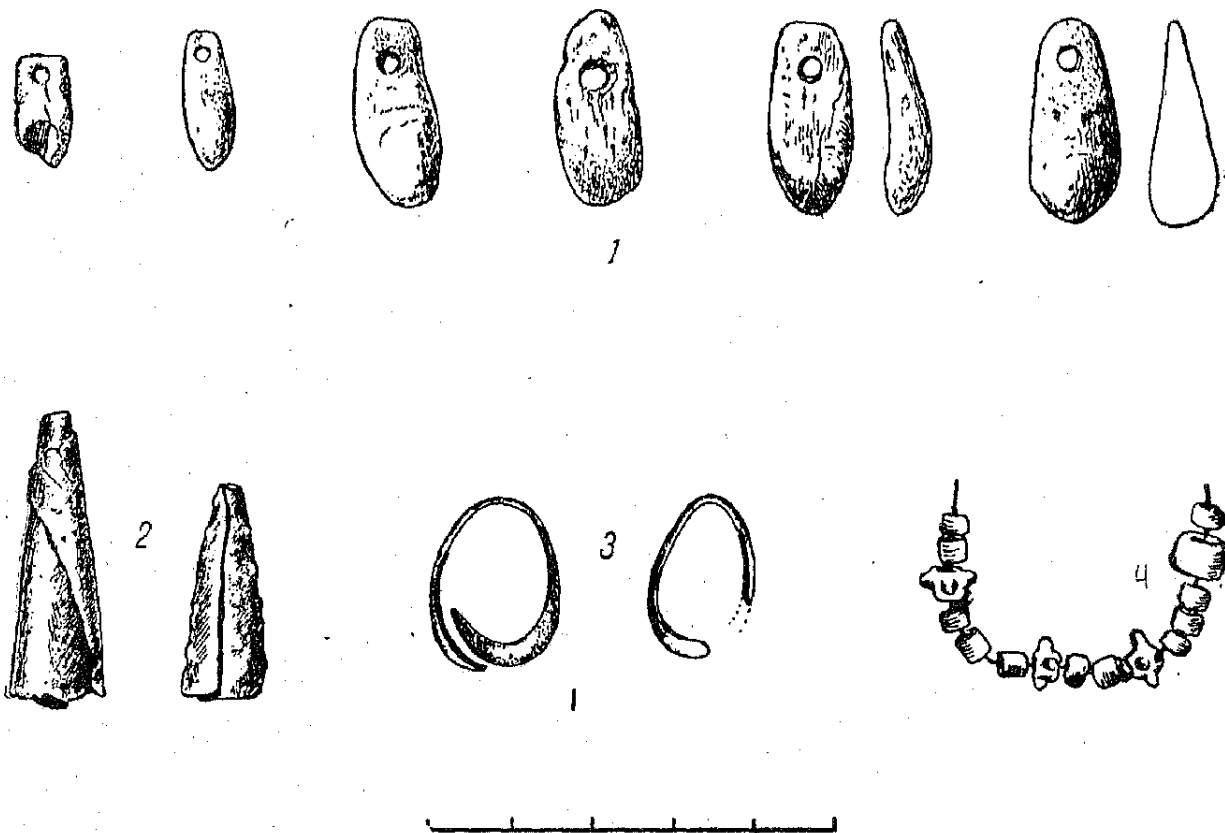

Рис. 25. Подвески из зубов животных, пастовые и каменные бусы, медные конусовидные подвески и височные кольца (погребение № 31).

Рис. 26. Погребение № 36, Нальчикский могильник.

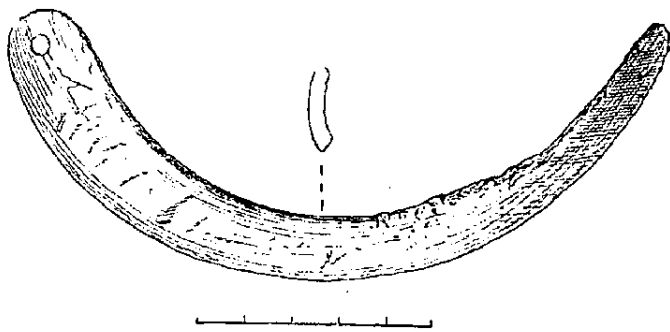

Рис. 27. Пластика из клыка кабана (погребение № 36).
 $\frac{2}{3}$ нат. вел.

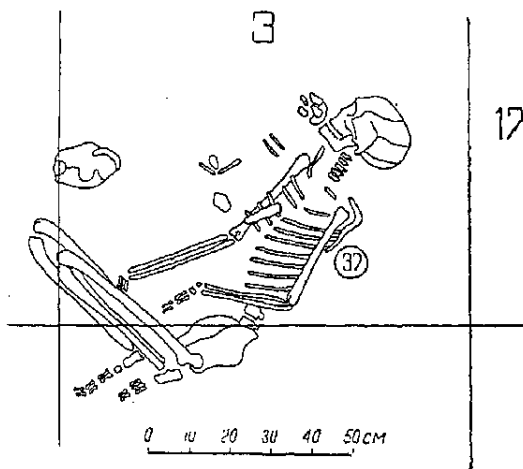

Рис. 28. Погребения № 37, а и б, Нальчикский могильник.

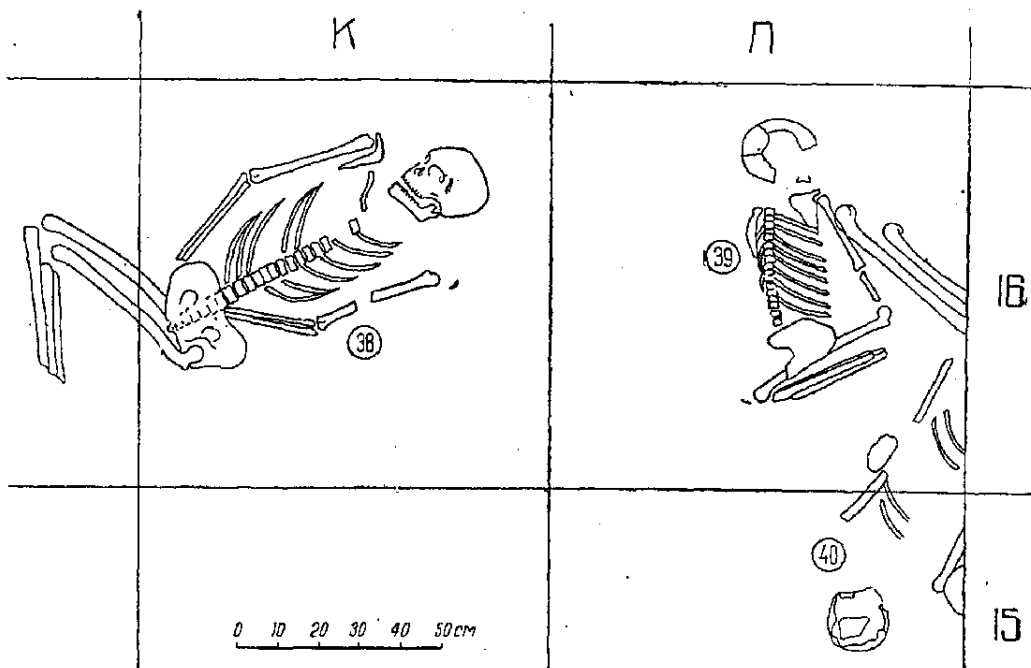

Рис. 29. Погребения №№ 38—40, Нальчикский могильник.

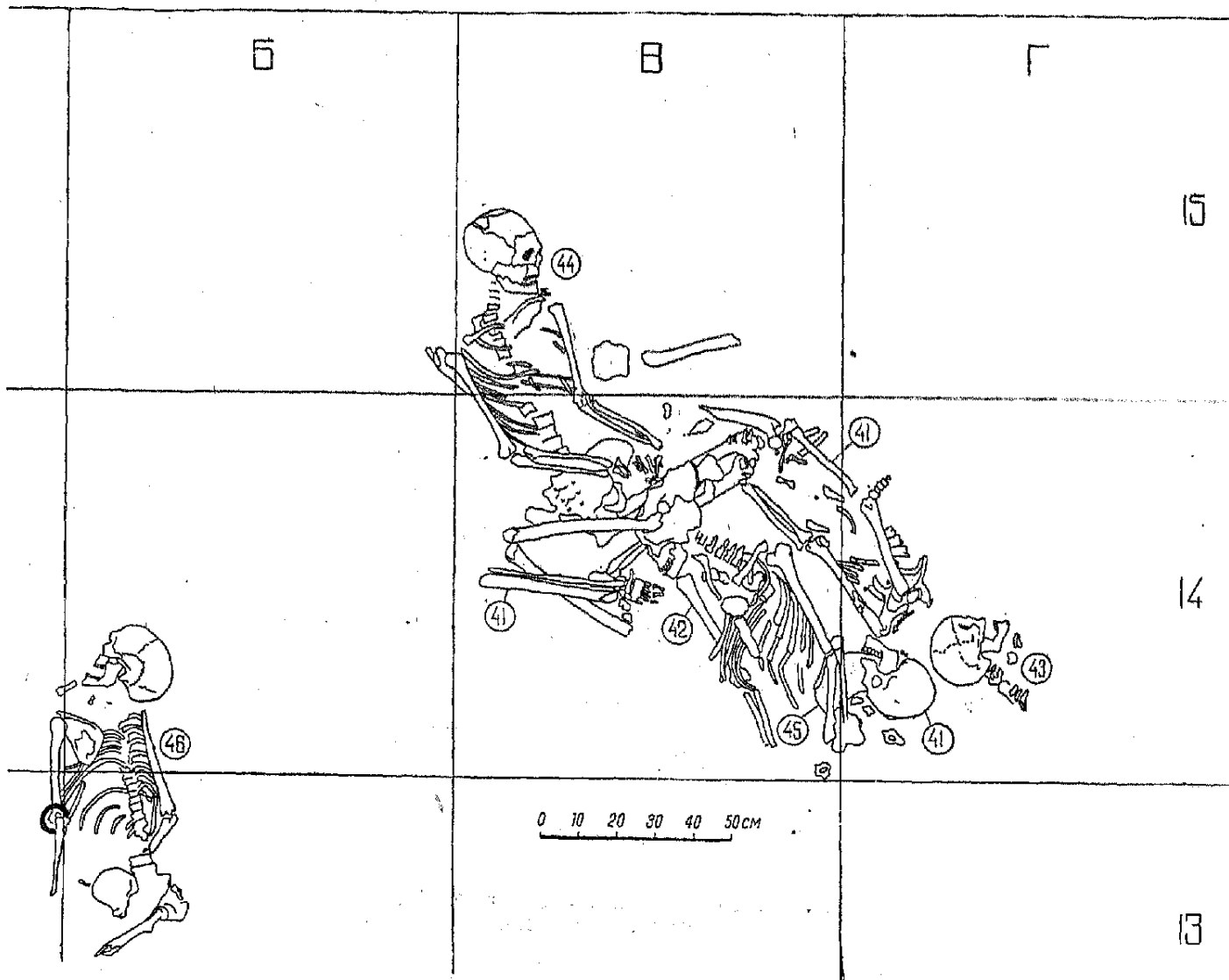

Рис. 30. Погребения №№ 41—46, Нальчикский могильник.

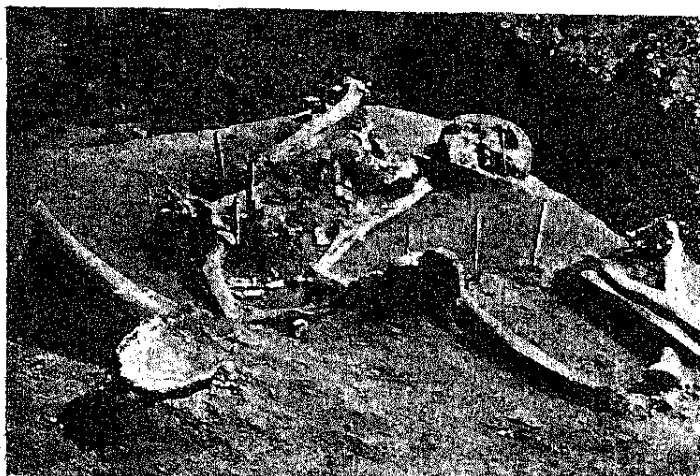

Рис. 31. Погребение № 41, Нальчикский могильник.

Погребение № 69 (1929, № 3)

Кв. И 6

Разрушенное погребение. Кости крайне плохой сохранности. По всей видимости погребение было детским.

Погребение № 70 (1929, №№ 15, 27)

Кв. Л 7—М 7, глуб. — 0.84 м (рис. 45)

Костяк на левом боку с подогнутыми ногами и со слегка согнутыми руками. Кости плохой сохранности. Череп отделен от костей туловища и находится в вертикальном положении. Положение мелких костей нарушено. Кости и грунт, их окружающий, сильно окрашены красной краской. Наиболее сильно костяк окрашен в областях левого коленного сустава, таза и грудной клетки. У костей ног — обломок стенки глиняного сосуда.

Погребение № 71 (1929, №№ 15, 27)

Кв. Л 7—М 7, глуб. — 0.64 м (рис. 45)

Костяк мужской (40—60 лет) на правом боку с подогнутыми ногами и со слегка согнутыми руками. Трепанованный череп отделен от костей туловища и находится в вертикальном положении. Положение мелких костей нарушено. Кости и грунт, их окружающий, сильно окрашены красной краской. Костяк особенно сильно окрашен в области ребер и таза. У костей ног — обломок стенки глиняного сосуда; близ костей таза отщеп кремня.

Погребение № 72 (1929, № 31)

Кв. Г 5, глуб. — 1.25 м (рис. 46 и 47)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении; правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Кости очень плохой сохранности; череп раздавлен на мелкие куски. Окрашенность красной краской слабая. Наиболее сильно окрашены кости таза. У левого плечевого сустава раковинка.

Погребение № 73 (1929, № 7)

Кв. Д 5, глуб. — 1.03 м (рис. 46)

Разрушенное детское (около 7 лет) погребение. Сохранились лишь совсем разрушенный череп и отдельные ребра. Грунт под черепом бурого цвета.

Погребение № 74 (1929, № 9)

Кв. З 5—И 5, глуб. — 0.42 м (рис. 55)

Костяк (18—40 лет) на левом боку, ноги в согнутом положении. Кости в очень плохом состоянии. Окрашенность красной краской незначительная. При костях найдено 6 кусочков мела (1 у лицевых костей черепа, 2 у костей левой руки, 1 у таза и 2 у бедренной кости), 6 отщепов кремня (1 среди костей черепа, 1 у нижней челюсти, 1 неподалеку от костей левой руки и 3 у пятчатых костей) и 1 обломок стенки глиняного сосуда у локтевого сустава левой руки.

Погребение № 75 (1929, № 38)

Кв. И 5—К 5, глуб. — 1.88 м (рис. 55)

Костяк на правом боку, ноги в согнутом положении, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, причем кисть руки приподнята вверх. Поло-

жение костей, особенно в верхней части области грудной клетки, нарушено. Кости скелета и грунт могилы сильно окрашены красной краской. Неподалеку от костей ног — отщеп кремня.

Погребение № 76 (1929, № 10)

Кв. К 5—Л 5, глуб. — 0.61 м (рис. 55)

Детский костяк (7—8 лет), ноги согнуты (?). Кости очень плохой сохранности. Обнаружены обломки черепа, плечевой и бедренной костей. Кости окрашены красной краской. У черепа — кусок мела.

Погребение № 77 (1929, № 11)

Кв. К 5, глуб. — 0.59 м (рис. 55)

Детский костяк (около 7 лет) на правом боку, ноги согнуты. Кости очень плохой сохранности; окрашены красной краской. У бедренной кости 2 кремневых отщепов и один вместе с обломком коренного зуба быка неподалеку от черепа.

Погребение № 78 (1929, № 2)

Кв. К 5

Разрушенное погребение. Кости в полном беспорядке, сохранилась бедренная кость и верхняя часть черепной коробки.

Погребение № 79 (1929, № 72)

Кв. Г 3—4, глуб. — 0.51 м (рис. 46)

Костяк на спине, ноги в согнутом положении на левом боку. Руки согнуты в локтях, причем кисти рук помещены у верхней части тазовых костей. Костяк слегка окрашен красной краской; сильнее всего окрашены нижние поверхности черепа и левой берцовой кости, а также коленные суставы. Кусочки краски встречались и в грунте могилы над костяком. У лицевых и затылочных костей по одному обломку стенок глиняных сосудов.

Костяк перекрывает погребение № 81.

Погребение № 80 (1929, № 72)

Кв. Г 3, глуб. — 0.51 м (рис. 46)

Остатки разрушенного погребения. Сохранились обломки костей.

Погребение № 81 (1929, № 73)

Кв. Г 4—Д 3, глуб. — 0.95 м (рис. 46)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении, руки слегка согнуты. Череп совершенно разрушен. Весь костяк сильно окрашен красной краской (мумификация), которая встречается скоплениями в сочленениях; особенно много ее в области плечевой кости левой руки, где она проникает в грунт на глубину 0.15—0.20 м. Сильнее всего окрашены кости грудной клетки, менее всего — кости ног. Костяк лежит на гальке. У головы и ног встречены крупные камни.

Костяк частично перекрыт погребением № 79.

Погребение № 82, а, б (1929, № 6)

Кв. ДЗ—4, глуб. — 1.07 м (рис. 46)

а — женский костяк (18—40 лет) на левом боку, ноги в согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Кости крайне плохой сохранности, череп совершенно разрушен; под верхней частью черепа — грунт бурого цвета; под черепом и ребрами — мелкие гальки, у левой лучевой кости и левой бедренной — крупные камни (2 булыжника), у левой плечевой кости — отщеп кремня.

б — перед лицевыми костями черепа (а) разрушенные кости ребенка (около 7 лет); сохранились череп в обломках и часть ребер; у черепа — булыжник.

Костяк частично перекрывают погребения №№ 83 и 84.

Погребение № 83 (1929, № 39)

Кв. Д4, глуб. — 1.28 м (рис. 46 и 48)

Костяк (18—40 лет) на груди, ноги в согнутом положении и череп на правом боку. Верхняя часть туловища спиной вверх, обе руки согнуты в локтях. Сохранность костей очень плохая. Весь костяк окрашен красной краской, особенно сильно суставы рук и область ребер. На плечевой кости правой руки у локтевого сустава — каменный браслет (рис. 49, 3 и табл. V, 11), в нижней части позвоночника и на бедренной кости правой ноги, вблизи коленного сустава — по отщепу кремня. Под костями правой руки и неподалеку от коленного сустава правой ноги — по две подвески из просверленных резцов быка и одна такая же подвеска — у локтевого сустава левой руки (рис. 49, 1 и табл. IV, 15). Около костей пясти левой руки 2 и в области головы и шеи 16 целых цилиндрических бус: 4 каменных (1 белая, 2 черных и 1 серая) и 12 из раковин и обломки 9 бус (3 черных каменных и 6 из раковин) со следами красной краски (рис. 49, 2 и табл. II, 6 и табл. IV, 16).

Костяк частично перекрывает погребением № 82.

Погребение № 84 (1929, № 49)

Кв. Д3, глуб. — 0.53 м (рис. 46, 50 и 51)

Костяк на спине, ноги в согнутом положении на правом боку. Руки слегка согнуты, кисти рук помещены на газовых костях. Весь скелет окрашен красной краской, наиболее сильно кости грудной клетки и суставы конечностей.

Костяк частично перекрывает погребением № 82 и перекрывает погребения №№ 86 и 105.

Погребение № 85 (1929, № 68)

Кв. Е3, глуб. — 0.53 м (рис. 46, 50 и 51)

Остатки разрушенного погребения. Сохранился череп, находившийся над погребением № 86.

Погребение № 86 (1929, № 70)

Кв. Е3, глуб. — 0.88 м (рис. 46, 52 и 53)

Костяк женщины (25—30 лет) на спине, ноги в согнутом положении на правом боку, левая рука вытянута вдоль туловища, правая сильно согнута в локте, так что кисть ее находится у лицевых костей черепа. Весь костяк и грунт, его окружающий, сильно окрашены красной краской. Вокруг черепа и в области шеи — большое количество мелких бус цилиндрической формы, белого цвета (табл. II, 5 и рис. 54, 7), у затылочной кости — обломок венчика глиняного сосуда; неподалеку от черепа, при костях кисти правой руки, — маленькое медное колечко; на костях обеих рук по одному каменному браслету (табл. V, 7—8 и рис. 54, 10); между головкой бедренной кости

и пяточной костью левой ноги (ближе к последней) — лежащие кучкой подвески из просверленных кляков оленя (13 целых и 3 фрагмента; табл. IV, 22 и рис. 54, 1—2), 17 целых и 14 фрагментов подвесок из просверленных резцов быка (табл. IV, 21—22, 24 и рис. 54, 3—5). 1 костяная цилиндрическая пронозь (табл. IV, 20 и рис. 54, 8), 2 каменные просверленные подвески из обломков браслетов (табл. IV, 18—19 и рис. 54, 9), 1 каменная буса боченкообразная, уплощенная, черного цвета (табл. IV, 17 и рис. 54, 6); у конечных фаланг левой ноги — обломок кремневой пластины. Все предметы со следами красной краски.¹

Костяк частично перекрывает погребения №№ 84 и 85.

Погребение № 87 (1929, № 65)

Кв. Д3, глуб. — 0.38 м (рис. 46)

Разрушенное детское погребение. Костяк на правом боку, ноги в согнутом положении. Череп, кости руки и некоторые кости ног отсутствуют. Под костями таза незначительные следы красной краски.

Костяк перекрывает погребение № 105.

Погребение № 88 (1929, № 18)

Кв. Е4—Ж4, глуб. — 1.12 м (рис. 46)

Разрушенное погребение. Сохранились кости таза и руки. На костях руки — следы красной краски. У фаланг руки — обломок стенки глиняного сосуда.

Погребение № 89 (1929, № 4)

Кв. Ж5—З4, глуб. — 0.76 м (рис. 58)

Разрушенное погребение. Сохранилась лишь газовая кость с прилегающей к ней частью позвоночника. По всей видимости, костяк лежал на правом боку. У таза — отщеп кремня и кусок мела.

Погребение № 90 (1929, № 12)

Кв. З4—И4, глуб. — 0.73 м (рис. 55)

Костяк на левом боку, ноги в сильно согнутом положении. Кости крайне плохой сохранности, череп раздавлен. Положения костей туловища нарушено. Красная краска на костях грудной клетки и кистей рук. У черепа на пятне красной краски отдельные фаланги пальцев руки. Позади костяка несколько камней, среди костей встречаются отдельные гальки.

Костяк частично перекрывает погребение № 92.

Погребение № 91, а, б (1929, № 28)

Кв. И4—К4, глуб. — 1.35 м (рис. 55)

Остатки разрушенных погребений. Кости лежат в куче, среди них имеются фрагменты двух черепов, позвонки, кости таза и длинные кости конечностей. При разборке костей найдены 3 мелких обломка глиняной обмазки и коренной зуб быка.

Кости частично перекрывают погребение № 92.

¹ Костяк и сопровождавшие его предметы, после тщательной фиксации их местоположения на месте, были перевезены в разобранном состоянии в Ленинград и смонтированы в первоначальном виде. В настоящее время это погребение является одним из экспонатов Государственного Эрмитажа на выставке Отдела культуры и искусства доклассового общества. Рис. 53 представляет собой фотографию, сделанную в процессе фиксации погребения.

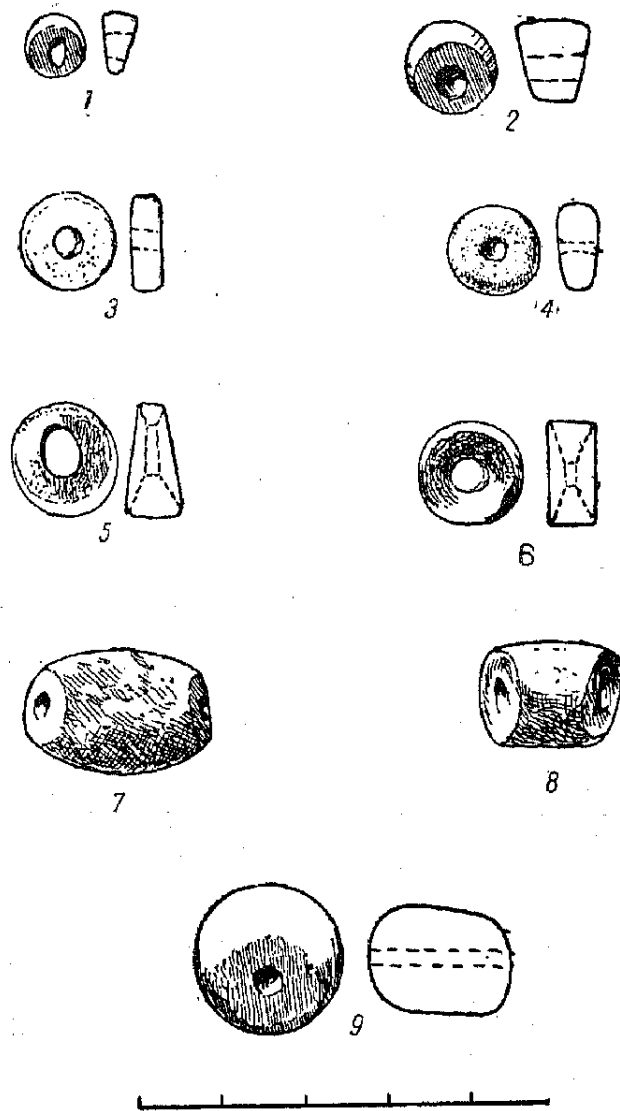

Рис. 32. Каменные бусы (погребение № 41).

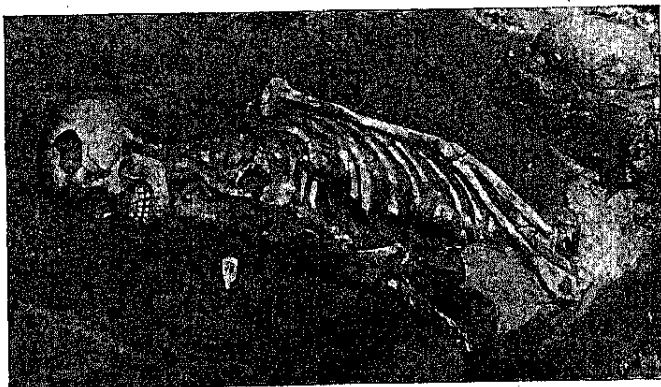

Рис. 33. Погребения №№ 42—43, Нальчикский могильник.

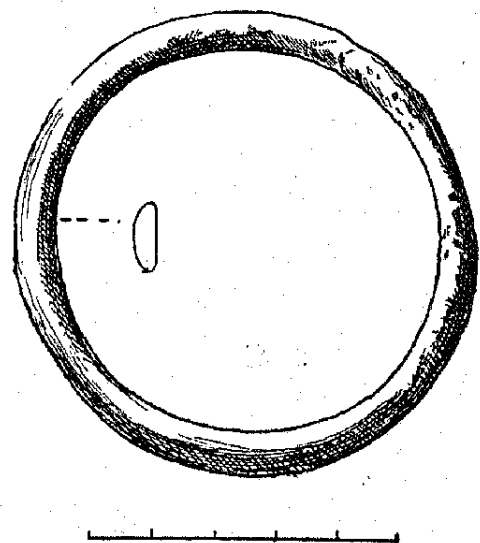

Рис. 34. Браслет из погребения № 46, Нальчикского могильника, $\frac{3}{4}$ нат. вел.

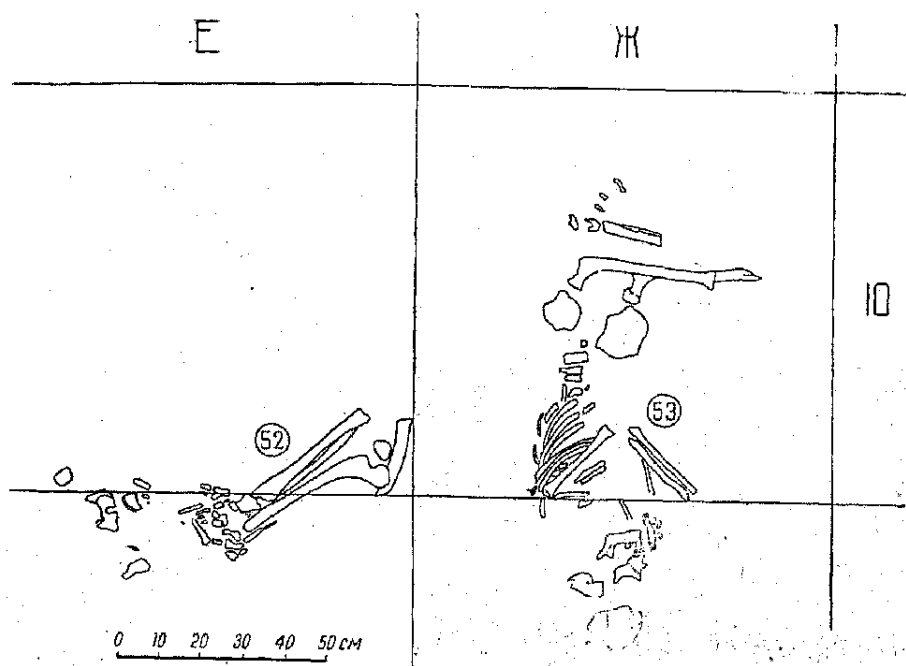
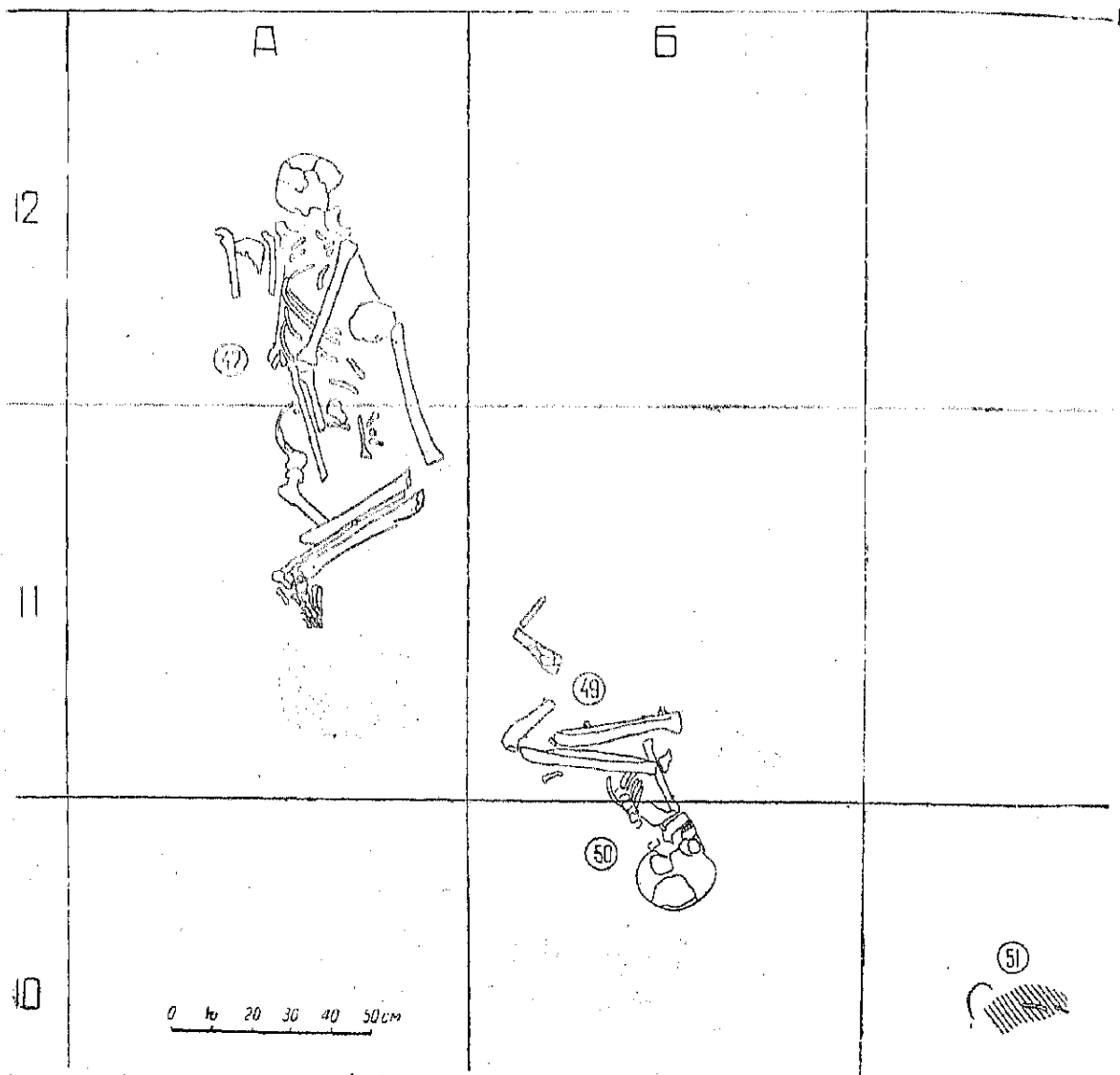

Рис. 35—36. Погребения №№ 47, 49—53, Нальчикский могильник.

Рис. 37. Погребение № 53, Наальчикский могильник.

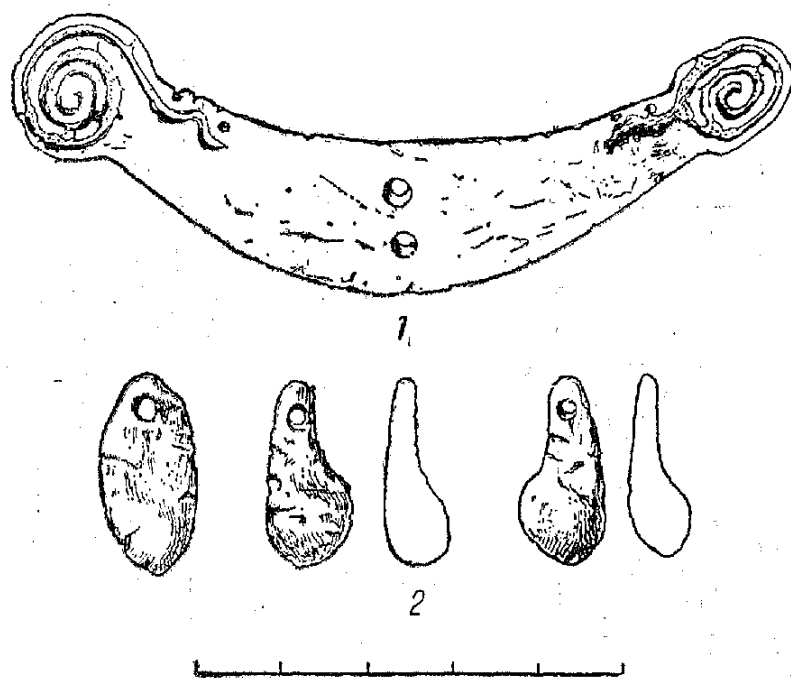

Рис. 38. Пластинка из клыка кабана с вырезанными изображениями змей и подвески из зубов животных (погребение № 53).

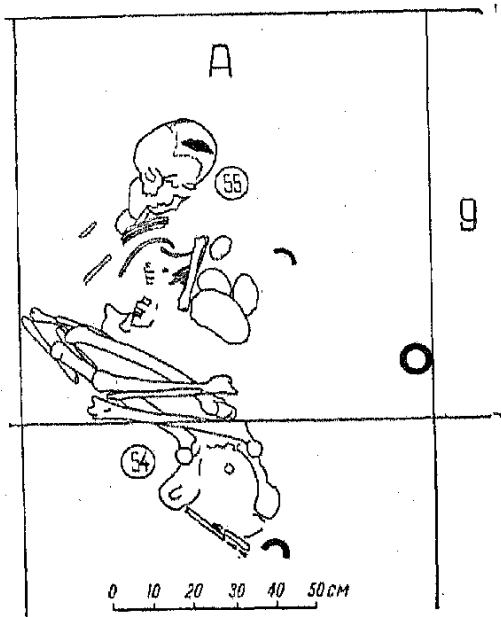

Рис. 39. Погребения №№ 54—55, Нальчикский могильник.

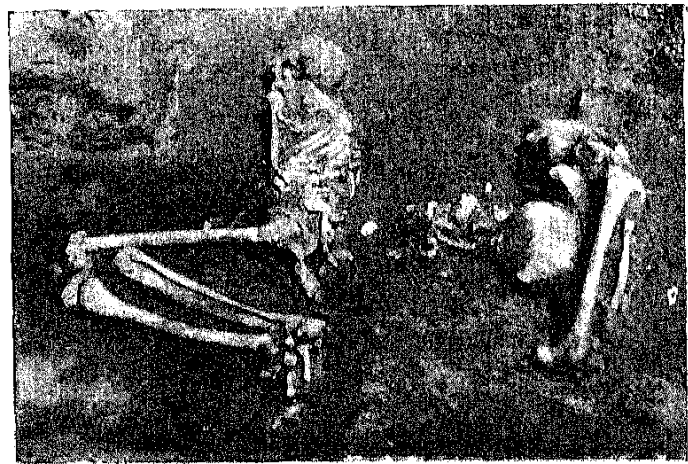

Рис. 41. Погребения №№ 57—58, Нальчикский могильник.

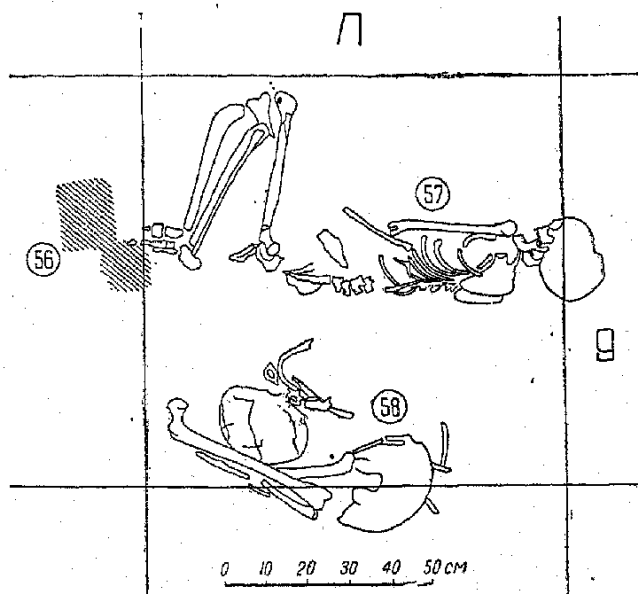

Рис. 40. Погребения №№ 56—58, Нальчикский могильник.

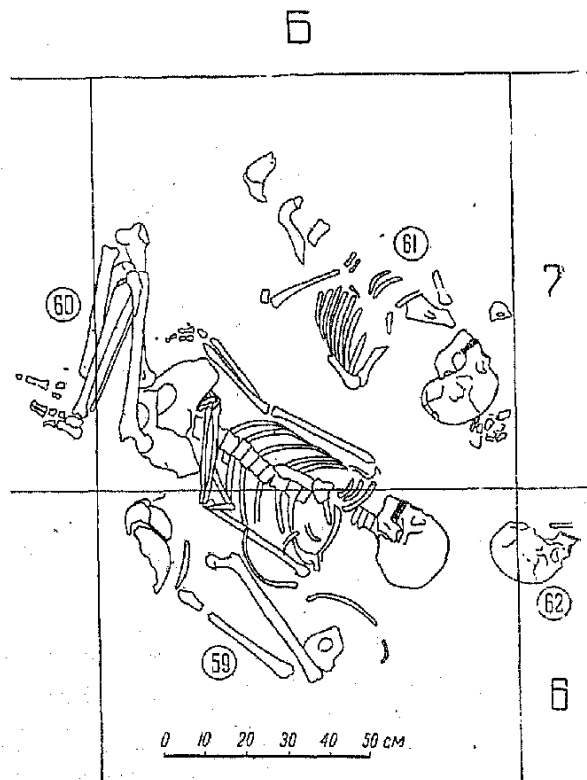

Рис. 42. Погребения №№ 59—62, Нальчикский могильник.

Погребение № 92 (1929, № 28)

Кв. И 4 — К 3, глуб. — 1.35 м (рис. 55)

Костяк мужской (около 40 лет) на правом боку, ноги в согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Около черепа и костей таза большое количество красной краски; несколько слабее окрашена вся поверхность грунта (овал 0.70 × 1.50 м), окружающего костяк. У левой ключицы — кремневая пластинка с ретушью по краям и на конце (рис. 56).

Костяк перекрыт погребениями №№ 90 и 91 и перекрывает погребение № 93.

Погребение № 93 (1929, № 33)

Кв. К 3 — 4, глуб. — 1.89 м (рис. 55)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении. Положение костей нарушено. Красная краска заметна на всех костях, но больше всего на черепе и на суставах рук и ног. У левой плечевой кости — фрагмент кремневой пластинки и обломок стенки глиняного сосуда.

Костяк частично перекрыт погребением № 92.

Погребение № 94 (1929, № 32)

Кв. Л 4, глуб. — 1.08 м (рис. 57)

Остатки разрушенного погребения. Сохранилась черепная крышка.

Погребение № 95 (1929, № 32)

Кв. Л 4 — М 4, глуб. — 1.08 м (рис. 57)

Костяк на правом боку, ноги в согнутом положении, руки согнуты в локтях. Кости весьма плохой сохранности. Скелет окрашен красной краской, наиболее сильно окрашены шейные позвонки и кости таза.

Костяк перекрывает часть могильной ямы погребения № 99.

Погребение № 96 (1929, № 32)

Кв. М 4, глуб. — 1.08 м (рис. 57)

Остатки разрушенного погребения. Сохранились кости таза и ног, лежащие в беспорядке.

Погребение № 97, а, б (1929, № 13)

Кв. Л 3 — М 3-4, глуб. — 0.85 м (рис. 57)

а — костяк на левом боку, ноги в согнутом положении, руки слегка согнуты в локтях; череп совершенно разрушен.

б — у лицевых костей черепа № 97 а остатки разрушенного детского погребения (теменная кость черепа).

Костяк перекрывает частично погребения №№ 98 и 99.

Погребение № 98 (1929, № 29)

Кв. Л 3, глуб. — 1.10 м (рис. 57)

Детский костяк на левом боку, ноги в согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая. Следы красной краски незначительны.

Костяк, перекрывая часть могильной ямы погребения № 99, частично перекрыт погребением № 97.

Погребение № 99 (1930, № 16)

Кв. Л 3-4 — М 3-4, глуб. — 1.80 м (рис. 57)

Погребение с отчетливо выраженными границами могильной ямы. Яма неправильной, вытянутой, прибли-

жающейся к овалу формы. Костяк на спине, череп и согнутые кости ног на левом боку; правая рука вытянута вдоль туловища, левая — согнута в локте. Кости таза разрушены, положение мелких костей нарушено. Костяк окрашен красной краской; особенно сильно кости ног. В окружающем костяк могильном грунте краска встречается отдельными скоплениями.

Костяк перекрыт погребением № 97; могильная яма частично перекрыта погребениями №№ 95 и 98.

Погребение № 100 (1929, № 5)

Кв. Е 3 — Ж 3, глуб. — 0.97 м (рис. 58)

Костяк женский (30—50 лет) на левом боку, ноги в согнутом положении. Кости весьма плохой сохранности. Черепная крышка разрушена и перемещена. Весь костяк засыпан галькой. Под бедренной костью — красная краска.

Погребение № 101 (1929, № 17)

Кв. Ж 3, глуб. — 1.09 м (рис. 58 и 59)

Остатки разрушенного погребения. Сохранились череп, лежащий на правом боку, и кости предплечья, лежащие в беспорядке.

Погребение № 102 (1929, № 17)

Кв. Ж 3 — З 3, глуб. — 1.09 м (рис. 58 и 59)

Костяк мужской (40—60 лет) на правом боку, ноги в согнутом положении; правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте.

Погребение № 103 (1929, № 19)

Кв. И 3, глуб. — 0.95 м (рис. 55)

Разрушенное погребение. Сохранились кости черепа, таза, рук и позвонки, лежащие кучей в беспорядке. Слабые следы красной краски почти на всех костях.

Погребение № 104 (1929, № 19)

Кв. И 3, глуб. — 0.95 м (рис. 55)

Костяк на правом боку, ноги в сильно согнутом положении. Сохранность костей крайне плохая; череп совершенно разрушен. Положение костей нарушено. Слабая окрашенность красной краской заметна почти на всех костях. У позвоночника, в области нижней части грудной клетки, — отщеп кремня.

Костяк перекрывает погребение № 109.

Погребение № 105 (1930, № 12)

Кв. Д 2—3, глуб. — 1.20 м (рис. 60)

Костяк на спине. Правая рука согнута в локте, левая вытянута вдоль туловища. Кости ног и частично таза отсутствуют. Череп раздавлен. Незначительные следы красной краски на ключице.

Костяк перекрывает погребения №№ 84 и 87.

Погребение № 106 (1930, № 1)

Кв. Ж 2, глуб. — 0.84 м (рис. 60)

Разрушенное детское погребение. Сохранились кости рук и ног и нижняя часть черепа. Около костей, лежащих на песчаной подсыпке, — куски краски. У костей ног — отщеп кремня.

Костяк частично перекрывает погребение № 107.

Погребение № 107 (1930, № 11)

Кв. Ж 2, глуб. — 1.10 м (рис. 60)

Разрушенное погребение. Ненарушенными остались кости таза и ног в согнутом положении, на правом боку. Костяк перекрыт погребением № 106.

Погребение № 108 (1930, № 9)

Кв. З 2, глуб. — 1.11 м (рис. 61)

Детский костяк на левом боку, ноги в согнутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Череп раздавлен; отсутствуют нижние части костей ног и правой руки, повреждены кости таза. Верхняя часть костяка густо окрашена красной краской, окраска костей ног значительно слабее.

Погребение № 109 (1930, № 2)

Кв. И 2, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Разрушенное погребение. От скелета, лежавшего в скорченном положении на правом боку, сохранились частично ребра, кости левой руки, таза и частично ног. Следы красной краски видны на ребрах и костях стопы. У пяточной кости левой ноги — кремневая пластина с ретушью.

Костяк частично перекрыт погребением № 104.

Погребение № 110 (1930, № 5)

Кв. И 2, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Разрушенное детское погребение. Кости лежат грудой в беспорядке. Вблизи костей — обломок кремневой пластины.

Погребение № 111 (1930, № 3)

Кв. К 2, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Разрушенное погребение. Кости лежат кучей в полном беспорядке. Среди костей — кусок мела, а неподалеку от них коренной зуб быка.

Погребение № 112 (1930, № 6)

Кв. К 1-2 — Л 2, глуб. — 1.43 м (рис. 61)

Костяк на левом боку, ноги в согнутом положении; левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Кости плохой сохранности в нарушенном состоянии. Красная краска в большом количестве на черепе и верхних костях туловища.

Погребение № 113 (1930, № 15)

Кв. Д 1, глуб. — 1.26 м (рис. 60)

Разрушенное погребение в перемешанном грунте. Сохранились обломки черепной коробки, нижней челюсти и костей рук.

Погребение № 114 (1930, № 14)

Кв. Д 2 — Е 1—2, глуб. — 1.40 м (рис. 60)

Погребение в плотном песчаном грунте. Костяк на правом боку, ноги в согнутом положении, руки слегка согнуты в локтях. Кости крайне плохой сохранности:

череп раздавлен, положение костей грудной клетки нарушено. Грунт у черепа сильно окрашен красной краской.

Погребение № 115 (1930, № 4)

Кв. Е 2 — Ж 1—2, глуб. — 1.00 м (рис. 60)

Костяк на левом боку, ноги в сильно согнутом положении, руки тоже согнуты в локтях. Сохранность костей крайне плохая: череп, отделенный от костей туловища, раздавлен, нарушено положение костей верхней части грудной клетки, кости ног разрушены. Следы красной краски незначительны; кости черепа окрашены как с внешней, так и с внутренней стороны. Неподалеку от локтя правой руки — осколок кремня.

Погребение № 116 (1930, № 13)

Кв. Е 1, глуб. — 1.00 м (рис. 60)

Разрушенное детское погребение. Сохранились обломки костей, черепа, рук и ног. Все кости лежат беспорядочной грудой, за исключением черепа, который лежит отдельно.

Погребение № 117 (1930, № 7)

Кв. З 1 — И 1, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Детский костяк на спине, с подогнутыми ногами, на правом боку. Кости крайне плохой сохранности. В большом количестве красная краска. В могильном грунте, на ряду с кусками красной краски, встречены также куски мела. При разборке костей черепа найден осколок кремня.

Погребение № 118 (1930, № 7)

Кв. З 1, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Остатки детского костяка — череп и несколько трубчатых костей — очень плохой сохранности. В большом количестве красная краска. В могильном грунте, на ряду с кусками красной краски, встречены также куски мела.

Погребение № 119 (1930, № 7)

Кв. И 1, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Остатки детского костяка — череп и несколько трубчатых костей — очень плохой сохранности. В большом количестве красная краска. В могильном грунте, на ряду с кусками красной краски, встречены также куски мела.

Погребение № 120 (1930, № 8)

Кв. З 1, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Костяк на спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук на газовых костях. Кости в крайне плохом состоянии; череп раздавлен, кости ног и часть левой плечевой кости отсутствуют. Незначительные следы красной краски. У правой плечевой кости кусок мела.

Погребение № 121, а, б (1930, № 10)

Кв. З 1 — И 1, глуб. — 1.00 м (рис. 61)

Остатки разрушенных погребений. Сохранившиеся кости — детский череп с молочными зубами, кости детского и взрослого скелетов — лежат беспорядочной грудой.

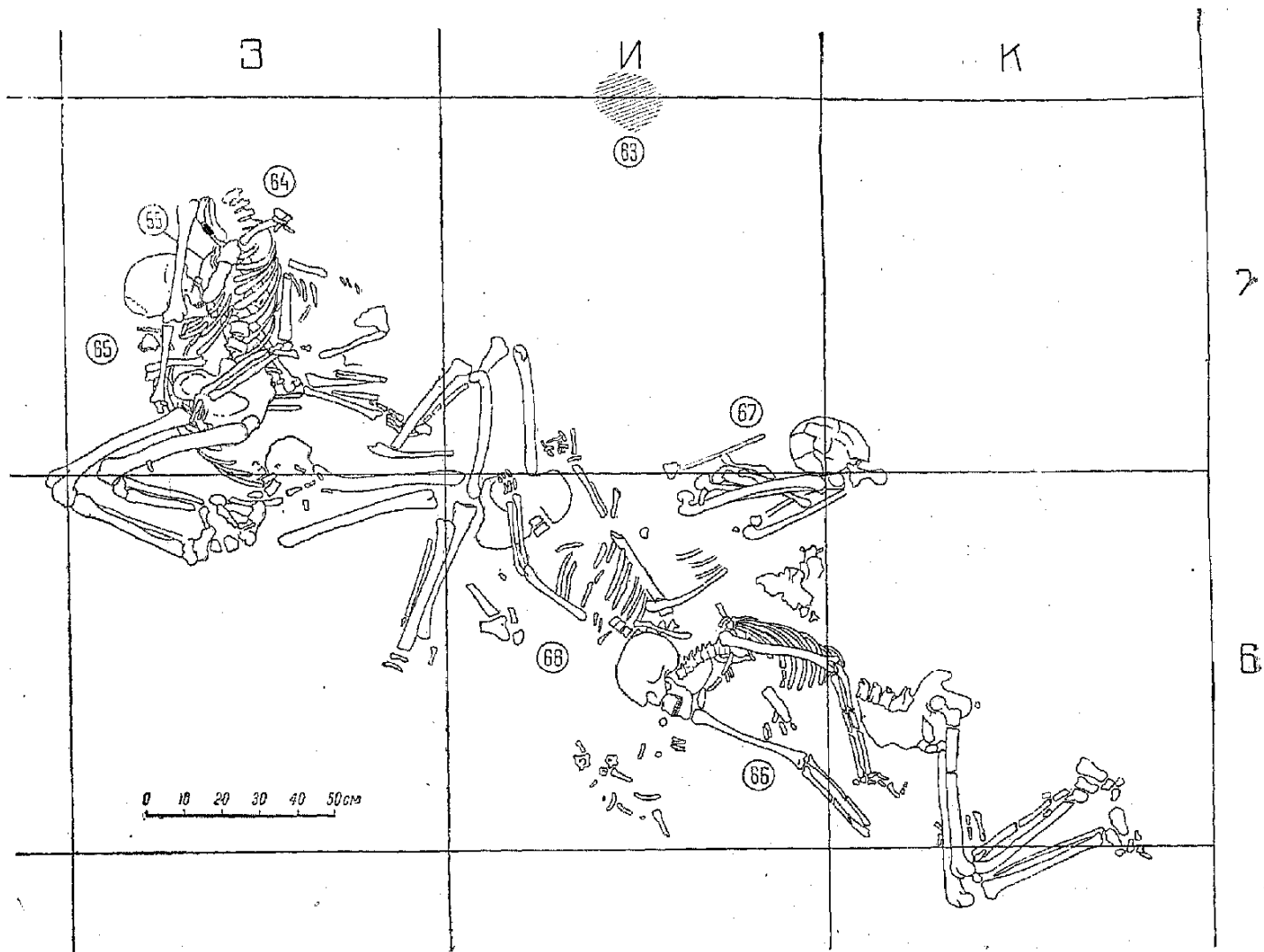

Рис. 43. Погребения №№ 63—68, Нальчикский могильник.

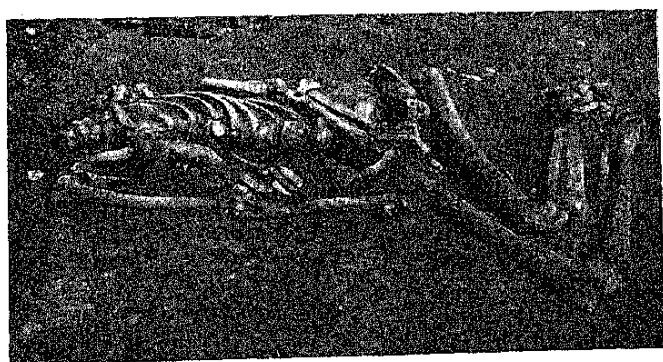

Рис. 44. Погребение № 64, Нальчикский могильник.

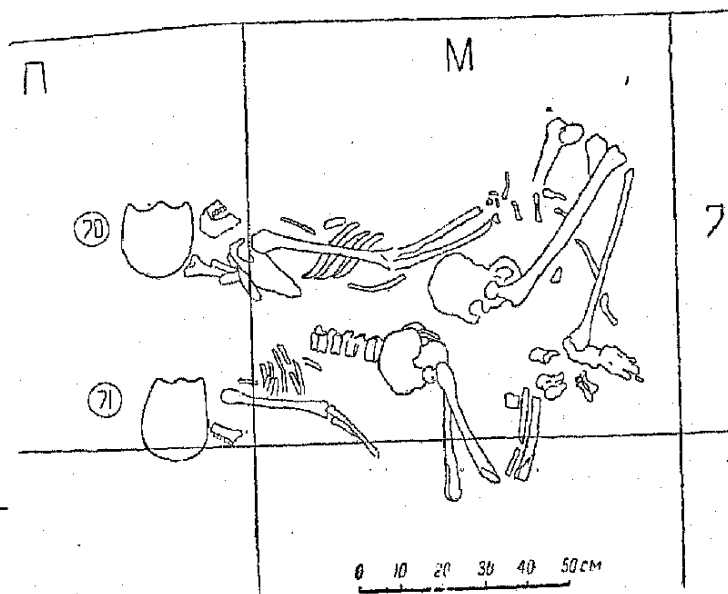

Рис. 45. Погребения №№ 70—71, Нальчикский могильник.

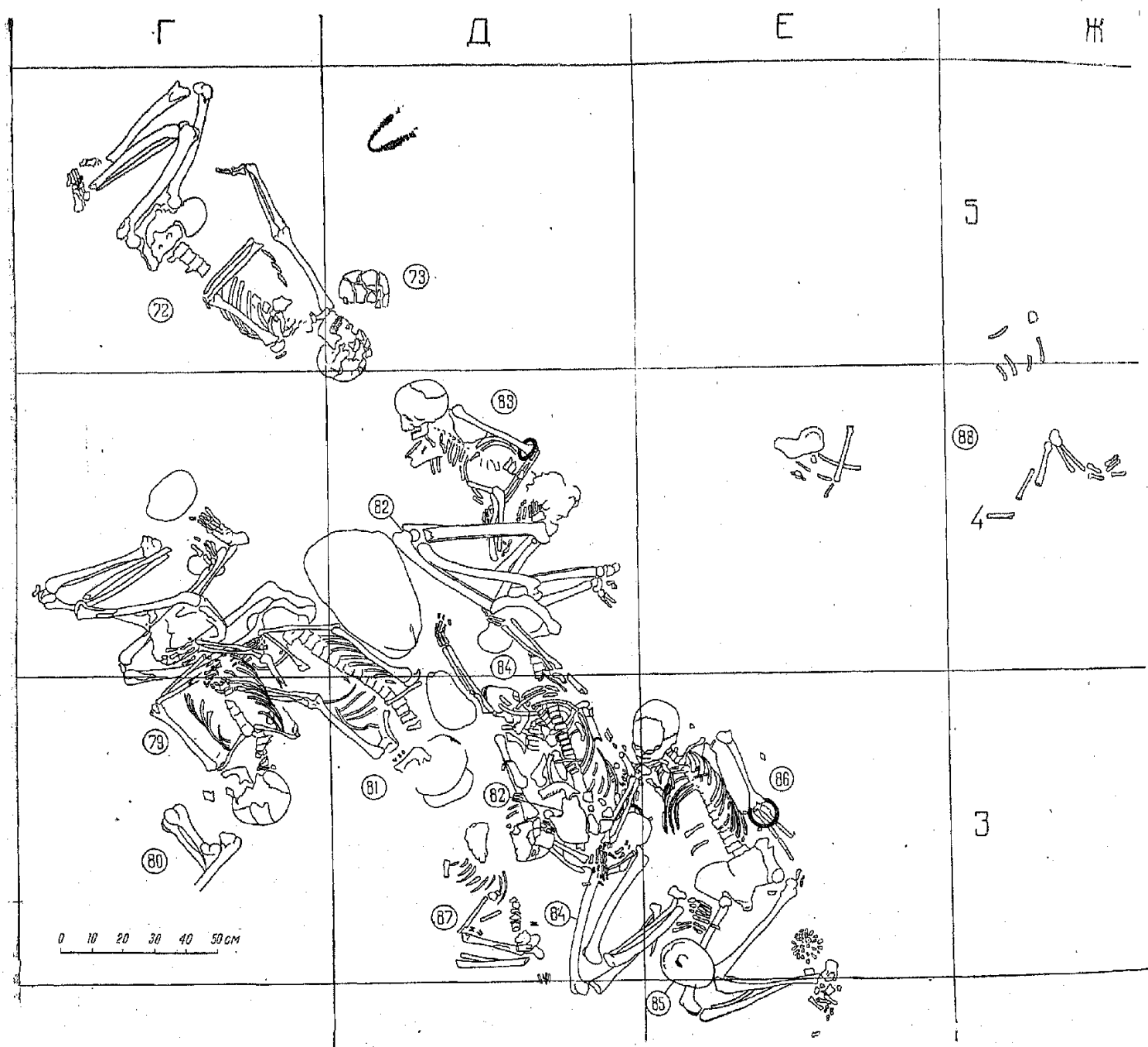

Рис. 46. Погребения №№ 72—73, 79—88, Нальчикский могильник.

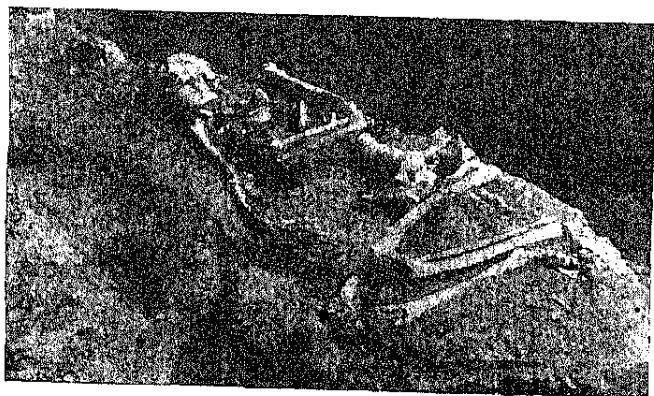

Рис. 47. Погребение № 72, Нальчикский могильник.

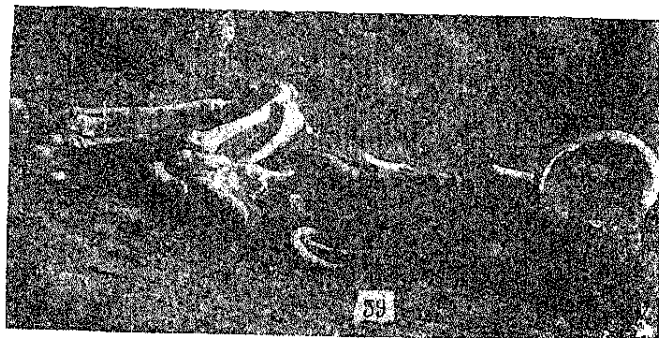

Рис. 48. Погребение № 83, Нальчикский могильник.

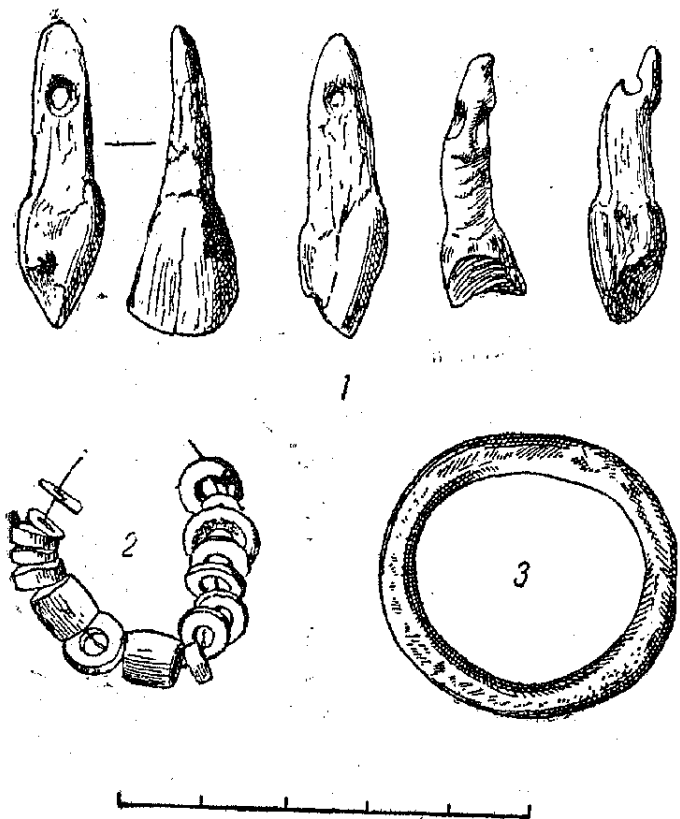

Рис. 49. Подвески из зубов животных, бусы из камня и раковин, каменный браслет (погребение № 83).

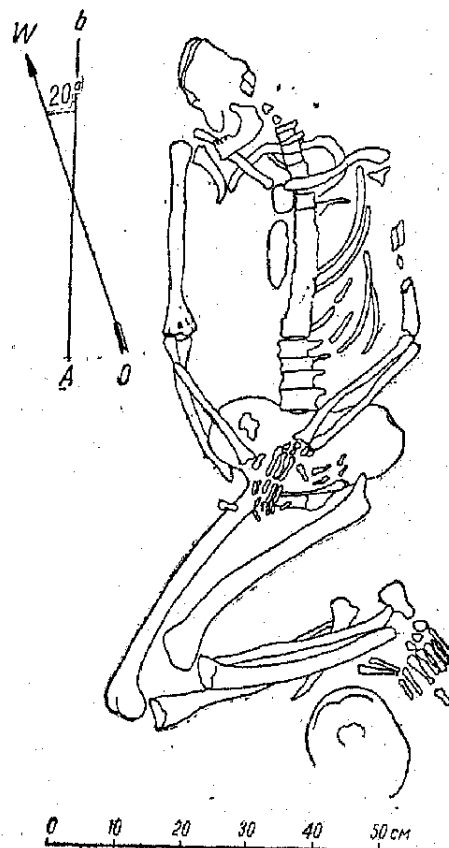

Рис. 50. Погребения №№ 84—85, Нальчикский могильник.

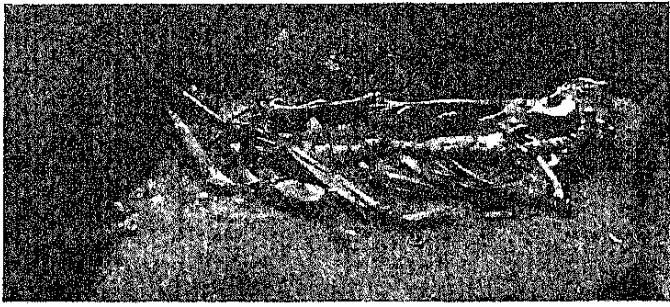

Рис. 51. Погребения №№ 84—85, Нальчикский могильник.

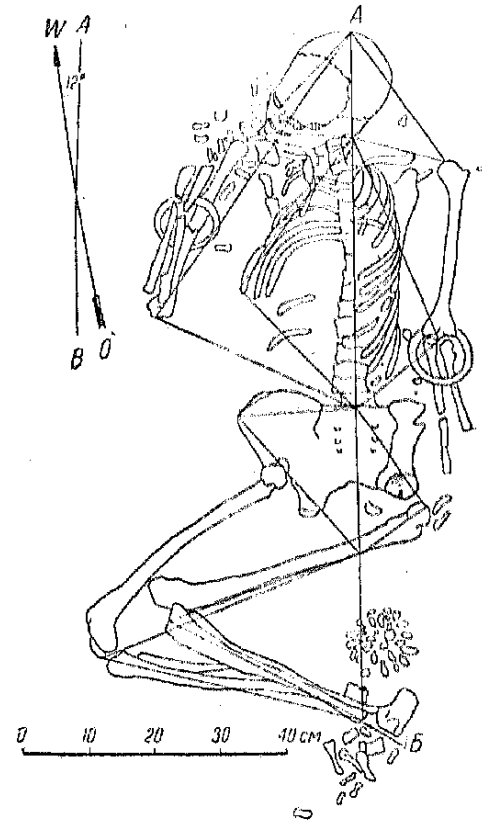

Рис. 52. Погребение № 86, Нальчикский могильник.

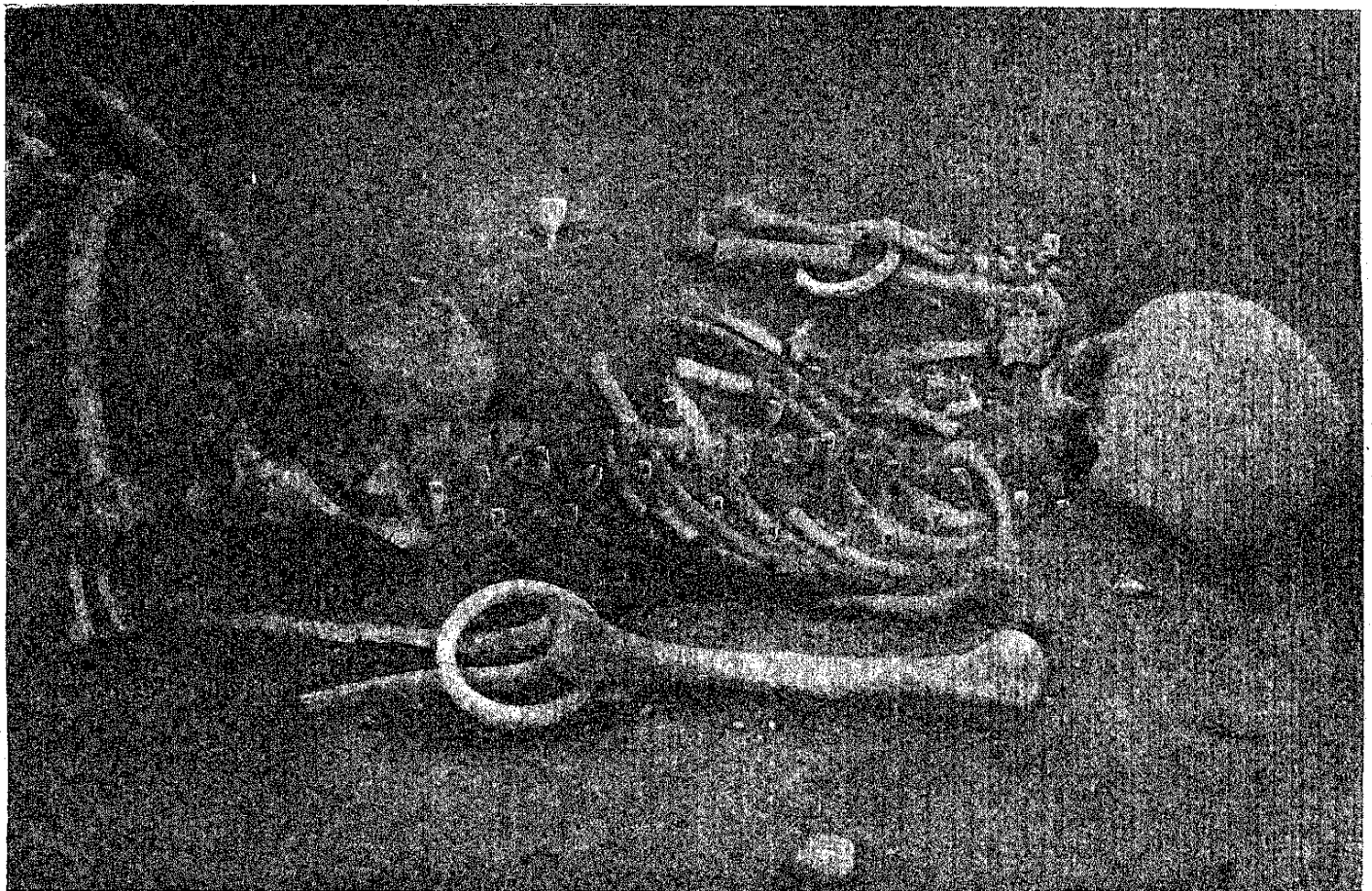

Рис. 53. Погребение № 86, Нальчикский могильник.

АНАЛИЗ ПОГРЕБЕНИЙ

Группировка могил. При рассмотрении плана раскопа обращает на себя внимание неравномерность, с какой распределены погребения на вскрытой площади. Если исключить центральную часть могильника, раскопанную М. И. Ермоленко, к сожалению, без должной фиксации вскрытых комплексов, то и по материалам раскопок Северо-Кавказской экспедиции можно отметить существенные отличия в расположении скелетов.

На участках, прилегающих к центру могильного холма, имеется целый ряд скоплений костяков, в то время как по периферии могильника, главным образом в раскопах 1930 г., костяки располагаются более или менее равномерно, будучи отделены один от другого.

Костяки, лежащие группами, имеют в своем распределении некоторый порядок. Прежде всего, каждому скоплению свойственна определенная ориентировка. Костяки в нем имеют одинаковое направление, но, как правило, в каждом скоплении лежат головой или в ту или в другую сторону, например, к С и Ю, В и З, ЮЗ и СВ.

Насколько можно судить по краткой заметке, опубликованной М. И. Ермоленко, то же противоположение костяков замечалось и в центральной части могильника. Он пишет: «погребенные клались на бок с согнутыми коленями, рядами: один ряд головой на средину кургана — ногами на восток, другой — головой на средину же кургана — к голове первого, на восток, а ногами на запад; у некоторых головы соприкасались между собой, у других разделялись положенными между ними большими валунами (камни вулканического туфа). Таких рядов один над другим было три».¹ В наших раскопках в четырех скоплениях основной ориентировкой является направление с В на З (рис. 30, 43, 46, 55), в одном случае с С на Ю (рис. 9) и также в одном с ЮЗ на СВ (рис. 57). Количество костяков в отдельных группах различно, оно колеблется от пяти (скопление в квадратах Л 3, 4 и М 3, 4) до восьми (скопление в квадратах Г 3, 4, Д 3, 4 и Е 3). Захоронение покойников такими группами производилось не одновременно, на что указывают разница в глубинном залегании скелетов, а также случаи перекрытия одних другими и разрушения более ранних могил последующими захоронениями. Однако мы не склонны предполагать и наличие большого промежутка времени между моментами захоронения покойников, образующих отдельную группу. Этому противоречила бы замечающаяся правильность в их расположении, хотя бы в отношении ориентировки, а также скученность группы, которую пришлось бы в таком случае объяснить простой случайностью. По

всей вероятности, на поверхности могильника имелись какие-то надмогильные знаки, которыми и руководствовались при последующих захоронениях.

Ориентировка погребенных в направлении с С на Ю выступает в качестве показателя наиболее поздних захоронений. Это положение может быть подтверждено данными стратиграфии. Погребения, имеющие ориентировку с С на Ю, в ряде случаев перекрывают более ранние захоронения с иным положением скелетов. Отметим погребение № 34, перекрывающее погребение № 35; погребение № 31, расположенное частично над могильной ямой захоронения № 32; погребение № 97, находящееся над погребением № 98 и могильной ямой захоронения № 99 и погребение № 90, расположенное частично над погребением № 93.

Особо следует отметить скопление человеческих остовов в квадратах Г 18, 19 и Д 18, 19. Здесь доминирующей ориентировкой является направление с С на Ю, и лишь в одном случае (погр. № 12) скелету придана ориентировка с З на В. Скелет этот лежит несколько в стороне от наибольшего скопления костяков, но все же он сильно поврежден; значительная часть костей смещена и разбросана. Естественным в данном случае является предположение о повреждении и смещении костей скелета при захоронении других покойников, а это в свою очередь будет также подтверждать их более позднюю датировку.

Обратное явление, т. е. перекрытие скелетов, ориентированных в направлении с С на Ю костяками, имеющими иную ориентировку, не наблюдается ни в одном случае.

Существенным показателем, подтверждающим предположение о наиболее позднем времени захоронения скелетов, ориентированных с С на Ю, является вхождение в эту группу погребения № 31. В составе инвентаря этого захоронения имеется ряд таких вещей, как пастовые бусы, медные височные кольца, медные подвески в виде конусов, глиняный орнаментированный сосуд. Все эти вещи, как мы покажем в дальнейшем, несвойственны основным захоронениям Нальчикского могильника и, наоборот, известны из курганов более позднего времени.

Анализируя положение костяков в отмеченной группе погребений, мы можем констатировать ряд чрезвычайно характерных особенностей. Прежде всего необходимо отметить, что в этих погребениях у некоторых костяков, лежащих на боку, руки были сильно согнуты в плечевом и локтевом суставах таким образом, что кости находились перед лицевыми костями черепа (погр. №№ 18 и 21). Следует также указать на более сильную скорченность покойников этой группы, которую можно подметить в нескольких захоронениях. Наиболее сильно скорчены костяки в погребениях №№ 23 и 104.

¹ М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 2.

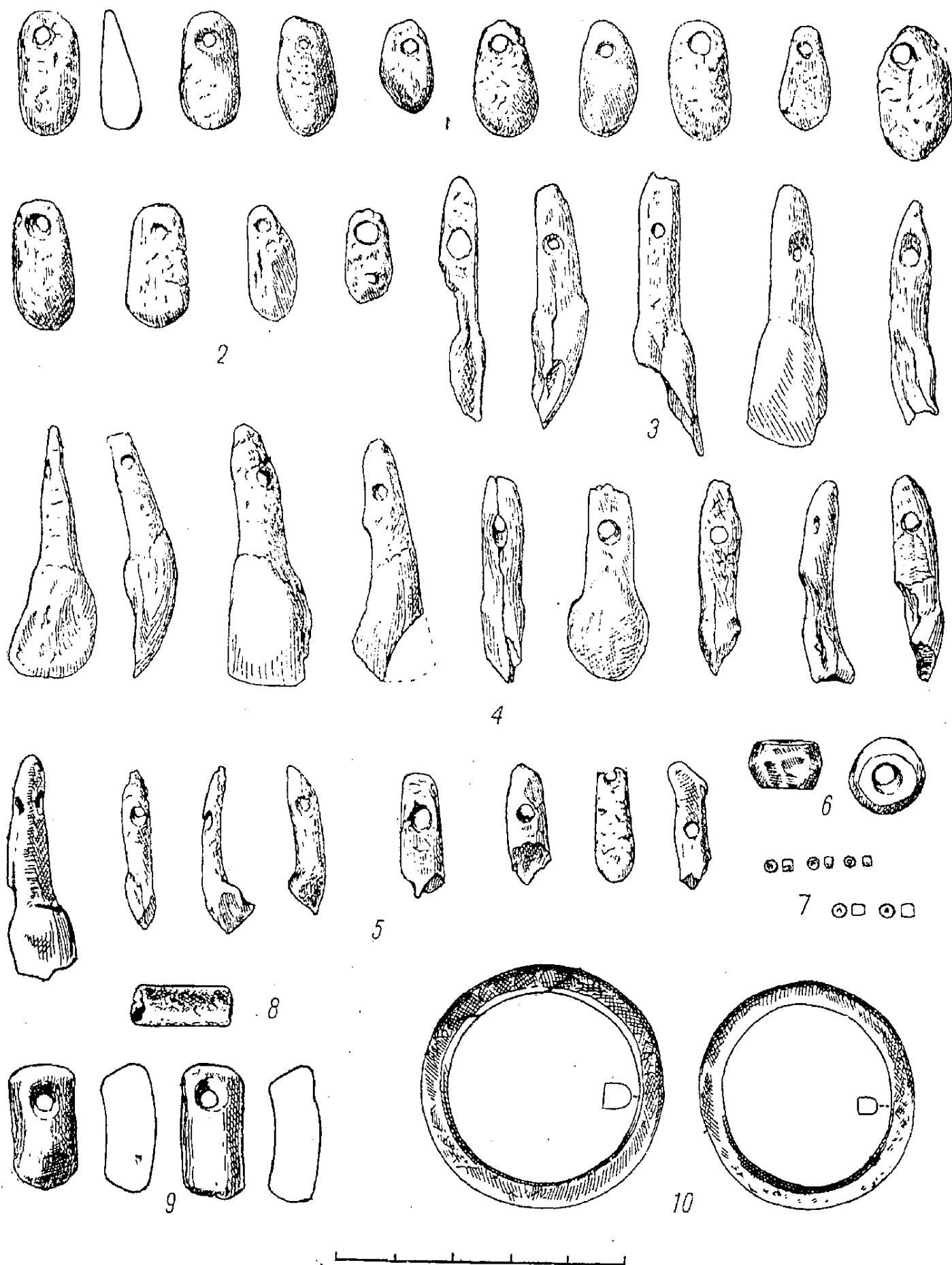

Рис. 54. Подвески из зубов животных, пастовые, каменные и костяные бусы, каменные браслеты (погребение № 86; все предметы изображены в натуральную величину, за исключением браслетов, уменьшенных в 2 раза).

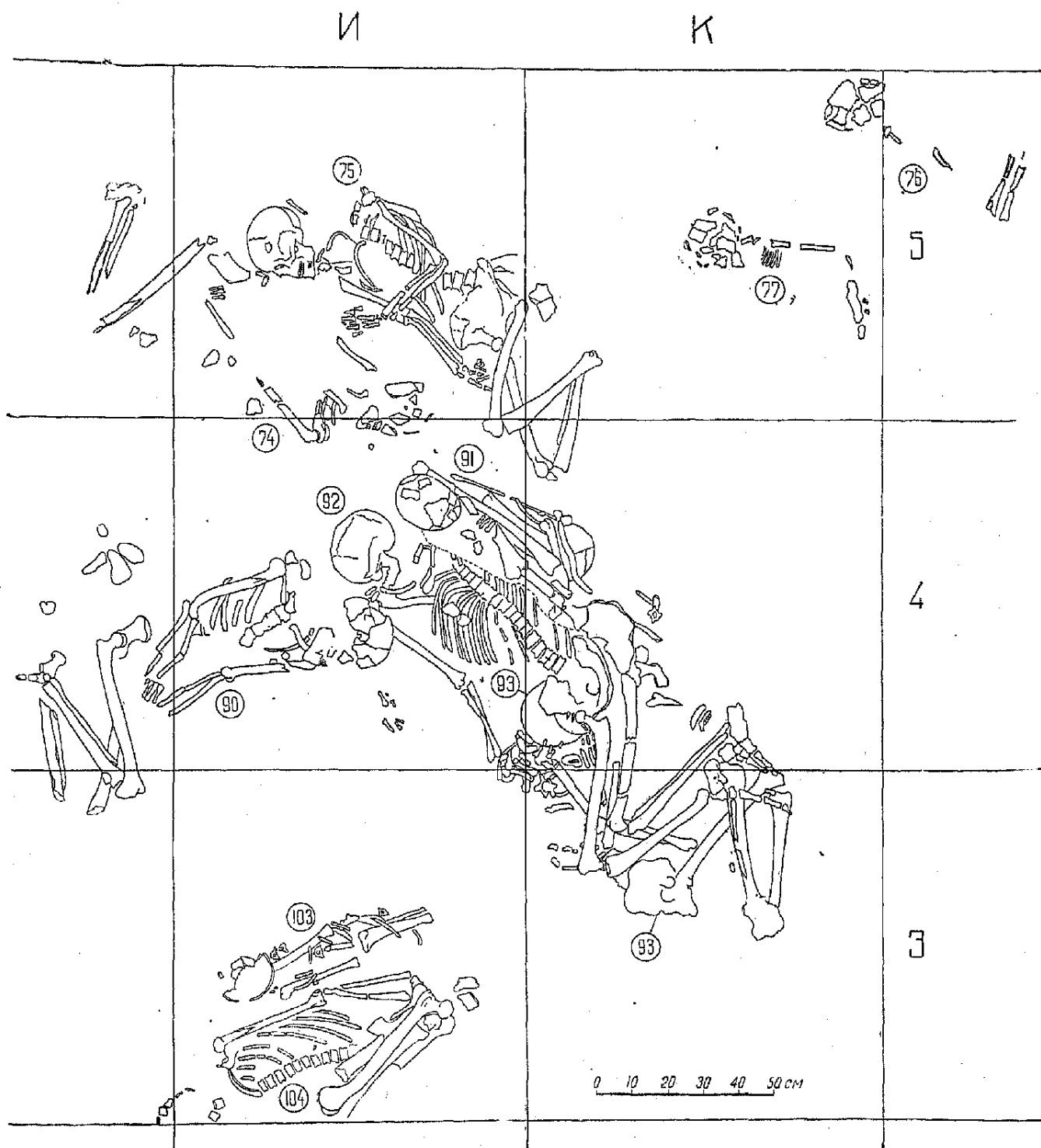

Рис. 55. Погребения №№ 74—77, 90—93 и 103—104, Нальчикский могильник.

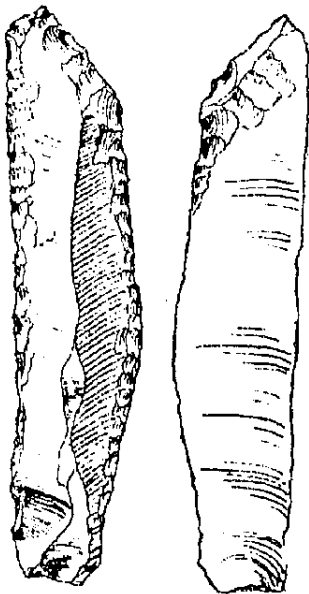

Рис. 56. Кремневая пластина (погребение № 92), Нальчикский могильник.

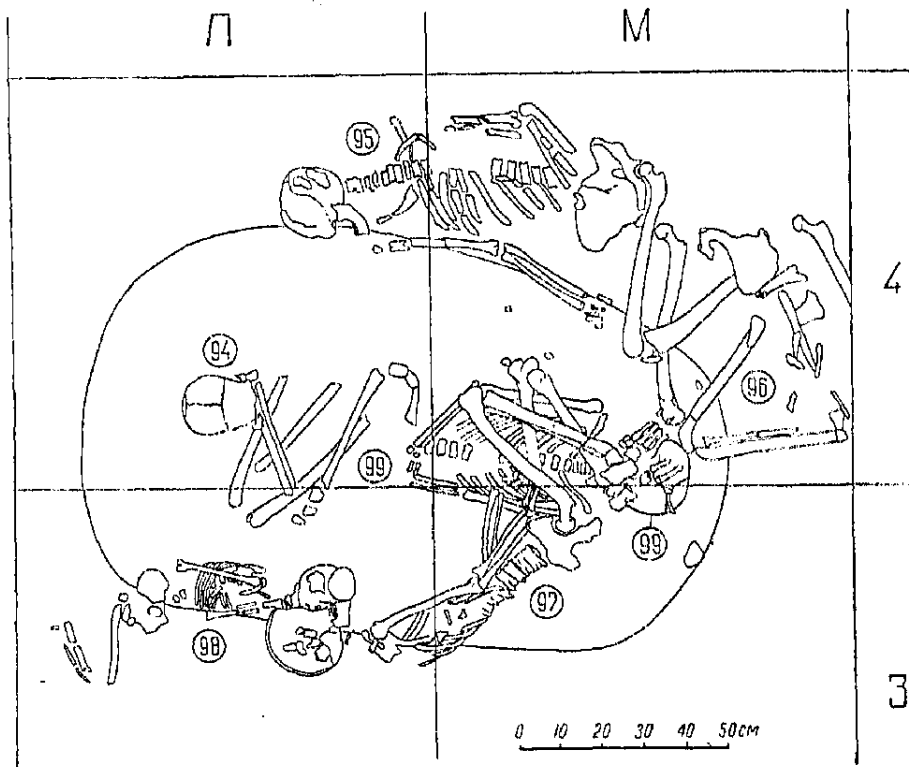

Рис. 57. Погребения №№ 94—99, Нальчикский могильник.

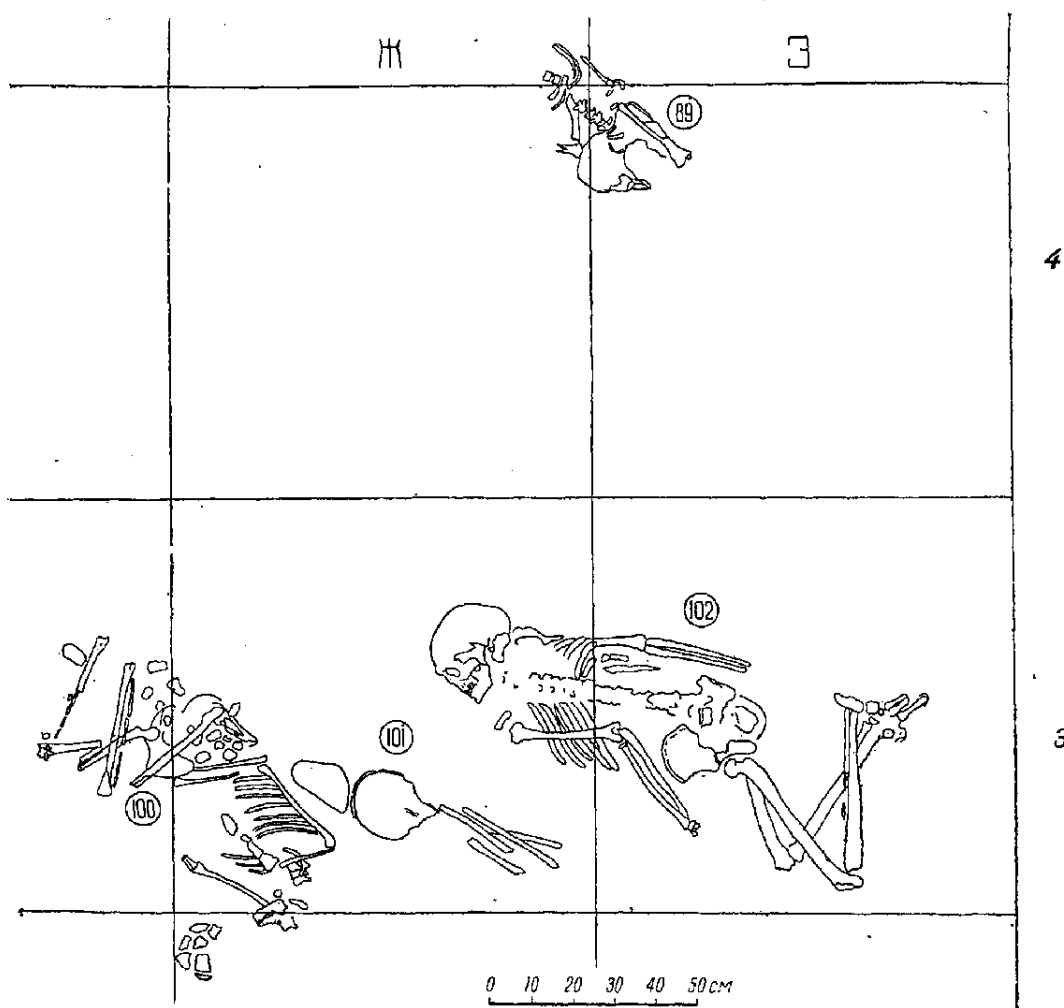

Рис. 58. Погребения №№ 89, 100—102, Нальчикский могильник.

Рис. 59. Погребения №№ 101—102, Нальчикский мо-
гильник.

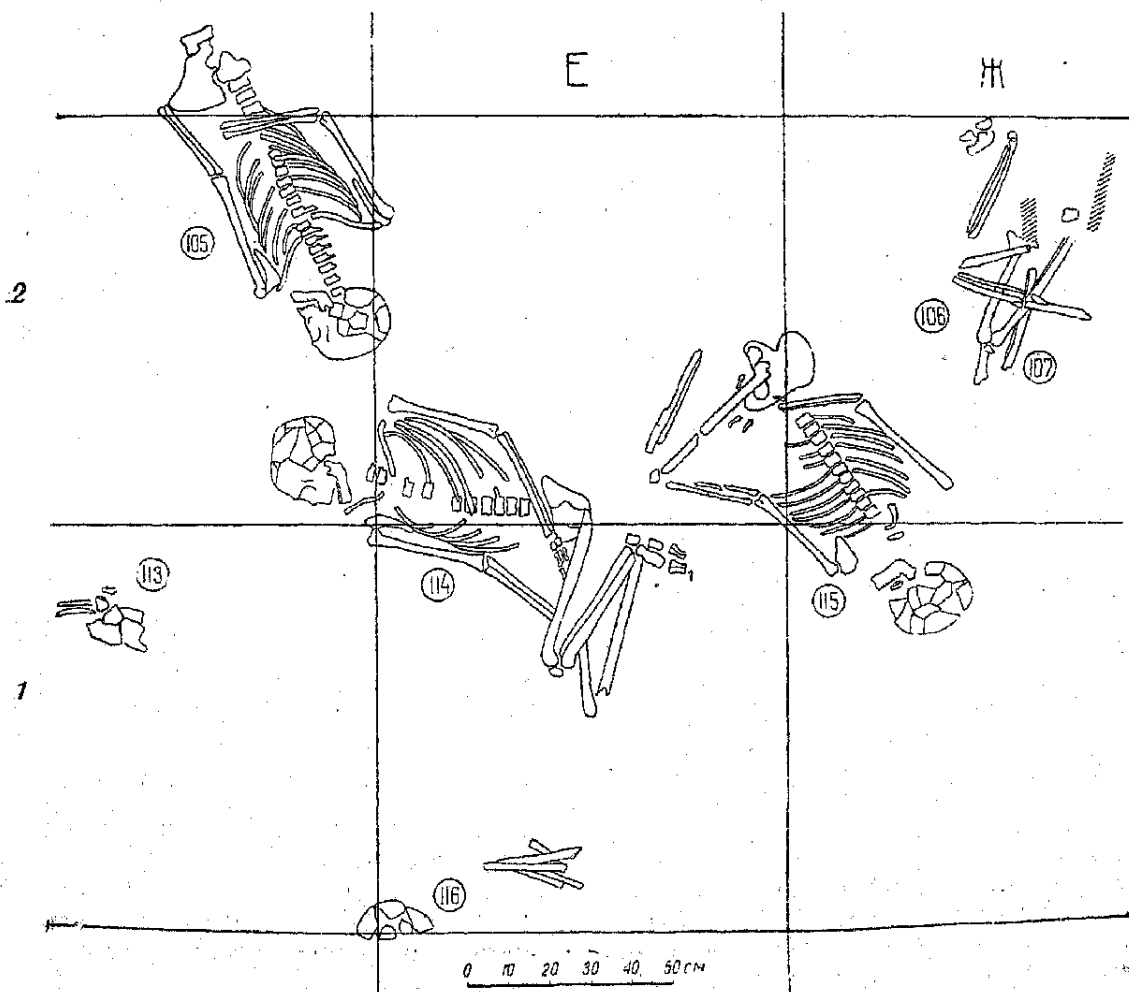

Рис. 60. Погребения №№ 105—107 и 113—116, Нальчикский могильник.

У этих скелетов бедренные кости образуют с линией позвоночника острый угол, а кости бедра и голени лежат почти параллельно друг другу. Единственное парное погребение (погр. № 1), близкое по ориентировке (ЮЮВ) к этой группе, также имеет черты отличия от других коллективных погребений Нальчикского могильника. Костяки были обнаружены под каменной обкладкой могилы и располагались очень близко один к другому, таким образом, что кости одного скелета лежали параллельно костям другого.

Все отмеченные признаки также свидетельствуют о более позднем времени захоронения покойников этой группы, о чем мы более подробно скажем при рассмотрении датировки могильника.

Среди других погребений мы также имеем случаи перекрытия скелетов с одной ориентировкой костяками, имеющими иное направление, но так как эти случаи единичны, использовать их для дальнейшего хронологического членения могильника не представляется возможным. Отметим в качестве примера перекрытие костяком, ориентированным головой на СЗ (погр. № 64), двух захоронений с ориентировкой на З (погр. № 65). В данном случае следует отметить, что мы имеем также случай перекрытия костяка, ориентированного на СЗ (погр. № 35), погребением, ориентированным на Ю (погр. № 34), т. е., как мы показали, наиболее поздним типом захоронения. Отмеченный факт, возможно, следует рассматривать как указывающий на промежуточное хронологическое положение скелетов с северо-западной ориентировкой. Повторяем, что для окончательных выводов, в данном случае, фактов недостаточно.

Разрушение погребений. При последующем захоронении покойников иногда разрушалась могила более раннего времени. Кости лежащего в ней человеческого остова или выбрасывались или же собирались и складывались кучей рядом с более поздним захоронением, в одной и той же могиле. Примером первого типа разрушений может служить погребение № 13, кости из могилы которого располагаются веерообразно на краю могильной ямы погребения № 15, а также лежат на различных горизонтах в засыпи этой могилы.

Более часты случаи положения костей разрушенного человеческого остова кучей, и здесь как будто бы можно отметить правильность в их расположении по отношению к покойнику, при захоронении которого древнее погребение было уничтожено. В четырех погребениях при костяках, лежащих в скорченном положении на правом боку, куча разрушенных костей находилась за спиной покойника (погр. №№ 60 и 59, 104 и 103, 92 и 91, 57 и 58). В двух отмеченных погребениях (№№ 60 и 59, 92 и 91) кости разрушенного скелета частично перекрывают более позднее захоронение. По

всей вероятности, они были вынуты из могилы, а после того как новый покойник был положен и, быть может, частично присыпан землей, помещены вновь.

Отмеченное нами различное отношение к предшествующим захоронениям указывает, что в одних случаях еще сохранилась связь с ранее погребенным, а в других она была уже утрачена.

Могильные ямы. Контур могильной ямы удалось проследить только в двух случаях — при раскопках погребений №№ 32 и 99. Могильная яма первого из отмеченных захоронений имеет неправильную форму и, возможно, получилась из сращения двух могил. На это указывают два выступа по северо-западной границе могилы и наличие у одного из этих выступов костей второго разрушенного погребения (№ 33). По всей вероятности, захоронением № 32 было разрушено погребение № 33, могильная яма которого находилась под небольшим углом к могильной яме более позднего захоронения.

Более правильные очертания имеет яма погребения № 99, ее форма приближается к овалу. Один конец могильной ямы несколько шире другого. Длина ямы — 1.60 м, ширина в средней части — 0.95 м.

Возможно, что как могильную яму более позднего погребения следует рассматривать «хранилище в виде круглого колодца, обложенного валунами с самого верха кургана до его дна», о котором пишет М. И. Ермоленко.¹ В этой могиле находилось детское погребение с разнообразным инвентарем.

Положение погребенных. Скелеты лежали в скорченном положении, главным образом на правом (36 погребений) и левом (27 погребений) боку. Значительно реже встречалось положение погребенных на спине с подогнутыми и повернутыми на сторону ногами. Такое положение наблюдалось в 12 захоронениях. Еще более редким является положение скелетов на груди, также с подогнутыми ногами (5 погребений). Степень скорченности скелетов в большинстве случаев незначительная. Кости бедер с линией позвоночника обычно образуют тупой угол и только в двух, наиболее поздних захоронениях этот угол острый. Угол, образованный в коленном сочленении, различный, но и здесь расположение костей бедра и голени, близкое к параллельному, встречается довольно редко. Положение рук погребенных различно. Более обычным является вытянутое положение одной руки и незначительная согнутость в локтевом суставе другой. Кисть согнутой руки часто находится на костях таза.

В тех случаях, когда положение черепа не нарушено, обычно он так же, как и ноги, повернут в ту или другую сторону.

¹ М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 3.

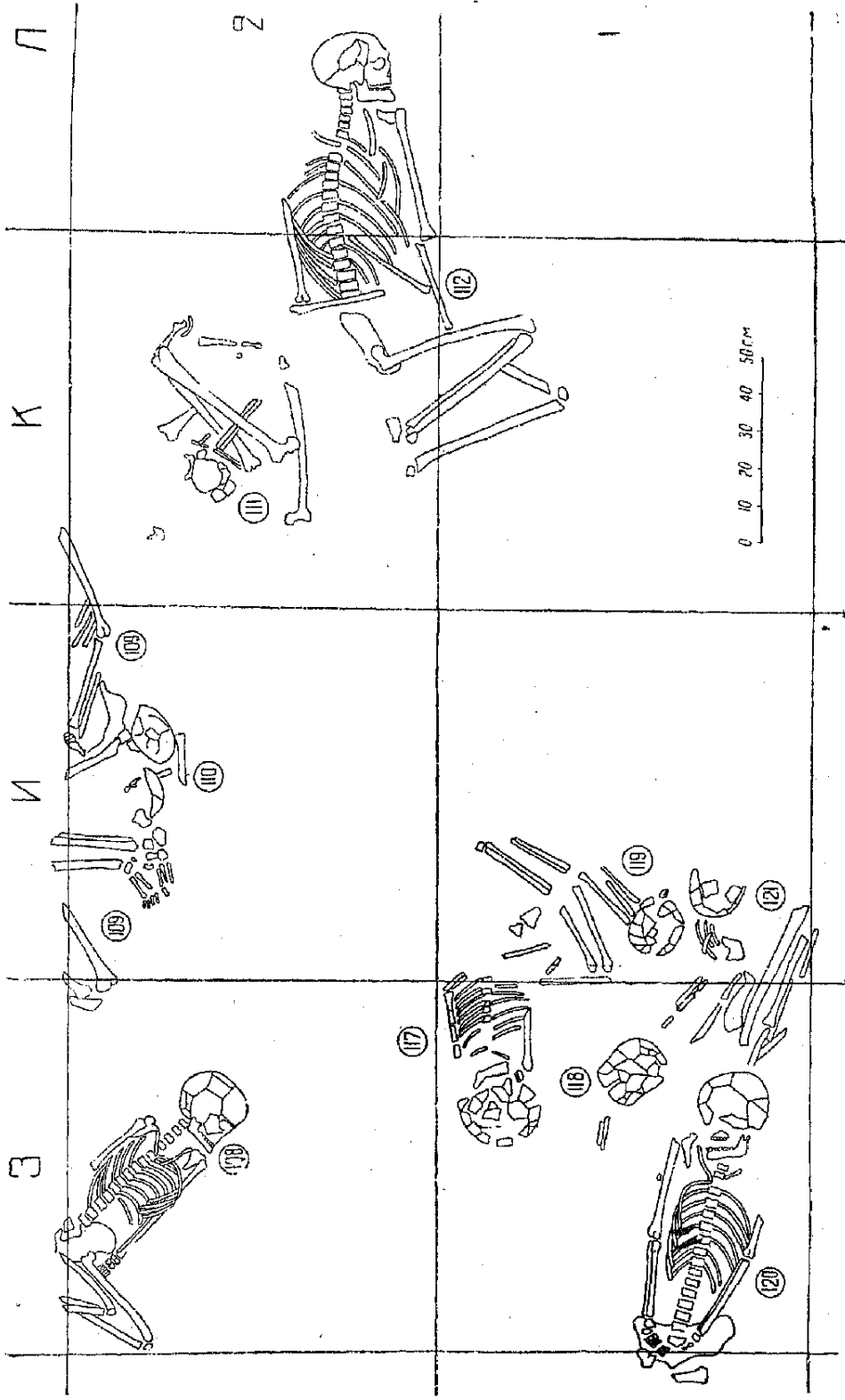

Рис. 61. Погребения №№ 108—112 и 117—121, Нальчикский могильник.

Положение мужчин и женщин. Существенные различия в положении костяков выступают при сравнении мужских и женских захоронений. В дальнейшем при рассмотрении этого вопроса мы используем лишь те могилы, которые имеют удовлетворительную сохранность костных остатков, не нарушенные последующими захоронениями. Пол погребенных в приводимых нами случаях определен М. П. Грязновым и Г. И. Петровым. Костяков, отвечающих всем перечисленным требованиям, в могильнике имеется всего лишь 19, из них 8 определены как женские и 11 как мужские.

Большинство железных костяков (погр. №№ 15, 41, 44, 82, 100) лежало в скорченном положении на левом боку. В эту группу мы включаем также могилу (погр. № 29) с женским костяком, лежавшим на спине, у которого подогнутые ноги и голова были повернуты влево. Седьмой женский костяк (погр. № 16) лежал спиной вверх; кости ног, согнутые в тазовом и коленном сочленении, так же как и череп, были обращены направо. Погребение это как будто бы выпадает из всего ряда женских захоронений. Однако, если учесть, что костяк лежит на груди, то положение костей ног и черепа, обратное обычному, вполне соответствует принятому для женщин. Только одно погребение отличается иным положением скелета (№ 31). Костяк этот лежал в скорченном виде на правом боку. Анализ инвентаря, найденного в данном погребении, с достаточной степенью убедительности позволяет доказать, что оно является по сравнению с основной массой погребений более поздним.

Преобладающим типом захоронений для мужских костяков является положение их в скорченном виде на правом боку (погр. №№ 23, 42, 57, 60, 66, 71, 92, 102). В отличие от женских захоронений, положение это на первый взгляд кажется менее устойчивым. Ему, прежде всего, противоречит погребение № 21, в котором мужчина в возрасте около 60 лет оказался лежащим на левом боку, т. е. имел положение, характерное для женских скелетов. В противоречии с основным положением мужских костяков находятся еще два захоронения, где скелеты находились в скорченном виде также на левом боку (погр. №№ 12, 32). В отношении двух последних погребений необходимо отметить, что недостаточно хорошая сохранность костных остатков позволила сделать лишь условное определение скелетов как мужских. Для одного из этих захоронений (погр. № 32) определения пола были сделаны двумя антропологами и оказались различными: один из них определил, что кости принадлежали мужчине, а другой — женщине. Таким образом, если отбросить два последних погребения, то и для мужских скелетов можно констатировать достаточно хорошо установившийся тип захоронений.

В данном случае особый интерес представляют исследования В. А. Городцова в б. Изюмском у. Харьковской и Бахмутском у. Екатеринославской губ. Для хронологии различных групп им отмечались вариации в положении костяков и в большинстве случаев они объяснялись правилом антитезы, применяемым в отношении лиц, занимающих подчиненное, неравноправное положение. Не останавливаясь на разборе всех приводимых им фактов, отметим один из них, являющийся тождественным с отмеченными нами для Пальчикского могильника. Для древнейших ямных погребений, раскопанных в б. Изюмском у., было отмечено, что, наряду с положением покойников в скорченном виде на правом боку (43 погребения), господствующим для данной группы, встречались костяки, положенные на левом боку. «Лежащими на левом боку оказалось всего 7 погребений. В коллективных погребениях, — пишет В. А. Городцов, — такое положение придавалось женщинам-матерям. Возможно, что и другие костяки, лежавшие на левом боку, принадлежали женщинам и что такое положение, при господствующем положении на правом боку, допускалось именно для женщин».¹

Вопрос о различном положении костяков был поставлен и Н. Е. Макаренко на материале Мариупольского могильника. При исследовании этого могильника было отмечено, что костяки лежали в вытянутом положении один рядом с другим, будучи ориентированы головой на восток или на запад. В целом ряде случаев при установлении пола погребенного выяснилось, что мужские костяки были ориентированы головой на восток, а женские в противоположную сторону.²

Ориентировка скелетов в противоположные стороны была отмечена также Н. И. Витковским при исследовании китойского могильника. Разницу в положении костяков исследователь склонен объяснить половыми различиями погребенных.³

Положение детей. Детские скелеты встречались в могильнике как отдельно от скелетов взрослых, так и вместе с ними. Всего обнаружено 27 костяков, из которых четыре находились при костяках взрослых. Очень часто плохая сохранность костных остатков не давала возможности установить положение костей, совершенно истлевших. Только в 13 погребениях, не считая захоронений, совместных с взрослыми, о которых будет речь дальше, положение костяков может быть выяснено. В девяти по-

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. Труды XII Археол. съезда, т. I, М., 1905, стр. 184.

² Никола Макаренко. Мариупольський могильник. Київ, 1933, стр. 15—16.

³ Н. И. Витковский. Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губ., произведенной в 1880 г. Труды V Археол. съезда в Тифлисе, М., 1887, стр. 274.

гребениях (№№ 8, 19, 27, 50, 53, 55, 77, 87, 117) костяки лежали на правом боку, и в тех случаях, когда кости имели удовлетворительную сохранность, можно было констатировать их скорченное положение. Три костяка (погр. №№ 18, 98 и 108) лежали в скорченном виде на левом боку. В одном погребении костяк лежал спиной вверх, кости ног были смещены. Подводя итог, следует отметить, что в большинстве случаев детским костякам свойственно положение на правом боку, т. е. такое же, какое имеют мужские скелеты. Исключений из этого правила будет еще меньше, если мы учтем, что в одном случае костяк, лежащий на левом боку, принадлежал подростку в возрасте от 13 до 15 лет (погр. № 18), т. е. человеку, который мог рассматриваться как взрослый индивидуум.

Коллективные захоронения. В подавляющем большинстве случаев, как мы уже отмечали, контуры могильных ям не могли быть прослежены. Поэтому при рассмотрении вопроса о совместных захоронениях мы вынуждены делать выводы лишь на основании учета данных о взаимном расположении скелетов и глубинном их залегании. При учете этих показателей можно выделить из 121 раскопанного погребения 8 захоронений, в отношении которых постановка вопроса об одновременном положении покойников возможна. В четырех случаях парные костяки принадлежали взрослым индивидуам (погр. №№ 1, 20 и 21, 60 и 61, 70 и 71), а в четырех других один из костяков принадлежал взрослому человеку, а второй ребенку (погр. №№ 37, 65, 82, 97).

К сожалению, плохая сохранность костных остатков сделала невозможным во всех случаях произвести антропологическое определение пола погребенных, что представляло бы особый интерес при оценке парных захоронений взрослых индивидов. Для этой группы погребений мы можем лишь указать, что в трех случаях (погр. №№ 20 и 21, 60 и 61, 70 и 71) один из костяков был определен как мужской, а второй остался неопределенным. Положение скелетов при парном захоронении различно. Костяки в погребении № 1 лежали рядом в скорченном виде на правом боку, будучи ориентированы в одну сторону. Расположение костей показывает, что покойники были тесно прижаты один к другому, а это в свою очередь подтверждает предположение о захоронении в одной могиле.

Во втором парном захоронении (погр. №№ 20 и 21) костяки лежали рядом друг с другом, но в разном положении и с различной ориентировкой. Костяк, лежавший на левом боку, определен как принадлежащий мужчине в возрасте около 60 лет. На одновременность захоронения указывает и характер окраски костяков. Наиболее интенсивно окрашенными были те части скелетов, которыми погребенные соприкасались, а также грунт между костяка-

ми. Окраска постепенно ослабевает к периферии.

В третьем погребении (№№ 60 и 61) хорошо сохранился костяк мужчины, лежащий в скорченном виде на правом боку, а перед ним находился разрушенный скелет взрослого человека, первоначальное положение костей которого определить затруднительно. Более вероятным кажется, что и этот костяк лежал на правом боку. Костяки находились на одном уровне.

В последнем захоронении (погр. №№ 70 и 71), которое возможно рассматривать как парное, костяки лежали в скорченном виде, один на правом, а другой на левом боку, будучи ориентированы в одну сторону. Покойники были положены рядом, спиной друг к другу. Костяк, лежавший на правом боку, принадлежал мужчине. Несколько противоречит одновременности захоронения покойников различное глубинное их залегание. Мужской костяк лежал на 0.20 м выше второго остова.

Возможно, что в группу парных захоронений с двумя взрослыми следует отнести два разрушенных погребения, в которых кости были сложены в беспорядке кучей (погр. №№ 5, а, б и 91, а, б). Как в том, так и в другом погребении найдено по два черепа.

Более устойчивы по характеру положения костяков совместные погребения взрослых и детей. Из четырех известных нам погребений этого рода в трех случаях (погр. №№ 65, 82, 97) при костяке взрослого человека, лежавшего в скорченном виде на левом боку, находились кости ребенка, положенного таким образом, что его череп лежал перед лицевыми костями, а остальные кости перед грудной клеткой взрослого скелета. В одном из этих погребений кости взрослого скелета были определены как принадлежащие женщине (погр. № 82). В четвертом погребении (№ 37) взрослый костяк лежал на правом боку. Кости ребенка и в данном случае находились перед черепом и костями грудной клетки взрослого скелета. Возраст детей, положенных вместе со взрослыми, по причине плохой сохранности костных остатков не определен. По той же причине невозможно определить характер положения костей детских скелетов, можно лишь отметить, что детский костяк в погребении № 65 лежал в скорченном виде на правом боку.

Окрашенность. Из 121 погребения 80 имеют следы окрашенности красной краской.

Краска встречается или в порошке или мелкими кусочками; во многих случаях наличие ее может быть установлено только по цветности костей или окружающего их грунта.

Отсутствие следов краски в погребениях к моменту раскопок мы не склонны рассматривать как факт, указывающий на захоронение без применения окрашивания покойника. Достаточно характерным моментом является обыч-

но большая окрашенность костей в сочленениях, где часто находятся кусочки краски. По сравнению с остальными костями погребения, это обстоятельство указывает только на то, что во впадинах между костями краска дольше задерживалась, чем на плоских или круглых костях, смываемая с них со временем проникавшими в толщу могильника поверхностными водами.

Поэтому весьма относительными являются всякого рода подсчеты и наблюдения в отношении окрашенности, которые мы все же считаем своим долгом привести.

Указанные 80 окрашенных погребений представляют собой захоронения, в которых окрашены или кости, или грунт, их окружающий, или то и другое.

Остановимся вначале на окрашенности костей. Количество погребений, кости которых окрашены, равно 57. По степени окрашенности их можно разбить на 3 группы: сильная окрашенность, средняя и слабая. Если мы исключим из числа этих 57 погребений разрушенные, то соответственно нашим трем степеням мы получим следующие цифры: 6, 19 и 13.

У некоторых костяков наблюдается различная интенсивность окраски костей. Сильнее всего окрашены бывают череп, кости таза, рук и ног. И, как уже было указано, сильная окрашенность костей ног наблюдается, преимущественно, в области суставов. Нам кажется, что неровностью костей таза и черепа объясняется и их более сильная окраска. Проследить какую-либо зависимость окрашенности от ориентировки скелета, пола погребенного, могильного инвентаря или глубинного залегания не удается.

Несколько иную картину дает окрашенность грунта.

По большей части в тех случаях, когда наблюдается сильная окрашенность костей скелета, грунт, окружающий или подстилающий кости, также является окрашенным. В таких случаях в грунте встречаются или отдельные кусочки краски, находящиеся в сочленениях, или же она находится растворившейся в грунте и тогда последний имеет бурый цвет. Окрашенность грунта в глубину доходит до 5—6 см, в одном же погребении грунт под черепом был окрашен на глубину 35—40 см (погр. № 36). В погребении № 92 окрашенный грунт на уровне костей имел фигуру овала (0.70 × 1.50 м), что повидимому, передает очертания дна могильной ямы. Иногда краска сплошным слоем лежала под костяком (погр. №№ 8, 11, 44, 53), причем толщина слоя достигала 2.5 см.

Окрашенность грунта, свидетельствующая и о сильной окрашенности самого захороненного, присуща более всего погребениям, ориентированным по направлениям В—З.

Краска по определению Г. Г. Лемлейна оказалась муммией. Согласно сообщению М. И. Ермоленко,

лежно залежи муммии находятся за 17 км от г. Нальчика.¹

Здесь же следует отметить и наличие во многих погребениях мелких кусочков мела. Наличие мела в погребениях эпохи бронзы степной части северного Причерноморья, рассматриваемое некоторыми исследователями как дегитеза красной краски, является, возможно, обстоятельством аналогичного порядка и по отношению к захоронениям Нальчикского могильника.

Костяные остатки животных. Кости животных при раскопках могильника были встречены в чрезвычайно малом количестве. Большинство их не было приурочено к каким-либо погребениям, а находилось единичными экземплярами в грунте могильников. Найденные же остатки животных при человеческих костяках опять-таки не дают возможности категорически утверждать об их преднамеренном присоединении к данному захоронению.

Неподалеку от костяка погребения № 28, ниже его на 0.45 м, лежали 2 обломка оленьих рогов (табл. X, 2—3).

В погребении № 10 перед лицевыми костями человеческого черепа находился череп кабана, залежавший на 10 см выше костей человека. Череп кабана был найден и неподалеку от коленного сустава костяка № 37а.

При остальных погребениях встретились коренные зубы быка.

В погребении № 29 зуб быка был найден при костях кисти левой руки скелета. В погребении же № 66 такие же зубы в количестве четырех находились у плечевого сустава правой руки. Обломок зуба был найден при разборке погребения № 67 вблизи человеческих костей. Обломок зуба лежал неподалеку от черепа и в погребении № 77. Наконец, по одному зубу быка было встречено при разрушенных погребениях №№ 91 и 111; в первом зуб был найден при разборке костей, лежавших кучей, а во втором — неподалеку от костей, находившихся в таком же беспорядке.²

Остальной костный материал, встреченный при раскопке могильника в 1929—1930 гг., представлен коренными зубами быка, кабана и еще одним обломком оленьего рога, верхний конец которого обрублен (табл. X, 1).

В. И. Громова, производившая определение костного материала, встреченного в процессе раскопок могильника Северо-Кавказской экспедицией, наметила следующий список животных, которые представлены археологическими материалами:

1. *Cervus elaphus* (благородный олень). Подвески из клыков и обломки рогов.

2. *Sus scrofa ferus* (дикий кабан). Коренные зубы и обработанные клыки.

¹ М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 4.

² Кости животных находили близ погребений и при раскопке могильника в 1923 г. (М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 2).

3. *Vulpes vulpes* (лисица). Подвески из клыков.

4. *Bos* sp.? (бык). Крупная форма, вероятно, дикий тур или зубр, но может быть и домашний бык. Коренные зубы и подвески из резцов.

5. *Capra* или *ovis* (козел или баран). Домашние или дикие. Подвески из резцов.

6. *Felis* sp.? (кошка). Мелкая форма, дикая или домашняя. Подвеска из верхнего клыка.

Дать более точные определения вида 3 животных, перечисленных последними в приведенном списке, оказалось невозможным, в виду того, что представляющий их материал (зубы) не имеет отличительных признаков, присутствующих только домашним или только диким животным.¹

К этому списку животных можно еще присоединить медведя, клыки которого были найдены при раскопке могильника М. И. Ермоленко (табл. IX, 5).

Орудия из камня. Кремневые орудия, пластины, отщепы и осколки встречались как в непосредственной близости костяка, так и вне связи с погребениями, в грунте, их перекрывающем. При костяке они встречены в 39 погребениях; место положения их в отношении к костяку погребенного неустойчиво, а возможно и случайно. Отдельные находки встречались у костей черепа, рук, ног, в области таза и грудной клетки, т. е. в различных частях могилы. Это делает допустимым предположение о возможности попадания некоторых находок в могилу вместе с землей, которой она засыпана. Кремневые орудия в погребениях представлены только тремя пластинками с ретушью. В одном захоронении пластинка находилась на челюсти костяка (погр. № 1 а, рис. 4), в другом у левой ключицы (погр. № 92, рис. 56) и в третьем у пяточной кости (погр. № 109, рис. 61). Отщепы, пластины и осколки, встреченные в 36 погребениях, иногда имеют выщерблины по краю, возможно являющиеся результатом обработки, но ни в одном случае они не обработаны ретушью.

В дальнейшем мы даем общую характеристику кремневых поделок, найденных в погребениях в непосредственной близости к костяку, в грунте, перекрывающем захоронения, и хранящихся в Нальчикском музее.

Кремень, который служил для изготовления этих поделок, отличается различной цветностью. Чаще всего встречаются орудия, сделанные из светлосерого плотного кремня; поверхность их покрыта белой патиной, иногда распространяющейся не на все орудие, а наблюдающейся лишь в виде отдельных пятен. Значительно реже встречается кремень розоватый, светлофиолетовый и коричневатый.

¹ В дальнейшем, так же как и при описании погребений, во избежание повторений каждый раз одних и тех же оговорок, мы условно пользуемся определениями «бык», «овца» или «коза», «кошка».

Кремневые поделки, найденные при раскопках могильника, немногочисленны и довольно однообразны. Помимо осколков и отщепов кремня, составляющих основную группу находок, были встречены: нуклеусы, пластины, пластины с ретушью, скребки, одно проколковидное острие и наконечник стрелы.

В материалах экспедиции нуклеусы представлены четырьмя экземплярами. Один из них имеет неправильную форму, на части его поверхности сохранилась корка, лишь местами снятая в результате откола пластин. Высота нуклеуса 4.1 см. Три другие нуклеуса (табл. XI, 6—7, 9, рис. 62, 1—3) имеют призматическую форму. Пластины от них отбивались с двух сторон. Возможно, что нуклеус, изображенный на рис. 62, 2 и табл. XI, 9, после, по использованию, употреблялся в качестве отбойника, о чем свидетельствуют выщерблины по краям отбивных площадок. Все нуклеусы изготовлены из серого кремня. Высота нуклеусов колеблется от 3.3 до 5.3 см.

Пластины, найденные в могильнике, отколоты от нуклеуса призматической формы и на спинке имеют следы от ранее сделанных сколов. Две пластины изображены на рис. 62 4—5. Размеры первой пластины: длина 7.2 см, наибольшая ширина 1.6 см; второй пластины: длина 6.5 см, ширина 1.4 см.

Пластины с ретушью могут быть условно разделены на несколько форм, в зависимости от характера их обработки.

В первую группу мы относим две узкие, длинные пластины, у которых оба края обработаны ретушью, формующей также ее скошенный верхний конец.

В одном случае (рис. 62, б) ретушь на конце нанесена только со спинки пластины, а в другом как со спинки, так и с брюшка. На втором орудии вдоль его скошенной части имеется узкий, длинный окол. Длина первой пластины 7.3 см, второй — 7 см.

Особо следует отметить одну узкую, длинную пластину Нальчикского музея, у которой верхний конец заострен (рис. 62, 7). Пластина обработана ретушью по обоим краям и на концах; отдельные участки ретуши видны со стороны брюшка пластины. Орудие отличается массивностью, его толщина достигает 1 см. Длина пластины 8 см. Другая пластинка, также имеющая ретушь по обоим краям и на концах, отличается значительно большей шириной (рис. 62, 9 и табл. XI, 4). Концы пластины закруглены. Возможно, что это орудие употреблялось в качестве скребка. Толщина пластины 0.6—0.8 см, длина 5.7 см.

На остальных пластинках ретушь нанесена или по одному краю или по двум. В отдельных случаях она распространяется по всей длине пластины, но чаще захватывает лишь отдельные участки края (рис. 62, 8, 10—12 и табл. XI, 3, 5). Ретушь, как правило, мелкая, не заходящая далеко на спинку пластины.

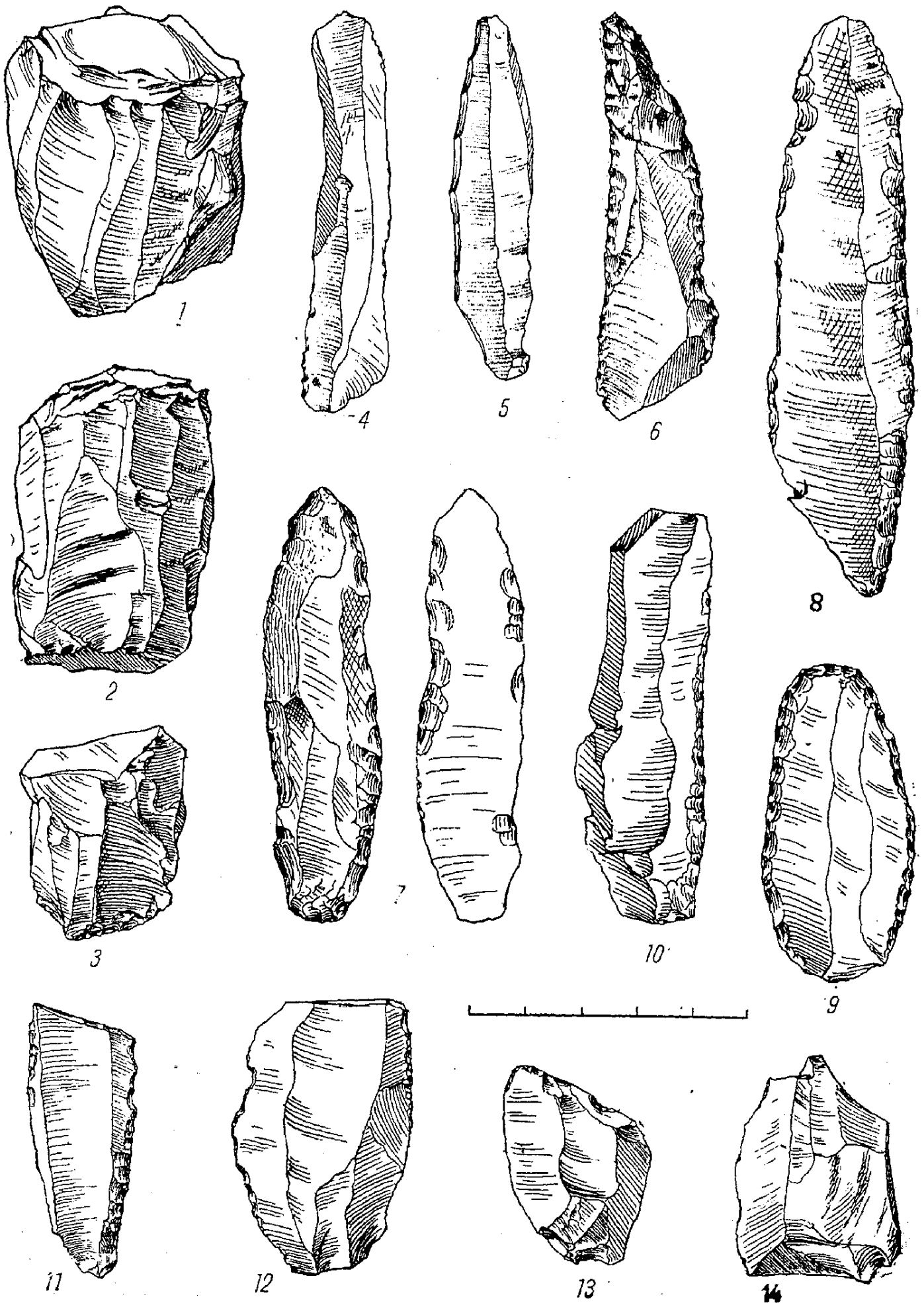

Рис. 62. Изделия из кремня, Нальчикский могильник.

Большинство пластин имеет следы сработанности как на участках, обработанных ретушью, так и на краях пластин, не подвергавшихся обработке. Следы сработанности имеют вид мелких выщерблин. На одной пластине со стороны спинки видны следы широких сколов — результат предварительной формовки нуклеуса. Размеры пластин различны: длина их колеблется от 3.8 до 10.5 см. Значительная часть пластин с ретушью, вероятно, употреблялась в качестве режущих ножевидных ору-

больших сколов, являющихся результатом предварительной формовки нуклеуса (рис. 63, 1). Рабочий край сформован очень мелкой ретушью и имеет округлые очертания. На противоположном конце пластины также имеется мелкая крутая ретушь. Длина пластины 4.1 см.

Скребок, изготовленный из обломка пластины, имеет прямой рабочий конец (рис. 63, 5). Ретушь нанесена также вдоль одного края пластины; на этом участке она значительно более крутая, чем на рабочем конце орудия.

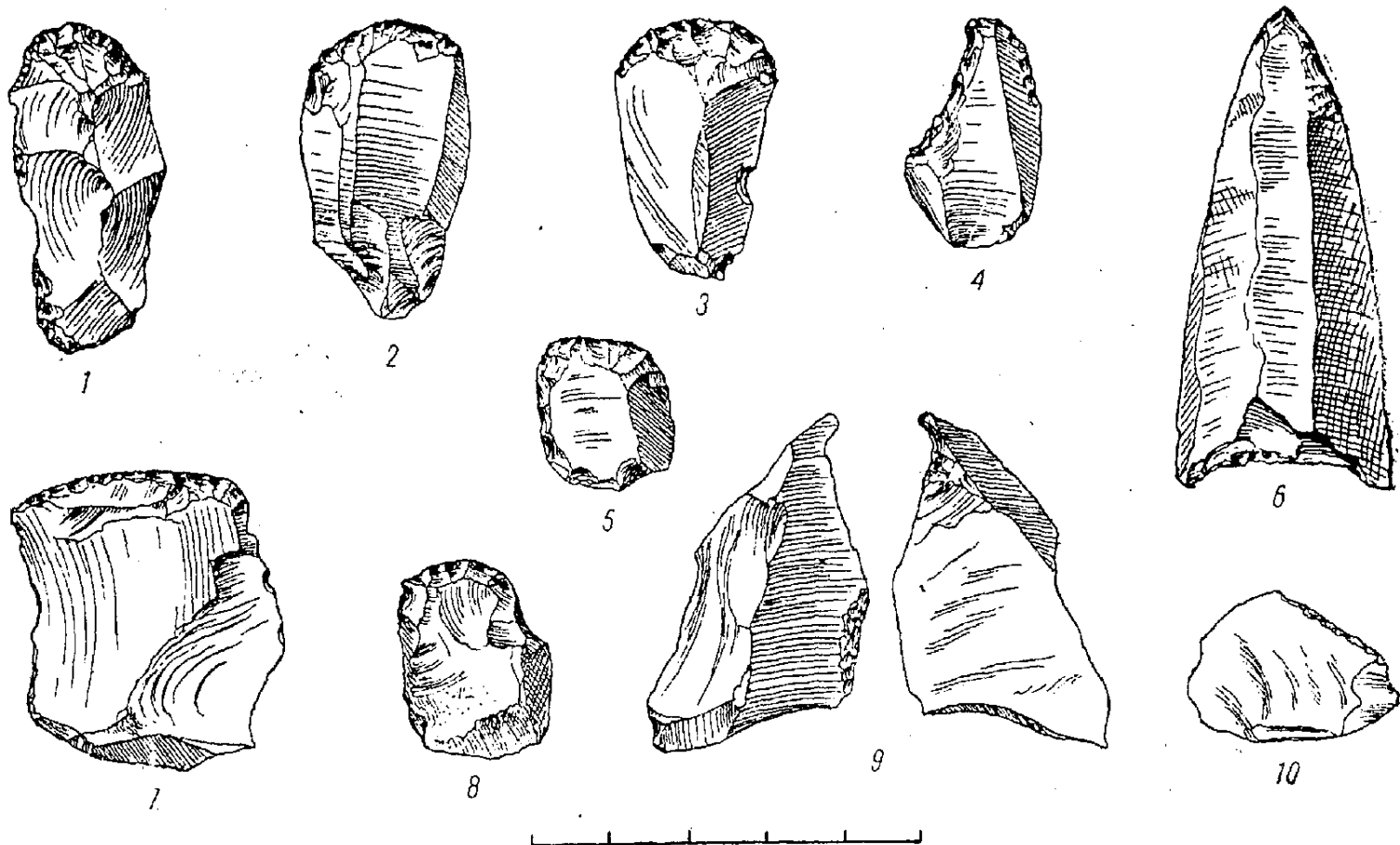

Рис. 63. Изделия из кремня и обсидиана, Нальчикский могильник.

дий. Отдельные участки с ретушью видны и на краях некоторых кремневых отщепов (рис. 62, 13), обычно не имеющих никаких следов вторичной обработки и отличающихся неправильностью формы (рис. 62, 14).

Скрепки имеют различную форму; часть их изготовлена на концах пластин, один сделан из обломка пластины, два — на концах отщепов и одно орудие, изготовленное также из пластины, имеет вогнутый рабочий край.

Скрепки, сделанные на концах пластин, представлены тремя экземплярами. Два из них имеют округлый рабочий край, сформованный довольно крутой ретушью, которая не заходит на края пластины. Рабочий конец орудия шире противоположного конца пластины (рис. 63, 2—3). Длина орудий 3.4 и 3.7 см, ширина по рабочему краю 2 и 2.1 см. Третий скребок этой группы изготовлен из продолговатой пластины, на спинке которой имеются следы

Длина пластины 1.9 см, ширина по рабочему концу 1.6 см.

В третью группу скребков можно отнести два орудия. Один скребок изготовлен на конце широкого отщепа (рис. 63, 7). Рабочий край орудия, слегка закругленный, обработан мелкой ретушью, не заходящей на его спинку. Длина отщепа 3.7 см, ширина по рабочему краю 3 см. Второе орудие изготовлено из небольшого отщепа неправильной продолговатой формы (рис. 63, 8). Рабочий край слегка закруглен. На спинке орудия сохранилась корка. Длина отщепа 2.5 см.

Вогнутый скребок изготовлен из толстой маленькой пластины (рис. 63, 4). Ретушь, формирующая рабочий край, очень крутая. Орудие имеет сильные следы сработанности в виде небольших выщерблин на участке с ретушью. Длина пластины 2.9 см, длина рабочего края по хорде вогнутой части 1.9 см.

Наконечник стрелы сделан из широкой пластины и имеет подтреугольную форму, с округлой выемкой в основании (рис. 63, 6 и табл. XI, 1). Ретушь формирует острие наконечника, а также заметна на его основании; на спинку пластины ретушь не заходит. Длина наконечника 6.2 см, ширина у основания 2.8 см.

На одном из отщепов кремня, у его конца, имеется небольшая округлая выемка, сформованная плоской ретушью и выделяющая небольшое острие. Возможно, что этот отщеп употреблялся в качестве проколки. Помимо ретуши, формирующей выемку, на одной из сторон отщеп имеет также небольшой ретушированный участок (рис. 63, 9).

Возможно, что значительная часть кремневых орудий, а также кремневых и обсидиановых отщепов и осколков, найденных вне непо-

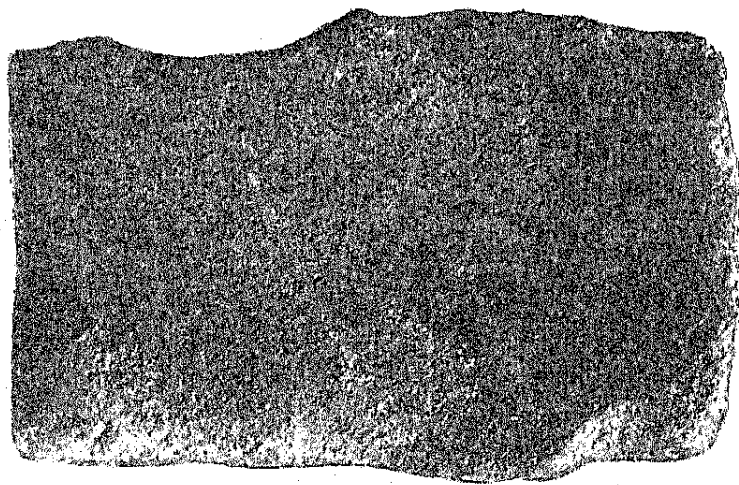

Рис. 64. Обломок шлифовального камня (из грунта Нальчикского могильника).

средственной связи с погребениями, не имеет отношения к древним могильным комплексам. Эти находки, подобно многочисленным фрагментам керамики, обнаруженные на раскопанной площади, могут свидетельствовать о наличии на месте кургана или в непосредственной близости от него древнего поселения. Чрезвычайно характерно количественное соотношение кремня и обсидиана, найденного в могильнике. В раскопе 1929 г. на 185 кремневых орудий, осколков и отщепов приходится один отщеп обсидиана, а в раскопе 1930 г. на 56 поделок из кремня — 24 из обсидиана, причем необходимо отметить, что 22 осколка обсидиана лежали в одной кучке. Выражая это соотношение в процентах, мы получаем 90.5% кремня и 9.5% обсидиана. Такое преобладание кремня над обсидианом характерно, напр., для поселения эпохи бронзы, исследованного Северо-Кавказской экспедицией у поселка Долинского¹ вблизи Нальчика и, наоборот, не наблюдается на более раннем Агубековском поселении, нео-

литический возраст которого вероятен. Здесь обсидиан встречается в значительно большем количестве, чем кремь.¹ Характерным является также полное отсутствие обсидиана в непосредственной близости костяков. Все обсидиановые отщепы и осколки найдены в грунте, перекрывающем захоронения. В отличие от Агубековского поселения мы не имеем среди вещей, найденных при раскопке Нальчикского могильника, ни одного хорошо оформленного орудия из обсидиана. Почти все отщепы и осколки не подвергались вторичной обработке, и если на некоторых из них имеются мелкие выщерблины, похожие на ретушь, то они могут быть объяснены как результат сработанности (рис. 63, 10).

М. И. Ермоленко в могильнике был найден плоский камень (вулканический туф), служивший, по всей вероятности, для растирания красок (табл. X, 6).² Об этом свидетельствует сильная окрашенность краской его более плоской верхней стороны. Размеры предмета: длина 41 см, ширина 20 см, толщина 8.5 см.

При раскопках могильника в 1929 г. в грунте был встречен обломок песчаниковой плитки (рис. 64). Ширина плитки 13.3 см, длина сохранившейся части 9 см. Одна из широких поверхностей вогнута, причем углубление поверхности начинается от сохранившихся целыми краев.

Этот предмет, видимо, следует рассматривать как шлифовальный камень, аналогичный по форме и твердости материала находке в погребении XXX Мариупольского могильника.³

В том же году, также в грунте могильника, был найден обломок каменного предмета твердой породы темнозеленого цвета (табл. X, 5). Сохранившийся выпуклый конец имеет следы ударов. Боковая поверхность в некоторых местах уплощена полировкой вдоль всей сохранившейся части предмета, так что поперечный разрез последнего имеет фигуру неправильного овала.

Незначительность дошедшего до нас фрагмента не позволяет нам точно определить целый предмет. По всей видимости, эта находка является обломком песта.

Каменные навершие булавы. При раскопках могильника в 1923 г. неподалеку от костяка, рядом с которым была найдена каменная статуэтка, встретилось хорошо обработанное шаровидное навершие булавы из темносерого песчаника.⁴ Диаметр навершия около 5 см, высота около 4.5 см, диаметр отверстия 1.1—1.2 см.

Каменные браслеты. Каменные браслеты были найдены в погребениях №№ 46, 83

¹ См. в наст. сборн. статью Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова.

² Хранится в Нальчикском музее, инв. № 391/1928.

³ М. Макаренко, ук. соч., стр. 74, рис. 34, табл. XVI.

⁴ М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 3.

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого.

и 86, а также вблизи погребений №№ 54 и 55. В последнем случае принадлежность браслетов к могильному инвентарю погребений не установлена, возможно, что они происходят из ранее разрушенных захоронений. Браслет целый и 2 обломка встретились также в ранее перекопанных частях могильника. На участке могильника, исследованном экспедицией, всего найдено семь целых браслетов и четыре обломка.

В погребении № 86 на обеих руках костяка было обнаружено по одному браслету. На левой руке браслет находился у локтевого сустава, а на правой — посредине плечевой кости (табл. V, 7, 8). В погребении № 83 браслет был надет на правую руку костяка и находился на плечевой кости, вблизи локтевого сустава (табл. V, 11). Кости левой руки были частично повреждены, чем, вероятно, и следует объяснить отсутствие второго браслета. Погребение № 46 оказалось также частично разрушенным, некоторые кости правой руки отсутствовали. При костяке найден один браслет, надетый на левую руку у локтевого сустава (табл. V, 9).

То же положение браслетов было отмечено и М. И. Ермоленко. Браслеты у раскопанных им костяков встречались на одной, а чаще на двух руках (табл. VI, 7).

V, 3). Поверхность браслетов сильно повреждена.

Все браслеты, за исключением одного, хранящегося в Нальчикском музее, имеют вид круглого кольца, а упомянутый браслет, также круглой формы, имеет несомкнутые, заостренные концы (табл. VI, 2).

По характеру сечения браслеты можно разделить на четыре группы: в первую из них мы относим браслеты, у которых внутренняя сторона плоская, а наружная слегка закругленная. В месте соприкосновения наружного и внутреннего контуров сечения не образуется резкой грани, а имеется округленный переход. У браслетов второго типа, имеющих также плоскую внутреннюю и округло выпуклую наружную сторону, заметна резкая грань между внешним и внутренним контуром сечения. В остальных случаях сечение приближается к полукругу. Браслеты третьего типа отличаются большей уплощенностью, в результате чего контур сечения сильно вытянут в направлении от внутренней стороны браслета к наружной. Внутренняя сторона этих браслетов плоская, наружная более закругленная. Четвертый тип браслетов имеет сечение овальной формы. Размеры браслетов приведены в табл. 1.

Одиннадцатый браслет, найденный экспеди-

Таблица 1

№№ п/п.	Коллекционные номера	№№ рисунков	Тип	Наружн. диаметр в см	Толщина в см	Высота в см
1	80—306	табл. V, 9	I	7.6	0.7	1.2
2	80—340	табл. V, 1	I	5.4	0.6	0.95
3	140—323 (фрагм.)	табл. V, 2	I	2.4	0.8	1.8
4	Нальчикский музей	табл. VI, 3	I	8.0	0.6	1.3
5	То же	табл. VI, 2	I	9.0	0.8	1.9
6	80—348 (фрагм.)	табл. V, 6	II	7.1	0.65	1.0
7	80—102 (фрагм.)	табл. V, 3	II	5.0	0.7	0.8
8	Нальчикский музей	табл. VI, 5	II	5.3	0.6	1.1
9	То же	табл. VI, 7	II	12.3	2.2	3.2
10	То же	табл. VI, 8	II	11.5	1.5	2.15
11	То же	табл. VI, 4	II	12.5	1.2	3.0
12	То же	табл. VI, 6	II	11.5	1.05	3.15
13	То же	—	II	8.8	0.6	0.7
14	80—316	табл. V, 7	III	10.6	1.1	1.3
15	80—317	табл. V, 8	III	9.0	1.0	1.0
16	80—350	табл. V, 4	III	7.8	1.5	1.15
17	80—351	табл. V, 5	III	8.8	1.5	1.15
18	80—180	табл. V, 11	III	8.3	1.1	1.5
19	Нальчикский музей	табл. VI, 1	IV	—	—	—

Все браслеты изготовлены из мергеля. В изломе камень имеет серый цвет, иногда с коричневатым оттенком. На поверхности некоторых браслетов заметны пятна более темного, почти черного цвета. В этих местах поверхность более гладкая и слегка блестящая. Лучшее всего поверхность сохранилась на браслетах, изображенных на табл. V, 4—5 и 7—8. В одном случае на поверхности заметна заполированность, но она имеет не черный, а серый цвет (табл.

цией (табл. V, 1), сохранился в фрагментированном виде, не позволяющем определить характер сечения, так как камень, из которого сделан браслет, расколот вдоль. Наружный диаметр браслета 8.8 см.

Насколько можно судить по форме браслетов, они вырезались из плиток сланца острым орудием. Внутренний контур сечения некоторых браслетов указывает на то, что отверстие их получено путем односторонней сверловки

или вырезывания. Не совсем правильные очертания браслетов говорят об их изготовлении без применения механического, ротационного движения инструмента.

На одном из обломков браслета, хранящегося в Нальчикском музее (табл. VI, 1), у концов его имеется по одному круглому просверленному отверстию. Эти отверстия, вероятно, служили для скрепления двух частей разбитого браслета. Однако не исключена возможность использования найденной половины браслета в качестве подвески. В пользу данного предположения говорит наличие подвесок из обломков браслетов в погребении № 86, раскопанном экспедицией. Среди просверленных зубов животных в этом погребении были найдены два куска браслетов, имеющих по одному круглому отверстию на концах (табл. IV, 18—19). Длина этих обломков 2.15 и 2.3 см. Концы подвесок тщательно обрезаны и слегка закруглены. Сверление отверстий производилось с двух сторон. В пользу того, что эти подвески были действительно сделаны из браслетов, говорит характер сечения, типичный для браслетов Нальчикского могильника, и наружная выпуклость их по продольной оси, указывающая на то, что они вырезаны из предмета, имевшего круглую форму.

Каменные браслеты в погребениях, исследованных на территории СССР, встречаются крайне редко. Мы можем отметить всего лишь три находки. В 1929 г. у с. Криволучья-Ивановки, Куйбышевского района, той же области, местными жителями было обнаружено погребение, близкое по инвентарю к захоронениям Нальчикского могильника. Среди прочих вещей здесь были найдены два каменных круглых браслета с полированной поверхностью. Браслеты были орнаментированы с обеих сторон двумя параллельными линиями с точками на них. Материалом для изготовления браслетов послужил тальковый (горшечный) камень. Анализ поверхностного слоя показал, что черная окраска браслетов получалась в результате натирания их жировым веществом.¹ От браслетов, найденных в Нальчикском могильнике, браслеты из Криволучья отличаются большей тщательностью выделки, наличием орнамента и иным материалом, из которого они изготовлены. Необходимо здесь отметить, что браслеты из Нальчика значительно хуже сохранились; поверхность их, как мы уже отмечали, в большинстве случаев разрушена, а это отчасти и создает впечатление более худшей выделки. Возможно, что поверхность некоторых нальчикских браслетов была также подвергнута какой-то дополнительной обработке, на что указывают темные, почти черные пятна в тех местах, где первоначальная поверхность сохранилась. Не исключена возможность, что и здесь имело

место натирание браслетов жировым веществом.

Один каменный браслет был найден Н. И. Веселовским в кургане между ст. Тульской и Севастопольской б. Кубанской обл. В 16 расположенных здесь курганах были обнаружены погребения «белореченского типа» (XIV—XV вв. н. э.) и только в одном кургане (№ 11) оказались вещи иного характера.

К сожалению, из этих вещей Веселовский опубликовал только каменный браслет и ручки медного сосуда. Отсутствие сведений об условиях находки упомянутых вещей и о другом мощном инвентаре этого кургана делает невозможным выяснение датировки погребения с браслетом. По внешнему виду браслет из ст. Тульской сильно отличается от найденных в Нальчикском могильнике. При значительной высоте браслета (около 3 см) он имеет очень небольшую толщину, что придает предмету вид невысокого полого цилиндра. Возможно, что этот браслет изготовлен в значительно более позднее время, чем время захоронений в Нальчикском могильнике.¹

Каменные браслеты, вполне аналогичные нальчикским, были найдены П. И. Чебукиани на древнем поселении в местности Тетралица вблизи Кутаиси. Часть найденных браслетов не закончена обработкой. Остальной материал стоянки типичен для неолитического периода: грубо оббитые топоры, топоры с полированным лезвием или полированные целиком, мелкие кремневые и обсидиановые орудия, небольшие терки, каменные ступы, фрагмент глиняной статуэтки, изображающей человека.²

Украшения из меди. Предметы, сделанные из металла, встречены в двух погребениях, из которых одно может быть отнесено к группе древнейших захоронений в кургане, а второе является впускным. В первом погребении (№ 86) было найдено маленькое круглое колечко, согнутое из тонкой медной проволоки, лежащее вблизи черепа при костях кисти правой руки. К сожалению, этот предмет утерян, а потому дать его более точное описание и указать размеры мы не можем.

Во втором погребении (№ 31) при женском костяке, вместе с другими многочисленными украшениями, были обнаружены две подвески в форме конусов (табл. IV, 2) и два колечка (табл. IV, 3).³ Конусы согнуты из тонких медных пластин; один из них орнаментирован выпуклыми штампованными точками, расположенными вертикальными рядами. Металл покрыт темнозеленой патиной, на конусе больше-

¹ ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 21, рис. 76.

² Материал хранится в Кутаисском музее.

³ Качественный анализ материала этих вещей, произведенный в Институте исторической технологии ГАИМК В. Н. Конозовым, показал отсутствие приплава олова. Металл, из которого изготовлены кольца, имеет большую твердость, чем тот, из которого сделаны конусы.

¹ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья, Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, стр. 7—8, рис. 10—11.

го размера блестящей, на орнаментированном конусе—матовой. Высота конусов 3.5 и 2.6 см.

Предметы, близкие по форме, имеются в Нальчикском музее среди вещей, найденных во время раскопки нескольких курганов на степи у сел. Урванского, произведенной в 1925 г.¹ Здесь были найдены две конусовидные подвески, из которых одна также орнаментирована вертикально расположенными рядами выпуклых точек. Другие вещи, найденные в этих курганах — бронзовая круглая подвеска, орнаментированная «веревочкой», разнообразные бронзовые бусы и пронизи, круглые выпуклые орнаментированные бляхи и бусы из сердолика — находят себе ближайшие аналогии среди вещей из различных курганов, раскопанных в окрестностях г. Нальчика, составляющих особую хронологическую группу памятников, условно выделенных А. А. Миллером как предметы II стадии.

Конусовидные подвески той же формы, но отличающиеся большими размерами и меньшей толщиной пластины, из которой они согнуты, находятся среди вещей из раскопок Н. В. Орла, хранящихся в Отделе доклассового общества Государственного Эрмитажа.² Отсутствие дневников и отчета о раскопках не позволяет с желательной степенью точности определить место находки таких предметов; можно лишь указать, что они происходят из б. Веденского округа Терской области, ныне входящего в состав Чечено-Ингушской АССР. Вещи в коллекции Н. В. Орла чрезвычайно разнообразны и бесспорно относятся к различному времени. Среди них можно выделить группу древнейших предметов, относящихся к рубежу II и I тысячелетий до н. э. Укажем, например, на пастовые бусы, совершенно тождественные с найденными в том же погребении большого кургана, где были обнаружены и описанные нами конусовидные подвески, а также отметим группу кремневых наконечников стрел и подвесок из раковин.

Кольца, найденные в погребении № 31, имеют овальную форму; заостренные концы их не сомкнуты и слегка заходят друг на друга. Изготовлены кольца из медной проволоки, на концах расплюсченной в тонкий вогнутый лист; в верхней части проволока имеет круглое сечение. Длина колец 2.3 и 1.9 см. Наиболее близким по форме является кольцо с несомкнутыми концами из раскопанного Н. И. Веселовским в 1897 г. одного из курганов близ станицы Андрюковской.³ Присутствие в комплексе, содержащем это кольцо, других металлических предметов (медные булавки с молотчкообразными выступами, кинжалы весьма характерных форм) заставляет относить эту на-

ходку к концу II стадии. Для предкавказских погребений типичны круглые височные кольца, сделанные из круглой же в сечении проволоки с заходящими друг на друга концами, изготовленные из различных материалов — золота, серебра и меди. Кольца же, близкие по форме к обнаруженным в Нальчикском могильнике, но отличающиеся обычно большими размерами, в значительном количестве встречаются в грунтовых погребениях горного Кавказа. Укажем, например, на находки таких колец на территории Кабардино-Балкарской АССР в окрестностях сел. Гунделен Баксанского округа¹ и в грунтовых могилах Балкарии,² где они встречаются совместно с предметами более позднего происхождения (III стадия); к тому же вытянутая форма их и длина загнутых концов, достигающая по величине почти до половины наибольшего диаметра самих колец, также говорят об их позднем характере. Более близкими по своим пропорциям являются кольца Кумбулты, имеющие такие же расширяющиеся в виде лопастей загнутые концы,³ но и они отличаются большой массивностью. Иногда эти поделки чрезмерно увеличиваются в своих размерах, сохраняя в основных чертах свою форму, как это можно видеть на примере могильника у с. Каякент в Дагестане.⁴

Украшения из кости. Поделки из клыков кабана обнаружены в погребениях № 36 и № 53. В погребении № 53 при детском костяке у нижней его челюсти находилась широкая дугообразно изогнутая пластина, сильно расширяющаяся в средней части и имеющая два дисковидные расширения на концах (табл. IV, 12). Диаметр расширений на концах различен, что несколько нарушает симметричность предмета. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что меньшее из них сделано на более узком конце клыка. Расширения пластины украшены спирально врезанными линиями, концы которых, делая волнообразный изгиб, выходят за пределы дисков, к середине пластины. Возможно, что эти врезанные линии следует рассматривать как изображения змей. К сожалению, поверхность предмета довольно сильно разрушена, а потому у одного изображения конец врезанной линии поврежден; у второго же изображения он расширен, что позволяет в нем видеть голову змеи. Над концами линий сделаны небольшие округлые углубления. Посредине пластины имеются два круглые отверстия, расположенные рядом, одно над другим. Край пластины обрезан острым орудием. Поверхность предмета имеет следы красной краски. Размеры: длина пластины 9 см, наибольшая

¹ Нальчикский музей, инв. №№ 429 — 434/1925 (№№ 7—8).

² Коллекция № 177.

³ ОАК за 1897 г., стр. 22, рис. 78—82. Кольцо хранится в Гос. Истор. музее; инв. № 42397.

¹ Случайная находка. Хранятся в Нальчикском музее.

² Хранятся там же.

³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Матер. по археол. Кавказа, вып. VIII, М., 1900, табл. LXXXIX, рис. 12—13.

⁴ ОАК за 1898 г., стр. 149, рис. 16.

ширина 2 см. Возможно, что как составную часть этого украшения следует рассматривать три подвески из просверленных зубов оленя, найденные в непосредственной близости от пластины, у ее нижнего края, отверстиями обращенные к нижнему отверстию пластины.

В погребении № 36 пластина, вырезанная из клыка кабана, была найдена между локтем левой руки и костями грудной клетки (табл. II, 4) взрослого индивидуума. На закругленных концах пластины просверлено по одному отверстию; сверление производилось с нижней стороны пластины. На поверхности предмета заметны следы красной краски. Длина 13,8 см.

Две поделки из клыков кабана, найденные в том же могильнике, имеются в Нальчикском музее. Один клык имеет круглое просверленное отверстие на середине его длины (табл. IX, 9), а второй — два рядом расположенные отверстия на его широком конце и одно большего диаметра, на середине (табл. IX, 10). На узком конце этого клыка сделаны четыре неглубоких зарубки, по две с каждой стороны. Широкий конец второго клыка закруглен. Условия находки этих предметов неизвестны.

Поделки этого типа, за исключением первой, находят себе аналогии среди многочисленных изделий из кабаньих клыков, найденных в Мариупольском могильнике.¹ Следует заметить, что преобладающими среди этих поделок Мариупольского могильника являются не целые пластины, а усеченные подчетыреугольные с двумя отверстиями у узких сторон, представляющие собой части набора, который заканчивался пластинами треугольной формы. В Нальчикском же могильнике пластины таких форм не найдены. К тому же малочисленность предметов этого рода в могильнике не позволяет нам с достаточной полнотой поставить вопрос о способе их ношения. Те из них, местоположение которых нам известно, повидимому, являлись нагрудным или шейным украшением. Наличие у некоторых из них одного или двух отверстий на концах позволяет высказать предположение, что изготовлялись целые наборы таких пластин, подобно Мариупольским. Орнаментировка одной из пластин изображениями змеек, при учете семантики изображений того времени, заставляет рассматривать эти поделки или их часть как амулеты.

Костяные кольца, вырезанные из трубчатых костей животных, были обнаружены в двух погребениях.

В погребении № 4 кольца оказались в фрагментированном виде (9 обломков); насколько можно судить по сохранившимся обломкам, они принадлежат четырем экземплярам (рис. 7, 5 и табл. 1, 3). Два кольца имели овальную форму и были значительно утолщены в нижней части. Контур сечения этих колец различен; в верхней, более тонкой части он имеет

округлую форму, а в нижней приближается к правильному полукругу. Плоской стороной кольца является внутренняя его поверхность. Третье кольцо имеет значительно более плоскую сохранность; по форме оно более округло, а в сечении сильно уплощено. От четвертой поделки сохранился лишь небольшой фрагмент, по всей вероятности являющийся обломком верхней части кольца первого типа. Сечение его имеет округлый контур.

В погребении № 8 при детском костяке было найдено десять костяных колец; из них два сохранились в фрагментированном виде (табл. I, 6). Девять колец найдено вместе с другими украшениями на тазовых костях скелета, а одно при разборке костей черепа. Кольца имеют округлую форму; внутренняя поверхность их плоская, наружная — округло-выпуклая.

Находки колец, вырезанных из трубчатых костей животных, нередки для захоронений эпохи бронзы. Так, напр., они были встречены В. А. Городцовым в так наз. катакомбных погребениях кургана № 5 у сел. Каменка (Анновское поле) б. Изюмского у. Харьковской губ. (погребение № 5 детское; кольца находились перед лицевыми костями; погребение № 7 — у затылка скелета, принадлежавшего взрослому субъекту).¹ Подобные же кольца были найдены в погребениях этого же времени М. И. Артамоновым на р. Маныч² и М. А. Миллером на Дону.³

В погребении № 65а у затылочных костей черепа взрослого человека находилась поделка из кости, в виде уплощенного стержня, постепенно сужающегося к одному концу, заканчивающемуся утолщением (табл. IV, 23). Оба конца стержня слегка закруглены. Поделка, по всей вероятности, вырезана из ребра животного, так как имеет характерный для ребер изгиб по продольной оси. Длина стержня 8,6 см, наибольшая ширина 1,3 см.

В погребении № 86 у костей ног скелета в компактной группе вещей, состоящей из просверленных зубов животных и каменной бусы, находилась небольшая цилиндрической формы проныза, вырезанная из тонкой трубчатой кости животного (табл. IV, 20). Длина пронызы 1,55 см, наружный диаметр 0,7 см.

Три пронызы, близкие по форме к найденной в погребении № 86, имеются среди коллекций Нальчикского музея и происходят из раскопок этого же могильника. Длина одной из проныз 1,5 см, наружный диаметр 0,8 см.

Наиболее многочисленными украшениями являются подвески из зубов животных. Все они имеют в корневой части просверленное от-

¹ В. А. Городцов, ук. соч., стр. 194.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. Сов. археология, IV, М. — Л., 1937, стр. 101, рис. 11—17.

³ Отчеты об археологических исследованиях в РСФСР в 1934—1936 гг. М. — Л., 1940, стр. 183, табл. XXVIII, 9.

¹ М. Макаренко, ук. соч., стр. 39—40.

верстие, при помощи которого они нанизывались или прикреплялись к одежде.

Всего с подобными подвесками было встречено три раскопки в 1929—1930 гг. 6 погребений (№№ 4, 8, 31, 53, 83, 86).

В погребении № 4 позади черепа лежали 3 подвески из просверленных клыков оленя и 10 подвесок из лисьих клыков. При разборке костяка были найдены еще 2 подвески из клыков оленя, 3 обломка подвесок из лисьих зубов и 10 целых и 2 обломка подвесок из резцов козы или овцы (табл. I, 1, 4—5).

В погребении № 8 11 подвесок из резцов козы или овцы находились перед костями грудной клетки костяка, 3 подвески из клыков оленя, 1 целая и 13 обломков подвесок из резцов козы или овцы — на тазовых костях, а при разборке костей черепа были найдены 1 подвеска из оленьего клыка и 1 из кошачьего. Дополнительно при разборке остальных костей были обнаружены: 1 подвеска из оленьего клыка и 2 обломка подвесок из лисьих клыков (табл. I, 7—10).

Между плечевым суставом и нижней челюстью костяка № 31 находились 10 подвесок (из них 5 фрагментированных) из клыков оленя (табл. IV, 1).

В погребении № 53 4 подвески из клыков оленя (табл. IV, 13—14) также лежали у нижней челюсти скелета.

В погребении № 83 подвески из резцов быка оказались лежавшими по две под костями правой руки и неподалеку от коленного сустава правой ноги, а у локтевого сустава левой руки лежала только одна такая же подвеска (табл. IV, 15).

Наиболее интересной оказалась находка подвесок в погребении № 86. Здесь между головкой бедренной кости и пяточной (ближе к последней) левой ноги находились 13 целых и 3 обломка подвесок из клыков оленя, а также 17 целых и 14 обломков из резцов быка (табл. IV, 22, 24), вместе с двумя каменными подвесками, одной пронизью и одной бусой. Все перечисленные предметы лежали кучкой.

При раскопках же могильника в 1923 г. в отмеченном уже нами впускном погребении, находившемся в яме, обложенной валунами, на черепе детского скелета «валялось в беспорядке 12 бус из клыков молодого медведя, 6 бус из простых его зубов, 235 различных бус и 22 кремня. Кроме этого у черепа стоял маленький глиняный горшочек.¹

Из приведенного описания видно, что местоположение этих подвесок обычно находится возле черепа захороненного, у его нижней челюсти. Этот факт свидетельствует о том, что просверленные зубы животных являлись частью нагрудного или шейного украшения. Объединенность их с бусами говорит об их принадлежности к ожерелью. В расположении

подвесок погребения № 86 можно усмотреть веерообразность. Создается впечатление, что они все были нанизаны на единую основу вместе с находившимися там же каменными подвесками, костяной пронизью и каменной бусой и помещались в небольшом несохранившемся мешочке, который и был положен у ног покойника при захоронении.

Интересно отметить, что на некоторых клыках оленя заметны следы обработки. Это видно хотя бы на подвесках из погребения № 31, где некоторым из них искусственно придана угловатость верхней части (табл. IV, 1), широкие же стороны подвесок погребения № 4 искусственно уплощены (табл. I, 1).

Подвески из просверленных зубов животных в большом количестве встречены и в Мариупольском могильнике.¹ Различия заключается только в видах животных, зубы которых употреблялись в качестве подвесок. Часть зубов-подвесок Мариупольского могильника принадлежит «видимо, волкам или собакам, другие — лисицам, третьи — барсукам... и другим животным». Среди подвесок Нальчикского могильника зубов волка и барсука не встречено. Применение просверленных зубов животного в качестве подвесок в различные эпохи общественного развития, протяженность которых насчитывается тысячелетиями, не позволяет использовать эти предметы для датировки содержащих их комплексов. Отметим только, что для территории юга СССР в эпоху бронзы эти изделия не были чужды. Их мы встречаем в виде шести просверленных клыков оленя на Волге в Криволучье;² в кургане «Бесчастная могила» у сел. Новогригорьевки б. Екатеринославской губ. Д. Я. Самоквасовым были найдены просверленные клыки лисицы.³ Н. И. Веселовским на Кубани просверленные зубы оленя были найдены в погребении № 2 кургана № 1 у хут. Штурбины б. Майкопского округа (раскопки 1899 г.);⁴ они же были встречены в большом количестве в погребениях №№ 1 и 2 кургана № 1 и в погребении № 2 кургана № 2 у б. ст. Царской⁵ и т. д.

Подвески из раковин. В качестве предметов украшения раковины применялись как в целом, так и в сильно переработанном виде.

В погребении № 8 на тазовых костях детского скелета находились три обработанные створки раковин *Pectunculus* sp. с отверстиями для подвешивания и со спиленными зубчиками по краю (табл. II, 1—3). Отверстия сделаны в замочной части раковин по три на каж-

¹ М. Макаренко, ук. соч., стр. 51—52.

² В. В. Гольмстен, ук. соч., стр. 10, рис. 13.

³ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшавы, 1892, стр. 10, табл. VI, рис. 3. Определение вида животного дано по рисунку.

⁴ ОАК, за 1899 г., стр. 42.

⁵ ОАК за 1898 г., стр. 35 и 38.

¹ М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 3.

дой створке. На одной из створок после поломки отверстий было просверлено четвертое небольшое, расположенное рядом с центральным, но несколько выше. На поверхности створок имеются следы красной краски.

По указаниям сотрудника Института нефти Академии Наук СССР А. Г. Эберзина, производившего определения раковин, этот вид моллюска во время существования могильника мог встречаться на Северном Кавказе только в ископаемом состоянии. Судя же по степени сохранности найденных экземпляров, А. Г. Эберзин полагает, что местом их происхождения является Средиземноморье.

Раковины того же вида были найдены в погребении у с. Криволучье-Ивановка б. Самарского округа. В нем обнаружены четыре створки, у которых также оказались сплюснутыми зубчики по краю, просверлены отверстия, но в отличие от раковины из Нальчикского могильника поверхность раковин из Криволучья была заполирована.¹ Насколько можно судить по изображениям, так как определений в работе не имеется, такие же раковины встречались и в погребениях Мариупольского могильника.²

Бусы. Бусы, встреченные в могильниках, можно по материалу разбить на 3 группы: каменные, пастовые и бусы из раковин.

Каменные бусы изготовлены из белого мрамора, гешира-гагата, змеевика, сердолика и яшмы и некоторых иных пород камня.

Мраморные бусы, встреченные в погребении № 41, имеют различную форму. Преобладающими по количеству (18 экз.) являются цилиндрические, характерной особенностью которых являются их воронкообразные отверстия (табл. IV, 7 и рис. 32, 5—6). Обрезка бус произведена неправильно, в результате чего они по большей части имеют в поперечном сечении трапециевидную форму. Грани краев довольно резкие. Поверхность заполирована. Диаметр этого рода бус от 1.0 до 1.4 см, толщина 0.3—0.9 см.

Остальные 3 мраморные бусы этого же погребения отличаются от описанных большей величиной и формой. Первая из них боченкообразная, длиной 2.3 см и диаметром 1.1 см (табл. IV, 5). Вторая круглая, плоская, с округлыми гранями, имеет наибольший диаметр 1.8 см, а толщину 1.35 см (табл. IV, 6). Третья буса имеет, подобно первым 18, цилиндрическую форму, еще более небрежно косо срезаемым краем, но отличается от них своей величиной (табл. IV, 4).

Там же, в погребении № 41, найдены бусы из камня зеленоватого цвета различных тоналностей (змеевик) в количестве 11 экземпляров. По форме они круглые, плоские, с округлыми гранями (табл. IV, 9). Поверхность чрезвычай-

но хорошо заполирована. Грани сильно стерты. Диаметры их 1.3—0.8 см, толщина 0.2—0.6 см. Лишь две из них (табл. IV, 10—11) имеют четко выраженные грани и меньшую по сравнению с остальными величину, отличаясь к тому же и своим сероватым оттенком и подтреугольной формой в поперечном сечении. Диаметр их 0.7 см, наибольшая толщина 4 см.

Часть бус была найдена в различных местах среди костей скелета и вблизи них, 14 же лежали в ненарушенном порядке, расположенными в ряд над правой ключицей, являясь остатками ожерелья.

В том же погребении № 41 вместе с мраморными бусами была встречена довольно крупная буса черного цвета с хорошо заполированной поверхностью, изготовленная из гешира. Круглая в плане, она вследствие косо срезаемых концов имеет трапециевидный поперечный профиль (табл. IV, 8). Диаметр ее 1.1 см, наибольшая толщина 0.8 см.

Бусы из гешира были найдены в погребениях Мариупольского могильника,¹ а также «при частной раскопке» кургана в поселке Майском близ г. Нальчика во дворе гр. Фомина. Курган в поселке Майском заключал в себе двойное погребение с трупосожжением, относящееся, судя по инвентарю (серебряная трубочка, такое же височное кольцо, 8 бронзовых бус и 4 глиняных сосуда)² ко II стадии.

В трех погребениях (№ 4, табл. I, 2; № 8, табл. I, 11 и № 83, табл. IV, 16) и в грунте могильника (табл. X, 4) были найдены бусы (частично в обломках) из темносерого, почти черного камня, имеющие цилиндрическую форму. Поверхность их заполирована. Грани большинства четко выражены, за исключением бусы из погребения № 83 (табл. IV, 16), где они мягко округлены, что, повидимому, объясняется иной породой камня, так как и цвет бусы светлее остальных. Диаметр бус 0.2—0.7 см, толщина 0.3—0.6 см.

Также отличная от описанных, найдена в погребении № 86 буса плоская, округлая, черного цвета. Заполированная поверхность бусы имеет небольшие грани. Диаметр бусы 1.3 см, толщина 0.8 см.

В погребении № 4 буса была найдена позади черепа костяка вместе с подвесками из зубов животных и костяным кольцом, составлявшими, видимо, часть ожерелья. В погребении № 8 из 15 встреченных бус 14 находились у лицевых костей захороненного. Бусы погребения № 83 (4 целых и 3 обломка) находились вместе с бусами из раковин около костей пясти левой руки костяка и в области его головы и шеи. В погребении же № 86 буса находилась среди подвесок из просверленных зу-

¹ В. В. Гольмстен, ук. соч., стр. 8.

² М. Макаренко, ук. соч., стр. 40—41, а также табл. XXIV, XLIX и др.

¹ М. Макаренко, ук. соч., стр. 53.

² Хранятся в Нальчикском музее за №№ 526—532/1929.

бов животных, лежавших кучкой близ пяточной кости левой ноги погребенного.

Сердоликовые бусы представлены в найденном материале двумя экземплярами. Одна из них, встреченная в погребении № 31 (табл. II, 9), имеет цилиндрическую форму с округлыми гранями (диаметр 0.8 см), другая же из грунта могильника овальной формы, плоская (табл. II, 8). Наибольший диаметр бусы 1.35 см.

В погребении № 31 находилась и буса из яшмы, имеющая цилиндрическую форму с хорошо выраженными гранями (табл. II, 9). Диаметр бусы 0.7 см.

Сердоликовые бусы были встречены в погребениях Майкопского кургана,¹ в кургане № 6 у ст. Андриюковской,² в кургане № 1 у ст. Псебайской,³ в погребении № 3 кургана № 1⁴ и в кургане № 2 у ст. Новосвободной (б. Царской),⁵ а также в кладе у ст. Старомышастовской.⁶ Две сердоликовые бусы найдены в кургане у с. Соломенка близ г. Нальчика, погребения которого по времени стоят на грани между отмеченными выше ранними погребениями эпохи бронзы Прикубанья и захоронениями так наз. среднекубанской группы.⁷ Шесть сердоликовых бус, хранящихся в Нальчикском музее,⁸ происходят из упоминавшихся выше курганов у сел. Урванского, раскопанных в 1925 г. и содержавших, судя по остальному могильному инвентарю, погребения II стадии.

Бусы из раковин найдены в количестве 18 экземпляров в погребении № 83. Они имеют цилиндрическую форму и при сравнительно небольших колебаниях в диаметре сильно отличаются друг от друга по толщине. Некоторые бусы имеют толщину, не превышающую 0.05 см. Диаметр бус колеблется от 0.5 до 0.75 см. Бусы найдены в области головы и шеи погребенного. Очень большое количество аналогичных бус найдено в Мариупольском могильнике.⁹ Бусы, выпиленные из раковин, встречались и в погребении из Криволучья.¹⁰

Возможно, что круглые плоские бусы из белой массы с блестящей поверхностью (диаметр 1.2—1.7 см, толщина 0.2—0.4 см), найденные при раскопке могильника в 1923 г. М. И. Ермоленко (табл. IX, 3), также изготовлены из раковин.

Бусы из стекловидной пасты были встречены в погребении № 31, находясь в большом количестве в области верхней части туловища захороненного и в меньшем — у костей рук.

Всего было найдено 548 белых и голубых бус и 538 коричневато-красных цилиндрической формы (диаметра 0.3—0.55 см), 48 белых и голубых также цилиндрической формы, имеющих по 3 выступа в виде маленьких конусов, опоясывающих бусу (диаметр 0.5 см), и большое количество обломков тех и других (табл. II, 9).

Для определения способа производства бус и выяснения состава массы, из которой они изготовлены, образцы этих предметов были сданы во II технологическое отделение ГАИМК. Анализу были подвергнуты мелкие цилиндрические бусы: красного, голубого и бледно-голубого цветов, найденные в погребении № 31 (табл. II, 9). Исследование, произведенное научным сотрудником Института М. Ф. Голубцовой, показало, что «все эти сорта бус сильно разрушены, рассыпаются в порошок от простого трения; в соляной кислоте полностью не растворяются; поверхность, отмытая от наслоений, приобретает стекловидный характер. При наблюдаемой в бусах степени разрушения полный количественный анализ не мог дать точного состава первоначальной массы; потому определены лишь важнейшие компоненты красных и голубых бус, дающих характерные черты состава массы, и определен краситель. Бусы бледно-голубого цвета определены лишь качественно, как близкие по составу и сорту к голубым бусам». Состав бус (в %) следующий:

Красные бусы

SiO ₂	89.7
Fe ₂ O ₃	3.85
Al ₂ O ₃	1.75
Потеря при прокаливании	2.9
Щелочи (K ₂ O и Na ₂ O) и CaO специально не определялись, а определены по разности и дают	
всего	1.8
	100

Голубые бусы

SiO ₂	87.8
Fe ₂ O ₃	2.25
Al ₂ O ₃	1.55
CaO	1.9
Потеря при прокаливании	1.7
Краситель Си, качественно найденный, и щелочи (K ₂ O и Na ₂ O) специально не определялись; определены по разности, дали всего	4.8
	100

Большое количество окиси кремния в обоих случаях, характерных для стеклянных масс, указывает на то, что состав бус близок к стеклу, но утверждать, что это были типично стеклянные бусы, нет достаточных оснований в виду того, что масса настолько выщелочена и разрушена, что процент щелочей на много

¹ ОАК за 1897 г., стр. 44, рис. 7, стр. 10.

² ОАК за 1896 г., стр. 54.

³ ОАК за 1895 г., стр. 134, рис. 322.

⁴ ОАК за 1898 г., стр. 34—35.

⁵ ОАК за 1898 г., стр. 38.

⁶ ОАК за 1897 г., стр. 65.

⁷ См. ниже, стр. 193—196.

⁸ Инв. №№ 429/1925 (№№ 10—11).

⁹ М. Макаренко, ук. соч., стр. 49—50, табл. XXI, XXIII, XXIV и др.

¹⁰ В. В. Гольмстен, ук. соч., стр. 8, рис. 13.

ниже процента их, обычного для стеклянных масс.

Наблюдения при обжиге показали, что голубые бусы легче плавятся, что по всей вероятности связано с наличием большого количества плавней, на что отчасти указывает и анализ.

Красителем в голубых бусах является медь, в красных железо. Наиболее вероятным приемом изготовления бус является вытягивание тонких трубочек из стекловидной массы, от которых затем «откусывались» короткие цилиндрики. Это как будто бы подтверждается наличием на некоторых бусах кольцевых вдавленных линий, вероятно, следов какого-то инструмента.

При обсуждении сообщения об этих исследованиях, сделанного М. Ф. Голубцовой на заседании Разряда керамики и стекла технологического отделения ГАИМК, М. В. Фармаковским было отмечено, что «при той степени разрушения объектов, которое наблюдается, утверждать, что эта масса была первоначально стеклом, нельзя; она могла быть близка к египетской пасте».¹

В грунте же могильника были найдены 5 пастовых бус, отличающихся по форме от описанных. Три из них, уплощенные, имеют округлую форму (диаметр 0.5—0.6 см), две длиной 0.8—1.0 см — продолговатую, утолщающуюся к одному из концов (табл. II, 7).

Подобные же бусы встречались и при ранее производившихся раскопках могильника (табл. IX, 5—8).

Весьма своеобразными являются мелкие цилиндрические бусы белого цвета, встреченные в погребении № 86, имеющие диаметр около 0.3 см (табл. II, 5).

Предварительное изучение показало, что материал их не является органическим веществом, что по твердости они превосходят стекло и, при сравнении с керамическими изделиями, их можно приравнять к так наз. каменному товару. К тому же они отличаются тщательностью формовки. Такие же бусы-бисеринки были найдены в могильнике и в 1923 г.

Пастовые бусы известны в погребениях эпохи бронзы в бассейне Дона, на Волге, на Кубани. Для территории самой Кабардино-Балкарии по материалам Нальчикского республиканского музея можно указать несколько мест их находок, а именно: в одном из раскопанных в 1925 г. курганов у сел. Кызбурун III, в кургане, находившемся в степи близ пос. Светловодского, раскопанном в 1928 г., в одном из курганов Кабардинского парка у г. Нальчика, снесенном в 1929 г., наконец, в погребении № 1 кургана № 4, раскопанного Северо-Кавказской экспедицией в том же Кабардинском парке в 1930 г.²

Все указанные четыре комплекса относятся к эпохе развитой бронзы.

Каменная статуэтка. У правой руки мужского костяка, раскопанного М. И. Ермоленко, была найдена сделанная из мерзеля статуэтка, изображающая человека (табл. VIII, 2).¹ Моделировка статуэтки очень грубая. Голова имеет вид шарообразного утолщения, в то время как остальные части статуэтки сильно уплощены. Два округлые выреза на середине ее длины подчеркивают талию фигуры. Руки у статуэтки отсутствуют, ноги не расчленены. При изготовлении статуэтки мастер сделал попытку придать изображению вид сидящего человека, что отчетливо видно при рассмотрении статуэтки в профиль. Слегка дугообразно прогнутая линия спины образует ясно выраженный угол на месте таза. С лицевой стороны резкий перегиб заметен ниже, на месте колен. На нижнем конце статуэтка имеет просверленное круглое отверстие, очевидно служившее для привешивания, подобно верхнепалеолитическим статуэткам, напр., из стоянки у с. Мальта под Иркутском² или из стоянки Петрсфельд в южной Германии.

Глиняные сосуды. Керамика, найденная при раскопке могильника, представлена преимущественно обломками сосудов. Последние залегают в толще могильника беспорядочно, большей частью единичными экземплярами на различных уровнях, глубина которых доходит до 1.9 м от нулевой точки раскопа, но для большинства не превышает 1.3 м.

Обломки сосудов встречаются и при погребениях, находясь почти всегда в чрезвычайно малых количествах, не превышающих десятка, и принадлежат очень часто различным сосудам. Находясь при погребениях, черепки также не имеют какой-либо системы в своем расположении и попадают единицами либо среди костей, либо в грунте, окружающем последние.

Сохранность и правильное расположение костей большинства скелетов, при которых были встречены обломки сосудов, позволяют здесь с полной уверенностью утверждать, что последние попали в абсолютное большинство погребений случайно, а не преднамеренно.

Мы, к сожалению, не располагаем сведениями об условиях местонахождения большинства сосудов, встреченных при раскопках, производившихся в 1923 г., в виду краткости информационной заметки, посвященной итогам этих работ.³

Отмечая, что «около некоторых погребений стояли глиняные сосуды-чашки, короткогорлые небольшие кувшинчики, горшечки с вдавленным в края сосуда тычинным орнаментом,

¹ М. И. Ермоленко, ук. соч., стр. 3.

² М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта. Изв. ГАИМК, вып. 118, ОГИЗ, М.—Л., 1935, рис. 5, 29, 30 и 31.

³ М. И. Ермоленко, ук. соч.

¹ Архив ИИМК, 1930, дело № 41 (протокол № 5 от 12 июня 1930 г. заседания Разряда керамики и стекла, а также приложение № 3 к этому протоколу).

² См. в наст. сборн. статью Б. Е. Дегена, стр. 227.

тонкостенные, из хорошо прожженной глины, небольшие плосечки, обожженные до красно-коричневого цвета»,¹ автор заметки более или менее подробно описывает лишь два таких погребения.²

Первое из них представляло собой «хранилище в виде круглого колодца, обложенного валунами с самого верха кургана до дна его, . . . в нем лежал детский череп 6—8 лет от роду, рядом с ним у черепа стоял маленький глиняный горшочек»; далее следует перечисление всех остальных предметов, найденных при черепе.

Другой случай находки сосуда описан следующим образом: на глубине 98 см был найден костяк, «у фаланг ног которого, а затем выше головы и с восточной стороны костяка. . . лежали по одному детскому черепу, такого же, как выше указано, возраста; за детским черепом, еще восточнее него, стояла маленькая глиняная тонкостенная, хорошо обожженная плосечка в виде круглодонного бокальчика. . .»

Из приведенного описания с очевидностью следует, что первое погребение было впускным, так как «хранилище в виде колодца», являвшееся по существу, вероятно, не чем иным как могильной ямой, было обложено валунами

судов,¹ то мы в настоящее время можем говорить лишь об одном из них, принадлежность которого к погребению несомненна.

Из раскопанного же Северо-Кавказской экспедицией 121 погребения только в двух (№№ 28 и 31) имелось по одному сосуду.

Судя по восстановленным или встреченным целым сосудам, а также учитывая все найденные обломки, можно подразделить керамические находки на несколько групп.

Но прежде чем приступить к описанию отдельных групп, следует отметить, что все керамические изделия изготовлены от руки и отличаются слабым обжигом и небольшими размерами.

Первую группу представляют невысокие сосуды, характерными особенностями которых является превышение их наибольшего диаметра над высотой, отсутствие горловины, загибающийся внутрь край сосуда и наличие небольшой уплощенной ручки (табл. III и VII, 1—2). Диаметр отверстия большинства подобных сосудов больше, чем диаметр дна, и лишь один из них, наиболее приземистый, отличающийся от остальных и своей орнаментацией, является исключением (табл. III, 1). Размеры сосудов (в см) приводятся в табл. 2.

Таблица 2

	Табл. III, 1	Табл. III, 2	Табл. VII, 1	Табл. VII, 2	Табл. VIII, 7	Табл. VIII, 8	Табл. VII, 3	Табл. VII, 4	Табл. VII, 5	Табл. VIII, 4
Высота сосуда	13.5	9.0	9.5	8.5	9.5 ²	7.0	5.5	8.0	8.0	11.0 ²
Диаметр отверстия	12.2—12.5	7.0	11.5	8.5	—	5.5	13.0	9.0	17.5	—
Наибольш. диаметр	20.0	11.2	14.0	12.0	10.5	8.0	—	10.5	19.0	—
Диаметр дна	13.8	6.5	8.5	7.5	5.5	—	6.0	—	7.0	12.0
Толщина стенок	0.6	0.8	0.5	—	0.6	0.6	—	—	—	0.9—1.1
Длина ручки	2.0	1.3	—	—	—	—	—	—	—	—
Ширина ручки	3.8	2.0	2.5	—	2.8	—	—	—	—	—
Толщина ручки	0.7	—	—	—	—	—	—	—	—	—

от самой поверхности могильника. Описание же условий второй находки настолько суммарно, что вызывает массу вопросов. Прежде всего нам неизвестно, в каком месте могильника производились данные раскопки. Вследствие этого указание на глубину находки, как и сама она, повисает в воздухе, так как вопрос о том, велся ли отсчет от поверхности центральной части могильника, т. е. наиболее возвышенной, или же находившейся уже в пределах пола могильника, имеет существенное значение. Затем не указано, на каком именно расстоянии находилась найденная «плосечка» от детского черепа. Все это затрудняет понимание местонахождения сосуда в могильнике и вызывает сомнение в принадлежности его к какому-либо из погребений. А так как всего при раскопках в 1923 г. было найдено 6 со-

Часть сосудов этой группы орнаментирована. Сосуд, находившийся в погребении № 31 у лицевых костей скелета (табл. III, 1), имеет зональный орнамент, располагающийся на верхней части поверхности тулова, начинаясь непосредственно от края и заканчиваясь почти на линии наибольшего диаметра стенок сосуда. Между тремя врезанными линиями располагаются четыре ряда вдавлений в виде косых или прямых клиньев (1-й, 3-й и 4-й ряды) и точек (2-й ряд). На высоте 11.0 см от стенки отходит плоская, вертикально расположенная ручка с выемкой в средней части верхней грани. Наружная поверхность ручки также орнаментирована вдавленными прямостоящими пятью клиньями и точкой под ними. По обеим сторонам основания ручки на стенке сосуда находятся круглые невысокие выпуклости

¹ Там же, стр. 2.² Там же, стр. 1.¹ Там же, стр. 5.² Указывается размер сохранившейся части.

диаметром 0,6 см; одна из них, с левой стороны ручки, отбита вместе с частью стенки, но у края облома ясно заметно начало повышения в данном месте поверхности сосуда. Почти на одинаковом уровне ручки, под нижним фризом клиньев, находятся на равном расстоянии друг от друга 3 группы таких же круглых вышукло-стей, расположенных горизонтально по две в двух группах и по три в третьей, находящейся в промежутке между первой и второй.

Сосуд же, найденный при раскопках в 1923 г. (табл. VII, 1), очень близкий к описанному, имеет лишь один поясок вдавлений, приближающихся по форме также к клиньям, расположенный несколько ниже края сосуда. Ручка же, отходя от стенки под пояском вдавлений, лишь слегка загнута кверху, но имеет ту же выемку на конце, заходящую и на верхнюю поверхность.

У другого сосуда, найденного в 1923 г. (табл. VII, 2), несколько отличающегося от описанных вогнутостью стенок в нижней части тулова, что, впрочем, слегка намечается и у ранее описанного сосуда, а также отсутствием ручки, орнамент тоже располагается на верхней части близ края пояском, состоящим из тех же вдавленных клиньев, но нанесенных более небрежно.

Наконец, последним к этой группе может быть отнесен сосудик, встреченный в погребении № 28, неподалеку от пяточных костей скелета (табл. III, 2). На высоте 6 см от тулова сосуда отходит небольшая горизонтальная, уплощенная ручка, утоншающаяся к концу. В центре наружной поверхности дна имеется знак в виде буквы «Н», выполненный небольшими вдавлениями, расположенными двумя параллельными рядами (4 в одном ряду и 3 в другом), и несколько большим вдавлением, находящимся между последними.

Сосуды этой группы чрезвычайно близки между собой и по характеру выделки и по качеству теста. Структура их черепка отличается зернистостью. Подобное строение отчасти объясняется наличием в тесте мелкозернистого песка. Сам черепок, не являясь особенно крепким, обладает сравнительно большой твердостью. Поверхность сосудов редко бывает хорошо заглаженной. Цвет изделий этой группы варьирует от серого с желтоватым оттенком до грязновато-коричневого с охряным, причем не всегда бывает ровного тона на всей поверхности сосуда.

В заключении Института исторической технологии ГАИМК, производившего анализы керамических материалов из раскопок Северо-Кавказской экспедиции, отмечается, что сосуд из погребения № 31 (табл. III, 1), содержащий в своей толще много кварца, сделан из относительно огнеупорной глины и обожжен при температуре около 950°. Сосуд же из погребения № 28 (табл. III, 2), по видимому, не был в употреблении.

К сосудам отмеченных качеств принадлежала довольно значительная часть черепков, найденных при раскопке кургана. Толщина их колеблется между 0,6 — 0,8 см.

Сосуды этого типа были встречены в могильниках горного Кавказа, в частности в Дигории, еще в XIX столетии.

Прежде всего, следует указать на некоторые сосуды из Кумбулты, издавшие П. С. Уваровой.¹ Те же заглубляющиеся внутрь срезающие края, небольшие ручки, превышение диаметра отверстия над сравнительно небольшой высотой, наковец, тот же орнамент, располагающийся или пояском, состоящим из вдавлений, или в виде свисающих фестонов из вдавленных узких клиньев. Наличие небольших рядом стоящих вышукло-стей, соединенных по две или по три вместе, лишь усугубляет сходство этих сосудов с нашими.

Примерно те же пропорции и элементы формы, тот же орнамент и те же качества выделки имеются у некоторых сосудов, происходящих из могильника близ сел. Донифарс.² Это сходство было уже учтено и самой Уваровой, сравнивавшей эти сосуды с сосудами из Кумбулты.

Обладая специфическими, только им присущими технологическими и формальными особенностями архаического характера, отмеченные сосуды Кумбулты и Донифарса представляют собой особую керамическую группу, резко отличающуюся от всех остальных сосудов, найденных в этих же могильниках.

К тому же в погребениях Донифарса и Кумбулты встречаются металлические и каменные предметы (навершия булав, ножи листовидной формы с черенком, некоторая часть украшений), имеющие аналогии в материале, относящемся к концу II стадии, из Нальчикских курганов.

При учете этих явлений вполне правомочно возникают предположения о совпадении наиболее ранней даты этих могильников с временным диапазоном II стадии и о принадлежности к этому времени сосудов архаического характера.

Данные обстоятельства и позволяют нам сравнивать столь отдаленные местонахождения, как Донифарс, Кумбулта и Нальчик, тем более, что и для территории самой Кабардино-Балкарии ближайшие аналогии к сосудам из описываемого нами могильника мы находим в погребениях, относящихся также ко времени II стадии. Так напр. в кургане № 4, находящемся в местности «садки» у г. Нальчика и раскопанном Северо-Кавказской экспедицией в 1929 г., в погребении № 4 был встречен сосуд, близкий по форме к описанному нами сосуду

¹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Матер. по археол. Кавказа, вып. VIII, М., 1900, стр. 231, табл. XCIX, рис. 4—7.

² Там же, стр. 208—209, табл. LXXXV, рис. 11—12.

из погребения № 28.¹ В кургане № 2 в той же местности среди могильного инвентаря погребения № 1 находился сосудик с ушками.² Наконеч, орнаментация небольшими наклепными округлыми выпуклостями также весьма характерна для сосудов II стадии, найденных близ г. Нальчика.³

Близким по форме и технике изготовления и аналогичным по тесту к описанной группе глиняных изделий является сосуд, встреченный в грунте насыпи на небольшой глубине от поверхности могильника (табл. VIII, 7). Отсутствие краевой части сосуда не позволяет нам полностью восстановить его форму, которая, вероятнее всего, приближалась к сосуду погребения № 28. Отличительной чертой этого сосуда, заставившей нас, главным образом, выделить его из предшествовавшей группы, является наличие небольшой плоской ручки в виде петли, имеющей ширину в 2,8 см и отходящей от тела сосуда на высоте 5,5 и 8,5 см (середина ручки выломана и отсутствует).

Некоторые из отмечавшихся нами сосудов Донифарса и Кумбулты также имеют по одной петельчатой ручке. Но у них, в отличие от нашего сосуда, ручка находится у самого края, имея весьма несовершенный вид, так как представляет собой простой, слабо оформленный наклеп комка глины с проткнутым отверстием.

Несколько иной тип представляет собой сосуд, найденный при раскопках в 1923 г., изображенный на табл. VII, 4. Отличительными признаками его формы являются более выпрямленные в верхней части и округленные в нижней бока, скрадывающие плоскость дна, и намечающийся путем легкого отгиба наружу края венчик. Небольшая наклепная ручка со слегка косо расположенным вертикальным отверстием отходит от стенки в верхней части тулова и заостряется к концу. Формально отличный от вышеописанных, этот сосуд может быть функционально подобен им, и с ним его роднят качество теста, характер обжига и близкие пропорции.

Более лучшей выделкой и обжигом выделяются небольшие сосуды, обломки которых весьма часто встречались в грунте могильника и из которых только один удалось реставрировать почти полностью (табл. VIII, 8). Все они имели большие размеры, округлое, приземистое тулово и довольно хорошо выраженное горло, со слегка отогнутым наружу краем. Судя по восстановленному экземпляру, эти сосуды имели ручку, о форме которой мы, к сожалению, ничего сказать не можем.

Тесто сосудов этого типа отличается большей плотностью и, как уже было сказано, луч-

шим обжигом, имея в своем составе мелкие зерна в виде блестящих точек.

Лишь в одном случае были встречены обломки стенок сосуда аналогичного качества, толщина которых содержит в себе мелкозернистый песок. К тому же эти обломки, в противоположность всем остальным, обладают ровной, хорошо заглаженной поверхностью светлокоричневого цвета с розоватым оттенком, в изломе и с внутренней поверхности оранжевого цвета. Некоторые же из них, являющиеся частями перегиба от стенок к горлу, имеют на наружной поверхности две врезанные параллельные линии, опоясывавшие, повидимому, верхнюю часть сосуда.

Характерной особенностью черепков этого рода является покрытие их известковым налетом.

При раскопке могильника в 1923 г. был найден фрагментированный сосудик типа плошки (табл. VII, 3).¹ Прямые стенки сосуда широко расходятся кверху от небольшого поддона. От частично сохранившегося края отходят небольшие округленные выступы, объединенные в три группы. В двух из них, расположенных у излома, находятся в одной 3, а в другой 5 выступов. Между ними, несколько ближе к первой из указанных групп, находится группа также из 3 выступов.

Черепок сосуда по своим качествам близок к выделенной нами первой группе керамических изделий.

Ближайшей аналогией к этому сосуду является плошечка, найденная в Кабардинском парке г. Нальчика («садки»), при сносе курганов в 1929 г.,² несколько иной, но по существу близкой формы. Эта плошка имеет также округленные выступы по краю, объединенные в три группы.³ В двух группах — по три выступа, в третьей — два. Цвет сосуда грязно-охряной, более темный на нижней части поверхности. Там же, при тех же условиях, была найдена аналогичного типа плошка больших размеров, но не имеющая выступов на крае и несколько отличающаяся слегка выпуклыми стенками.⁴

Миски, повидимому этой же формы, встречались в дольменах западного Кавказа. «Большая часть дольменных сосудов, — пишет Фелицын, — имеет вид небольших открытых плоских чашек с прямыми или несколько покатыми боками; изредка встречаются большие

¹ См. в наст. сборн. статью Б. Е. Дегена, стр. 230, табл. VIII, 2.

² Там же, стр. 220, табл. IV, 2.

³ Там же, стр. 247, табл. IV, 2; VII, 1 и др.

¹ Хранится в Нальчикском музее (№ 120/1923); повидимому, относится ко второму из погребений, вскрытых М. И. Ермоленко, описание которых приведено нами на стр. 99 настоящего сборника.

² См. в наст. сборн. статью Б. Е. Дегена, стр. 233, табл. XIII, 8.

³ Хранится в Нальчикском музее (№ 266/1929); высота 3,95 см, диаметр отверстия 6,7 см, диаметр дна 3,5 см.

⁴ Хранится в Нальчикском музее (№ 266/1929); высота 5,0 см, диаметр отверстия 10,5 см, диаметр дна 4,5 см.

плоские чашки в виде блюд; некоторые маленькие чашечки имеют крышечки». ¹ В подтверждение этих слов Фелицын приводит единственное изображение одной из таких чашек, форма которой почти повторяет форму находок в Кабардинском парке. ²

Также совершенно особый тип сосуда представляет собой миска, найденная при раскопках могильника в 1923 г. (табл. VII, 5). Округлые в верхней своей части стенки этого сосуда, имея слегка загнутый внутрь край, по мере перехода ко дну становятся почти прямыми, а у самого дна — вогнутыми. В одном месте от верхней части стенки отходят три косых параллельных друг другу выступа в виде валиков, заканчивающихся у края сосуда. Поверхность сосуда довольно хорошо заглажена.

Близкая по пропорциям миска была найдена в 1930 г. при раскопках Северо-Кавказской экспедицией кургана № 2, находящегося в «садках» у г. Нальчика, в погребении № 4. В отличие от происходящей из могильника, эта миска выступов не имеет, но обладает двумя ручками в виде ушек, расположенными у края горизонтально, на близком расстоянии друг от друга, и имеющими по одному вертикальному отверстию. ³

Редким исключением среди керамического материала, встреченного при раскопках могильника, является нижняя часть грубого сосуда, найденная в обломках на глубине 2-го штыка (табл. VIII, 4). Довольно небрежно сформованные стенки отличаются своей толщиной, что объясняется большими размерами сосуда, к которому принадлежал этот фрагмент, превышающими размеры других глиняных изделий, а также грубостью самого теста. Наружная поверхность стенок обработана в виде рядов параллельных вдавленных полос, идущих сверху вниз в различных направлениях. Заглаживанию была подвергнута и внутренняя поверхность сохранившейся части сосуда, но там оно менее резко выражено. Тесто сосуда с примесью мелкого песка очень грубое, пористое. Черепок слабого обжига имеет черный цвет в изломе и темнокоричневый на поверхности.

Подобный прием обработки наружной поверхности в декоративных целях, возникший, повидимому, из обычного заглаживания стенок травой или подобным ей материалом, оставлявшим на поверхности свои отпечатки, можно наблюдать и на некоторых сосудах, происходящих из курганных погребений эпохи бронзы на территории Кубани. Мы уже не говорим о всей степной части северного Причерноморья, где этот прием имел широкое приме-

нение в керамическом производстве того же времени.

К сожалению, мы лишены возможности полностью восстановить форму сосудов этого типа. Обломков, подобных описанному фрагменту, которые смогли бы дополнить его, встречено не было. Остальные же черепки, близкие по своим технологическим свойствам, также не дают представления о целом. Из немногочисленных находок этой группы керамики следует отметить еще один обломок нижней части сосуда, имевшего меньшие размеры по сравнению с предыдущим, и обломки венчиков, украшенные врезанной лопаточкой линией по краю.

Наконец, к последней группе керамики могут быть отнесены обломки сосудов, резко отличающиеся от всех описанных как качествами своего теста, так и цветом. Все они, будучи различной плотности, имеют в основном оранжевый цвет. Внутренняя поверхность некоторых из них серого или черного цвета, другие серого цвета в изломе; но такие исключения крайне ничтожны. Тесто почти всех фрагментов этого рода почти лишено примесей, и лишь немногие из них имеют в своей массе чаще мелко-, реже крупнозернистый песок, а тонкостенные — мелкие зерна слюды.

Недостаточный обжиг большинства сосудов этой группы дал очень рыхлый, ярко-оранжевого цвета, сильно пачкающий черепок с разрушившейся к настоящему времени поверхностью, причем такие отрицательные свойства наблюдаются, главным образом, у черепков, принадлежавших, судя по их толщине, к большим сосудам. К ним же, по всей вероятности, относится и найденный в засыпи могильника обломок ручки, овальный в сечении (диаметр в средней части 2,5×3 см) и утончающийся к одному из концов. В эту же категорию входит и обломок (толщиной в 2 см), повидимому, очень большого толстостенного сосуда.

Незначительные же сравнительно по толщине черепки, принадлежавшие, вероятно, мисочкам, подтверждением чему служит находка краевой части одной из них, имеющей толщину в 0,5—0,7 см., обожжены значительно лучше и являются более твердыми и темными по цвету. На поверхности одного из таких черепков имеется небольшая овальная в плане выпуклость, возможно являющаяся частью орнамента.

Встреченные в двух экземплярах обломки венчиков сосудов этого качества настолько малы, что установить их вертикальное положение не представляется возможным. Один из них прямой со слегка отогнутым наружу краем, другой утолщающийся от края, причем внутренняя поверхность его выпуклая, а наружная вогнутая.

Данные Института исторической технологии ГАИМК, производившего анализ одного из

¹ Е. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, вып. IX, М., 1904, стр. 35.

² Там же, рис. 20.

³ См. в наст. сборн. статью Б. Е. Деген-Ковалевского, стр. 219, табл. V, 1.

таких черепков, говорят, что для изготовления керамики этого рода бралась железистая глина низкого качества с включениями. Температура обжига была ниже 870° (от 600°). В одном из своих заключений указанный Институт выдвинул не лишнее интереса предположение о возможности использования одного и того же местонахождения глины для изготовления некоторой части керамики, найденной при раскопке кургана № 2 в Кабардинском парке,¹ и описанной нами. Но технологический процесс самого изготовления был различен; керамика из кургана № 2 лучше по обжигу (температура обжига не ниже 870°) и степени сохранности.

Особой разновидностью этой группы глиняных изделий являлись сосуды, черепок которых, будучи темнокоричневого, почти шоколадного цвета и не отличаясь также хорошим качеством обжига, имеет настолько плотно и ровно заглаженные поверхности, что на первый взгляд можно принять это как результат специального лощения. Вообще среди добытого раскопками материала мы имеем образцы лощения керамики, но они представлены всего лишь двумя черепками. Один из них интересен еще и тем, что на его поверхности имеется часть линейного орнамента, исполненного в нарезной технике, в виде вписанных друг в друга углов или треугольников (табл. VIII, 3). Этот черепок выделяется среди остальных также твердостью, крепостью и лучшим обжигом, имея в толще примесь мелкозернистого песка и маленьких зерен слюды. Цвет его с наружной поверхности коричневый, с внутренней — серый, в изломе — черный. Толщина 0,6 см.

Описанной группе керамических фрагментов, за исключением выделенных в конце описания, имеющих темнокоричневый цвет, чрезвычайно близки по цвету и структуре черепка сосуды оранжево-красного цвета из наиболее древних культурных комплексов (слой III) Долинского поселения у г. Нальчика. Обломок же венчика миски и по форме находит себе там полное подобие.²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из предшествовавшего описания могильника и встреченных в нем вещественных материалов с очевидностью явствует, что составлявшие его погребальные комплексы не являются одновременными.

Об этом прежде всего свидетельствуют стратиграфические данные. Во-первых, как уже отмечалось, неоднократно наблюдалось перекрытие одного погребения другим, причем в местах наибольшего скопления погребенных прослеживалось до трех залегающих один над

другим костяков (напр., №№ 97—99). Помимо этого явления, на разновременность захоронений указывают разрушения погребений, произведенные при последующих захоронениях в данных участках, и, в частности, устройство могильной ямы на месте более ранней, утратившей вследствие этого свою первоначальную форму. О том же самом говорят и могильные ямы, перерезающие как верхний горизонт могильника, так и слои, содержащие захоронения.

Показателем разновременности погребений является и наблюдаемая разница в способах захоронения. В основном выделяются два типа. Первый, наиболее ранний, представлен костяками, лежащими по линии В—З (иногда с небольшими отклонениями), главным образом, на правом или левом боку, с подогнутыми ногами, с вытянутыми или слегка согнутыми в локтях руками (иногда слегка согнута только одна рука, а другая вытянута), окрашенными красной краской.

Второй тип захоронения отличается от первого ориентировкой погребения, имеющей направление С—Ю, а также более сильной скорченностью ног погребенного в коленных и тазовых суставах, столь же сильной согнутостью рук в локтях¹ и, кроме того, менее интенсивной окраской. Второй тип захоронений выступает перед нами как позднейший, ибо представляющие его погребения перекрывают погребения более ранние и имеют в своем инвентаре предметы более позднего происхождения.

Те же различия в положении погребенных, обусловленные разновременностью захоронений последних, наблюдаются и в курганах эпохи бронзы причерноморских степей. Так, напр., ориентировка на В и СВ свойственна наиболее ранним погребениям эпохи бронзы на Дону и Волге (I стадия — «ямные погребения»), тогда как ориентировка более поздних тяготеет к Ю и С (II стадия — «катакомбные» и «срубные погребения»). В районе Кубани ориентировка на Ю характерна для погребений древнейших курганов (Майкоп, Новосвободная). С другой стороны, окрашенность погребений красной краской также наиболее интенсивна на ранних этапах эпохи бронзы, а в более позднее время становится слабее. Сильная скорченность и положение рук у лица опять-таки являются чертами позднего обряда, характерными для первого периода II стадии эпохи бронзы степной полосы («катакомбные погребения»)².

При обзоре инвентаря погребений разновременность последних становится еще более ясной.

¹ Иногда кисти рук находятся у лицевых костей черепа.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей восточной Европы. Изв. ГАИМК, вып. 119, 1935, стр. 43.

¹ См. в наст. сборн. статью Б. Е. Дегена, стр. 273—275.

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, рис. 27 и табл. VIII, 8 и 10.

Прежде всего следует отметить, что почти все металлические поделки и пастовые бусы, а также керамика и бусы из сердолика входят в инвентарь только поздних комплексов, установленных нами стратиграфически и по положению погребенного, а каменные браслеты — в инвентарь ранних. Некоторым исключением в данном случае могут быть медное колечко, согнутое из проволоки, и белый бисер, встреченные в погребении № 86, которое по всем выдвинутым нами признакам можно считать ранним. Но отмечавшиеся уже своеобразии этого бисера, резко различающее его с обычными бусами из пасты, а также архаичный тип колечка не позволяют нам считать местонахождение этих предметов в ряду ранних погребений бесспорным исключением.

Ближайшей аналогией Нальчикского могильника в пределах юга СССР является могильник у г. Мариуполя, имеющий ряд общих черт и в обряде погребения и в характере погребального инвентаря.

В отличие от других ранних могильных комплексов, Мариупольский могильник совершенно не имел курганной насыпи; погребения были встречены в грунте, и к моменту раскопок наружные признаки их отсутствовали. Отмеченный в отношении Нальчикского могильника факт неравномерного распределения захоронений по площади могильника и связанная с этим группировка погребений имели место и в данном случае.

В Мариупольском могильнике между местами скопления человеческих скелетов имеются участки, на которых захоронения отсутствуют. Как в Нальчикском могильнике, так и в могильнике у Мариуполя, в местах наибольшего скопления человеческих остовов замечено перекрытие одних скелетов другими. В Мариупольском могильнике были прослежены три яруса таких захоронений. И в том и в другом могильнике был отмечен факт наличия противоположных ориентировок. В Мариупольском могильнике скелеты были ориентированы головами на восток или на запад. Нальчикский могильник, в целом, отличается меньшей устойчивостью в отношении ориентировки погребенных, но в пределах того или иного скопления мы здесь имеем определенную ориентировку, как, напр., восток и запад, север и юг.

Общие черты имеются и в погребальном инвентаре. И в том и в другом могильниках были встречены: подвески из просверленных зубов животных, пластины из клыков кабана, бусы из раковин и гешира, просверленные створки морских раковин, шлифовальный камень и другие предметы.

В каком же хронологическом соотношении находятся эти два могильника? Анализ обряда погребения и инвентаря позволяет основные захоронения Мариупольского могильника датировать более ранним временем. В отличие от

исследованных в Нальчике, здесь отсутствуют вещи, изготовленные из металла, нет глиняных сосудов и бус из пасты. При сравнении кремневых изделий того и другого могильника необходимо отметить в Мариупольском могильнике, одновременно с архаичностью форм, более развитой характер техники их изготовления. В частности, можно отметить наличие среди кремневого инвентаря Мариупольского могильника группы орудий микролитического типа и техники. Характерно, что в Мариупольском могильнике кремневые орудия встречались в значительном количестве в погребениях, в то время как в Нальчикском могильнике основная масса поделок из кремня была найдена в насыти могил, а, следовательно, и отношение их к данному памятнику может вызвать некоторые сомнения.

Как показатель большей архаичности Мариупольского могильника в сравнении с Нальчикским мы склонны рассматривать и устойчивость погребального обряда, нашедшую свое выражение в однородности ориентировки и положения погребенных. Чрезвычайно существенным моментом, по нашему мнению, является факт частичного разрушения одного из древних погребений Мариупольского могильника впускным захоронением. Впускное захоронение отличается от основной массы погребений могильника тем, что скелет здесь лежит не в вытянутом, а в скорченном положении. Характер могильного инвентаря этого погребения, имея существенные черты отличия от вещей основных погребений могильника, все же может быть сближаем с ними, так как ряд предметов представляет собой лишь вариант тех типов, которые появились во время древнейших захоронений.

Эта генетическая связь, прослеживаемая между вытянутыми и скорченными захоронениями, указывает на то, что для данного района наличие скорченности является показателем более поздних погребений. Аналогичное же явление, но не так ясно выраженное, имеет место и в районах Донца и Волги. Здесь, среди древнейших захоронений, были обнаружены костяки, лежащие на спине в вытянутом положении, или же на спине, но с подогнутыми ногами. Для более позднего времени этот обряд положения покойников не характерен; обычным для них является положение на боку с сильно скорченными ногами. Возможно, что и этот факт может быть использован в качестве свидетельства о более раннем возрасте Мариупольского могильника, так как все погребения, раскопанные в Нальчикском могильнике, в тех случаях, когда сохранность костей позволила установить положение погребенных, являются скорченными. Неоднократно наблюдавшийся при раскопках Нальчикского могильника обряд положения покойников на спине с подогнутыми кверху ногами следует рассматривать как хронологически

промежуточный между обрядами положения в вытянутом и скорченном виде.

Применительно к памятникам Кабардино-Балкарии Нальчикский могильник стоит между Агубековским и Долинским поселениями. Терки из вулканического туфа, подобные найденной в могильнике, известны в обоих указанных поселениях. В данном случае является важным и отмеченное уже нами в Нальчикском могильнике значительное преобладание кремневых поделок и отщепов над обсидиановыми, что характерно для Долинского поселения и чуждо для Агубековского. В то же время охотничий тип хозяйства погребенных, устанавливаемый на основе костного материала животных, встреченного в могильнике, и могильного инвентаря, о чем будет сказано ниже, будучи близким к общему хозяйственному облику Агубековского поселения, не позволяет чрезмерно расширять верхний временный предел основных захоронений.

Однако вряд ли можно предположить, что период, охватывавший время основных захоронений, был длительным. Этому противоречит сравнительно незначительное количество погребений, если считать могильник местом захоронения членов одной какой-либо общественной группы.

Неолитический возраст основных погребений Нальчикского могильника подтверждается наличием каменных браслетов. Аналогии последним дают лишь две находки: в местности Тетрамица у Кутаиси и у с. Криволучье на Волге. Первая находка, безусловно, относится к периоду неолита, а вторая не выводит нас за пределы начала эпохи бронзы. Известные в центральной Европе подобные браслеты характерны для поздненеолитических могильников типа Ресенского, многие предметы которых (мраморные бусы, подвески из просверленных зубов животных и пр.) аналогичны части инвентаря Нальчикского могильника.

Все эти данные позволяют нам датировать ранние погребения Нальчикского могильника в общих чертах второй половиной III тысячелетия до н. э.

Наиболее ярким примером поздних захоронений может служить погребение № 31. При костяке, лежавшем в скорченном положении на правом боку, головой на север, были найдены: разнообразные пастовые бусы, бусы из сердолика и яшмы, медные конусовидные поделки и височные кольца, просверленные клыки оленя, раковинки, отщепы кремня и орнаментированный глиняный сосуд. Погребение это выделяется как более позднее по своей ориентировке, а целый ряд вещей, как мы уже показали при обзоре погребального инвентаря, может быть сближаем с аналогичными предметами из погребений Северного Кавказа. Рассмотрим приведенные аналогии с целью более точно определить время наиболее поздних захоронений Нальчикского мо-

гильника. Сердоликовые бусы в районе Прикубанья известны лишь в древнейших погребениях типа раскопанных в Майкопе и у ст. Новосвободной и пока не встречены в погребениях последующего периода. Однако это обстоятельство не может служить опорой для датировки, так как в пределах Кабардино-Балкарии комплексов с сердоликовыми бусами, точно зафиксированных, не известно. Сердоликовые бусы, найденные в кургане у с. Соломенка, не поддаются увязке с остальным инвентарем кургана и в равной степени могут относиться как к инвентарю основных погребений, синхроничным раскопанным у ст. Новосвободной, так и к составу впускного захоронения с вещами, типичными для курганов среднекубанской группы. Сердоликовые бусы из с. Урванского также были найдены случайно при раскопке курганов местными жителями. Здесь необходимо отметить, что среди поступивших в Нальчикский музей вещей из этих курганов нет ни одного предмета, который можно было бы датировать временем более ранним, чем второй период, по А. В. Шмидту.¹ Тем же временем определяются и погребения с пастовыми бусами, найденные при раскопках в окрестностях Нальчика. Медные конусовидные подвески, вполне аналогичные нашим, встречены лишь в тех же курганах у с. Урванского, из которых происходят и сердоликовые бусы. Височные кольца, наиболее приближающиеся к найденному в погребении № 31, обнаружены лишь в одном погребении у ст. Андриюковской с вещами, типичными также для второго периода. Мы не имеем никаких оснований для датировки более ранним временем и найденного в данном погребении глиняного сосуда. Сосуды аналогичной формы и техники имеются среди инвентаря могильников у сел. Кумбулта и Донифарс в Дигории. К сожалению, и здесь точные сведения об условиях находки интересующих нас предметов отсутствуют. Можно лишь указать, что наиболее ранние вещи этих могильников (кинжалы листовидной формы, булавки, каменные навершия булав, кремневые вкладыши в серпы) относятся ко времени второй стадии и находят себе аналогии среди инвентаря погребений второго периода для Кубани.

Таким образом, основная масса находок рассматриваемого нами погребения позволяет прийти к выводу о том, что оно относится ко времени II стадии и даже не к начальному ее периоду, а скорее всего входит в круг памятников Кабардино-Пятигорского района, хронологически сближаемый с курганами среднекубанской группы.

Несмотря на то, что рассмотренное нами погребение отделено значительным промежут-

¹ А. В. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV; стр. 9—21.

ком времени от наиболее ранних захоронений могильника, оно все же имеет с ними и некоторые черты сходства, отличаясь тем самым большей архаичностью от других погребений того же периода. В состав инвентаря этого погребения входят такие предметы, как просверленные зубы оленя и отщепы кремня, типичные для ранних захоронений могильника.

Оторванность рассмотренного погребения от основной массы захоронений Нальчикского могильника во времени и взаимосвязанность его с ними в отдельных элементах инвентаря позволяют ставить вопрос о наличии в могильнике впускных захоронений, имеющих отдаленную генетическую связь с основными.

Остеологический материал могильника свидетельствует о значительной архаичности, по крайней мере, ритуально-надстроечных представлений из области животного мира. Вся представленная в определенных костных остатках фауна может быть охарактеризована как типичная охотничья добыча. Бесспорными в последнем отношении породами являются: олень благородный (*Cervus elaphus maral* Ogilby), вепрь (*Sus scrofa L. ferus*), лисица (*Vulpes vulpes*), медведь бурый (*Ursus arctos L.*). Формальные сомнения можно было бы высказать по поводу костных остатков (зубов) быка (*Bos sp.?*), козла или барана (*Capra* или *Ovis sp.?*) и кошки (*Felis sp.?*), поскольку эти роды могут быть представлены и дикими и домашними формами. Однако самый характер костных остатков — в могильнике встречены только зубы, большей частью обработанные как подвески, черепа и рога — вряд ли оставляет место сомнению. Наличие в составе погребальных комплексов именно этих частей меньше всего может рассматриваться как свидетельство об обряде положения пищи, но вызвано определенными идеологическими представлениями и, скорее всего, сигнализирует о культовой роли тех или иных животных. Такой состав костных остатков никак не типичен для скотоводческого общества и, наоборот, чрезвычайно характерен для охотничьего. И в этом отношении Нальчикский могильник также сближается с могильником у Мариуполя, в котором кости животных найдены только в виде подвесок или иных украшений и который не дает вовсе никаких следов одомашнения животных. Пережитки же отдельных форм — подвески из медвежьих зубов, просверленные и непроверленные кабаньи клыки и пр., нередко встречающиеся в кавказских могильниках всех времен, — засвидетельствованы этнографией в быту многих народов Кавказа в виде «амулетов»,¹ повидимому, охотничьей значимости. Существенным обстоятельством

является то, что приведенные выше «сомнительные» роды (*Bos*, *Ovis*, *Capra*) достаточно широко представлены в современной, а тем более в древней фауне Кавказа и во все времена служили объектом охоты. *Bos priscus*, или *Bison priscus* (зубр), последние экземпляры которого на Северном Кавказе около 1923 г., дает, напр., около 60% костных остатков мустьерской стоянки у ст. Ильской,¹ а память о нем крепко запечатлелась в представлении осетин, балкар и карачаев о чудовищном легендарном быке «домбай» или «доммай». Род *Ovis* (баран) представлен в настоящее время лишь одним видом — *Ovis orientalis* Gmel.,² но неотличимый от него по зубам род *Capra* (козел) включает четыре разновидности туров³ и безоарового козла (*Capra aegagrus* Gmel.).⁴ Последний вид, по многим данным, является и одним из родоначальников домашней,⁵ а тем более кавказской козы, которая в свою очередь скрещивается с туром (*Capra cylindri cornis* Blyth), что засвидетельствовано и этнографическими материалами в той же Балкарии⁶ и опытами Нальчикского зоосада. Принадлежность зубов рода *Bos* очень крупному экземпляру является весьма важным показателем в свете общеизвестного положения, что древние породы или расы домашнего скота рост имели небольшой,⁷ что подкрепляется и остеологическими документами, при всей их незначительности, из древнейших слоев Долинского селища, где мы встречаем уже бесспорно домашнюю корову и притом малорослую.⁸ Не приходится скидывать с учета и то обстоятельство, что типичный горский скот Балкарии и, вообще, Центрального Кавказа, дающий основания считать его весьма архаичным, характеризуется также весьма незначительными примерами. Таким образом и в данном случае отнесение костных остатков быка в могильнике к какой-либо породе домашнего скота составило бы большую натяжку, нежели к крупной форме диких быков — вышеуказанного зубра (*Bos priscus*) или быка-тура (*Bos primigenius*), ископаемые кости которого можно видеть в Нальчикском музее.

¹ С. Н. Замятин. Итоги по исследованию Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II междунар. конф. Асс. по изуч. четверт. периода Европы, вып. 5, 1934.

² К. А. Сатунин. Список млекопитающих, найденных до сих пор в пределах Кавказского края. Зап. Кавк. отд. Геогр. общ., XXIV, вып. 2, стр. 63, № 128.

³ Н. Я. Динник. Звери Кавказа, ч. I и II. Зап. Кавк. отд. Геогр. общ., XXVII, вып. 1—2, стр. 168.

⁴ К. А. Сатунин, ук. соч., стр. 62, № 124.

⁵ O. Keller. Die antike Tierwelt. Leipzig, 1909, I, стр. 296 сл.

⁶ Сообщено Б. Е. Деген-Ковалевским по полевым материалам 1932 г.

⁷ O. Keller, ук. соч., I, стр. 338.

⁸ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 192.

¹ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), XLVI, стр. 203—204, 209.

Совокупность же всех фаунистических данных изучаемого могильника, как в отношении состава фауны, так и характера поделок, проще и убедительнее всего определяет эти остатки как результат охотничьего промысла; предположение же о наличии в это время одомашненных прирученных животных, даже с учетом отставания похоронного ритуала от синхронных хозяйственных форм, можно было бы защищать лишь с позиций положения о местном одомашнении этих животных на местном фаунистическом субстрате — положение большой исторической значимости, но пока ни в какой мере не доказанное.

Нам кажется, что мы не ошибемся, если подчеркнем особую значимость в представлении изучаемого общества двух животных — кабана и оленя. Напомним, что в двух погребениях были обнаружены целые черепа кабанов, а также в ряде могил встречены подвески из кабаньих клыков. По всей вероятности, не случайным является тот факт, что именно на обработанном кабаньем клыке нанесены изображения двух змей. Говорить о том, что кабаньи клыки в данном случае были использованы лишь как наиболее подходящий поделочный материал, и, тем самым, отрицать органическую, смысловую связанность между предметом и нанесенным на нем изображением, было бы неправильно. Подтверждением этого может служить факт изображения змеи на бронзовых клыках Казбекского клада.¹

Следует отметить, что особая культовая значимость кабана вырисовывается и по материалам Мариупольского могильника. Клыки были найдены попарно на черепахах, составляя часть головного убора, на шее и на груди. Встречено также большое количество пластинок, вырезанных из клыков и составляющих, по всей вероятности, поясные наборы. Н. Е. Макаренко предполагает, что найденные в могильнике две фигурки животных, вырезанные из кости, изображают свинью или кабана. Но даже если отбросить последнее предположение, которое нам кажется недостаточно доказанным, обилие украшений из кабаньих клыков выделяет это животное и подчеркивает его культовую роль.

Существенным обстоятельством является факт отсутствия поделок из клыков кабана в более поздних захоронениях Предкавказья и в районе причерноморских степей, — факт, подтверждающий правильность выделения Нальчикского и Мариупольского могильников в особую, наиболее раннюю группу памятников.

Нельзя не вспомнить в данной теме лингвистического анализа Н. Я. Марра соответствующего термина в кавказских языках «мегр. *ker* или *geḡ*; сван. *ker*, который означает не только «свинью», но «божество», «святы-

ню», в то же время этнический термин, основа племенного названия керкетов».¹

Олень представлен в погребальных комплексах многочисленными просверленными зубами, а также обломками рогов. Если клыки кабана характерны только для таких ранних памятников, как Нальчикский и Мариупольский могильники, то наличие просверленных зубов оленя в более поздних комплексах, как, напр., в погребениях у ст. Новосвободной или у хут. Штурбины, указывает на длительность бытования культовых представлений, связанных с этим животным. Можно упомянуть о трактовке широко распространенных медных подвесок из более поздних курганов Северного Кавказа как подражания подвескам из резцов молодого оленя.² Не приходится забывать о ведущей роли оленя среди обильных изображений животных в памятниках «кобанского» круга и в скифском искусстве, пережиточное значение которых для данных эпох исчерпывающе разъясняется материалистическим учением о языке.³

Отсутствие излишков и удовлетворение технических и бытовых нужд местными материалами — эти черты, характерные для примитивных охотничьих обществ, — нашли свое отражение в вещественных комплексах могильника. Однообразие в инвентаре наиболее ранних погребений подчеркивает неразвитость характера и структуры общества того времени. Лишь в более поздней группе погребений мы имеем предметы, несомненно поступившие в результате обмена: таковы пастовые и сердоликовые бусы и, возможно, металлические изделия.⁴

У нас нет пока данных для полного и точного суждения о социальной структуре общества, оставившего Нальчикский могильник. Неясным остается и вопрос о выявленных как в Нальчикском, так и в Мариупольском могильнике группировках захоронений и их общем распределении, несомненно отражающих каким-то образом определенные общественные отношения того времени. Некоторое значение в определении относительного хронологического и стадийного предела существования могильника имеют коллективные захоронения. В настоящее время может считаться доказанным, что совместные захоронения мужчи-

¹ Н. Я. Марр. Термин „скиф“. Яфет. сборн., I, 1922, стр. 131. — Он же. О религиозных верованиях абхазов. Христ. Вост., т. IV, вып. 1, стр. 132. — Он же. Яфетические зори на украинском хуторе. Уч. зап. Инст. этногр. и нац. культур. народов Востока, т. I, М., 1930, *passim*.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Сборн. „Из ист. древн. металлургии Кавказа“, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 99.

³ Особенно: Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории. Лгр., 1926, стр. 26—35 (и многие другие исследования Н. Я. Марра).

⁴ О первоначальном появлении металла на Сев. Кавказе, путем импорта извне, см.: А. А. Иессен, ук. соч., стр. 81—82.

¹ *Museum Caucasicum*, V, Тифлис, 1902, табл. II.

ны и женщины следует рассматривать как признак, характеризующий эпоху становления и развития патриархальных отношений. Среди погребений Нальчикского могильника имеются четыре парных захоронения взрослых; однако, три из них (№№ 1, 20—21, 70—71) не могут рассматриваться как древние захоронения, так как имеют ориентировку, несвойственную древнейшей группе могил, а четвертое (№№ 60 и 61) может вызвать сомнение в коллективности, потому что один из костяков оказался разрушенным. Другая же группа парных захоронений, рассматриваемых нами как погребения женщин с детьми (№№ 65, 82 и 97), наоборот, отмечает ранний этап в развитии социальной организации, будучи типичной для эпохи материнского рода.

В то же время нам кажется возможным высказать в качестве рабочей гипотезы предположение о том, что захоронение большинства детей на правом боку, свойственное погребениям мужчин, свидетельствует, может быть, о патрилокальной форме брака.

В конце этих кратких замечаний мы хотели бы еще раз отметить, что значение издаваемых материалов заключается прежде всего в том, что они совершенно определенным образом ставят Нальчикский могильник в цепь памятников, отражающих последовательные стадии общественного развития на территории центрального Предкавказья. Притом он в этой цепи становится одним из первых звеньев,

уступая по времени, повидимому, одному только Агубековскому поселению. Нужно помнить, что нальчикская группа памятников эпохи родового общества является пока первой на Северном Кавказе, к систематическому изучению которой приступлено; с другой стороны, даже отдельных, разрозненных памятников соответствующей стадии в остальных районах Северного Кавказа мы, можно сказать, не знаем совершенно.

Наконец, переходя к более широкому окружению изучаемого района, мы должны установить, что только в самые последние годы, примерно одновременно с работами в Нальчике, были обнаружены такие в общем синхронные с ним памятники, как Мариупольский могильник и Криволучская находка.

При таком положении, когда результатом раскопок является новый материал, он, естественным образом, ставит гораздо больше вопросов, чем возможно при его помощи разрешить.

Поэтому в заключение следует выразить пожелание о дальнейшем изучении наиболее ранних памятников эпохи родового общества в Кабардино-Балкарии, так как накопление новых наблюдений несомненно представит чрезвычайно большой интерес не только с узко местной точки зрения, но и для всего дела восстановления истории доклассового общества на Кавказе и в степной полосе СССР.

ПЕРЕЧЕНЬ ИНВЕНТАРЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ¹

№№ п/п.	№№ погр.	Наименование находок	Колич.	№№ рис. и табл.	Коллекц. номера	Примечание
1	1а	Фрагмент пластинки кремневой с ретушью	1	4	140/2	
2	1а	Обломок стенки глиняного сосуда	1	—	140/1	
3	1б	Осколок кремня	1	—	140/3	
4	2	Зуб суслика	1	—	140/184	
5	4	Обломки колец костяных	9	7, 5 и I, 3	140/35—43	От 4 колец
6	4	Просверленные клыки оленя	5	7, 4 и I, 1	140/31—34	
7	4	" " лисы	13	7, 1 и I, 5	140/115—127	
8	4	" резцы козы или овцы	12	7, 2 и I, 4	140/45—49, 51—57	
9	4	Буса каменная цилиндрическая, черного цвета	1	7, 3 и I, 2	140/50	
10	8	Раковины (<i>Pectunculus</i> sp.) просверленные	3	8, 4 и II, 1—3	140/101—103	
11	8	Кольца костяные	8	8, 1 и I, 6	140/104—109, 111, 113	
12	8	Обломки колец костяных	2	—	140/110, 112	
13	8	Резцы козы или овцы просверленные	24	8, 2 и I, 9, 10	140/128, 137, 138—139,	13 фрагментиро- ванных
14	8	Клыки лисы просверленные	3	8, 2 и I, 7	148—154, 156, 158, 160—161, 173—176, 182	
15	8	Клыки оленя просверленные	5	8, 5 и I, 8	140/168—172	
16	8	Бусы каменные цилиндрической формы черного цвета и их обломки	15	8, 3 и I, 11	140/162	
17	8	Гальки маленькие	4	—	140/163—166	
18	8	Клык кошки просверленный	1	8, 2 и I, 7	140/183	
19	10	Череп кабана	1	—	—	На 10 см ниже погребения
20	11	Отщепы кремня	2	—	—	
21	11	Осколки кремня	1	—	80/231—232	
22	11	Обломок глиняного сосуда	1	—	80/233	
23	17	Отщеп кремня	1	—	80/229	
24	18	Обломки глиняных сосудов	2	—	80/215 80/278—279	Несколько выше костей
25	11	Отщеп кремня	1	—	—	
26	19	Раковинка (<i>Buliminus</i> sp.)	1	—	80/276	
27	19	Обломок венчика орнаментированного глиняного сосуда	1	—	80/227 80/226	
28	19	Отщеп кремня	1	—	80/225	
29	23	Фрагмент пластинки кремня	1	—	80/218	
30	24	Пластинка кремневая	1	—	140/185	
31	25	Кусочки мела	—	—	—	
32	26	То же	—	—	—	
33	27	Отщеп кремня	1	—	—	
34	28	Осколок кремня	1	—	} 80/188	
35	28	Отщепы кремня	3	—		
36	28	Сосуд глиняный	1	III, 2	80/187	Частично фраг- ментированный
37	29	Зуб коренной быка	1	—	80/291	
38	30	Отщепы кремня	2	—	—	
39	31	Сосуд глиняный орнаментированный	1	III, 1	80/200—201	Фрагментирован- ный
40	31	Подвески медные конусообразные	2	25, 2 и IV, 2	80/202—203	
41	31	Подвески медные в виде не замкнутых овальных колец	2	25, 3 и IV, 3	80/204	Фрагментирован- ные
42	31	Клыки оленя просверленные	10	25, 1 и IV, 1	80/205	5 фрагментиро- ванных
43	31	Раковинка (<i>Helix</i> sp.)	1	—	} 80/206	
44	31	Раковинки (<i>Buliminus</i> sp.)	5	—		
45	31	Уголек	1	—	80/207	
46	31	Осколки и отщепы кремня	7	—	80/208	
47	31	Бусы пастовые цилиндрические белого и голу- бого цвета	548	25, 4 и II, 9	80/209	Обломки бус 80/214
48	31	Бусы пастовые цилиндрические коричневато- красного цвета	538	25, 4 и II, 9	80/210	
49	31	Бусы пастовые цилиндрические с тремя рожками, белого и голубого цвета	48	25, 4 и II, 9	80/211	

¹ Все предметы, отмеченные в настоящем перечне, переданы на хранение в Отдел истории культуры и искусства доклассового общества Государственного Эрмитажа.

№№ п/п.	№№ погр.	Наименование находок	Колич.	№№ рис.	Коллекц. номера	Примечание
50	31	Буса круглая сердоликовая	1	25, 4 и II, 9	80/212	
51	31	„ цилиндрическая ящмовая	1	25, 4 и II, 9	80/213	
52	32	Отщепы кремня	2	—	80/292	
53	35	Фрагмент кремневой пластинки	1	—	80/313	
54	36	Пластинка из дентины кабаньего клыка с двумя дырочками на концах	1	27 и II, 4	80/275	
55	37a	Череп кабана	1	—	—	Близ костей
56	41	Отщепы кремня	2	—	80/210	
57	41	Буса мраморная боченкообразная, белого цвета	1	32, 7 и IV, 5	80/211	
58	41	„ „ круглая плоская, „ „	1	32, 9 и IV, 6	80/272	
59	41	„ „ цилиндрическая, „ „	1	32, 8 и IV, 4	80/267	
60	37a	Бусы мраморные небольшие цилиндрические, белого цвета	18	32, 5—6 и IV, 7	80/212—216, 250—251, 253, 256— 258, 260, 262—263, 265, 269— 270, 273	
61	37a	Бусы каменные (змеевик-серпентин) плоские круглые, темнозеленого и темносерого цвета	11	32, 1, 3—4 и IV, 9—10	80/247—249, 252, 254, 255, 259, 261, 266, 268, 271	
62	37a	Буса каменная (гагат-гешир) круглая, трапециевидная в профиле, черного цвета	1	32, 2 и IV, 8	80/264	
63	44	Отщеп кремня	1	—	80/299	
64	46	Браслет каменный	1	34 и V, 9	80/306	
65	46	Отщеп кремня	1	—	—	
66	49	„ „ „ „	3	—	80/122—124	
67	53	Пластинка из клыка кабана с выгравированным орнаментом	1	38, 1 и IV, 12	80/92	
68	53	Клыки оленя просверленные	4	38, 2 и IV, 13—14	80/93—96	1 фрагментированный
69	57	Отщеп кремня	1	—	80/129	
70	60	То же	1	—	80/110	
71	60	Фрагмент кремневой пластинки	1	—	80/109	
72	62	Отщеп кремня	1	—	—	
73	65a	Отщепы кремня	2	—	80/168	
74	65a	Поделка из кости в виде уплощенного стержня с утолщением на конце	1	IV, 23	80/169	
75	66	Гальки	2	—	—	
76	66	Зубы быка коренные	4	—	80/47	
77	66	Обломок венчика глиняного сосуда	1	—	80/48	
78	66	Отщеп кремня	1	—	80/49	
79	67	Отщепы кремня	3	—	80/76—77	Под костями } Вблизи костей
80	67	Фрагмент глиняного сосуда	1	—	80/74	
81	67	Зуб быка коренной (обломок)	1	—	80/75	
82	70	Обломок стенки глиняного сосуда	1	—	80/151	
83	71	Отщеп кремня	1	—	80/150	
84	71	Обломок стенки глиняного сосуда	1	—	80/151	
85	72	Раковинка	1	—	80/160	
86	74	Кусочки мела	6	—	80/51	
87	74	Обломок стенки глиняного сосуда	1	—	80/52	
88	75	Отщеп кремня	1	—	80/170	
89	76	Кусок мела	1	—	—	
90	77	Отщепы кремня	3	—	80/73	
91	77	Зуб быка коренной (обломок)	1	—	80/70	
92	79	Обломки стенки глиняного сосуда	2	—	80/332-a	
93	82a	Отщеп кремня	1	—	—	
94	83	Браслет каменный	1	49, 3 и V, 11	80/180	
95	83	Отщепы кремня	2	—	80/174	Частично фрагментированные
96	83	Резцы быка просверленные	5	49, 1 и IV, 15	80/175—179	
97	83	Бусы каменные цилиндрические, черного цвета	2	—	} 80/173	
98	83	Буса каменная цилиндрическая, белого цвета	1	—		
99	83	„ „ „ „ серого „	1	49, 2		

Продолжение

№№ п/п.	№№ погр.	Наименование находок	Коллич.	№№ рис.	Коллекц. номера	Примечание
100	83	Обломки бус каменных цилиндрических, черного цвета	3	—	80/173	3 фрагментированных 14 фрагментированных
101	83	Бусы из раковин цилиндрические	12	49, 2 и II, 6		
102	83	Обломки бус из раковин цилиндрических	6	—		
103	86	Браслеты каменные (мергель)	2	54, 10 и V, 7—8	80/316—317	
104	86	Фрагмент кремневой пластины	1	—	80/319	
105	86	Обломок венчика глиняного сосуда	1	—	80/320	
106	86	Бусы мелкие цилиндрические, белого цвета	—	54, 7 и II, 5	80/321	
107	86	Клыки оленя просверленные	16	54, 1—2 и IV, 22	80/315	
108	86	Резцы быка	31	54, 3—5 и IV, 21, 22, 24		
109	86	Пронизь костяная цилиндрическая	1	54, 8 и IV, 20		
110	86	Подвески каменные из обломков браслетов	2	54, 9 и IV, 18—19	80/315	
111	86	Буса каменная цилиндрическая плоская, черного цвета	1	54, 6 и IV, 17		80/315
112	88	Обломок стенки глиняного сосуда	1	—	80/101	
113	89	Отщеп кремня	1	—	—	
114	89	Кусочек мела	1	—	—	
115	90	Гальки	—	—	—	
116	91	Мелкие обломки глиняной обмазки	3	—	80/156	Среди костей } При разборке костей
117	91	Зуб коренной быка	1	—	80/155	
118	92	Пластина кремневая с ретушью	1	56	80/158	
119	93	Обломок стенки глиняного сосуда	1	—	80/164	
120	93	Фрагмент кремневой пластинки	1	—	80/165	
121	104	Отщеп кремня	1	—	—	
122	106	То же	1	—	—	
123	109	Пластина кремневая с ретушью	1	62	140/328	
124	110	Пластины кремневые фрагмент.	1	—	—	
125	111	Кусок мела	1	—	—	
126	111	Зуб быка коренной	1	—	140/9	
127	115	Осколок кремня	1	—	140/11	
128	117	Кусочки мела	—	—	—	
129	117	Осколок кремня	1	—	140/17	
130	118	Кусочки мела	—	—	—	
131	119	То же	—	—	—	
132	120	„	—	—	—	

В грунте
У черепа
В грунте
В грунте

Le cimetière ancien de Nalčik

(Résumé)

Le cimetière ancien de Nalčik se trouve près de l'hôpital. Son territoire est aujourd'hui entièrement occupé par des constructions. Il représentait une légère éminence (0.35 m de hauteur maximum) en forme de cercle irrégulier.

En 1923, lorsque son emplacement était encore libre de constructions et couvert de jardins potagers, on y mit au jour en creusant un fossé des ossements humains, des tessons et des objets en pierre et en os. Les fouilles entreprises par le directeur du Musée régional Kabardino-Balkarien amenèrent la découverte de 26 sépultures. Ces travaux, qui laissaient à désirer au point de vue de leur exécution, ont fourni un matériel intéressant d'aspect fort archaïque, entre autres une statuette féminine en pierre et une extrémité de massue également en pierre.

En 1929—1930, le cimetière fut exploré par la mission Nord-Caucasienne de l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle. Le matériel obtenu au cours des fouilles a été remis au Musée Kabardino-Balkarien (Nalčik) et au musée de l'Ermitage (Leningrad). Les travaux consistaient en une large fouille graduellement approfondie, avec fixation des trouvailles par carrés numérotés. Ils ont dégagé au cours de deux ans une surface de 258 m² (y compris l'achèvement de la fouille de 1923), sur laquelle on a mis au jour 121 sépultures (fig. 1).

Les sépultures se trouvaient dans une couche de sable argileux et en partie de cailloutis, à des niveaux divers. Les fosses mortuaires n'étaient pas apparentes. Dans un seul cas, on a pu fixer les contours de la fosse, qui mesurait 1.60 m de longueur sur 0.95 m de largeur (dans sa partie moyenne).

Dans la majorité des sépultures (80), les ossements ou le sol étaient colorés en rouge avec du colcotar, qu'on rencontre dans les alentours de Nalčik.

Les squelettes étaient dans l'attitude ramassée, couchés sur le flanc droit ou gauche; plus rarement ils reposaient sur le dos, les jambes repliées et tournées de côté; dans cinq cas, ils étaient couchés sur la poitrine. Leur orientation n'était pas uniforme; la position E—W et N—S prédominait.

Le sexe des morts n'a pu être déterminé que dans 19 cas, en raison de la mauvaise conservation des os. On a constaté que la majeure partie des sépultures féminines renfermait des squelettes dans la posture repliée tandis que les squelettes d'hommes étaient surtout couchés sur le flanc droit. En même temps, les premiers présentaient souvent une orienta-

tion diamétralement opposée à celle des seconds. Pareille différence de position et d'orientation entre les squelettes masculins et féminins s'observe dans les cimetières de l'époque du bronze dans les steppes de l'Europe orientale ainsi que dans le cimetière de Mariupol, très proche de celui de Nalčik, mais probablement un peu plus ancien.

La plupart des squelettes d'enfants étaient couchés comme ceux des hommes, c'est-à-dire sur le côté droit.

Les sépultures étaient inégalement distribuées sur la surface fouillée. Certains squelettes étaient groupés ensemble, chacun de ces groupes montrant une orientation déterminée des squelettes. La profondeur variable à laquelle gisaient ces squelettes et les cas de superposition d'une sépulture à une autre indiquent que les sépultures de ces groupes n'étaient pas de même date. Il se peut que chaque groupe avait son petit tertre particulier, qui à la longue s'est confondu avec les autres en une éminence commune.

De toutes les sépultures étudiées, 8 seulement peuvent être reconnues comme collectives, dont 4 renferment chacune deux squelettes d'adultes et les 4 autres un squelette d'adulte et un squelette d'enfant chaque.

Les trouvailles d'objets sont peu nombreuses. La moitié des sépultures fouillées était dépourvue de tout mobilier. Tous les objets recueillis dans les sépultures ou dans le sol du cimetière ont un cachet fort archaïque.

Parmi les instruments de pierre, on constate une prépondérance marquée du silex sur l'obsidienne, ce qui les distingue de ceux de la station d'Agubekovo.

On a rencontré comme instruments en silex des lames retouchées, des grattoirs, un perçoir et une pointe de flèche (fig. 63, 64, pl. XI); en outre, on a trouvé des nucléus et une grande quantité d'éclats de silex. Dans quelques sépultures on a découvert des bracelets en pierre (marne) aux bras des morts (pl. V et VI).

Les objets métalliques ont été rencontrés en nombre insignifiant. Une sépulture renfermait un petit anneau de cuivre, une autre des pendoques en forme de cône faites en feuille de cuivre (fig. 21).

La matière ordinairement employée pour la confection des objets était, outre la pierre, l'os. On a rencontré des anneaux en os découpés dans les os longs des animaux (fig. 7, pl. I, 3 et 6). Il existe aussi des lames provenant de défenses de sanglier. L'une des lames en os est ornée d'une gravure représentant apparemment deux serpents (pl. IV, 12).

A côté de perles en pierre (marbre, serpentine), en pâte et en coquillages, on a trouvé un grand nombre de pendeloques en dent d'animaux divers: canines de cerf (*Cervus elaphus*), dents de sanglier (*Sus scrofa ferus*), canines de renard (*Vulpes vulpes*) et d'ours, dents de taureau (peut-être d'aurochs), de chèvre et de chat (pl. I, II, IV, IX). En outre, on a trouvé des fragments de bois de cerf (pl. X) et de crâne de sanglier.

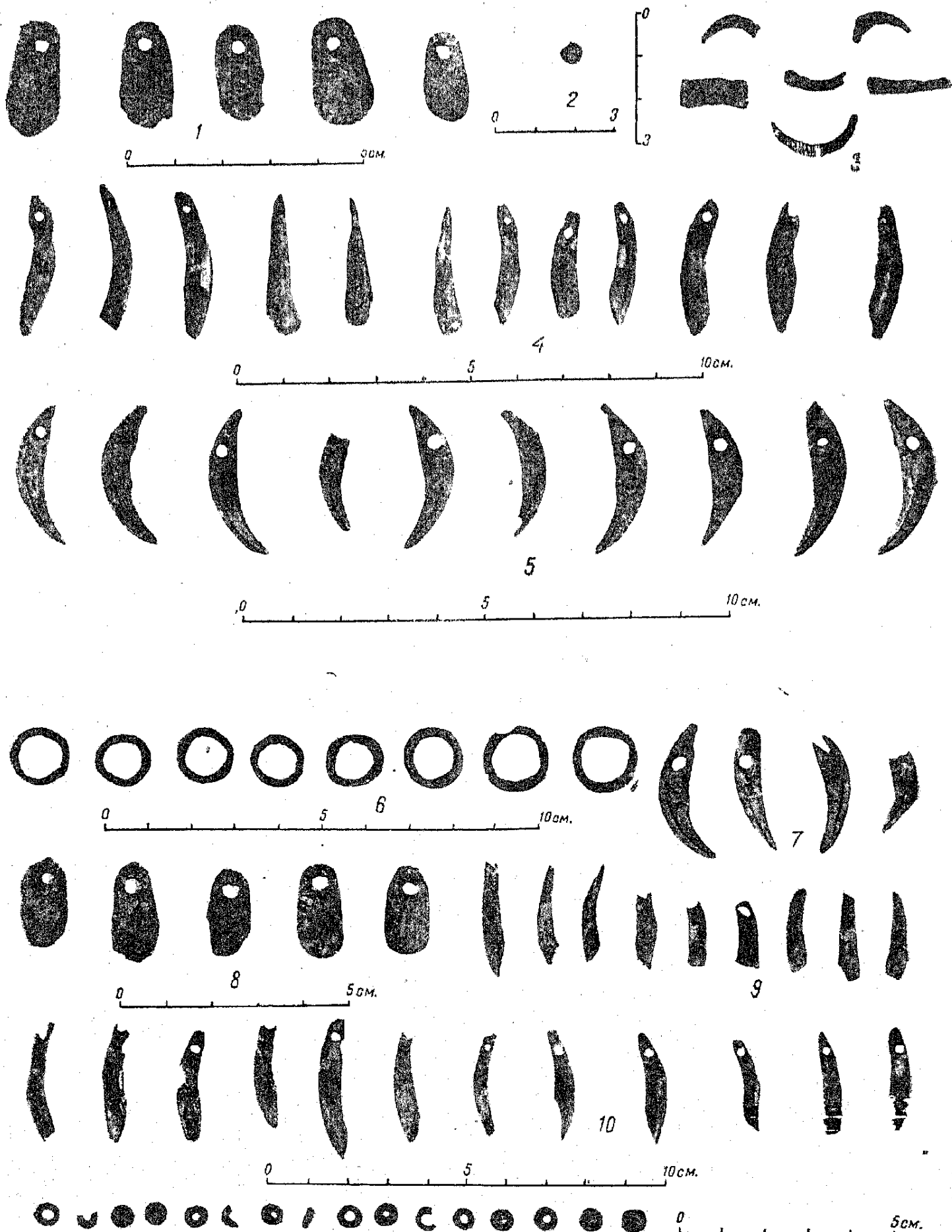
La majeure partie des restes d'os d'animaux se rapporte donc à des bêtes sauvages (il n'a pas été possible d'établir si les dents de taureau, de chèvre et de chat appartenaient à des races sauvages ou domestiques) qui étaient l'objet de la chasse et avaient un rapport avec les cultes de chasse si caractéristiques pour la religion des premières étapes du développement de la société.

Une partie importante des fragments de poterie a été rencontrée dans le sol du cimetière et ne peut être reliée étroitement avec les sépultures fouillées. Dans un seul cas, un vase à ornement en creux a été trouvé dans le complexe funéraire, mais ce complexe est incontestablement plus récent que la plupart des sépultures (pl. III I).

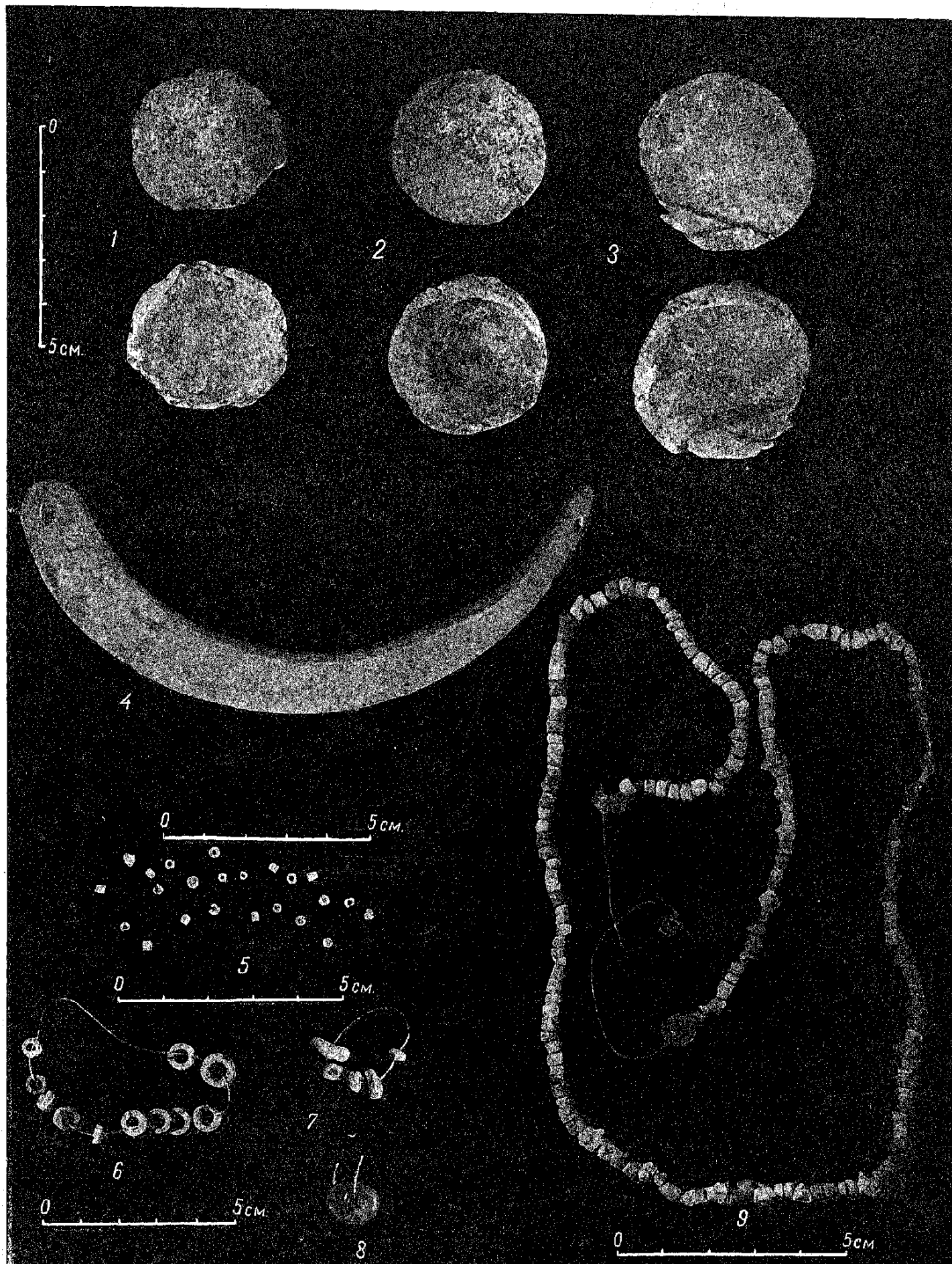
L'analyse du matériel fourni par les fouilles

du cimetière de Nalčik a permis d'y reconnaître deux groupes de sépultures d'âge différent. Au premier groupe, le plus ancien, se rapportent les sépultures dont les squelettes sont orientés E—W (avec parfois un léger écart) et sont couchés sur le flanc droit ou gauche, les jambes repliées et les bras allongés (parfois un bras replié au coude). Le sol et les os y sont d'ordinaire intensément colorés. Elles sont caractérisées aussi par des bracelets en pierre. Dans la sépulture № 86 on a trouvé également un petit anneau en cuivre. Dans le second groupe, plus récent, l'orientation dominante est N—S. On y observe un repliement plus marqué des jambes et des bras. La coloration du sol et des os est moins intense. Aux sépultures tardives de ce groupe appartient la sépulture № 31, qui renfermait un vase d'argile, des pendeloques coniques et des perles en pâte.

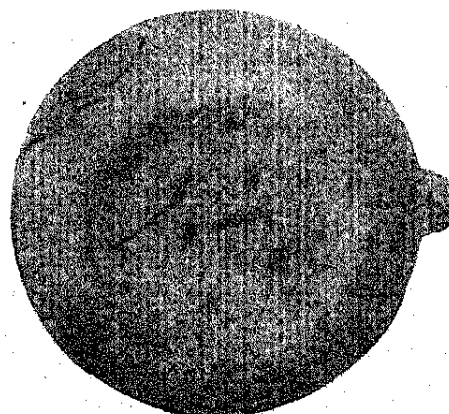
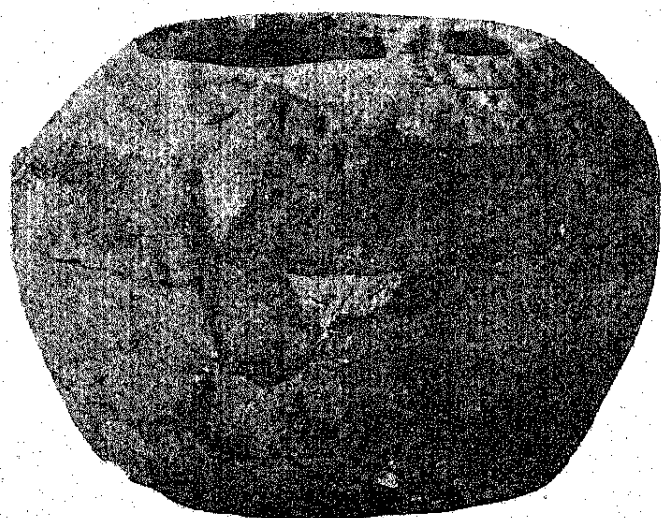
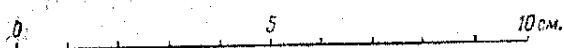
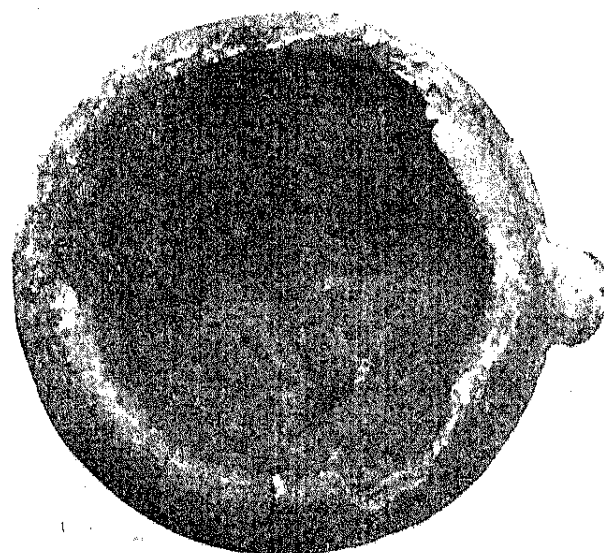
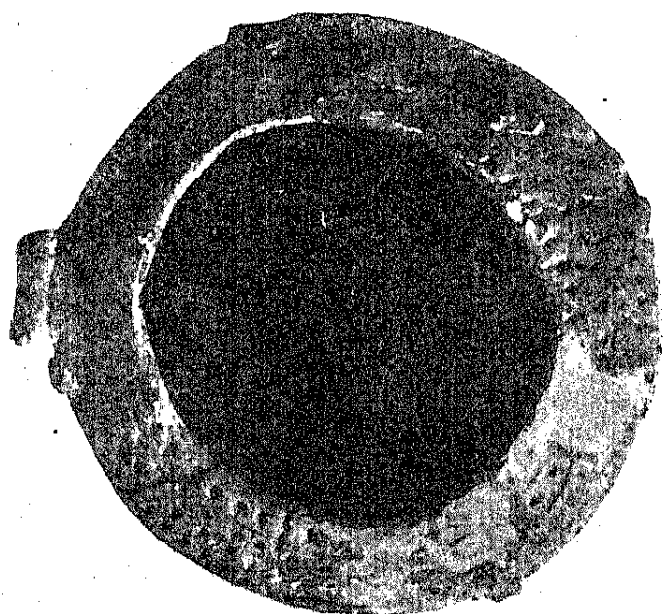
Le cimetière de Nalčik occupe une place en vue parmi les monuments anciens qui caractérisent les premières étapes du développement de la société sur le territoire de la République Soviétique Socialiste Autonome Kabardino-Balkarienne. Le matériel qu'il a fourni le fait ranger dans le I stade de notre schéma, entre les stations d'Agubekovo et de Dolinskij.

1, 4, 5 — подвески из зубов животных (погр. № 4); 2 — каменная бусина (погр. № 4); 3 — обломки костяных колец (погр. № 4); 6 — костяные кольца (погр. № 8); 7—10 — подвески из зубов животных (погр. № 8); 11 — каменные бусы (погр. № 8).

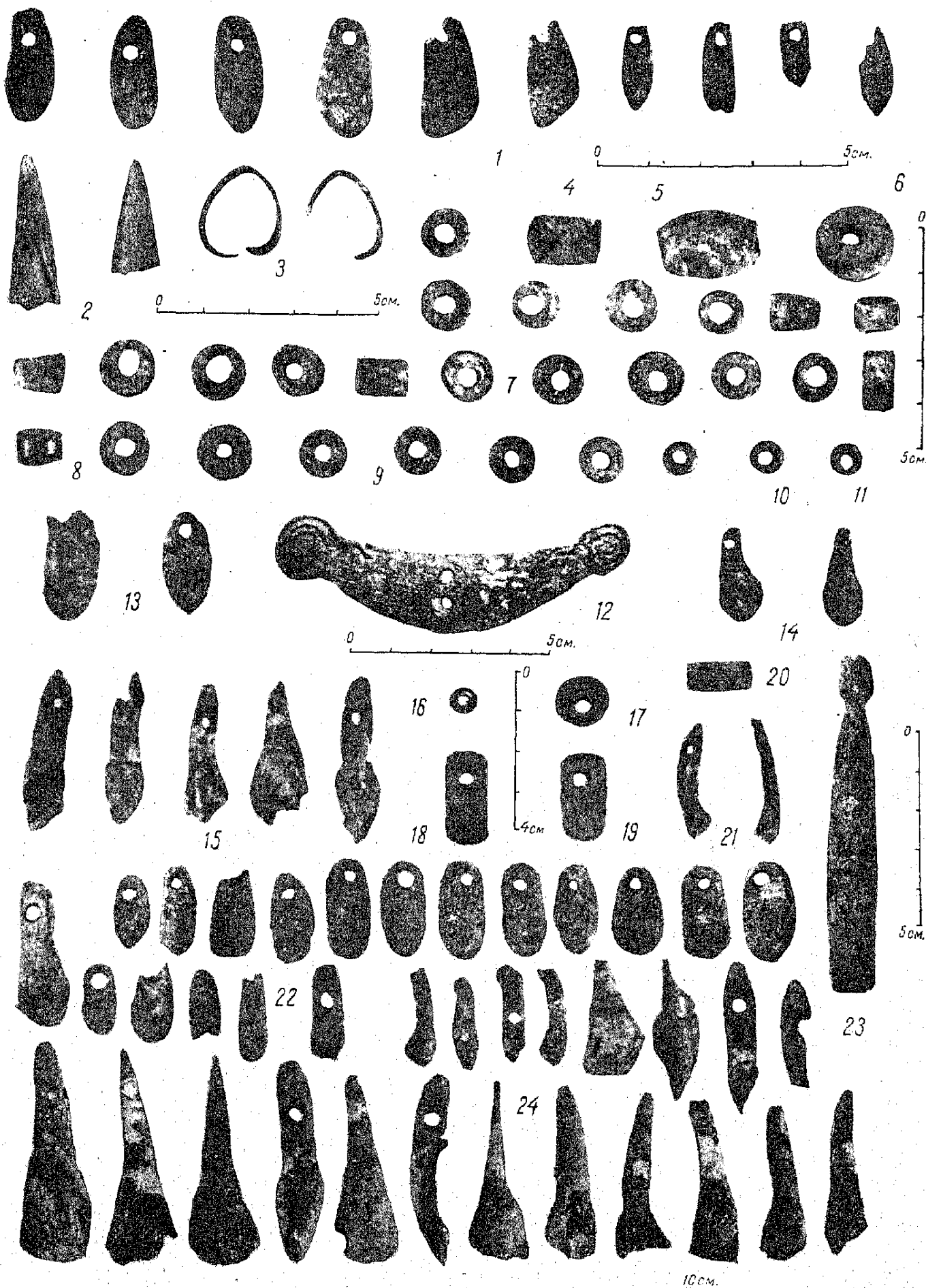
1-3—просверленные раковины (погр. № 3); 4—пластинка из клыка кабана (погр. № 36); 5—бусы из погр. № 86; 6—бусы в погр. № 83; 7, 8—бусы из грунта могильника; 9—бусы из погр. № 31.

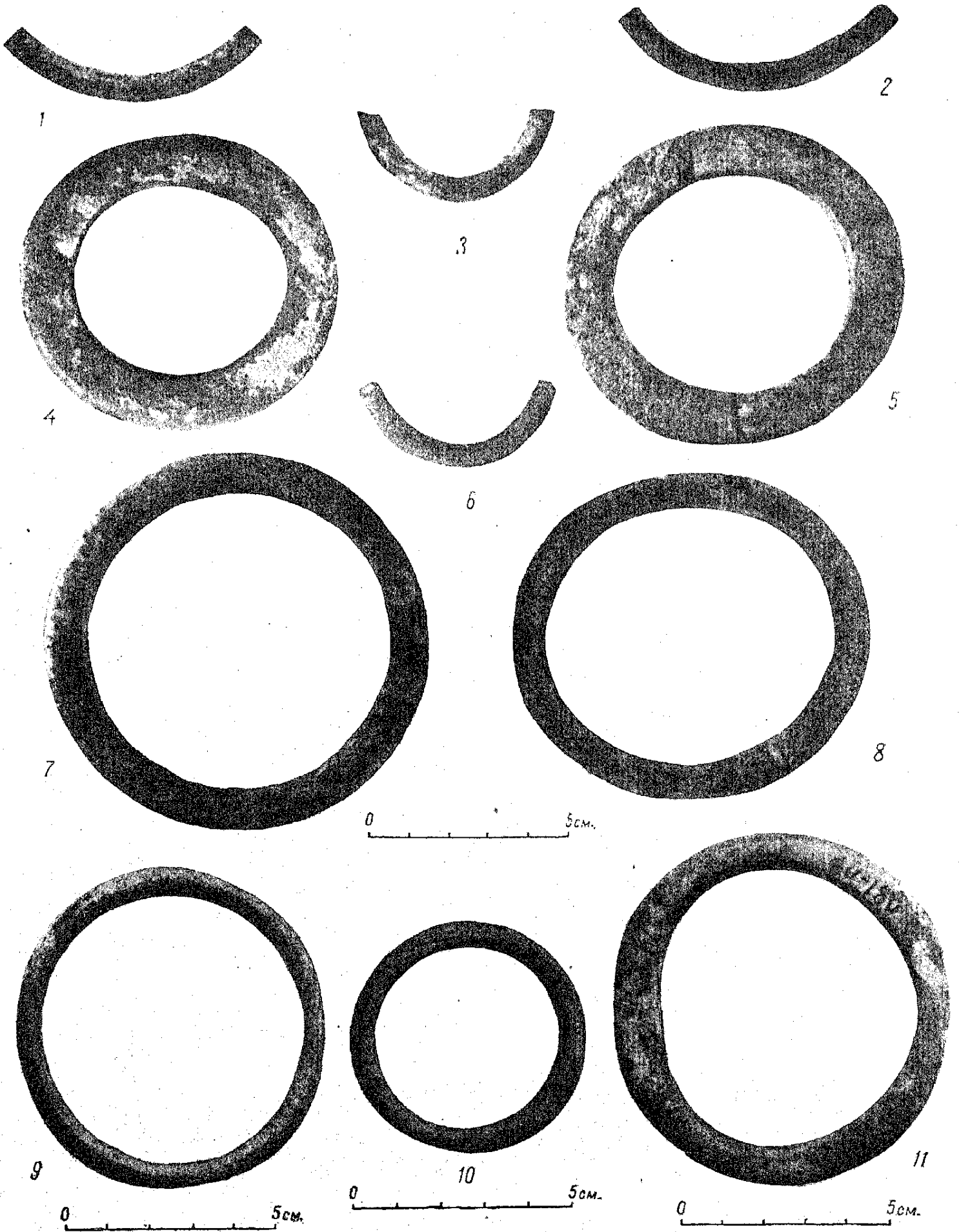
2

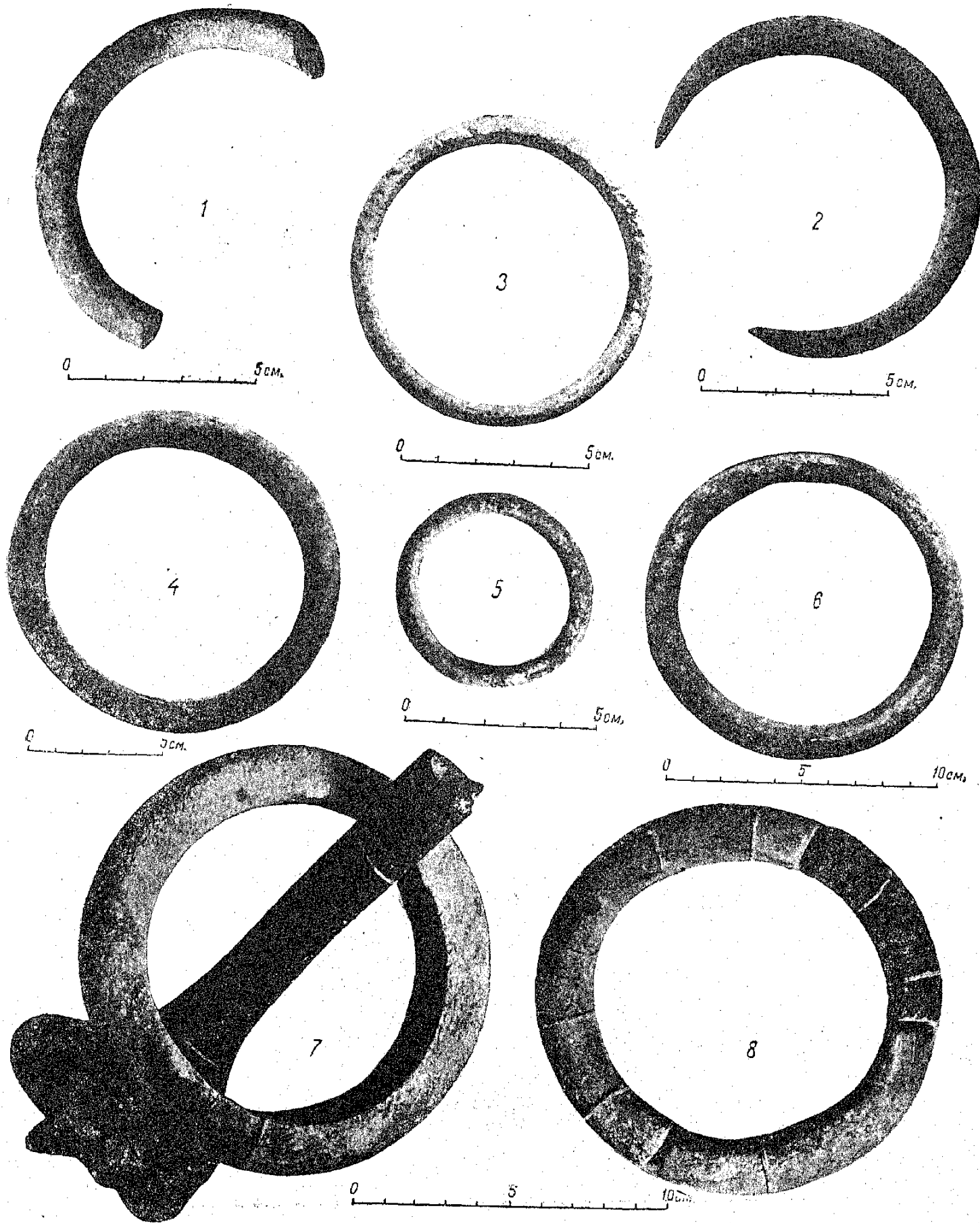
Глиняные сосуды Нальчикского могильника.
1 — из погр. № 31; 2 — из погр. № 28.

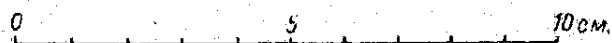
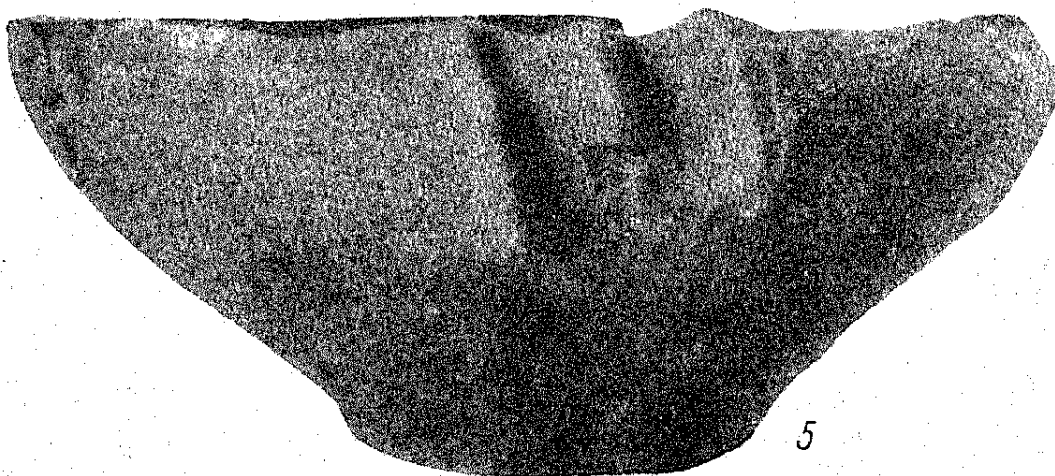
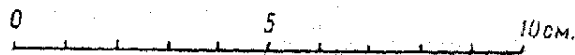
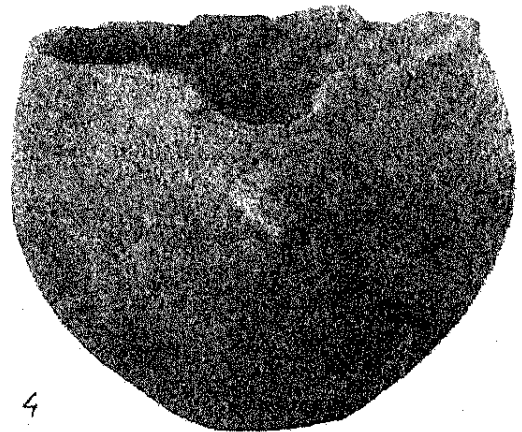
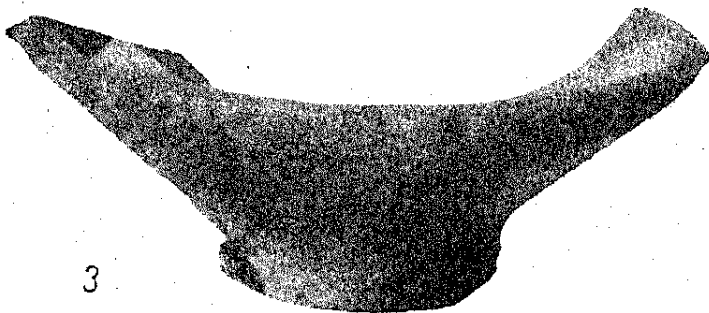
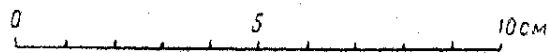
1 — подвески из зубов животных (погр. № 31); 2 и 3 — медные конусовидные и височные подвески (погр. № 31); 4—11 — бусы из погр. № 41; 12—14 — пластинка из клыка кабана и подвески из зубов животных (погр. № 53); 15 — подвески из зубов животных (погр. № 83); 16 — бусина из погр. № 83; 17 — каменная буса; 18—19 — подвески из обломков каменных браслетов; 20 — костяной пронизь; 21, 22, 24 — подвески из просверленных зубов животных (погр. № 86); 23 — костяная поделка (погр. № 65).

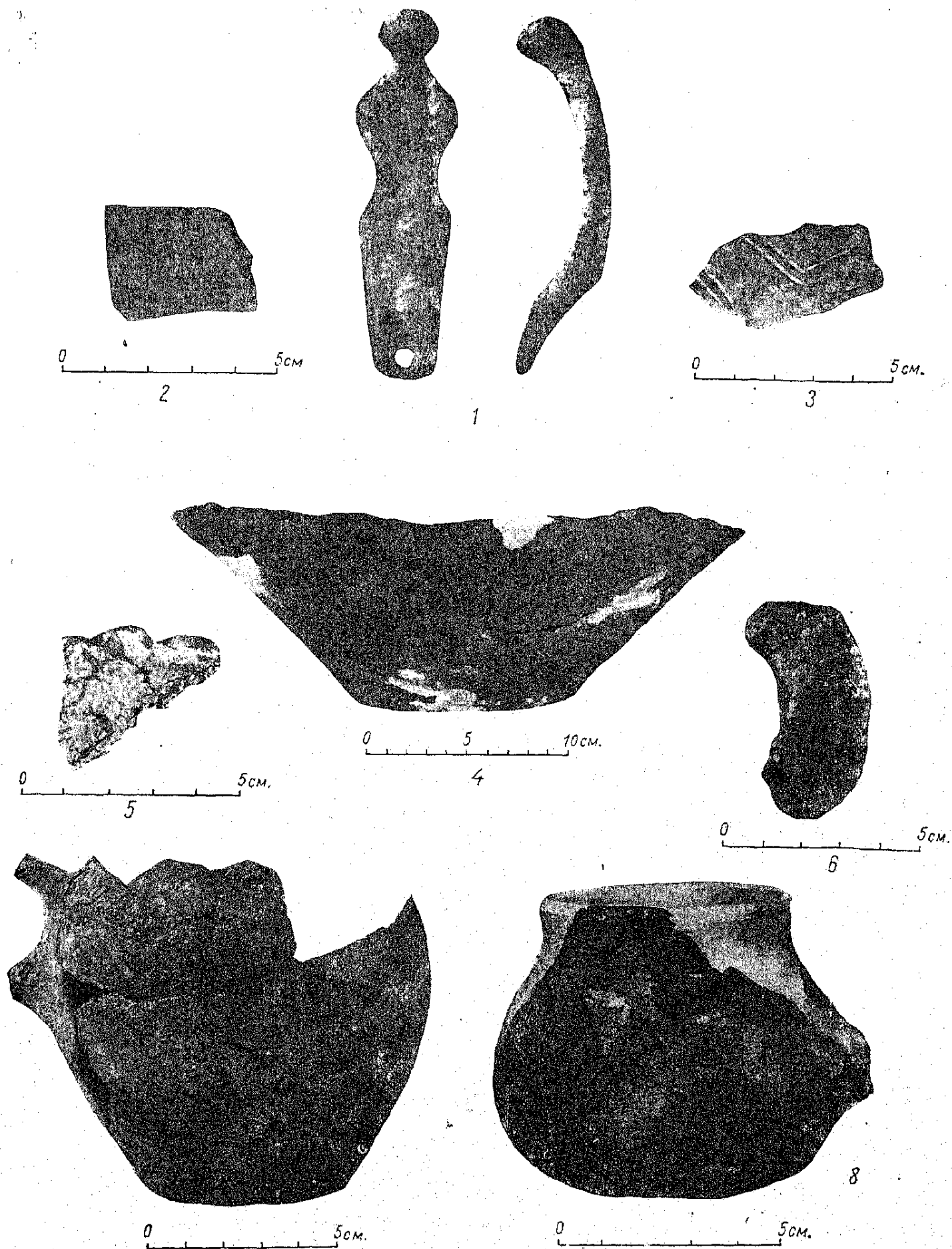
Каменные браслеты из Нальчикского могильника.

Каменные браслеты из Нальчикского могильника (собрание Нальчикского музея).

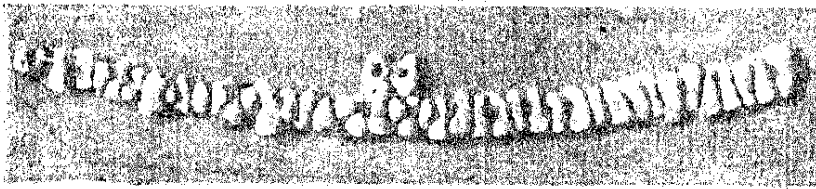

Глиняные сосуды из Нальчикского могильника (собрание Нальчикского музея).

Нальчикский могильник.

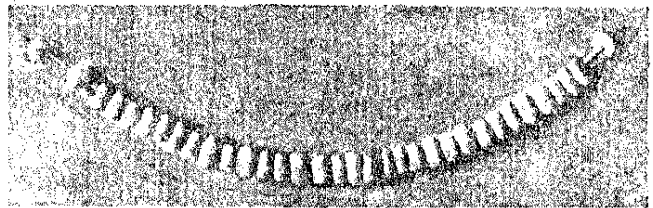
1 — каменная статуэтка (собрание Нальчикского музея); 2—8 — глиняные сосуды и их обломки из грунта могильника.

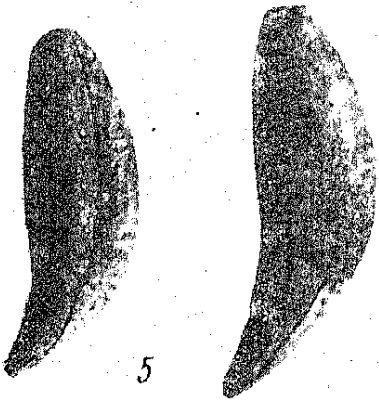
0 5 10 см

6

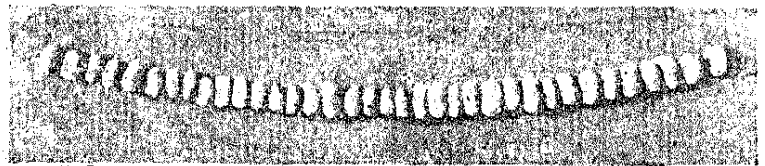
4

7

5

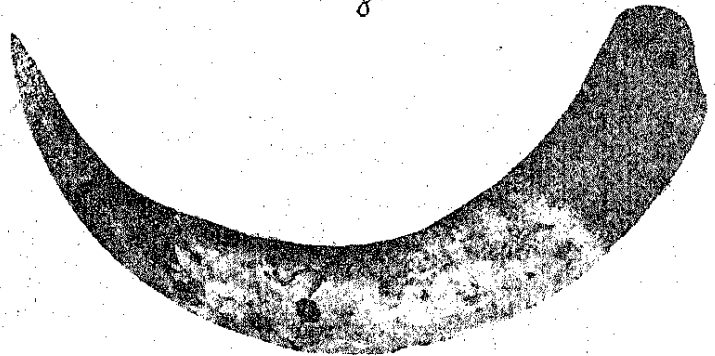
0 5 10 см

8

0 5 10 см

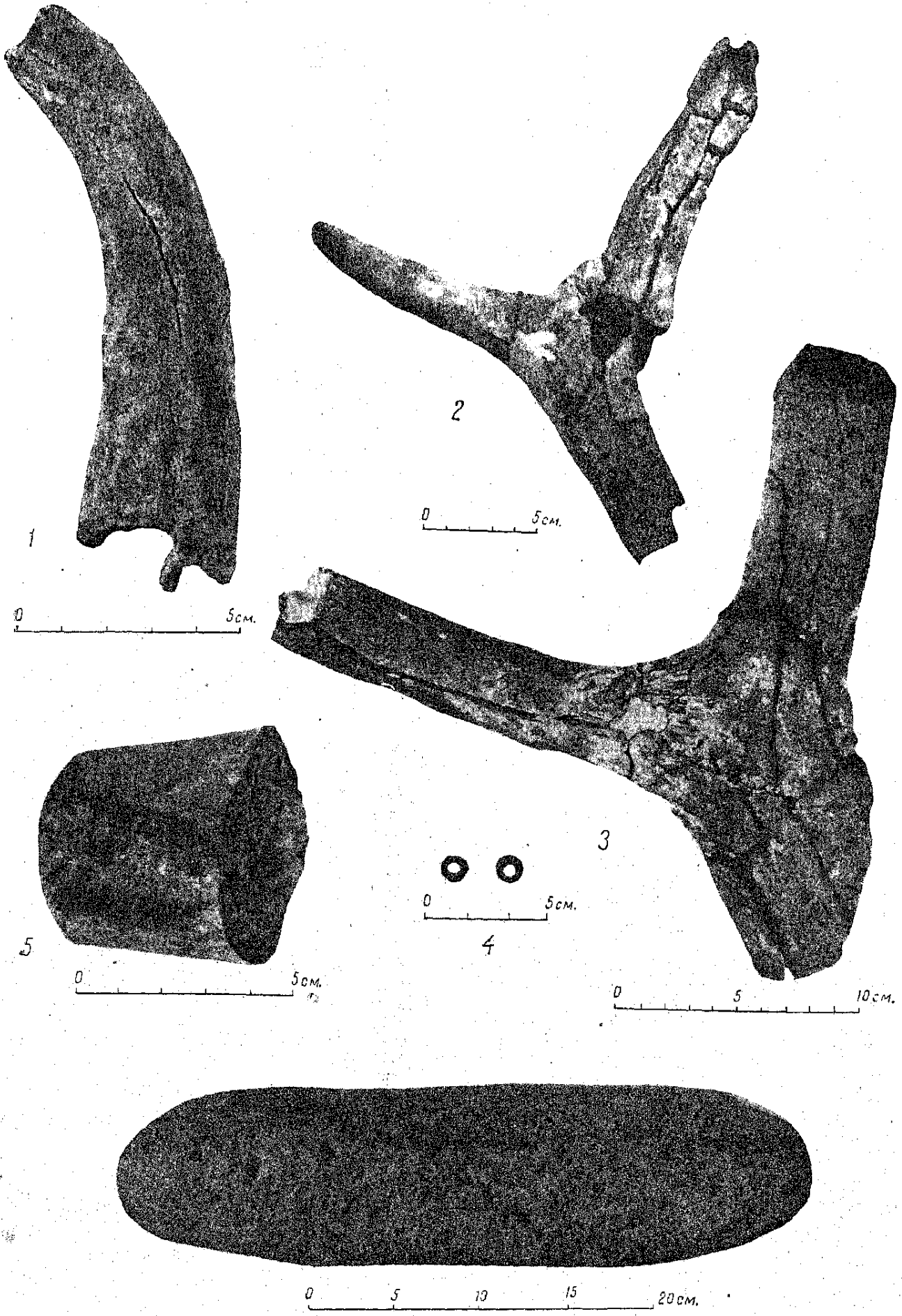
9

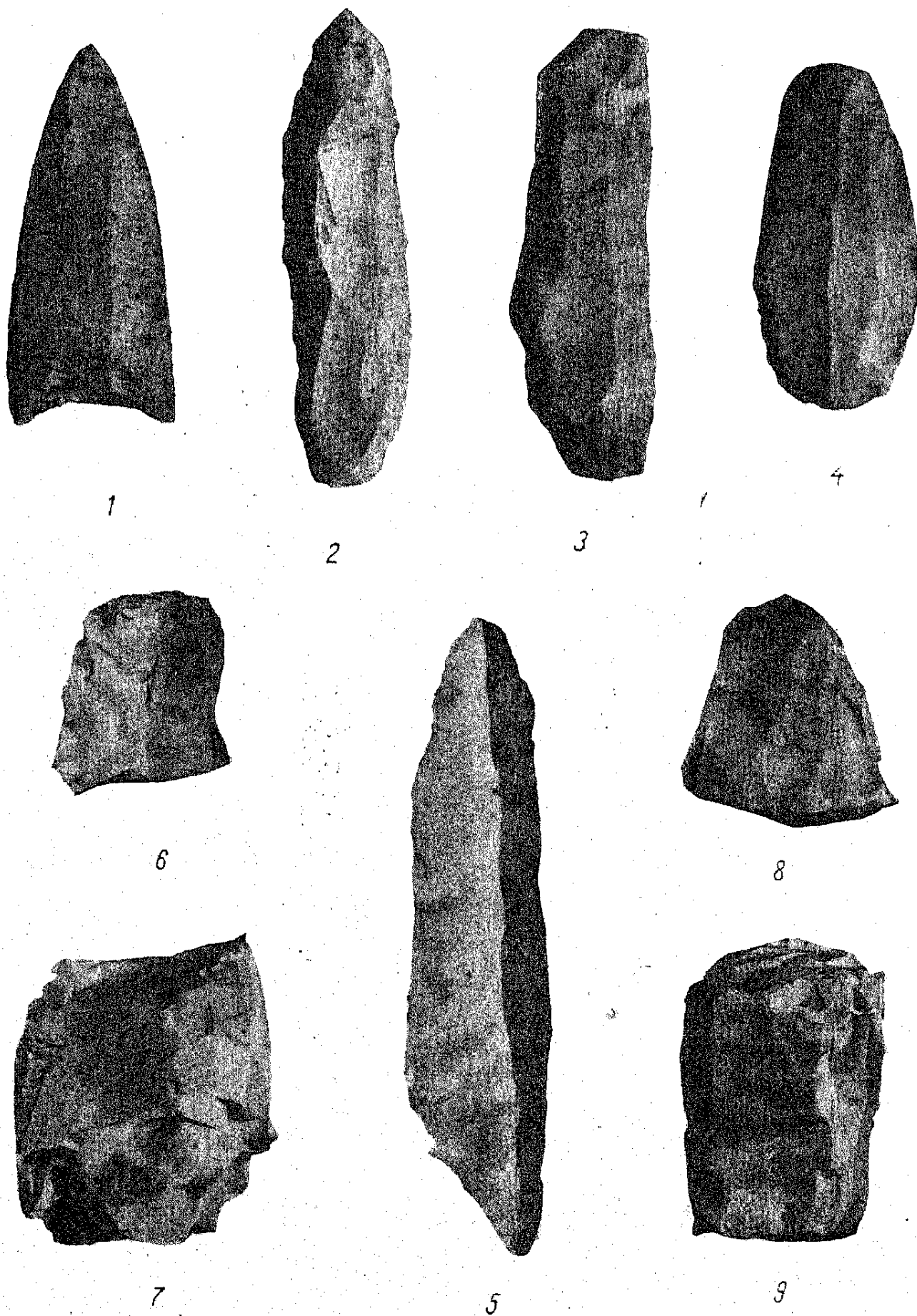
0 5 10 см

10

1 и 2 — подвески из зубов животных; 3 — костяные бусы, 4 — пастовые бусы, 5 — клык кабана, 6—8 — бусы; 9 и 10 — пластинки из клыка кабана (Нальчикский музей).

1-3 — обломки рогов оленя; 4 — каменные бусы; 5 — обломок каменного орудия (находки в грунте могильника); 6 — каменная терка (собрание Нальчикского музея).

Кремневые орудия из Нальчикского могильника.
 1—5 — в собрании Нальчикского музея; 6—9 — из раскопок Северо-Кавказской экспедиции.

А. П. КРУГЛОВ и Г. В. ПОДГАЕЦКИЙ

Долинское поселение у г. Нальчика

ВВЕДЕНИЕ

В процессе планового изучения истории общества на территории Кабардино-Балкарской АССР Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК

линой р. Нальчика, где на следующей ниже террасе находятся бывшие хуторские постройки, занятые ныне под дома отдыха, а с другой — глубоким оврагом. Край и довольно крутой склон террасы в сторону леса и гор

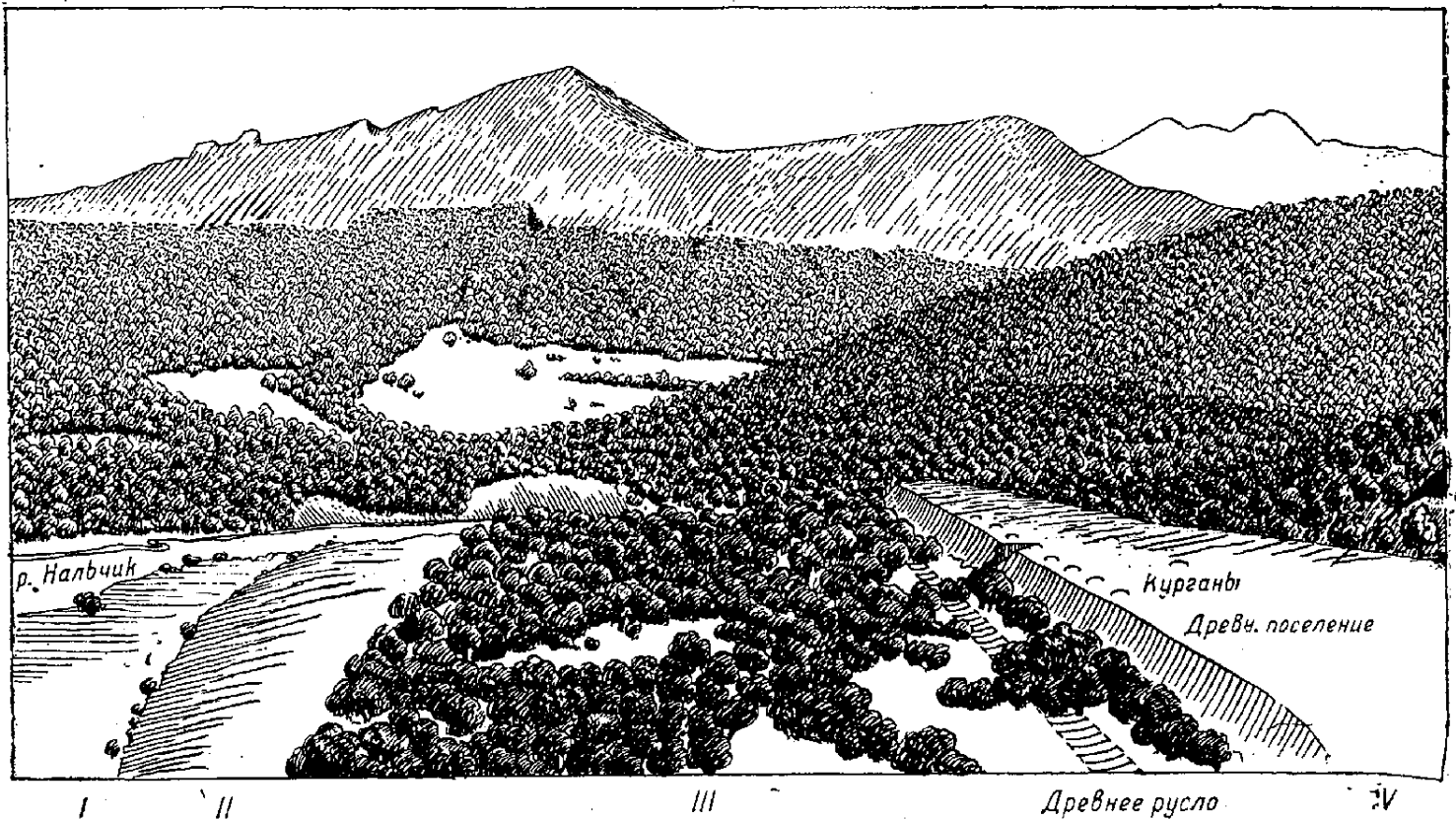

Рис. 1. Схема ландшафта Долинского поселения.

были произведены исследования древнего поселения у б. хут. Долинского.

Поставить вопрос о наличии в данном пункте поселения и установить точно местоположение последнего позволил целый ряд происходящих отсюда экспонатов Археологического отдела местного Нальчикского музея.

Поселение находится, примерно, в 4 км к ЮЮЗ от г. Нальчика (вверх по одноименной реке), располагаясь на поверхности самой верхней речной террасы (рис. 1 и 2). Последняя, имея здесь вид узкого мыса, вытянутого с СВ на ЮЗ, ограничена, с одной стороны, до-

густо поросли кустарником и деревьями (дубняк, орешник, мелкий чинар, калина), а средняя часть ее покрыта низкой травяной растительностью и фруктовыми деревьями (дикие яблоня и груша, алыча, кизил), почти отсутствующими на сравнительно узкой площади, идущей вдоль юго-восточного края, и преобладающими среди древесной растительности на склоне к реке (рис. 3).

Довольно ровная поверхность террасы, вследствие своего небольшого наклона к СВ, местами прорезана далеко тянущимися рывтинами, глубина и ширина которых доходит до

0.50—0.70 м, промытыми поверхностными водами, чему способствуют многочисленные дорожные колеи.

На самом краю террасы, у склона ее к реке, находятся курганные насыпи различных размеров, но однородные по форме. Исключение составляют лишь совершенно незначительные по своей высоте, повидимому, поздние курганы XIV—XV в., один из которых был исследован Северо-Кавказской экспедицией в 1932 г. Здесь необходимо отметить, что наиболее ранние сведения об этих курганах относятся к 1898 г., когда художник И. А. Владимиров раскопал два кургана, «находящиеся на краю обрыва долины реки Нальчика, как раз напротив хутора г-жи Долинской».¹

Никаких наружных признаков поселения поверхность террасы не имеет, и лишь куль-

работ А. П. Круглов (раскоп № 1) и Е. Ю. Кричевский (курганы №№ 1 и 2).

В 1933 г. был незначительно расширен раскоп № 1 и заложены три новых раскопа (№№ 2—4). Производители работ: Г. В. Подгаецкий (раскопы № 2 и 4) и Е. Ю. Кричевский (раскоп № 3). В качестве практикантов в полевых работах принимали участие студенты Ленинградского института философии, лингвистики и истории С. Н. Аносов и А. А. Тудоровский. Как в 1932, так и в 1933 г. в работах Нальчикского отряда экспедиции участвовал в качестве научно-технического сотрудника местный краевед В. В. Борейский.

Помимо указанных работ, ежегодно производились: осмотр всего поселения, сбор подъемного материала и зачистки естественных (в промоинах) и искусственных (в строительном

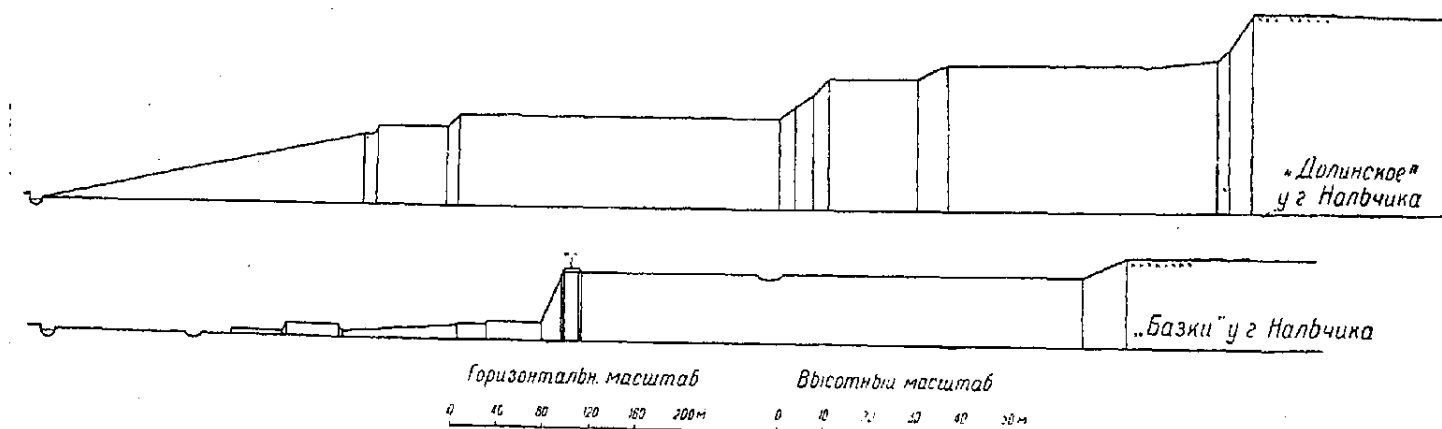

Рис. 2. Схематические профили террас р. Нальчик.

турные остатки (обломки керамики и каменные орудия), встречающиеся в незначительном количестве на поверхности дерна, а чаще находящиеся в промоинах в виде скоплений, либо образованных путем намыва, либо являющихся частями вскрытых древних комплексов, говорят о наличии здесь исторического памятника.

Северо-Кавказской экспедицией исследования производились в течение трех лет, с 1930 по 1933 г., за исключением 1931 г., когда основной состав экспедиции был занят в затянувшихся работах Таманской экспедиции ГАИМК.

В 1930 г. была произведена небольшая расчистка одного из обнаруженных скоплений керамических фрагментов с целью выяснения характера их залегания. В работах принимали участие А. М. Оранжиреева и Б. Б. Пиотровский.

В 1932 г. на месте произведенной в 1930 г. расчистки для полного раскрытия встреченного здесь культурного комплекса был заложен раскоп (№ 1) и исследованы два кургана. В исследованиях этого года принимали участие в качестве непосредственных руководителей

шурфе) обнажений для более детального выяснения стратиграфических особенностей поверхностной части террасы. Здесь же необходимо отметить чрезвычайно существенную работу, начатую в 1933 г., но не законченную, а именно, глазомерную съемку окрестностей Нальчика, с целью увязки окружающих его археологических памятников, в том числе и описываемого нами поселения.

РАСКОП № 1

В 1930 г. при осмотре террасы у хут. Долинского, на которой были собраны предметы древности, хранящиеся в Нальчикском музее, экспедиция обратила внимание на присутствие в канавах и размытых колеях дороги рабочих отщепов и осколков кремня, кремневых орудий, обломков керамики, целых и фрагментированных зернотерок, а также обломков камня со следами их утилизации. В отдельных случаях культурные остатки встречались в скоплениях значительной величины, залегающих, по всей вероятности, *in situ*. Одно из этих скоплений, замеченное на северо-восточном конце террасы, было частично расчищено. Расчистка показала, что черепки, составляющие в данном случае основную массу на-

¹ Архив ГАИМК, фонд Археол. ком., 1898, дело № 40; см. также: ОАК, 1898, стр. 53.

ходок, залегали в форме целостного и неповрежденного скопления под тонким дерновым слоем на чистой глине, слагающей верхний ярус террасы и не содержащей культурных остатков. Здесь же было обнаружено несколько отщепов кремня и кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, подвергшихся действию огня. Фрагменты керамики, как это выяснилось после их подборки и склейки, принадлежат нескольким сосудам, которые частично удалось реставрировать. По всей вероятности, эти сосуды были раздавлены на месте их находки, так как в момент расчистки отдельные фрагменты находились в правильном соотношении друг к другу. Здесь были найдены фрагменты, из которых удалось собрать большой сосуд с плоским дном, сильно расширяющимися кверху стенками, имеющими в верхней части плавный перегиб к горлу (табл. IX, 2); сосуд той же формы, но несколько меньших размеров (табл. IX, 1); часть такого же большого сосуда, но изготовленного из глины с примесью песка и отличающегося значительно большей толщиной стенок (рис. 28, 1), а также часть горшка, изображенного на табл. IX, 4. Нижняя часть этого сосуда была найдена в раскопе 1932 г. Кроме четырех больших сосудов были обнаружены отдельные фрагменты от горшков меньшей величины, не позволяющие восстановить форму.

Особо следует отметить находку фрагментов небольшого горшечка из черной глины с примесью чешуек слюды, имеющего лощеную и украшенную орнаментом поверхность (табл. X, 3).

В виду того, что в 1930 г. основное внимание экспедиции было сосредоточено на исследовании большого кургана у г. Нальчика, стоявшего под угрозой разрушения и застройки, на поселении у хут. Долинского работы ограничились лишь отмеченной нами небольшой зачисткой, охватившей площадь, равную приблизительно 3 кв. м. Место зачистки отмечено на плане раскопа 1932 г. (рис. 4).

Более углубленные изыскания на поселении были поставлены в 1932 г. Главное внимание в этих работах решено было сосредоточить на изучении жилого комплекса, обнаруженного и частично раскопанного в 1930 г. Отсутствие рабочей силы, занятой на больших плановых строительствах, широко развернувшихся за последние годы как в самом Нальчике, так и по области, резко отразилось на размере проведенных экспедицией исследований. В результате недостатка рабочей силы экспедиция должна была ограничиться лишь частичным изучением жилого комплекса, на площади, равной 60 кв. м.

Другой причиной, сильно тормозившей работу, были частые дожди, продолжавшиеся иногда непрерывно по несколько дней. После дождя работы на поселении производить было

невозможно из опасения повредить вскрываемые культурные остатки. Глина, на поверхности которой находились фрагменты керамики и куски обожженной обмазки, сильно размокала и не поддавалась зачистке, без чего нельзя было проследить контуры пятен и очажных ям.

Горелая глина от действия дождевых вод также приобретала некоторую пластичность и не могла быть расчищаемая в таком виде. После сильных дождей площадь раскопа наполнялась водой, которую приходилось вычерпывать ведрами, а затем останавливать работу на день, на два для просушки раскопа.

Работы на поселении у хут. Долинского производились с 14 августа по 26 сентября.

Первоначально предполагали обойти со всех сторон то место, где в 1930 г. было обнаружено скопление обломков керамики и кусков глиняной обмазки. За границу обхода мы условно принимали ту поверхность, на которой встречаются культурные остатки. Доходя до таких участков, мы решили останавливаться и прослеживать границу распространения культурных остатков дальше, с тем, чтобы впоследствии, сняв дерновый слой, обнаружить комплекс во всей полноте.

Прежде всего была начата расчистка канавы, перерезающей площадь, намеченную для исследования, в направлении с ЮЗ на СВ, в которой и были замечены в 1930 г. культурные остатки. При зачистке дна канавы в квадрате Е/4—Ж/5 обнаружена часть пятна округлой формы, уходящего под юго-восточный обрез канавы, на котором отчетливо было заметно, что пятно представляет собой горизонтальное сечение ямы, слегка сужающейся книзу и отличающейся от окружающей ее желтой глины более серым цветом и включениями очень мелких угольков и кусочков горелой глины. В обресе границы ямы прослеживаются на глубине от 0.33 до 0.63 м, т. е. до дна канавы.

На площади квадрата Е/5—Ж/6 и юго-западной части квадрата Е/6—Ж/7 были найдены куски глиняной обмазки и мелкие фрагменты керамики, вероятно представляющие собой вынос с более возвышенной части поселения или результат размыва скопления культурных остатков, вскрытых в 1930 г. При углублении на площади квадратов Ж/6—З/8, северо-западная часть которых также затронута канавой, никаких находок не сделано, а потому для обнаружения границы культурного комплекса были прирезаны квадрат Е/7—Ж/8 и оставшаяся нераскопанной северо-восточная часть квадрата Е/6—Ж/7. На их площади намечена граница распространения культурных остатков.

В полученном обресе были видны мелкие кусочки обмазки, расположенные на одном горизонте.

С целью выяснить противоположную границу комплекса, произвели углубление квадратов В/6—В/8, не давшее никаких находок. Граница культурных остатков была прослежена в смежных квадратах В/6—Г/8. В полученном обресе, так же как и в первом случае, были замечены мелкие фрагменты керамики и куски глиняной обмазки, залегающие горизонтально и расположенные на одном уровне. Проследившая границу культурных остатков далее к З, углубились в квадратах А/4—В/6. В западном направлении граница наметилась лишь в квадрате В/5—В/6 и в южном углу квадрата А/5—В/6, в который пятно с культурными остатками заходит на 0,10 м, так же как и в квадрате А/4—В/5. Факт отсутствия культурных остатков в юго-западной части квадрата В/4—В/5 позволил наметить границу культурного комплекса в этой части раскопа, идущую в направлении с СЗ на ЮВ. Для проверки правильности проведенной границы сделана прирезка квадратов В/3—Д/4, при углублении которых выяснилось отсутствие культурных остатков. Обрез квадратов по линии В/3—Д/3 был тщательно зачищен; на нем видна отчетливая граница между верхним почвенным слоем и подстилающим слоем желтой глины. Граница идет совершенно горизонтально, несмотря на то, что поверхность почвы в данном месте неровная. Под почвенным слоем лежал небольшой обломок глиняного сосуда. Замечено также, что почвенный слой в данном месте легко отделяется от подстилающего; отсутствует сращенность слоев, характерная для нормального почвообразовательного процесса.

Проверяя это наблюдение путем производства целого ряда зачинок в различных канавах и земляных выемках на площади поселения, было замечено, что в тех случаях, когда скопления культурных остатков отсутствуют, верхний слой постепенно меняет цвет, «карманами» переходит в подстилающий. В тех местах поселения, где заметны скопления остатков деятельности человека, нормальный почвообразовательный процесс нарушен, и сращенность гумусного слоя со слоем желтой глины выражена менее отчетливо, а иногда отсутствует.

Установив отмеченный факт, признали более правильным в дальнейшем несколько изменить методику работ и первоначально на всей площади, предназначенной для раскопа, снять лишь почвенный слой, так как в состав жилого комплекса в данном случае, очевидно, входили и участки, лишенные культурных остатков. Об этом говорит факт отсутствия каких-либо культурных остатков в отмеченных нами квадратах В/3—Д/4, расположенных, несомненно, внутри жилого комплекса.

К ЮЗ от квадратов В/3—Д/4 почвенный слой был снят на смежной с ним площади В/1—Д/3. На всей вскрытой поверхности поч-

венный слой отделялся очень легко, никакого прорастания корней в слой желтой глины не замечено. Площадка, очевидно, в древности была выравнена, так как и сейчас она совершенно горизонтальна и при проверке ее залегания с помощью рейки и ватерпаса не дает повышения или понижения отдельных частей. На поверхности этой площадки встречено очень небольшое количество черепков, отщепов кремня и обсидиана и мелких кусков глиняной обмазки. Небольшие обломки керамики и кусков обмазки встречались и в толще почвенного слоя, но совершенно отсутствовали в слое подстилающей желтой глины, как это выяснилось, после контрольного углубления, на всем участке до глубины 0,45 м.

В квадрате Г/2—Д/3 было замечено пятно темносерого цвета, две стороны которого образуют прямой угол со сторонами 0,09 и 0,04 м, далее границы пятна неотчетливы. Заполнение этой неглубокой западины имеет ту же структуру, как и почвенный слой.

В квадратах А/2—В/4, при снятии почвенного слоя, была отмечена большая сращенность его с подстилающим слоем; возможно, что это стоит в связи с неглубоким залеганием последнего в этой части раскопа. Горизонт с находками древних предметов находится на глубине 0,04—0,10 м от поверхности. В юго-восточной части квадратов была обнаружена широкая старая промоина, впоследствии занесенная глиной и песком. От окружающей поверхности она отличается более серым цветом, а в разрезе имеет характерную структуру намыва с включениями линз песка. На нетронутой поверхности глины, а также в почвенном слое, встречались очень редкие фрагменты керамики с сильно заглаженными краями и разрушенной поверхностью; там же найдено несколько осколков кремня. В квадрате А/2—В/3 на поверхности глины лежал кусок камня неправильной формы.

Также не столь легко, как на первоначально раскопанной площадке, почвенный слой отделялся от слоя глины на квадратах Д/2—Ж/4, перерезанных глубокой, в данном месте слегка задернованной, канавой. Находки очень малочисленны; встречаются замкнутые куски обмазки, мелкие обломки черепков и кремневые отщепы, расположенные над слоем глины.

Значительно большее количество культурных остатков было обнаружено на площади, ограниченной с ЮВ канавой, а с других сторон первоначально намеченной нами границей культурного комплекса. На этой площади было, прежде всего, встречено очень большое количество кусков глиняной обмазки, в отдельных местах образующей большие скопления. Наибольшее количество обмазки было вскрыто в северной части описываемого участка раскопа, а более значительные ее скопления в квадратах Г/6—Д/8 и В/5—Г/7. Обмазка встречалась, в большинстве случаев, в ви-

ПОСЕЛЕНИЕ У ХУТОРА ДОЛИНСКИЙ

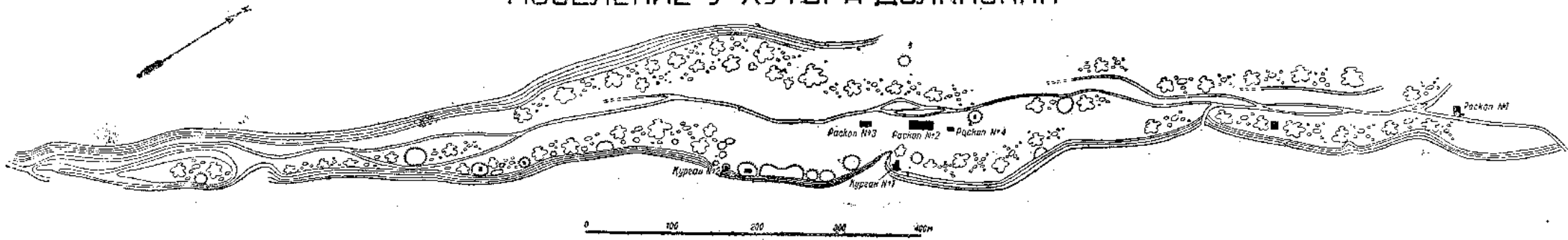

Рис. 3. План Долинского поселения.

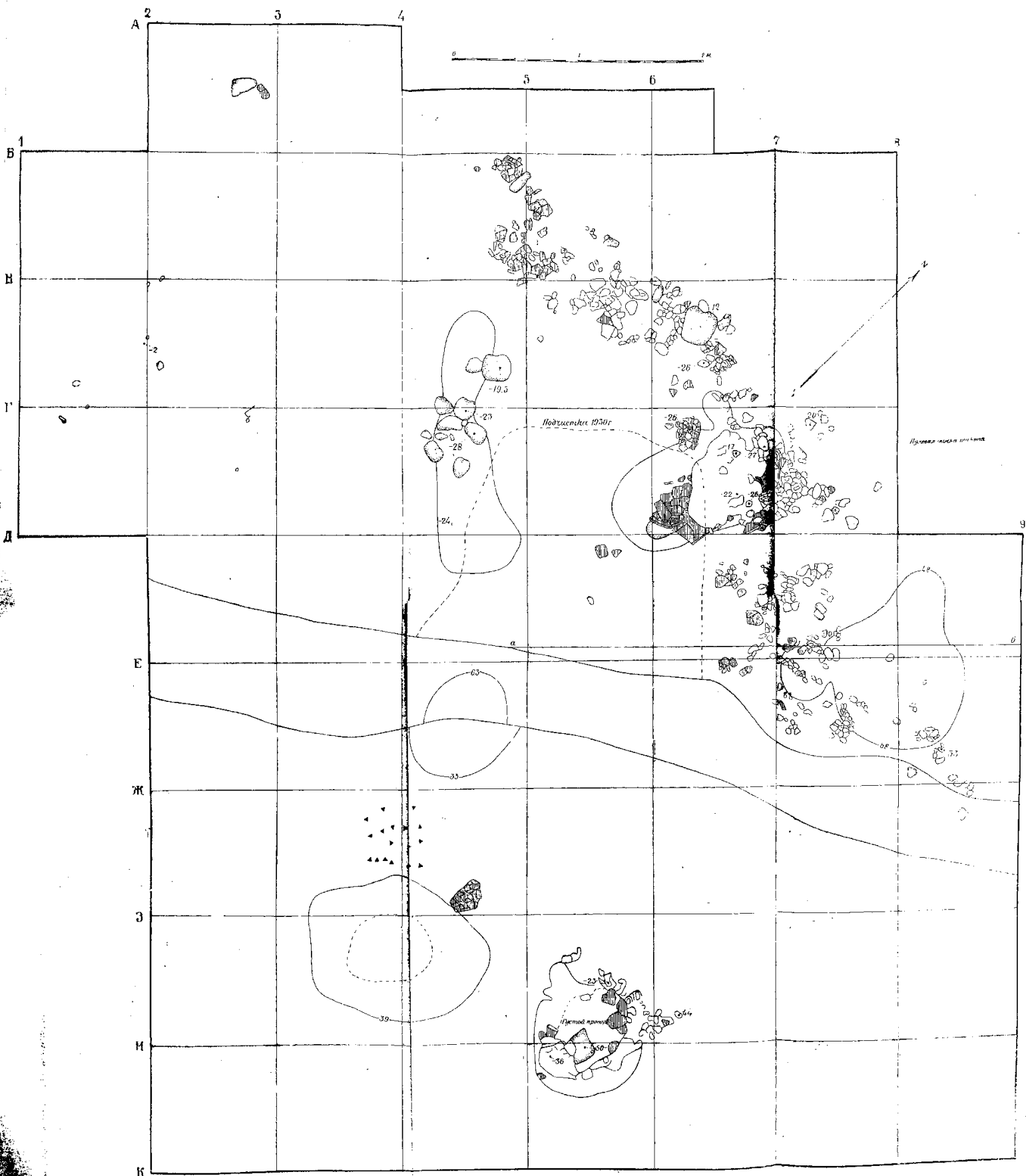

Рис. 4. План раскопа № 1. Долинское поселение.

де мелких сильно замытых кусков округлой формы, образующих скопления большего или меньшего размера. Изредка попадались куски с отпечатками прутьев и жердей, но, к сожалению, беспорядочное положение этих кусков не позволило выяснить характер того сооружения, обмазкой которого они являлись. Как правило, куски обмазки залегали приблизительно на одном уровне и лишь в двух, упомянутых нами, скоплениях был отмечен факт расположения кусков обмазки на разных горизонтах, в несколько рядов друг над другом.

Обмазка в квадратах В/5—Г/7 залегала большими кусками и была очень сильно обожжена; отдельные куски от сильного обжига приобрели красный цвет. На некоторых кусках заметны отпечатки прутьев. Возможно, что здесь была неглубокая яма, хотя границ ее проследить не удалось. Под кусками обмазки найдено несколько обломков глиняных сосудов. Большой камень, обнаруженный вблизи описанного скопления обмазки и нанесенный нами на план, возможно, не имеет отношения к жилищу, так как куски обмазки заходят под камень, что как будто бы указывает на его вторичное залегание.

Значительно больший интерес представляет скопление в квадратах Г/6—Д/8. На рис. 5 показаны последовательные этапы его разборки. Глиняная обмазка на этом участке начала встречаться на глубине 0.20 м в виде отдельных кусков, иногда с отпечатками прутьев и жердей. Обмазка, лежавшая ниже, была сильно измельчена и перемешана с небольшими кусочками угля. Изредка встречались куски угля значительной величины. Под обмазкой, частично рядом с ней, но нигде не перекрывая, лежали крупные фрагменты керамики, не представляющие собой случайное скопление, а являющиеся частями раздавленных на этом месте сосудов. Сосуды эти находились, главным образом, в яме удлиненно-овальной формы, имевшей в длину 1.5 м, при ширине в средней части около 0.8 м. Отдельные фрагменты керамики и значительная часть сосуда были обнаружены также вблизи ямы. Некоторые фрагменты керамики имели на своей поверхности следы копоти. В яме и около нее найдено несколько осколков кремня и обсидиана. Контур ямы удалось проследить на глубине 0.5 м. Заполнение ямы отличается от окружающей желтой глины серым цветом и большим количеством очень мелких вкрапленных угольков и кусочков горелой глины, что придает пятну некоторую пестроту. На дне ямы лежали два плоских камня округлой формы. Наиболее глубокое место ямы находится на уровне 0.72 м от нулевой точки раскопа. Если принять во внимание разницу в глубине залегания между верхними кусками обмазки и дном ямы, глубину последней следует определить в 0.5 м. Для проверки площадь раскопа, на которой находилась яма с сосудами,

была углублена до 0.90 м, причем выяснилось полное отсутствие культурных остатков.

В квадратах В/4—Е/5 под дерновым слоем, на глубине 0.24 м, было обнаружено пятно се-

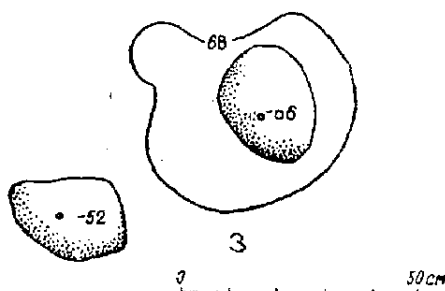
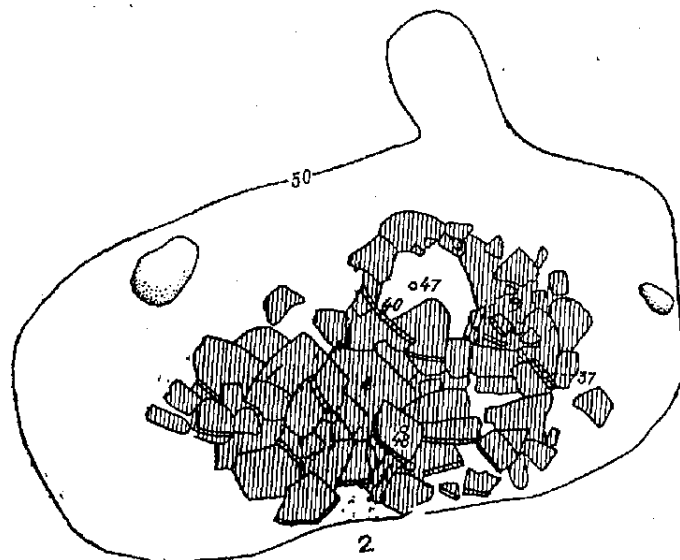
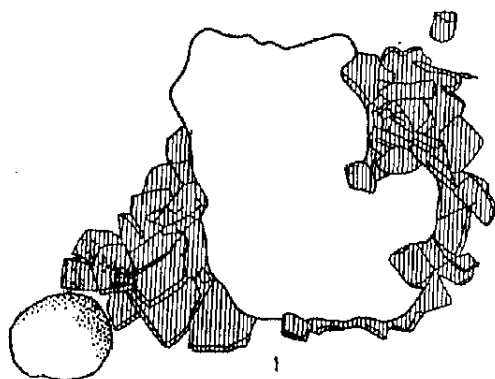

Рис. 5. План древней ямы в квадратах Г/6—Д/8 раскопа № 1. Долинское поселение: 1.—верхний горизонт; 2—средний горизонт; 3—нижний горизонт.

роватого цвета с включениями мелких кусочков горелой глины и угольков, очень похожее по цвету на пятно, окружавшее обломки сосудов в квадратах Г/6—Д/8. Пятно это представляет собой заполнение неглубокой западины на поверхности желтой глины. Мощность глинистой прослойки серого цвета не превы-

шает 0.10 м. В квадратах В/4—Д/5 обнаружено несколько плоских камней округлых очертаний. Камни находились в описанном нами пятне серого цвета, на уровне его нижней границы: под ними была чистая желтая глина, не содержащая никаких находок. Размеры пятна следующие: длина 2 м, наибольшая ширина 0.65 м.

Не исключена возможность, что нами была вскрыта лишь часть пятна, составлявшего единое целое со скоплением керамики и обмазки, раскопанным в 1930 г., в свою очередь бесспорно увязывающимся с ямой в квадратах Г/6—Д/8. Об этом свидетельствует тот факт, что обломки керамики, найденные в квадратах Г/6—Д/8 и в зачистке 1930 г., являются частями одних и тех же сосудов.

Иной характер имела яма, обнаруженная в квадратах Д/7—Ж/9. Под дерновым слоем на этой площади встречались в небольшом количестве мелкие куски обмазки и обломки глиняных сосудов. Над значительной частью ямы, как это видно на плане, находки отсутствовали. Очертания ямы, после тщательной зачистки поверхности раскопа, удалось проследить на глубине 0.48 м в квадратах Д/7—Е/9, а в квадратах Е/7—Ж/9—на уровне 0.68 м от нулевой точки раскопа. На этом уровне горизонтальное сечение ямы имеет вид серого пестрого пятна, в основе глинистого с мелкими вкраплениями угольков и кусочков обмазки. Границы пятна на всей площади прослеживаются очень хорошо, будучи отчетливо видны и в обресе по линии а—б, отмеченном на плане раскопа (рис. 4).

Исследование этой ямы, так же как и других ям в раскопе, производилось путем постепенного углубления части раскопа, на которой она расположена, сопровождавшегося нанесением на план полученных при этом горизонтальных сечений с отметкой глубин, на которых сечения были зачерчены. Этот способ дал нам возможность выяснить форму ямы и получить вертикальные разрезы. Произвести расчистку ямы обычным путем, вынимая ее заполнение, было затруднительно, так как серая глина, находившаяся внутри ямы, не отделялась от стенок, а следовательно, срезая ее, можно было повредить борта ямы и, тем самым, придать ей неправильную форму.

Первоначально углубились на площади квадратов Д/7—Е/9 до уровня 0.68 м и, таким образом, получили первый полный контур ямы. В срезанной северо-западной части ямы никаких находок сделано не было, кроме уже упомянутых нами очень мелких вкраплений угольков и обмазки. На уровне 0.68 м яма имеет в плане неправильную округлую форму и, насколько можно судить по частично сохранившемуся обрису ямы, зачерченному на глубине 0.48 м, меньшие чем в верхней части размеры. С юго-западной стороны к яме примыкает, частично сливаясь с ней, небольшое пятно, также имеющее округлые очертания. Маленькое

пятно имеет ту же структуру и цвет, как и заполнение ямы.

При дальнейшем углублении до 0.91 м в яме также не было сделано никаких находок, за исключением двух кусков глиняной обмазки, из которых один с отпечатками прутьев, и большого камня, лежавшего в центре ямы на глубине 0.90 м. Яма имела, приблизительно, те же размеры и форму, но контур ее был несколько смещен в направлении к ЮВ. Небольшое пятно, отмеченное в юго-западной стороне ямы, смещено в ту же сторону и на этом уровне отделено от основной ямы узенькой перемычкой.

Относительно большее количество находок было встречено при углублении до 1.20 м. Здесь было найдено 16 обломков глиняных сосудов, из которых большинство имело сильно замытые поверхности, два обломка кремня и куски угля. Граница пятна на этом уровне не всюду отчетлива. Лучше всего она видна в квадратах Д/8—Ж/9, несколько хуже в квадрате Д/7—Е/8 и совсем ее не удалось проследить на площади квадрата Е/7—Ж/8, где серое пятно ямы незаметно сливается с окружающей коричневато-серой пятнистой глиной. В тех же квадратах, где границу проследить удалось, яму окружает глина более светлого, желтоватого цвета.

Необходимо отметить, что яма на этом горизонте занимает значительно большую площадь, сильно расширяясь книзу.

Исследованная яма заканчивалась на глубине 1.45 м, имея неровное дно, значительно более углубленное в центральной части и полого повышающееся к краям. Границы ямы по ее дну прослеживаются с очень большим трудом. На дне ямы лежали отдельные обломки глиняных сосудов и большое количество мелких камней со следами действия огня. Наибольшее количество камней расположено вблизи стенок ямы, где сосредоточена основная масса кусков горелой глины и угля. В центре ямы находился большой округлый камень. Среди камней лежало семь кусков от нескольких зерноперок, незначительного размера, не дающих представления о форме предметов. При углублении до дна ямы было найдено несколько обломков костей животных очень плохой сохранности. На дне, а также в толще заполнения ямы от глубины 1.20 м и ниже обнаружено: 33 фрагмента глиняных сосудов, кусок обмазки с отпечатками прутьев и один кремневый отщеп.

Для контроля под дном ямы углубились еще на 0.20 м в слой чистой материковой глины, не содержащий культурных остатков.

На рис. 6 дан план ямы с обозначением всех ее контуров, выявленных при постепенном углублении, и линий, по которым вычерчены помещенные на этом же рисунке разрезы. Приведем основные размеры ямы: глубина сохранившейся части ямы равна 0.97 м, ширина в верхней части по линии ВГ 1.07 м, в нижней

части по той же линии 1.38 м. Поперечник маленькой ямы по линии *DE* равен 0.40 м.

Помимо описанных нами ям и скоплений глиняной обмазки, расположенных в северной части раскопа, здесь же было обнаружено большое количество фрагментов керамики, лежащих отдельно друг от друга и лишь в квадратах *Б/4—В/6* находившихся в значительном количестве на небольшом участке. Здесь было найдено 116 обломков от несколь-

Д/3, где первоначально была констатирована возможность их сравнительно легкого отделения друг от друга. Это явление здесь наблюдалось лишь на отдельных участках, небольших по площади.

Переходя к характеристике культурных остатков, обнаруженных в части раскопа, расположенной к ЮВ от канавы, необходимо отметить значительную поврежденность древней поверхности колеями и рытвинами дороги. В

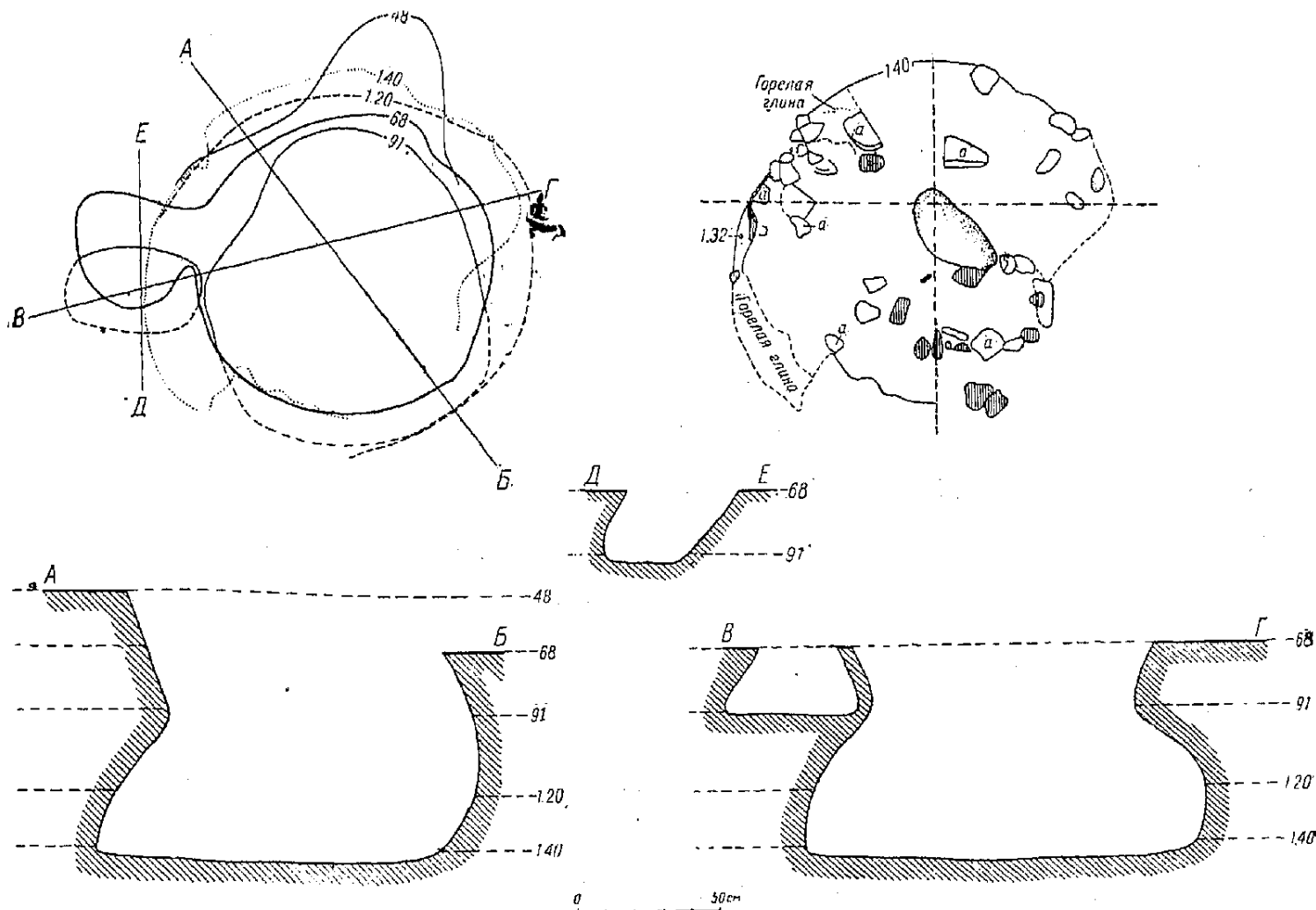

Рис. 6. План и разрезы древней ямы в квадратах *Д/7—Ж/9* раскопа № 1. Долинское поселение.

ких глиняных сосудов. Факт залегания глиняной обмазки поверх черепков, отмеченный нами при разборке заполнения ямы в квадратах *Г/6—Д/8*, наблюдался и на других участках раскопа. Ни в одном случае не было замечено, чтобы глиняная обмазка заходила под черепки. Из отдельных находок, сделанных в части раскопа, расположенной к СЗ от канавы, необходимо отметить следующие: каменный полированный молоток (кв. *Е/8—З/9*, рис. 25,1), два обломка каменных пестов (кв. *Д/7—Е/8*, табл. V, 9 и 11) и кремневую пластинку с ретушью по краю (кв. *Д/7—Е/8*).

На всей описанной нами части раскопа была отмечена значительно большая сращенность верхнего, почвенного слоя со слоем подстилающей желтой глины, чем на площади *Б/1—*

целом ряде квадратов, после снятия дернового слоя, на поверхности желтой глины были замечены следы от ранее пробитых колеи, впоследствии занесенных глиной и песком и выделяющихся более серым цветом, а также структурой своего заполнения. Возможно, что эта причина, с одной стороны, и сравнительно неглубокое залегание желтой глины, с другой, привели к тому, что и на этой части раскопа отчетливо проследить границу между почвенным слоем и слоем глины не удалось. В большей или меньшей степени здесь всюду наблюдалось сращение между слоями. На всей площади, непосредственно под почвенным слоем, встречались отдельно лежащие мелкие обломки глиняных сосудов, угольки и кусочки глиняной обмазки, не образующие более или

менее крупных скоплений, а разбросанные далеко один от другого.

В квадрате Е/4—Ж/5 была исследована небольшая яма, обнаруженная при начале наших работ, сильно разрушенная с северо-западной стороны канавой (рис. 7). В верхней части яма имела округлую форму; книзу она значительно сужалась, заканчиваясь неровным, слегка округлым дном. Размеры ямы следующие: диаметр верхней части 0.85 м, глубина 0.34 м. Верхний контур ямы удалось проследить на глубине 0.33 м от нулевой точки раскопа. От

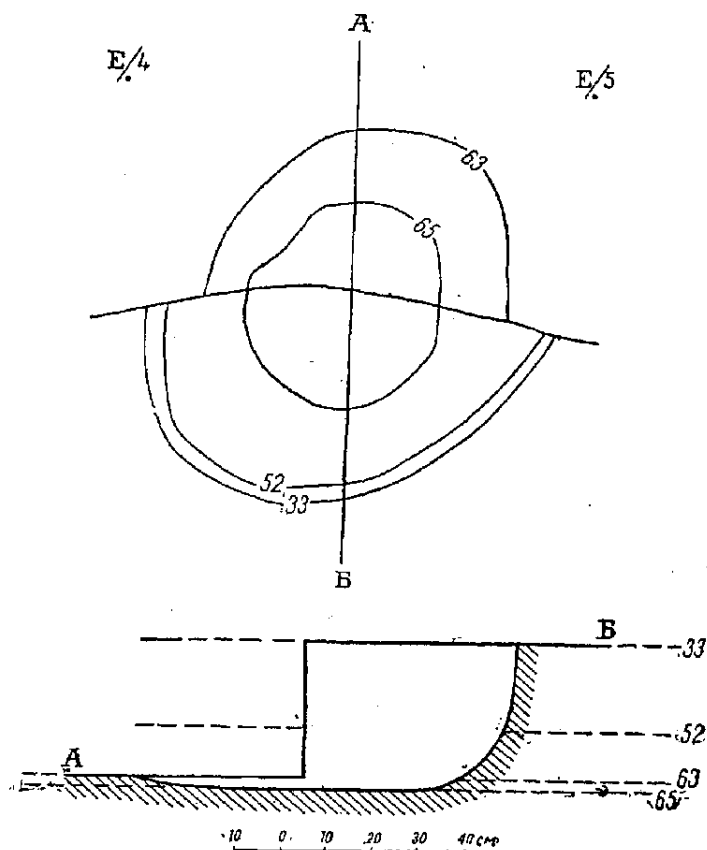

Рис. 7. План и разрез древней ямы в квадрате Е/4—Ж/5 раскопа № 1. Долинское поселение.

окружающей желтой глины заполнение ямы отличалось более серым цветом, вследствие значительного количества мелких кусочков угля и горелой глины, что придавало пятну некоторую пестроту, уже отмечавшуюся нами при описании других ям. В глине, заполнявшей яму, найдено: 18 обломков глиняных сосудов, 3 кремневых отщепов, обломок камня со следами шлифовки, несколько мелких камней, подвергшихся действию огня, и один обломок обгорелой глиняной обмазки с отпечатками прутьев.

В квадратах Ж/3—И/5 под дерновым слоем, на глубине 0.22 м, были обнаружены мелкие кусочки глиняной обмазки, а также кусочки угля; последние встречались на всей площади квадратов, но концентрировались на границе между квадратами Ж/3—З/4 и Ж/4—З/5. В юго-восточной части квадрата Ж/4—З/5 найдена часть раздавленного сосуда из черной гли-

ны. При дальнейшем углублении до 0.39 м, сопровождавшемся зачисткой дна раскопа, был прослежен контур ямы, имевшей на этом горизонте неправильно овальную форму, вытянутую в направлении с ЮЗ на СВ. В глине, заполнявшей яму, встречались очень мелкие кусочки угля и горелой обмазки, располагавшиеся в значительно большем количестве по краям пятна, имевшего вследствие этого вид кольца серого цвета.

На глубине от 0.39 до 0.47 м в яме были вскрыты два скопления, состоящие из мелких, сильно замытых кусков глиняной обмазки и нескольких кусков обмазки большей величины, лежавшие отдельно. Контур ямы на глубине 0.47 м приближается к более правильному кругу, имея меньшие размеры в направлении с ЮЗ на СВ. Следует отметить, что и на этом горизонте большее количество мелких угольков и кусочков обмазки встречалось по краям пятна.

Ниже яма значительно расширяется, сохраняя округлость очертаний. При углублении до 0.67 м в яме найдено: 28 фрагментов глиняных сосудов, 8 кремневых отщепов, 1 кремневое орудие и несколько обломков костей животных очень плохой сохранности. У юго-западного края ямы обнаружено 7 больших камней, имевших округлую форму. Два камня лежали в северной части ямы. При зачистке дна раскопа на глубине 0.67 м были замечены в сероватом глинистом заполнении ямы с мелкими кусочками угля и горелой глины резко выделяющиеся пятна чистой глины, не содержащей никаких включений. Глина эта имела светложелтый цвет, а местами от действия огня приобрела красный оттенок. Пятна чистой глины имели неправильную форму и встречались на всей площади ямы; в большем количестве они были обнаружены в северо-западной ее части (рис. 8).

Дальнейшее углубление участка раскопа, на котором находится яма, показало, что ниже отмеченного горизонта она сильно сужается и заканчивается на глубине 0.93 м. Дно ее неровное, более углубленное в средней части. При выемке заполнения ямы, на глубине от 0.67 до 0.93 м, найдено: 30 обломков глиняных сосудов и 1 кремневый отщеп.

Основные размеры ямы следующие: ширина в верхней части по линии ВГ 1.12 м, наибольшая ширина ямы на глубине 0.67 м 1.70 м, глубина ямы 0.46 м. На рис. 8 даны сводный план и разрезы ямы.

Вблизи этой ямы, к В от нее (в кв. З/5—К/7), было обнаружено большое скопление кусков горелой глины и обломков глиняных сосудов, залежавших в неглубокой яме неправильных очертаний (рис. 9). Приведем краткие данные для ее характеристики. После снятия дернового слоя на квадратах З/5—К/7 были обнаружены полосы сероватого цвета, представляющие собой заполненные новыми отло-

жениями песка и глины дорожные колеи. На пространстве между размытыми местами всюду встречались мелкие куски обмазки, более же крупные куски сосредоточивались в юго-западной части квадратов, залегая в мешаной глине. В обресе по линии З/5—К/5, полученном при изучении ямы в квадрате Ж/3—И/5, на глубине от 0.18 до 0.66 м была видна яма

ня. Кроме кусков горелой глины в яме было обнаружено: 57 обломков глиняных сосудов, 8 кремневых отщепов, 1 осколок обсидиана и 1 галька. Необходимо также отметить находку глинистой конкреции, форма которой позволяет высказать предположение об использовании ее в качестве статуэтки, изображающей человека (табл. X, 4). Контур ямы, как

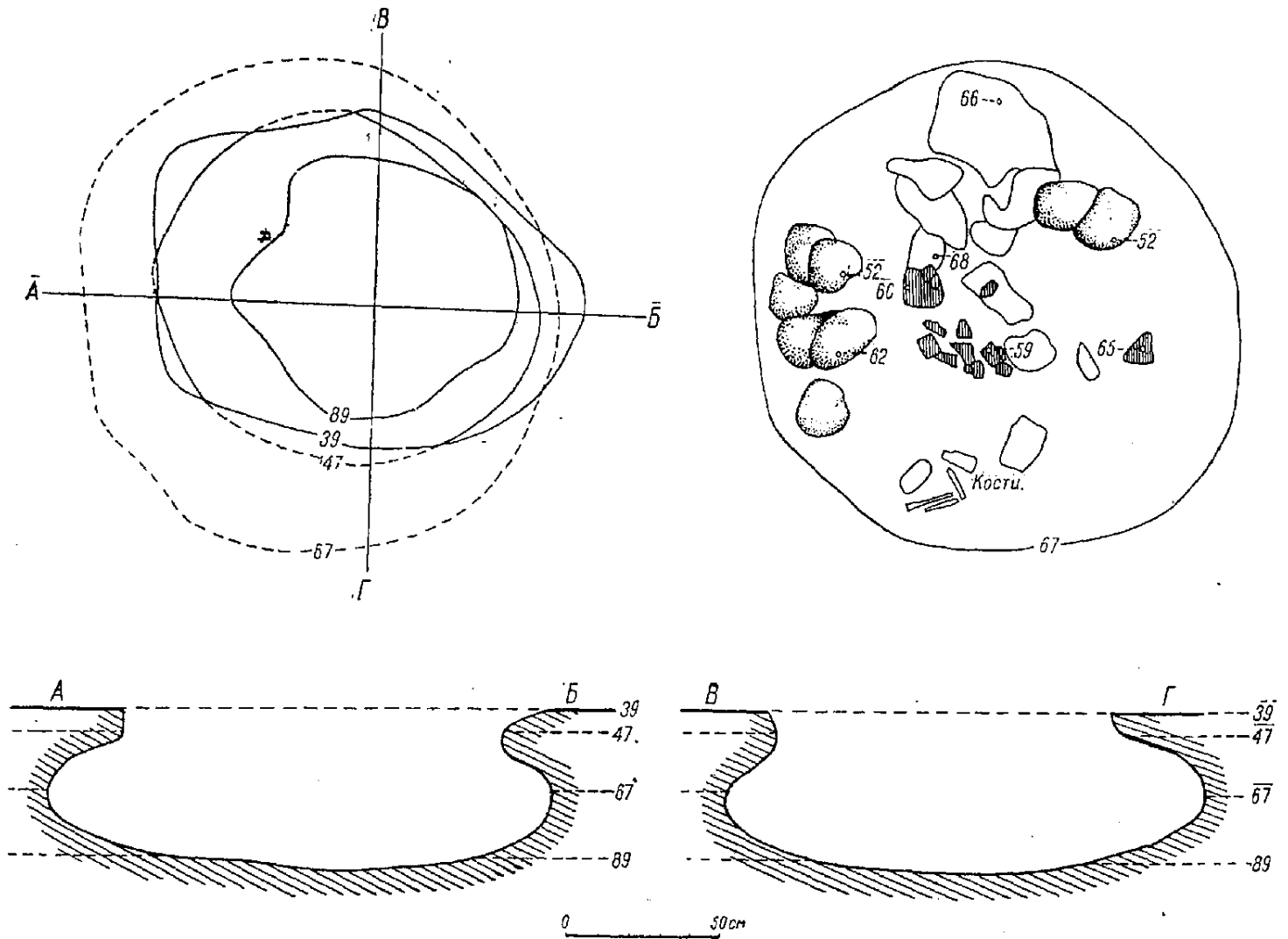

Рис. 8. План и разрезы древней ямы в квадратах Ж/3 — И/5 раскопа № 1. Долинское поселение.

с включениями кусков горелой обмазки и керамики. Границы ямы очень неотчетливы. При постепенном углублении на площади квадратов З/5—К/7 было замечено, что основную массу в заполнении ямы составляет глиняная обмазка. В большом количестве были встречены небольшие, замкнутые куски горелой глины, сильно обожженные; некоторые из них имели совершенно черный цвет, а большинство красный оттенок. Следует также отметить, что среди большого количества найденной обмазки только один кусок имел на себе отпечатки прутьев.

Наибольшее количество кусков горелой глины было обнаружено у краев ямы, но следы сильного прогара заметны и в центральной ее части. В центре ямы лежали два большие кам-

нами уже отмечалось, прослеживался с очень большим трудом, а потому с уверенностью говорить о ее форме мы не имеем возможности. Наиболее отчетливо пятно прослеживалось на глубине 0.59 м, контур ямы здесь имел округлые очертания. Наибольший диаметр пятна был равен 1.30 м; глубина ямы 0.52 м.

В 1933 г. площадь раскопа была расширена путем прирезки двадцати двух метровых квадратов. Новые вскрытые участки имели систему обозначения ту же, как и квадраты в раскопе 1932 г., для чего были проведены дополнительные границы квадратов линии Л и М, параллельные линии К, и линии 10—13, параллельные линии 9. Раскопаны квадраты К/2—М/9 и З/9—К/13. Квадраты З/10—И/13 раскопаны не полностью, так как их северо-за-

падная часть размыта канавой, выходящей из раскопа 1932 г. в квадрате Ж/8—З/9. Вследствие этого площадь квадратов З/9—К/13 имеет форму трапеции с узкими сторонами, равными в длину 2.25 м (по линии Ж/9—К/9) и 1.30 м (по линии З/13—К/13). При вскрытии этой площади, в углу, образованном стеной Ж/9—К/9 и границей канавы, на глубине около 0.10—0.15 м встречена небольшая зольная прослойка площадью 0.10×0.15 м, при толщине, равной 0.005—0.01 м, без каких-либо других культурных остатков. В точке И/11 обнаружено пятно горелой глиняной обмазки, состоящее из трех плотно слежавшихся ку-

было. Грунт оказался весьма твердым, слежавшимся, с трудом поддающимся лопате и раслаивающимся горизонтально.

РАСКОП № 2

На расстоянии около 400 м к ЮЗ от места раскопок, произведенных в 1932 г. между дорогой и юго-восточным краем террасы (в 50 м от последнего), в нижней части обреза канавы, проходящей в данном месте, было замечено значительное скопление фрагментов керамики. Это обстоятельство определило место раскопа № 2.

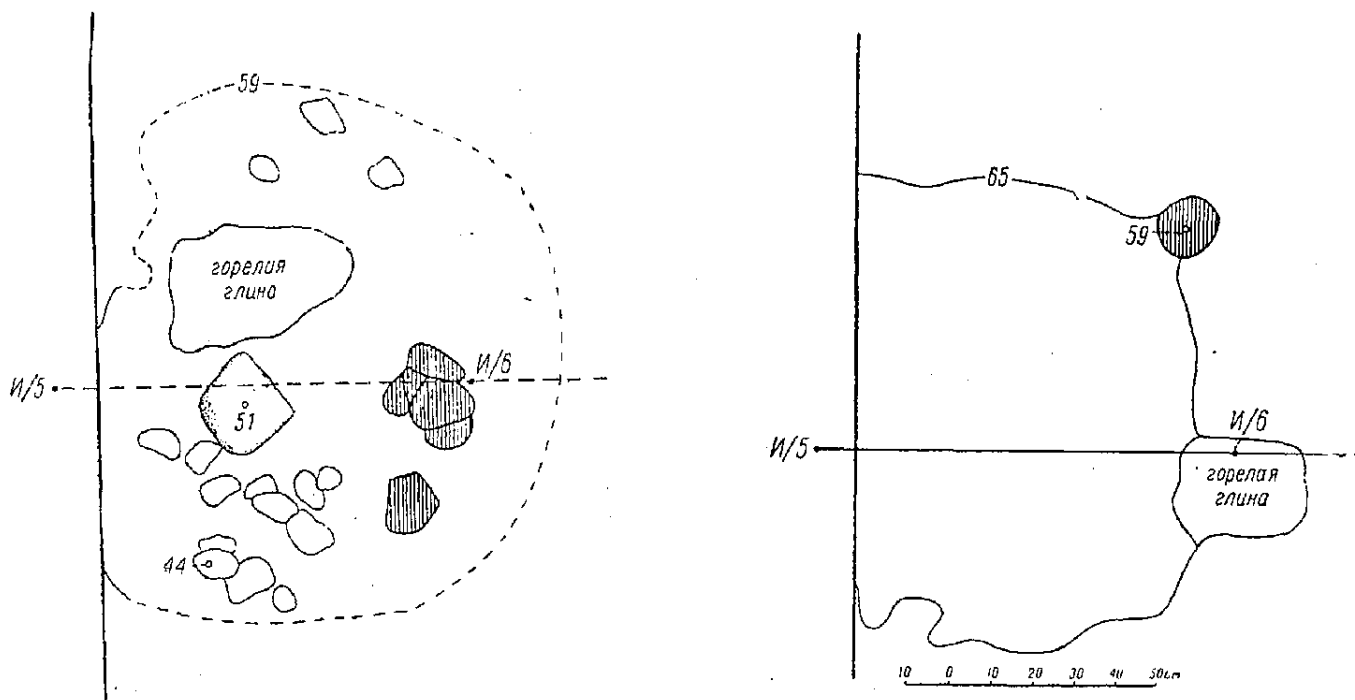

Рис. 9. Планы древней ямы в квадратах З/5—К/7, раскопа № 1. Долинское поселение.

сков, занимавших площадь диаметром 0.15—0.20 м. В квадратах З/11—И/13 встречено пятно глиняной обмазки продолговатой, с небольшим изгибом, формы, состоявшее из мелких кусков горелой глины, перемешанной с окружающим грунтом. Среди обмазки найден один фрагмент глиняного сосуда. Размеры пятна следующие: длина 0.75 м, ширина 0.15 м. Из отдельных находок, сделанных на данном раскопанном участке, следует отметить два куска зернотерок, из которых один был обнаружен в квадрате З/12—И/13 вблизи описанного пятна обмазки, а второй найден при раскопке квадратов З/9—К/11. Вскрытый на описываемом участке слой — аморфный, с включениями мелких кусков обмазки и угольков. При раскопке углубились до 0.25—0.30 м, после чего исследование было прекращено, так как ниже шел глинистый слой, не содержащий культурных остатков.

При углублении на площади квадратов К/2—М/9 культурных остатков обнаружено не

Раскоп был растрассирован в форме прямоугольника, короткие стороны которого (А—Н) имели протяжение в 7 м, а длинные 9 м в начале (1—9) и 28 м в дальнейшем (1—29). Раскоп по длине был расположен с ССВ на ЮЮЗ (табл. 1, 1).

Отмеченное скопление керамических фрагментов оказалось лежащим на линии 5, между пикетами D/5 и E/5 на глубине около 0.43 м от пикета E/5 и 0.30 м от пикета D/5.

На всей площади раскопа был снят дерновый слой (I), мощностью около 0.05—0.10 м, почти лишенный культурных остатков.

Непосредственно под дерновым слоем залегал супесчаный, очень плотный слой серого цвета (II). На поверхности этого слоя были встречены весьма немногочисленные находки (30 экз.), расположенные в большинстве случаев на довольно большом расстоянии друг от друга и представляющие собой обломки глиняных сосудов, осколки и отщепы кремня и обсидиана, каменные зернотерки и терочники.

Из этих находок следует отметить найденный на линии 3 между квадратами С/2—D/3 и С/3—D/4, на глубине 0.05 м от поверхности, повидимому сохранившийся *in situ* комплекс, состоявший из каменной зернотерки, разбитого дна сосуда, лежавших рядом, и расположенного вблизи от них плоского глыбца (табл. I, 2).

Произведенная зачистка стенок канавы в квадратах D/4—E/6 показала, что под супесчаным слоем залегает слой суглинистого характера (III), почти лишенный культурных остатков и лишь в нижней части обреза, в месте выхода отмеченного скопления керамики, обломки которой уходят в стенки канавы, и на его уровне содержащий мелкие угольки и обломки глиняных сосудов.

В дальнейшем обрезы стенок раскопа, как и углубленный специально для выяснения стратиграфии до 0.75 м квадрат А/1—В/2, дали возможность установить ту же последовательность слоев в данном пункте. А именно, под сравнительно тонким дерновым слоем (I) лежит светлый, серого цвета супесчаный слой с большим содержанием песка, настолько плотный по своей структуре, что корни растительности дернового слоя почти не проникают в него, чрезвычайно облегчая, тем самым, его обнажение.

Описанный супесчаный слой почти лишен культурных остатков и лишь кое-где содержит тонкие углисто-го характера прослойки и отдельные предметы. Под супесчаным слоем залегает рыжеватый суглинистый слой (III) с культурными остатками в верхней своей части, расположенными не по всей площади этого слоя в пределах раскопа, а концентрирующимися у отмеченного скопления керамических фрагментов в канаве. В этом же слое отмечаются темные пятна, имеющие вид затеков и являющиеся, по всей вероятности, следами древней растительности. Они непосредственно переходят в стерильную местную материковую глину, слагающую верхний горизонт террасы.

Вследствие отсутствия каких-либо следов разрушения поверхности супесчаного слоя, с одной стороны, и наличия скопления культурных остатков, залегающих в подстилающем его слое, с другой, была произведена горизонтальная зачистка его, не обнаружившая опять-таки никакого нарушения в залегании слоя.

В то же время, при зачистке обреза канавы по направлению от пикета D/5 к пикетам D/4 и D/6, в месте выхода обломков керамики, в слое III было замечено пятно перемешанного грунта, в нижней части которого и находились обломки керамики, лежащие в различных направлениях и выходившие на дно канавы. Помимо керамических остатков в обресе ясно прослеживались и светлые песчаные затеки. Вследствие однородной консистенции заполнения обнаруженного пятна и окружающего его

грунта четкой границы между ними проследить не удалось.

Повторными обрезами, глубина которых доходила до уровня залегания керамики, делавшимися между линиями D/4—D/6 и С/4—С/6, также не удалось установить границ распространения в слое III перемешанного грунта.

Более точные границы пятна начали обрисовываться на плоскости горизонтального среза, зачищаемого на верхнем уровне залегания керамики. При полной зачистке поверхности

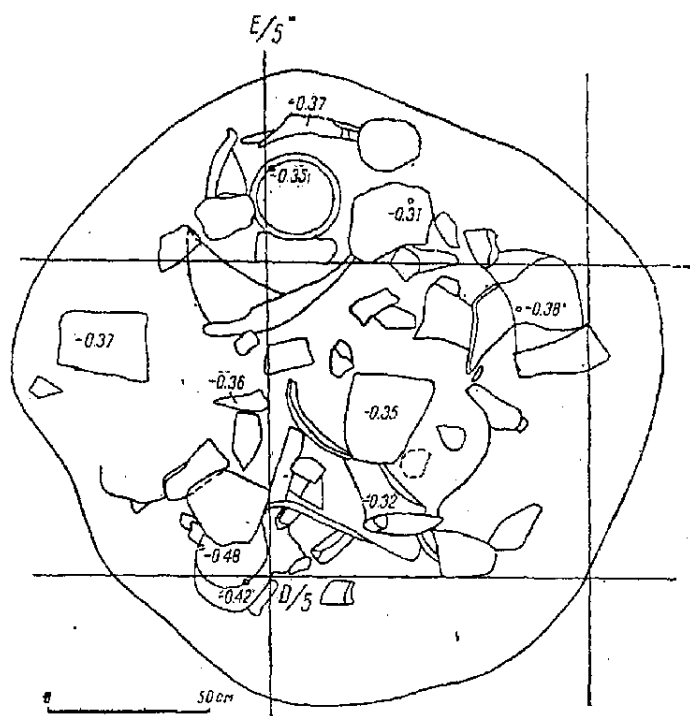

Рис. 10. План горизонта № 1 древней ямы в раскопе № 2. Долинское поселение.

оказалось, что грунт в большей части квадратов С/4—D/6 однообразен по своей структуре и цветности, в квадратах же D/4—E/6 и в прилегающей к пикету D/5 части квадратов С/4—D/6 грунт, заключающий обломки керамики, отличается от окружающего неравномерной окраской, которую придают ему пятна гумусного характера, а также включением мелких угольков и керамических обломков (рис. 10).

Путем послынного снятия культурных остатков с зачерчиванием каждого горизонта была установлена форма углубления, заполнением которой являлся перемешанный грунт с культурными остатками (табл. I, 3—5 и рис. 11).

Располагаясь основной своей частью в квадратах D/4—E/6, в плане углубление имело округлую форму, слегка вытянутую в сторону линии D. В разрезе же оно расширялось книзу, имея уплощенное дно (рис. 12). Наименьший диаметр ямы, прослеженный по первому горизонту, на уровне 0.35 м (глубина залегания верхних культурных остатков), был около 1 м, наибольший — 1.45 м на глубине 0.63 м (все отсчеты даются от пикета С/5, находящегося на

уровне слоя III, т. е. на глубине около 0.15 м от поверхности дерна).¹ Глубина прослеженной части ямы оказалась равной 0.35 м.

Суглинок, заполнявший яму, до самого дна ее был насыщен мелкими угольками и включал гумусные пятна. Керамические же фрагменты располагались основной своей массой в верхней части ямы.

Встреченные в яме находки делились по материалу, исключая уголь, на две группы. Пер-

судов, в яму попадали и отдельные черепки. Реставрировать почти полностью удалось 3 сосуда оранжево-красного цвета (табл. VI, 1—2 и VII, 2), судя же по остальному материалу, целыми были еще и 2 грубых сосуда, настолько сильно разрушившиеся, что восстановление их оказалось невозможным.

Большинство глиняных подставок было представлено также в обломках, за исключением одной, которая была найдена расколов-

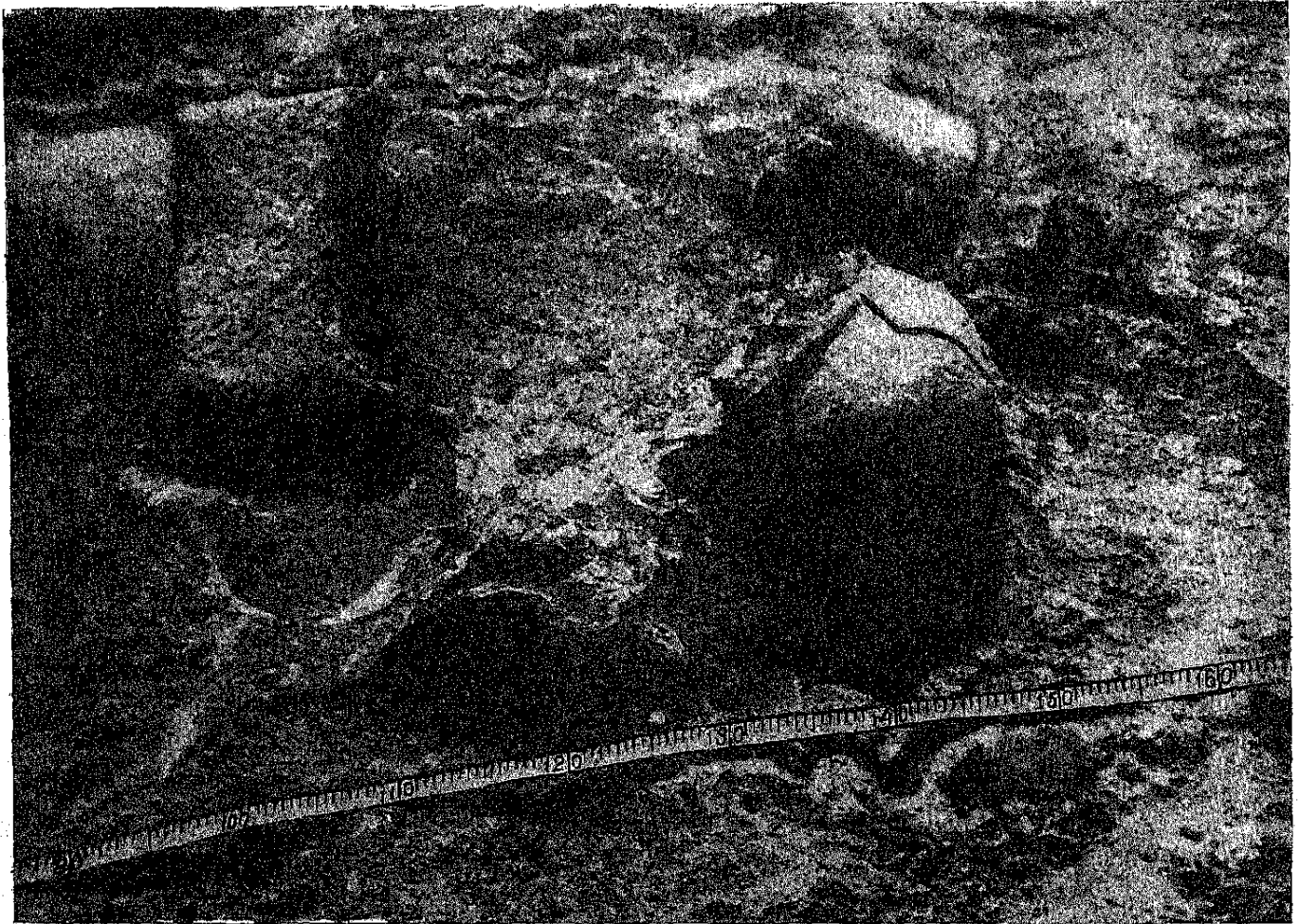

Рис. 11. Горизонт № 4 древней ямы в раскопе № 2. Долинское поселение.

вой и основной группой являлись керамические изделия, которые в свою очередь распадались на две категории, а именно, на глиняные сосуды и их обломки, количественно преобладавшие над всеми остальными находками, и глиняные подставки.

Глиняные сосуды, резко делясь по тесту на грубые, содержащие большую примесь крупнозернистого песка и слюды, и изготовленные из чистой глины, имеющие рыхлую поверхность оранжево-красного цвета, были встречены большей частью в обломках.

В процессе изучения и реставрации керамического материала, собранного полностью, удалось установить, что, помимо цельных со-

сейся на-двое. Остальные обломки принадлежали семи или восьми предметам (табл. III, 2—5).

Второй группой находок были каменные предметы, а именно: 1 осколок кремня, частично покрытый коркой, и 3 кремневых отщипа осколок кварца, обломок терочника, 2 обломка больших окатанных галек с уплощенными поверхностями, округлый гольщ, имевший признаки употребления, и обломок валуна со следами механического разрушения.

Все находки беспорядочно залежали в яме и вблизи какую-либо закономерность в их расположении, помимо отмеченного скопления их к верхней части ямы, не удалось.

В виду того что стенки углубленных ниже супесчанистого слоя частей раскопа представляли собой выход почти чистого суглинка с

¹ Глубины горизонтов, указанных на рис. 12 от пикета С/5: 1 — 0.35, 3 — 0.42, 6 — 0.55 и 7 — 0.63 м.

небольшим содержанием кое-где встречавшихся мелких частиц угля, а зачищенные стенки канавы, проходящей через раскоп, показали также почти стерильный суглинок, было решено ограничиться лишь вскрытием супесчаного

слоя и углубленная в чистый суглинок. Яма была вырыта специально для экспериментальной проверки воздействия огня на местный грунт, для чего в ней был разожжен костер, горевший в течение 3—4 часов, после чего были взяты образцы обожженной поверхности стенок ямы в ее нижней части.

РАСКОП № 3

Одновременно с производством работ на раскопе № 2, в 40 м к СВ от него был заложен раскоп № 3. Площадь раскопа имела форму прямоугольника размерами 5 × 10 м, причем его линия А протяжением в 10 м лежала на продолжении однозначной линии раскопа № 2.

Поверхность раскопа, понижаясь от линии 11 к линии 1 на 0.39 м, была сильно разрушена тремя канавками и их ответвлениями, достигавшими по ширине 0.20 м, а по глубине 0.25 м. Для ориентировки в залегании слоев, по линиям В/1—Е/1 и В/11—Е/11 были углублены полосы шириной в 0.5 м.

Обрез В/11—Е/11, углубленный на 0.61 м от пикета Е/11 (нулевая точка раскопа), показал, что под сравнительно мощным почвенным слоем темнокоричневого цвета, сильно насыщенным гумусом (I), в квадратах С/10—Е/11 залегает комковатый суглинистый слой коричневого цвета с пепельным оттенком, содержащий так же, как и верхний, культурные остатки и имеющий большую примесь песка в верхней своей части (III). В квадрате же В/10—С/11, где поверхность слоя III понижается, между ним и слоем I лежит слой II супесчаного характера, светлосерого цвета, с большим содержанием крупнозернистого песка и с отчетливо выраженной горизонтальной стратификацией (рис. 13).

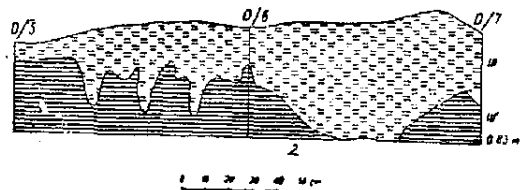
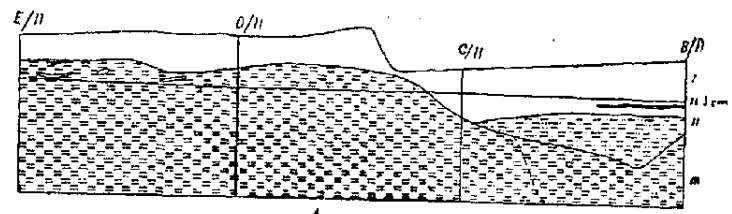

Рис. 13. Обрезы раскопа № 3. Долинское поселение.

Рис. 12. План и разрезы древней ямы в квадратах D/4—Е/6 раскопа № 2. Долинское поселение.

нистого слоя (II) с последующим углублением продольными и поперечными полосами по некоторым из основных линий раскопа. Произведенные, таким образом, разведочные углубления также не дали положительных результатов, вследствие чего работы на данном раскопе были прекращены.

Необходимо еще отметить, что в углу раскопа Н/27—Н/29—Е/29 была вырыта круглая в плане яма диаметром около 0.75 м и глубиной около 1 м, прорезавшая супесчаный

под тонким дерновым слоем (I) залегал светлый и плотный супесчаный слой (II), с корнями мелкой растительности и легкой пятнистостью гумусного порядка, мощностью около 0.09—0.10 м.

Под супесчаным слоем, до глубины в 0.23—0.25 м от поверхности, лежал переходный суглинистый слой с большим содержанием песка и резко выраженной комковатой структурой (III). Ниже этого переходного слоя залегала местная материковая глина

на одинаковом с ним уровне; большая же часть камней, находившихся на границе пятна или за ее пределами, залегала значительно выше уровня пятна и, вероятно, никакого отношения к последнему не имела.

В углу С/10—D/10—D/11 было встречено большое скопление черепков, преимущественно принадлежащих грубым глиняным сосудам и одному сосуду оранжево-красного цвета из чистой глины (табл. VI, 3), среди которых были найдены 3 обломка глиняных

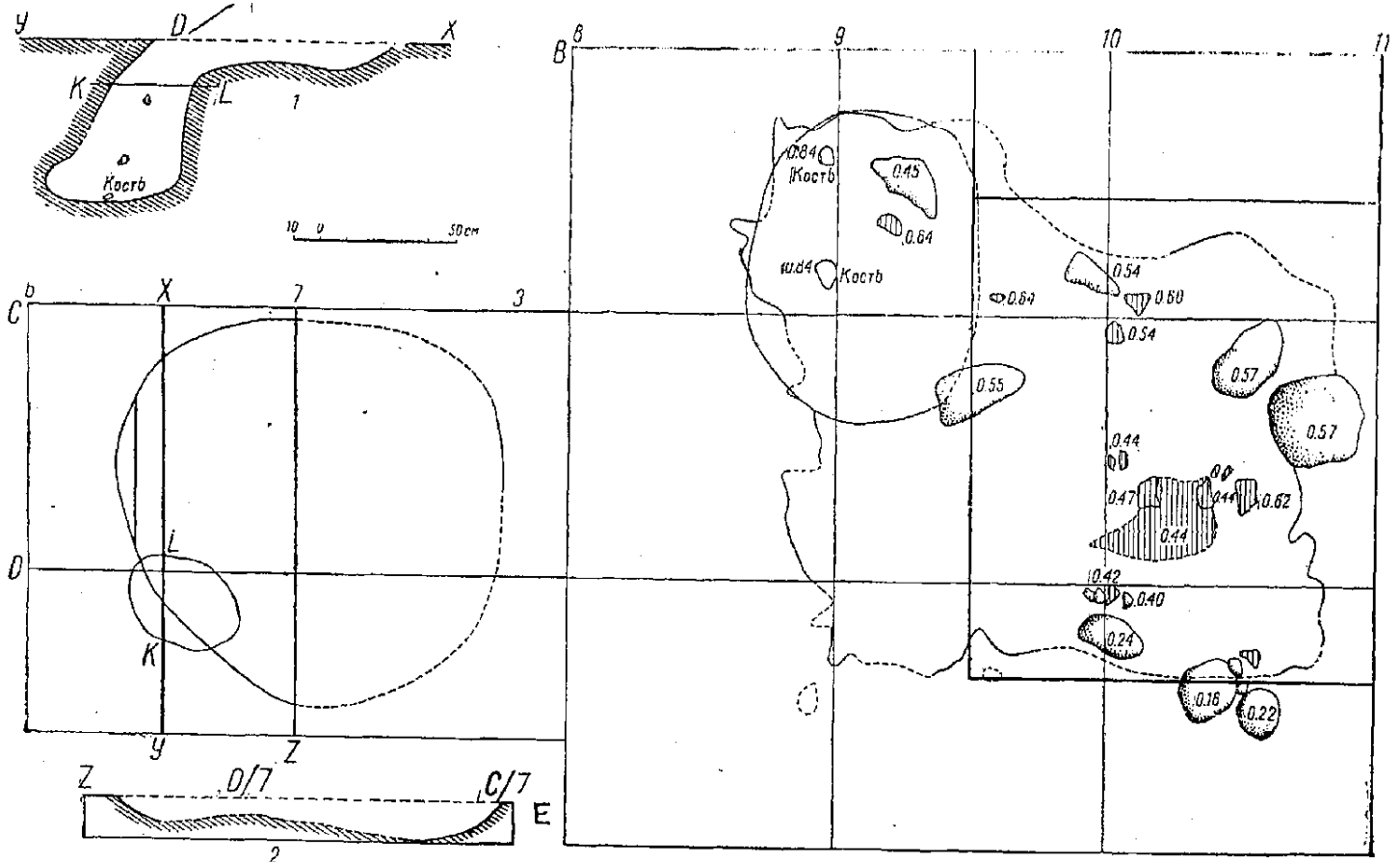

Рис. 14. Раскоп № 3. Долинское поселение.

1—2 — разрезы древней ямы в квадратах С/6 — D/8; 3 — план части раскопа.

грязноватоохряного цвета с мелкими пятнами гумусной окраски в верхнем своем горизонте.

Супесчаный слой на всей площади раскопа, как и в раскопе № 2, был чрезвычайно беден культурными остатками, располагавшимися большей частью или на его поверхности или непосредственно под ним.

На глубине 0.57 м от пикета Е/11 в квадратах В/8—Е/11 на зачищенной поверхности суглинистого слоя обозначилось неправильной формы пятно (рис. 14, 3), заполнение которого отличалось от окружающего грунта более темным цветом, вследствие большой насыщенности углем, и большим содержанием культурных остатков, в числе которых следует отметить обломки костей животных. В квадратах В/9—С/10 и С/10—Е/11 были встречены камни размерами от 0.20 до 0.40×0.15 м, большая часть которых располагалась внутри пятна, у его границы и лежала, примерно,

подставок (табл. III, 1) и небольшое количество обломков костей животных. Данное скопление возвышалось на 0.10 м над зачищенной поверхностью пятна и имело в плане неправильную форму; площадь его равнялась 0.30×0.45 м.

Обрезами и дальнейшим снятием культурного слоя в квадратах В/8—Е/11 было выяснено, что глубина встреченного углубления колеблется между 0.07 и 0.09 м и лишь в квадратах В/8—D/10 она равна 0.29 м, т. е. 0.86 м от пикета Е/11, где дно его имеет овальную форму с неясной границей одной стороны. Там же в квадрате В/8—С/10 были обнаружены на глубине 0.84 м от Е/11, т. е. на дне углубления, кости животных. Несколько обломков костей животных в чрезвычайно разрушенном состоянии были встречены на различной высоте и над зачищенной поверхностью культурного комплекса, т. е. выше

уровня 0.57 м от пикета Е/11 в квадратах В/9—С/10 и С/8—Е/11.

При углублении же квадратов С/5—D/8 до уровня 0.83 м от пикета Е/11, было замечено, что обрез по линии D/5—D/7, зачерченный по снятии дернового и супесчанистого слоев (рис. 13, 2), состоял из верхнего, культурного слоя, суглинистого в основе (III), имевшего слабые признаки перемешанности, комковатую структуру и большее содержание культурных остатков в верхней части, чем в нижней. Глубокие затеки проникали в ниже лежащий слой, глинистый, неоднородный по составу, с темными пятнами гумусного характера в верхней части, не содержащий культурных остатков, постепенно снижающийся и имеющий перерыв шириной в 0.20 м и в нижней части обреза, посредине между линиями 6 и 7 (III), куда снижался культурный слой.

Этот перерыв чистой глины, заполненный налегающим на нее культурным слоем, был, хотя и весьма слабо, замечен и на горизонтальном срезе квадратов.

Замеченное в обресе и плане понижение культурного слоя заставило произвести дальнейшее углубление вскрытой площади. На уровне 0.90 м от нулевой точки раскопа (Е/11) было констатировано, что часть зачищенной поверхности квадратов С/6—D/8, прилегающая к линии D, насыщена углем и обломками керамики. Отчетливо выраженная граница горизонтального залегания культурного слоя на этом уровне была прослежена не везде, но учет распространения керамических остатков и угля, частично растворившегося в грунте и потому придавшего последнему темную окраску, позволили примерно очертить площадь культурного слоя, которая оказалась по форме приближающейся к овалу (рис. 14, 3) и частично уходила в квадраты D/6—E/8. Руководствуясь последним обстоятельством, произвели прирезку к линии D части квадратов D/6—E/8 шириной в 0.60 м. На доведенной также до уровня 0.90 м от пикета Е/11 поверхности прирезанной площади была околнурена заходившая сюда часть культурного пятна, окончательная форма которого оказалась округлой, слегка вытянутой по направлению к пикету С/6.

Повторными вертикальными срезами, производившимися от линии 6 к линии 7 и имевшими параллельное им направление, чередовавшимся с горизонтальными зачистками поверхности углубляемых квадратов, было установлено, что замеченное на поверхности пятно перемешанного грунта, содержащее культурные остатки, является заполнением ямы.

Большая часть вскрытой ямы имела глубину в 0.10 м (рис. 14, 2), наиболее же глубокая ее часть, имея овальное сечение, под небольшим наклоном уходила за линию D (рис. 14, 1) в квадрат D/6—E/7, что совпадало и с вышеотмеченным понижением су-

глинка, содержащего культурные остатки, по линии D/5—D/7. Книзу яма расширялась и в части, вышедшей за линию D, получала вид небольшого подбоя; дно же имела округлое. Глубина ямы, считая верхний ее обрез по горизонту 0.83 м от Е/11, равнялась 0.67 м; точнее, нижняя точка ее дна находилась на глубине 1.50 м от Е/11. Мешаное заполнение ямы содержало мелкие угольки, обломки керамики и кости животных. Окружавший яму грунт был чистой глиной, что и позволило по исследованию описанного комплекса прекратить дальнейшее углубление данной площади раскопа.

Необходимо отметить, что в процессе раскопки на различной глубине в некоторых квадратах были встречены незначительные по величине прослойки с большим содержанием углистых частиц, имевшее обычно в плане неправильную форму.

РАСКОП № 4

Встреченный в раскопе № 2 культурный комплекс позволял предполагать наличие остатков жилища на близком расстоянии от исследованной площади, поэтому замеченное неподалеку скопление культурных остатков на дне промоины и послужило основанием для заложения здесь нового раскопа № 4, начало работы на котором проходило одновременно с работой на раскопе № 3.

Таким образом площадь раскопа № 4 оказалась в 18 м к ЮЗ от раскопа № 2. Первоначальный раскоп (рис. 15) площадью 3×4 м (А/3—D/3—D/5—А/5) в процессе исследования был расширен на 2 м в каждую сторону, так что окончательная его площадь достигла 24 кв. м (3×8 м), канава же, в которой было замечено скопление культурных остатков, имевшая в пределах раскопа ширину от 0.25 до 0.70 м, проходила почти по диагонали его площади, а указанное скопление (d) оказалось в квадрате В/5—С/6.

Угол раскопа А/3—А/1—С/1 включал нижнюю часть небольшого всхолмления, в связи с чем поверхность раскопа в данном месте имела подъем по направлению к пикету А/1.

Так как проходящая через раскоп канава разрезала почти донизу находящиеся в данном месте культурные отложения, то и исследование заключенной в границы раскопа площади оказалось наиболее удобным вести отдельно, на двух естественно расчлененных участках.

По снятии дернового слоя, на глубине 0.05 м от пикета D/9 было установлено, что в части угла С/9—D/9—D/6 залегала рыхлая золистая прослойка серого цвета, с небольшим содержанием обломков керамики (мощностью 0.05 м), уходящая в стенку раскопа. Протяженность этой прослойки, обозначенной нами буквой а, по линии С/9—D/9 была равна

0.77 м, по линии же D/6—D/9 2.28 м от пикета D/9.

Постепенно сходя на-нет к краям, прослойка *a* наслаивалась на соседний серый супесчаный слой, мощностью от 0.07 до 0.08 м, почти лишенный культурных остатков (слой II).

Между супесчаным слоем (II) и краем канавы в квадратах C/4—D/6 и B/6—D/9 находились две прослойки *b* и *c*, незаметно переходящие друг в друга в квадрате C/6—D/7 и потому не имеющие отчетливо выраженной границы соприкосновения между собой, но довольно резко отличающиеся цветом, структурой и содержанием от окру-

женно выклинивающихся, а также во многих частях сращенных, вследствие более или менее однородного состава (преобладает песок), прослеживалось и оконтуривалось с большим трудом.

На участке же раскопа, находящемся между линией А и краем канавы, выяснилось, что супесчаный слой (II), имевший здесь среднюю мощность в 0.08—0.10 м, залегал в квадратах A/3—B/9, выклиниваясь без четкой границы в квадрате A/3—B/4.

На остальной площади участка залегал гумусированный суглинистый в основе слой, с большим содержанием обломков керамики, угольков, частиц обожженной глины и кру-

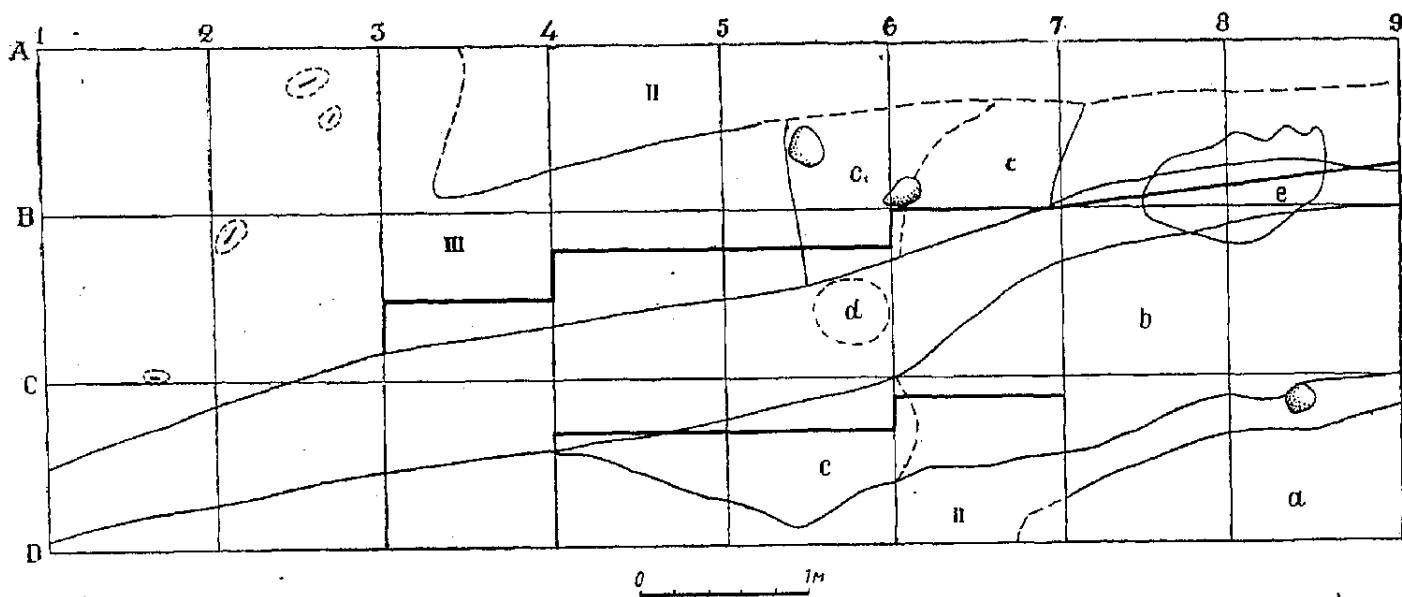

Рис. 15. План раскопа № 4. Долинское поселение.

жающего их грунта. Прослойка *c*, мешаная и комковатая по структуре, имела темносерый, почти коричневый цвет с зеленоватым оттенком вследствие большого содержания местной глины. Прослойка *b* включала большое количество мелких углистых частиц и была желтоватого цвета. Обе прослойки имели среднюю мощность, равную, примерно, мощности прослойки *a*.

При дальнейших расчистках и углублении выяснилось, что супесчаный слой (II), уходя под прослойку *a* и уменьшаясь по мощности, незаметно срашивался с последней, так что обрез у пикета D/9 имел следующий вид: сверху шел дерновой слой (I) мощностью около 0.03 м, ниже — супесчаный (II), около 0.07—0.08 м с весьма малым содержанием культурных остатков, а под ним — основной культурный слой суглинистого характера (III). Та же часть слоя II, которая уходила под прослойки *b* и *c*, выклинивалась в 0.30—0.50 м от линии соприкосновения перечисленных трех отложений. Следует отметить, что распространение поверхностных отложений раскопа, как весьма тонких и посте-

пинок шамота, выделявшихся своим ярко-красным цветом. В квадратах A/5—C/7 он был перекрыт тонкой прослойкой типа прослойки *c*; часть последней, заходящая в квадрат A/5—C/6, имела мешаный характер и была сильно насыщена пятнами желтой супеси.

Из находок в дерновом слое и непосредственно под ним следует отметить: кремневый вкладыш (рис. 23, 2), обсидиановый отщеп с ретушью (рис. 23, 17), кремневый наконечник (рис. 22, 5), найденный в скоплении обломков сосуда с ручками оранжево-красного цвета, каменный терочник и обломки тонкостенной мисочки красно-оранжевого цвета.

Непосредственно под отмеченными слоями в квадратах C/3—D/6 и B/6—D/9 шел суглинистый в основе слой (III) со значительным содержанием культурных остатков в верхней своей части (0.21—0.27 м от поверхности раскопа), переходящий постепенно в нижележащую материковую глину. В квадратах же C/1—D/3 участок между линией D и канавой, не разрушенный последней, был настолько мал, что углубление его до мате-

рика не дало почти никаких культурных остатков, за исключением угольков, расплывшихся в окружающем грунте, а поэтому утерявших четкие контуры.

В квадратах же А/1—С/6 и А/6—В/9 залегал суглинистый в основе слой (III), частично, как уже было отмечено выше, перекрытый в квадратах А/3—В/9 супесчаным слоем (II). Характерными особенностями этого слоя III, помимо большого содержания глины, являлись значительное содержание культурных остатков, сравнительно сильная насыщенность гумусом в виде пятен и цветность. Следует отметить, что в квадратах А/7—В/9 слой III был беднее культурными остатками и обладал более светлым цветом, по сравнению с залегающим в соседних квадратах.

В обрезах по линии А было довольно хорошо заметно, что этот слой III в свою очередь делится на два горизонта (рис. 16, 1). Верхний горизонт (III) мощностью около 0.15 м, имея желтый цвет, содержит в себе довольно большое количество песка, особенно в верхней своей части, чем отличается от нижележащего горизонта (IIIa), который вследствие большого присутствия глинистых частиц имел коричневый цвет с зеленоватым оттенком и уменьшающиеся по мере углубления культурные остатки.

Наиболее сильная насыщенность гумусом верхнего горизонта слоя III наблюдалась в квадратах А/1—С/6.

При углублении квадратов А/7—В/9 до уровня дна канавы, т. е. на глубине 0.38 м от пикета А/3, было замечено пятно неправильной формы, заполнение которого отличалось от окружающего грунта более темным цветом и представляло собой мешаную глину с культурными остатками (керамика, угольки). При подчистке оказалось, что частично границы пятна заходят в квадраты В/7—С/9, так что центр его почти совпадал с пикетом В/8. Произведенным обрезом от пикета В/7 к точке, находящейся на линии 9 и отстоящей от пикета А/9 на 0.75 м, был вскрыт профиль углубления (рис. 16, 2), показавший, что наибольшая глубина последнего достигает 0.09 м, причем наименьшую глубину имеет центральная часть углубления.

Незначительное содержание культурных остатков в слое III наблюдалось и в квадрате А/3—В/4, а также в квадрате В/3—С/4, где нижний горизонт этого слоя совсем почти не дал находок.

Во втором штыке, после снятия дернового слоя, на глубине 0.40 м от пикета А/3, в квадратах А/2—В/3 и В/1—С/3 были встречены сильно разрушившиеся кости животных. Здесь, как уже было отмечено выше, супесчаный слой II отсутствовал, а верхний горизонт (менее отчетливо разграниченный с нижним горизонтом) слоя III, непосредственно подсти-

лающий дерновой покров, содержал большое количество гумуса, результатом чего являлась более темная окрашенность слоя на данном участке. В квадратах В/1—С/3 один обломок кости находился между пикетами С/1 и С/2 на линии С и 3 обломка костей у пикета В/2. В квадрате же А/2—В/3 были вскрыты зубы и челюсть животного, лежащие отдельно друг от друга.

Основной массой находок в слое III, как и в вышележащих горизонтах, являлись обломки глиняных сосудов, которые, подобно встреченным в раскопах № 2 и № 3, делились по характеру теста на две группы. Следует отметить обломки оранжево-красных и грубых серых мисочек и нижнюю часть небольшого сосулика с овальным основанием (табл. VII, 5). Остальными находками, за исключением кремневых осколков и отщепов, были: кремневые поделки: наконечник (рис. 22, 3), кривой

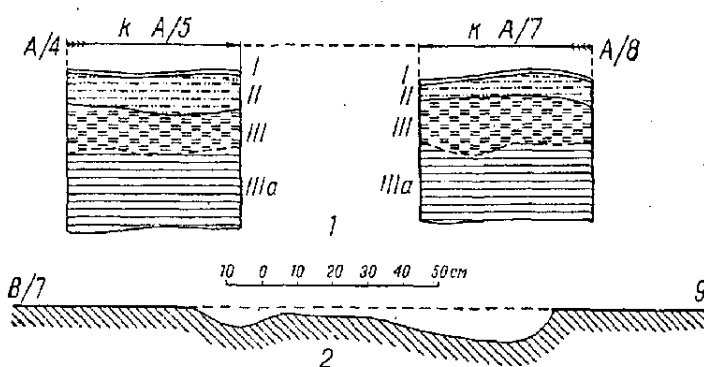

Рис. 16. Раскоп № 4. Долинское поселение.
1 — обрезы раскопа; 2 — разрез углубления в квадратах А/7—С/9.

нож (рис. 23, 10), резец срединного типа (рис. 22, 13), кремневая пластинка с ретушью, каменный пестик, гальки округлой формы со стертими плоскостями, удлиненная галька с зашлифованными плоскостями, обломок каменной зернотерки и обломанное с обоих концов каменное четырехгранное изделие с отшлифованными плоскостями.

На уровне 0.65 м от пикета А/3, что соответствует глубине 0.40 м от пикета В/7, углубление раскопа было прекращено в связи с отсутствием культурных остатков и наличием чистой материковой глины. Лишь в квадратах А/7—В/9, где на вышеотмеченном уровне глина все же имела незначительные вкрапления угольков, было произведено углубление еще на один штык, показавший, что эти включения встречаются в небольшом количестве только в верхней части штыка, а ниже идет также чистый грунт. Следует отметить, что угольки, залегающие в нижней части слоя III на всей площади раскопа, растворившись в окружающем грунте, утратили свои четкие контуры.

Сильная насыщенность гумусом верхнего горизонта культурного слоя в квадратах А/1—С/3, включавших часть небольшого всхолмления, большая площадь которого осталась за

границами раскопа, позволяла предполагать, что последнее является невысоким расплывшимся курганом. Но тщательная зачистка стенок раскопа по линиям В/1—А/1—А/3 не дала никаких данных в пользу этого предположения.

Скопление же культурных остатков, которые состояли из обломков глиняных сосудов, находившихся на дне промоины и послуживших основанием для заложения в данном пункте раскопа, следует считать результатом намыва, так как расчистка не дала никаких признаков залегания этого скопления *in situ*.

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Проведенными исследованиями, в особенности работами 1933 г., была достаточно отчетливо установлена стратиграфия поверхност-

Рис. 17. Общий вид Долинского поселения в районе раскопов №№ 2—4.

ной части террасы, на которой находится поселение.

Основными горизонтами, слагающими эту часть террасы, являются три резко разграниченных слоя.

Первый горизонт — верхний — являющийся современным растительным слоем (I), имеет обычно мощность в 0.05—0.15 м, увеличивающуюся в местах понижения подстилающих его слоев. Как на поверхности, так и в толще его встречаются в небольшом количестве древние культурные остатки в виде обломков керамики, кремневых или обсидиановых отщепов и осколков, реже — орудий. Этот слой, как уже неоднократно отмечалось, сильно разрушен проходящими вдоль террасы промоинами глубиной до 0.70 м, основанием для образования которых послужили в большинстве случаев многочисленные дорожные колеи (рис. 17).

Залегающий под дерновым слоем второй основной горизонт представляет собой серый слой супесчанистого характера (II); вследствие

большого содержания песка он настолько плотен, что корни травяной растительности почти не проникают в него, чрезвычайно облегчая его обнажение. Мощность этого слоя в среднем обычно равна 0.10—0.15 м и лишь в некоторых местах западин нижележащего горизонта он утолщается, сохраняя более или менее ровную свою поверхность. В одном из обрезов раскопа № 3 достаточно отчетливо выражена горизонтальная слоистость этого горизонта. На поверхности его встречаются в небольшом количестве расположенные сравнительно далеко друг от друга мелкие обломки глиняных сосудов, отщепы и осколки кремня и обсидиана, обломки каменных терочников, не имеющие в своем расположении никакого порядка. Только встреченные в пределах площади раскопа № 2 дно пругого сосуда рядом с каменной зернотеркой и лежащая неподалеку галька с плоской поверхностью, возможно служившая в качестве терочника, могут вызывать предположение о залегании их *in situ*. Толща же самого слоя почти стерильна, и находки в ней насчитываются буквально единицами.

Следует отметить, что на территории раскопа № 4 данный слой был перекрыт в некоторой своей части тонкими (ок. 0.05 м) прослойками глинистого характера, прилежавшими к промоине, прорезавшей раскоп (рис. 15, *b* и *c*), и такой же тонкой прослойкой, близкой к нему по цвету и характеру содержания, но отличающейся более рыхлой, «губчатой» структурой (рис. 15, *a*), причем последняя из указанных прослоек только лишь на границе своего выклинивания сравнительно резко отделялась от подстилающего ее описываемого слоя, а в остальной своей массе была с ним сращена.

Под слоем II залегают культурный слой III, суглинистый в основе, комковатой структуры. Имея в верхней части светлорыжий, почти желтый цвет, этот слой книзу темнеет, приобретая темнокоричневую окраску вследствие уменьшения содержащегося в нем песка. Там же, в верхней части слоя III, наблюдаются темные пятна гумусного характера, имеющие вытянутые по вертикали очертания в виде затеков и являющиеся, вероятно, остатками корневищ. Вертикальное распространение этих пятен лучше всего наблюдается там, где культурные остатки либо совсем отсутствуют, как, напр., в обрезах пробного шурфа, заложеного близ раскопа № 1 и берегового края террасы в связи с проектируемым строительством, либо находятся сосредоточенными в комплексах (раскопы №№ 2 и 3). В местах же большей насыщенности беспорядочно залегающими культурными остатками, как, напр., в раскопе № 4 и осмотренных в 1932 г. некоторых промоинах, гумусные пятна имеют обычно небольшие размеры, что, несомненно, является следствием механического перемещения грунта. Что же касается самих культурных остатков, то они залегают в слое III или в виде отдель-

ных находок (обломки керамики, каменные поделки или отбросы производства, угольки), наибольшей глубиной которых можно считать 1 м от поверхности этого слоя, или целыми комплексами, сосредоточенные в древних ямах определенной формы, и тогда грунт, окружающий ямы, является почти стерильным.

В нижней своей части этот слой, приобретая плотную структуру, почти незаметно переходит в нижележащую чистую материковую глину (III).

В раскопах №№ 3 и 4 было отмечено, что вышеописанный слой супесчаного характера (слой II) в некоторых местах отсутствует и подстилающим дерновым является нижний культурный слой III. Отсутствие слоя II было констатировано в раскопе № 4 на площади, прилегающей к современной промоине и к небольшой возвышенности, частично вошедшей в пределы раскопа, а в одном из обрезов раскопа № 3 — на понижающейся к месту наибольшего углубления поверхности слоя III, причем впадина последнего, являющаяся, повидимому, руслом древней промоины, была заполнена слоем II, имевшим здесь резко выраженную горизонтальную стратификацию.

Приведенная характеристика наслоений наблюдалась в раскопах №№ 2, 3 и 4 и в обресе строительного шурфа. Следует только отметить, что на площади расположения шурфа, судя по его стенкам и окружающей поверхности, культурные остатки поселения отсутствуют и вышеописанные слои I, II и III с хорошо выраженной орштейновой частью между двумя последними являются стерильными. В раскопе же № 1 серый слой II отсутствовал и культурные комплексы находились непосредственно под почвенным покровом в суглинистом слое III, что явилось смущающим обстоятельством в начале работ на раскопе № 2, заложенном через год, и заставило обнажить здесь слой II на площади в 196 кв. м, с целью выяснения его сохранности.

Подобное различие в наслоениях раскопа № 1 и раскопов № 2—4 потребовало еще в поле своего объяснения. И тогда же, при учете наличия орштейновой части в поверхностной толще суглинистого слоя III, замеченной в обрезах строительного шурфа, можно было высказать предположение о происхождении серого слоя II путем оподзоливания основного суглинистого грунта. В то же время наблюдения, сделанные в отношении состава и характера растительности, покрывающей террасу и ее склоны, позволили предположить, что на склонах, обращенных в сторону гор и леса, имеются признаки недавно сведенного леса; что же касается основной поверхности террасы, на которой расположено поселение, то отсутствие на ней дубняка, орешника и мелкого чинара, калины, характерных для склонов, и высокого травостоя, обычного для недавно сведенного леса, при наличии дикой яблони,

груши, алычи и пр. говорит скорее о том, что здесь лес был сведен давно.

Эти наблюдения и предположения, как нам кажется, целиком увязываются и с данными, полученными в результате раскопок.

Повидимому, облесение поверхности террасы вызвало оподзоливание почвы. В дальнейшем, поверхностные воды, вследствие продолжительного падения террасы, размывая разрыхленный оподзоленный горизонт суглинка, что, возможно, совпало с исчезновением лесной растительности, усугубившим размыв, переотложили образовавшийся подзол. Это подтверждается заполнением западин слоя III слоем II (рис. 13,1) и объясняет супесчаный характер последнего, так как более легкие, чем песок, глинистые частицы не так быстро осаждались и сносились дальше. Слой этот, имеющий четкие верхнюю и нижнюю границы залегания, таким образом, геологического, а не почвенного происхождения. На происшедший в древности размыв террасы поверхностными водами указывает та же западина слоя III, замеченная в раскопе № 3 (рис. 13,1) и являющаяся, вероятно, руслом древней канавы, которая, выработывая свое ложе, смыла на своей первоначальной площади этот переотложенный слой II, чем и объясняется отсутствие его на склонах к западине; затем эта канава, углубившись и закупорившись, заполнилась принесенным сверху материалом размыва подзола, т. е. опять-таки возник слой II, имеющий горизонтальную стратификацию, как осадочный.

То, что здесь мы имеем дело с древней промоиной, подтверждают данные раскопа № 4, где на участках, прилегающих к краям современной канавы, слой II также отсутствует (рис. 15). Подмеченное в этом же раскопе выклинивание слоя II по направлению к возвышенности, частично вошедшей в пределы раскопа, опять-таки говорит о его наносном происхождении, а сращенность с покрывающей его прослойкой *a*, однородной по составу и цвету, но отличающейся большей рыхлостью и являющейся, вероятно, результатом современного почвообразования, также как будто свидетельствует об однородном их происхождении. В то же время почти полная стерильность этого слоя станет для нас ясной также лишь тогда, когда мы выскажемся в пользу происхождения его путем намыва, так как даже современная поверхность террасы и ее почвенный покров содержат небольшое количество культурных остатков, концентрирующихся обычно, если они не являются частями вскрытых древних комплексов *in situ*, в западинах самой поверхности или прорезающих ее промоин.

Если мы согласимся с подобным объяснением констатированной в раскопах №№ 2, 3 и 4 стратиграфии, то отсутствие слоя II в пределах раскопа № 1 можно будет объяснить

лишь механическим разрушением его на данном участке, а это, как нам кажется, только лишь подтверждают встреченные здесь археологические комплексы.

Действительно, если мы посмотрим материал каждой из вскрытых здесь древних ям в отдельности, то нам прежде всего бросится в глаза различие между керамическими остатками ямы, находившейся в квадратах Д/7—Ж/9, и подобными же находками остальных ям. Это различие заключается в том, что только в первой из указанных ям находились характерные для раскопов №№ 2—4 обломки красно-оранжевых сосудов с сильно пачкающейся поверхностью, изготовленные из чистой глины. Остальным материалом здесь являются фрагменты грубой керамики, темной расцветки, содержащей в черепке большое количество крупнозернистого песка, что опять-таки характерно для указанных трех последующих раскопов. Керамика же остальных ям раскопа № 1 резко отличается от найденной в отмеченном комплексе как своими формами и цветностью, так и характером теста. Это различие в материале древних комплексов раскопа № 1 позволяет нам говорить о разновременном их происхождении и считать более древней яму в квадратах Д/7—Ж/9, тем более, что над частью ее находились куски глиняной обмазки, расположенные на том же уровне, как и в остальных участках раскопа; правда, отдельные обломки последней встречались и при расчистке заполнения ямы, что можно объяснить их позднейшим проникновением.

Это различие во времени происхождения комплексов раскопа № 1 подтверждается, как мы постараемся показать в дальнейшем, и сопоставлением встреченной в них керамики с керамикой из широко известных, уже датированных археологических комплексов.

Здесь же необходимо отметить, что обломки оранжево-красных сосудов были найдены и на некоторых остальных участках раскопа, но их незначительное количество (буквально единичные экземпляры) и залегание их только вне остальных древних ям говорит за то, что они попали сюда случайно, при вторичном заселении этого участка, когда и был прорезан и уничтожен слой II. Наличие же в небольшом количестве обломков этих сосудов в дерновом слое раскопов №№ 3 и 4 объясняется, несомненно, сильным разрушением поверхностной части террасы в данном месте канавами, прорезавшими площадь указанных раскопов и нарушившими частично первоначальное залегание культурных остатков.

Разрушением слоя в период последующего заселения террасы можно объяснить и наблюдавшееся в 1932 г., при некоторых подчистках стенок промытых рытвин, непосредственное залегание современного почвенного покрова на глине и механическую перемещанность верхних слоев этой глины с почвой.

РАСКОПКИ КУРГАНОВ

В 1932 г. одновременно с изучением жилого комплекса намечалось проведение раскопок нескольких курганов, расположенных по краю террасы, занятой поселением, со стороны, обращенной к долине Нальчика (рис. 3). Исследование это должно было иметь целью получение данных для характеристики курганного могильника и выяснение возможности увязки его с поселением. Однако уже отмечавшийся нами недостаток рабочей силы привел к необходимости произвести раскопки могильника в размерах, недостаточных для его всесторонней оценки. Раскопаны были лишь два кургана малой величины, из которых один стоял под угрозой неизбежного разрушения оврагом, уже размывшим часть насыпи. Курганы эти раскапывались в то время, когда работа на поселении прекращалась из-за дождей или когда производилась расчистка культурных остатков, не требующая применения рабочей силы. Первый из исследованных курганов находился вблизи места раскопов 1933 г. и был сильно поврежден оползанием края террасы и работой небольшого овражка. Сильно разрушенной оказалась нижняя часть насыпи; здесь со стороны оврага были видны большие камни, составлявшие, очевидно, обкладку кургана. В северо-восточной части насыпи росло несколько небольших деревьев. Высота кургана по данным нивелировки 0,7 м, диаметр около 10 м. При исследовании была снята большая часть насыпи, за исключением ее северо-восточной части, поросшей деревьями, так как раскопки на этом участке не могли быть произведены без порубки деревьев и выкорчевывания корней, пронизывавших густой сетью насыпь кургана. При незначительной высоте кургана и несомненном оплыве его насыпи трудно было ожидать наличия погребений по его периферии, а факт отсутствия их в остальных раскопанных полах кургана подтверждал это предположение.¹

Насыпь кургана была покрыта очень тонким дерновым слоем, над которым шел плотно слежавшийся суглинок коричневатого цвета, с большим трудом поддававшийся лопате. В толще насыпи, частично непосредственно под дерновым слоем, а местами в суглинке, было обнаружено большое количество крупных камней, залегавших в беспорядке почти на всей вскрытой площади (рис. 18). Камни отсутствовали лишь в северо-западной части раскопа, и

¹ Площадь, подвергшаяся раскопкам, была разбита на двухметровые квадраты, по которым и производилась фиксация отдельных находок в насыпи кургана. Измерения глубин велись от пикетов на поверхности кургана, находившихся на углах квадратов и взаимно увязанных путем нивелировки. Высотные отметки этих пикетов были вычислены от наиболее низкой точки насыпи, принятой нами за нулевую точку раскопа. Приводимые в дальнейшем, а также отмеченные на публикуемых планах замеры глубин отнесены к этой точке.

в несколько меньшем количестве они встречались в центре кургана. По всей вероятности, первоначально эти камни составляли обкладку насыпи, впоследствии сильно разрушенную. Характер обкладки, по сохранившимся остаткам, выяснить затруднительно. Более вероятным кажется предположение, что вся насыпь курга-

сыпи кургана над булыжником были найдены мелкие замытые обломки керамики, осколки кремня и обсидиана, а также несколько кремневых орудий. Приведем распределение находок по площади раскопа.

Квадрат А/2 — В/3: три обломка стенок глиняных сосудов.

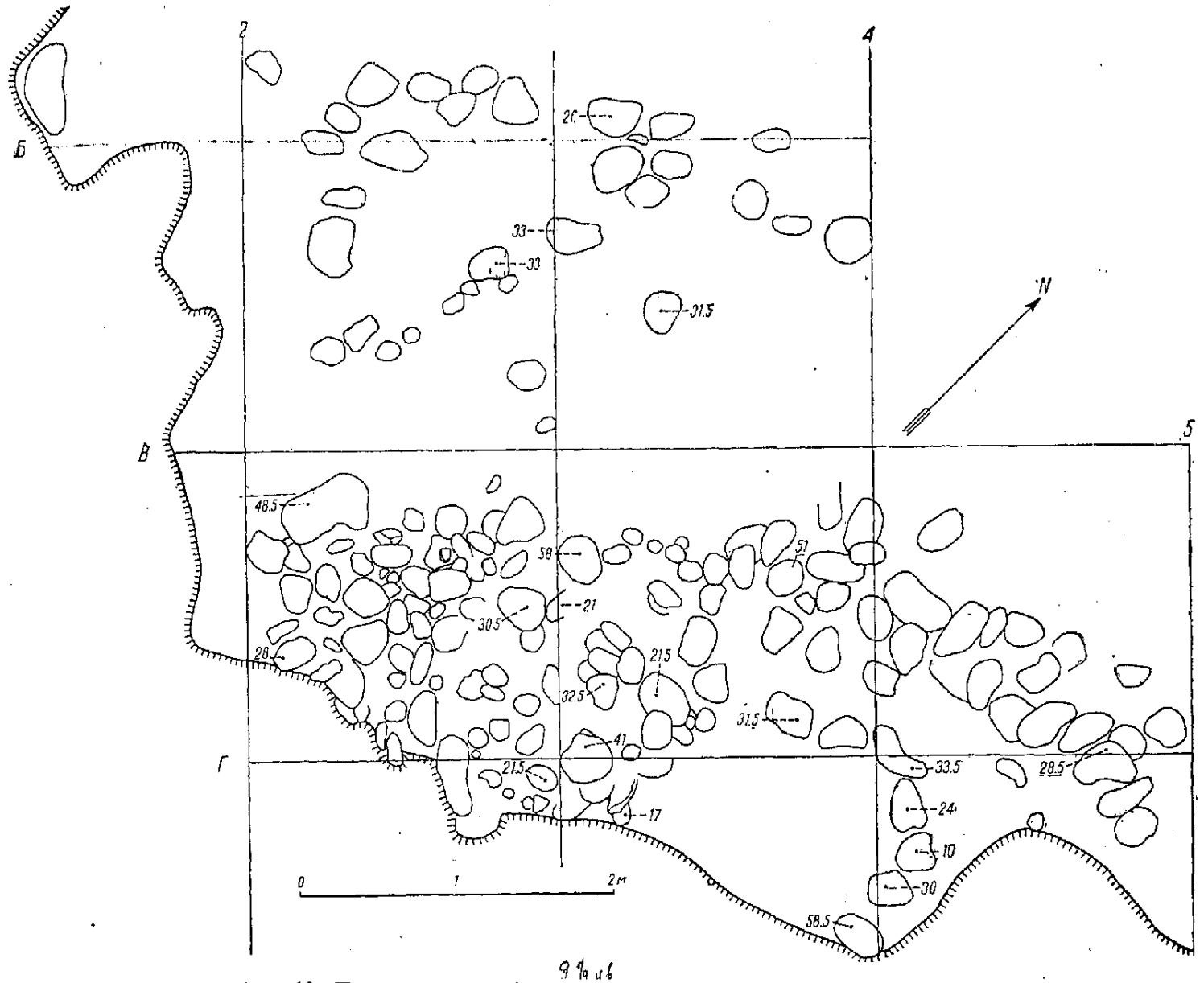

Рис. 18. План каменной обкладки кургана № 1. Долинское поселение.

на была покрыта камнем. Подобные каменные обкладки характерны для курганов эпохи бронзы на Северном Кавказе. Покрытие насыпи камнем было отмечено, напр., Северо-Кавказской экспедицией при раскопках кургана № 2,¹ расположенного в местности «Садки» у г. Нальчика, а также оно наблюдалось в кургане у с. Соломенка, публикуемом в настоящей работе. Каменная обкладка видна и на других курганах могильника у хут. Долинского, в тех местах, где поверхность этих насыпей нарушена грабительскими ямами. В на-

Квадрат Б/1—В/2: кремневый скребок на конце пластины (рис. 19, 2), десять осколков кремня, один осколок обсидиана и обломок стенки глиняного сосуда.

Квадрат Б/2—В/3: осколок кремня.

Квадрат Б/3—В/4: три осколка кремня.

Квадрат В/2—Г/3: кусок кремня, два обломка стенок глиняных сосудов, один фрагмент венчика.

Квадрат В/3—Г/4: кремневый скребок на конце пластины и один осколок кремня.

Квадрат Г/2—Д/3: кремневый вкладыш в серп (рис. 23, 1) и десять осколков кремня.

Квадрат Г/3—Г/4: осколок кремня и один фрагмент венчика глиняного сосуда.

Квадрат Д/2—Е/3: обломок кремневого орудия, по всей вероятности часть наконечника копья листовидной формы (рис. 19, 1), пять осколков кремня и три обломка стенок глиняных сосудов.

¹ А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3, стр. 27.

Как видно из приведенного перечня находок, они встречались во всех частях раскопа более или менее равномерно. Фрагменты керамики принадлежат нескольким сосудам и по технике изготовления могут быть сближаемы с сосудами из культурных комплексов поселе-

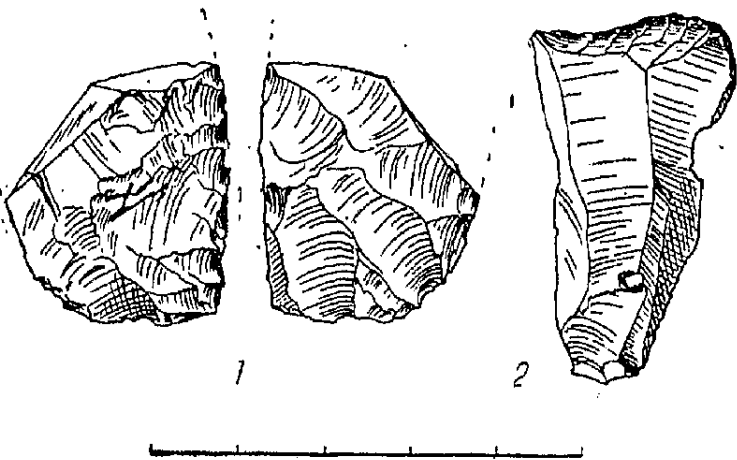

Рис. 19. Кремневые орудия из кургана № 1. Долинское поселение.

ния. К сожалению, очень небольшие размеры обломков не позволяют произвести сравнение формы сосудов. Можно сказать лишь о двух фрагментах венчиков, что они принадлежали сосудам, изготовленным из оранжево-красной глины и хорошо известным по материалам раскопок 1933 г. (табл. VI). Кремневые поделки,

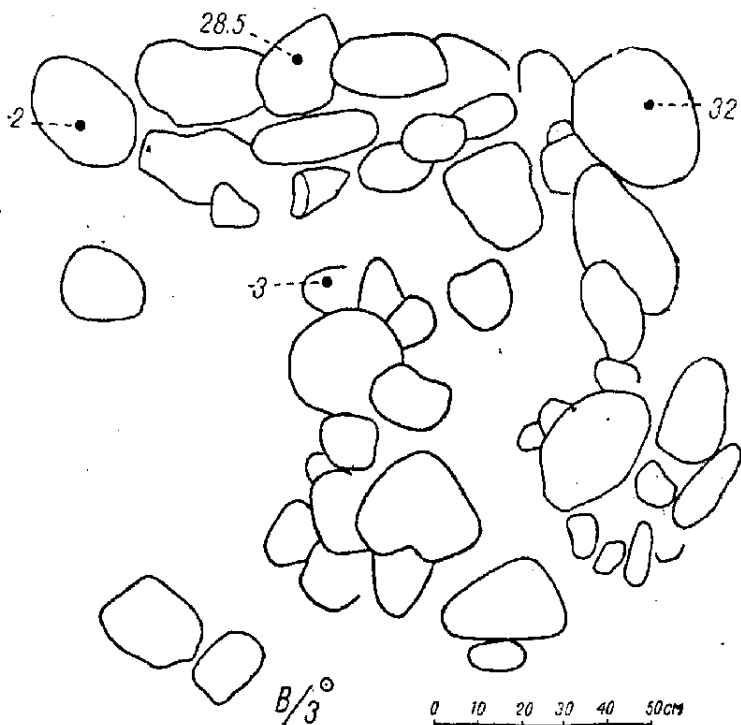

Рис. 20. План каменной обкладки могилы в кургане № 1. Долинское поселение.

найденные в насыпи кургана, также близки к происходящим из раскопок на поселении. Скребок, изготовленный на конце пластины (рис. 19, 2), может быть сопоставлен с аналогичным орудием, найденным в одном из раскопок

(рис. 23, 9). Для него точно так же характерно сочетание на рабочем крае выпуклой и вогнутой части, тщательно обработанной ретушью. Кремневый вкладыш в серп, описанный нами при характеристике кремневых орудий поселения, также может быть сближаем с целой группой поделок этого рода. Нам представляется вероятным, что все перечисленные находки не имеют отношения к могильному сооружению, а должны быть рассматриваемы как материал из культурных комплексов поселения, с поверхности которого, возможно, и была взята земля для насыпки кургана.

Непосредственно под каменной обкладкой насыпи на границе между квадратами Б/2—

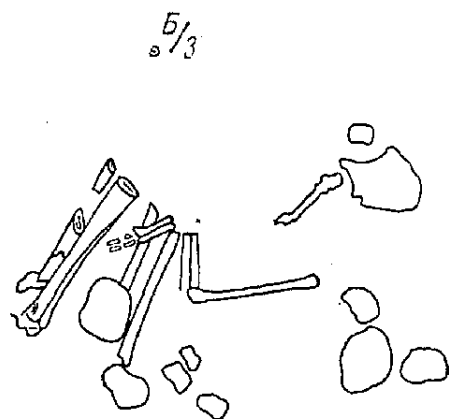

Рис. 21. Погребение в кургане № 1. Долинское поселение.

Б/3 и Б/3—Б/4 находилась обкладка могилы, представлявшая собой скопление булыжника: значительная часть камней была поставлена или вертикально или с небольшим наклоном. На рис. 20 даем план обкладки. При снятии этих камней найдено два обломка стенок глиняных сосудов.

Под обкладкой, на поверхности материковой глины, обнаружено погребение. Костяк лежал в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЮЗ (рис. 21). Ноги согнуты в тазовом сочленении и в коленях таким образом, что кости бедра и голени лежат почти параллельно друг другу. Левая рука согнута в локте под прямым углом. Сохранность костей очень плохая. Кости черепа раздроблены, обломки челюсти найдены значительно ниже, в области грудных костей. Ребра, позвоночник, кости таза и фаланги конеч-

ностей не сохранились. Кости предплечья, левой руки и голени разбиты.

Вблизи костяка найдены небольшой обломок стенки глиняного сосуда и кусок челюсти коровы. В земле, окружавшей костяк, заметны были очень мелкие кусочки охры и угольков. Один из камней, лежавших вблизи головы погребенного, имел признаки действия огня. Костяк лежал на глубине 0.05 м от пулевой точки раскопа или 0.76 м от пикета на вершине кургана. Измерения даны до земли под черепом.

Второй курган, раскопанный экспедицией в 1932 г., оказался значительно более поздним. Насколько можно судить по обряду погребения и найденным в этом кургане вещам, его можно связывать с теми разрушенными могилами, которые дали предметы, датируемые XIV—XVI вв., имеющиеся в большом количестве среди коллекций Нальчикского музея. Описание этого кургана дано в работе А. В. Мачинского.¹

Другой тип погребального обряда в курганах у Долинского отмечен И. А. Владимировым в 1898 г. Им были раскопаны два кургана, «находящиеся на краю обрыва долины реки Нальчика, как раз против хутора г. Долинской», т. е. входившие в состав того же курганного могильника. Неполнота и некоторая неточность сведений об этих работах, опубликованных в отчете Археологической комиссии за 1898 г., делает необходимой более подробную их характеристику.²

Первый из исследованных И. А. Владимировым курганов имел следующие размеры: высота 3 арш. 2 вершка, окружность 60—65 шагов и диаметр 20—22 шага. Насыпь кургана состояла из глины и чернозема, отличаясь очень большой плотностью. На глубине 3 арш. найдено несколько черепков грубой глиняной посуды, вероятно горшка, изготовленного без кружала. На уровне материка обнаружено много совершенно истлевших углей и золы. Почва под углем была красного цвета, в то время как окружающая поверхность материка имела серо-желтый цвет. Пространство обожженной глины было равно 2 арш. ширины и около 3½ арш. длины, будучи вытянуто в направлении с В на З. Толщина прожженного слоя глины у восточного конца равна ¾ арш., посередине — ½ арш., а у западного конца — ¼ арш. Под слоем горелой глины находился нетронутый грунт. В золе и углях найдено четыре кремневых пластинки, определенные И. А. Владимировым как наконечники стрел, и кремневый вкладыш в серп, также принятый им за часть наконечника. Поблизости обнаружено много черепков грубой посуды.

После изучения центральной части кургана насыпь была снесена целиком, при этом других погребений найдено не было.

Второй курган, находившийся рядом с первым, имел близкие размеры: высота 1 саж. 8 верш., окружность 78 шагов и диаметр 25 шагов. Курган раскопан колодцем, диаметр которого был больше трети диаметра насыпи. Насыпь кургана имела то же устройство, как и ранее раскопанного. На уровне материка найдено несколько очень грубых черепков с запятообразными полосками, расположенными, вероятно, вокруг сосуда. Кроме того, обнаружено много золы и углей, занимавших площадь в 2½ арш. длины и 2 арш. ширины. Почва под углями была сильно обожжена и имела красный цвет. Слой горелой глины достигал в толщину от ½ до ¾ арш. Несмотря на тщательные поиски, никаких предметов не найдено, кроме обломков глиняных сосудов, не подходивших один к другому. Основание кургана для проверки было перерезано несколькими траншеями, в которых ничего не обнаружено, кроме кусков окаменелого дерева (?).

И. А. Владимиров, на основании произведенных раскопок, пришел к выводу, что исследованные им курганы насыпаны над местами трупосожжений. Этот вывод нам представляется правильным, но бесспорно нуждающимся в проверке новыми раскопками. Возможно, что кости человека в данном случае истлели, так как и в кургане, раскопанном нами, они имели очень плохую сохранность. Новые раскопки необходимы и для определения времени сооружения этих курганов, потому что данные, полученные в результате работ И. А. Владимирова, недостаточны. Факт находки в первом кургане кремневого вкладыша в серп, вполне аналогичного найденным на поселении, не может служить достаточной опорой для датировки, так как возможно случайное попадание предметов поселения в насыпь кургана при его насыпке. Фрагменты керамики, в большом количестве встреченные и в том и в другом кургане, оставлены исследователем на месте, а потому также не могут быть использованы для датировки. Описание техники изготовления найденных сосудов и приемов их орнаментации в отчете о раскопках очень неточно и неполно.

В пользу своего вывода И. А. Владимиров приводит сведения местных жителей о том, что подобные «пустые» курганы в большом количестве имеются по берегам рек Шалушки, Баксана и Малки. В этих курганах будто бы находили каменные топоры и ножи, а также большое количество угля.

ЖИЛИЩЕ

Приводя сведения о местонахождении и характере древнего поселения, мы отмечали, что культурные остатки, обнаруживающиеся в

¹ См. в наст. сборн. статью А. В. Мачинского.

² Нижеприводимые сведения взяты из рукописного отчета И. А. Владимирова, хранящегося в Архиве ГАИМК (Фонд Археол. ком., 1898, дело № 40).

многочисленных промоинах на поверхности террасы, распределяются по площади поселения неравномерно. В некоторых канавах и размытых колеях дороги видны значительные скопления обломков глиняных сосудов, а также отщепов и осколков кремня. В других канавах, прорезающих не только почвенный слой, но и углубленных в слой чистой материковой глины, остатки деятельности человека или отсутствуют, или встречаются в крайне незначительном количестве, тем самым вызывая предположение о возможности случайного их попадания. Глинистый характер грунта затруднял проникновение в него воды во время сильных дождей, а слабый наклон террасы к востоку способствовал образованию потоков, которые и могли перемещать культурные остатки, главным образом, вдоль канав и промоин.

Как выяснилось в результате произведенных экспедицией раскопок, места наибольшего скопления находок совпадают с участками террасы, на которых расположены остатки древних жилых сооружений. В настоящее время мы, к сожалению, не имеем возможности говорить о характере распределения этих жилых ячеек по площади, занятой поселением. Подойти к разрешению данного вопроса можно лишь при сплошной раскопке на больших площадях, которая не могла быть осуществлена в виду ограниченности опущенных на работы средств и остро ощущавшегося недостатка рабочей силы. Сильно осложняет разрешение вопроса о планировке древнего поселения и отмеченный экспедицией факт двукратного заселения террасы. В настоящее время можно лишь утверждать, что жилища не были скучены на ограниченном участке, а были отделены одно от другого широкими площадями, лишенными культурных остатков. А. А. Миллером уже было высказано предположение, что эти незаселенные участки в древности использовались для посевов или посадок культурных растений.¹ Более подробно на этом вопросе мы остановимся далее при рассмотрении фактов, свидетельствующих о земледелии.

Наиболее хорошо сохранившиеся остатки жилого сооружения были обнаружены в раскопе 1932 г.

Прежде всего необходимо отметить значительное количество кусков обгорелой глиняной обмазки, в значительно большем количестве встреченной на северной части вскрытой площади. На трех участках раскопа, как нами уже отмечалось, она образовывала значительные скопления, а на остальной площади залегала отдельными кусками, расположенными на некотором расстоянии друг от друга.

Глина была довольно сильно обожжена и приобрела кирпично-красный цвет, а местами

имела темносерую, почти черную расцветку. В толще глины заметна большая примесь коротких кусочков соломы, совершенно сгоревших, в результате чего масса приобрела некоторую пористость. В глине одного из кусков видны включения обломков тонких древесных ветвей или стеблей кустарника, помещенные в глину для более крепкого сцепления (табл. II, б).

Значительное количество кусков имеют на себе отпечатки прутьев и жердей, составлявших основу стен. К сожалению, незначительные размеры кусков обмазки и сильная их замытость не позволяют выяснить с желательной полнотой конструкцию стен; можно отметить лишь некоторые детали. На одном из кусков обмазки видны отпечатки двух прутьев, расположенных под углом один к другому, взаимно пересекаясь (табл. II, 4). Подобный отпечаток мог получиться в том случае, если глиной было обмазано плетеное сооружение. Более часто встречаются куски обмазки с отпечатками прутьев, расположенных параллельно (табл. II, 5 и 7). В одном случае кусок обмазки имел на себе целый ряд отпечатков, сделанных с различных его сторон, но имеющих одно и то же направление (табл. II, 2). Кусок этот, очевидно, находился в толще стены и интересен тем, что указывает на расположение прутьев в несколько рядов. Некоторые куски обмазки, имеющие с одной стороны отпечатки, с противоположной хорошо заглажены; куски эти представляют собой обмазку поверхности стен. Толщина прутьев различна, на измеренных нами обломках она колеблется от 1 до 3 см. Куски обмазки с отпечатками большего диаметра встречаются значительно реже. Можно отметить находку лишь трех кусков. Диаметр отпечатков в этих случаях равен приблизительно 6 см. Они указывают на наличие стоек, поддерживавших плетеные стены сооружения.

К сожалению, при всей тщательности наблюдения нам не удалось обнаружить следов вертикальных кольев в подстилающей культурный слой желтой глине. Это обстоятельство сильно затрудняет выяснение формы жилища. Мы можем указать лишь направление одной из его стен, которому, по нашему мнению, соответствует район наибольшего скопления глиняной обмазки в северной части раскопа. Стена эта имела направление с З на В. Пол жилища представлял собой хорошо утрамбованную поверхность и, насколько можно судить по вскрытой площади, не имел никакого покрытия. Сильная уплотненность глины, на которой расположены культурные остатки, лучше всего была прослежена на площади квадратов Б/1—Д/3 (рис. 4).

Следует отметить, что здесь имеет место не только уплотнение поверхности глины, но и ее выравнивание, как это выяснилось после произведенной нивелировки.

¹ А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. Проблемы истории материальной культуры. 1933, № 1—2, стр. 49.

Чрезвычайно существенным обстоятельством является наличие на вскрытой площади группы ям различной формы. Часть из них имела округлые в плане очертания и постепенно сужалась книзу. У других ям, отличающихся большими размерами, устье имело меньший поперечник, чем дно, вследствие чего вся яма представляла собой форму усеченного конуса. Ям первого типа в раскопе № 1 было обнаружено четыре, второго — две. Одна из ям второго типа, вскрытая на площади квадратов Д/7—Ж/9, относится к более раннему времени, чем остальные культурные комплексы раскопа № 1. Назначение этих ям, по всей вероятности, различно. Как в тех, так и в других ямах в значительном количестве встречались разнообразные культурные остатки: куски глиняной обмазки, фрагменты керамики, отщепы кремня, попадавшие в различных пропорциях. Так, в ямах, расположенных в квадратах В/5—Г/7 и З/5—К/6, основным материалом в заполнении были куски обожженной глины, а в яме, находящейся на площади квадратов Г/6—Д/8, — фрагменты глиняных сосудов. Очевидно, в тех случаях, когда имеется большое скопление кусков горелой глины, мы вправе предположить существование постройки частей жилища, материалом для сооружения которых служило дерево. В заполнении всех ям встречались мелкие кусочки угольков.

Отличительным признаком ям, расширяющихся книзу, является наличие в их нижней части, главным образом по дну, плоских валунов (яма в кв. Ж/3—И/5) или большого количества мелких камней (яма в кв. Д/7—Ж/9). Все эти камни имеют следы сильного действия огня. Нами были взяты образцы камней из ямы в кв. Д/7—Ж/9, представляющих части брошенных в яму зернотерок. По определению Б. Ф. Землякова, камень этот, являющийся биотитовой разновидностью гранита, подвергся сильному действию огня, совершенно разрушившего включение полевого шпата.

На стенках конусовидных ям следы прожига замечены не были, но возможно, что это следует объяснить обвалом стенок, как будто бы подтверждающимся концентрацией пятен горелой глины по краям дна ямы в квадратах Д/7—Ж/9. Большое количество пятен горелой глины было замечено в яме, расположенной на площади квадратов Ж/3—И/5.

Одна яма такой же формы была обнаружена в раскопе № 2, давшем материал более раннего времени. В ней было встречено большое количество разнообразных культурных остатков, сосредоточенных главным образом в верхней части ямы, что указывает на ее иное первоначальное назначение. В том случае, если бы эта яма была выкопана как яма для мусора, культурные остатки встречались бы равномерно, начинаясь от ее дна.

Каково же назначение этих ям? Часть из них, по видимому, служила печами. С большей

степенью вероятности об этом можно говорить в отношении конусовидных ям. Другие же ямы могли быть местом хранения запасов. Окончательно разрешить вопрос о назначении каждой ямы, в виду чрезвычайно плохой сохранности строительных остатков, не представляется возможным.

Углубленные ниже уровня пола печи-ямы для выпечки хлебных лепешек, футерованные глиняной обмазкой или укрепленные керамической конструкцией в виде цилиндра с дном или без него, широко бытуют и по настоящее время в Закавказье (арм. тондыр). Реже встречаются печи в форме не цилиндрической ямы, а усеченного основанием книзу, конуса, для чего иногда применяются верхние части большого винного сосуда (типа греческого пифоса, армянского карраса, грузинского кевври); подобного вида тондыры можно видеть в западном Закавказье и даже в самом Нальчике в слободе городских евреев. Вместе с тем этнографические материалы указывают и на иное применение расширяющихся вниз конусом ям — в качестве зернохранилищ.

К наиболее интересным предметам, обнаруженным при расчистке древней ямы в раскопе № 2 и скопления керамики в квадрате С/10—Д/11 раскопа № 3, относятся так наз. рогатые кирпичи. Эти глиняные изделия представлены в добытом материале одним целым экземпляром (раскоп № 2, табл. III, 5), 5 частично сохранившими форму большими фрагментами, принадлежавшими различным предметам (раскоп № 2, табл. III, 2—4; раскоп № 3, табл. III, 1), и мелкими бесформенными обломками, часть которых является фрагментами верхней гладкой поверхности, часть — нижних углов и некоторая доля — обломками самой толщи предметов (8 обломков из раскопа № 2, 3 обломка из раскопа № 3), принадлежавшими, судя по характеру теста, двум или трем предметам. Часть такого же предмета, найденного на Долинском поселении, имеется среди коллекций Нальчикского музея (табл. III, 6).

Материалом для изготовления этих предметов служила глина грубой выделки, содержащая в большинстве случаев песок различной зернистости и отдельные чешуйки слюды, а в некоторых случаях и мелкие обломки шпата. В изломе одного предмета, найденного целым и лишь расколовшегося на две части, что, по видимому, произошло во время его пребывания в яме, так как обе половинки в момент их расчистки лежали соединенными, заметны отпечатки перегоревшей растительности в виде отдельных коротких стеблей (резаная солома). Все предметы, будучи довольно слабо и в различной степени, но одинаково по всей толще каждого обожжены, и имея комковатую структуру и покрытую неглубокими трещинами поверхность, очень хрупки и легко поддаются разрушению, что до некоторой степени (учитывая их слабый обжиг) следует объяснять и

отрицательным воздействием грунтовых вод. Цвет предметов в основном коричневатый, различной густоты, за исключением одного, верхняя поверхность которого имеет светло-серый цвет. Значительно более светлым цветом отличается и поверхность кирпича, хранящегося в Нальчикском музее. В данном случае нам представляется возможным ставить вопрос о его покрытии тонким слоем хорошо отмученной глины.

Основанием этих предметов является одна из длинных узких сторон, которая в отличие от остальных поверхностей не имеет следов заглаживания. Более того, сильная, но неглубокая трещиноватость и выпадение в некоторых местах частиц этой поверхности говорят, по видимому, о том, что в процессе употребле-

плоской. Фрагмент, хранящийся в Нальчикском музее, имеет на вогнутой поверхности три продольных желобка.

Боковые узкие стороны, слегка расширяющиеся к основанию, округлены, причем в нижней части более, чем в верхней, вследствие чего длина большинства предметов по верху превышала длину основания, а последнее, как и верхняя вогнутая поверхность, имеет в плане вид вытянутого овала.

Почти в центре боковых широких сторон находится поперечное круглое или овальное отверстие, расположенное в некоторых предметах с уклоном своей оси в ту или другую сторону, вверх или вниз в пределах 1 см.

Приведем некоторые размеры этих изделий (табл. 1). Длина дошедшего до нас целиком

Таблица 1

Краткое описание предметов	Длина основания	Длина по верху	Ширина основ. в сред. части	Ширина средн. части по верху	Высота средней части	Высота боковых сторон	Ширина боковых сторон у основания	Высота центра отверстия	Центр. отвер. от бокового края предм.	Диаметр отверстия	Ширина желобков	Глубина желобков
Кирпич расколот на две части. Верхняя часть узких боковых сторон обломана. С желобками (табл. III, 5)	25.5	24.5	8.3	6.3	12.0	15.0 15.5	8.5	7.0 7.5	12.5	1.8×2.3 1.7×2.0	1.5	0.7
Фрагмент с поперечн. изломом. Верхняя часть узкой боковой стороны обломана. С желобками (табл. III, 3)	11.0	13.0	9.0	8.0	12.0	13.5	9.5	6.8 7.0	10.0	2.2	1.0 1.3	0.5 0.8
Фрагмент с поперечным изломом. Верхняя часть узкой боковой стороны обломана. С желобками (табл. III, 4)	13.0	12.0	9.0	7.0	7.0	10.0	9.5	3.0 4.0	9.5	1.7 1.8	1.5	0.3 0.5
Фрагмент с поперечным изломом. Верхняя поверхность гладкая (табл. III, 2)	11.0	14.5	9.3	6.5	10.0	11.3	—	5.5 6.5	10.0 10.5	2.0×2.3	—	—
Фрагмент с поперечными изломами (средняя часть). Верхняя поверхность гладкая	—	—	7.0	—	10.0	—	—	4.5 5.0	—	2.0	—	—
Фрагмент с поперечными и продольными изломами. Верхняя поверхность гладкая (табл. III, 1)	—	—	—	6.0	—	—	—	—	—	—	—	—
Фрагмент с поперечным изломом. Верхняя поверхность с тремя желобками. Хранится в Нальчикском музее	9.5	10.5	10.0	8.5	9.7	15.0	—	5.0	9.5	2.0	1.5	0.5

ния основание этих предметов было примазано к плоскости, на которой они стояли. Противоположная же верхняя узкая сторона является вогнутой, будучи почти плоской в средней части и повышающейся у концов. Вогнутая поверхность трех из шести таких находок, сохранивших полностью или частично форму, имеет два продольных желобка, начинающихся и постепенно углубляющихся не с самого верха, а лишь там, где поверхность становится

предмета равна по основанию 25 см, по верху 24 см. Длина остальных предметов, представленных фрагментарно, если считать, что центр отверстия находился на равном расстоянии от боковых узких сторон, равнялась, примерно, 19—25 см. Высота предметов в средней части колеблется между 7 и 12 см, высота же боковых узких сторон 10—15.5 см, причем надо учесть, что у большинства предметов грань, образованная узкой боковой стороной и верх-

ней поверхностью, частично обломана на 0.5—1 см. Ширина верхней поверхности в ее средней части равна 6—7 см, ширина основания там же 7—9.3 см. Высота центра отверстия от основания 3.0—7.5 см; диаметр отверстия 1.7—2 × 1.8—2.3 см; ширина желобков 1—1.5 см, глубина 0.3—0.8 см.

С целью выяснить функциональное назначение описанных предметов, мы ознакомились с разнообразными находками этого рода, относимыми к различному времени и происходящими с разных территорий.

В 1906 г. при раскопках поселения трипольской культуры в с. Старая-Буда б. Киевской губ. М. К. Якимовичем был найден глиняный предмет, входящий в описываемую серию находок.¹ Он также имеет овальное основание размерами 6 × 10.5 см, высота его равна 1.1 см, а глубина выемки 2 см. Как в поперечном, так и в продольном вертикальных сечениях этот предмет суживается кверху, имея длину по верху 8.5 см, а по основанию выступов 9 см. Ширина в средней части выемки 4.5 см. В отличие от найденных на Долинском поселении, он не имеет поперечного отверстия. Грани боковых поверхностей оформлены очень мягко, так что горизонтальное сечение по всей высоте имеет форму овала. За исключением основания, все остальные поверхности предмета заглажены плохо. Обжиг слабый. Одна из наиболее широких боковых сторон густооранжевого цвета, а другая светлооранжевого с темным пятном у нижней части. Найден он был под глиняным настилом площадки № 3. Неподалеку от него находились «остатки какого-то сооружения незначительной высоты, втущенного в площадку, которое по очертаниям представляло четырехугольник длиной 2.5 м, шириною же около метра». Эти остатки были в виде комьев и «неравномерно обожженной обмазки, которая представляла из себя насыпь, выступающую незначительно над горизонтом площадки». «Под этой разрыхленной обмазкой» и «вблизи этого сооружения на поверхности площадки» были обнаружены части трех сосудов со следами действия огня. Судя по приведенным данным, извлеченным из отчета М. К. Якимовича,² вскрытое им на площадке сооружение являлось, по видимому, разрушенной печью.

Это обстоятельство дает определенные указания на принадлежность описываемых предметов к очажному комплексу.

Глиняные предметы, близкие по форме к обнаруженным на Долинском поселении, были найдены и В. А. Городцовым при раскопках Каширского городища VII—IV вв. до н. э. в

Московской области.³ В различных частях городища найдено 7 таких глиняных поделок, называемых В. А. Городцовым «рогатыми кирпичами». Все основные конструктивные детали, отмеченные нами для предметов из Долинского, имеются и на «рогатых кирпичях» Каширского городища. Они точно так же имеют призматическую форму, приспособлены к вертикальной постановке, снабжены круглыми отверстиями посередине, и концы их слегка приподняты. Размеры «рогатых кирпичей» близки к приведенным нами; высота лучше других сохранившегося «кирпича» достигает 15 см, ширина—20 см и толщина—10 см. «Кирпич», найденный в траншее № 3, имел следующие размеры: высота 14 см, ширина 17 см, толщина внизу 9 см и вверху 4 см.² Рассматривая найденные предметы, В. А. Городцов сравнивает их с глиняными держалками для веретен из Румынии, подставками под жаровни с о. Делоса, наконец, с грузилами для рыболовных сетей. Признавая, по нашему мнению, вполне правильно неприемлемость этих объяснений, В. А. Городцов осторожно высказывается за культурную значимость этих предметов. Основанием для подобного высказывания служит находка одного из «кирпичей» вблизи жертвенника. К сожалению, отсутствие в работе В. А. Городцова необходимых чертежей не дает возможности проверить мнение автора. Просмотр дневников, опубликованных В. А. Городцовым с целью выяснить условия находки других «кирпичей» и их отношения к жилым комплексам, не привел к желательным результатам. Лишь в одном случае имеется указание на то, что обломок «рогатого кирпича» был найден при зачистке дна землянки.³ Из этого факта, быть может, следует сделать вывод о том, что «рогатые кирпичи» Каширского городища, так же как и глиняные поделки Долинского, надлежит связывать с инвентарем жилых комплексов.

По сообщению М. В. Покровского,⁴ на городищах, расположенных по р. Кубани, культурные слои которых датируются временем от IV в. до н. э. по III в. нашего летосчисления, были найдены фрагменты глиняных поделок призматической формы с круглыми отверстиями. Основание этих предметов расширяется, что придает им большую устойчивость. На некоторых поделках, как и на подставках Долинского поселения, с нижней стороны заметны отпечатки дерева, указывающие на то, что они были к чему-то примазаны. М. В. Покровский найденные им предметы считает принадлежностью очага. В отличие от поделок из Долинского поселения, кубанские находки не имеют приподнятости краев.

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, ОГИЗ, 1934, стр. 14—15, рис. IV, 13.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Доклад в ГАИМК 2 марта 1936 г.

¹ ОАК, 1906, стр. 106—108. Предмет хранится в Государственном Эрмитаже (Отдел культуры и искусства доклассового общества) за № 108-52.

² Архив ИИМК, фонд Археол. ком., 1906, дело № 64, л. 7.

Возможно, что близкое функциональное назначение имели предметы из слабо обожженной глины, найденные в насыпи одного из курганов, раскопанных в 1935 г. М. А. Миллером, вблизи г. Моздока.¹ В отличие от наших поделок, они имеют не вогнутый, а округло выпуклый верхний край, но подобно предметам из Долинского снабжены круглыми отверстиями в центре. Основание их также утолщено и тем самым приспособлено для вертикальной постановки предмета. На боковых сторонах вокруг отверстия нанесен штампованный орнамент. Основное погребение в кургане относится к эпохе бронзы.

Значительное количество аналогичных предметов было найдено вне территории СССР. Не приводя всех аналогий, отметим лишь некоторые. Большая группа глиняных рогатых подставок была обнаружена при исследовании швейцарских свайных построек.² Фр. Келлер, опубликовавший этот материал, приводит мнения различных ученых о назначении найденных предметов; одни из них сравнивают подставки из швейцарских построек с египетскими подставками под голову, другие указывают на принадлежность их к предметам, связанным с культом луны, а сам Келлер высказывается за связь их с культом быка. От предметов, найденных на Долинском поселении, швейцарские подставки отличаются наличием орнамента и отсутствием отверстия. Существенным также является факт изготовления некоторых подставок не из глины, а из дерева.

Два глиняных рогатых кирпича, найденные в древнем жилище у Гейльбронна, А. Шлиц реконструирует как подставку с глиняной жаровней, которая помещена между кирпичами.³ Так же как принадлежность очага рассматривается и подставка, найденная в неолитическом поселении у дер. Сескльо в Фессалии. Считают, что она могла служить подставкой для вертела.⁴

На древнем поселении Ленгюель в Венгрии предметы, близкие по форме к найденным нами, встречались в жилых ямах. В отличие от кирпичей Долинского поселения они в большинстве случаев не имеют отверстий. Очень часто эти предметы встречались вместе с большими усеченными четырехгранными глиняными пирамидками (11—24 см высоты), имеющими большие круглые отверстия. М. Вожинский подчеркивает закономерность такого сочетания. И те и другие предметы встречались как в виде

единичных экземпляров, так и значительными группами, в одном жилище.¹ Материал, из которого изготовлены эти поделки, очень грубая глина. М. Вожинский отмечает, что предметы из Ленгюель объяснялись в археологической литературе как связанные с культом луны и как подставки под головы. Последнее предположение он совершенно обоснованно отвергает.

Приведенных фактов достаточно, чтобы показать, что назначение предметов, типа найденных в Долинском поселении, толкуется различно.

Однако преобладают материалы, позволяющие связывать эти предметы с жилищем и очагом, где они могли употребляться как подставки для вертела.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ

При осмотре промоин, покрывающих густой сетью всю центральную часть террасы, занятой поселением, был собран значительный материал, позволяющий охарактеризовать технику изготовления кремневых и обсидиановых орудий. Материал этот значительно пополнился находками, сделанными в раскопах 1932 и 1933 гг.

Мелкие каменные орудия Долинского поселения изготовлялись главным образом из плотного кремня светлосерого или розоватого цвета. Поверхность кремня иногда бывает покрыта патиной белого цвета, часто наблюдающейся не на всей поверхности орудия или отщепы, а лишь на отдельных участках последних. Кремьень коричневатого цвета, значительно худший по качеству, встречается реже и, по всей вероятности, не служил для изготовления мелких, тщательно обработанных орудий. Из этого материала мы имеем лишь один массивный скребок и орудие типа «*pièce écaillée*», также грубо обработанное.

Кремневые орудия бесспорно изготовлялись на месте поселения, о чем прежде всего свидетельствует масса разнообразных осколков и отщепов, составляющих основную группу находок.

Осколки кремня были встречены во всех раскопах и в различных частях поселения, на местах промоин, но, насколько можно судить на основании данных поверхностного сбора, распределение их по площади поселения неравномерно. Наибольшее количество осколков было собрано на сравнительно небольшом участке вблизи раскопов 1933 г.

Возможно, что этот факт следует рассматривать как указание на наличие кремневой мастерской, отнюдь не исключаящей обработки кремня и в других жилых ячейках данного обширного поселения. Подтверждением этого служат находки осколков и отщепов кремня

¹ М. А. Миллер. Краткий отчет о работах Моздокской экспедиции ГАИМК в 1935 г. Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг., Л., 1941, стр. 243, табл. XL, 8—10.

² F. Keller. Pfahlbauten. Zürich, 1876, стр. 24—25, табл. XX и XXIV.

³ Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 511, рис. 2.

⁴ Fimmen. Die kretisch-mykenische Kultur. Leipzig, 1921, рис. 119.—Б. Богоевский. Крит и Микены. М.—Л., 1924, стр. 23, рис. 9.

¹ M. Wošinsky. Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. Budapest, 1888, стр. 29—31 и 41, табл. XXVIII; табл. XXVII, рис. 204; табл. XXXI, рис. 236.

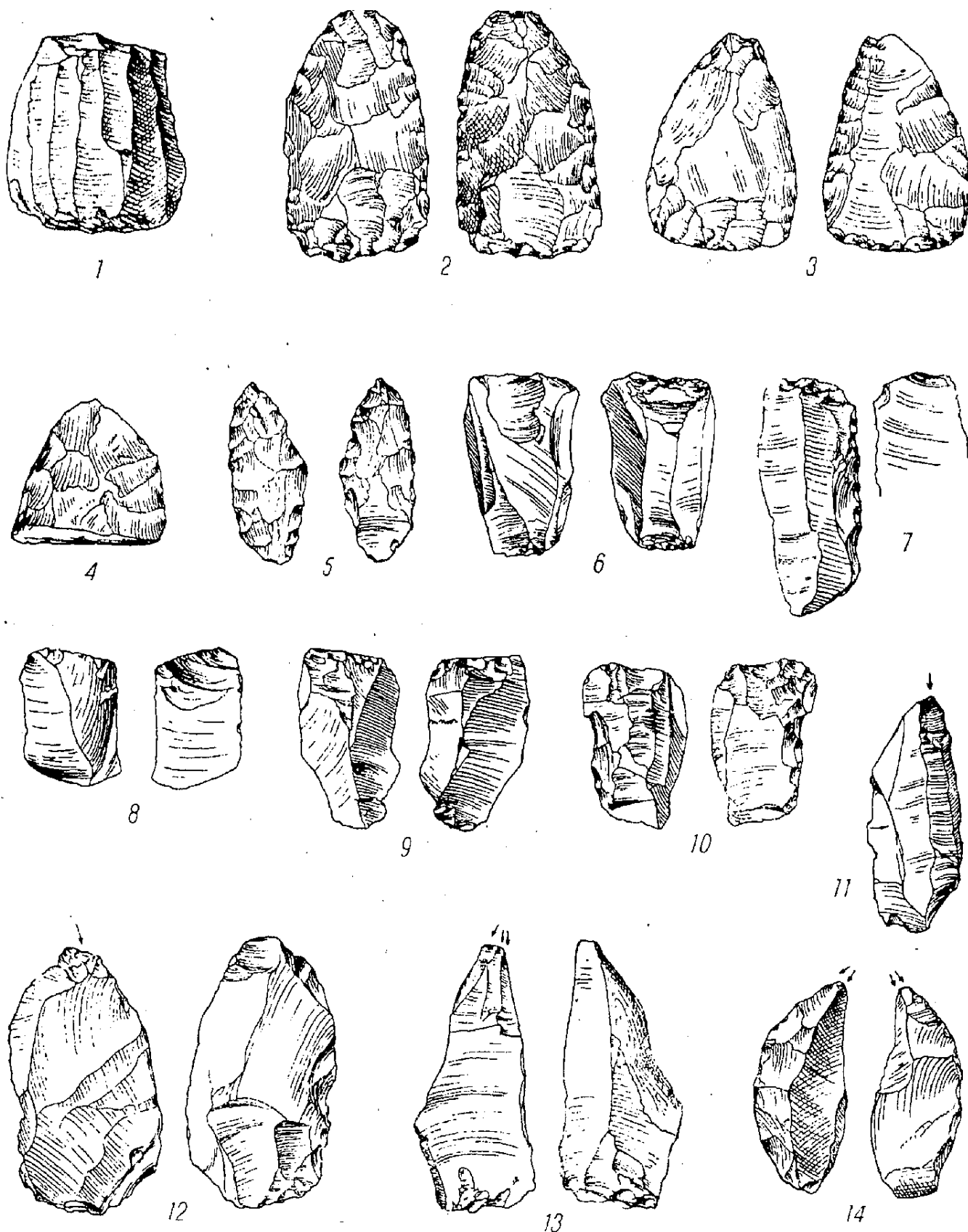

Рис. 22. Кремневые орудия Долинского поселения.

в раскопе № 1, в котором были вскрыты остатки жилища.

Помимо осколков кремня, являющихся отбросами производства, на местное изготовле-

ние кремневых орудий указывают находки нуклеусов, в виде кусков кремня неправильной формы, со следами нескольких сколов. Нуклеусы призматической формы встречаются

более редко; один из них изображен на рис. 22, 1. Он имеет с двух сторон отбивные площадки, сформованные несколькими боковыми ударами, и многочисленные фасетки с более или менее параллельными гранями, полученными в результате отщепления продолговатых пластинок. Нуклеус этот, по всей вероятности после его использования, служил отбойником, о чем свидетельствует характерная выщербленность по краям отбивных площадок. Размеры нуклеуса: высота 3 см, поперечник большей отбивной площадки 3 см, меньшей 2 см.

Кремневые орудия довольно разнообразны, среди них можно выделить: наконечники стрел или дротиков, скребки, резцы, орудия типа «*pièce écaillée*» различные вкладыши, в том числе вкладыши в серпы, кривые ножи и пластины с ретушью.

Наконечники стрел представлены тремя типами. Более часто встречается наконечник, имеющий листовидную форму, иногда приближающуюся к более или менее правильному треугольнику с прямым или слегка округленным основанием. Наконечники эти изготовлены из пластины и обработаны с обеих сторон тонкой отжимной ретушью, покрывающей или всю поверхность орудия, как это видно на рис. 22, 2, или идущей лишь по краю его; в таком случае поверхность средней части наконечника представляет собой поверхность пластины (рис. 22, 3). Основание наконечников сильно утонщено. Орудий этого типа найдено три экземпляра, из которых один фрагментирован (рис. 22, 4). Размеры наконечников: длина 4.2 и 3.6 см, ширина по основанию 2.3 и 2.2 см.

Наконечники, близкие по форме, известны из курганов эпохи бронзы, раскопанных в степной полосе Европейской части СССР, где они характерны для так наз. катакомбных погребений. Укажем, напр., на находку наконечников этого типа в кургане, раскопанном В. А. Городцовым у хут. Черевкова б. Изюмского у. Харьковской губ.¹ Можно отметить также находку аналогичных наконечников на поселении того же времени в районе Луганска,² на месте стоянки в окрестностях с. Каменки б. Новомосковского у. Екатеринославской губ.,³ и целую группу наконечников это-

го типа, найденных при копке глины в с. Кизитеринка вблизи г. Ростова-на-Дону.¹

В Нальчикском музее среди вещей, собранных на Долинском поселении, имеются два небольших кремневых наконечника стрел иного типа (рис. 25, 2—3). Наконечники эти изготовлены из пластинок кремня, тщательно обработаны отжимной ретушью, покрывающей всю поверхность предмета; они имеют подтреугольную форму с выемкой в основании. Типичной особенностью этих наконечников является резко выраженная асимметрия. Выемка расположена не посередине основания, а ближе к одному из краев; образующиеся при этом шипы имеют различную длину. Один из наконечников, частично фрагментированный, изготовлен из коричневого кремня, а второй из светлосерого. Поверхность этого наконечника покрыта тонким слоем патины белого цвета. Длина первого наконечника 2 см, второго 2.2 см.

Ближайшей аналогией наконечникам этого типа могут служить найденные Н. И. Веселовским в кургане у ст. Новосвободной (б. Царской).²

Кроме описанных наконечников был найден еще один, по форме приближающийся к ланцетовидным (рис. 22, 5). Он, так же как и наконечники первой группы, изготовлен из пластины, обработанной с двух сторон ретушью. Ретушь, покрывающая поверхность этого наконечника, значительно более грубая, местами имеются выщерблины, создается впечатление незаконченности орудия. Размеры: длина 3 см, наибольшая ширина 1.2 см.

Скребки, обычно составляющие основную массу кремневых орудий, находимых на поселениях эпохи бронзы, в наших сборах представлены лишь двумя экземплярами. Один скребок (рис. 23, 9) изготовлен из массивного, неправильной формы, отщепы, рабочий край которого утонщен большими сколами и окончательно обработан мелкой ретушью. Лезвие скребка имеет неправильные очертания; в одной части оно округло-выпуклое, в другой вогнутое. Возможно, что в данном случае мы имеем на одном орудии сочетание вогнутого и округлого скребка. Размеры: длина 5 см, ширина по лезвию 2.4 см.

Второй скребок, фрагментированный, имеет значительно меньшие размеры и более правильные округлые очертания (рис. 23, 6). Со спинки скребок обработан по всей поверхности ретушью, частично заходящей и на брюшко орудия. Ретушь, идущая по одному из краев орудия, более крутая; с этой стороны заметны небольшие следы сработанности.

Резцы имеются в количестве четырех экземпляров и могут быть отнесены к типу срединных. В одном случае (рис. 22, 14) резец,

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. Труды XII Археол. съезда, т. I, табл. VII, № 1—2, 4.

² С. А. Локтешев. Доисторический очерк средней Донецины. Научн. общ. Донбасса. Луганск, 1910, табл. 13.

³ К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поль в Екатеринославе, вып. I. Киев, 1893, стр. 7—9, табл. I, рис. 174. Следует отметить, что на той же стоянке были находимы и другие кремневые орудия, вполне аналогичные обнаруженным на поселении у хут. Долинского. Примером может служить «кривой нож», изображенный на табл. I (рис. 172). близкий по форме к найденному нами в раскопе № 3.

¹ Хранятся в музее в Ростове н/Д.

² ОАК, 1898, СПб., 1901, табл. IV, рис. 48.

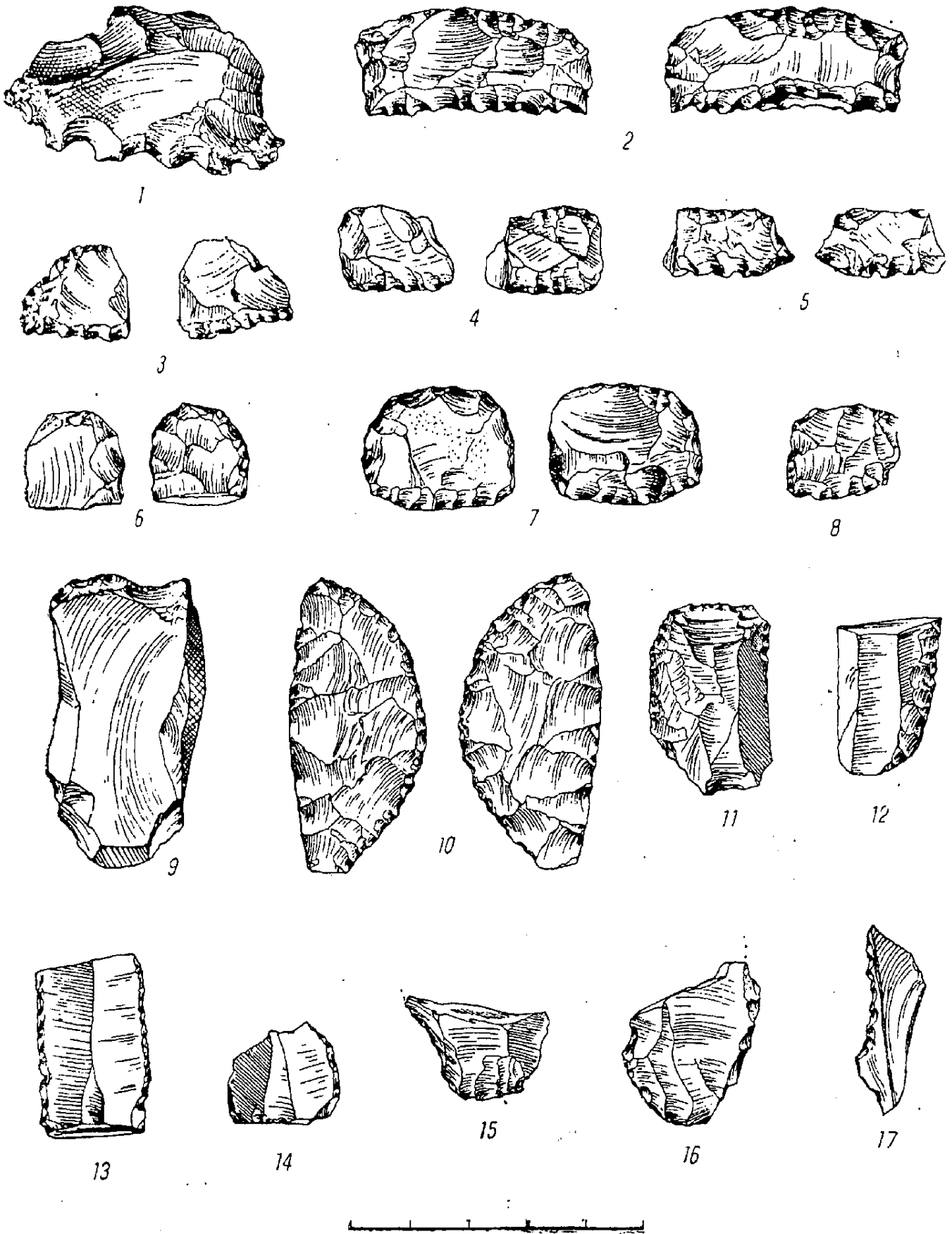

Рис. 23. Кремневые орудия — обсидиановые отщепы Долинского поселения.
1—14 — кремнь; 15—17 — обсидиан.

возможно, сделан из сломанного округлого скребка, о чем свидетельствует ретушь по выпуклому краю орудия, на котором заметны и следы сработанности. Часть резцов изго-

товлена на концах массивных пластин. Лезвия их сформованы в двух случаях несколькими ударами (рис. 22, 13—14).

Наиболее часто встречающимися являются

орудия типа «*pièce écaillée*» (рис. 22, 6—10). В нашем материале их имеется семь экземпляров. На всех орудиях рабочий край сильно попорчен от употребления и имеет ряд выщерблин. В тех случаях, когда сработанность не сильно повредила орудие, как, напр. изображенное на рис. 22, 10, отчетливо видно, что лезвие образовано рядом сколов, нанесенных с двух сторон пластины. На наиболее хорошо изготовленных экземплярах лезвие прямое. В двух случаях мы имеем комбинированные орудия (рис. 22, 12—13). Один конец пластины обработан как орудие типа *pièce écaillée* а другой как срединный резец.

Довольно разнообразны кремневые поделки, отнесенные нами к группе вкладышей. Приведем краткое их описание. Вкладыш округлой формы (рис. 23, 7), изготовленный из массивного отщепы и обработанный ретушью с обеих сторон. Ретушь, формирующая рабочий край, крутая, не образует острого лезвия. Размеры орудия: длина 2,6 см, ширина 2,1 см.

Вкладыш неправильно-ромбической формы (рис. 23, 8). Обе поверхности вкладыша обработаны плоской ретушью; на одной из сторон его заметна подправка, сделанная мелкой ретушью поверх более крупных сколов. Орудие в результате произведенной обработки очень уплощено; края его с трех сторон имеют характер режущего лезвия. Размеры: длина 1,9 см, ширина 1,5 см.

В особую группу следует выделить вкладыши, функционально определяющиеся как составные части кремневых серпов. Сюда мы относим 4 вкладыша, найденные на поселении, 1 вкладыш, обнаруженный в насыпи кургана № 1, раскопанного в 1932 г., и вкладыш, хранящийся в Историческом музее, происходящий из кургана, раскопанного И. А. Владимировым. Описание кремневых находок этого типа мы считаем более правильным дать параллельно и для поселения и для раскопанных на его территории курганов, так как только при таком рассмотрении удастся наметить их типологические и функциональные особенности. С другой же стороны, возможно, что вкладыши, обнаруженные в курганах, не имеют отношения к погребению, а попали в насыпь из культурного слоя при ее сооружении. С большей уверенностью можно об этом говорить для кургана, раскопанного в 1932 г.

Вкладыши эти, варьируя в размерах и несколько отличаясь один от другого по форме, имеют целый ряд общих черт. Для всех характерна очень тщательная обработка поверхности тонкой отжимной ретушью. Рабочий край вкладышей значительно более массивен, чем часть, входившая в оправу, и снабжен рядом заостренных выступов. Следы от продолжительного употребления имеют вид подправки лезвия, не распространяющейся на верхнюю часть вкладыша, входившую в обой-

му серпа. На отдельных вкладышах заполированность доведена до степени блеска. По форме вкладыши могут быть разделены на трапециевидные и прямоугольные, с одной стороны, и на вкладыши подтреугольной формы, — с другой. Нам представляется вероятным предположение о том, что вкладыши второго типа являются концевыми вкладышами в наборе серпа. Лучшим примером трапециевидных вкладышей может служить найденный в насыпи кургана (рис. 23, 1). Размеры его следующие: длина по лезвию 4,8 см, ширина 2,8 см. Ближе по форме к прямоугольнику вкладыш из раскопок Владимировых; величина его, к сожалению, нам не известна, так как мы имели возможность ознакомиться с ним лишь по фотографии, лишенной масштаба. В эту же группу следует отнести вкладыш, найденный в раскопе № 3 (рис. 23, 2). От вкладыша, найденного Владимировым, он отличается большой выпуклостью стороны, противоположной рабочему краю. Размеры: длина по лезвию 3,8 см, наибольшая ширина 1,8 см. Вкладыши, изображенные на рис. 23, 4—5, имеют изломы, в одном случае на одном, в другом на обоих концах, а потому длину их определить невозможно; ширина этих вкладышей равна 1,2 и 1,5 см. К концевым вкладышам мы считаем возможным отнести обломок орудия, изображенный на рис. 23, 3. В отличие от вышеописанных вкладышей он имеет суженный и заостренный конец, тщательно обработанный плоской ретушью. Размеры: ширина 1,6 см, длина сохранившейся части по лезвию 1,9 см.

Кремневые вкладыши, близкие по форме к обнаруженным на Долинском поселении, имеют очень широкое распространение. Отдельные находки этих предметов известны как на территории Кавказа и Крыма, так и в степной полосе Европейской части СССР. Вкладыши, которые мы имели возможность осмотреть, имеют все те характерные особенности, какие свойственны поделкам, описанным нами; для них также типичны зазубренность одного края, обычно более утолщенного, тщательная обработка всей поверхности орудия отжимной ретушью и следы сработанности, имеющие вид заполированности зубчатого рабочего края. По форме эти вкладыши приближаются к описанным выше и также могут быть разделены на срединные и концевые. Для того чтобы наметить район распространения поделок этого рода, укажем места некоторых находок. Вблизи г. Нальчика на территории Кабардинского парка Северо-Кавказской экспедицией были обнаружены остатки древнего поселения, по всей вероятности одновременного поселению у хут. Долинского. Среди материала, собранного на поверхности, имеется один обломок вкладыша, изображенный на рис. 24, 2. В Нальчикском музее имеется кремневый вкладыш, найденный в

окрестностях с. Нартан. В. И. Долбежеевым вблизи с. Кобан Северо-Осетинской АССР, в одной из раскопанных им могил, расположенных к западу от известного Кобанского могильника, было обнаружено семь человеческих скелетов, с разнообразным погребальным инвентарем. При одном из костяков был найден кремневый вкладыш концевой типа. Целый ряд черт в погребальном обряде и инвентаре указывает на то, что костяк с кремневой поделкой необходимо считать значительно более древним, чем остальные шесть остовов, и относить его ко времени древнейших захоронений в Кобанском могильнике.¹ Возможно, что в группу кремневых вкладышей следует отнести «кремневые пилки», найденные В. Б. Антоновичем и В. Л. Бернштамом в курганах у Ульского аула на Кубани, хранящиеся в настоящее время в Музее Грузии.² В том же музее имеется «пила» из обсидиана, обнаруженная при раскопках Такайшвили на р. Цалка в пределах б. Тифлиской губ.,³ а также три «пилочки» из кремня, найденные близ Рионской станции на холме Насаджвареби в имении, ранее принадлежавшем Лонгейль.⁴ К сожалению, мы не имели возможности осмотреть эти находки, а описание их крайне неточно, и потому сказать с уверенностью, что они являются вкладышами в серпы, мы не можем. Необходимо еще указать, что на фотографиях с вещей б. Кавказского музея, хранящихся в Фото-архиве ИИМК, имеется изображение двух вкладышей, из которых один приближается по форме к найденному в раскопе № 3 (рис. 23, 2), а второй может быть отнесен к типу концевых.⁵ Место находки этих орудий нам неизвестно. Б. Б. Пиотровским был найден вкладыш из обсидиана на поле вблизи Калагранской крепости, расположенной на южном берегу Севанского озера в Армении.⁶ Несколько кремневых вкладышей имеются среди коллекций Кутаисского музея; один из них происходит из Багдадского района, второй был найден в сел. Дзерви Чхарского района; два в местности Тетрамици, находящемся в окрестностях г. Кутаиси. Там же имеется несколько вкладышей, места находки которых неизвестны.⁷

Целый ряд кремневых вкладышей в серпы был найден С. Н. Замятинным при производстве археологических изысканий в Абхазии в долине Черной речки у с. Атхары Гу-

даутского района¹ и в Имеретии в долине ручья Хергули, вблизи сел. Вачеви, немного выше пещер Хертулис-кльде (рис. 24, 1).² С. Н. Замятин сообщил нам также о находке кремневого вкладыша, сделанной Кружковским при производстве раскопок в пещере Бнем-кльде около сел. Ргани, к 3 от Чиатур. Вкладыш был найден в верхнем горизонте пещеры вместе с фрагментами керамики.³ Несколько

Рис. 24. Кремневые вкладыши в серпы.
1 — сел. Вачеви, Имеретия; 2 — древнее поселение в Кабардинском парке г. Нальчика.

вкладышей было обнаружено А. И. Амираншвили в культурном слое раскопанного ею древнего поселения у сел. Квалони Сенакского района.

В Крыму кремневые вкладыши в серпы были находимы в каменных ящиках; укажем, напр., на раскопки С. А. Семенова-Зусера, произведенные им в 1930 г. вблизи дер. Черкес-кермен около г. Севастополя. Здесь в каменном ящике № 2, ряды «Д» с вещами, ха-

¹ Архив ИИМК, фонд Археол. ком. 1891, дело, № 13. Вкладыш в настоящее время хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа.

² *Museum Caucasicum*, т. V. Тифлис, 1902, стр. 162 №№ 3379 и 3380.

³ Там же, стр. 100, № 2333.

⁴ Там же, стр. 106, № 2479.

⁵ Фото-архив ИИМК, Q 241, 118, № 60943.

⁶ Сведения получены от Б. Б. Пиотровского.

⁷ Коллекции Кутаисского музея, №№ 776, 2189, 2207, 2400/3.

¹ Коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, № 5363-241.

² Там же, № 5251-35.

³ Хранится в Музее Грузии в Тбилиси.

раактерными для предскифского времени, был найден один вкладыш, вполне соответствующий тем отличительным особенностям, которые мы отмечаем выше.¹ В степной полосе Европейской части СССР интересные нас поделки также не являются большой редкостью. Так, напр., они были встречены в большом количестве в Белоградском могильнике на Украине, причем среди найденных предметов имеются вкладыши и концевые и срединного типа.² Насколько можно судить по изданным материалам, могильник относится к предскифскому или раннескифскому времени. Два вкладыша концевой типа, найденные на территории Днепропетровского края, изданы в каталоге собрания А. Н. Поля. Автор каталога в описании отмечает следующие характерные особенности орудий: «поверхность с обеих сторон выпуклая, отделанная широкими, плоскими осколками, острие и края подправлены тоньше; нижний край, вырезанный, представляет на поверхности ту особую стекловидную полировку, которая замечается только на кремневых пилах и серпах и приобретает долгим употреблением, верхний округленный, по видимому, был оправлен».³ Отметим еще находки вкладышей концевой типа, сделанные А. А. Бобринским в насыпи кургана XV на р. Серебрянке близ м-ка Смела б. Киевской губ. и в кургане СССР XLIV на р. Ташлык в той же местности. Древнейшие погребения в этих курганах относятся к эпохе бронзы.⁴ Как видно из приведенного краткого и далеко неполного перечня находок, описанная нами группа орудий не может считаться характерной для узко ограниченного района, наоборот, необходимо сделать вывод о широком распространении этих орудий в доскифский период в степной полосе и на Северном Кавказе и до периода появления железа в Закавказье.

О существовании в древности серпов с кремневыми вкладышами свидетельствуют многочисленные находки, сделанные на неолитических стоянках Египта. Здесь были встречены разнообразные кремневые пластины, одна из сторон которых снабжена заостренными выступами. Ж. де Морган предполагает, что часть этих поделок могла служить вкладышами в серпы,⁵ а другая группа

их являлась составными частями пил, служивших для обработки дерева и кости. Выделить вкладыши в серпы позволила находка, сделанная Флиндерс Петри у сел. Кахун. Здесь был найден целый серп, в деревянную основу которого вставлен ряд вкладышей, образующих непрерывное зубчатое лезвие.¹ Можно также отметить изображенные серпов на фресковых росписях египетских гробниц,² где на древнейших изображениях, относящихся ко времени III династии, основа серпа и зубчатый край закрашены в различные цвета, что указывает и на разницу в материале, из которого изготовлены составные части орудий, — факт, в позднейшее время не наблюдающийся. Рабочий край вкладышей в серпе, найденном у сел. Кахун, имеет заполированную, являющуюся результатом сработанности орудия, хорошо заметную и на вкладышах Долинского поселения. Форма вкладышей, по мнению Моргана являющихся составными частями серпов, очень близка к описанным нами.

Значительный интерес представляют многочисленные находки кремневых вкладышей в серпы, сделанные на неолитических поселениях Палестины. Среди них можно выделить вкладыши как концевой, так и срединного типа. Один из вкладышей найден укрепленным в оправе.³

В основе серпа вкладыши укреплялись при помощи клейкого вещества, которое сохранилось, напр., на вкладышах, найденных при раскопках г. Джерар, недалеко от Газы, в южной части Палестины. Серпы эти относятся ко времени XVIII египетской династии, т. е. около XV в. до н. э.⁴

Близка по форме к орудиям, известным под названием «кривых ножей», кремневая поделка, найденная в раскопе № 3 (рис. 23, 10). Орудие это имеет сегментовидную форму, обе поверхности тщательно обработаны плоской ретушью, имеющей вид широких фасеток. По выпуклому краю орудия, более утолщенному, нанесена мелкая ретушь, формирующая режущее рабочее лезвие. Один конец орудия заострен, второй имеет вид очень короткого черенка. Наибольшее количество следов сработанности заметно на выпуклом крае орудия. Размеры: длина 5.1 см, ширина 2.4 см.

Пластины с ретушью по краю представлены четырьмя экземплярами. В двух случаях ретушь нанесена только по одному краю пла-

¹ Коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, № 4185-394.

² Петро Куриний. Дослідження Білоградського Могильника, Коротке звітання ВУАК'у за археологічні дослід. Київ, 1926, стр. 74, рис. XVIII.

³ К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе, вып. I. Киев, 1893, стр. 30, табл. I, рис. 510 и 511.

⁴ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. СПб., 1887, т. I, стр. 34—35, табл. IV, рис. 8; т. III, стр. 34—35, табл. II, рис. 5.

⁵ J. de Morgan. Recherches sur les origines de l'Égypte. Paris, 1896, стр. 132—134, рис. 23—246.

¹ Там же, рис. 247; см. также: W. M. Flinders Petrie. Illahun, Kahun and Gurob. London, 1891, табл. VII.

² J. de Morgan, ук. соч., рис. 248; см. также: W. M. Flinders Petrie. Medum. London, 1892, табл. XXVIII.

³ René Neuville. Les débuts de l'agriculture et la faucille préhistorique en Palestine. Extrait du Recueil de la Société Hébraïque d'Exploration et d'Archéologie Palestiniennes. Jérusalem, 1934, табл. II, V, VI, VII.

⁴ W. M. Flinders Petrie. Gerar. London, 1928, стр. 5, табл. XVI.

стины, что придает последней характер режущего ножевидного орудия (рис. 23, 11—12). На остальных двух фрагментированных пластинках мелкая, довольно крутая ретушь видна по обоим краям. На этих пластинках (рис. 23, 13—14) заметна сильная сработанность, имеющая характер мелких выщерблин.

Поделки из обсидиана были встречены в единичных экземплярах. Можно отметить лишь три отщепы, на которых заметна сработанность, имеющая характер ретуши (рис. 23, 15—17). По всей вероятности, значительная часть находимых осколков, имеющих острые режущие грани, употреблялась без вторичной обработки. Обсидиан, находимый на поселении у хут. Долинского, имеет разнообразную цветность. Наиболее часто встречается обсидиан двух расцветок: серый, дымчатый, с более темными, иногда черными, пятнами и коричневатокрасный с черными прослойками. Первый сорт обсидиана хорошо прозрачен; второй приобретает прозрачность лишь на очень тонких отщепках.

Чрезвычайно характерным для Долинского поселения является численное преобладание кремня как поделочного материала над обсидианом, в отличие от поселения более раннего времени, расположенного в урочище Агубеково вблизи г. Нальчика, также исследованного Северо-Кавказской экспедицией. На табл. 2 показано численное соотношение кремня и обсидиана, найденного во всех заложенных экспедицией раскопах.

Таблица 2

Раскопы	Кремень		Обсидиан	
	Количество	% к общ. числу	Количество	% к общ. числу
№ 1	82	94.2	5	5.8
№ 2	28	96.6	1	3.4
№ 3	51	98.1	1	1.9
№ 4	62	93.9	4	6.1
Всего	223	95.3	11	4.7

Из этой таблицы видно, что процентное соотношение того и другого материала довольно устойчиво и колебания в ту или иную сторону незначительны.

Помимо кремня и обсидиана в качестве поделочного материала, возможно, употреблялся и кварцит, но в таком случае он безусловно занимал второстепенное место. Один обломок кварцита был найден в раскопе № 4, в других раскопах кварцита обнаружено не было.

Полированные каменные орудия в нашем материале представлены тремя топорами. Один из них, сделанный из сиенита, найден в рас-

копе № 1. Топор этот имеет вид четырехугольного вытянутого клина, сильно утолщенного на одном конце и имеющего в этой части с двух сторон желобок, служивший для привязывания орудия к рукоятке (рис 25, 1). Заполнирована вся поверхность орудия, за исключением желобков и тыльной части. Отсутствие заполированности на обухе орудия объясняется сильной его сработанностью, о чем свидетельствуют неровность площадки и многочисленные выщерблины. Лезвие топора, имеющее слегка округлую форму, также носит на себе следы работы. Размеры орудия: длина 8 см, ширина по лезвию 3.7 см, наибольшая толщина 3.4 см. Аналогичные каменные топоры, происходящие из комплексов, для территории Северного Кавказа нам не известны. Из случайных находок можно отметить топор, найденный на р. Мзымта, вблизи г. Сочи, хранящийся в Отделе доклассового общества Гос. Эрмитажа.¹

Три топора-молота несколько иной формы, но также имеющие желобки для привязывания орудия к рукоятке, хранятся в Нальчикском музее; два из них были найдены вблизи могильника (кургана № 1), исследованного Северо-Кавказской экспедицией,² а третий обнаружен в одной из промоин на площадке, занятой Долинским поселением.

Топор этот (рис. 25, 4) изготовлен из твердой породы серого цвета (диорит) и имеет форму широкого клина с глубокими желобками на боковых поверхностях, служившими для привязывания к рукоятке. Рабочий конец орудия обломан, а на округлой тыльной части заметны многочисленные следы ударов. Длина топора 10.5 см, ширина 8 см, наибольшая толщина 5.5 см.

Отметим также каменный сверленный топор, изготовленный из диорита, найденный на площади, занятой поселением, в водомоине у небольшого кургана.³ Топор этот (табл. IV, 1) близок по форме к целому ряду находок, сделанных на Северном Кавказе, главным образом в районе Пятигорск—Нальчик. Для топоров этого типа характерно четкое членение их на две части: молоточную часть более или менее цилиндрической формы и клиновидный рабочий конец. Молоточная часть их резко отогнута назад таким образом, что передняя линия топора в месте перегиба образует тупой угол, а задняя описывает сравнительно правильную дугу, чем придает большую ширину лезвию топора. Характерно также значительное превышение длины топора над его шириной, в отличие от второго типа коротких и более широких топориков, не менее часто встречающихся на Северном Кавказе. Топоры,

¹ Коллекция № 290-1.

² Коллекции Нальчикского музея, инв. № 97/1934, 96/1934.

³ Коллекции Нальчикского музея, № 429/1923.

приближающиеся по форме к найденному на поселении Долинском, известны в пределах Кабардино-Балкарской АССР из сел. Кишпек Бахсанского округа (табл. IV, 3),¹ из окрестностей сел Заюково² (табл. IV, 2) и из окрестностей г. Нальчика.³ Возможно, что в преде-

Константиновки, в урочище Гора,¹ а второй обнаружен Д. Я. Самоквасовым в гробнице № 2 кургана № 1, раскопанного им в той же местности.²

В Нальчикском музее имеется каменное орудие, изготовленное из твердой кристал-

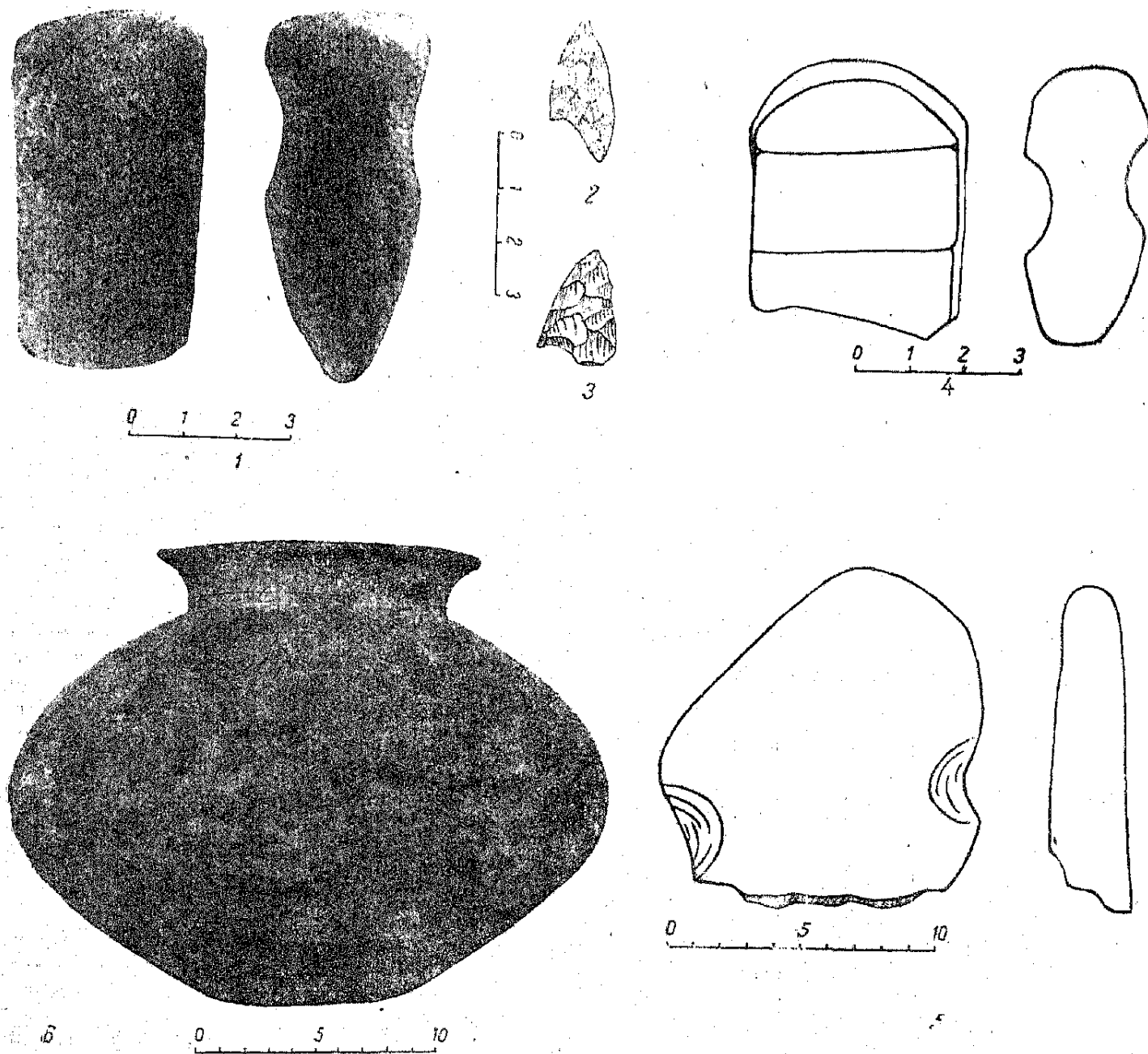

Рис. 25.

1 — каменный топор, раскоп № 1; 2—3 — кремневые наконечники стрел; 4 — каменный топор; 5 — каменная мотыга; 2—5 — Долинское поселение; 6 — глиняный сосуд из Гуиделена.

лах той же области был найден топор, находившийся в коллекции К. И. Ольшевского, отмеченный им как происходящий из Малой Кабарды.⁴ Два топора этого типа известны из района Пятигорска, один из них был найден местными жителями в кургане у колонии

лической породы зеленоватого цвета, которое нам представляется возможным интерпретировать как наконечник мотыги (рис. 25, 5). Орудие это найдено на территории Долинского поселения. К сожалению, от орудия со-

¹ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 13, табл. I, рис. 6. — Он же. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 33.

² Д. Я. Самоквасов. Основания..., стр. 14, табл. I, рис. 7. — Он же. Могилы..., стр. 35.

¹ Там же, № 193/1924.

² Там же, № 213/1929.

³ ОАК, 1913—1915, Пгр., 1918, стр. 208—209, рис. 256.

⁴ Ernest Chantre. Recherches Anthropologiques dans le Caucase, I. Paris, 1885, табл. I, рис. 8—10.

хранилась только его верхняя часть, имеющая вид довольно толстой плитки неправильной формы. По краям плитки сделаны две выемки для привязывания орудия к рукоятке. Грани этих выемок сильно заглажены, что объясняется длительным использованием орудия. Характер расположения выемок, учитывая незначительную толщину орудия, указывает на то, что оно насаживалось на рукоятку перпендикулярно ее оси, т. е. применялось не как топор, а как мотыга или тесло. Длина сохранившейся части орудия 12 см, толщина 2—3 см, ширина 12 см.

Накопец, в довольно значительном количестве на поверхности и в культурных слоях Долинского поселения встречаются орудия для растирания и размельчения твердых материалов, представленные тремя основными типами, а именно: зернотерками, терочниками и пестами.

Зернотерки представляют собой небольшие гранитные валунчики с отшлифованной плоской или слегка вогнутой, оваловидной рабочей поверхностью. Одна из таких зернотерок, встреченная под дерновым покровом на супесчаном слое, между пикетами С/3—D/3 раскопа № 2 (табл. I, 2), имеет высоту около 10 см; рабочая поверхность ее плоская, яйцевидной формы (диаметры: 20 × 30 см). Другая зернотерка высотой в 14 см, найденная на поверхности дернового покрова, имеет слегка вогнутую рабочую поверхность размерами 23 × 32 см; нижняя поверхность ее округлена; с одной стороны естественно окатана, а с другой — несет на себе следы ударов, произведенных, вероятно, для достижения необходимой формы (табл. V, 1).

Терочники по своей величине и форме делятся на большие и малые. Большие терочники, державшиеся в процессе употребления обеими руками, насколько можно судить по имеющимся фрагментам, были продолговатыми с нижней уплощенной рабочей поверхностью в форме вытянутого овала. Верхняя часть их была или также слегка уплощена или имела округлый профиль (табл. V, 5); боковые же поверхности для более удобного обхвата руками иногда искусственно выпрямлялись, приобретая форму пологих скатов (табл. V, 3). Высота терочников этого типа была, примерно, около 5.5—8 см, наибольшая ширина встреченных фрагментов 8—15 см. Для изготовления их брались валунчики гранита или вулканического туфа (табл. V, 2). Несколько обломков описанных изделий были встречены в дерновом слое и на его поверхности, а 7 больших фрагментов (гранит) найдены в одной из древних ям раскопа № 1, находившейся в квадратах Д/7—Ж/9.

В культурных слоях поселения встречались плоские гальки андезитовых пород, имеющие яйцевидную или округлую в плане форму. Большинство подобных галек имеет одну из

широких сторон совершенно плоскую, что, по видимому, является результатом производившегося трения и свидетельствует об употреблении их в качестве небольших терочников. Длина этих предметов обычно около 12 см, ширина 8—9 см, высота около 2.5 см. Следует отметить, что одна из таких галек, встреченная на поверхности супесчаного слоя в раскопе № 2, рядом с зернотеркой (табл. I, 2), имеет в средней части боковых узких сторон небольшие выемки (табл. V, 8), возможно служившие для более крепкого обхвата при движении предмета в одном и том же направлении. На другой же, найденной в слое III раскопа № 4, такая же выемка находится в середине широкой, слегка вогнутой боковой стороны и две небольшие — на противоположной (табл. V, 6); поверхность выемок несет следы повторных ударов.

Применение же в качестве терочника гальки округлой формы, залегавшей на глубине 1-го штыка в раскопе № 4, и имеющей диаметр 7.5 см, а высоту 3 см, несомненно, так как обе широкие стороны ее плоско зашлифованы (табл. V, 7). Центр одной из сторон имеет выщерблины, произведенные рядом повторных ударов.

В качестве песта, вероятно, употреблялся встреченный в слое III раскопа № 4 камень пирамидообразной формы с округлыми гранями и вершиной, слегка уплощенными боковыми поверхностями и подтреугольным основанием (табл. V, 4). На применение его как песта указывает неглубокая впадина в основании, имеющая неровную поверхность выщербленного характера, полученная как бы рядом повторных ударов. Размеры: высота 5 см, длина стороны основания 4.5 см.

К орудиям типа пестов могут быть отнесены и две находки из квадрата Д/7—Е/8 раскопа № 1. У первой из них, являющейся обломком гладко окатанного диоритового булыжника округлой формы (высота сохранившейся части 5 см), плоская зашлифованная рабочая поверхность, бывшая, по видимому, оваловидной, имеет в средней части неглубокую впадину, появившуюся вероятно, как и зашлифованность, в результате работы (табл. V, 9). Другая же находка, представляя собой также обломок плоского булыжника андезитовой породы толщиной в 4.5 см, имеет на частично сохранившемся узком округлом конце глубокие выбоины (табл. V, 11).

Описанные предметы имеют довольно большое количество аналогий среди синхроничных и синстадиальных им памятников юга Европейской части СССР и, в частности, Северного Кавказа.

Что касается зернотерок и терочников-вальков, то они, с одной стороны вследствие малой изученности поселений Прикубанья и предгорий Кавказа, с другой ввиду недостаточного внимания, уделяемого им в опублико-

ванных работах, известны, главным образом, в районах, лежащих к С и СЗ от интересующей нас территории и в Закавказье.

Довольно большое количество их найдено на Донце,¹ известны они на Херсонщине;² зернотерка, близкая по форме и размерам к издаваемой нами (табл. V, 1), найдена с терочником при работах М. И. Артамонова на р. Маныч у хут. Веселого.³

Для Закавказья можно указать находки зернотерок описанного типа на территории Армении и Азербайджана.

В Армянской ССР они были встречены при раскопке поселений у сел. Элар и в Шрешблуре, найдены на холмах Армавирском и Муханат-Тапа. Интересно, что зернотерка, найденная на холме Муханат-тапа,⁴ полностью повторяет форму аналогичного же предмета, встреченного в поселении Долинском на супесчаном слое в раскопе № 2 (табл. I, 2).

В Азербайджане близкая по типу зернотерка была найдена на небольшой глубине на территории могильника Ялойлу-Тапа.⁵

Широкое применение трения как одного из приемов обработки разнообразных материалов, при учете различия самого характера процесса работы, стоявшего в зависимости от качества материала и требующихся результатов, вызывало различные типы терочников. Потребность в чрезвычайно измельченном материале (напр., краска), растирание которого возможно только в малых количествах, вероятно, и заставила применять в качестве терочников небольшие, описанные нами гальки твердых пород. В процессе употребления подобных предметов наиболее удобной формой последних оказалась округлая, позволившая крепче обхватывать всеми пальцами руки терочник, умещающийся в ладони.

А это, в свою очередь, постепенно привело к специальному изготовлению небольших, плоских, круглых терочников, очень часто встречающихся в погребениях эпохи бронзы.

Напомним вкратце находки этих предметов, встреченных в числе могильного инвентаря в районах, близких Кабардино-Балкарской АССР.

Достаточно указать хотя бы на раскопки Н. И. Веселовского в б. Кубанской области, где подобные терочники, хранящиеся ныне

в Отделе доклассового общества Гос. Эрмитажа, были им найдены в погребении № 1 кургана № 5, погребении № 2 кургана № 7, в юрте Келермесской¹ и в погребении № 2 кургана № 10, близ Петропавловской.²

Аналогичные же терочники были найдены Д. Я. Самоквасовым в погребении № 8 кургана № 4 под Кисловодском в урочище «Три камня».³ Наконец А. А. Иессеном подобные же два терочника были встречены в пределах Кабарды, а именно в погребении № 2 кургана № 2 в сел. Заюково.⁴

Интересно отметить, что для захоронений иногда, повидимому, изготовлялись имитации подобных предметов; так, напр., в насыпи кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1905 г. близ Чернышева хутора в юрте аула Хатажукаевского б. Кубанской области был найден небольшой плоский голыш со слегка выпуклыми, естественно окатанными поверхностями, боковые стороны которого носят следы ударов, придавших предмету круглую форму в плане и подчетыреугольную в профиле.⁵

Перечисленные погребения являются более поздними, чем Долинское поселение, но округлый терочник Агубековского поселения,⁶ предшествующего по времени нашему, свидетельствует о чрезвычайно раннем вхождении в обиход предметов подобного типа и назначения, а тем самым и об их длительном бытовании.

Обращает на себя внимание наличие на одной из плоскостей некоторых из отмеченных нами предметов небольших выщерблин, полученных путем повторных ударов, или впадинки. Помимо издаваемых нами, впадинку имеют терочники, найденные в погребении № 1 кургана № 5 и в погребении № 8 кургана № 4 под Кисловодском; маленькие выбоинки имеет и аналогичный предмет, хранящийся в Краевом музее в Ростове н/Д,⁷ подобный не только по форме, но и по размерам терочнику из раскопа № 4 (табл. V, 7).

Данное обстоятельство заставляет высказать предположение, что эти предметы имели двойную функцию. Так, напр. плоскими тероч-

¹ ОАК, 1904, стр. 96—97.

² ОАК, 1907, стр. 89.

³ Д. Я. Самоквасов. Основания..., стр. 11, № 407—408, табл. 1, № 4.— Он же. Могилы..., стр. 28.— Он же. Могильные древности Пятигорского округа. Труды V Археол. съезда, М., 1887, стр. 52 и табл. 1, № 4.

⁴ А. А. Иессен. Краткий отчет о работе Баксанской экспедиции ГАИМК, 1934 г. Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. ИИМК АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 227 табл. XXXVIII, 4, 5.

⁵ ОАК, 1905, стр. 73. Хранится в Отделе доклассового общества Гос. Эрмитажа.

⁶ См. в наст. сборн. статью Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова, стр. 60, табл. III, 6.

⁷ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество стелей восточной Европы. Изв. ГАИМК, вып. 119, М.—Л., 1935, стр. 86, рис. 12.

¹ М. В. Сибильов. Старовинности Изюмщины, вып. I. Изюм, 1926, табл. XXVI, рис. I; вып. III, Изюм, 1928, табл. XXIV.—С. А. Локтюшев. Доисторический очерк средней Донечины. Луганск, 1930, стр. 24, табл. 12, рис. 8.

² Литопис Музею, червони роки 1917—1927. Держ. Херсонський истор.-археол. музей, вип. 8, Херсон, 1927, стр. 10, рис. 11.

³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. Сов. археол., № 4, 1937, стр. 129—130, рис. 56.

⁴ Проблемы ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 39—41. Там же изображения зернотерок из Элара, Шрешблур, Армавира и Муханат-тапа.

⁵ З. Д. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-тапа. атер. Азгосмузея, вып. 1, Баку, 1927, стр. 32, рис. 22.

никами, на ряду с растиранием материала, производилось первоначально и дробление последнего. Возможно также, что часть предметов служила и в качестве наковаленок.

Вызывает некоторое сомнение в своей функциональной значимости находка, сделанная в слое III раскопа № 4, представляющая собой обломанный с обоих концов четырехгранный каменный брусок, имеющий в сечении прямоугольную форму (5,5 × 8,5 см) и длину в 9 см (табл. V, 10). По всей вероятности этот предмет употреблялся в качестве точильного камня.

ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ

Переходя к описанию глиняных сосудов, прежде всего следует отметить, что их обломки количественно преобладают над всеми остальными находками.

В связи с тем, что керамический материал раскопа № 1 в основной своей массе довольно резко отличается от подобного же материала раскопов №№ 2—4, описание этой группы находок соответственно расчленено на две части.

Вначале даем описание глиняных сосудов и их обломков, встреченных в раскопах №№ 2—4.

Все сосуды, найденные целыми или подобранные в процессе реставрации, как и представленные отдельными фрагментами, были сформованы от руки и по характеру материала резко делились на две группы.

Материалом для первой группы была чистая глина, лишенная каких-либо примесей, за исключением мелких обломков шамота или пережженных черепков, встреченных в толще нескольких фрагментов сосудов этой группы. Черепок очень рыхлый с сильно пачкающейся поверхностью, разрушающийся в воде, а иногда расслаивающийся; цвет черепков оранжево-красный, в изломе же некоторых серый. Края черепков, как и поверхность их, сильно разрушены.

Произведенное в Институте исторической технологии ГАИМК изучение нескольких образцов керамики этой группы показало, что температура обжига ее была ниже 850°C и была недостаточной для получения нормального черепка из подобного сорта охристой глины, не давая возможности силикатам закиси железа перейти в окисные.

Как показали произведенные опыты со вторичным обжигом черепков, нормальный обжиг их наступает при температуре 1060°, когда «черепок изменяет свой цвет из оранжевого в темнокрасный, приобретая плотность и все качества нормально обожженного изделия. Цвет черепка делается равномерным по всей толще. Силикаты закиси также полностью переходят в силикаты окиси».

Обжиг производился без печей, «вероятно, на костре, защищенном с боков глиняной стенкой...» «Хорошо и правильно отформованные изделия не могли быть нормально обожженными при той низкой температуре, которую можно было получить на костре, хотя бы и защищенном со всех сторон стенками. Избыток дыма создал восстановительную атмосферу. Низкий обжиг мог только соединения окиси железа перевести в силикаты закиси... Черепок изделий получился рыхлым, недожженным и негодным для хранения жидкостей».

Тесто, применявшееся для изготовления керамических изделий второй группы, было весьма низкого качества и содержало большое количество отдельных чешуек слюды и сравнительно крупных зерен кварца. Лишь небольшая часть встреченных фрагментов, принадлежащих в большинстве случаев, сосудам определенной формы, о чем будет сказано ниже, имела тесто с немногочисленными вкраплениями слюды и более мелкими зернами песка. Весьма редко в качестве примеси в тесте черепков можно заметить мелкие обломочки шамота. Цвет черепков серый, палевый или коричневый, различной густоты (до бурого); в изломе от светлосерого до черного; иногда нижняя часть внутренней поверхности сосуда, особенно днища, а также наружная поверхность у края имеют более темную окраску (вплоть до черной). Плотность черепков слабая, поверхность их сильно разрушена выпадением глинистых частиц, вследствие чего затлаженные в процессе формовки зерна песка частично обнажены.

Сильная уплотненность культурных слоев Долинского поселения и сравнительно большая увлажненность их, особенно в нижней части, объясняемая неглубоким их залеганием от современной поверхности при малой водопроницаемости подстилающей породы, крайне отрицательно отразились на сохранности всех керамических изделий столь низкого качества, как описанные. По расположению черепков, преимущественно находившихся в древних ямах, было ясно заметно, что большая часть их принадлежала сосудам, попавшим в яму в целом или слегка фрагментированном виде, что подтвердилось и в процессе реставрации материалов. С другой стороны, плотное соприкосновение черепков с окружающим грунтом вследствие периодической или постоянной увлажненности последнего привело к их сращению, что, в свою очередь, повлекло дальнейшее разрушение черепков путем расслоения или выпадения глинистых частиц с поверхности, сильно затруднявшее их извлечение и реставрацию.

По форме сосуды, будучи все плоскодонными, представляют собой несколько типов, которые можно свести к основным трем.

Сосуды первого типа имеют высокое тулови-

ще, постепенно расширяющееся кверху и имеющие в верхней своей части округлый перегиб к невысокой горловине, венчик которой слегка отогнут наружу. Судя по имеющимся фрагментам и реставрированным сосудам, большинство их имело на перегибе туловища три небольшие ручки, расположенные примерно на одинаковой высоте и равном расстоянии друг от друга.

Один сосуд такого типа, встреченный в обломках в культурном комплексе раскопа № 2, удалось реставрировать полностью (табл. VI, 1), другой, найденный там же, лишь частично (табл. VI, 2), а третий, находившийся в обломках скопления керамических остат-

ня венчика на стенке сосуда находятся три ручки, из которых одна отбита, имеющие ширину в средней части 3,5 см и диаметр отверстия 1,5—2,0 см.

Высота третьего сосуда 33 см, высота горловины с венчиком 3 см, диаметр венчика по краю 14 см, внутренний диаметр горла 10 см, наибольший внешний диаметр сосуда на высоте 19 см—20 см, диаметр дна около 14 см. На высоте 29 см на поверхности тулова, суживающегося к горловине, на равных промежутках между собой находятся три ряда конусообразных выпуклостей, диаметром и высотой около 1 см, расположенных по три в каждом ряду, длина которого равна 5 см.

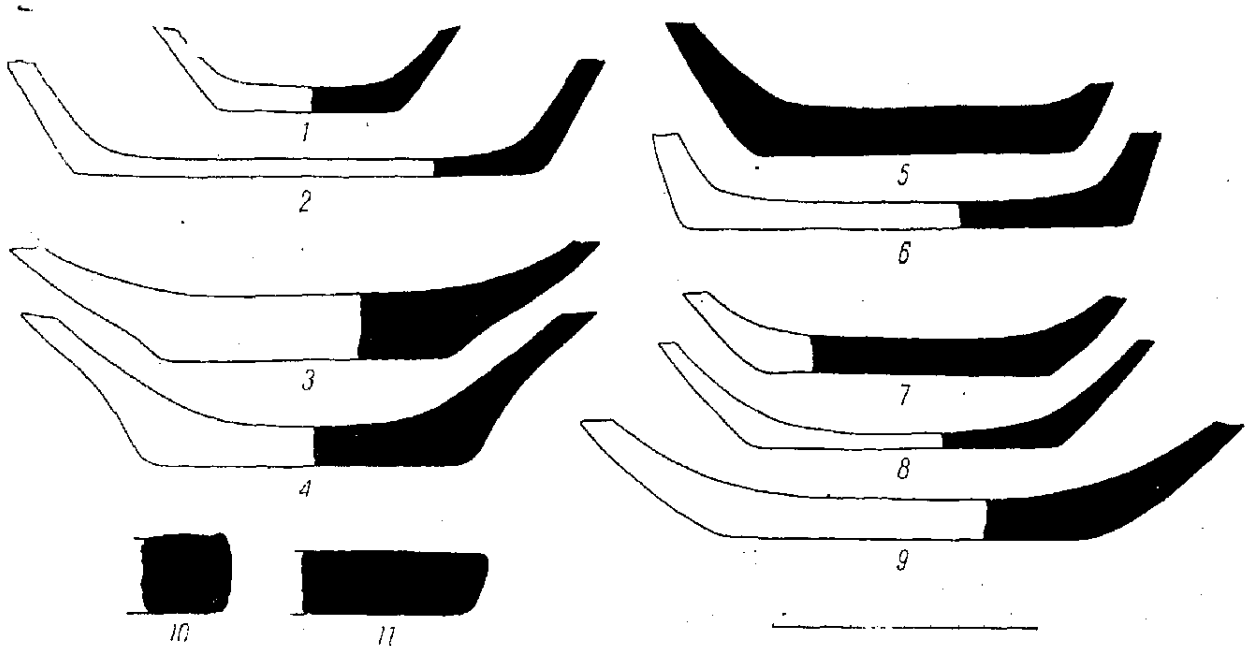

Рис. 26. Профили обломков глиняных изделий. Долинское поселение.

1—2—днища красно-оранжевых сосудов; 3—9—днища грубых сосудов; 10—11—обломки крышек (?). 1—2—раскоп № 4. 3, 5—7, 9—раскоп № 1; 4, 8, 10—11—раскоп № 3.

ков в квадрате С/10—D/11 раскопа № 3, оказалось возможным подобрать почти полностью, так как, хотя дно и отсутствовало, намечающийся перегиб к нему был замечен в некоторых местах излома нижних фрагментов стенки (табл. VI, 3).

Размеры первого сосуда: высота 38,5 см, высота горловины с мягко отогнутым наружу небольшим венчиком 3,5 см, диаметр венчика по краю 13,5 см, внутренний диаметр горла 10 см, наибольший внешний диаметр сосуда на высоте 24 см—30 см, диаметр дна 12 см. На высоте 26,5 см находятся три ручки шириной в средней части 2 см, имеющие оваловидное отверстие с диаметрами около 1,5 × 2,5 см.

Высота восстановленной верхней части второго сосуда 32,5 см, высота горловины с венчиком 3 см, диаметр венчика по краю 12,5 см, внешний диаметр горла 10,5 см, внутренний 9 см, наибольший внешний диаметр, находящийся на 15 см ниже уровня венчика, 28,5 см. Ниже на 12, 14 и 15 см от уров-

Судя по фрагментам аналогичных сосудов, форма последних варьировала, главным образом, в отношении венчиков. Большая часть сосудов имела плавно перегибающийся наружу венчик, венчики же остальных, также перегнутые наружу, были прямыми, причем в данном случае у основания их имелся небольшой уступ (табл. VIII, 9), а край венчика иногда, в свою очередь, был также слегка отогнут наружу. По профилю все венчики постепенно утончаются кверху, и лишь загнутый наружу край одного прямого венчика был плоско срезан.

Высверленные в толще стенок или в небольшом налете на них ручки сосудов, в большинстве случаев плавно перегибающиеся, имеют круглое, реже оваловидное отверстие одинаковой ширины на всем своем протяжении. Сечение ручки или сегментовидное или оваловидное. В месте соединения с туловищем ручки расширяются, причем наружная поверхность, уплощаясь, незаметно переходит в стенку сосуда (табл. VII, 1, 3—4).

Толщина стенок сосудов, колеблется между 0.8 и 1.5 см. На одном из обломков стенки, имеющей толщину 1.4 см и принадлежавшей сосуду большого размера, имеется налепное украшение в виде плоских шишечек, расположенных в два горизонтальных ряда: 6 — в верхнем и 5 — в нижнем (табл. VII б).

Диаметр дниц колеблется в пределах 12—16 см и лишь в одном случае днице имело диаметр около 7.5 см (рис. 26, 1—2). Обычная толщина дниц от 0.7 до 1.5 см, будучи лишь в одном случае равной 2 см, при диаметре дна в 10 см.

Все сосуды по тесту относятся к первой из двух вышеописанных нами групп, т. е. изготовлены из чистой глины, имея сильно пачкающий черепок с поверхностью оранжево-красного цвета. Лишь несколько обломков стенок подобных сосудов содержат в своем тесте примесь шамота.

Второй группой сосудов являются небольшие и невысокие мисочки-блюдца, стенки которых, широко расходясь от дна (рис. 27, 13), или загибаются внутрь в верхней своей части (рис. 27, 7—8) или же, оставаясь почти прямыми, имеют загнутый внутрь край (рис. 27, 9—12). Диаметр мисочек по наружному краю равен 18—32 см, за исключением одного фрагмента, диаметр которого 14 см. Толщина стенок обычно 0.7—0.9 см, реже 0.5 см.

Часть таких сосудов по качеству теста аналогична вышеописанным, другая же с загибающейся внутрь верхней частью была изготовлена из глины, содержащей мелкозернистый песок и небольшие чешуйки слюды, и имеет серый цвет.

О форме сосудов этого типа можно говорить лишь на основании их фрагментов, являющихся в большинстве случаев обломками верхней части сосудов, встреченных в небольшом количестве (края от 18 сосудов) в раскопах №№ 3 и 4.

Наконец, третью группу сосудов, преобладающую по количеству встреченных обломков над всем остальным керамическим материалом, представляют горшки. Туловище сосудов этого типа, насколько можно представить себе их по имеющимся фрагментам, расширялось от дна и имело почти прямую нижнюю часть стенки, если угол наклона последней был невелик (рис. 26, 5—6), приближаясь по профилю в этой части к сосудам оранжево-красного цвета (рис. 26, 1—2). В случае большого наклона стенка, в нижней части слегка выгнула (рис. 26, 7—9) и иногда имеет небольшую вогнутость у самого дна (рис. 26, 3—4). В средней части туловища плавно округлялось, а затем постепенно сужалось к венчику (рис. 27, 1—3). Венчик сосудов, высотой около 3—4 см, будучи отогнутым наружу, был или округлым в сечении (табл. VIII, 2, 4, 7 и рис. 27, 2—3, 5) или

прямым (рис. 27, 1, 4 и табл. VIII, 1, 3), имея иногда небольшую закраину (табл. VIII, 3, 7).

Диаметр по наружному краю венчика этих сосудов колебался между 22 и 44 см, диаметры дниц от 10 до 16 см (преобладает 12 см). Толщина стенок варьирует от 0.8 до 1.4 см; толщина же дниц равна 1.0, чаще 1.5, реже 2.0—2.4 см.

Судя по характеру теста, к сосудам этого типа относится и один обломок стенки (раскоп

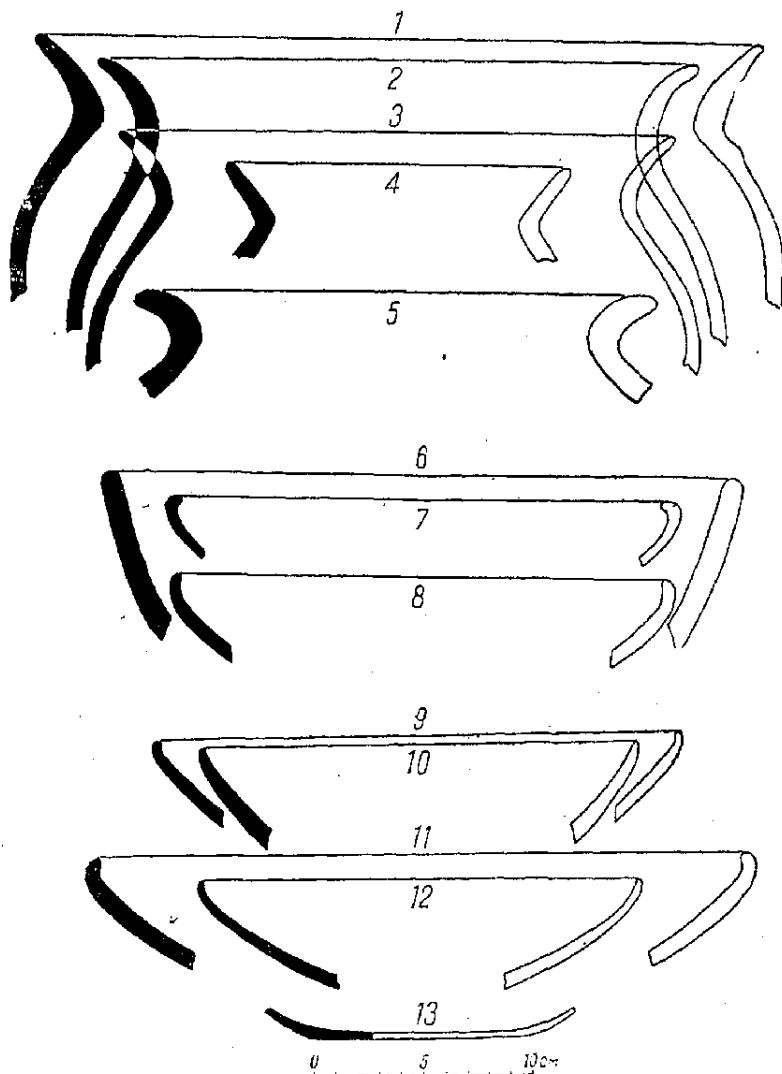

Рис. 27. Профили обломков глиняных сосудов. Долинское поселение.

1—5 — грубые сосуды; 6 — грубая миска; 7—8 — серые миски; 9—13 — красно-оранжевые мисочки; 1, 2, 5 — раскоп № 2; 3, 4, 6, 8—12 — раскоп № 3; 7, 12—13 — раскоп № 4.

№ 3, скопление культурных остатков в квадратах С/10—D/11), имеющий оваловидную в плане и сегментовидную в сечении выпуклость (диаметр 1.5×3 см, высота 1 см), являющуюся, возможно, декоративным элементом или трансформированной ручкой (табл. VIII, 5). О наличии ручек у грубых сосудов говорит и обломок стенки, встреченный в том же раскопе, с небольшой высверленной ручкой, имеющей отверстие диаметром в 0.4 см (табл. VIII, 6), а также два обломка самих ручек, найденные в раскопе № 4, тоже не-

больших, сегментовидных в сечении, шириной в 1.5 см, причем одна из них, видимо, отходила непосредственно от края сосуда.¹

Все три последних фрагмента по тесту близки к нижеописываемым двум фрагментам мисок, основная же масса горшков, обломки которых встречались в раскопах №№ 2—4, была изготовлена из теста второй из отмеченных нами выше групп, т. е. толща черепков сильно насыщена крупнозернистым песком и чешуйками слюды, а поверхность имеет серый или коричневатый цвет различных оттенков и густоты; внутренняя же поверхность в нижней части и дно нередко имеют почти черный цвет.

Лишь один сосуд, принадлежащий также к типу горшков, отличается от описанных формой и качеством материала (табл. VII, 2). Основное отличие в форме заключается в том, что туловище сосуда по диаметру лишь немногим превышает диаметр горла и имеет более приземистый вид, так как наибольший диаметр его превышает высоту. К тому же сосуд имеет невысокий, слегка отогнутый наружу венчик высотой около 1.3 см, приближающийся по своей форме скорее к венчикам сосудов первого типа. Размеры сосуда: высота 17 см, диаметр по краю венчика 17.5 см, внутренний диаметр горла 15.5 см, наибольший диаметр на высоте 10.5 см — 21.5 см, диаметр дна 10 см, толщина стенок сосуда 0.8 см. Изготовлен сосуд из чистой глины, подобно сосудам первого типа, и имеет также сильно пачкающийся, рыхлый, расслаивающийся черепок оранжево-красного цвета. Сосуд был встречен в древней яме раскопа № 2 лежавшим у стенки последней почти целым (отсутствует часть дна) и имевшим лишь трещины.

Помимо описанных основных типов глиняных сосудов, к которым относится основная масса керамики, встреченная в раскопах №№ 2—4, некоторые фрагменты говорят о былом существовании сосудов и иных форм.

Так, в раскопе № 4, в основном культурном слое III, была найдена нижняя часть небольшого сосуда, овального в плане, дно которого (6.5 × 4.5 см) углублено с наружной стороны и имеет вогнутую внутреннюю поверхность, наиболее углубленную у одной из длинных сторон (табл. VII, 5). Высота сохранившейся части сосуда 4.5 см, толщина стенок 0.5 см. Изготовлен из чистой глины. Сильно разрушенная поверхность имеет оранжево-красный цвет; в изломе серый.

Сосуды иной формы могут быть выделены и на основании двух обломков верхних частей стенок, принадлежавших, судя по

профилю, двум большим мискам, имевшим почти прямые стенки, с плоско срезанным краем и отходившие под небольшим углом от дна (рис. 27, б). Диаметр их до наружному краю был равен около 24 см, толщина стенки 1 см. Тесто черепков грубое со значительным содержанием песка средней зернистости. Цвет поверхностей коричневатый, переходящий у края на одном обломке в темносерый. Оба обломка найдены в раскопе № 3, причем один из них находился в скоплении керамических остатков в квадрате С/10—Д/11.

Две других находки, сделанные в слое III раскопа № 3, являются обломками краевых частей, по видимому, плоских круглых блюд или крышек. У одного обломка толщиной в 2.8 см, с вертикально сформованной боковой поверхностью, имеются следы небольшой закраины шириной около 0.7 см (рис. 26, 10). Диаметры другого фрагмента толщиной в 2.2 см, со скошенной книзу боковой поверхностью, по дну 26 см, по верхнему краю 28 см (рис. 26, 11). Среди фрагментов керамики, собранных на территории Долинского поселения, хранящихся в Нальчикском музее, имеется большой обломок плоского блюда. Край блюда слегка приподнят, а борт его скошен книзу.

Состав глины однороден с глиной, служившей для изготовления подставок в виде «рогатых кирпичей», т. е. она имеет коричневатый цвет и отличается сильной комковатостью и большим количеством примесей слюды и зерен кварца. Диаметр 34 см, толщина 2 см.

Глиняные сосуды из раскопа № 1, имея ряд общих черт с сосудами, обнаруженными в остальных раскопах, все же настолько сильно от них отличаются, что мы сочли более правильным их характеристику дать отдельно.

Фрагменты сосудов оранжево-красного цвета и сосудов из грубой глины с очень большой примесью крупных чешуек слюды, составляющие основной керамический материал в раскопах 1933 г., здесь встречены в виде единичных экземпляров и, насколько можно судить по сохранившимся обломкам, они относятся к тем же типам посуды. Из оранжево-красной глины имеются фрагменты с ленточными ручками, очевидно от сосудов типа, изображенных на табл. VI, и обломок маленькой мисочки. Из глины розового цвета с большой примесью чешуек слюды и редкими включениями шамота было найдено три фрагмента горшка с округло-выпуклыми стенками. Наибольшее количество найденных обломков, приближающихся по технике и формовке к обнаруженным в раскопах 1933 г., происходит из ямы, вскрытой на площади квадратов Д/7—Ж/9 и прилегающих к ней участков раскопа.

Керамика, отсутствовавшая в раскопах 1933 г., но характерная для раскопа № 1, по

¹ Последние две находки могут быть отнесены к описанной выше грубой керамике только с большей или меньшей степенью вероятности, как встреченные в толще первого штыка, затронувшего, преимущественно, дерновый слой.

техническим признакам может быть условно разделена на следующие четыре или пять групп.

В первую группу мы относим сосуды, изготовленные из глины, с примесью очень мел-

неватого цвета. Наружная поверхность коричневая с серыми пятнами. К этой группе сосудов мы относим фрагменты двух глиняных мисок (табл. IX, 3).

Четвертую группу составляют сосуды, глина которых имеет темносерый, почти черный цвет, как в изломе черепка, так и на поверхности сосуда, полученный искусственно путем прокапчивания последнего. В одном случае в толще глины заметна очень большая примесь мелких кусочков слюды. Поверхность сосудов тщательно заглажена, а фрагменты одного сосуда покрыты площением. Обжиг сосудов слабый. В эту группу включаем фрагменты нескольких маленьких горшечков (рис. 30 и табл. X, 3).

Следует особо отметить обломки одного горшка, вылепленного из глины с очень большим количеством шамота, включения которого имеют вид крупных пятен красного цвета. Большой примесью шамота следует объяснить значительную легкость черепка, сравнительно с керамикой иных типов. Поверхность этого сосуда имеет розоватый цвет с темносерыми пятнами.

Приведем краткое описание формы сосудов.

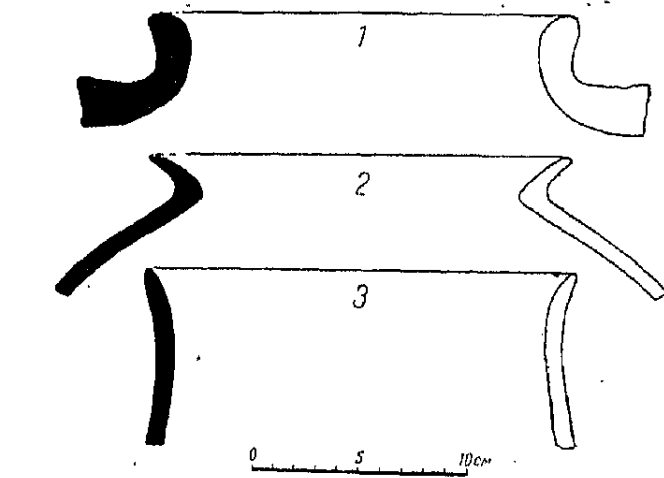

Рис. 28. Профили венчиков глиняных сосудов. Раскоп № 1. Долинское поселение.

кого песка, иногда с небольшими включениями кусочков шамота. Глина слабо обожжена, черепок оставляет черту на бумаге. Поверхность этих сосудов в большинстве случаев разрушена. Цвет глины различен; часто фрагменты одного и того же сосуда имеют разные, довольно резко отличающиеся оттенки, получившиеся в результате неравномерного обжига.

Наиболее типичны для сосудов этой группы различные оттенки палевого цвета. Отдельные фрагменты имеют темносерый и зеленоватый цвет. Из этой глины изготавливались горшки преимущественно больших размеров (табл. IX, 1, 4 и рис. 28, 1).

В значительно большем количестве встречены обломки сосудов, в глине которых имеется примесь крупного песка, кварцевые зерна которого выступают в виде бугорков на разрушенной поверхности. Примеси кварцевого песка бывают различны, в отдельных случаях он является преобладающим материалом в массе черепка, иногда же виден в нем в очень незначительном количестве. В тех случаях, когда поверхность сосудов сохранилась, заметно покрытие ее тонким слоем той же глины, но более жидко разведенной. Примесь кварцевого песка на сохранившейся поверхности почти незаметна.

Сосуды, сделанные из этой глины, более разнообразны; в раскопе были обнаружены горшки разной величины (рис. 29; табл. IX, 2 и X, 1) и формы, и обломки глубокой миски с ручками (табл. IX, 9).

Глина, из которой изготовлены сосуды третьей группы, значительно более хорошего качества; она тщательно отмучена, в тесте заметна лишь слабая примесь мелких кусочков слюды. Черепок плотный, в изломе корич-

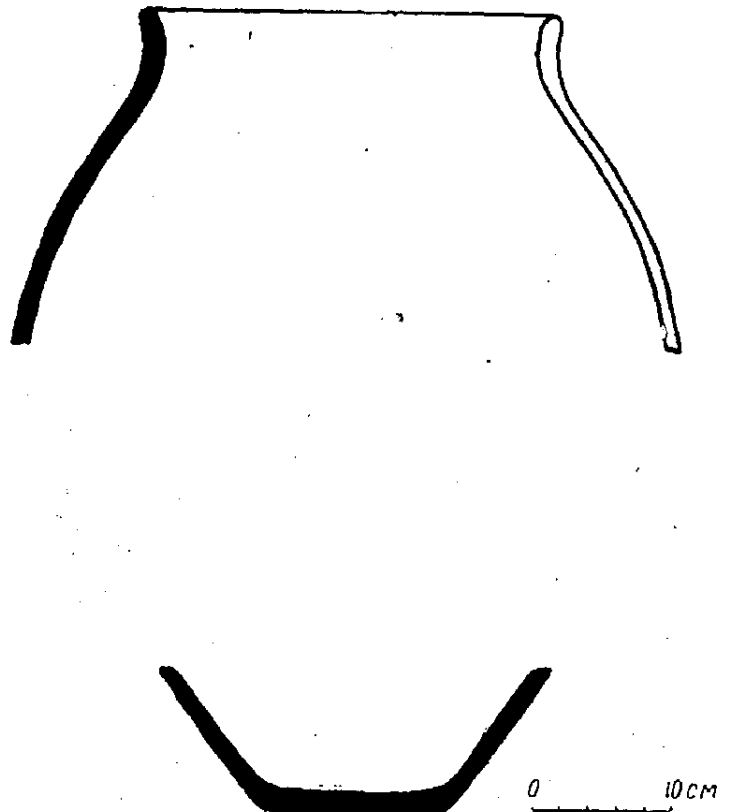

Рис. 29. Профиль глиняного сосуда. Раскоп № 1. Долинское поселение.

Наиболее хорошо представлен в нашем материале тип горшка, который может быть охарактеризован следующими признаками. Это плоскодонный сосуд, стенки которого, отходящие от дна под тупым углом, имеют в верхней части плавный, но ясно выраженный

перегиб к горлу. В месте соединения стенок с горлом перегиб выражен очень резко; с внутренней стороны сосуда он имеет более угловатый, а с наружной более округлый профиль. Венчик сосуда низкий, отогнутый наружу. Стенки горшка, как правило, более утолщены на месте перегибов.

В раскопе было обнаружено большое количество фрагментов, из которых удалось собрать три сосуда, принадлежащие к этой группе; два из них реставрированы частично, а один полностью. Все три сосуда были найдены в зачистке 1930 г. Один сосуд изготовлен из глины с примесью кварца и имеет черную с коричневыми пятнами, хорошо заглаженную поверхность (табл. IX, 2). Второй сосуд сделан из глины с примесью мелкого песка; цвет глины, как в изломе, так и на поверхности, палевоый (рис. 28, 1). Стенки этого сосуда отличаются большей толщиной, особенно в месте перегиба. Третий сосуд меньших размеров, реставрированный полностью, также изготовлен из глины с примесью мелкого песка (табл. IX, 1). Глина желтоватого цвета, часть сосуда имеет зеленоватый оттенок. Описанные сосуды имеют следующие размеры.

Первый сосуд: высота сохранившейся части 43 см, наибольший диаметр, равный 57 см, находится на высоте 30 см, диаметр дна 13.5 см, толщина стенок колеблется от 1 до 1.3 см.

Второй сосуд: высота сохранившейся части 38 см, наибольший диаметр, равный 64 см, находится приблизительно на высоте 40—45 см, диаметр дна 18 см, внутренний диаметр горла 24 см, высота венчика и горла 3 см, толщина стенок у дна 1.2 см, в месте перегиба 2.8 см.

Третий сосуд: высота 33 см, наибольший диаметр, равный 39 см, находится на высоте 20.5 см, диаметр дна 13 см, диаметр по наружному краю венчика 19.5 см, внутренний диаметр горла 16.5 см, высота венчика и горла 2.5 см, толщина стенок 0.7—0.9 см.

К сосудам того же типа следует отнести фрагменты стенок из коричневатой глины, обнаруженные в квадратах Б/4—В/6, и обломки горловины сосуда из квадратов В/5—Г/7, сделанного из серой глины. Венчик имеет тот же резкий отгиб, стенки сосуда от горловины отходят с небольшим наклоном (рис. 28, 2). Близки и размеры сосуда к третьему из описанных нами: диаметр по наружному краю венчика 20 см, диаметр отверстия 12 см, толщина стенок 0.8 см.

Несколько иные пропорции имеет сосуд, изображенный на табл. IX, 4. Фрагменты дна и нижней части стенки сосуда были найдены в яме, обнаруженной в квадратах Г/6—Д/8, а обломки верхней части в зачистке 1930 г. Сосуд этот более вытянут и по форме приближается к яйцевидным, но имеет небольшое плоское дно. Глина с примесью мелкого

песка; цвет сосуда палевоый. Размеры сосуда следующие: высота сохранившейся части 60 см, наибольший диаметр, равный 57 см, находится на высоте 38 см, диаметр дна 14 см, толщина стенок 1.5 см.

Вторую группу горшков составляют широкогорлые сосуды, отличающиеся от первых значительно большей вытянутостью горловины, плавно соединяющейся с округлыми стенками сосуда. Венчик у этих сосудов прямой, иногда слегка отогнутый наружу, «ригелированный» заплатами или вдавлениями, расположенными по краю. Фрагменты трех сосудов этого типа были обнаружены при разборке ямы в квадратах Г/6—Д/8. Все они изготовлены из глины с примесью кварца и в двух случаях имеют покрытие из той же глины, но более жидко разведенной. Размеры наиболее хорошо сохранившегося сосуда, глина которого имеет красноватый цвет, следующие: диаметр по венчику 30 см, диаметр дна 12.5 см, толщина стенок 0.9 см. Высоту сосуда и наибольший диаметр определить не представляется возможным, так как средняя часть его не сохранилась (табл. IX, 5, рис. 29). На втором сосуде этой группы, сделанном из глины, имеющей коричневоый цвет, в месте соединения горловины со стенками, с наружной стороны, имеется небольшой уступ. Диаметр по венчику этого сосуда около 30 см (табл. IX, 7).

В третью группу горшков мы относим фрагменты нескольких небольших сосудиков, сделанных из глины, имеющей черную окраску. Стенки этих сосудов сильно выпуклые, что придает сосуду округлую форму; они имеют плоское дно и невысокий плавно отогнутый наружу венчик. На некоторых фрагментах с внутренней и наружной стороны имеется лощение. Размеры сосуда, который поддается реконструкции, следующие: диаметр горла 13 см, диаметр дна 8.5 см, наибольший диаметр 19 см, высота сосуда приблизительно 16 см, толщина стенок 0.7 см (рис. 30, 2). Фрагменты сосудов этого типа были найдены в квадрате Г/6—Д/7, при разборке ямы в квадрате Е/4—Ж/5 и в яме, расположенной на площади квадратов Ж/3—И/5.

Близок по форме к описанным нами маленьким горшечкам один из сосудов, найденных в зачистке 1930 г. Насколько можно судить по сохранившимся обломкам, он имел округлую форму, невысокое, прямое горло со слегка отогнутым наружу краем венчика (рис. 30, 1 и табл. X, 3). Стенки сосуда от горла отходили с резким перегибом. По плечикам нанесен орнамент в виде коротких, косо расположенных вдавленных черточек, идущих в два ряда, в виде «елочки». Одна полоса орнамента нанесена на месте перегиба стенок сосуда к горлу и, по всей вероятности, от нее отходили свисающие вниз треугольники (?), исполненные в той же технике. Размеры сосуда следующие: диаметр дна 5.3 см;

диаметр горла по внутренней поверхности 9 см, высота горловины 3 см, толщина стенок 0.6—0.7 см. Высоту сосуда определить не представляется возможным. Описанный сосуд сделан из глины черного цвета с примесью слюды; поверхность покрыва лощением.

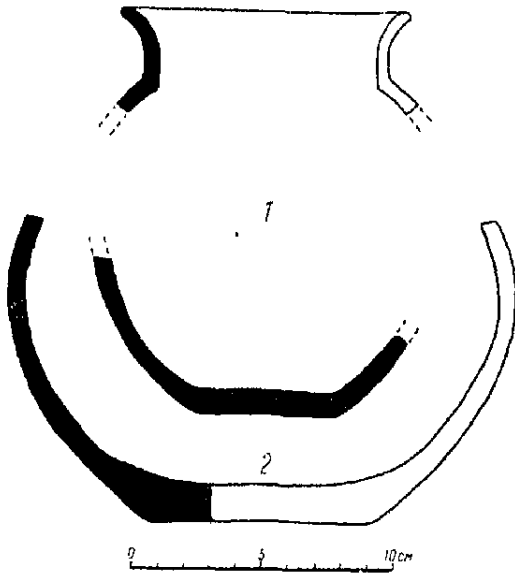

Рис. 30. Профили обломков глиняных сосудов. Раскоп № 1. Долинское поселение.

Фрагменты двух глиняных мисок были обнаружены в яме, расположенной на площади квадратов Г/6—Д/8. От одной миски сохранилась значительная ее часть, позволяющая форму сосуда восстановить полностью (табл. IX, 3), а от второй — только днище и несколько обломков стенок. Расположение фрагментов первого сосуда показывало, что они составляли не беспорядочное скопление обломков, а были частью стоявшего здесь сосуда, раздавленного рухнувшей обмазкой стены. Миски эти сильно расширяются кверху, имеют небольшое плоское дно, прямые стенки и округло загнутый внутрь край. Размеры лучшего сохранившегося сосуда следующие: диаметр по венчику 31 см, диаметр дна 9 см, высота 12.5 см, толщина стенок от 0.7 до 1.2 см. Стенки значительно уменьшаются к вершине сосуда.

По всей вероятности, частью глубокой миски является фрагмент венчика из грубой глины с примесью кварца, имеющий ручку в виде петли (табл. IX, 9). В сечении ручка имеет форму утолщенного овала, верхним концом она прикреплена к краю сосуда, а нижним к месту перегиба от венчика к стенкам. Размеры сосуда, установленные по сохранившемуся фрагменту, следующие: диаметр 24 см, толщина стенок 0.9 см, ширина ручки 3.5 см. Фрагмент был найден при снятии дернового слоя, в квадратах Е/8—З/9.

Возможно, что частью миски является и фрагмент венчика, изображенный на табл. IX, 8, имеющий на наружной поверхности орна-

мент в виде вертикального валика, приплюснутый в верхней части. Черепок с большой примесью кварцевого песка, темносерый в изломе и коричневый с поверхности.

Помимо описанных сосудов, в раскопе были найдены многочисленные фрагменты, не поддающиеся реконструкции; среди них преобладает керамика из грубой глины с примесью кварцевого песка. Некоторые фрагменты донн и венчиков даны в профилях на рис. 28, 1—3 и 31.

Особо следует отметить находку двух

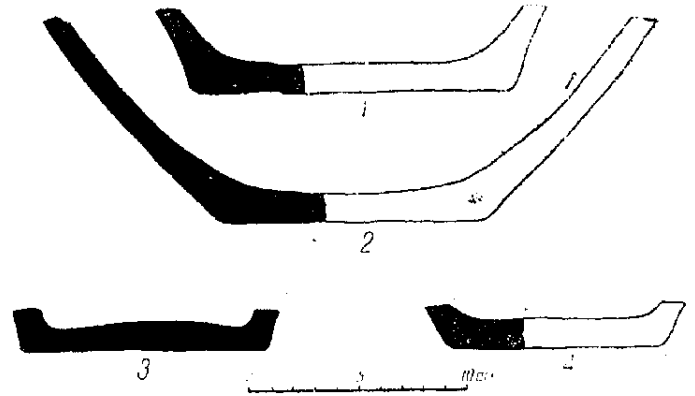

Рис. 31. Профили донн глиняных сосудов. Раскоп. № 1. Долинское поселение.

обломков ручек из глины с кварцевым песком, имеющих овальное сечение и приближающихся к найденным в раскопе № 4.

На одном из обломков стенки сосуда, изготовленного из глины с примесью кварцевого песка, с внутренней стороны имеются отпечатки ткани полотняного плетения. Отпечатки заметны не на внутренней поверхности сосуда, а в тех местах, где от черепка отделился тонкий поверхностный слой обожженной глины (табл. X, 1—2). За последнее время керамика с отпечатками ткани внутри черепка была обнаружена Я. И. Гуммелем при раскопках различных памятников эпохи бронзы на территории Азербайджанской ССР¹ и А. П. Кругловым в Дагестане.²

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Судя по данным полевых исследований, одним из основных производств в эпоху обитания поселения было земледелие.

Об этом, прежде всего, свидетельствует большое количество каменных зерноперок и терочников, которыми обрабатывалась земледельческая продукция.

¹ Я. И. Гуммель. Археологические раскопки в районах АзССР. Известия АЗФАН СССР, 1939, вып. 3, стр. 62 и 67. — Он же. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана. Вестник древней истории, 1940, № 1, стр. 213.

² А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, 1940, вып. V, стр. 66.

О том, что эти предметы служили для обработки зерна, т. е. для растирания мелкого материала, говорят их крупные размеры. Вторым моментом, подтверждающим былое наличие земледелия, являются находки кремневых вкладышей. Как уже было отмечено нами в соответствующем разделе настоящей работы, часть этих вкладышей представляет, несомненно, составные элементы серпов.

Наконец, перемешанность древней поверхностной части грунта, наблюдавшаяся в разрезах промоин и раскопов последнего года работ, позволяет высказать предположение о том, что данное явление есть результат перекапывания и перемещения почвы в процессе земледельческой работы.

Если нарушенность верхней части слоя III можно отнести ко времени древнейшего заселения террасы, то наблюдавшееся в некоторых местах последней отсутствие слоя II и замечавшаяся иногда при этом перемешанность современного почвенного покрова с нижележащим грунтом могут рассматриваться как следствие земледельческих работ во время последующего заселения. Перемешанность верхней части слоя III наблюдается там, где в беспорядке залегают наиболее древние культурные остатки, и отсутствует там, где последние находятся сосредоточенными в комплексы. Это же, в свою очередь, подтверждает предположение о наличии древних земледельческих участков между жилищами.

Сомневаться и видеть в нарушенности правильного залегания слоев результаты более позднего механического воздействия на почву невозможно. Отсутствие каких-либо следов освоения человеком террасы в последующее время, кроме курганного могильника XIV—XVI вв. и немногочисленных случайно попавших сюда современных нам отбросов, лежащих на поверхности террасы, затем целостное залегание слоя II над участками перемешанной верхней части слоя III, и, наконец, изучение обреза раскопов, промоин и строительного шурфа дают полное право утверждать, что почвенный покров со времени его образования над остатками древнего поселения не был нарушен человеком.

То, что мы не имеем пока найденных на поселении или в сопутствующих ему курганах орудий для обработки почвы за исключением каменного орудия из Нальчикского музея (рис. 25, 5), которое может быть отнесено к этой категории, отнюдь не должно нас смущать.

Отсутствие этих предметов при впервые предпринятом и незаконченном исследовании такого памятника предгорной полосы Северного Кавказа, каким является описываемое нами поселение, не говорит еще об отсутствии их вообще в то время и в данном районе. Более изученные курганы, отчасти синхроничные нашему поселению, отчасти же несколько более

поздние, находящиеся в районах Пятигорска, Ставрополя и Кубани, дают нам уже выработанный тип клиновидной мотыги.

Все это, с учетом стадийного развития общества, позволяет нам говорить о существовании земледелия в период обитаемости поселения, а незначительное количество костных остатков домашних животных и предметов охоты (по сравнению с земледельческими орудиями) дают нам право придавать земледелию существенное значение.

Если для суждения о земледелии мы имеем более или менее достаточно прямых или косвенных показателей, то данные, говорящие о скотоводстве, столь мало представлены в добытом путем раскопок материале, что ставить сейчас широко вопрос об этой отрасли хозяйства не приходится. Кости коровы,¹ встречаемые в раскопках 1932 и 1933 гг. в чрезвычайно малых количествах, могут в настоящее время свидетельствовать лишь о разведении домашних животных и только.

Малочисленность встреченных костных остатков может быть объясняема, во-первых, сравнительно еще малой изученностью поселения, а во-вторых, частичным их разрушением к настоящему времени. Все найденные кости, вернее их остатки, имели чрезвычайно плохую сохранность, что объясняется близостью их залегания к дерновому покрову, облегчавшей проникновение в толщу культурных слоев поверхностных вод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение времени, к которому относится исследованное нами поселение, и того места, какое оно занимает в ряду других памятников Северного Кавказа, на данном этапе наших знаний встречает целый ряд существенных трудностей. Основным источником, который помог бы при разрешении поставленного вопроса, являются хорошо изученные древние поселения с тщательно разработанными стратиграфическими данными. К сожалению, задачей лиц, ранее производивших раскопки, было изучение исключительно курганных могильников, а древние поселения не только оставались неизученными, но даже и необнаруженными в пределах Северного Кавказа. Сопоставление же материала из поселений даже с заведомо одновременными ему погребальными комплексами часто позволяет выявить не столько черты сходства между той и другой группой

¹ Определение костей произведено В. И. Громовой. По определению В. И. Громовой, найденные кости принадлежали домашней корове очень мелкой породы. См. В. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, I. М.—Л., 1940, стр. 95. В данной работе эти кости ошибочно указаны В. И. Громовой как найденные в погребениях.

инвентаря, сколько приводит к необходимости отмечать его специфические особенности. Очевидно, то же явление частично имеет место и в данном случае. Рассмотрим инвентарь Долинского поселения с точки зрения возможной увязки его с материалом из раскопанных на смежных территориях погребений.

Единственным связующим звеном может служить керамика. Если мы рассмотрим категорию материала, выделенную для Долинского поселения, как более позднюю, то здесь представится возможность сопоставления ее с инвентарем погребений «больших кубанских курганов». Прежде всего, мы имеем в виду группу горшков, найденных в раскопе № 1, с плоским дном, сильно расширяющимися кверху стенками, в верхней части образующими плавный перегиб к широкому низкому горлу сосуда. Несколько горшков этого типа было найдено Н. И. Веселовским в курганах близ ст. Новосвободной (б. Царской)¹ и Костромской². Будучи близки по форме к сосудам Долинского поселения, горшки из ст. Новосвободной отличаются наличием орнамента, отсутствующего на сосудах того же типа из Долинской. Однако мы полагаем, что это отличие не является существенным. Во-первых, сосуд близкий по форме, но не имеющий орнамента, найден в кургане у ст. Костромской, а во-вторых, система орнаментации, характерная для сосудов из ст. Новосвободной не была чужда и обитателям Долинского поселения.

Орнамент на сосудах из ст. Новосвободной, как правило, нанесен только на плечики сосуда; орнаментальные ряды, расположенные параллельно один другому, подчеркивают перегиб от стенок к горлу. Как дополнительный орнаментальный прием вводятся широкие полосы, свисающие вертикально на верхней части сосуда. Насколько можно реконструировать систему расположения орнамента на одном из маленьких сосудов, найденных в раскопе № 1, она близка к только что описанной. Здесь также одна полоса орнамента, состоящая из коротких, косо расположенных черточек, идущих в два ряда в виде «елочки», нанесена на месте перегиба от туловища сосуда к его горловине, и, по всей вероятности, от этой полосы орнамента отходили свисающие вниз треугольники (?), исполненные в той же технике (табл. X, 3). В данном случае сходство сводится не только к характеру расположения орнамента, но может быть подчеркнута и указание на близость отдельных орнаментальных элементов. Как в том, так и в другом случае имеют место короткие косо расположенные вдавленные штрихи, образующие «елочку».

Следует отметить факт отсутствия и в древних погребениях курганов у ст. Новосвободной и Костромской и среди материала Долинского поселения сосудов, орнаментированных веревочным или шнуровым штампом. Наоборот, этот орнамент является типичным для курганов, инвентарь которых позволяет увязать их с захоронениями, выделенными А. В. Шмидтом под условным названием среднекубанской (mittelkubanische) культурной группы.¹ Погребения этого типа в большом количестве известны и в окрестностях г. Нальчика.²

Факт наличия или отсутствия веревочного штампа для данного района может, по всей вероятности, служить хронологическим показателем.

Сосуды, близкие по форме к найденным в раскопе № 1, известны и с территории Кабардино-Балкарии. Один сосуд этого типа, изготовленный из глины красноватого цвета, был найден в окрестностях сел. Гунделен в 1935 г. и сдан находчиками в Нальчикский музей (рис. 25, б). Два таких сосуда найдены в кургане у сел. Соломенка, вблизи г. Нальчика, и хранятся в том же музее. Курган этот интересен тем, что инвентарь его может быть сопоставлен, с одной стороны, с материалами из погребений Прикубанья, типа открытых у Новосвободной, главным образом по характеру сосудов, а с другой стороны — имеет ряд общих черт с курганным инвентарем, характеризующимся наличием предметов, типичных для среднекубанской группы (по Шмидту).

В виду того, что материал из этого кургана не был опубликован, и в археологической литературе сведения о нем отсутствуют, считаем необходимым привести его краткую характеристику.³ Курган был раскопан в 1926 г. местными жителями и закончен исследованием заведующим Нальчикским музеем. Невысокая расплывшаяся насыпь кургана была обложена камнем. Под насыпью вскрыты три могильные ямы неправильной формы, приближающиеся к четырехугольнику, с закругленными углами. Костяки, обнаруженные в могилах, лежали в скорченном положении на правом боку, руки были слегка согнуты в локтях, а ноги сильно согнуты в тазовом и коленном сочленениях. В могиле № 1 (рис. 32) находилось три (?) человеческих костяка, лежащих рядом один с другим, а в могилах №№ 2 и 3 — по одному человеческому остову. Все погребенные были ориентированы головой на З, с небольшим отклонением к С или Ю. Могильный инвентарь, найденный при раскопках этого кургана, по

¹ А. В. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV, стр. 9—21.

² См. в наст. сборн. статью Б. Е. Деген.

³ Приводимые ниже сведения даны по записи в инвентарной книге музея и по хранящемуся там же рисунку.

¹ ОАК, 1898, СПб., 1901, табл. V рис. 57, 61, 63; табл. VI, рис. 68, 69.

² ОАК, 1897, СПб., 1900, стр. 16, рис. 54.

имеющимся в нашем распоряжении материалам полностью распределить по погребениям не удастся. Глиняные сосуды, как это видно на публикуемом плане кургана, были встречены во всех могилах. В каждой могиле перед лицом покойника было поставлено по два сосуда, а в могиле № 2 у колен погребенного стоял третий сосуд, имеющий вид глубокой чашки. Наиболее вероятным, как это устанавливается по чертежу и записям в инвентарной

на, из которой изготовлен сосуд, имеет розоватый цвет.

В могиле № 2 перед лицом погребенного стоял большой сосуд, близкий по форме к найденному в могиле № 1 (табл. XI, 6). Поверхность его также лощена; цвет светлоохряный. Вблизи этого сосуда находился маленький горшочек более грубой выделки (табл. XI, 2). В глине заметно наличие примесей. Цвет сосуда с поверхности грязно-охряный, в изло-

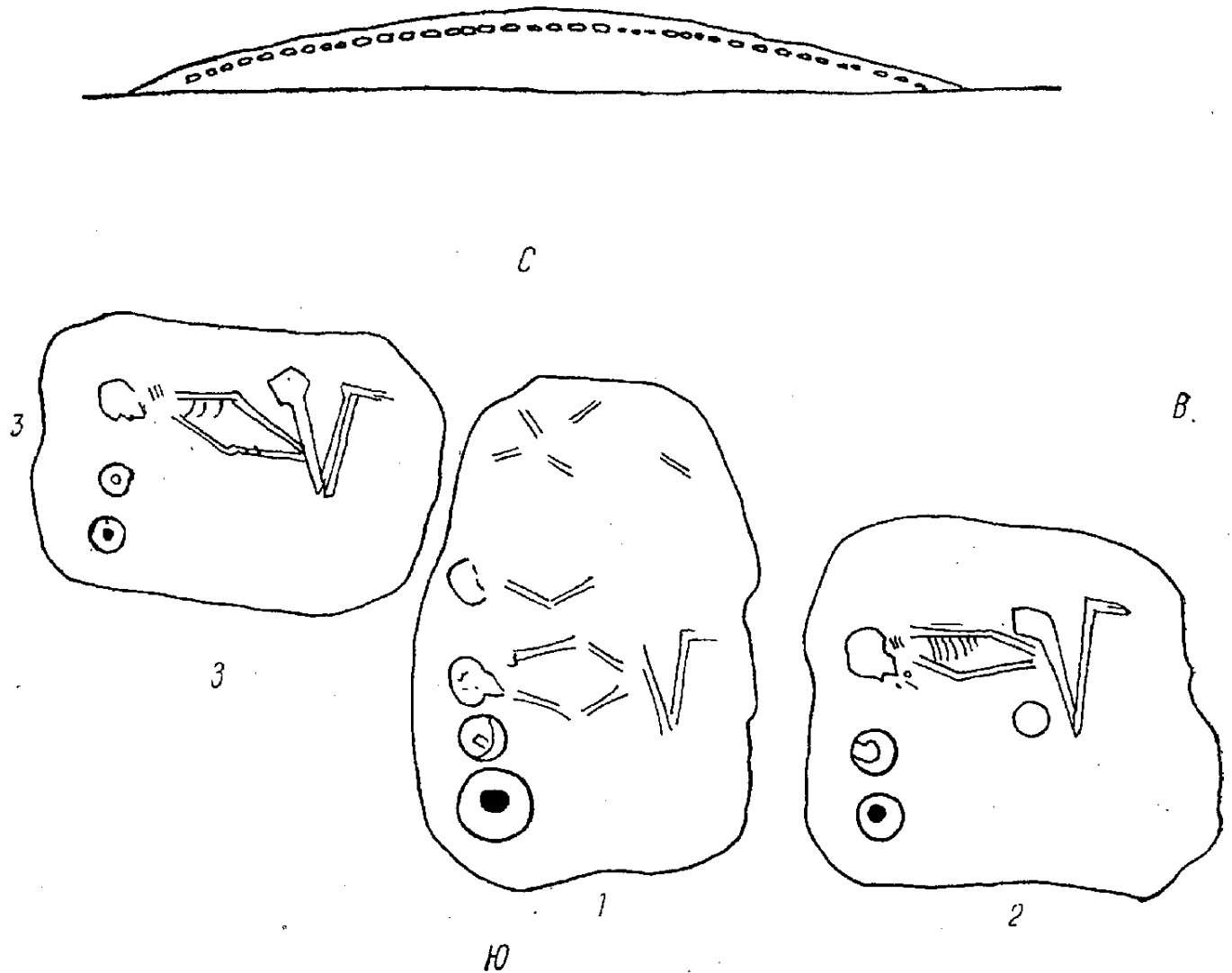

Рис. 32. Разрез кургана и план расположения содержавшихся в нем погребений. Сел. Соломенка (по рисунку, хранящемуся в Нальчикском музее).

книге музея (сосуды записаны под разными числами), является следующее распределение сосудов по погребениям. В могиле № 1 был найден большой сосуд, изображенный на табл. XI, 7, изготовленный из глины, имеющей красноватый цвет. Поверхность этого сосуда покрыта лощением. Рядом с ним стоял маленький горшочек (табл. XI, 3), украшенный врезанными линиями, образующими два орнаментальных пояса. Верхний из них состоит из косо расположенных параллельных коротких черточек, а нижний из свисающих треугольников. Сосуд этот имеет на стенках четыре вертикально просверленные выступа, служившие, очевидно, для подвешивания. Гли-

ме черной. У колен скелета была найдена глубокая чашка (табл. XI, 5), вылепленная из глины, имеющей розовый цвет. Поверхность сосуда лощеная. На стенке, ближе к краю сосуда, сделаны два круглых отверстия.

В могиле № 3 было найдено два небольших сосуда, изготовленных из глины, имеющей розоватый цвет. Наружная поверхность одного из них лощеная. Сосуд этот украшен группами врезанных черточек, расположенных в различных направлениях (табл. XI, 1 и рис. 33, 10). Второй сосуд орнамента не имеет (табл. XI, 4).

Для большинства сосудов этого кургана характерен очень небольшой диаметр дна,

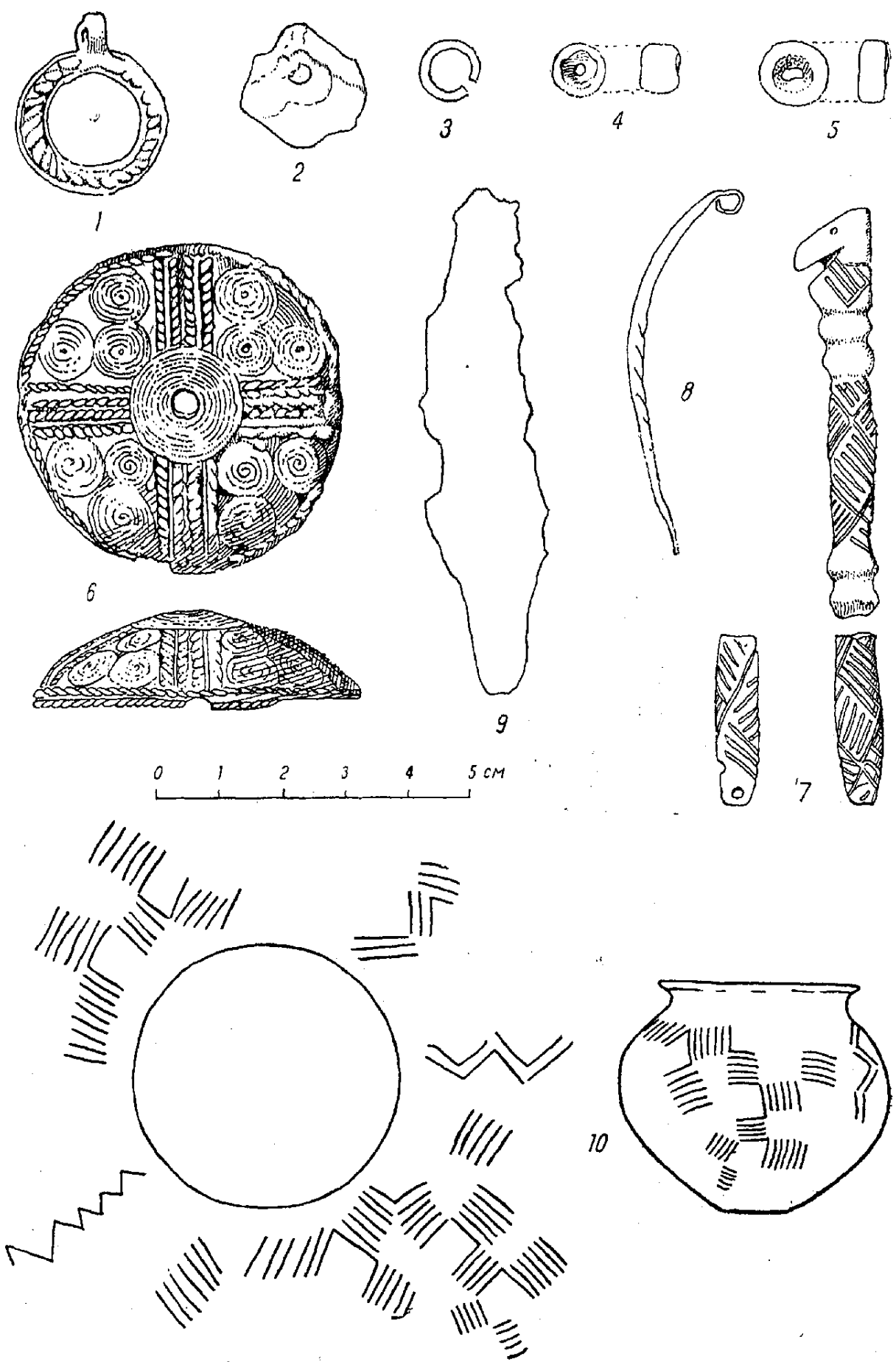

Рис. 33. Могильный инвентарь кургана у сел. Соломенка.

1 — бронзовая подвеска; 2 — просверленный кусок мела; 3 — золотое кольцо; 4—5 — сардониковые бусы; 6 — полушаровидная бронзовая бляха; 7 — костяной крючок; 8 — бронзовая булава; 9 — бронзовый нож; 10 — прорисовка орнамента на сосуде из могилы № 3.

представляющих собой в некоторых случаях лишь незначительную уплощенность. Так, напр., орнаментированный сосуд из могилы № 3 имеет днище диаметром 2,5 см.

Кроме глиняных сосудов в кургане найдены: бронзовая полушаровидная бляха с круглым отверстием в центре, орнаментированная «веревочкой» (рис. 33, 6), костяная орнаментированная поделка, возможно, служившая в качестве крючка для вязания (рис. 33, 7); бронзовая изогнутая булавка с витым стержнем (рис. 33, 8); бронзовая кольцевидная подвеска, орнаментированная «веревочкой» (рис. 33, 1); золотое плоское колечко (рис. 33, 3); обломок бронзового ножа (рис. 33, 9); две бусы из сердолика (рис. 33, 4—5) и плоский просверленный кусочек мела (рис. 33, 2). Перечисленные предметы распределить по погребениям не представляется возможным. Наибольшее их количество, насколько можно судить по рисунку, хранящемуся в Нальчикском музее (рис. 32), было найдено в могиле № 2.

Как мы уже отмечали, инвентарь погребений из кургана у Соломенки имеет ряд общих черт с погребениями Прикубанья. Здесь можно сопоставить большие сосуды из могил №№ 1 и 2 с упоминавшимися сосудами из ст. Новосвободной и Костромской. В пользу одновременности этого кургана с указанными говорят и находки сердоликовых бус, отсутствующих в захоронениях среднекубанской группы.¹ С другой стороны, погребения в кургане у Соломенки имеют и черты, свойственные другим курганам Прикубанья. Характерным показателем может служить наличие кольцевидной подвески, орнаментированной веревочкой. Подвески этого типа имеются в большом количестве и в курганах, отнесенных А. В. Шмидтом к среднекубанской группе,² и в ряде одновременных им погребений, исследованных на территории Кабардино-Балкарии. В качестве примера можно указать на курганы, раскопанные местными жителями, а частично заведующим музеем в г. Нальчике, на территории Кабардинского парка, а также вблизи города около Советской дачи.³

Бронзовая полушаровидная подвеска, найденная в кургане у Соломенки, имеет ряд аналогий среди памятников того же времени, а по характеру имеющихся на ней изображений входит в круг солярных знаков, получивших в этот период широкое распространение. Отметим бляхи, найденные при хищнической раскопке нескольких курганов в степи у сел. Урванского,⁴ две бляхи со штампованным орнаментом из кургана, раскопанного заведую-

щим Нальчикским музеем на берегу р. Нальчик вблизи Советской дачи,¹ и две бляхи из обвалившегося кургана у сел. Куба Бакаевского района.² Бляхи, близкие по технике орнаментации и по характеру нанесенных изображений, но не шаровидно-выпуклые, а плоские, известны в значительном количестве в курганах того же времени на Северном Кавказе, а также и в степной полосе Европейской части СССР.

Приведенные факты не могут считаться достаточными для окончательного суждения о возрасте более поздних культурных остатков Долинского поселения. Они лишь указывают на возможность синхронизма сделанных нами раскопанных у ст. Новосвободной и Костромской. Приведенный же материал из кургана у Соломенки показывает, что эта группа погребальных комплексов возможно имеет непосредственный стык с курганами среднекубанской группы.³ Вероятно, и Долинское поселение представляет собой этап жизни общества, непосредственно смыкающийся со временем захоронения в курганах среднекубанской группы.

К сожалению, курганный могильник, расположенный на той же террасе, на которой находится и древнее поселение, частично исследованный экспедицией, а также раскапывавшийся в дореволюционное время, не дал материала для датировки. Каменный сверленный топор, найденный у маленького кургана, хранящийся в Нальчикском музее (табл. IV, 1), может быть сближаем с топорами, неоднократно встречавшимися в различных курганах, но не может быть использован для датировки, так как условия его находки недостаточно ясны. Отметим лишь, что он сигнализирует о возможности обитания на месте поселения не только в период, характеризуемый вещами из курганов типа исследованных у ст. Новосвободной.

Более ранний материал Долинского поселения, относительная древность которого уста-

¹ Там же, № 519—522/1925.

² Там же, № 112/1922.

³ К сожалению, плохая фиксация раскопок, не позволившая распределить весь могильный инвентарь по погребениям, оставляет допустимым наличие более поздних впускных захоронений. В целях проверки правильности распределения могильного инвентаря мы обратились с просьбой к М. И. Ермоленко, производившему раскопки, сообщить имеющиеся у него сведения. Однако полученные от него сведения несколько противоречивы, а потому использовать их полностью не представляется возможным. Отметим лишь дополнительные факты. Насыпь кургана, по словам М. И. Ермоленко, имела сложную структуру. Поверхность кургана была обложена камнем, главным образом кусками вулканического туфа. Курган насыпан из глины, гравия, под которым прослеживался слой золы, а в нижней части опять из глины. Эта сложная структура насыпи наблюдалась только над погребением с «костяным цилиндром», сердоликовыми бусами и золотым кольцом. Остальная часть насыпи состояла из чистой глины. В других могилах под костяками была отмечена подстилка из «белой меловой мелкой гальки».

¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, ОГИЗ, М.—Л., 1935, стр. 94.

² См., напр.: А. В. Шмидт, ук. соч., рис. 6 и 7.

³ Б. Е. Деген, ук. соч. Вещи хранятся в Кабардино-Балкарском музее.

⁴ Коллекция Нальчикского музея, №№ 429—434, 1925.

новлена на основании данных стратиграфии, поддается хронологическим определениям еще с большим трудом. Сосуды аналогичной формы пока в курганах на Северном Кавказе встречены не были, если не считать находок отдельных фрагментов в их насыпях. Обломки сосудов, изготовленных из оранжево-красной глины, были находимы в насыпи курганов, раскопанных экспедицией на террасе, занятой Долинским поселением. В кургане эпохи бронзы были обнаружены обломки венчиков сосудов, типа изображенных на табл. VI, а также один фрагмент красноглиняной чашечки. Попадание этих предметов в насыпь кургана могло быть и, вероятно, было случайным, так как для насыпки кургана земля бралась с площади, занятой поселением. Подтверждением этого факта служат обломки керамики того же времени, встреченные в насыпи кургана XIV—XVI вв., находившегося вблизи раскопов №№ 2 и 3. Фрагменты аналогичных сосудов были найдены в кургане, разрушенном при строительных работах на территории Кабардинского парка, и в насыпи курганов №№ 2 и 2а, исследованных Северо-Кавказской экспедицией, расположенных в той же местности.¹

Таким образом эта группа керамики может быть сопоставляема не столько по своим формам, сколько по технике изготовления с находимыми в курганах. И здесь ближайшей параллелью к горшкам оранжево-красного цвета могут служить маленькие сосуды Майкопского кургана. В отношении формы сосудов можно отметить сходство в профилировке венчиков, красноглиняных горшков, найденных в раскопах № 2 и 3 с венчиком пифоса из Майкопского кургана² и с венчиком большого сосуда, происходящего из раскопок Н. И. Веселовского вблизи г. Армавира, по форме и технике очень близкого к пифосу Майкопского кургана.³

Чрезвычайно существенным обстоятельством является факт пережиточного бытования в ранних комплексах Долинского поселения форм сосудов, известных для поселения Агубековского. Можно указать на находку и в том и в другом случаях фрагментов горшков с просверленными ушками, не встречающихся в более поздних материалах.

При сравнении керамики того и другого поселения в целом, выступает с достаточной отчетливостью факт ее постепенного усложнения. Если для Агубековского поселения мы можем говорить лишь о наличии одной группы, изготовленной из глины с примесью кварцевого песка и слюды, из которой делались не только сосуды, но и другие поделки, как, напр., статуэтки, то о Долинском поселении

этого сказать нельзя. Попытки получить посуду из плотного, лишенного примесей теста привели к выделке сосудов оранжево-красного цвета. Однако невозможность поднятия температуры, необходимой для нормального обжига глины, которая использовалась для производства сосудов этого сорта, при низких технических условиях гончарного производства того времени, свели на-нет эти начинания. Сосуды оранжево-красного цвета и их обломки встречаются среди культурных остатков только одного, а именно древнего периода заселения террасы. В дальнейшем процесс усложнения гончарного производства пошел, с одной стороны, по линии разнообразия технических приемов изготовления сосудов (здесь можно наметить не менее четырех керамических типов), с другой — по линии разнообразия форм изготавливаемой продукции.

Существенные изменения претерпевают и каменные орудия. Так, напр., на Агубековском поселении мы имеем топоры цилиндрической формы, полированные долота, проколки, скребки, разные ножевидные орудия, изготовленные из кремневых и обсидиановых пластин и обработанные ретушью. Все они или не характерны для более позднего времени, когда встречаются в виде единичных экземпляров, как, напр., два последние упомянутые типа орудий, или совершенно не известны, как, напр., проколки, долота и топоры, очевидно, уже вытесненные к этому времени металлическими изделиями. Наоборот, в Долинском мы имеем широко развитую технику изготовления вкладышей, главным образом, в серпы, возникшую в связи с появлением земледелия, о котором свидетельствуют и многочисленные зернотерки, отличные от терок Агубековского поселения.

Подводя итоги, мы можем сказать, что Долинское поселение своими древнейшими комплексами хронологически сближается с периодом жизни Агубековского поселения, являясь непосредственно следующим этапом. Более поздние комплексы, по всей вероятности, синхроничны времени курганов у ст. Новосвободной и Костромской.

Нельзя не отметить известный параллелизм в инвентаре древнейшего Долинского поселения и некоторых трипольских комплексов типа Халепья. Помимо кремневых вкладышей в серпы, зернотерок, глиняных очажных подставок и других предметов, поразительное сходство дает керамика не только по форме и цвету, но и по качеству, технике изготовления, делясь на две основные группы: группу красно-оранжевых высоких сосудов и мисок, вылепленных из хорошо отмученной глины, и группу грубых горшков с примесью песка в тесте. Этот факт, вероятно, следует рассматривать как явление синстадиального развития, совпадающее в данном случае и хронологически.

¹ Б. Е. Деген, ук. соч.

² ОАК, 1897, СПб., 1900, стр. 11, рис. 41.

³ Хранится в Отделе доклассового общества Гос. Эрмитажа; инв. № К. П. 31-248.

Недостаточный объем произведенных полевых исследований не дает возможности прийти к развернутым выводам о социальном строе древних обитателей Долинского поселения и дать полную картину их хозяйственной деятельности. Можно лишь указать, что явления социально-хозяйственного развития не противоречат отмеченной последовательности в смене памятников на территории Кабардино-Балкарии.

Охота и собирательство как основные производства предшествующего периода, выявленные на основании данных Агубековского поселения,¹ сменились земледелием и скотоводством.

Возникшее земледелие вызвав новые орудия труда (серпы и мотыги), частично удержало в своем инвентаре предметы, выполнявшие ту же функцию, что и при собирательстве, а именно: терки, изменившиеся несколько по форме и материалу в связи с появлением нового предмета обработки — зерна.

Изготовленные из вулканического туфа терочки, обломки которых в незначительном количестве встречаются в культурных отложениях поселения, указывая на пережиточное существование собирательства, являются также связующим звеном в цепи Агубеково—Долинское. Такой переход от собирательства к земледелию, при использовании функционально эквивалентных предметов, нельзя не сопоставить с тем фактом, что в современном Карачае почти одинаковым термином обозначается как хлеб, так и кушанье, приготовляемое из груш и похожее на пастилу.²

Находящиеся и по сей час в диком или одичавшем виде на нижних горизонтах лесной

полосы Предкавказья фруктовые деревья несомненно служили в эпоху заселения террасы подсобным источником пищевого сырья.

Необходимо также отметить, что к раннему этапу II стадии относится вхождение в хозяйственный обиход металла, возможно вначале привозного происхождения.¹ На наличие в это время обмена указывают и вещи, изготовленные из других привозных материалов, встречаемые в синхроничных Долинскому поселению курганах (сердолик, паста и др.). Привозные вещи встречались и в более ранних погребальных комплексах, относимых к I стадии и, возможно, синхроничных Агубековскому поселению, но в этих захоронениях они встречались крайне редко и их попадание скорее всего свидетельствует о слабости обмена, носившего междуобщинный характер.

Появление земледелия и скотоводства, а также усиление обмена не могло не отразиться на социальной структуре древних обитателей. Долинское поселение, вероятно, характеризует этап переходный от материнского рода к патриархальной семье.

Неизученность древних поселений на Северном Кавказе вызывает целый ряд трудностей при разрешении вопросов исторического характера. В настоящее время и работами Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК и силами местных работников обнаружено значительное количество разновременных памятников этого рода, настоятельно требующих своего изучения. Чрезвычайно желательным является и завершение начатых работ на Долинском поселении, так как памятники, аналогичные ему, в пределах Северного Кавказа пока неизвестны.

A. KRUGLOV et G. PODGAECKI

La station de Dolinskij près de Nalčik

(Résumé)

En 1930, 1932 et 1933, la mission Nord-Caucasienne de l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle a exploré une localité ancienne située à 4 km environ au SSW de la ville de Nalčik (République Autonome Kabardino-Balkarienne), près de l'ancienne ferme Dolinskij, à la surface de la plus haute terrasse, qui présente ici l'aspect d'un étroit promontoire limité d'un côté par la vallée de la rivière Nalčik, de l'autre par un profond ravin (fig. 1—3).

Au bord de la terrasse, près du versant descendant vers la rivière, se trouvent des tumulus

de dimension variée, mais de forme identique, sauf des tumulus apparemment plus récents des XIV—XV-e siècles, qui ont une hauteur tout-à-fait insignifiante et dont l'un a été étudié par la mission en 1932.

La surface de la terrasse ne laisse apercevoir aucun vestige d'habitation, à l'exception de fragments de céramique et d'instruments en pierre qu'on rencontre en quantité minime sur le sol ou réunis au fond des ravins.

La localité a été explorée en quatre points (fouilles №№ 1—4). En outre, en 1932 on a fouillé deux tumulus.

L'analyse stratigraphique et l'étude des

¹ См. в наст. сборн. статью Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова.

² Сообщено Е. Н. Студенецкой.

¹ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 90—91.

objets trouvés ont établi que dans l'antiquité la terrasse a été habitée à deux reprises, séparées par un intervalle de temps relativement court.

Les points de plus grande accumulation des objets correspondent aux parties de la terrasse qui portent des fonds d'habitations anciennes. Les habitations étaient séparées entre elles par de larges plateformes dépourvues de restes de culture.

Les fonds d'habitations le mieux conservés, qui se rapportent à la seconde occupation de la terrasse, ont été mis au jour dans la fouille № 1. On y a découvert une quantité considérable de morceaux de crêpi en terre cuite, dont la majeure partie présentait des empreintes des baguettes et des perches qui constituaient la carcasse des murs (pl. II). Le plancher était une surface de terre bien tassée et égalisée qui n'avait apparemment aucun recouvrement. On a déblayé des fosses de formes diverses qui faisaient partie des habitations anciennes (fig. 2—12 et pl. I, 3—5). Certaines d'entre elles avaient un contour circulaire en plan et se rétrécissaient graduellement vers le bas. Chez d'autres, de plus grandes dimensions, l'ouverture était de moindre diamètre que le fond, de sorte qu'elles représentaient un cône tronqué. Les unes comme les autres renfermaient beaucoup de morceaux de crêpi d'argile, de fragments de céramique, d'éclats de silex et de petits charbons en proportions variables. Le trait distinctif des fosses coniques est la présence à leur partie inférieure de gros galets plats ou d'une quantité de menus cailloux montrant des traces d'une forte action du feu. Une partie de ces fosses servait probablement [de fours, ce qui peut être admis avec beaucoup de vraisemblance pour les fosses coniques. Quant aux autres, elles pouvaient être utilisées comme lieux de dépôt des provisions.

Au nombre des objets les plus intéressants découverts dans la fouille № 2 au cours du déblaiement d'une fosse ancienne et dans la fouille № 3, il convient de signaler des «briques à cornes» (pl. III). Ces objets, faits d'une argile grossièrement préparée, sont cuits assez faiblement et à un degré variable. Leur côté supérieur étroit est concave, étant presque plat dans sa partie médiane et se relevant aux extrémités. Certains d'entre eux présentent à la partie médiane de la surface concave deux ou trois rainures longitudinales. A peu près au centre des larges côtés latéraux se trouve un orifice rond ou ovale dirigé transversalement. Leur base, au contraire des autres faces, ne montre pas trace d'égalisation mais porte des restes de liaison avec le plancher. La destination de ces objets, dont on a des semblables en URSS, en Europe occidentale et dans la région méditerranéenne, est diversement comprise. Le plus probable toutefois est qu'ils se rapportaient à l'habitation et au foyer, où ils pouvaient être utilisés comme supports de broche.

Les instruments de pierre sont en quantité considérable (fig. 22 et 23). Les pièces en silex offrent une assez grande diversité. On y constate des pointes de flèche ou de javelot, des grattoirs, des burins, des outils du type «pièce écaillée», différentes pièces d'insertion, entre autres pour les faucilles (fig. 23, 1—3), des couteaux courbes et des lames retouchées. La fabrication locale de l'outillage de silex est attestée par les trouvailles de nucléus, sans parler des nombreux éclats et esquilles, qui constituent des rebuts de production.

Les objets en obsidienne n'ont été rencontrés qu'en échantillons isolés. On peut signaler seulement trois éclats de taille laissant voir des traces de façonnage à caractère de retouche (fig. 23, 15—17).

Un trait extrêmement caractéristique de la localité de Dolinskij est la prépondérance numérique du silex sur l'obsidienne, contrairement à ce qu'on observe dans la station plus ancienne d'Agubekovo, située également près de Nalčik.

Les instruments en pierre polie sont représentés par trois haches (fig. 25, 1—4 et pl. IV, 1). Deux d'entre elles, en forme de coins, ont des rainures pour leur ajustement au manche. La troisième, une hache perforée comprend une partie en marteau et un bout actif cunéiforme.

Cette même station a fourni un fragment d'instrument en pierre conservé au Musée Kabardino-Balkarien, que les auteurs jugent possible d'interpréter comme une houe (fig. 25, 4). On y a trouvé en outre une pierre à aiguiser tétraédrique cassée aux deux extrémités.

Enfin, on rencontre en assez grand nombre à la surface et dans les couches archéologiques des instruments pour le broyage et la trituration des matières dures, parmi lesquels on distingue trois types fondamentaux: meules à main, broyeurs et pilons (pl. V). Ces objets sont faits de petits blocs de granite ou rarement de tuf volcanique, de galets de roches andésitiques et de cailloux de diorite. Quelques broyeurs plats avaient une fonction double: avant de triturer la matière, ils devaient la concasser. Il se peut aussi qu'une partie des objets de ce type servait de petites enclumes.

Les vases d'argile se répartissent nettement en deux groupes correspondant aux deux étapes dans l'occupation de la terrasse. Ils sont tous faits à la main.

Les vases d'argile de l'étape plus ancienne se subdivisent en deux catégories d'après le caractère de leur pâte. Ceux de la première catégorie sont en argile pure presque sans aucune addition d'autres matières. La pâte est très peu compacte, à surface fortement salissante se désagréant dans l'eau ou parfois se partageant par couche. Elle est de couleur rouge-orange, à cassure parfois grise. L'étude

de quelques tessons de cette catégorie a montré que leur température de cuisson était inférieure à 850°. Leur seconde cuisson a établi que la pâte est normalement cuite à 1060°, lorsque sa coloration passe de l'orange au rouge foncé; elle devient alors compacte et acquiert toutes les qualités du produit normal.

La pâte utilisée dans la fabrication de la céramique de la seconde catégorie est de qualité très inférieure et contient une grande quantité de paillettes de mica et de grains de quartz relativement grossiers. Elle est de couleur grise, jaune paille ou brune (jusqu'au brun gris), à cassure allant du gris clair jusqu'au noir. Elle est peu compacte.

La majorité des tessons, qui ont été recueillis, surtout dans les fosses anciennes, appartenaient à des vases qui s'y trouvaient au début à l'état entier ou légèrement brisé. Par leur forme, ces vases, qui sont tous à fond plat, se rapportent à plusieurs types, qu'on peut ramener à trois types principaux.

Les vases du premier type ont un corps élevé s'élargissant vers le haut et s'infléchissant circulairement à la partie supérieure vers le goulot peu élevé, dont la marge est légèrement recourbée vers l'extérieur (pl. VI et VII, 1, 3—4). La plupart portaient trois petites anses sur la partie infléchie du corps. L'un possédait à la place des anses trois rangées équidistantes entre elles de protubérances coniques, disposées par trois dans chaque rangée. Sur un des fragments de la paroi d'un vase de grande dimension se trouvait un ornement appliqué sous forme de deux rangées horizontales de plates bosses (6 dans la rangée supérieure et 5 dans l'inférieure, pl. VII, 6). Tous les vases de ce type se rapportent par le caractère de leur pâte à la première des catégories sus-décrites.

Le second type comprend de petites écuelles-soucoupes dont une partie est d'une pâte de qualité analogue à celle du premier type et l'autre, à marge recourbée vers l'intérieur, est faite d'argile de couleur grise renfermant du sable fin et de petites paillettes de mica (fig. 27, 6—13, et pl. IX, 8—10).

Le troisième type, enfin, qui prédomine sur les autres par le nombre des tessons trouvés, est représenté par des pots. Le gros des vases de ce type est fait de pâte de la seconde des sortes signalées ci-dessus. Un seul vase, appartenant également au type des pots, mais tout de même différent de la forme fondamentale, est en argile pure et a une pâte peu compacte fortement salissante de couleur rouge-orange, comme les vases du premier type (pl. VII, 2).

Il convient encore de mentionner la trouvaille de fragments de parois de vases grossiers à petites anses (pl. VII, 5—6) et de parties marginales probablement de plats ou de couvercles (fig. 26, 10—11).

Les vases d'argile de la seconde étape dans

l'occupation de la terrasse peuvent être répartis conventionnellement en plusieurs groupes d'après leurs caractères techniques.

Au premier groupe se rapportent des vases à pâte d'argile additionnée de sable fin avec parfois de petites inclusions de chamotte, peu et inégalement cuite, de couleur généralement jaune pâle. Ce sont des pots le plus souvent de grande dimension (fig. 28, 1 et pl. IX, 1, 4).

De beaucoup plus nombreux sont les tessons de vases dont l'argile est mêlée de sable quartzueux grossier. La surface de ces vases est recouverte d'une mince couche de la même argile, mais plus diluée. Ce groupe renferme des vases de forme et de dimension variées et des fragments d'une écuelle creuse à anses (fig. 29; pl. IX, 2, 9 et IX, 1).

L'argile dont sont faits les vases du troisième groupe est soigneusement purifiée, mêlée seulement de menues paillettes de mica. La pâte est compacte, de couleur brune avec taches grises à la surface. Ce groupe comprend des fragments de deux écuelles (pl. IX, 3).

Le quatrième groupe consiste en plusieurs petits pots mal cuits, de couleur presque noire, obtenue artificiellement par enfumage. La surface des vases est égalisée avec soin et dans un cas couverte d'un polissage (fig. 30 et pl. X, 3).

Voici une description sommaire de la forme des vases.

Le mieux représenté est le type du pot. Ce sont des vases à fond plat, dont les parois, s'élevant du fond à angle obtus, présentent à leur partie supérieure une inflexion graduelle, mais nettement dessinée vers le goulot. A la jonction des parois et du goulot l'inflexion est très brusque. La marge du vase est basse et recourbée vers l'extérieur (fig. 28, 1, 2 et pl. VIII, 1, 2, 4).

Le second groupe est constitué par des vases à col large se distinguant des premiers par leur goulot beaucoup plus allongé qui passe harmonieusement aux parois arrondies. La marge est droite, parfois légèrement recourbée vers l'extérieur et décorée d'un ornement fait par pincement ou pression disposé sur le bord (pl. IX, 7).

Le troisième groupe inclut de petits vases ronds de couleur noire (fig. 30, 2), à fond plat et marge peu élevée régulièrement recourbée vers l'extérieur. Certains fragments ont un polissage sur le côté intérieur ou le côté extérieur. S'en rapproche par la forme un vase arrondi, à goulot droit peu élevé et bord de la marge légèrement recourbé vers l'extérieur, dont les parois s'infléchissaient brusquement en s'éloignant du col (fig. 30, 1 et pl. X, 9). Les épaulements portent un ornement composé de deux rangées de courts traits obliques en creux disposés en forme de «sapin».

Les écuelles d'argile s'élargissent fortement vers le haut; elles sont à fond plat, parfois

droites et bord régulièrement recourbé vers l'intérieur (pl. IX, 3). Un fragment de marge avec anse en forme de maille (pl. IX, 9) semble se rapporter aussi à une telle écuelle.

Un des fragments de paroi d'un vase fait d'argile mêlée de sable quartzeux montre aux endroits où la mince couche superficielle s'est détachée des impressions de tissu (pl. X, 1—2).

À juger d'après les données fournies par les fouilles, une des branches principales de la production chez les habitants de cette station était l'agriculture. L'élevage des animaux domestiques est attesté ici par la trouvaille d'os de vache fort peu nombreux.

L'étude comparative des monuments archéologiques de la Kabardino-Balkarie et du bassin du Kouban et de Dolinskij permet de rapprocher chronologiquement cette dernière station par ses complexes anciens avec un des monuments les plus anciens de la Kabardino-Balkarie, celui d'Agubekovo,¹ dont il représente l'étape immédiatement suivante. Quant aux complexes plus récents, ils sont très vraisemblablement synchroniques des tumulus de Novoslobodnaja (anciennement Tsarskaja, fouilles de 1898) et de Kostromskaja (fouilles de 1897) sur le Kouban.

¹ Voir le présent recueil, p. 51—66.

3

4

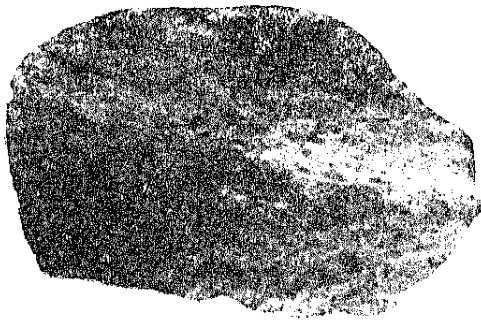
2

5

Раскоп № 2, Долинское поселение.

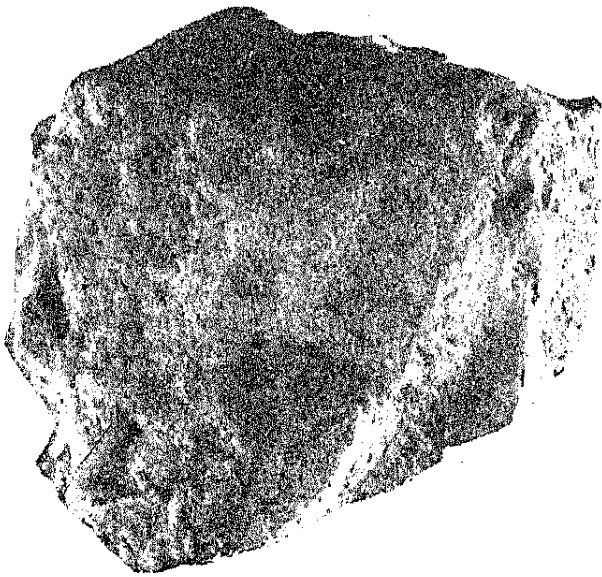
1 — общий вид на раскоп; 2 — находки на поверхности слоя II на линии 3; 3—4 — горизонт № 1 древней ямы; 5 — горизонт № 2 древней ямы.

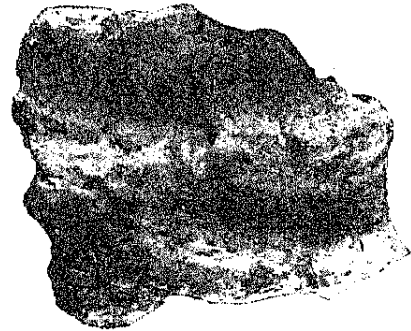
0 1 5 см

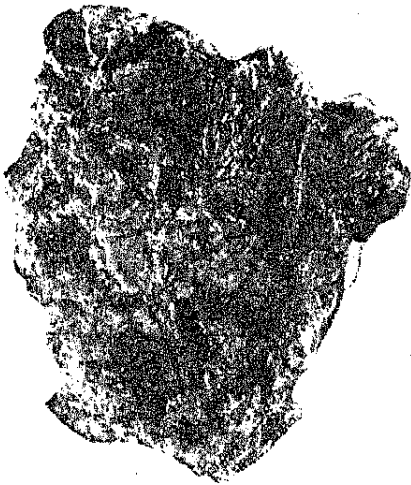
0 1 5 10 см
2 3

0 1 5 см

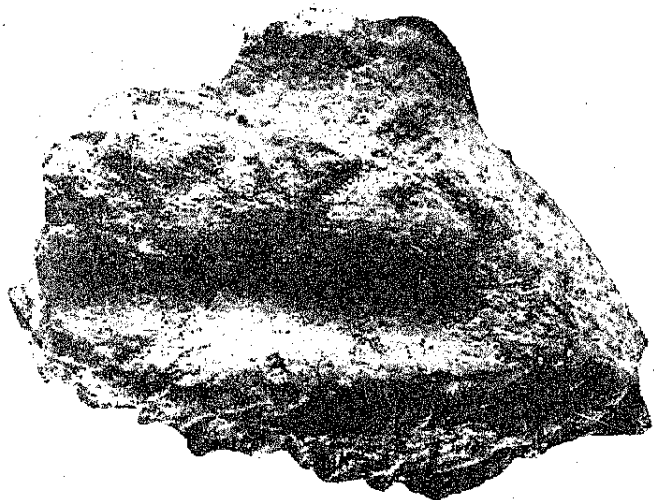

0 1 5 см
5

0 1 5 см

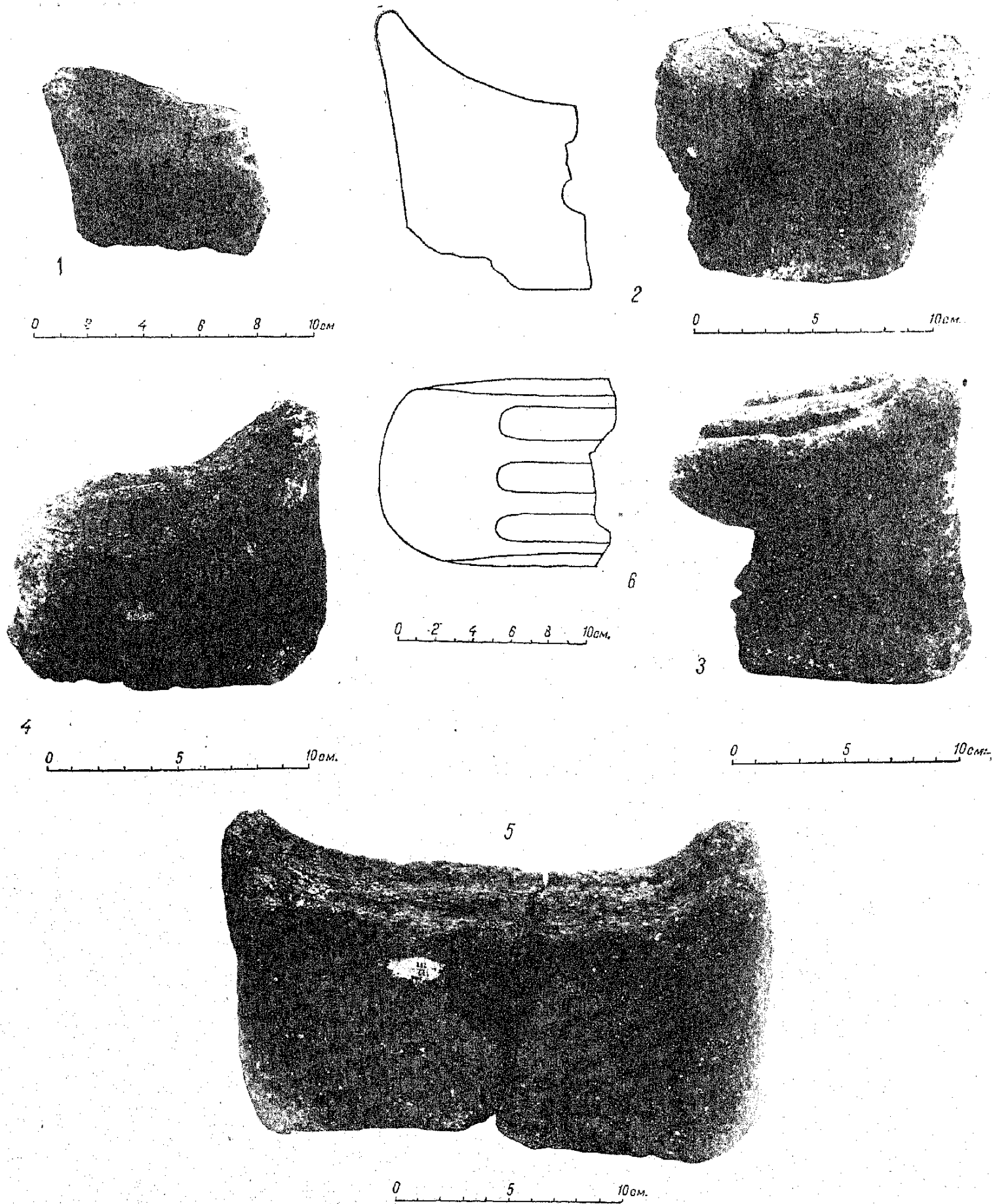
6

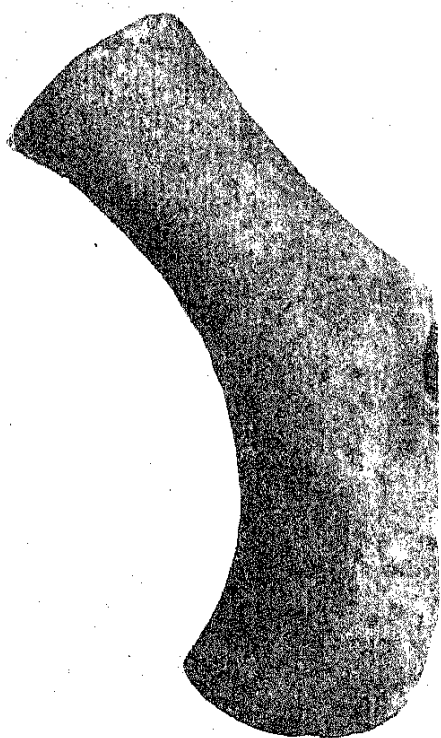
0 1 5 см

7

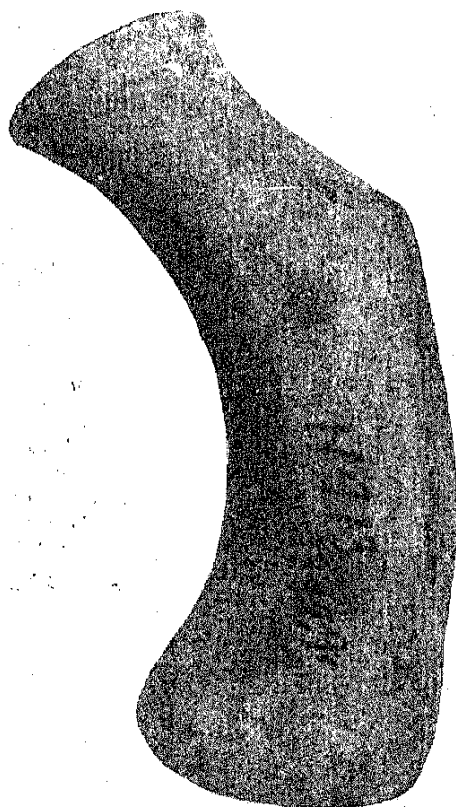
Куски глиняной обмазки. Раскоп № 1, Долинское поселение.

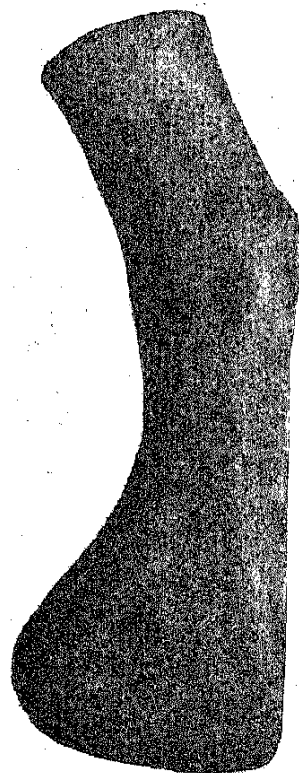
Глиняные подставки. Долинское поселение.
 1 — раскоп № 3; 2-5 — раскоп № 2; 6 — Нальчикский музей.

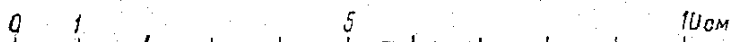
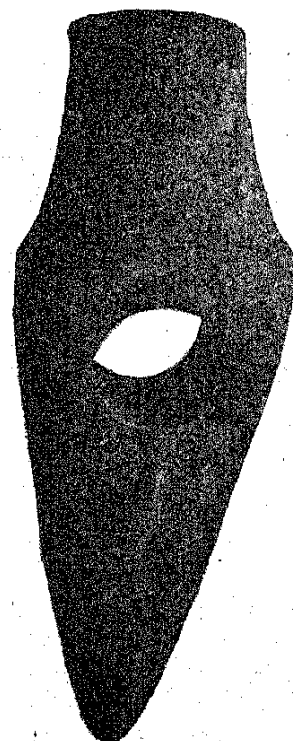
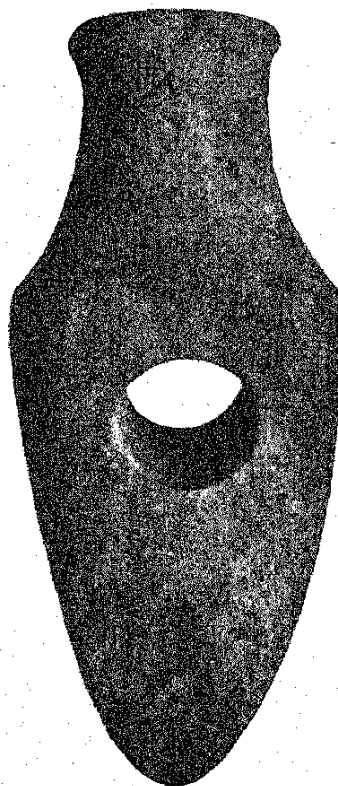
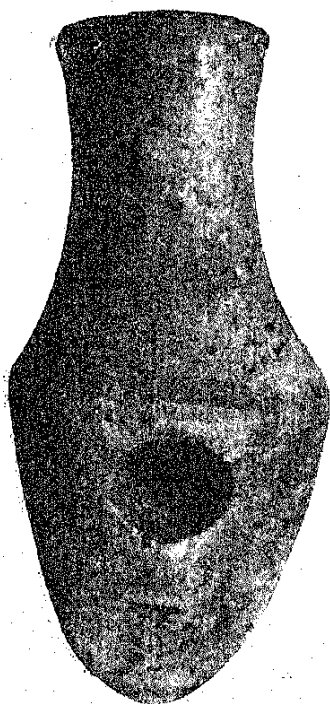
1

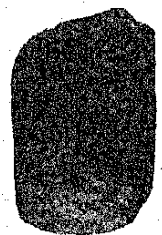
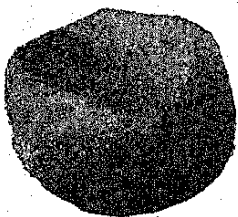
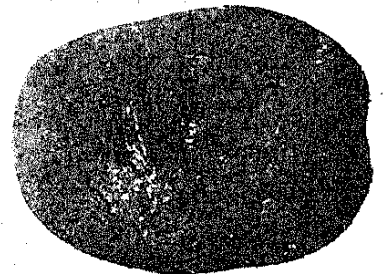
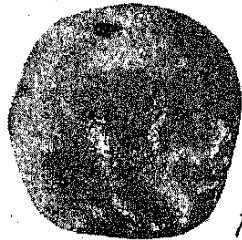
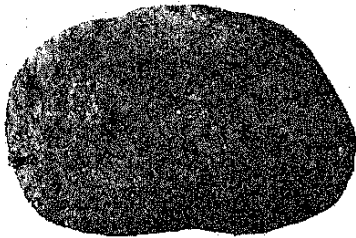
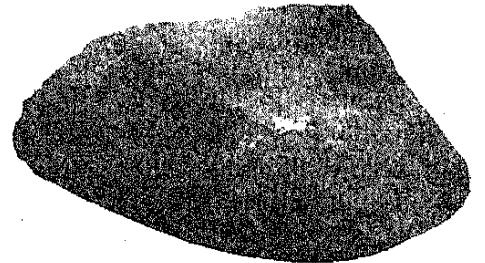
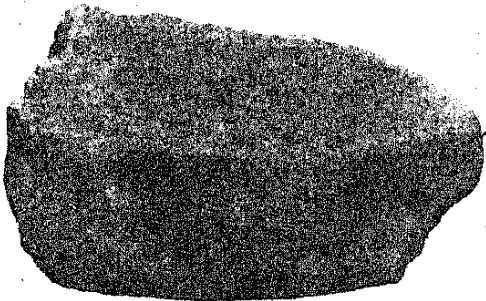
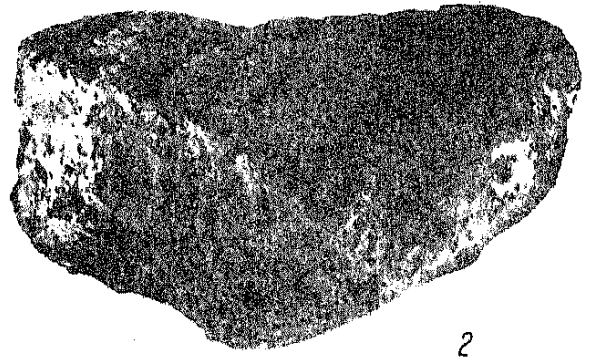
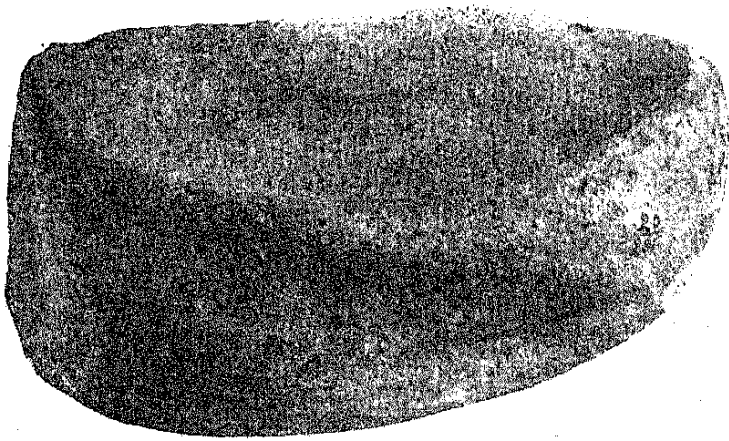
2

3

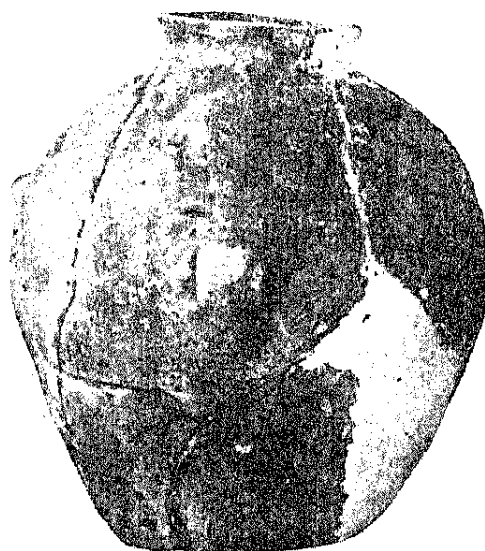
Каменные топоры. Случайные находки в Кабардино-Балкарии.
1 — у кургана на террасе Долинского поселения; 2 — в окрестностях сел. Заюково; 3 — у сел. Кашпек.

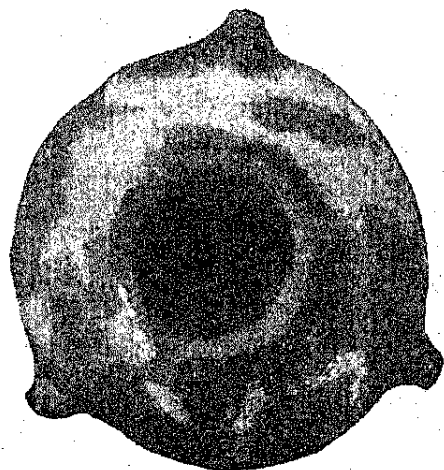
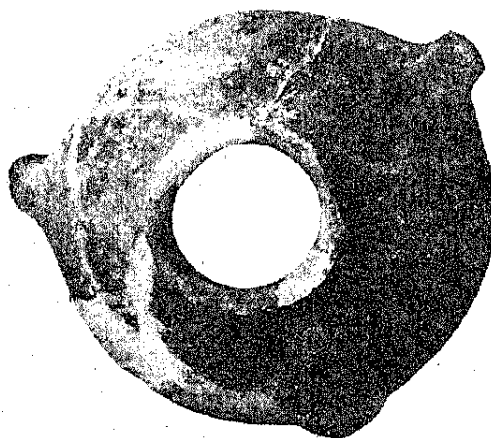
Каменные орудия и их фрагменты. Долинское поселение.
 1 — сбор на поверхности; 2, 4—7, 10 — раскоп № 4; 3, 8, 9, 11 — раскоп № 1; 6 — раскоп № 2.

1

2

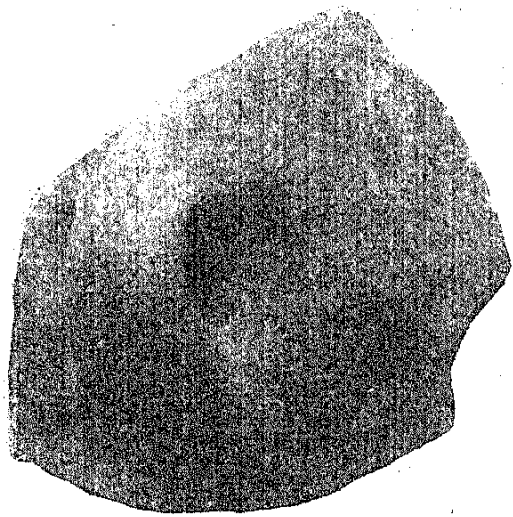

3

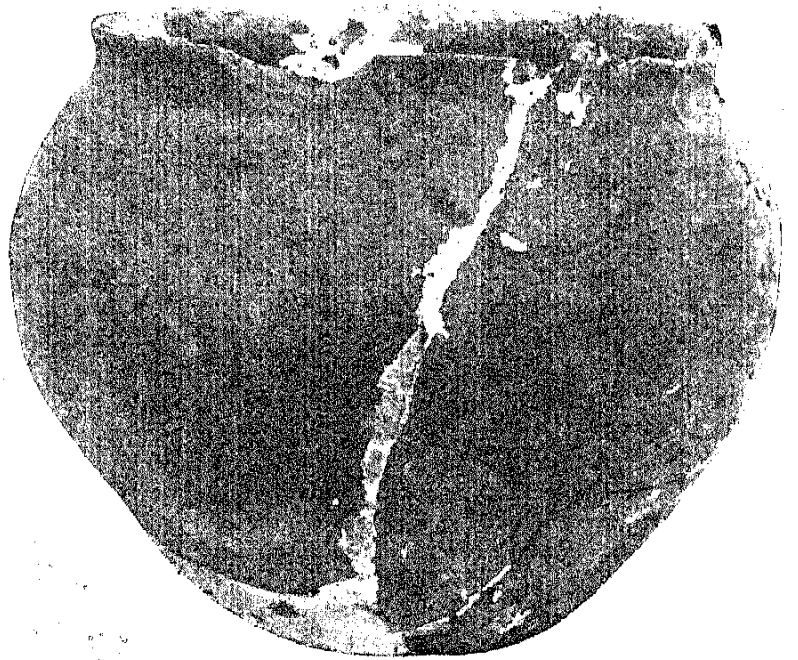
0 5 10 см

0 5 10 см

Глиняные сосуды красно-оранжевого цвета: Долинское поселение.
1, 2.—раскоп № 2; 3.—раскоп № 3.

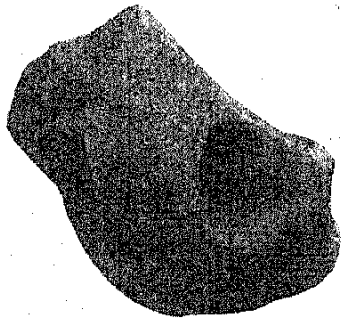

1

2

0 5 10 см.

3

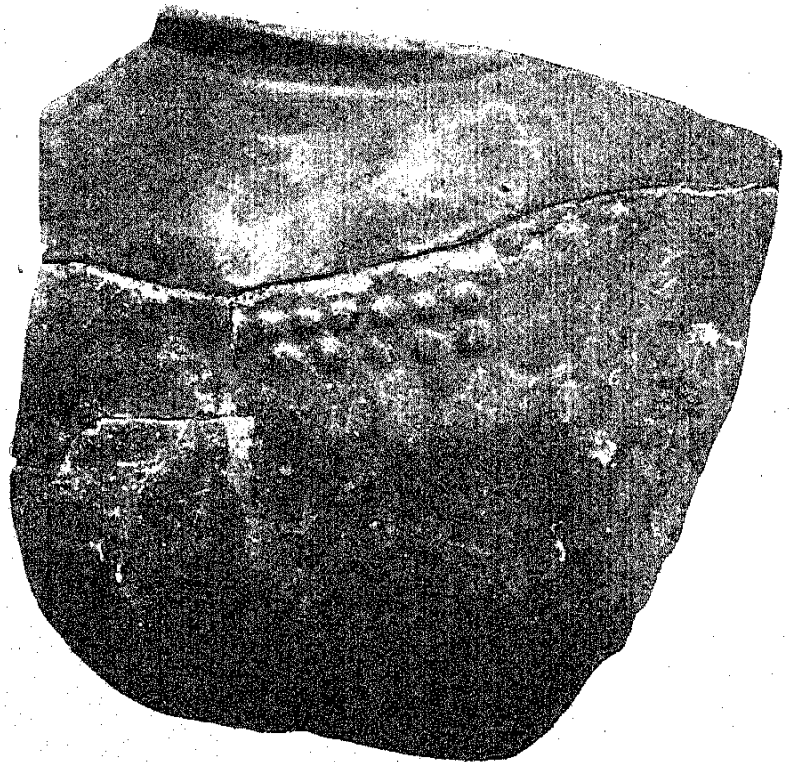
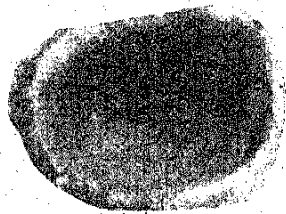
4

0 5 10 см.

5

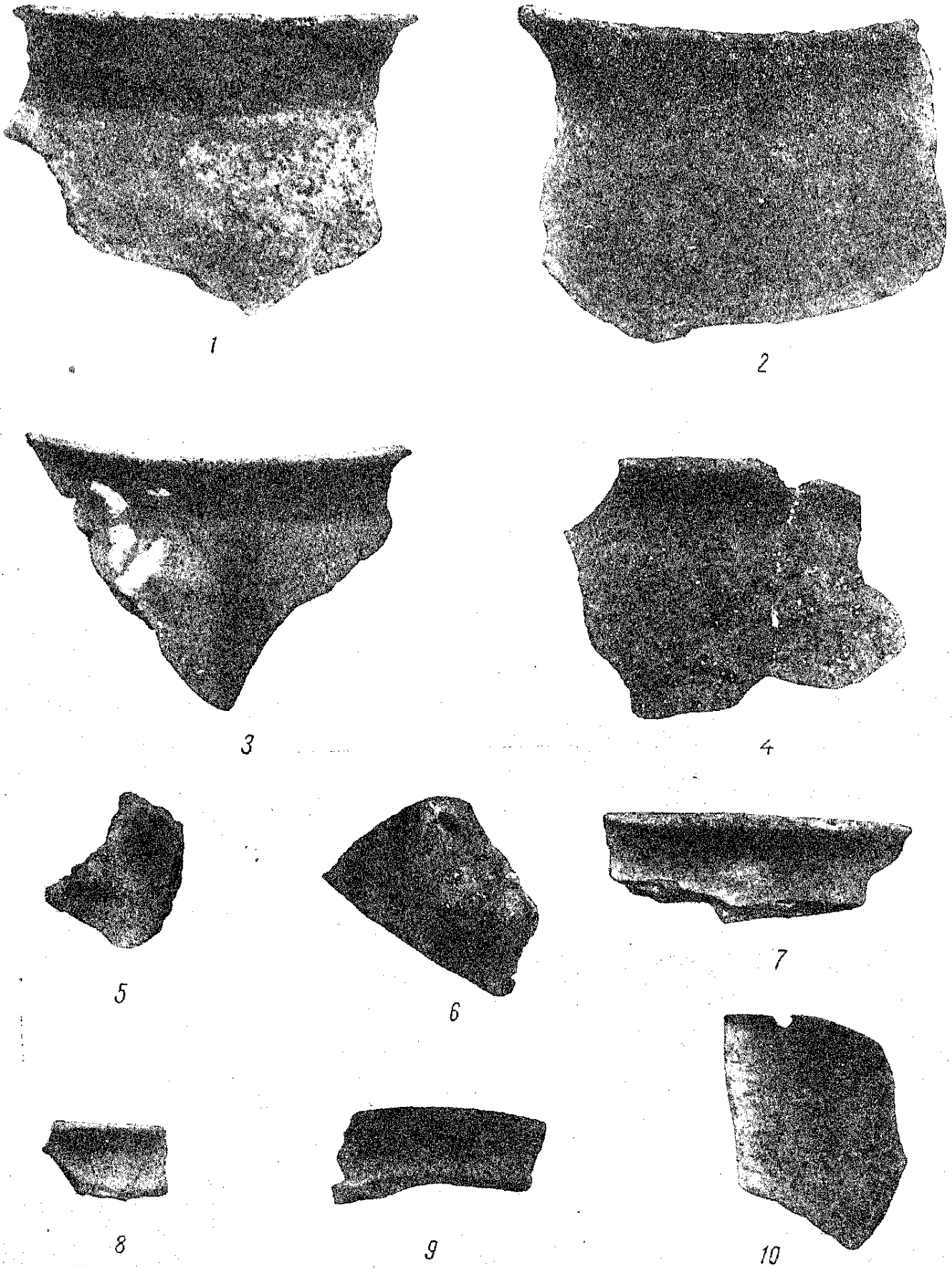
0 5 10 см.

6

0 5 10 см.

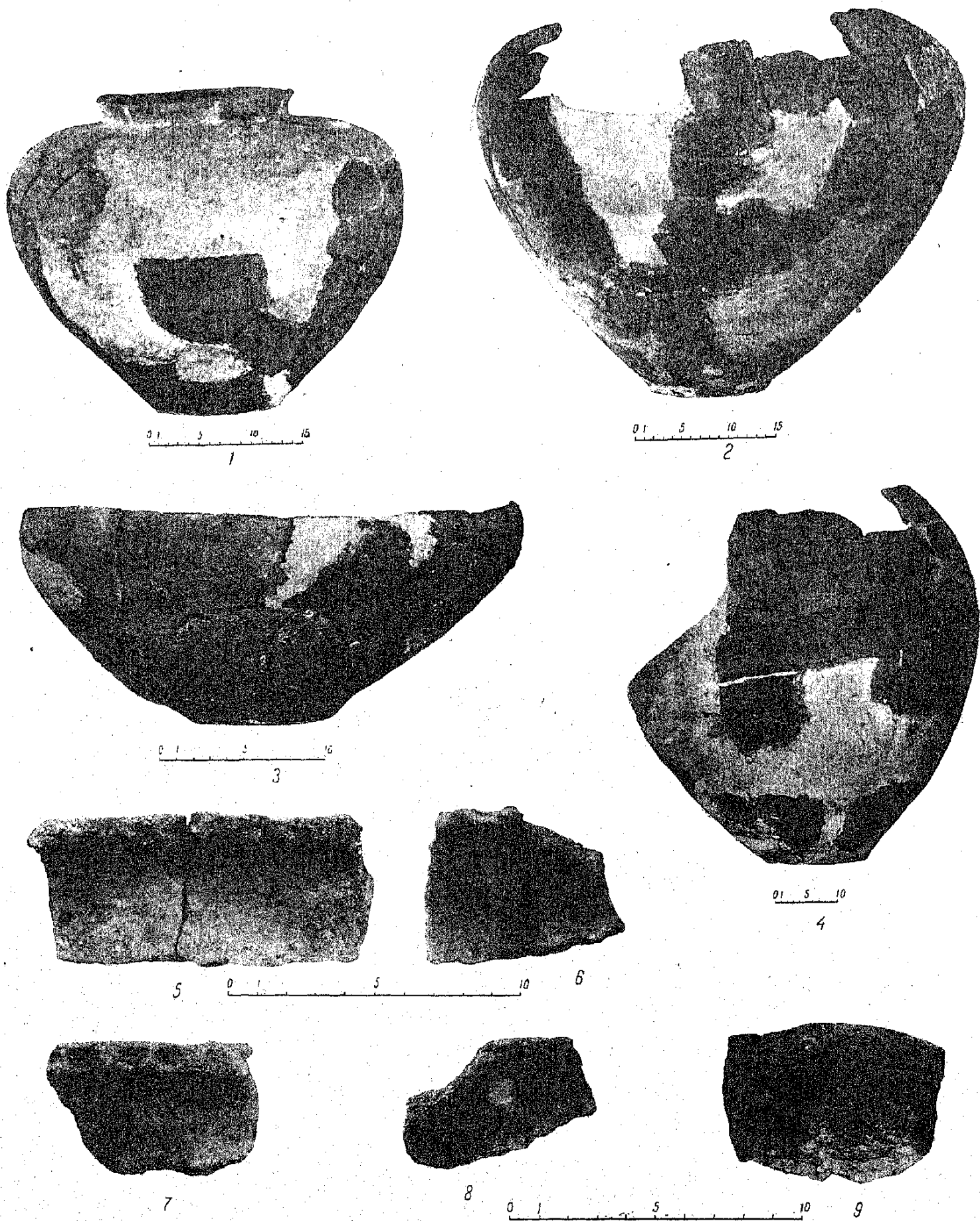
Керамика. Долинское поселение.
2, 2, 6 — раскоп № 2; 3, 5 — раскоп № 4; 4 — раскоп № 3.

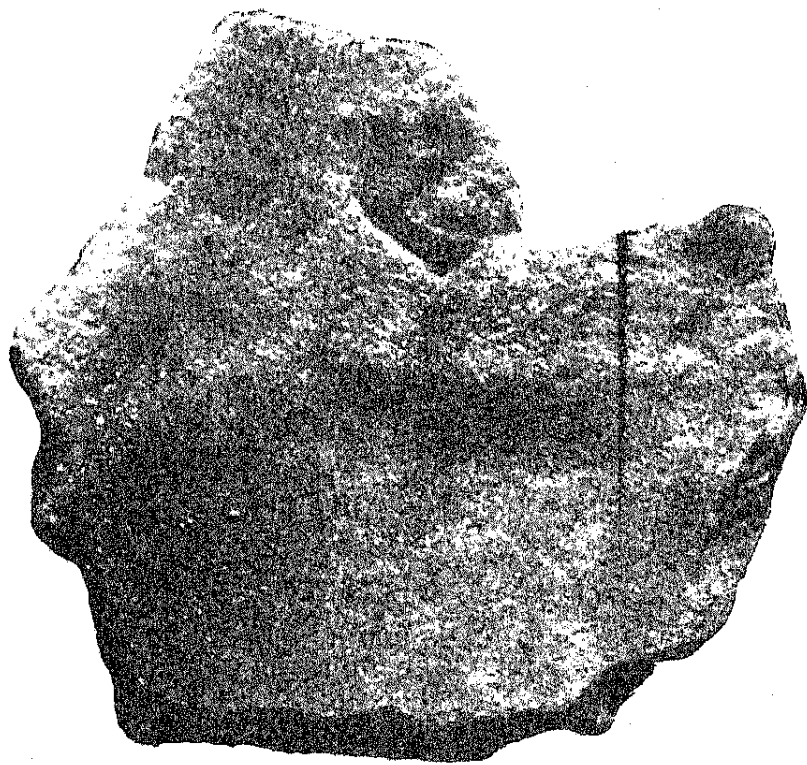
0 5 10 15 см.

Керамика. Долинское поселение.

1, 2, 4 — раскоп № 2; 3, 5, 6, 9 — раскоп № 3; 7, 8, 10 — раскоп № 4.

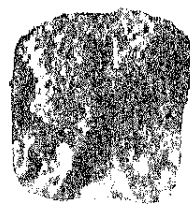

Керамика. Раскоп № 1. Долинское поселение.

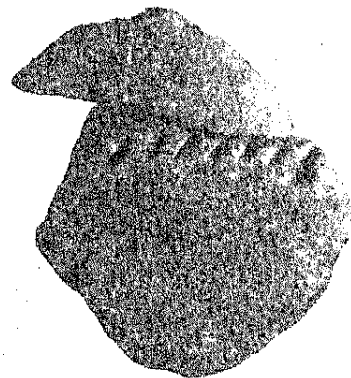
0 5 см.

1

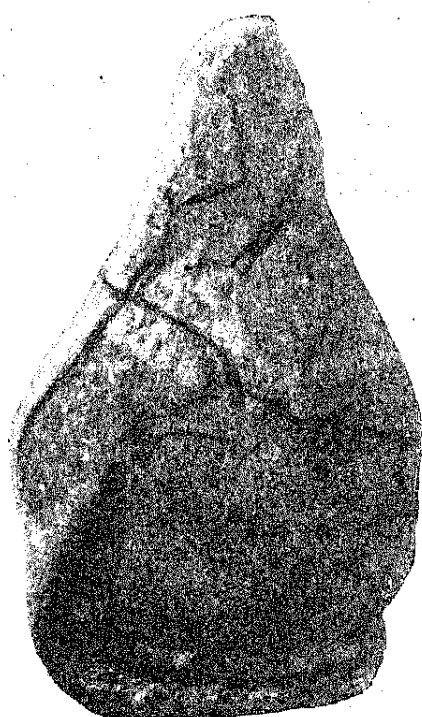
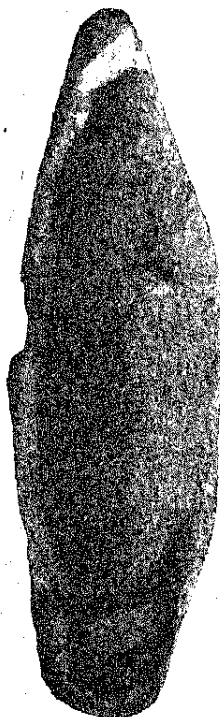
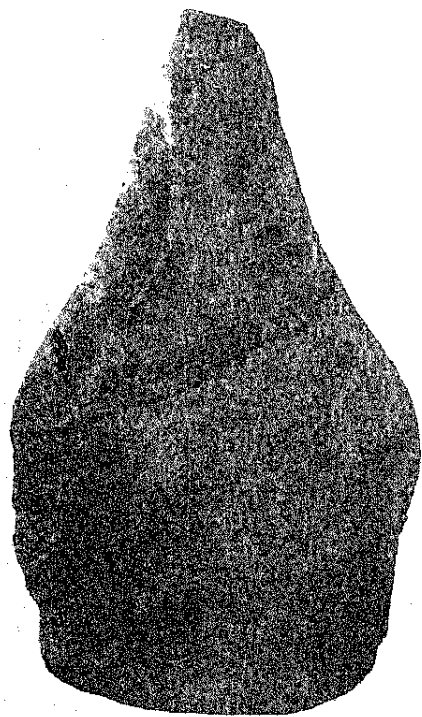
0 5 см.

2

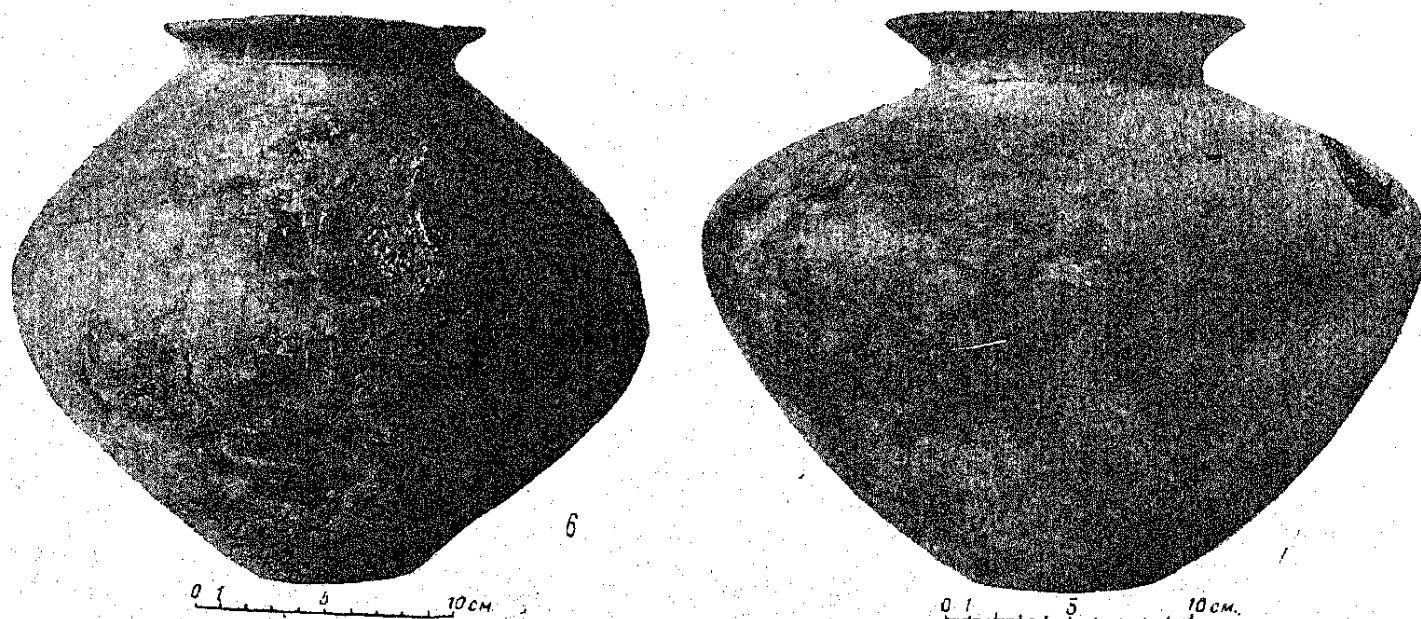
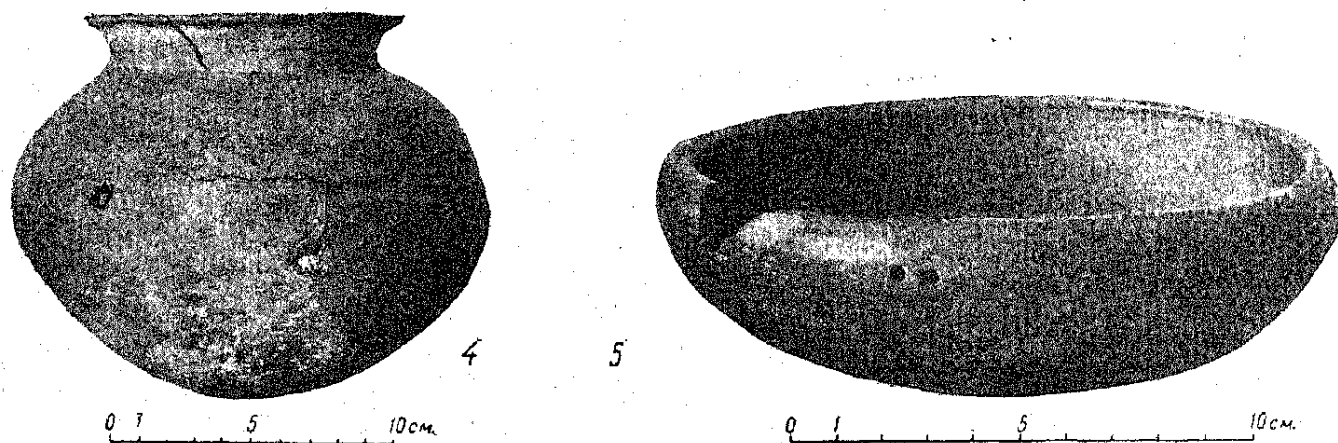
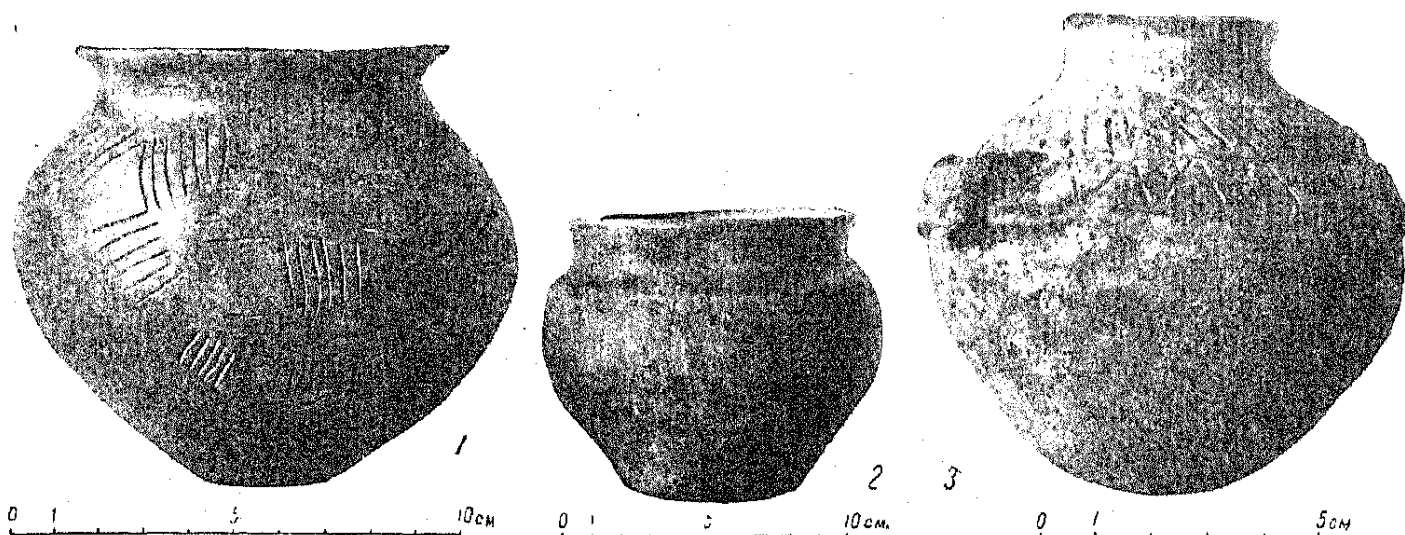
0 5 см.

3

0 5 10 см.

1 — обломок глиняного сосуда с отпечатком ткани на поверхности излома; 2 — оттиск с отпечатка ткани; 3 — обломок орнаментированного сосуда; 4 — поделка из глиняной коакреции (статуетка). Раскоп № 1, Долгинское поселение.

Глиняные сосуды. Курган у сел. Соломенка.
 1, 4 — погр. № 3; 2, 5, 6 — погр. № 2; 3, 7 — погр. № 1.

Б. Е. ДЕГЕН.

Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика

Среди археологических коллекций Историко-краеведческого музея КБАССР в г. Нальчике внимание привлекают богатые наборы металлических предметов и соответственной керамики, относящихся к эпохе меди и бронзы в предгорной полосе Кавказа. Эти наборы (комплексами по состоянию паспортизации в большинстве их называть не приходится) частично увязываются с известными могильными инвентарями предгорной и, реже, нагорной зоны западного Предкавказья, частично же содержат вполне новые типы или варианты керамики и бронзы, в археологической литературе не опубликованные вовсе.¹

А между тем, историко-археологическая ценность этих материалов такова, что без их учета никакая работа по древним периодам истории Кавказа не может претендовать на достаточную научную обоснованность.

Из отрывочных данных музейной документации оказалось возможным установить, что описываемые наборы происходят из разрушенных и частично раскопанных курганов в ближайших окрестностях г. Нальчика,² но, к сожалению, случайность поступлений или крайнее несовершенство раскопок, отсутствие дневников, чертежей, полевых описей (не говоря уже о фотофиксации) исключают возможность достаточного научного использования этих интереснейших памятников, так как по имеющимся данным нельзя составить представления не только об устройстве погребального сооружения, но нередко даже

о комплексе могильного инвентаря. Естественно, что задача научного исследования памятников этого типа вошла в круг внимания и деятельности Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК, начиная с 1929 г.¹ Задание этого исследования можно характеризовать как разведочное: подробное обследование изучаемых памятников в натуре как целых, так и разрушенных, систематическое изучение и фиксация коллекций музея и выборочные раскопки 1—2 памятников для установления археологической обстановки, состава могильных комплексов, устройства могильного сооружения и пр.

ТОПОГРАФИЯ КУРГАНОВ

На третьей террасе долины р. Нальчика между городским центром и б. дачным поселком Долинским, ныне курортным районом г. Нальчика, расположено опромяное курганное поле; оно тянется по западной окраине Кабардинского парка, по части его, называемой местными жителями «Садки» (рис. 1) на протяжении не менее 1—1½ км. Северный конец его теряется под постройками г. Нальчика, особенно в районе нового городского центра на бывшем городском выгоне, где при постройке новых капитальных зданий больницы, Дома Советов и пр. вскрыто немало курганных захоронений. В этом огромном могильнике, среди курганов, весьма разнообразных по внешним признакам и по датировке (вплоть до кабардинских захоронений XIV—XVI вв.), заметную часть составляют курганы, давшие вышеуказанные находки.

Морфологические признаки курганов интересующей нас поры довольно устойчивы — в большинстве случаев они невелики (около 20 м), с четким, иногда крутым сфероидным профилем насыпи и с легко обнаруживаемой булыжной обкладкой. Последнее обстоятельство нередко является причиной гибели этих

¹ Единственное воспроизведение (не очень совершенное) некоторых предметов этой категории вместе со случайными и, в большинстве, неверными сведениями о них опубликовано лишь недавно в статье: V. A. v. d. i. f. Egypt and the Caucasus. Egypt and the East, 1933, 1—II (рис. на стр. 30). См. мою рецензию на эту статью в журнале „Советская этнография“ 1936, № 4—5, стр. 281. Не затрагивает этих материалов и новейшая сводная работа одного из немногих зарубежных кавказоведов, вышедшая уже после окончания данной работы (F. H. a. g. Urgeschichte Kaukasiens vor den Anfängen seiner Besiedlung bis in die Zeit seiner frühen Metallurgie. Wien, 1937).

² Беглое упоминание у: М. И. Ермоленко. Предания, легенды и былое ущелий Кабарды и Балкарии, вып. II. Нальчик, 1930. — Он же. Прошлое территории Нальчика. Ист.-археол. заметка, стр. 39—40.

¹ Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3, стр. 26. — Работа Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. Пробл. ист. мат. культ., 1933, № 1—2, стр. 45—49.

Рис. 1. Третья терраса р. Нальчика в Кабардинском парке.

Рис. 2. Один из снесенных курганов в Кабардинском парке с «останцом», посередине.

Рис. 3. Остатки кургана № 2а (передний план) и курган № 2 в Кабардинском парке, раскопанные экспедицией (задний план).

памятников, разбираемых на различные хозяйственные надобности, причем инвентарь сносимых курганов не всегда попадает в музей (рис. 2).

КУРГАН № 2-а¹

Первым объектом внимания экспедиции явился один из отмеченных выше бывших курганов (рис. 3), на площадке которого

¹ В описях экспедиции эти остатки кургана ошибочно обозначены под № 4, под которым в 1930 г. был раскопан экспедицией другой курган (см. ниже); во избежание параллелизма и путаницы в материале описываемый здесь материал обозначен как „курган“ № 2-а (опись 84).

было подобрано обильное количество крупных керамических фрагментов (по большей части богато орнаментированных), вполне заслуживающих учета и описания; в процессе камеральной обработки удалось подобрать многие группы этих фрагментов и склеить хоть и не целые сосуды, но настолько значительные их части, что можно составить достаточно полное представление о многих из этих сосудов.

А (84-1). Крупный глиняный сосуд яйцевидно-шаровидной формы с 2 ручками и низким горлом (диам. венчика 20 см, диам. дна 10,5 см, наиб. диам. 31,8 см, выс. 31 см, толщ. черепка 5,5 мм). Цвет охристорозоватый, черепок в изломе ровный с вкраплениями красной охры или шамота. Поверхность лощеная, пло-

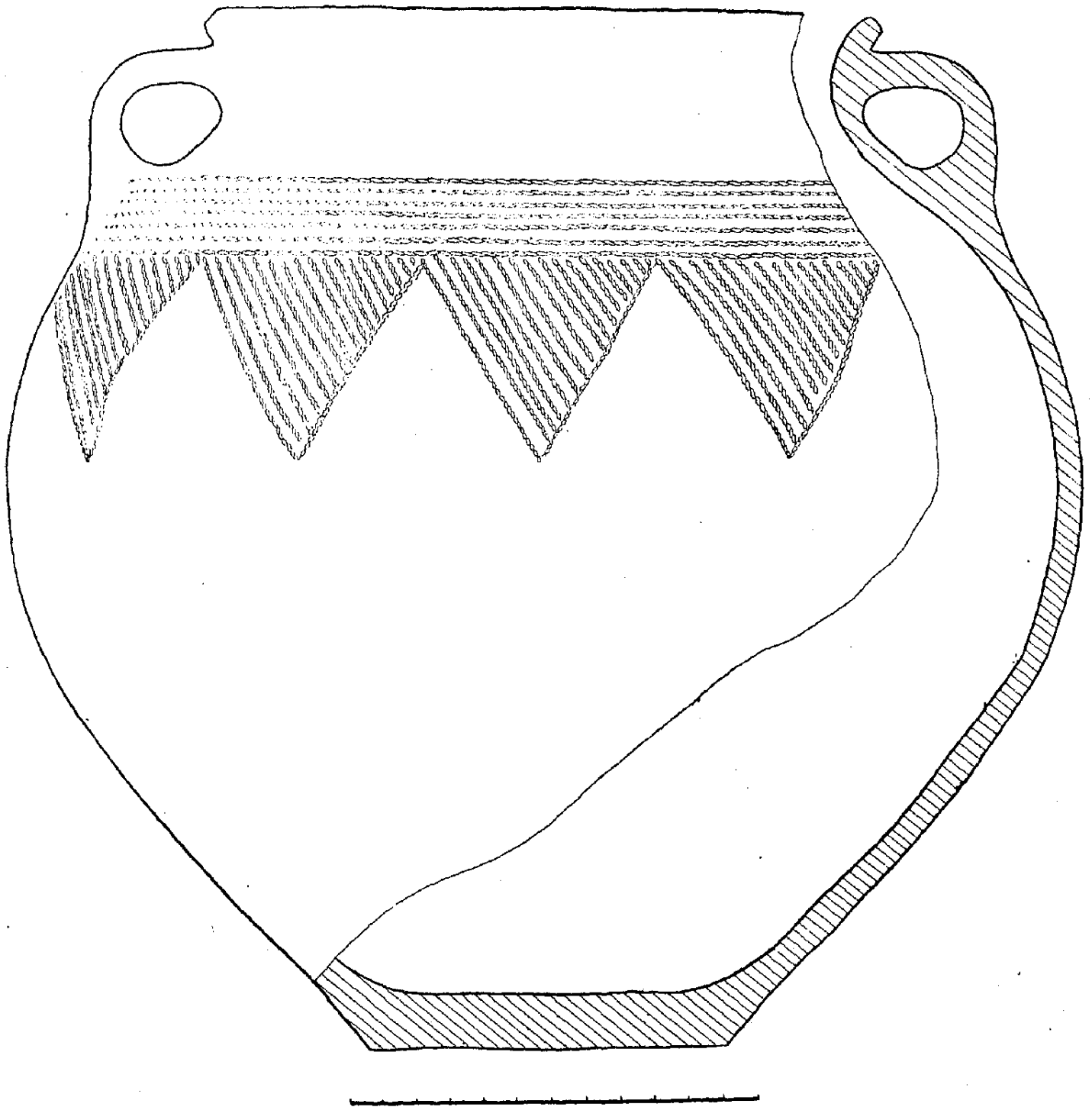

Рис. 4. Реконструкция сосуда (84-1) из кургана № 2-а в Кабардинском парке.

хой сохранности (отслаивается пластинами, особенно с внутренней стороны). По плечикам пояс орнамента веревочным штампом (рис. 4).

Б (84-2). Сосуд того же типа (диам. венчика 19.8 см, диам. дна 7.9 см, наиб. диам. 30 см, выс. 28.8 см, толщ. черепка 6.5 мм). Цвет розовато-охряный с серыми подпалинами, в изломе серый, черепок ровный без посторонних примесей. Поверхность снаружи лощеная, изнутри заглаженная, хорошей сохранности. Орнаментальный пояс по плечикам веревочным штампом (табл. I, 1).

В (84-3). Сосуд типа, близкого к предыдущим, отличающийся меньшим отгибом венчика (диам. венчика 18.2 см, наиб. диам. 29.8 см, фрагментов нижней части и ручек нет, толщ. черепка 5.5 мм). Цвет серо-охряный ровный, в изломе серый; черепок грубый, ровный в изломе, без примесей. Поверхность наружная лощеная,

внутренняя заглаженная, средней сохранности, на вид матово-зернистая. Широкий орнаментальный пояс по верхней половине сосуда веревочным и угловым штампом (табл. III, 1).

Г Отдельные фрагменты сосудов с орнаментом и гладких, повидимому близких к предыдущим, но не поддающихся реконструкции.

Д (84-5, 45). Фрагменты стенки с ручкой от большого сосуда типа, близкого к описанным выше (стр. 187) экземплярам из древнейших слоев Долинского селища. Цвет кирпично-красный, в изломе сероватый; черепок ровный, с незначительными вкраплениями блесок слюды, средней твердости. Поверхность заглаженная (табл. I, 2).

Е (84-18). Фрагменты днища с прилегающими стенками, мягко отходящими вверх без перегиба (диам. дна ок. 9.5 см, наиб. диам. не более 20 — 22 см), тип сосуда

неясен. Цвет охристо-серый, в изломе красноватый и серый; черепок плотный, твердый с обильными включениями гравия и слюды. Поверхность почти не сохранилась (табл. III, 3).

Ж (84-9, 17, 43). Фрагменты венчика и стенок горшка без ручек с невысоким горлом и слегка отогнутым венчиком (диам. венчика 20 см, остальные промеры неопределимы, толщ. черепка 8 мм). Тип сосуда близок к найденному в кургане № 4 при погребении № 2 (см. ниже, стр. 287). Цвет желто-охряный, с незначительными вкраплениями гравия. Поверхность затертая. По плечикам, спускаясь и на лучину, елочный орнамент косыми резками (табл. II, 6).

Рис. 6. Обрез кургана № 2 в Кабардинском парке по линии Е.

Остальные керамические фрагменты не дают возможности хотя бы частичного восстановления формы или типа.

Металлический и иной инвентарь захоронений этого кургана выделить из музейных поступлений 1929 г., к сожалению, не удастся.

КУРГАН № 2

Курган этот расположен непосредственно рядом с предыдущим курганом, составляя с ним, повидимому, одну группу (рис. 3). Раскопки производились с 25 VIII до 11 IX 1929; производитель работ — Б. Е. Деген в сотрудничестве с А. В. Мачинским. Рабочих было от 2 до 7 чел. Курган этот был поврежден выемкой булыжника с юго-западной стороны и с вершины, что сыграло известную роль в выборе его для раскопочно-го исследования. Раскопка велась широкой площадью на снос; остались неразобранными

лишь незначительные полы кургана, в сильной степени оплетенные кустами и корнями грушевого дерева, выросшего на северо-восточном боку кургана (рис. 5).

Диаметр кургана 15—16 м, высота ок. 1.10 м (точному определению не поддается в виду того, что курган расположен на склоне). Структура кургана: под дерновым слоем (частично поврежденным) по всей поверхности кургана слой крупных речных валунов (до 60 см), также местами нарушенный; под

валунами толстый слой бурого более или менее однородного суглинка мощностью 60—75 см, который в свою очередь лежит на тонком слое щебня толщиной от 3 до 5 см и лишь местами образующего скопления до 13 см в толщину; слой со значительным включением мелкого щебня и гравия; весь курган подстилается речным галечником средней крупности, резко отличным по внешним признакам от насыпных слоев кургана (рис. 6).¹

Курганная насыпь насыщена археологическими остатками по всей площади и на всех высотах, вплоть до черноземного почвенного слоя над валунной обкладкой.

По описи (шифр 81) находок в курганной насыпи значится 143 номера. Размещение их,

¹ Именно этот фотоснимок ясно выраженного курганного среза воспроизводится в указанной выше книге: F. Nap'at. Urgeschichte Kaukasiens..., на табл. XXXIV, 2 с ошибочной подписью «разрез Долинского селища у Нальчика».

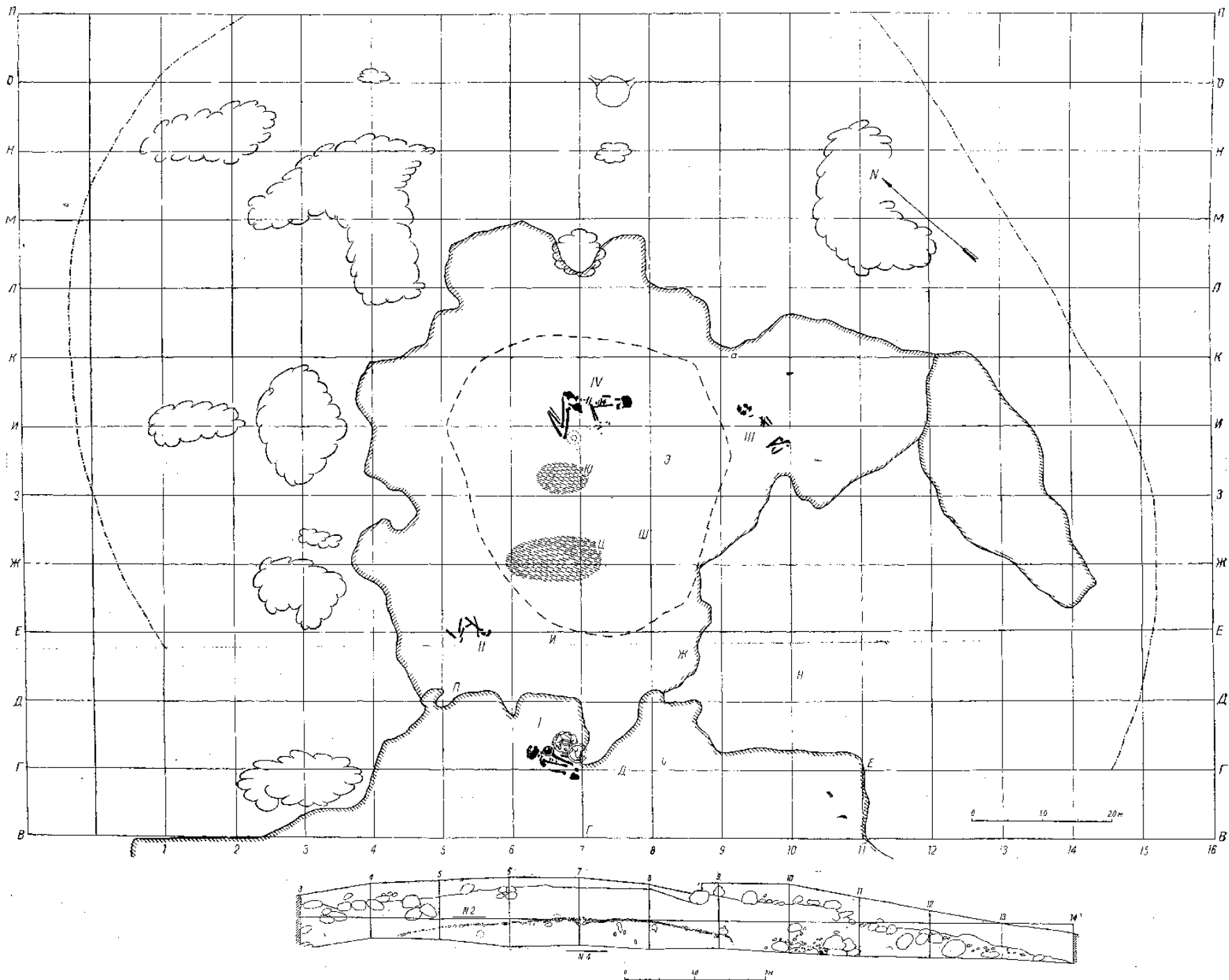

Рис. 5. План раскопа кургана № 2 в Кабардинском парке (сторона квадрата — 1 м). Профиль и разрез кургана № 2 по базе Е.

обозначенное на плане литерами, весьма показательно.

1) Дерновый слой над и между каменной обкладкой.

- М** — 2 кремневых отщепов и фрагмент стенки сосуда между валунами, последний от того же сосуда, что **Х** и **Н**.
- С** — 2 фрагмента стенок большого сосуда (один орнаментирован) среди валунов.
- Ф** — 3 кремня в почвенном слое и 1 под валунами.
- Х** — 1 кремень и фрагмент венчика большого сосуда в почвенном слое (табл. VI, 4); кроме того, отдельные керамические фрагменты, которые относятся к одному сосуду с лит. **М** и **Н**.
- Ц** — скопление раздробленных костей (преимущественно трубчатых) в почвенном слое и ниже, неподалеку крыловидная кость и фрагмент стенки сосуда.
- Ч** — другой фрагмент того же сосуда.
- Ш** — 1 кремневый отщеп между валунами.
- Я** — фрагменты небольшого тонкостенного сосуда, серо-охристого цвета, с 2 ручками и мягко отогнутым венчиком; поверхность почти разрушена, но на некоторых фрагментах, особенно у основания ручки, различимы следы веревочного орнамента; в почвенном слое среди валунов; там же 1 отщеп кремня и один отщеп обсидиана.
- ВВ** — фрагмент каменного точила с выбитым углублением на одной из сторон (табл. V, 4).

2) Бурый суглинок от камней до щебенки.

- А** — фрагменты стенок и венчика горшка из мягкой красно-охряной глины (подбирается вместе с другими фрагментами того же сосуда из находки **П**) (табл. VI, 3). Тут же фрагменты тонкостенного сосуда серовато-охристой глины округлой формы с 2 ручками, маленьким дном и мягким отгибом венчика.
- Б** — фрагменты трех сосудов и 4 кремневых отщепов непосредственно под валунами обкладки.
- В** — кремневый скребок двусторонний (табл. VI, 5) и 3 кремневых отщепов, неподалеку еще 2 кремня и отдельные черепки (под валунами).
- Г** — большое скопление мелких керамических фрагментов (свыше 450) однородной техники, не поддающихся подборке; под ними 1 кремневый отщеп; там же фрагменты тонкостенного темносерого сосуда.
- Д** — фрагменты тонкостенного сосуда охристого цвета с высоким горлом без отгиба (табл. VI, 2), другого, толстостенного, грубого теста и неопределенной формы, и фрагменты горла и венчика третьего сосуда, меньшего и еще более тонкостенного (поверхностный слой черепка легко отслаивается).
- Е** — 1 осколок кремня.
- Ж** — 1 осколок кремня под суглинком на гравии.
- З** — фрагменты тонкостенного сосуда.
- Л** — 1 осколок кремня.
- Н** — раздавленный тонкостенный сосуд охристого цвета с 2 ручками (табл. V, 2). Там же фрагмент толстостенного сосуда под лит. **М** и **Х**.
- О** — раздавленный тонкостенный сосуд желто-серого цвета с 2 ручками и веревочным орнаментом по плечикам (табл. V, 3).
- П** — фрагмент венчика от сосуда под лит. **А**.
- Ф** — 2 кремневых отщепов.
- Э** — 1 кремневый скребок.
- Ю** — небольшое скопление костей черепных, больших трубчатых, фаланги, ребра и пр.

3) Щебенистый внутренний сегмент.

- И** — 1 кремневый отщеп, на грани галечника.
- Т** — 3 осколка кремня.
- У** — 1 кремень в нижнем слое гравия.
- Щ** — 3 осколка кремня.

Бросается в глаза неравномерная насыщенность находками различных структурных

частей кургана № 2. Внутренний щебенистый сегмент находками очень беден, и все они сводятся к 8 осколкам кремня — 4 на грани галечника и 4 в толще слоя. В перекрывающих же слоях курганной насыпи найдено: 20 кремневых осколков, 2 кремневых скребка, 1 целая кремневая пластинка и 3 фрагмента, несколько обсидиановых отщепов, 1 каменное точило и большое количество керамики. Можно установить около 12 групп черепков, принадлежащих отдельным сосудам, не считая разрозненных и несоединимых. Необходимо отметить, что иногда подбираются и склеиваются черепки, найденные в разных сторонах курганной площади [напр. подобраны в комплект 6 фрагментов большого сосуда светло-охряной глины, из которых один фрагмент 81-9 (лит. **А**) отстоял от фрагмента 81-55 (лит. **П**) на 9 с лишним метров], а иногда даже из разных слоев насыпи: венчик большого сосуда (81-77,53, лит. **М** и **Х**) в почвенном слое над валунами составляется с фрагментами раздавленного сосуда под лит. **Н** на глубине 80 см от поверхности кургана. Таким образом, судя по находкам, три верхние слоя кургана № 2 (почвенный, валунный и бурый суглинистый) представляют как бы единый комплекс.

Говоря о содержимом курганной насыпи, нельзя не указать на два скопления раздробленных почти до неразличимости человеческих костей. Недалеко от вершины кургана в почвенном слое над валунами найдены обломки трубчатых костей и неподалеку обломок челюсти и крыловидная кость (лит. **Ц**); на расстоянии ок. 1 м, на глубине 75—80 см от поверхности, второе скопление раздробленных костей (лит. **Ю**), в котором можно различить черепные, большие трубчатые кости, фаланги, ребро и пр. Характер этих скоплений вполне соответствует условиям выкида из разрушенной могильной ямы.

Безусловный интерес представляет значительное скопление (свыше 450) фрагментов стенок большого сосуда в кв. Б7-В8 (лит. **Г**), вне какого-либо погребения, и раздавленный сосуд (лит. **Н**), с удовлетворительной полнотой подобранный и склеенный (табл. V, 2).

Подбираются и еще некоторые, хотя и неполные комплекты (лит. **О**, **З**, **А** и др.), весьма близкие к предыдущему, но в виду тонкости и хрупкости стенок и выщелачивания краев не поддающиеся склейке.

Описание погребений

Погребений всего в кургане № 2 обнаружено четыре: одно (№ 4) в центре щебенистого внутреннего сегмента на уровне + 2.5 см, а остальные три (№№ 1, 2 и 3) в буром суглинистом слое на уровне + 9.5, + 35.5 и + 50.5 см от нулевого горизонта.

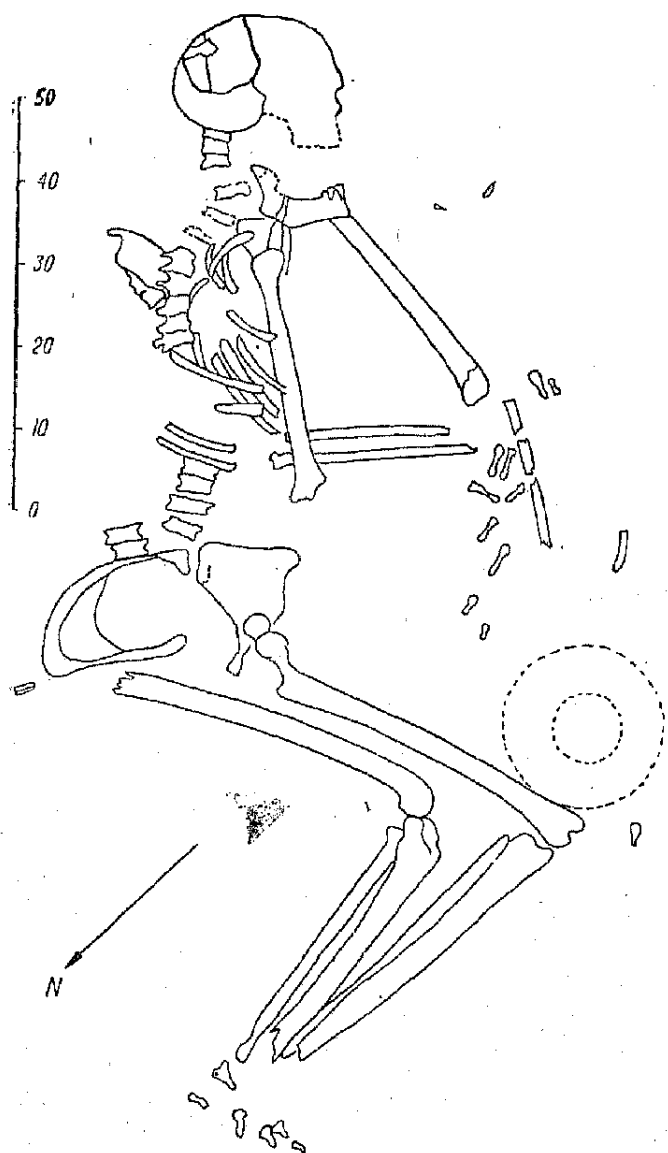

Рис. 7. Чертеж погребения № 4 кургана № 2 в Кабардинском парке.

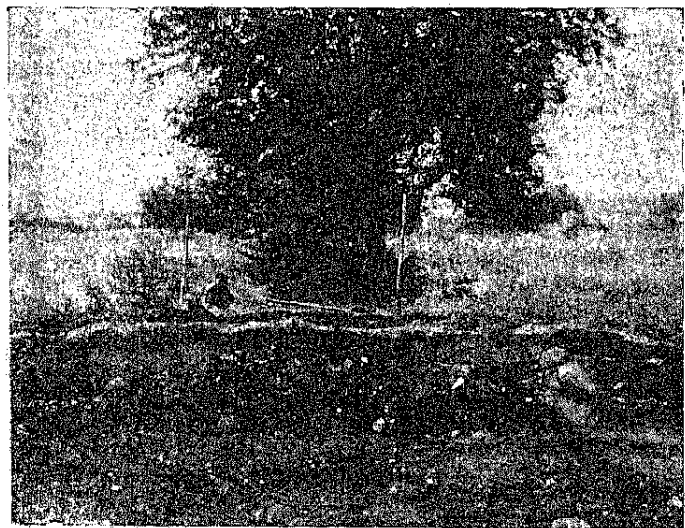

Рис. 9. Обрез кургана № 2 в Кабардинском парке по линии К. Завал центральной ямы булыжником.

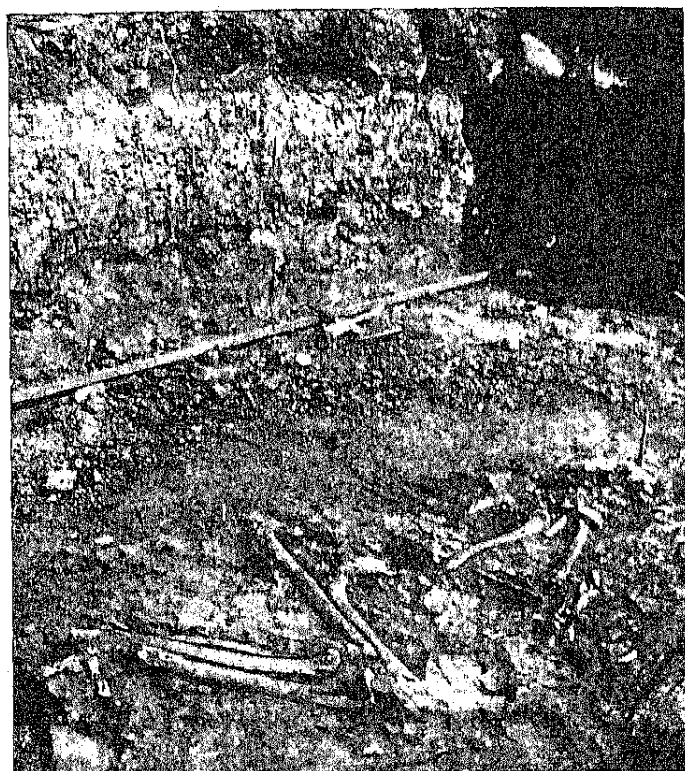

Рис. 8. Погребение № 4, курган № 2 после расчистки.

Рис. 10. Булыжная обкладка погребения № 4 кургана № 2 в Кабардинском парке.

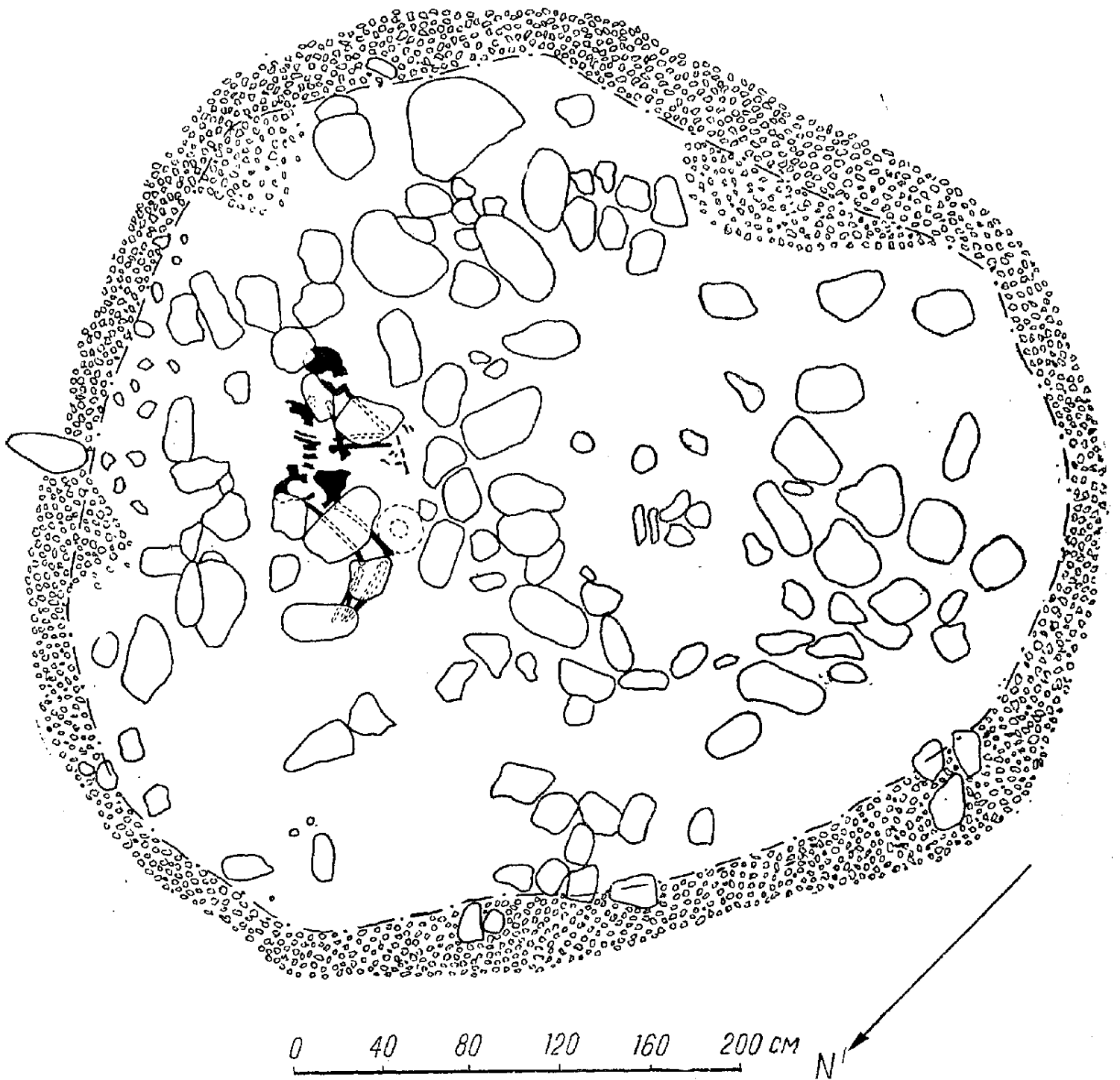

Рис. 11. Чертеж расчищенной обкладки погребения № 4 кургана № 2 в Кабардинском парке.

Погребение № 4 — центральное (рис. 7 и 8). Костяк лежит на естественном щебне (галечнике), в скорченном положении на левом боку, головой на СЗ (48° зап. азимута) почти на нулевом уровне ($+2.5$ см), от поверхности кургана на глубине 99—100 см. Могильная яма просторная, ок. 5×4 м, с неясно выраженными стенками, заполненная булыжником до высоты $+60$ — 65 см от 0 (рис. 9); дно ямы лежит на уровне -46.5 в небольшой выемке галечного материка. Самое погребение также было покрыто слоем камней, которые раздавили большую часть костей (рис. 10 и 11). Часть мелких костей

(ручные, ребра, зубы) растащены грызунами. Большие берцовые и частично бедренные кости густо окрашены в красный цвет; земля также интенсивно окрашена у колен, под газом и под черепом (образцы земли взяты); кроме того при костяке находились 2 кусочка мела.

Могильный инвентарь (рис. 12)

- а) Миска глиняная глубокая с 2 горизонтальными ручками на одной стороне (диам. венчика 18.4 см, диам. дна 9.3 см, выс. 10.3 см). Найдена у самого колена костяка с остатками в ней костей мелкого рогатого скота. Передана в 1932 г. в музей г. Нальчика (табл. V, 1).
- б) Подвеска медная от ожерелья в виде стер-

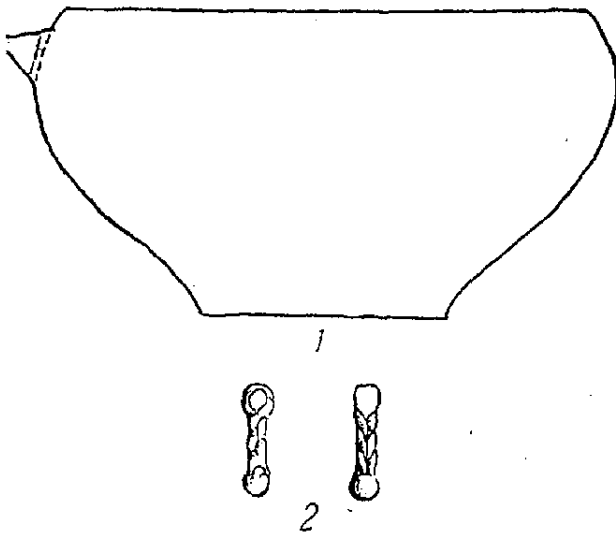

Рис. 12. Инвентарь погребения № 4 кургана № 2 в Кабардинском парке.
1 — миска с двумя ручками; 2 — медная подвеска.

женька, как бы свитого из нескольких прядей, с петелькой на верхнем конце и округлым утолщением на нижнем (дл. общая 1.4 см, толщ. стержня 3×2 мм, головки 4 мм). Найдена вне непосредственного труположения (ниже его ног), среди камней, перекрывающих костяк, в виду чего нет уверенности в принадлежности ее погребальному инвентарю именно данного захоронения (рис. 12, 2). Кроме того, среди камней обкладки костяка было найдено: 3 кремневых отщепы, 2 фрагмента стенок и 1 ручка от разных сосудов и мелкие неопределенные осколки костей.

Погребение № 1. Костяк лежит почти на том же уровне (+9.5 см), но в среднем слое бурого суглинка, в нижней его части, непосредственно на слое насыпной щебенки, разграничивающем бурый слой от внутреннего

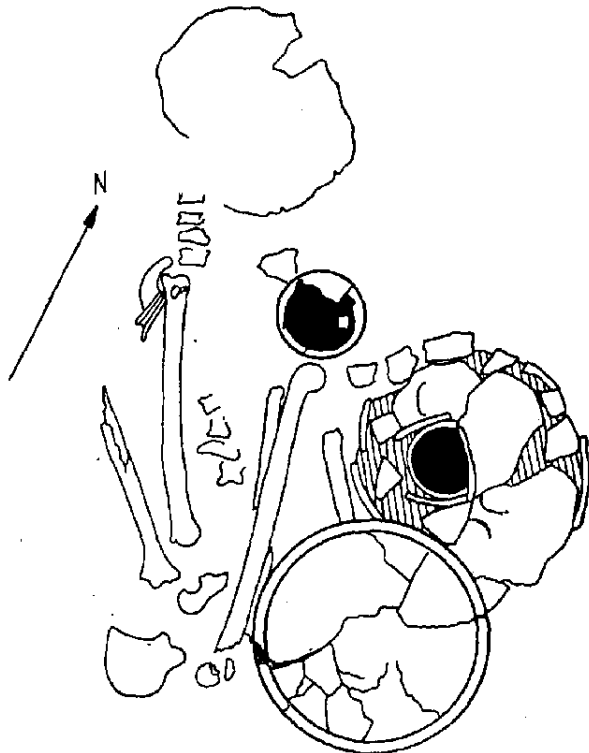

Рис. 13. Чертеж погребения № 1 кургана № 2 в Кабардинском парке. (Масштаб 1:10).

сегмента; глубина залегания костяка (по вертикали) была ок. 80 см, насколько можно судить при поврежденной поверхности кургана над этим погребением. Могильная яма неразличима. Костяк лежит на щебенкистом грунте, в чрезвычайно скорченном положении на левом боку, головой на С, под слоем валунов, один из которых раздавил череп (рис. 13), верхняя валунная обкладка над погребением № 1 уничтожена, так что о древнем состоянии судить невозможно, но в обресе виден каменный завал, образующий подобие ямы, заполненной валунами (разрез по линии Г у пикета 57 (рис. 14). Обнаружено присутствие в погребении красной краски, но не сплошным окрашиванием, а в виде отдельных комков красной охры; кости носят следы окрашивания лишь местами. Сохранность костей плохая. Обращает внимание исключительная степень скорченности костяка — угол между бедренными костями и осью туловища (от шейных позвонков до тазовых костей) не превышает 10° , что почти невозможно ни для живого, ни для мертвого тела.

Могильный инвентарь (рис. 15 и 16)

Могильный инвентарь погребения № 1 является самым богатым из всех четырех.

а) Миска глиняная плоская, неправильной формы (диам. венчика 24.4 см, диам. дна 10.3 см, выс. 6.9—6.1 см), украшенная косыми неправильными заплатами по наружному ребру венчика. Цвет грязно-бурый, местами розоватый. Найдена у таза костяка. Передана в музей г. Нальчика (табл. IV, 1).

б) Горшок глиняный с 2 ручками (диам. венчика 12.7 см, диам. дна 6.3 см, наиб. диам. 19.4 см, выс. 19.2 см), украшенный 2 группами (по 3) налепных шишечек по плечикам между ручками (на высоте 14.3 см от дна). Найден возле предыдущего около кистей рук. Передан в Нальчикский музей (табл. IV, 2).

в) Чашка глиняная неправильной формы (диам. венчика 8.1 см, диам. дна 5.6 см, наиб. диам. 8.7 см., выс. 6.7 см), украшенная поясом налепных шишечек по наибольшему диаметру, высота от дна 3.6 см (табл. IV, 3). Найдена в целом виде вставленной в горло предыдущего сосуда (рис. 17). Цвет грязно-охряный. На горле следы дорожчатого лощения. Передана в Нальчикский музей.

г) Небольшой сосудик глиняный с 2 ручками и узким отверстием, совсем без горла (диам. венчика 2.8 см, диам. дна 4.1 см, наиб. диам. под ручками 9 см, выс. 8.7 см), украшенный штамповым орнаментом. Цвет грязно-охряный с темными пятнами. Найден в раздав-

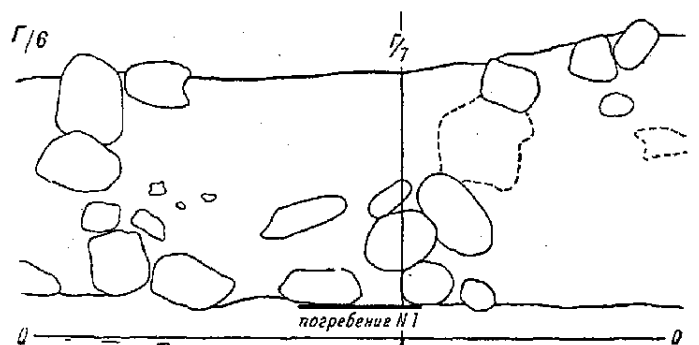

Рис. 14. Обрез кургана № 2 в Кабардинском парке по линии Г. Завал ямы погребения № 1 булыжником.

Рис. 15. Погребение № 1 кургана № 2 после расчистки.

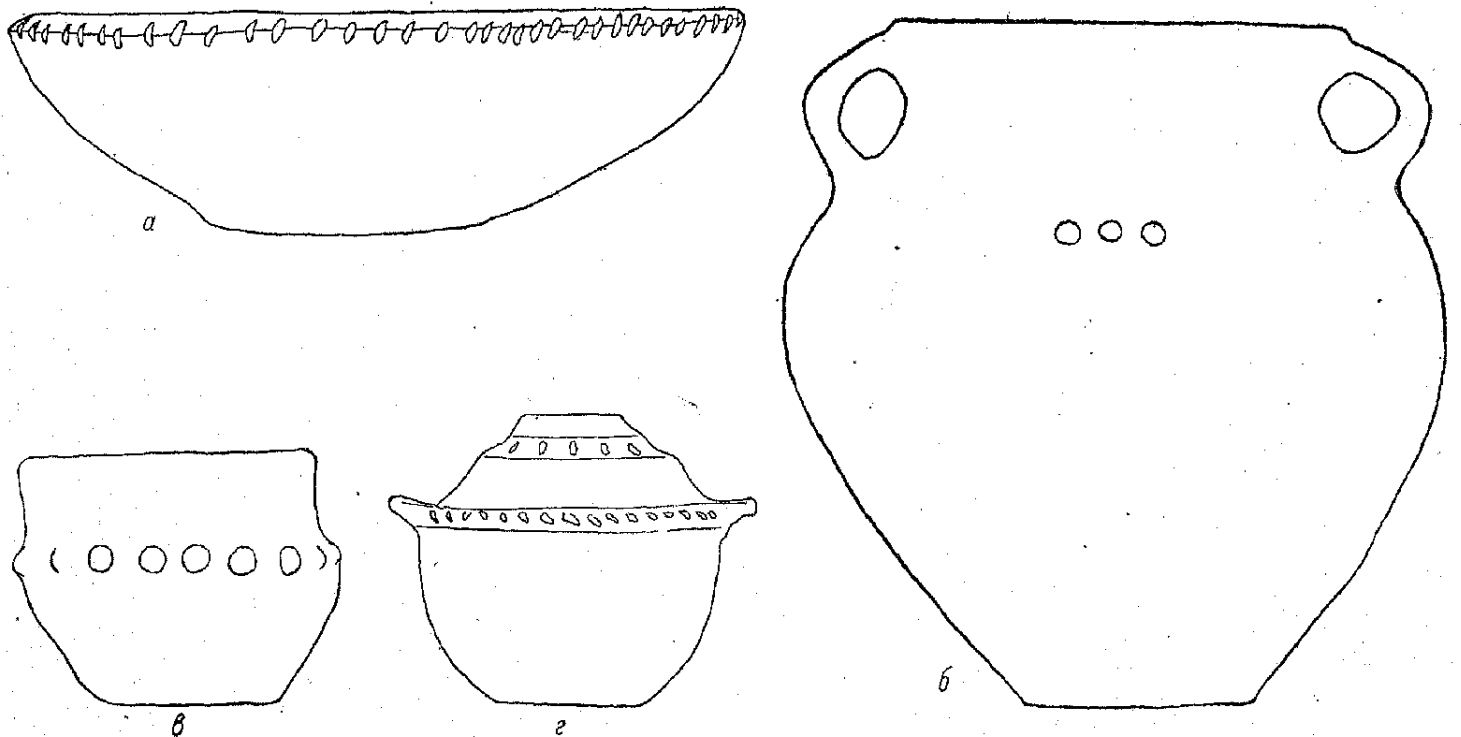

Рис. 16. Инвентарь погребения № 1 кургана № 2 в Кабардинском парке.

а — миска-блюдо для пищи; *б* — горшок для питья с двумя ручками; *в* — чашка-арпак; *г* — сосудик неопределенного назначения (флакон?).

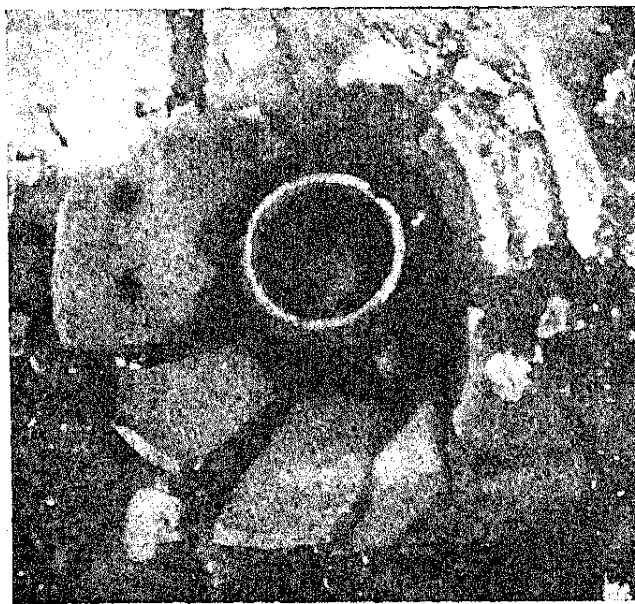

Рис. 17. Расчищенная керамика при погребении № 1 кургана № 2 (а: чашка-черпак в) вставленная внутрь раздавленного горшка б).

ленном виде перед лицом костяка. Передан в Нальчикский музей (табл. IV, 4).

Погребение № 2. Помещено в западном направлении от центрального на уровне +35.5 см в буром суглинистом слое (рис. 18). Костяк далеко не полный; можно различить лишь кости согнутых в колене ног со следами тазовых костей у бедренного эпифиза, т. е. нижнюю половину скорченного костяка, голова которого приходилась, повидимому, на восток. Кости лежали на слое насыпной щебенки со следами нарушения верхней валунной обкладки над погребением (см. разрез по линии между пик. 14—15). Сохранность костей очень плохая. При найденной части костяка не было обнаружено никакого инвентаря.

Погребение № 3. Расположено также в буром суглинистом слое, в 2 приблизительно метра к ЮВ от центрального погребения, на уровне +50.5 см (рис. 19). От костяка очень

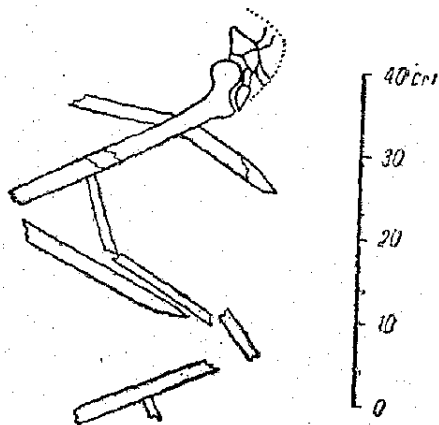

Рис. 18. Чертеж погребения № 2 кургана № 2 в Кабардинском парке.

плохой сохранности осталось раздробленный череп (ориентация лица неразличима), обломок верхней челюсти, плечевая и локтевая кости, 2 ребра, обе бедренные и остатки берцовых костей; расстояние бедренных эпифизов от черепа ок. 65—70 см, нормальное для человека среднего роста, позволяет считать положение костяка ненарушенным и, по направлению бедренных костей, определить его как скорченное на правом боку и головой к С. Понижение верхней валунной обкладки в могилу погребения № 3 на обресе не обнаруживается. Инвентарь состоял из 1 кремневого орудия, типа вкладыша (назначение не вполне ясно), найденного в области груди (рис. 20, описание см. ниже, стр. 234) и 1 отщепы обсидиана выше предполагаемого таза.

Вся совокупность данных о кургане № 2 характеризует его как относительно сложный памятник. Если однородность обряда погребения и характер погребального инвентаря в захоронениях, поддающихся анализу, свидетельствует как будто об одновременности их, то конструкция курганной насыпи, распределение в ней захоронений и конкретные детали археологической обстановки ставят под сомнение реально-хронологическую одновременность, а может быть даже и полную синстациональность всех захоронений, да и самой курганной насыпи. Резкая отграниченность слоев II и III, состоящих вдобавок из совер-

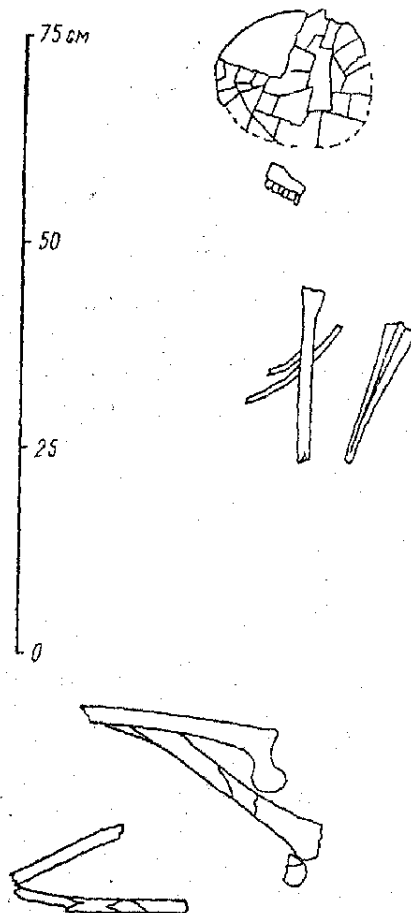

Рис. 19. Чертеж погребения № 3 кургана № 2 в Кабардинском парке.

шенно различных исходных материалов (при суглинистом же грунте внутреннего сегмента (I), в свою очередь, укрепленного гравием и щебневой обкладкой), не может быть объяснена необходимостью плотного, водонепроницаемого покрытия центрального погребения, как это имеет место в курганах с песчаной или супесчаной надмогильной засыпью. Такая конструкция кургана, при распределении одного центрального погребения во внутреннем сегменте, а остальных в буро-суглинистом слое, вполне допускает трактовку этого внутреннего щебенистого сегмента как самостоятельного первичного кургана, впоследствии надсыпанного бурым суглинком и укрепленного по новой поверхности слоем валунов. Такое одновременное сооружение кургана не составляет чего-либо исключительного в кавказской археологии. В качестве примеров можно указать на любопытный

заметным понижением гумусного слоя над ямой (но без нарушения профиля вершины) вряд ли могут быть объяснены иначе, чем впускным характером погребения № 4. Добавочное подтверждение этого обстоятельства можно найти и в наличии вышеуказанных скоплений раздробленных человеческих костей, и в обилии керамических остатков, присутствие которых в курганной насыпи (только в верхних слоях) находит удовлетворительное объяснение лишь в качестве остатков первичных погребений, разрушенных впускными. Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что могильная яма под этим погребением непомерно велика для него и его скудного инвентаря (рис. 11); не лишено вероятия, что яма осталась от первичного захоронения (или захоронений). Совершенно иную картину представляют погребения № 2 и № 3: ни каменные завалы над могильной

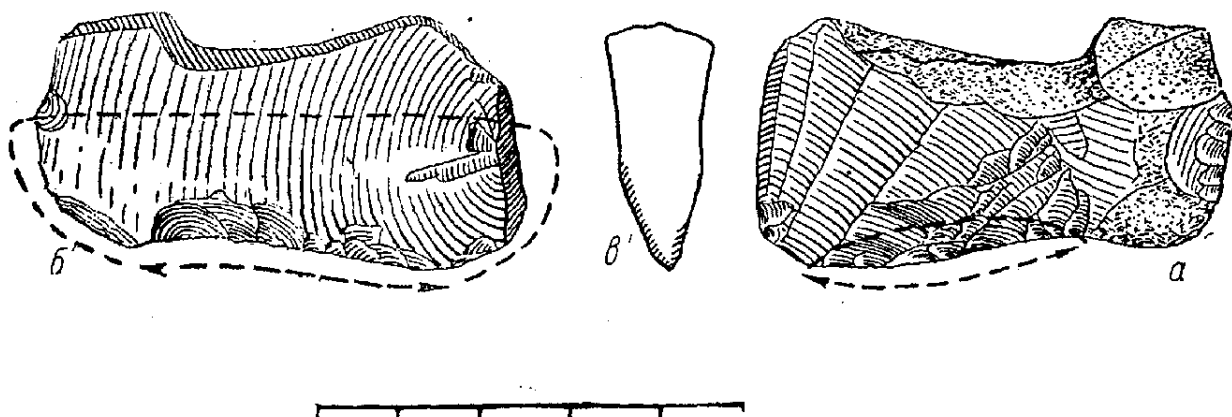

Рис. 20. Кремневое орудие из погребения № 3 кургана № 2 в Кабардинском парке.

курган возле аула Хатажукаевского на р. Уль, раскопанный Н. И. Веселовским в 1905 г.;¹ курган № 8 у ст. Келермесской «насыпан был дважды»,² а курган «Большой» № 10 у ст. Петропавловской подсыпался четыре раза по мере увеличения числа погребений.³

С другой стороны, понижение валунного слоя в могильную яму погребения № 1, по видимому, характеризует его как вторичное после сооружения буро-суглинистой обкладки с валунами. Самое любопытное то обстоятельство, что и центральное погребение № 4 представляет характерную картину вторичного погребения, впущенного с вершины кургана сквозь все слои, начиная с дерново-гумусного слоя, через валунную обкладку, буро-суглинистую засыпь, щебневую обкладку и внутренний сегмент прямо в галечный материк. Каменная засыпь, ясно видная в обрезах по линии К и на фотоснимке (рис. 9), вместе с

ямой, ни понижение валунного и гумусного слоев, ни какие-либо иные признаки не показывают вторичного характера захоронений по отношению к насыпи. Как выше указывалось, костяк № 3 можно считать не потревоженным, а неполнота костяка № 2 находит убедительное разъяснение в том, что верхняя половина его была разрушена при рытье ямы для впускного погребения № 4. Расположение каменного завала над этим погребением тянется именно в направлении от остатков погребения № 2. В таком случае пятно размельченных костей под лит. Ц должно представлять именно остатки костяка № 2, косвенным подкреплением чего является и состав этого пятна, все различимые кости которого принадлежат верхней половине скелета. Второе костное пятно (под лит. Ю. в кв. ЗИ-7,8) над валунной обкладкой кургана представляется выбросом из первичного центрального захоронения во внутреннем сегменте, разрушенного впускным погребением № 4.

В конечном итоге история сооружения кургана № 2 представляется как бы трехступенной: прежде всего был сооружен неболь-

¹ ОАК, 1905, стр. 72.

² ОАК, 1904, стр. 97.

³ ОАК, 1907, стр. 89.

шой щебенистый курган ок. 6 м в диаметре и ок. 1 м вышиной для одного захоронения, остатки которого можно усмотреть в костном пятне и в некоторой доле керамической и кремневой индустрии, рассеянной в верхних слоях кургана; через известный промежуток времени было добавлено два (а может быть и больше) захоронения, положенные без разрушения первичного кургана на его щебенное покрытие (погребения № 2 и № 3), после чего курган был надсыпан бурым суглинком, обложен валунами, а может быть и верхним слоем, ныне превратившимся в гумус; третьей фазой явилось впускное погребение № 1, которое уже прорезало толщу кургана вертикальной ямой с валунной засыпью до самого галечного материка. Последним захоронением, по всем признакам, надо считать № 4, которое уже разрушило погребения: центральное, по видимому № 2, а может быть и иные, перемешало остатки их костяков и могильного инвентаря с грунтом насыпи, а глубокая могильная яма была также завалена валунами из обкладки или добавочными, причем поверхность кургана была уравнена. Судя по состоянию выброшенных из первичных могил костей, потерявших к этому времени между собою связь и раздробленных в мелкие осколки, можно со значительной вероятностью предположить, что впуск погребения № 4 отделен от первичных захоронений достаточным периодом времени. При этом, конечно, не исключается возможность, что та или иная часть инвентаря, насыщающего курганную насыпь, попала в нее одновременно с любой из трех ее ступеней по обряду погребения.

Наиболее вероятным, исходя из обстановки раскопчного исследования, представляется, что подобными остатками более древних разрушенных захоронений является бронзовая подвеска 81-151 у погребения № 4, ручка сосуда оттуда же и фрагменты орнаментированной керамики в насыпи (лит. А и С); это положение подкрепляется и морфологическим анализом самих предметов.

Не вполне ясным представляется значительное скопление керамических фрагментов в районе кв. БВ—7,8 и остатки сосуда лит. З в районе пик. Б/4; их залегание, как указывалось выше, не дает оснований связывать их ни с погребением № 1, ни с каким-либо из разрушенных. Наиболее вероятным кажется предположение, что эти остатки являются следами какого-либо обряда поминальной тризны, о чем говорит и то обстоятельство, что под керамическим скоплением Г (между пик. Б8—В8) прослежено пятно грунта совершенно отличного от бурого суглинистого — почти черного (мяткого и весьма жирного), лежащего слоем в 15—20 см на галечно-гравиевой подстилке. Для относительной хронологии и отнесения этих «поминальных» остатков к более древней или более поздней группе захоронений

обстановка раскопа не дает никаких данных, и вопрос должен быть решен анализом керамики.

КУРГАН № 4

Курган этот расположен на той же террасе в расстоянии ок. 1 км от предыдущего к ЮЮЗ, над местом начатого постройкой в том же 1930 г. большого стадиона. Производил

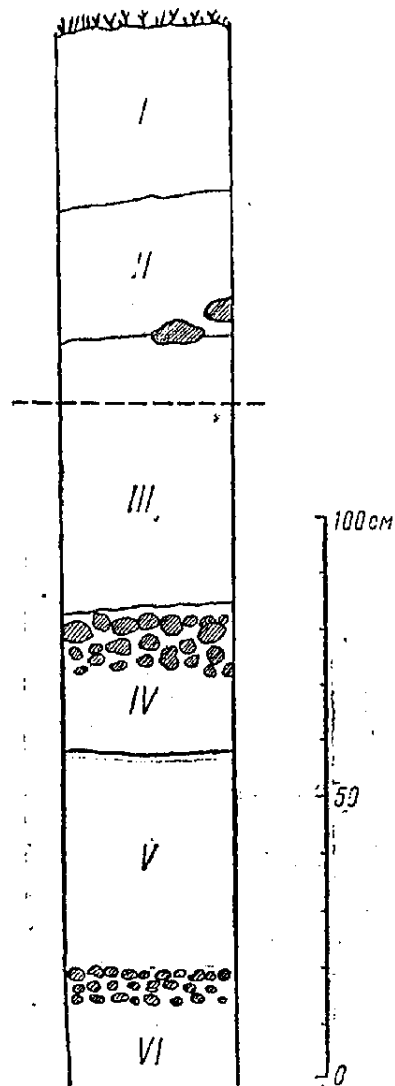

Рис. 22. Разрез слоев в северной поле кургана № 4 в Кабардинском парке. I — почвенный слой (гумус); II — мешанный грунт; III — бурый суглинок; IV — прослойка камня, под ней галечник, затем желтый суглинок; V — супесь; VI — речной галечник, ниже чистый песок.

работы Б. Е. Деген в сотрудничестве с Б. Б. Пиотровским. Рабочих было занято до 9 человек. Работа производилась с 23 IX по 5 X 1930 г. (10 рабочих дней). Диаметр кургана 12—15 м, высота 1 м от современной поверхности почвы и ок. 1.7 м от материкового галечника (см. свитку нетронутых почвенных слоев у одного из крайних шпикетов кургана — рис. 22).

Раскопка производилась с применением обычной в Северо-Кавказской экспедиции ме-

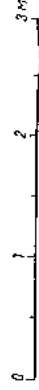
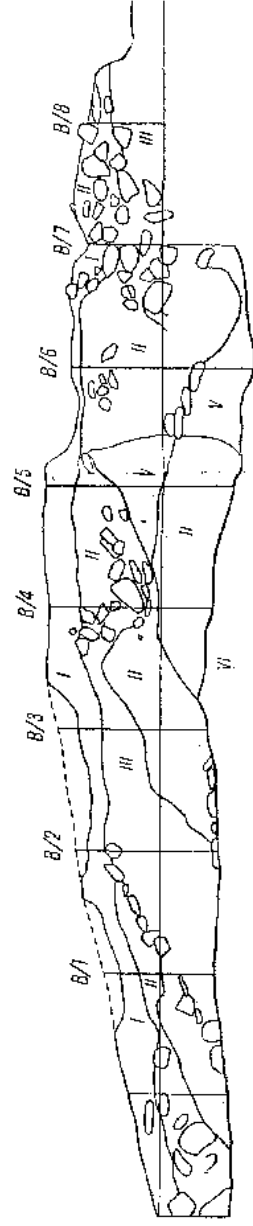
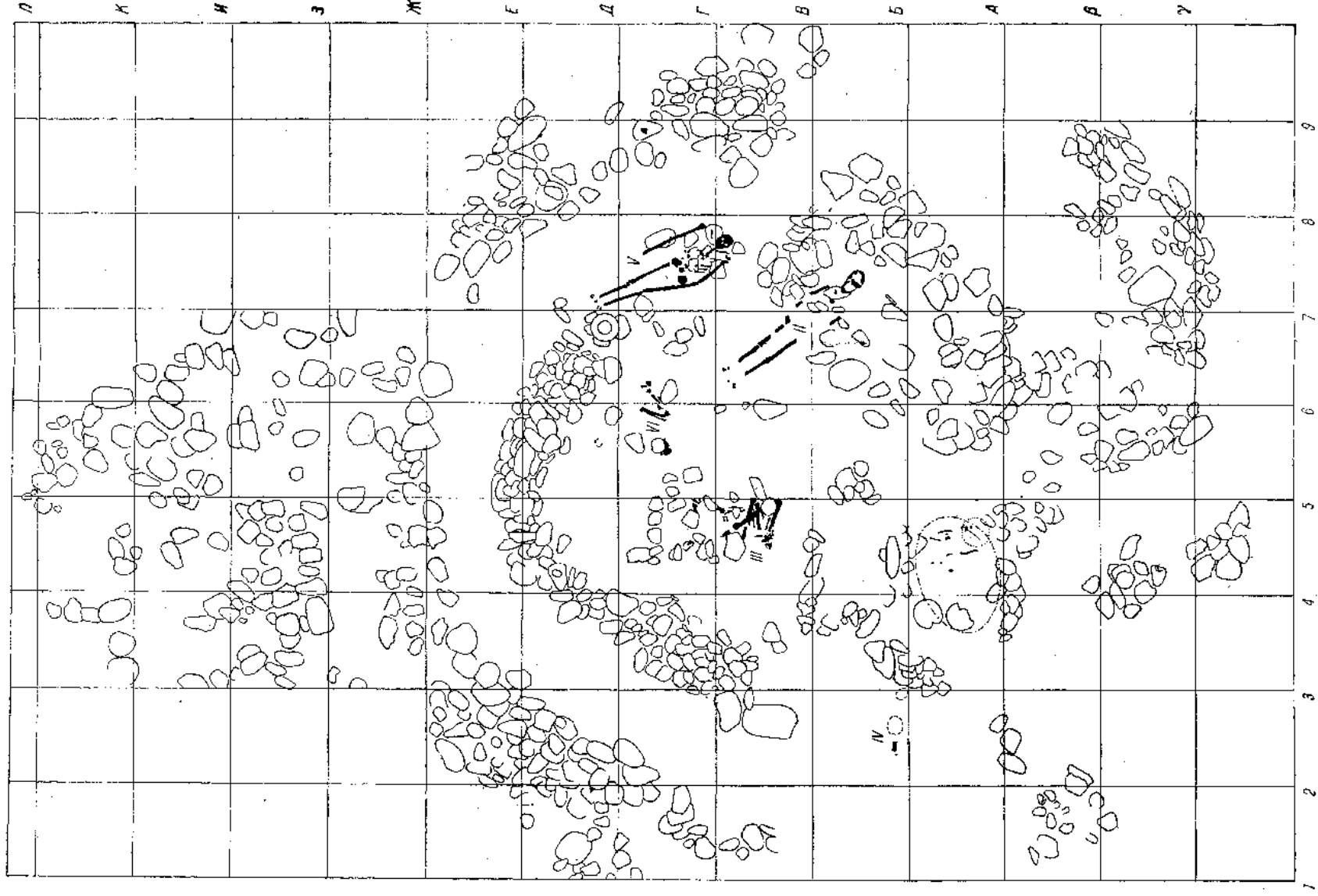

Рис. 21

1 — план раскопа кургана № 2 и близлежащим восток (сторона направления — Ю), 2 — профили в разрезе кургана № 4 и в плане В. А. Писневский (по В. В. Винограду), 3. Малый курган, 4. Средний курган, 5. Большой курган, 6. Курган № 1, 7. Курган № 2, 8. Курган № 3, 9. Курган № 4.

Рис. 23. Обрез кургана № 4 в Кабардинском парке по линии В.

тодики, лишь поврежденная пола кургана была отрезана сразу по линии А (рис. 21). Однако на первых же порах выяснившаяся необычная сложность каменной обкладки кургана заставила не только растрассировать и нанести на план отрезанную юго-западную полу, но и несколько отступить от обычного порядка ведения исследования: впредь до постепенного продвижения раскопа, поверхность кургана была очищена от дернового слоя в целях открытия булыжной обкладки и выяснения ее структуры. В отличие от кургана № 2 и других известных экспедиции одновременных курганов, каменная обкладка кургана № 4 не перекрывает всей его поверхности сплошным куполообразным слоем булыжника, а образует ряд концентрических кругов. Эта концентричность оказалась значительно нарушенной в южной половине кургана последующими древними и новыми повреждениями, но совершенно ясно фиксируется в северной половине после зачистки дернового слоя на четырехметровой полосе между линиями 3—7 от Ж—Л. Указанные круги булыжной обкладки не лежат плоско на поверхности, но опускаются до подошвы кургана, что ясно видно в юбрезе по линии В (рис. 21 и 23), образуя как бы ряд концентрических конусовидных слоев с большей крутизной «образующей», чем поверхность кургана. Ясно устанавливаются три таких конусовидных кольца, но на самой периферии, возможно, есть еще 1 или 2 добавочных круга. В просветах между кольцами под дерновым слоем местами прослежено значительное уплотнение грунта, питающее предположение, не вполне доказанное, о применении в курганном сооружении глинистой заливки для укрепления поверхности; особенно заметно это уплотнение на тех участках, где она ложится не на суглинистые, а на супесчаные грунты (разрез на рис. 21 у шик. В5). Пестрота материала курганной насыпи и отсутствие какой-либо очевидной последовательности в распределении песчаных и глинистых грунтов в самых различ-

ных соотношениях значительно затрудняло исследование, тем более, что разъяснение этого стратиграфического «беспорядка» поступило лишь к концу работ.

Насыщенность курганной насыпи археологическими остатками значительно меньшая, чем в кургане № 2, и большая часть разрозненных находок, не увязывающихся с тем или иным захоронением, локализуется преимущественно в верхних почвенных слоях курганного покрытия; распределение находок по площади насыпи также неравномерное.

Описание погребений

Работами 1930 г. вскрыто и зарегистрировано в кургане № 4 шесть погребений, но в состоянии значительного нарушения первичной структуры кургана. При этом вполне вероятно, что два неполных захоронения совмещаются с другими, так что общее их число сокращается до четырех (опись находок под шифром 141).

Погребение № 3 (центральное). Костяк лежит почти в центре внутреннего круга каменной обкладки, очень неглубоко — непосредственно под покрывающим поверхность слоем булыжников, при расчистке которых и обнаружено погребение. Могильная яма не прослеживается. Положение скорченное на левом боку, позвоночником по линии СВ—ЮЗ (головой к СВ). Сохранность костей очень пло-

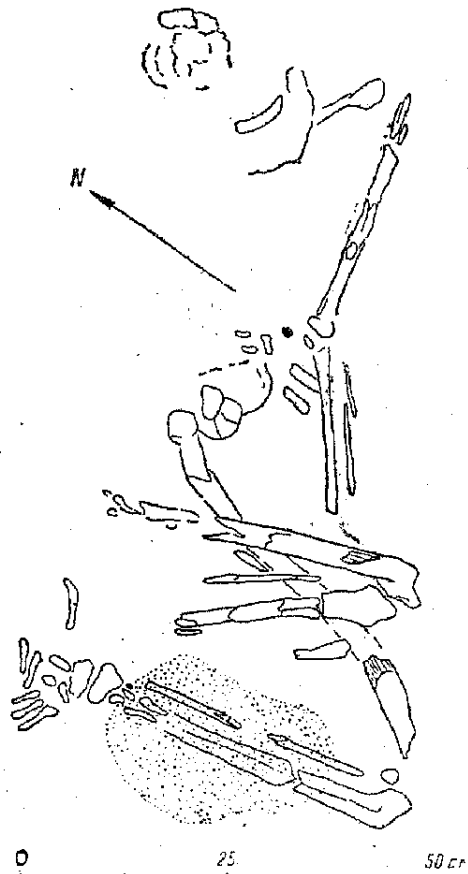

Рис. 24. Чертеж погребения № 3 кургана № 4 в Кабардинском парке.

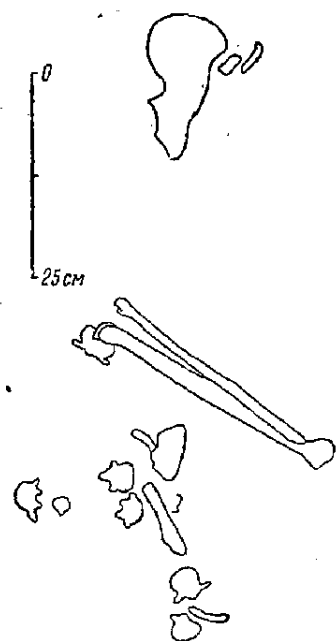

Рис. 25. Чертеж погребения № 6 кургана № 4 в Кабардинском парке.

хая — они почти не отделялись от суглинистого грунта с «заливкой» и не поддавались расчистке даже кистью. Состав костяка, насколько можно было судить при такой сохранности, как будто не полный — не обнаружено костей плечевого пояса, туловища, таза и одной руки. Инвентаря при погребении не оказалось. Над костями левой голени небольшое угольное пятно (рис. 24).

Погребение № 6. Расположено также во внутреннем кольце, поблизости от предыдущего погребения № 3, но в самых низких слоях (отметка — 55 см от нулевой линии). Могильной ямы не прослеживается, но перемешанность грунтовых слоев весьма значительная. От костяка, лежащего в рыхлой супеси, обнаружены лишь кости одной руки, не менее 7 позвонков, обломки ребер, обломки лопатки и тазовые кости, разделенные промежутком ок. 35 см (рис. 25). Картина разрушенного погребения, причем бросается в глаза то обстоятельство, что погребение № 6 со-

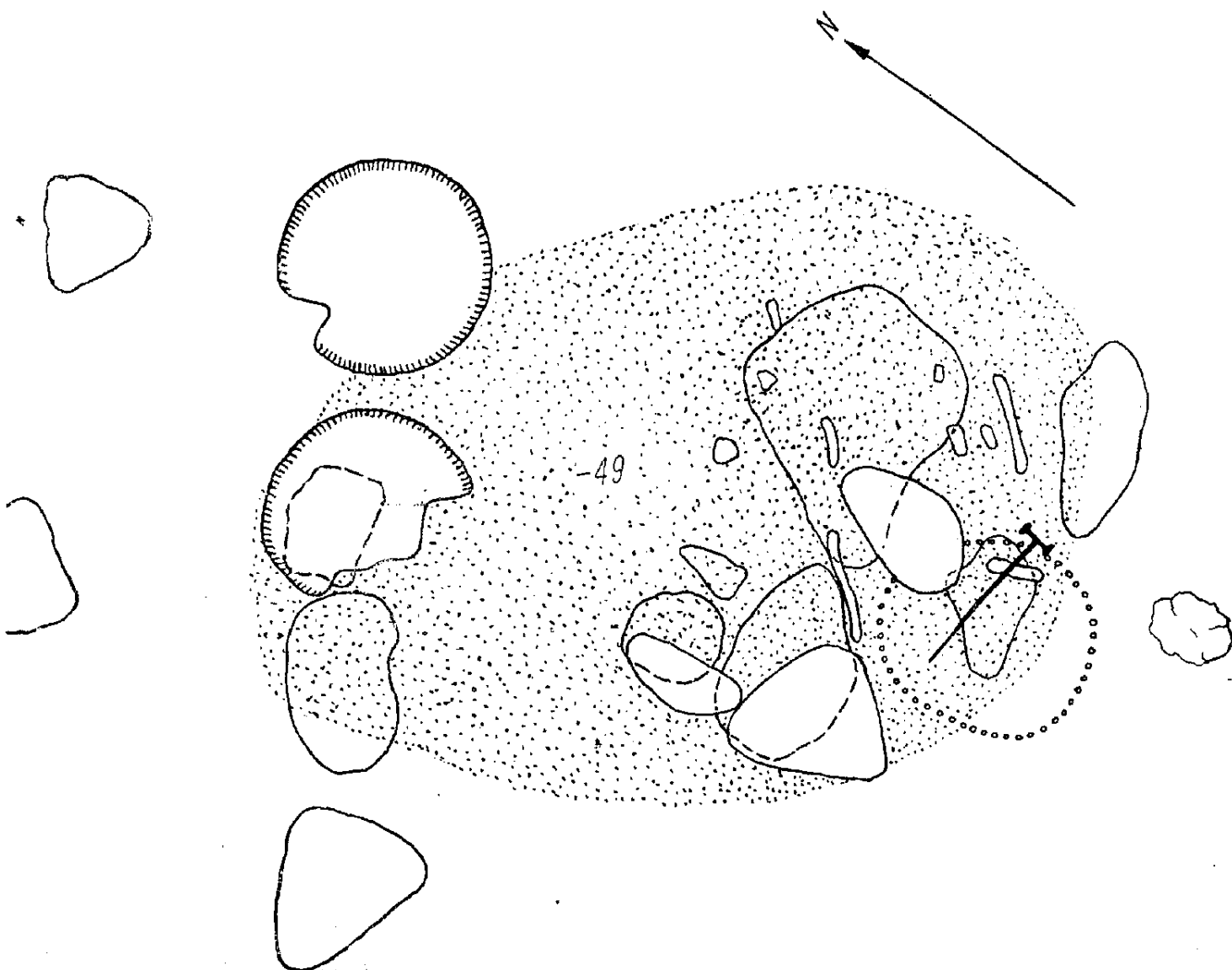

Рис. 26. Чертеж погребения № 1 кургана № 4 в Кабардинском парке. (Масштаб 1:10).

стоит как раз из костей, недостающих в погребении № 3. Инвентарь отсутствует, лишь в районе погребения на разных высотах найдено 1 кремневое орудие, кремневый отщеп и 2 маленьких керамических фрагмента.

Погребение № 1. Расположено к ЮЗ от центра кургана на глубине 40—50 см от нулевой линии под внутренней из кольцевых выкладок, но под самым погребением камни отсутствуют и вообще выкладка с этой стороны сильно нарушена. Сохранность костей плохая и состав костяка весьма неполон: более или менее различаются лишь бесформенные фрагменты черепной коробки, ключица, несколько позвонков, трохантер бедра и несколько неопределенных костей; однако расположение этих немногих костных остатков и найденный при них инвентарь более или менее соответствует естественному их месту при положении скорченного костяка на левом боку позвоночником на СЮ (голова к Ю). Под, а частично и над костяком несколько более или менее плоских камней; костяк лежал на кострище в виде овального пятна (130×85 см) со следами золы и мелких угольков (рис. 26). Могильная яма не выражена, но отмечена бесформенным понижением валунной обкладки внутрь кургана (см. обрез у пик. В4—В5, рис. 21 и 22).

Могильный инвентарь

А. Глиняная миска плоская (диам. венчика 34 см, диам. дна 11 см, выс. 9,8 см), украшенная по четырем сторонам борта рядами наклепных шишечек по 6—8 штук в каждой группе; одновременно эти ряды шишечек служат подобием ручек, удобных для захвата горячего или полного блюда. Цвет ровный светлоохряный, поверхность лощеная полосками (табл. VII, 1). При допущении вышеописанного положения костяка сосуд приходился бы где-нибудь у колен. В миске найдены: кремневый отщеп, 2 кусочка мела и несколько фрагментов костей (мелкий рогатый скот). Передана в 1932 г. в музей г. Нальчика.

Б. Глиняный горшок с 2 ручками (диам. венчика 16 см, диам. дна 10 см, наиб. диам. 27,5 см), без всяких украшений. Цвет серо-охряный, неровный, поверхность сохраняет следы лощения. Найден рядом с предыдущим сосудом (табл. VII, 2).

В. Медная булавка с поперечной катушковидной перекладной в виде головки и несколькими витками по стержню (дл. всей булавки 24 см, «катушки» 5,5 см, толщ. стержня у перекладки 6 мм) (рис. 28, 1). Найдена в области шеи или груди. Передана в музей г. Нальчика.

Г. Головка от медной булавки меньшего размера в виде плоской двусторонней волюты (наиб. шир. 2,7 см, наиб. выс. 2,1 см, толщ. 2 мм). Различно основание отломанного стержня. Сломана на две неравные части (рис. 28, 2, табл. VII, 3). Найдена возле предыдущей. Покрыта зеленой патиной.

Д. Медные бусы (13 штук) цилиндрической и бочкообразной формы (диам. от 6 до 10 мм, ширина ободка 3,5—6,5 мм) (рис. 28, 4; табл. VII, 4).

Е. Медная проволока спиральная, неправильной формы (дл. 6 мм, диам. ок. 5 мм) (рис. 28, 4; табл. VII, 4).

Ж. Бусы белой пасты (22 шт.) простой цилиндрической формы (дл. 6—16 мм, диам. ок. 3,5—4,5 мм) (рис. 28, 5; табл. VII, 5).

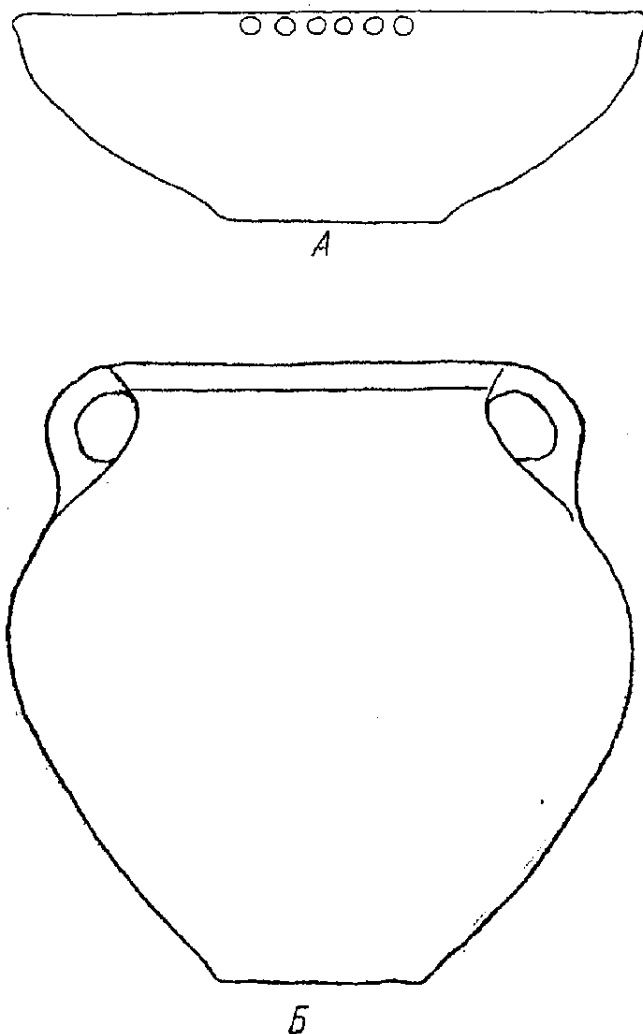

Рис. 27. Керамика из погребения № 1 кургана № 4 в Кабардинском парке.

А — миска с четырьмя группами шишечек-захватов; Б — горшок с двумя ручками.

З. Бусина белой пасты чечевицеобразной формы (дл. 7 мм, толщ. 3 мм) (рис. 28, 6; табл. VII, 5).

И. Бусина стекловидной пасты эллипсоидной формы (дл. 7 мм, толщ. 5 мм) (рис. 28, 6, табл. VII, 5).

Все бусы (Д—И) найдены возле остатков черепа около шеи на площади ок. 25×30 см (рис. 26).

В добавление к предметам, бесспорно составляющим инвентарь погребения № 1, следует здесь же учесть находку в непосредственной близости (кв. А2—Б3) каменного топора или молотка, непосредственная связь которого с погребением № 1 не документируется. Топор-молоток из твердой пористой (вулканической) породы, грубо обработанный (дл. 8,1 см, наиб. шир. 4,6 см, толщ. ок. 4 см), со слегка выдолбленной на одной из поверхностей впадиной на том месте, где бывает сверленное отверстие для рукоятки (рис. 28, 3в). В том же районе погребения № 1 найден и еще один предмет — каменная «гладилка», или «утюжок», представляющий удлиненную речную гальку, нижняя часть которой искусственно сточена наплоско (рис. 32, 9). Оба предмета переданы в музей г. Нальчика.

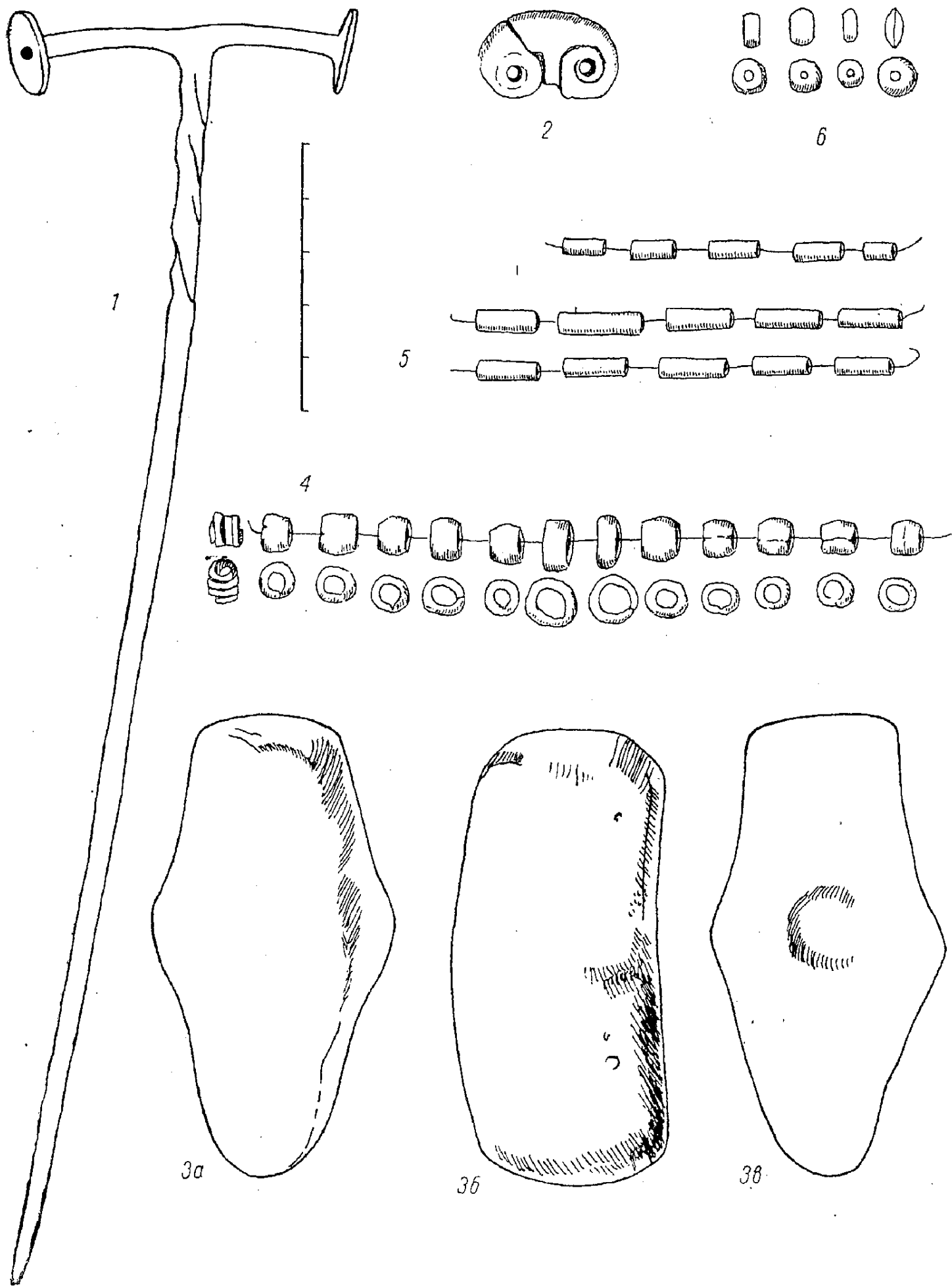

Рис. 28. Находки при погребении № 1 кургана № 4 в Кабардинском парке.
 1 — булавка медная; 2 — головка медной булавки; 3а, 3б, 3в — топор-молоток каменный (недоконченный); 4 — бусы медные гнутые, и проишь спиральная медная; 5 — бусы пастовые белые цилиндрические; 6 — бусы пастовые белые разных форм.

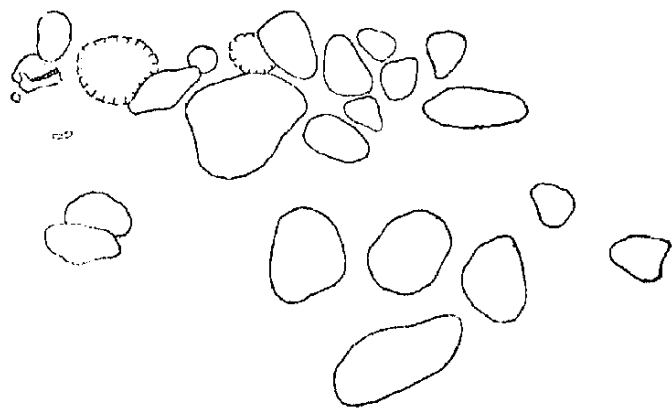

Рис. 29. Чертеж погребения № 4 кургана № 4 в Кабардинском парке.

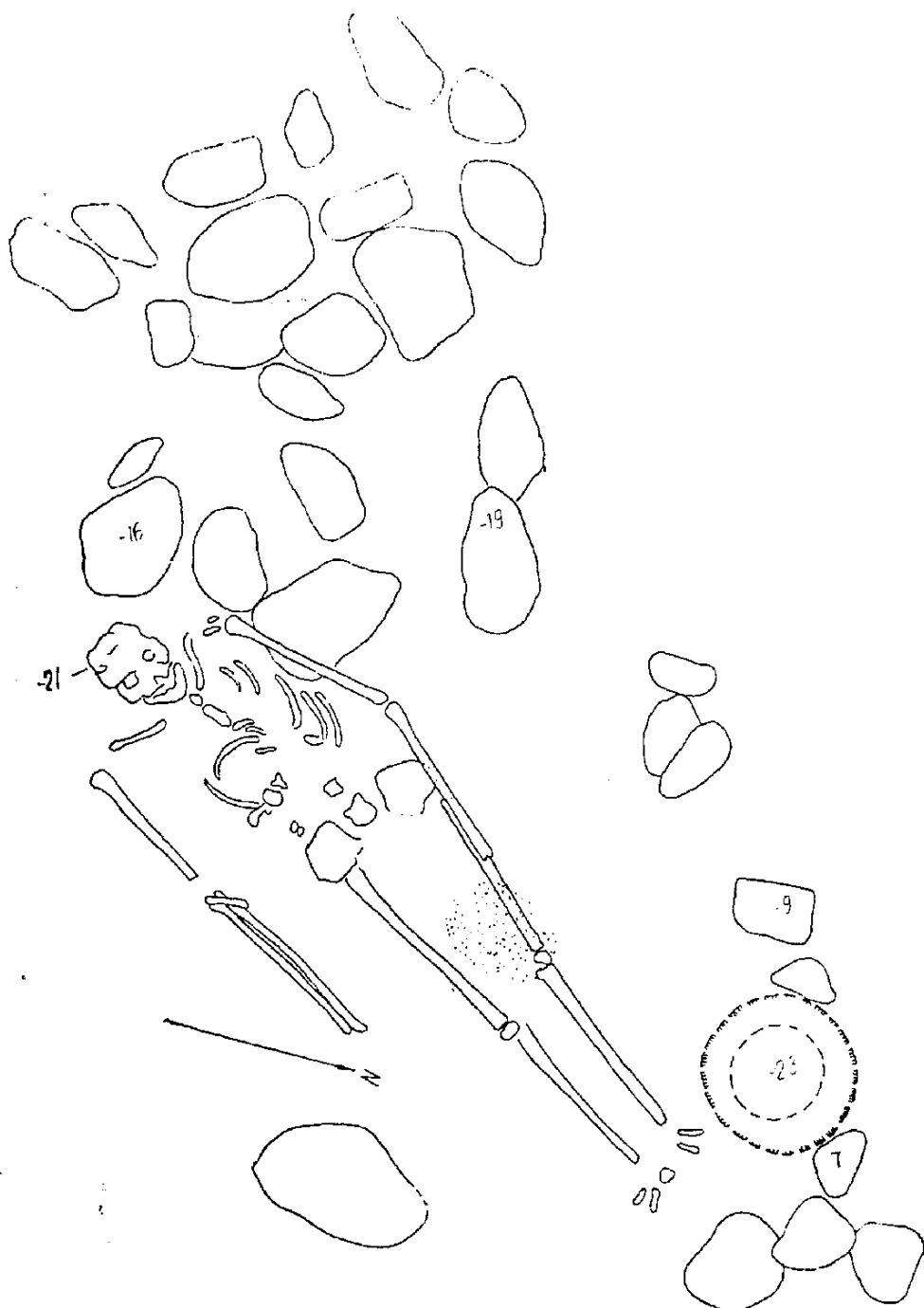

Рис. 30. Чертеж погребения № 2 кургана № 4 в Кабардинском парке. (Масштаб 1:15).

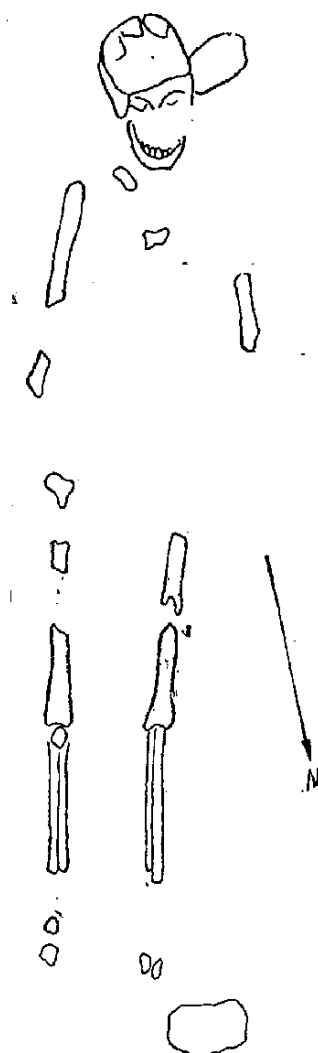

Рис. 31. Чертеж погребения № 5 кургана № 4 в Кабардинском парке. (Масштаб 1:15).

Погребение № 4. Под этим номером зарегистрированы костные остатки, состоящие из одной нижней челюсти и одной ладонной косточки. Залегание остатков на глубине 50 см, между камнями нижнего слоя (рис. 29).

Могильный инвентарь

А. Глиняный горшок небольшой (фрагментированный) с отбитым венчиком (диам. дна 8,4 см, наиб. диам. пучины 14,3 см, выс. до горла ок. 13 см); о наличии или отсутствии ручек судить нельзя. Цвет желто-серый, пятнистый, тесто грубое со включениями (табл. VIII, 1). Найден рядом с челюстью.

Б. Два фрагмента стенок с дном от небольшого сосуда (диам. дна 5,6 см, наиб. диам. 10,3 см), по видимому чашковидного типа. Верхний край затерт, так что венчик не различается, но, по видимому, он не выщелачивался значительно над сохранившимися краями (высота сохранившейся части 7,2 см). Цвет поверхностей и излома аспидно-серый. Тесто грубое, пористое, очень хрупкое и сильно выщелоченное, так что поверхность, бывшая гладкой, может быть, лощеной почти не сохранилась (табл. VIII, 2). Найден между камнями возле предыдущего.

При одинаковости уровней (от 40 до 50 см) и близости расположения к погребению № 1 и при том вдобавок, что остатки черепа в погребении № 1 лишены нижней челюсти, не исключена возможность, что и погребение № 4 не представляет отдельного захоронения, а является частью погребения № 1, теми или иными причинами перемещенной на расстояние выкида. С другой стороны, о самостоятельности этого погребения до известной степени говорит находка неподалеку от челюсти и прочего в мешаном грунте фрагментов стенок (до плечиков) с дном от большого горшка (диам. дна 10 см, наиб. диам. ок. 26 см) охристо-серого цвета, по профилю почти повторяющего горшок из погребения № 1 (табл. VIII, 3).

Погребение № 2. Размещено в юго-восточном отрезке внутреннего булыжного кольца, которое при этом, очевидно, было разрушено и камни на соответствующем протяжении удалены, что ясно видно на генеральном плане (рис. 21). Костяк, в отличие от всех предыдущих, лежит на спине в вытянутом ногами на С и головой на Ю положении, на незначительной глубине (—21 см от нулевой линии и —90 см от поверхности у пик. В7); могильная яма не прослеживается, каменного завала при костяке нет, если не считать нескольких отдельных камней, в непосредственной же близости расположены скопления крупных валунов, между которыми как бы вдвинуто захоронение.

Голова и корпус покойника лежали на несколько сантиметров выше, чем таз и ноги, вследствие чего верхняя часть костяка осунулась вперед и вправо.

Сохранность костей удовлетворительная, позволяющая установить комплектность костяка (не считая мелких костей конечностей) в совершенно непо потревоженном состоянии, но недостаточная для определения возраста и пола похороненного. Над левым коленом и бедрен-

ной костью небольшое (17×25 см) угольное пятно; под костяком также местами прослеживается кострище (рис. 30).

На костях следы окрасивания.

Могильный инвентарь

А. Глиняный горшок без ручек (диам. венчика 19 см, диам. дна 8,5 см, наиб. диам. 29,7 см, выс. 25,3 см), украшенный по плечикам заплатами и резным орнаментом (табл. VIII, 4 и XIX). Найден во фрагментированном состоянии в ногах костяка (слегка влево от левой ступни) между камнями (рис. 30).

Б. В непосредственной близости от захоронения (кв. Гб-Д7) в верхнем слое «заливки» найдены кусочки краски, 3 кремневых отщепов и комочек розового порошкообразного вещества, по видимому связанные с погребением.

Погребение № 5. Расположено рядом с предыдущим тем же способом; для положения костяка разобрана часть каменной кольцевой обкладки, но при этом камни, снятые с поверхности, пошли на заполнение могильной ямы, которая по этому признаку прослеживается в обресе у пик. В7 (рис. 21 и 22). Положение костяка такое же, как и у № 2, — вытянутое на спине в направлении с севера на юг (головой) с вытянутыми вдоль тела руками (рис. 31). Глубина залегания незначительная — около самой нулевой линии, до которой как раз опускается и булыжный завал, или ок. 61 см от поверхности. Результатом этого, очевидно, явилась и значительно худшая сохранность костей, из которых определяется раздавленный череп и большая часть трубчатых костей *in situ*, остальные же кости истлели. По состоянию нижней челюсти с зубами можно определить похороненного как молодого человека (пол неопределим) лет ок. 18—20. Инвентаря при погребении не оказалось.

На расчистке курганной насыпи во внутреннем круге булыжной обкладки, в связи с наступлением дождей и заморозков, исследование кургана № 4 было приостановлено с тем, чтобы окончить его в последующем сезоне. Однако расширение строительства стадиона в скором времени охватило и площадь расположения кургана № 4, который и был снесен недоследованным в своей северо-восточной поле.

Несмотря на то, что тема исследования погребальных памятников данной эпохи в плане работ Северо-Кавказской экспедиции всегда занимала второстепенное место (за 4 года работы в Нальчике ей удалось выделить лишь 23 рабочих дня), результаты ее, при всей количественной скромности, дают возможность увязать эти памятники не только между собой и с богатыми, хотя и недостаточно паспортизованными материалами Нальчикского музея, но до известной степени и с основным объектом внимания экспедиции — древним поселением в Долинском. Главный же результат тот, что теперь мы имеем возможность определить и относительное положение этих курганных

памятников в стадийном развитии древних обществ центрального Предкавказья и, обратно, пополнить имеющиеся научные сведения об этой мало изученной ступени развития кавказской культуры многими новыми и существенными данными.

Прежде всего материалы, полученные в результате исследования нальчикских курганов в парке, нужно разбить на две разновременные и разностадийные, хотя генетически и связанные между собой группы. В одну войдут: погребение № 1 из кургана № 2, находясь в насыпи того же кургана, большая часть остатков из разрушенного кургана № 2-а, погребение № 1 (и № 4) из кургана № 4 и многочисленные музейные материалы из раскопанных и разрушенных курганов в парке и других местах; другую группу образуют погребения №№ 2 и 5 кургана № 4 и часть керамики кургана № 2-а, которые тяготеют к совсем иной категории материалов Кабардино-Балкарской АССР (могильник в с. Каменно-мостском и др.). Менее определенное, вероятно промежуточное, положение занимают погребение № 4 в кургане № 2 и погребение № 3 (№ 6) кургана № 4. Первая перечисленная группа материалов покрывается объемом «II стадии» периодизации Северо-Кавказской экспедиции для памятников центрального Предкавказья; второй комплекс войдет уже целиком в «III стадию», менее всего изученную, но имеющую первостепенное значение в этногенезе и истории материальной культуры современных народностей Кавказа. В связи с этим целесообразно вести анализ материалов, представляемых курганами в «садках», обособленно по двум разделам, в дальнейшем изложении именуемым достаточно условными терминами «II и III стадий».

ОСНОВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ «II СТАДИИ»

УСТРОЙСТВО ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ

Суммируя материалы по захоронениям «II стадии» Нальчикского района, следует в первую очередь подвести некоторые итоги по конструкции могильных сооружений и по образу погребения. Если в «I стадии», представленной в Кабардино-Балкарии «курганом № 1» под Нальчиком, могильная насыпь настолько мало выражена, что авторы публикации этого памятника с полным основанием называют его просто «могильником»,¹ то погребения «II стадии» характеризуются прежде всего ясно выраженной курганной насыпью. Размеры и конструкция последней весьма сильно варьируют от совсем маленьких курганчиков на Долинском селище до значительных курганов в парке (типа и масштаба № 4) и

слободе Соломенской;¹ с привлечением параллельного и безусловно одностадийного материала из соседних районов придется включить и еще большие насыпи упомянутых выше кубанских курганов Веселовского, вплоть до знаменитого пятигорского Шпицкугеля (Острого кургана) высотой ок. 13 м. Однако вряд ли будет ошибочным положение,² что большие курганы «II стадии» происходят из маленьких, типа Долинского кургана (с одним захоронением) или внутреннего сегмента под галечной насыпью в кургане № 2, и представляют результат повторных позднейших захоронений с наращиванием курганной насыпи (а иногда и с добавочным ее укреплением). Большее или меньшее укрепление поверхности кургана булыжной вымосткой (или галечной), по видимому, является достаточно устойчивой чертой описываемых курганов; иногда, как в кургане № 4, эта каменная обкладка достигает значительной сложности и морфологической расчлененности, значение которой, при скудости материалов, нельзя считать вполне установленным. Во всяком случае, у нас нет никаких данных считать насыпь больших курганов «II стадии» единовременным сооружением и, следовательно, никаких оснований считать центральное погребение «главным», а остальные к нему придатками, и тем менее оснований искать среди погребений в этих курганах «вождей», «жен», «рабов» и т. п. В частности, погребение № 3 в центре и в вершине кургана № 4 должно быть трактовано лишь как одно из последних захоронений «II стадии» в этом кургане. По всем археологическим данным, курганы «II стадии» центрального Предкавказья представляют групповые захоронения сородичей, без какого-либо ясно выраженного порядка в их размещении. По сравнению с могильником-курганом «I стадии» необходимо отметить тенденцию к большему или меньшему оформлению и, судя по более редкому размещению и каменной обкладке, к дальнейшему сохранению индивидуальной могилы, в виде вырезанной в материке ямы (курган № 2, погр. № 4; курган в Соломенке), каменной подстилки или завала ямы (курган № 2, погр. №№ 4 и 1; курган № 4, погр. № 1; впускные погребения в могильнике «I стадии») или булыжной выкладки поверх могилы (погр. № 3 кург. № 4); среди неопубликованных еще материалов имеются примеры и каменных ящиков. Однако тройное захоронение № 3 в Соломенском кургане,³

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 193—96.

² Высказанное еще Д. Я. Самоквасовым в его работе «Могильные древности Пятигорского округа» [Тр. V Археол. съезда, стр. 50; впервые напечатано в «Варшавских университетских известиях» (1882, отд. отт., стр. 24); в дальнейшем цитируется по этому оттиску].

³ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 194, рис. 32.

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, стр. 69.

слишком просторная центральная могила кургана № 2 (если правильно предположение о ее первичном происхождении), одинаковость уровней и близость расположения погребений №№ 1 и 4 в кургане № 4 (если они не представляют одного нарушенного погребения) могут быть привлечены в качестве аргументов за переживание и во «II стадии» коллективных могил. К сожалению, в силу совершенно недостаточной еще изученности поселений «II стадии» и отношения их к курганам,¹ нет никаких данных для суждения, представляют ли содержащиеся сравнительно немного погребений курганы «II стадий» кладбище уже выделившейся из рода семьи, или же курганные группы и целые поля, как в парке, являются местом общего захоронения еще не расчленившегося коллектива; конструкция курганов говорит за первое, а топография их расположения, скорее, — за второе.

Положение костяков во всех изучаемых курганах данного района несколько более скорченное, чем в «I стадии», угол направления позвоночника к бедренным костям обычно приближается к 90°, напоминая «сидячее» положение, в то время как в «I стадии» он в большинстве случаев тупой; в одном случае (погр. № 1 кург. № 2) отмечен и невозможный угол в 10°; поскольку комплектность костяка и расположение и целостность керамики исключают в данном случае возможность позднейшего перемещения костей, вновь встает вопрос, неразрешимый в рамках столь скудного материала, о вторичных формах захоронения.² Окрашивание наблюдалось неизменно на всех раскопанных экспедицией костяках, но иногда лишь на отдельных местах, иногда же только в виде кусочков краски в могиле. Ориентация костяков весьма разнообразна и не выказывает какой-либо закономерности: в кургане № 2 два костяка лежат головою к С, один к СВ и один к В, в кургане № 4 один к Ю и один к СВ и, наконец, четыре или пять костяков Соломенского кургана ориентированы головой на З. Направление лица еще разнообразнее в виду положения костяков то на правом (6), то на левом (4) боку, причем из-за плохой сохранности костей наметить какую-либо связь между положением костяка и по-

лом последнего, как это установлено для могильника «I стадии», невозможно. Курган № 4 вносит новый элемент захоронения: костяк погребения № 1 лежит на кострище; заметный зольно-угольный слой прослеживается также под местом погребения № 2 и частично № 3, а под коленом последнего костяка залегает небольшое зольно-угольное пятно; возможно, что первоначально зольно-угольная засыпка (?) погребения № 3 была значительно более мощной, но благодаря почти поверхностному положению захоронения была размывта ливневыми водами; уголь был обнаружен также и под валунами обкладки к ЮЗ от линии, но представлял ли он следы кострища в насыпи или выброс из разрушенных могил, не устанавливается. Возможно, что именно подобное кострище, ярче выраженное в тяжелом глинистом грунте, при значительном истлении костей явилось источником впечатления археолога-дилетанта Владимирово о трупосожжении,¹ будто бы имевшем место в раскопанных им на Долинском селище 2 курганах, — факт, как будто имеющий подкрепление в некоторых раскопанных Н. И. Веселовским курганах на Кубани,² но нуждающийся в тщательной проверке в каждом отдельном случае.

ИНВЕНТАРЬ КУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ

Настоящий отчет построен, в основном, на данных полевой работы Северо-Кавказской экспедиции 1929 и 1930 гг., включавшей систематическую выборку из собрания Кабардино-Балкарского музея в г. Нальчике и фиксацию тех комплексов и предметов, которые ближе всего связывались с памятниками, исследованными раскопками экспедиции. Однако в процессе обработки и проработки экспедиционных материалов возник ряд вопросов, которые не могли быть предусмотрены раньше, но которые требовали нового пересмотра материала *de visu*, тем более, что за последнее время музей пополнился многими интересными находками. Повторные поездки автора в Нальчик дали возможность исчерпывающего пополнения новыми поступлениями из экспозиции и резервов Нальчикского музея, равно как и проверка вызвавших сомнения данных и положений. Особенно существенно то, что при помощи книги поступлений музея, ранее не бывшей в распоряжении экспедиции, удалось внести некоторую ясность в обильный инвентарь курганных захоронений в так наз. «садках», поступивших в результате «частных раскопок» 25 V—4 VI того же 1929 г., в силу близости материала и теснейшего территориального соседства представляющих основной сравнитель-

¹ Ближайшее селище «II стадии», разведанное экспедицией, расположено на мысе второй террасы (вовсе лишенной курганов), которую для этого времени можно считать берегом р. Нальчика (на месте б. Атажукинской усадьбы) прямо против курганного поля Кабардинского парка, в расстоянии ок. 1 км от кургана № 2.

² Ср.: М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 69—76. — G. Nioğadze. Die Nachbestattung im alten Georgien. Archiv für Anthropol., XXII, 1—2, стр. 1—7. Впрочем, в отношении исторического обзора материалов по вторичным захоронениям на Кавказе обе работы не идут дальше пересказа старой работы В. Ф. Миллера „О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе“ (Этногр. обозр. LXXXVIII—LXXXIX, 1911, 1—2, стр. 126—129, 133—135).

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 169.

² Например яма, наполненная углем и пеплом, при отсутствии сохранившихся костей в кургане у ст. Казанской (ОАК, 1901, стр. 80) и т. п.

ный и дополнительный материал к работам экспедиции. При помощи указанной инвентарной книги музея этот, обезличенный до сих пор и смешанный в экспозиции, материал распределяется на следующие пять, если не помогильных, то хотя бы по курганным группам предметов,¹ дающих известное представление о составе погребальных комплексов:

(I) 25 мая 1929 г.

- Инв. № 205. Горшочек с 2 ручками и веревочным орнаментом (табл. IX, 1).
 Инв. № 206. Такой же, поврежденный (фототека ГАИМК О-218).
 Инв. № 207. Горшочек без ручек маленький (табл. IX, 7).
 Инв. № 208. Налокотник спиральный медный.
 Инв. № 209. Медные украшения (7 круговых подвесок, 13 шейных подвесок разного рода) и 16 настовых бус (рис. 36, 1—8).¹

(II) 30 мая 1929 г.

- Инв. № 264. Горшочек с 2 ручками, орнаментирован (табл. IX, 3).
 Инв. № 265—266. Две плоскочки, одна с напелными шишечками (табл. XIII, 8).
 Инв. № 267. Миска (диам. 25 см, выс. 9,5 см), поврежденная.
 Инв. № 268. Плоскочка, поврежденная.
 Инв. № 269. Булавка медная, большая, орнаментированная (рис. 34, 3).
 Инв. № 270. 2 бусы медные } (рис. 36, 9—11).
 Инв. № 271. 5 бус медных }
 Инв. № 272. Горшочек с одной ручкой, орнаментирован.

(III) 31 мая 1929 г.

- Инв. № 273. Плоскочка, поврежденная.
 Инв. № 274. Два горшочка с одной ручкой, один поврежден (табл. IX, 4, 5).
 Инв. № 275. Налобная лента медная, фрагментирована (рис. 34, 1).
 Инв. № 276. Булавка медная с головкой в виде „бараньих рогов“ (рис. 34, 5).
 Инв. 277. Височные кольца медные (рис. 36, 16).
 Инв. 278. Бусы медные (7 шт.) (рис. 36, 18).

(IV) 4 июня 1929 г.

- Инв. № 260. Горшочек без ручек (табл. IX, 8).
 Инв. № 261. Горшочек с одной ручкой, небольшой (табл. IX, 6).
 Инв. № 262. Плоскочка с поврежденным дном.
 Инв. № 263. Медные украшения (2 круговые подвески и несколько шейных) (рис. 36, 12—15).

(V) 1 июня 1940 г.

- Инв. № 279. Топор-молот серпентиновый, шлифованный (табл. X, 1 а, б).
 Инв. № 280. Горшок большой с двумя ручками, поврежденный (рис. 33, 4).
 Инв. № 281. Горшочек без ручек, поврежденный (табл. IX, 9).
 Инв. № 282. Горшочек с двумя ручками, орнаментирован (табл. IX, 2).
 Инв. № 283. Булавка медная, орнаментированная (рис. 34, 2).
 Инв. № 284. Скребок кремневый.
 Инв. № 285. Пластика кремневая.
 Инв. № 286. Грубое подобие топора из мягкого известняка (подобно табл. XIII, 6).
 Кроме того, без номеров фрагменты миски и горшочка с веревочным орнаментом.

Однако комплексами эти группы, при всей их однородности, назвать нельзя не только потому, что записи в книге поступлений не всегда сходятся с составом соответствующих планшетов на экспозиции,¹ но, главное, потому, что нет никакой уверенности в том, что неумелые раскопщики полностью изымали и доставляли в музей весь могильный инвентарь, причем фрагментированные предметы, как правило, видимо оставались, а мелкие предметы (бусы и пр.) весьма легко ускользают от внимания, — в силу этого разница между отдельными комплексами оказывается значительно больше, чем вероятно, была в действительности.

Далее привлечены в качестве дополнительного и сравнительного материала многочисленные, но случайные поступления в музей из разрушенных курганов, расположенных на юго-западной окраине города и не выходящих за пределы курганного поля, занимающего третью террасу Кабардинского парка: в тех же «садках» (1923 и 1925), два кургана у так наз. «Советской дачи» (1925 и 1929²), в «базках» (неподалеку от кургана-могильника № 1 Северо-Кавказской экспедиции), несколько курганов на б. выгоне г. Нальчика — на месте Дома Советов (23 V 1932, 28 VII 1932) и др., два кургана на месте нового здания УНКВД (9—12 VII 1931), у больницы (26 VI 35), на трассе шоссе (VI 1934), и курган, снятый при прокладке дороги в Кабардинском парке (9 V 1936). Эта единая и компактная группа памятников подкреплена сходными материалами из более отдаленных курганных захоронений: у сел. Чегем II, у ст. Пришибской, сел. Кызбурун III, пос. Светловодского и др.³

Для выяснения распространения погребальных комплексов изучаемого типа были обследованы археологические коллекции местных музеев в Пятигорске и в Орджоникидзе, а также обширные собрания Музея Грузии в Тбилиси и Гос. Исторического музея в Москве.

Исходя из характера инвентарей погребений изучаемого типа, состав их разбивается на четыре функциональных категории предметов: 1) орудия, 2) оружие, 3) посуда и 4) украшения тела и платья.

¹ Из-за разбросанности этих комплексов в современной экспозиции Нальчикского музея некоторых предметов разыскать не удалось. При таких условиях разбивка фотографий и рисунков этой категории предметов (рис. 33, 36, табл. IX, XII) по комплексам оказалась неосуществимой. В плане новой экспозиции музея поставлена задача строго научного объединения коллекций, хотя бы по комплексам поступлений.

² Материалы, зарегистрированные Северо-Кавказской экспедицией со слов, как один комплекс из кургана у так наз. «Советской дачи», срытого в мае 1929 г., при помощи книги поступлений удалось разделить на два различных погребальных комплекса (см. подпись к рис. 35), равно как и обнаружены добавочные неучтенные предметы. Однако, во избежание сильной ломки набора и возможной при этом путаницы, в тексте этот материал оставлен без разделения.

³ См. карты на рис. 41 и в статье А. А. Иессена в наст. сборн., стр. 19, рис. 3.

¹ В дальнейшем условно именуемые — курганы в «садках» (I), (II), (III), (IV) и (V).

Орудия труда

Характерной чертой описываемых памятников является то, что представленные в них до сих пор орудия труда и их части ничего не говорят о применении для этой цели металла, и основным поделочным материалом для режущих их частей является почти исключительно туронский кремь, в западном Предкавказье весьма обильный, но совершенно не изученный геологически и петрографически. В погребениях, исследованных Северо-Кавказской экспедицией,¹ представлены следующие группы орудий.

Наиболее интересным является, пожалуй, совершенно атипичное «режущее» орудие (81-153), изготовленное из большого массивного отщеп (толщ. до 1.3 см) беловато-розового кремня. Спинка обработана плоскими широкими и узкими сколами, лезвие подправлено с обеих сторон мелкой ретушью, идущей почти по всему режущему краю; по этому же краю со стороны брюшка ряд раковистых неправильных выщерблин от вертикальных ударов; тыльная сторона из кремневой корки, которая в одном месте доходит почти до рабочего края. Найден в кургане № 2 при погребении № 3 (рис. 20). Общий habitus орудия ближе всего напоминает серповидный вкладыш (от основания), но очень грубой формы и непомерной толщины; это предположение получает полное подтверждение в анализе следов рабочего употребления,² выявляющего характерную картину, — рабочая заполированность, совершенно отсутствующая на тыльной стороне, идет вдоль рабочего лезвия, но распределяется весьма неравномерно, в то время как на брюшке (верхней поверхности) заполированность занимает узкую среднюю область, ограниченную (серповидно) ретушью, на спинке

¹ Несмотря на обычность этих простейших орудий в северокавказских курганах изучаемого времени, они совершенно не изучены, так как регистрируются значительно реже, чем встречаются, и, как правило, не издаются, так что провести сравнительную характеристику или хотя бы привести аналогии тому или иному типу орудия невозможно. Так, Веселовский упоминает иногда наличие скребка, «кремневой пилы» или просто «кремневых орудий» в курганах ст. Новолабинской (ОАК, 1899, стр. 43), Белореченской (ОАК, 1907, стр. 88), Петропавловской (ibid., стр. 89), Гиалинской (ibid., стр. 91), в Шатохином кургане (ОАК, 1908, стр. 117) и др.; в Ульяновском кургане № 5, кроме приводимого ниже молотка и «литейной формы», регистрируются две кучки (I) кремневых орудий (ОАК, 1909/1910, стр. 154), однако при рассмотрении их состава (хранятся в Гос. Эрмитаже, Доклассовый сектор, колл. № 51) большая часть «орудий» оказывается простыми отщепами и, при такой точности, остается сомнение, собраны ли эти «кучки» при совершении похоронного обряда (что было бы безусловно интересно) или рабочими Веселовского.

² Анализ кремневых орудий произведен при консультации С. А. Семенова и с помощью применяемого им метода бинокулярного микроисследования поверхности орудий, представляющего богатые возможности изучения их функционального действия.

она покрывает большую часть нижней поверхности и ограничена прямой линией (краем предполагаемой оправы серпа), параллельной рабочему краю, на расстоянии ок. 1.7 см от последнего. Трудно себе представить иное функциональное применение подобного орудия, кроме как вкладыша от серпа, который в процессе жатвы всей нижней поверхностью (не прикрытой оправой) трется о стебли, в то время как на верхней трение от загнутого и перерезаемого пучка испытывает лишь небольшая область, примыкающая к режущему центру лезвия. То обстоятельство, что заполировка покрывает и указанные выше вертикальные сколы-зарубки на лезвии, исключает их вторичное возникновение и побуждает трактовать их как преднамеренную зазубренность (для увеличения пилящего усилия жатвенного орудия), заменяющую в данном случае обычную крупно-зубчатую форму лезвия типичных вкладышей, в частности найденного на Долинском селище.¹

Ряд находок в курганных захоронениях функционально объединяется в группу ножевидных, т. е. по основному назначению режущих орудий.

Наиболее простым типичным орудием этого рода является пластинка (141-115) светлосерого кремня (7×2 см), обычного трапециевидного сечения, безо всякой ретуши, с притупленными концами и острыми, слегка зазубренными краями, несущими следы заполированности вдоль обоих лезвий; значительная полировка, видимо от пальца, заметна во впадине возле более острого конца (рис. 32, 5). Найдена в насыпи кургана № 4. Подобных ножевидных пластинок и их фрагментов найдено несколько, в частности и в кургане № 2 (81—142).

К этой же группе орудий примыкает атипичное орудие (141-190) из пластины розоватого кремня, удлиненной неправильно-изогнутой под тупым углом формы, с мелкой крутой ретушью со стороны спинки по выпуклому наружному краю (рис. 32, 4). Найдено в насыпи кургана № 4. Рабочая заполированность отмечается у ретушированной вершины тупого угла и на обоих торцевых концах. Последнее обстоятельство указывает, повидимому, на способ употребления «ножа», зажатого между большим и указательным пальцами руки, — прием, применявшийся еще недавно народами северной Сибири для отрезания кусочков вареного мяса от большого общего куска при коллективном питании; такие ножи носились при себе в поясных мешочках.

Повидимому, в группу ножевидных орудий следует включить и фрагментированное орудие (141-207) иной техники — из довольно толстого отщеп розового кремня, обработанного с обеих сторон широкими плоскими сколами

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 177, рис. 23.

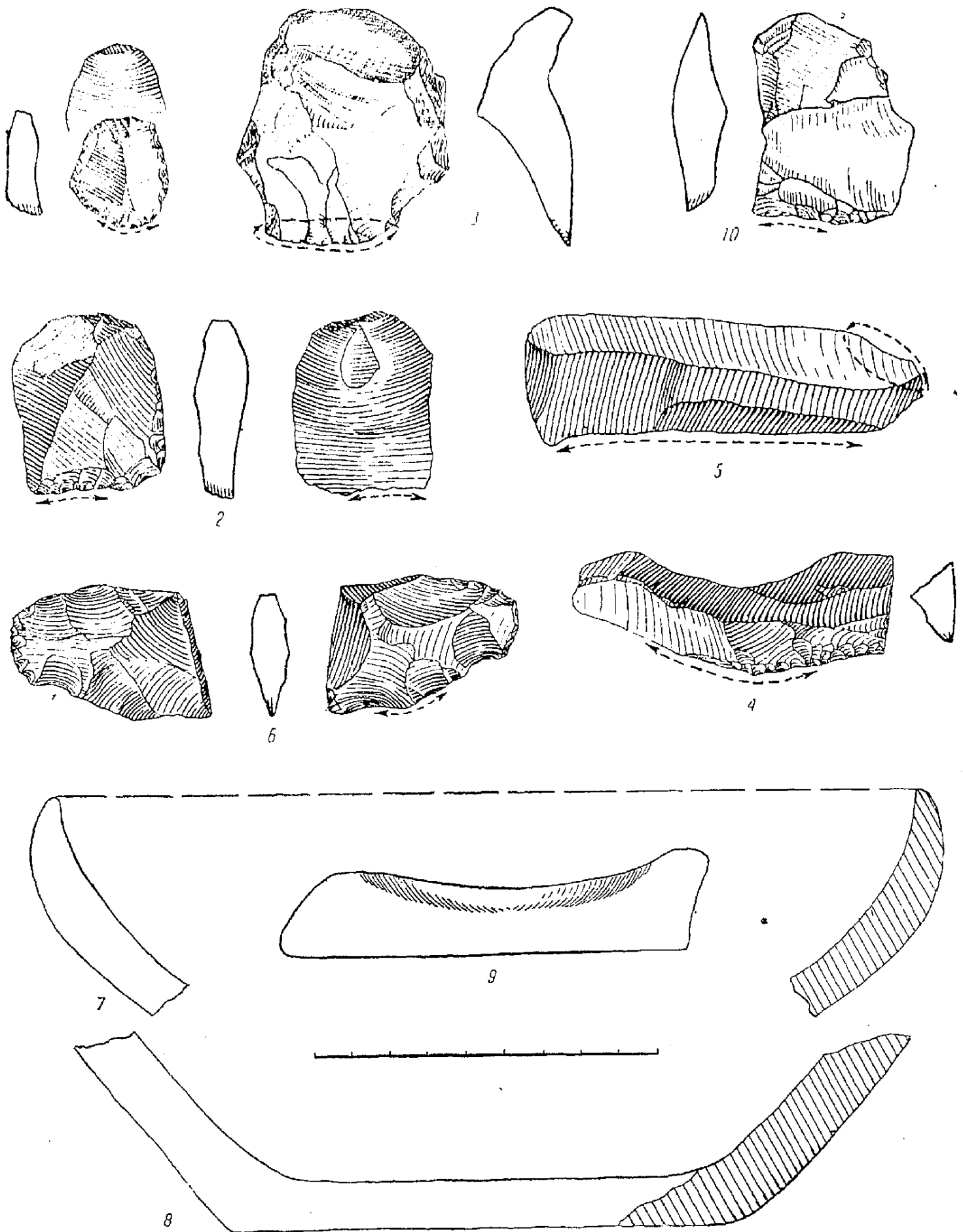

Рис. 32. Находки в насыпи кургана № 4 в Кабардинском парке.

1 — кремневый скребок (141-179); 2 — кремневый скребок (141-270); 3 — кремневый скребок (141-117); 4 — атипичное режущее орудие (141-190); 5 — пластина кремневая (141-115); 6 — ножевидное орудие (141-207); 7 — верхняя часть миски; 8 — днище большого сосуда неопределимого типа; 9 — каменная «гладилка-утюжок»; 10 — кремневый скребок (141-118).

до получения более или менее правильной листовидной формы и, дополнительно, мелкой крутой двусторонней ретушью по слегка при-
тупленному острию (рис. 32, б). По внешнему виду может быть принято за фрагмент наконечника стрелы, подобного весьма близким по обработке экземплярам Долинского селища¹ или из Сухумского музея, где он обозначен как «наконечник дротика, найденный в 1914 г. в так наз. Волчьем ущелье».² Однако наличие рабочей заполировки по данному краю при полном отсутствии ее на конце заставляет считать описываемый предмет фрагментом какого-то, видимо, довольно выработанного орудия также с режущими функциями; массивность и форма предполагают резание с зажимом в кулак или в рукоятку.

Наиболее ясно выраженной и развитой категорией кремневых орудий являются разнообразные по величине и форме скребки, позволяющие несколько дифференцировать их в функциональном отношении.

Группа крупных скребущих орудий четко разделяется по форме рабочего края:

а) Скребок концевой (141-270) из розоватого кремня (дл. 3.3 см); изготовлен из плоско-выпуклого отщепла, подправленного плоскими косыми сколами; рабочий край прямоугольный, даже несколько вогнутой формы, обработан мелкой крутой ретушью по вертикальному облому; рабочая заполировка наблюдается на незначительном участке вогнутости рабочего края (рис. 32, 2). Найден в насыпи кургана № 4.

б) Скребок концевой (141-118) из светлосерого кремня (дл. 3.8 см); изготовлен из неправильного, почти необработанного отщепла с острыми краями; рабочий край более или менее прямоугольный с явной вогнутостью к одной стороне, обработан немногочисленной крутой ретушью; заполировка заметна лишь по самому краю вогнутости рабочего края (рис. 32, 10). Характерная для обоих орудий форма вогнутого рабочего края и размещение рабочей заполировки (ограниченной поверхностью указанной вогнутости) реконструирует вполне вертикальное положение скребка при работе по твердому материалу округло-вытянутой формы — вернее всего по дереву или кости.

в) Значительно отличается по форме и, очевидно, по функции третий, самый крупный (дл. 4.3 см) из найденных в данных курганах скребков (141-117), концевой, из грязно-серого кремня; изготовлен из массивного, неправильно-искривленного отщепла от самой поверхности кремневого желвака; спинка вогнутая, с резким перегибом, гладкая; брюшко грубо обработано плоскими сколами (с сохранением ча-

сти корки); рабочий край прямой, слегка округлой формы, утончен длинной косой ретушью и подправлен по самому краю; рабочая заполированность значительно большая, чем на предыдущих экземплярах, заходит на ретушированную сторону на 6 мм, а на брюшко на 3 мм (рис. 32, 3), указывая на косое положение скребка при работе по более мягкому, легко соскребаемому материалу. Найден в насыпи кургана № 4. Функциональное применение данного орудия устанавливается с меньшей определенностью, чем предыдущих, но, исходя из вышеприведенной характеристики, можно со значительной вероятностью предположить назначение его для обработки кожи или грубой шкуры, напр. для выработки «бахтармы» (замша) северных народов.

Последнее предположение сближает описанное орудие с последней группой мелких скребков — с круглым рабочим краем.

г) Скребок концевой (141-179) из розоватого кремня (дл. 1.9 см); изготовлен из конца пластины при помощи односторонней мелкой ретуши по трем сторонам; рабочий край асимметрично округлый, утолщенный (рис. 32, 1). Найден в насыпи кургана № 4.

д) Скребок двусторонний (81-21) из розоватой кремневой пластинки (дл. 2.1 см) с вогнутым брюшком; спинная поверхность подправлена плоскими косыми сколами и мелкой крутой, почти вертикальной ретушью; оба рабочих конца утолщены (табл. VI, 5). Найден в насыпи кургана № 2.

Типичные скребущие орудия универсального типа, в частности хорошо приспособленные для обработки свежей шкуры, очистки мездры и т. д.

На ряду с хорошо выраженными кремневыми орудиями, все типы которых, кстати, повторяются в культурном слое Долинского селища (см. выше, стр. 176 и сл.), необходимо учесть и наличие в изучаемых курганных памятниках значительного числа кремневых фрагментов и отщепов, большая часть которых несет следы рабочего употребления, являясь частью фрагментами неопределимых функционально орудий, частью же атипическими орудиями без дополнительной обработки.

В значительно меньшем числе встречены каменные орудия не кремневого материала.

е) Каменный «утюжок» или «гладилка» из породы средней твердости (141-325) представляет удлиненную речную гальку (дл. 10.7 см), более или менее треугольную в сечении, со сточенной плоской подошвой ланцетовидной формы и седловидной впадиной (возможно, также искусственной) по спинке (рис. 32, 9). Найден в насыпи кургана № 4 у погребения № 1. Поделки подобного рода на Северном Кавказе неизвестны, за исключением одного экземпляра, по сообщению А. А. Иессена, в коллекциях Армавирского музея. О функциональном применении их можно судить по раз-

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 176, рис. 22, 2.

² М. М. Иващенко, ук. соч. Упоминание на стр. 5 без рисунка.

пообразным и многочисленным образцам подобных предметов (камень и кость) из лесной полосы Волжско-Окского района, где они часто встречаются в культурных слоях от «Фатьяна»¹ и до городищ «Дьякова типа»² и обычно определяются археологами как утюжки для разглаживания швов меховых одежд.³

ж) «Точильный» камень (фрагмент) (81-8) в виде четырехгранного, слегка трапециевидного бруска мелкозернистого серого песчаника, выглаженного с трех сторон, но зашлифованность в результате точки заметна, главным образом, на одной узкой стороне; четвертая, узкая, сторона не имеет обработки. Длина сохранившегося фрагмента 12,8 см, ширина плоскостей 4 см, узких 2,5 и 3,4 см. Найден в насыпи кургана № 2 вблизи погребения № 1.

На одной из широких боковых плоскостей небольшая ямка, состоящая из мелких выбоин, как бы от повторного разбивания на этом месте твердых кусков (табл. V, 4). Такое вторичное использование плоского каменного орудия в качестве своего рода «наковаленки» имеет несколько аналогий в древнейшем слое Долинского селища.⁴ Вместе с тем отмеченное выше отсутствие не только в находках экспедиции, но и в собраниях Кабардино-Балкарского музея металлических орудий, происходящих из памятников изучаемого типа, не вяжется с функцией описанного предмета в качестве именно точильного, а не шлифовального камня (?).

Оружие

В литературе уже обращено внимание⁵ на то, что в погребениях описываемого периода замечается также значительно меньшее количество металлического оружия по сравнению с курганными захоронениями Майкопа, ст. Новосвободной (б. Царской) и пр. Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК в исследованных курганах металлического оружия не найдено вовсе, но в Нальчикском музее есть несколько кинжалов из меди или мягкой бронзы, листовидной формы с насадным черенком, которые увязываются с курганами в «садках». Первый кинжал — сероватого металла (инв. № 1927/484), выкопан из курганного погребения

за г. Нальчиком на шоссе у сел. Шалушинского вместе с каменным шлифованным топором с медной заклепкой в проушине; второй, несколько более развитой формы, (инв. № 1921/45), выкопан 29—31 мая 1921 г. из грунтовой могилы под курганом на степи у «Затишья» (пригород г. Нальчика); наиболее выработанный в деталях третий кинжал (1924 г.) найден случайно при проведении дороги в сел. Курп. При разрытии одного из курганов в «садках» тоже был найден плоский медный кинжал (1928 г.) листовидной формы, но без черенка, рассчитанный на зажим или привязь к рукоятки, т. е. тип кинжалов, считающийся в археологической литературе более древним.¹

Употребление стрел, а следовательно, и лука, бесспорное не только из априорных соображений, но и на основании находок кремневых наконечников стрел на синстадиальном Долинском селище,² в погребальных памятниках изучаемого периода может быть подкреплено лишь косвенным свидетельством в виде находки в курганном погребении у «Советской дачи» (снесенном при строительных работах 17 V 1929) фрагмента полуцилиндрического предмета из серого песчаника с продольным желобком (рис. 35, 10), который обозначен в музее по традиции³ как «литейная форма». Поскольку в настоящее время можно считать доказанным, что подобные широко известные в археологической литературе предметы не могут служить литейными формами, а, судя по этнографическим параллелям, вернее всего, употреблялись (в парном комплекте) для выпрямления деревянных стрел⁴ и тому подобных предметов, и в данном случае приведенный предмет может быть привлечен в качестве аргумента за наличие в данном обществе дальноточного оружия.⁵

¹ См. в наст. сборн. статью А. А. Иессена, стр. 17, рис. 2, 3—4. Сочетание этих находок в одном погребении не документировано.

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 176.

³ Ср. «форму для литья» Н. И. Веселовского из Келермесского кургана № 3 (ОАК, 1904, стр. 95, рис. 162), а также: В. А. Городцов, ук. соч., стр. 47—48. — Он же. Бытовая археология. М., 1930, стр. 361—362. Это бесспорно неправильное обозначение можно встретить и в зарубежной литературе, напр. в новейшей публикации Микенских шахтовых гробниц: G. Saigo. Schachtgräber von Mykenai, München, 1930. Совершенно идентичные предметы (№№ 934—935, рис. 79) обозначены на стр. 163 этой работы как «Gussform», хотя и со знаком перестраховки (?).

⁴ Последние работы: Добровольский. Депо про знаряддя, які Городцов називає формочками. Антропология, т. I. Київ, 1928, стр. 179—184. — A. Tallgren, ESA II, стр. 118. Аналогичные предметы с острова Левкады (W. Dörpfeld. Alt-Ithaka. München—Gräfeling, 1927, стр. 311, прилож. 71) также обозначены «Pfeilstrecker» со ссылкой на несостоятельность прежних определений.

⁵ В этой теме необходимо указать на бесспорный наконечник стрелы, но уже медный (широкий с насад-

¹ Мытищенский могильник (раскопки О. Н. Бадера и Н. Милонова), неопубликованные материалы которого хранятся в Гос. Эрмитаже.

² Например, городище на Верхней Волге у дер. Березняки (раскопки П. Н. Третьякова); предметы не опубликованы.

³ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, стр. 34—36.

⁴ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. 184—85.

⁵ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 95.

Строго говоря, из всех находок Северо-Кавказской экспедиции лишь одна может быть отнесена к категории оружия, хотя и не без существенных оговорок.

Молот (топор?) каменный (141-321) из твердой пористой вулканической породы. Форма ромбоидальная с одним срезанным концом. Наружная поверхность выпуклая, внутренняя — плоская, даже слегка вогнутая; боковые грани слегка вогнутые. Обушок плоско-выпуклый, лезвие округло-заостренной формы. Поверхность грубая, неотделанная, как бы лишь только оболваненная. На внутренней (задней) поверхности в перекрестии осей заметно правильное круглое углубление на месте возможного отверстия для рукояти; на наружной (передней) поверхности такого углубления нет. Найден в кургане № 4 в непосредственной близости от погребения № 1, в инвентарь которого он, повидимому, входит (рис. 28, 3). Передан в Нальчикский музей в 1932 г.

Подобные грубые топоры-молотки с намеченным отверстием известны в погребальных инвентарях предкавказских и южнорусских степей. Ближайшей аналогией к описываемому молотку-топору является находка Веселовского в Ульском кургане № 5 при могиле № 4 (табл. XVI, 4, а, б).¹

Можно еще указать примеры из Таврического музея в Симферополе,² из Воронежского³ и Днепропетровского⁴ музеев.

На ряду с этим типом, за исключением отсутствия отверстия для рукояти вполне приспособленным для функции молота, в одновременных комплексах Кабардино-Балкарии встречается и другой, более известный тип каменного шлифованного топора-молота, по своей форме происходящий не столько из камнетесной, сколько из металлургической техники.⁵ Типичным образцом этого второго типа является топор-молот Кабардино-Балкарского

ным черенком) из кургана конца «II стадии» в соседнем Пятигорске у ст. Кисловодской, раскопанном И. И. Филипповым в 1914 г.; хранится в Пятигорском музее, инв. № 17/1669 (табл. XV, 6).

¹ ОАК, 1909, стр. 154. Хранится в Гос. Эрмитаже, Доклассовый сектор, инв. № 51-27.

² А. Аугараа. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA VIII, стр. 68, рис. 69.

³ Там же, стр. 93, рис. 91.

⁴ Каталог коллекции древностей А. Н. Поль в Екатеринославе, сост. К. Мельник, вып. 1, Киев, 1893, стр. 14—15, № 287, табл. III (с. Хортица) и стр. 16, № 301, табл. II (из-под Волнигского порога). Несомненно, датировка этих предметов «каменным веком» является лишь дилетантской традицией относить все каменные орудия к неолиту, в то время как атрибуция указанных молотков к периоду бронзы имеет подтверждение и в рамках данного каталога в находках в тех же самых местах и бронзовых предметов (стр. 40, №№ 54—58 и стр. 41, №№ 63—65).

⁵ Ср.: В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс. историч. музея за 1914 г., М., 1916, отд. отт. стр. 23. На Северном Кавказе можно указать примеры медных топоров-молотов, имеющих каменные аналоги (ОАК, 1899, стр. 47, рис. 80).

музея (инв. № 279/1929), добытый из кургана (III) в «садках» (табл. X, 1). Размеры: дл. 9.2 см, наиб. шир. 4.5 см, толщ. (по проушине) 3.3 см. Определяющими чертами являются: плоский передний фас, загибающееся килевидно назад лезвие и четко отграниченная, цилиндрически формованная молоточная часть (обушок), отклоненная назад, в сторону руки; проушина слегка коническая (1.7—1.8 см), гладкая, помещается на пересечении продольной оси и наибольшего поперечника, так, что более короткая, но более толстая верхняя (обушная) часть уравновешена с нижней. Округлость обушной площадки и сочленение молоточной части с топорной отмечены четко моделированным круглым кантом; края переднего фаса сошлифованы фанетом, а средняя линия от проушины до острия отмечена плоско-выпуклым кантом — черта, довольно устойчивая для данного типа предметов.¹ Вся моделировка орудия, шлифовка и полировка его весьма высокой техники. Материал орудия — светлая слоистая порода, местами полупрозрачная, беловато-зеленых оттенков, средней твердости, в этикетаже музея назван «нефритом» — термин, нередко встречающийся в кавказской археологии и питавший фантастические построения об обменных связях с Дальним Востоком в самые древние эпохи. Недавно лишь геолог-краевед в солидной газетной статье² с достаточной убедительностью показал, что все подобные построения основаны на недостаточной минералогической грамотности и что, повидимому, все кавказские «нефритовые» изделия сработаны из эмеевиковых серпентиновых пород, широко распространенных в пределах так наз. «эмеевического пояса» Северного Кавказа и по внешности, действительно, нередко очень похожих на нефрит, пока на Кавказе не найденный. С полной уверенностью можно полагать, что и описываемый топор-молот Нальчикского музея из «садков» также изготовлен из серпентина.

В коллекциях Кабардино-Балкарского музея есть немало топоров-молотов того же типа, из которых наиболее характерными являются: экземпляр из темного диорита, происходящий из сел. Кишпек (инв. № 193/1924) и отличающийся стройностью форм и превосходной отделкой поверхности (табл. XI, 1); случайная находка из курганного погребения у степного сел. Урухского (инв. № 426/1929) из светлой мягкой породы (вулканического туфа), которая чертится ногтем (несмотря на это данный предмет отличается значительной асимметрией и неаккуратностью отделки деталей и поверхности) (рис. 33, 1); фрагмент полированного топорика из темного диорита с кирпичного за-

¹ «Хорда» по терминологии В. А. Городцова (ук. соч., стр. 11—12 и др.).

² П. Н. Чирвинский. Краеведение по следам первобытного человека. Газ. «Кировский Рабочий», Кировск, 1935, 15 ноября.

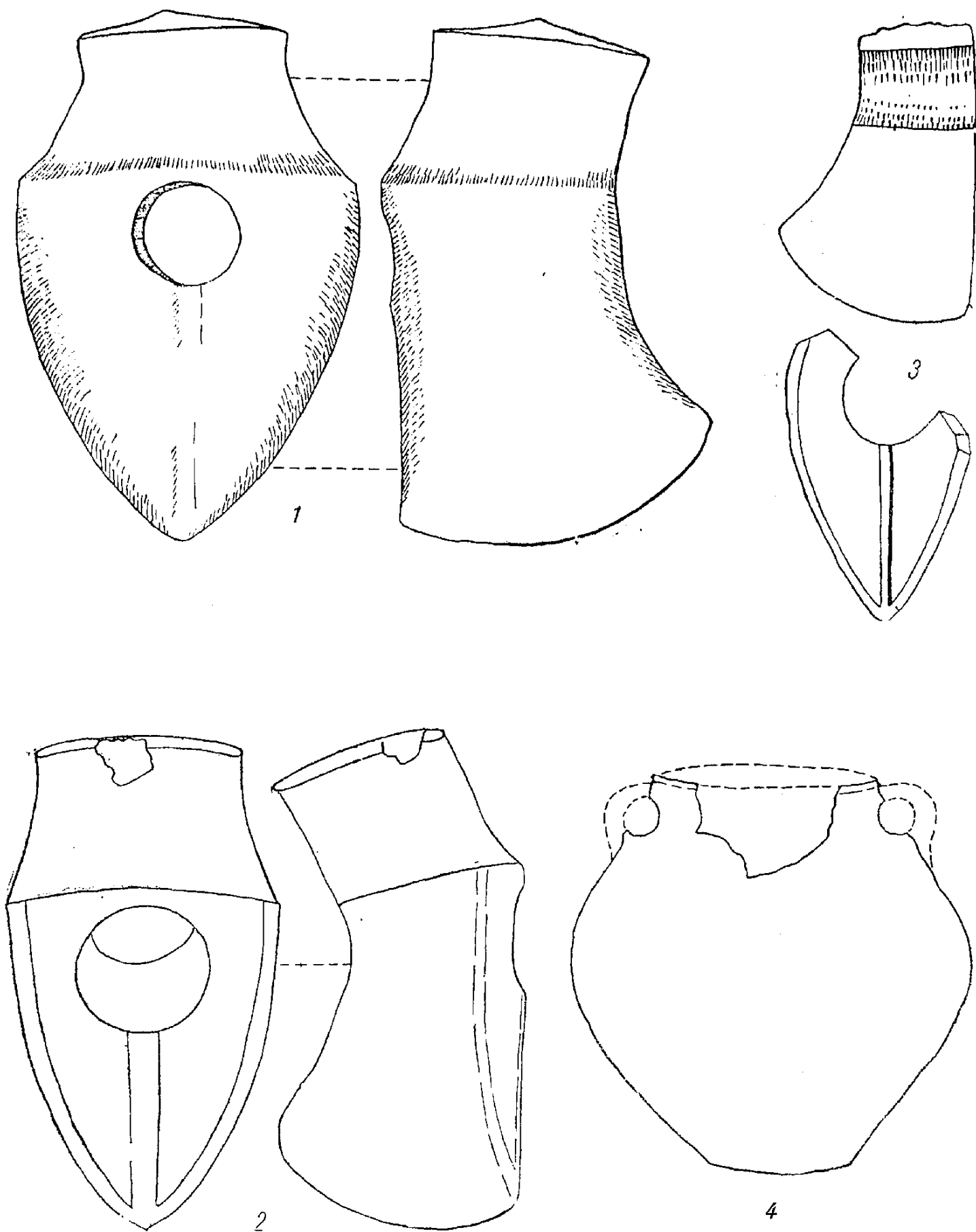

Рис. 33.

1 — топор-молот из мягкой породы — случайная находка в курганном погребении в степи у сел. Урухского (Нальчикский музей, № 426/1929); 2 — топор-молот серпентиновый, шлифованный из сел. Аушгитер (Нальчикский музей, № 11/1930); 3 — фрагмент миниатюрного топор-молотка из темного шлифованного диорита, случайная находка на Нартанском кирпичном заводе (Нальчикский музей, № 429/1923); 4 — горшок фрагментированный с 2 ручками (тип А) из кургана (V) в „садках“, раскопанного 31 V 1929 (Нальчикский музей, № 280/1929).

вода в сел. Нартан (инв. № 50/1931), прекрасной выделки, выделяющийся своей миниатюрностью (дл. от центра проушины до лезвия 4.1 см, наиб. шир. 3.2 см) (рис. 33, 3); серпентиновый шлифованный топор-молот (инв. № 11/1930) из окрестностей сел. Аушигер (рис. 33, 2) и мн. др.

Все эти орудия примыкают к Piatigorsker Turus по типологической классификации Äugräå,¹ составляя особую ясно выраженную подгруппу. Отличие ее от других экземпляров этого типа топоров-молотов, в том числе и от найденного экспедицией на Долинском селище,² короче всего может быть охарактеризовано значительно большей массивностью пропорций (при отношении ширины топора к его длине 1 : 2 или еще меньшем, в то время как в других типах это отношение значительно больше, достигая 1 : 3 и даже 1 : 4); вторая характерная черта — вышеописанная «симметричная» конструкция относительно проушины, при которой обушная часть уравновешена с ударным концом (лезвием).

Из четырех топоров-молотов, положенных в основу «пятигорского типа»³ Äugräå (к которым нальчикский материал добавляет значительное количество), нужно особо отметить топор Северо-Осетинского музея в Орджоникидзе, происходящий из сел. Христианского (плоскостная Осетия);⁴ помимо значительной близости его к нальчикским экземплярам найденный с ним сосуд представляет интересную аналогию керамики курганов из «садков». Топор-молот той же категории — из древнейших «бронзовых» могил Кобана, купленный Хегером для Венского музея естественных наук⁵ (материал его Уварова называет «сероватым сланцем», в то время как Ганчар правильно определяет его как «светлосерый серпентин»), отличается весьма малыми размерами (дл. 8 см, шир. 5 см), сближающими его с экземпляром из Нартана. Самой восточной точкой находок топоров этого типа пока является сел. Ново-Осетинское (недалеко от г. Моздока), откуда один экземпляр был доставлен для продажи в Ингушский музей г. Орджоникидзе в 1936 г. (рис 40, 11). Расширение числа топоров «пятигорского типа» не нару-

шает его территориального единства, правда не ограниченного Пятигорьем, но не выходящего за пределы центрального Предкавказья.

Не выходит за эти границы и экземпляр Сочинского музея, также чрезвычайно близкий к нальчикским, который, по сведениям А. А. Иессена, происходит откуда-то из бассейна Зеленчуков (Карачай).

Функция этих топоров-молотов до сих пор не установлена с ясностью. Тщательная отделка и особенно полировка поверхности исключают их применение в качестве орудий производства, и отсюда происходит почти общепринятая трактовка этих предметов как знаков власти и почета. Однако на некоторых из нальчикских экземплярах, равно как и на венском топоре из Кобана,¹ ясно обнаруживается сработанность как топорного лезвия, так и обушного молота; у нальчикского топора из Кишпека лезвие прямо сбито и крупные выщерблины поднимаются по щеке почти до проушины (табл. XI, 1а), на топоре из «садков» явно виден скол обушка (табл. X, 1б), то же и на топоре из Аушигера (рис. 33, 2). Наиболее правдоподобным остается предположение об этих предметах не как об орудиях, а как об оружии дробящего действия; остается лишь добавить, что наклон обушной части назад, равно как и килевидно-оттянутая линия лезвия, при отмеченной выше равновесности топорной и молоточной частей дают возможность одинаково быстро и ловко действовать как топором, так и молотом поочередно. С другой стороны, находка экземпляров очень незначительного размера и веса, а также грубого орудия из мягкого материала (у сел. Урухского) свидетельствуют о том, что часть этих предметов действительно не применялась и не могла применяться ни в качестве оружия, ни в качестве рабочего орудия.

Посуда

Лишь в немногих из рассматриваемых здесь захоронений при костяке не было обнаружено сосудов.

Об их отсутствии при вскрытии могилы с уверенностью можно говорить лишь о маленьком курганчике у Долинского селища и о погребении № 3 в кургане № 4; остальные же, лишенные посудного инвентаря, погребения №№ 2 и 3 кургана № 2 и погребение № 6 кургана № 4 настолько разрушены, что наличие при них того или иного количества сосудов весьма вероятно, о чем говорит и охарактеризованная выше насыщенность курганной насыпи керамическими остатками. Большинство же захоронений, судя по материалам Нальчикского музея, богато снабжены керамическим инвентарем.

¹ F. Hančar, ук. соч., сводная таблица № 28.

¹ Ук. соч., стр. 57—60.

² С последним сближается единственный упоминаемый в литературе (V. Avdief, ук. соч., стр. 30, рис. I) топор Нальчикского музея, повидимому, из более позднего курганного погребения во дворе УНКВД (табл. XIII, 5).

³ Из ст. Горячеводской, Константиновки (Пятигорье), сел. Христианского и неизвестной местности б. Терской области.

⁴ A. Tallgren. Zu der Nordkaukasischen Bronzezeit. ESA VI, стр. 137—138, рис. 49.

⁵ Издач дважды: П. С. Уварова. Могильники Сев. Кавказа, МАК, VIII, стр. 23, рис. 28—29; F. Hančar. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung kaukasischer Altertümer. Wiener Prähist. Zeitschr., XXI, 1934, стр. 19—22, табл. II, фиг. 4а, в, с; сводная таблица № 28.

Керамика из курганов в «садках» чрезвычайно разнообразна по технике и богата формами, которые, однако, состоят из ограниченного числа типов, надежно уязвляющихся с предшествующими и последующими периодами. Прежде всего необходимо выделить небольшое количество керамических остатков (все из насыпей курганов, исследованных экспедицией), по технике (тесто, цветность и характер лепки) и по формам связанным с керамикой древнейшего, по заключению авторов отчета, слоя Долинского селища из раскопа, 1933 г.¹ Здесь нужно учесть в первую очередь характерную ручку с отверстием, просверленным в вертикальном выступе стенки (табл. II, 4) из разрушенного кургана № 2-а (84-5); ее исключительная близость к биконическим трехручковым сосудам из Долинского селища могла бы возбудить даже сомнение в случайном характере попадания этого фрагмента в набор остатков данного кургана. Однако и в насыпи исследованного кургана № 4 был найден фрагмент дна (141-208, рис. 32, 8), по профилю, размерам, тесту и технике еще ближе соответствующий днищам таких же биконических сосудов из Долинского.² Горшок без ручек с отогнутым венчиком, фрагменты верхней части которого (81-9,55, табл. VI, 3) подобраны из разных участков насыпи кургана № 2, по тесту и, в значительной мере, по форме идет от горшков из того же слоя Долинской.³

Было бы весьма соблазнительным предположение о возможности попадания керамики в курганную насыпь из почвы, может быть, более древнего поселения на той же площади, так как это обстоятельство сигнализировало бы о той ранней стадии родового общества, когда захоронение производилось на заселенной родом площади. К сожалению, было бы чрезвычайно трудно аргументировать эту гипотезу, требующую в данном случае и другого допущения, — селище, одновременное с древнейшим Долинским, должно было тянуться не меньше чем на 1,5 км сплошным культурным слоем, насыщенным керамикой настолько, что однородные остатки ее попадали бы позже в каждый курган, притом чуть ли не целыми сосудами. Поскольку, однако, стратиграфия почвенных слоев в северо-западной поле кургана № 4 (рис. 23) не обнаруживает никаких признаков культурного слоя или хотя бы погребенного гумуса, а с противоположной юго-восточной стороны на расстоянии нескольких метров терраса круто обрывается на порядочную высоту, — для предположения о привносе в описы-

ваемые курганные насыпи более древней керамики извне нет никаких данных.

Наиболее правдоподобным является уже изложенное выше представление о многократных захоронениях в курганах «II стадии» (что подтверждается и археологической обстановкой исследованных курганов), причем остатки в насыпях этой керамики нужно было бы отнести к первичным захоронениям.

Нельзя не отметить отсутствия в курганных инвентарях из «садков» (и близких к ним комплексах) твердой уязки с ведущими типами керамики позднейшего слоя Долинского селища (1932) и Соломенского кургана, если они не скрыты во фрагментах, не поддающихся реконструкции; наиболее возможным кажется фрагмент горла с венчиком и плечиками крупного толстостенного сосуда (81-75, табл. VI, 4), который выпадает из типологии основных комплексов курганных захоронений, исследованных экспедицией, и может относиться к сосуду, идущему от больших плоскоплечих горшков позднего Долинского и Соломенки.

Совсем особняком стоят сосуды, повидимому широкогорлые кувшины, от которых сохранились, к сожалению, лишь фрагменты венчиков — без всякого отгиба, слегка наклонных наружу (раструбом); отдельные фрагменты показывают перегиб от горла к плечикам, но реконструкция формы туловища сосуда невозможна. Сохранились фрагменты сосудов довольно значительных размеров с диаметром венчика в 21 см (81-22, табл. VI, 1), есть меньше — в 12 см (81-38, табл. VI, 2), есть и совсем крошечные с диаметром венчика 8,5 см при толщине стенок ок. 4 мм (81-100, табл. VI, 6). Целые сосуды «II стадии» с подобными венчиками пока не известны в данном районе (в музее их также нет). Фрагменты подобных по профилю, но крупных сосудов найдены — один в Долинской (1932),¹ и несколько на Агубековском селище; однако устанавливать прямую преемственность с агубековским материалом было бы слишком рискованно. Не исключена, однако возможность, что этот тип сосудов переживает, тем более в миниатюрных формах, и во «II стадии». Не лишнее вспомнить, что во второй долменообразной гробнице Новосвободной (б. Царской) есть как кувшин, так и широкогорлый горшок с близкими профилями венчиков.² Если находка всех венчиков этого типа только лишь в насыпи одного кургана № 2 говорит, как будто, о ранней датировке этого типа, то нельзя все же пройти мимо наличия типов того же горшка и весьма близкого кувшина во «II культуре» Кобякова

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 185—86.

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. VI, 1—3.

³ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 187.

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 190, рис. 28, 3.

² ОАК, 1898, табл. V/62 и VI/66.

городища на Дону,¹ которая имеет не одну только эту связь с курганный керамикой из «садков» и аналогичных комплексов (см. ниже стр. 244). Впрочем, к последнему типу «кувшинов» с широким раструбом горла и прямым венчиком могут относиться фрагменты нижней части сосуда из грубой серо-желтой глины с гравием, подобранные на месте разрушенного кургана № 2-а (84—18, табл. III, 3).

Керамика основного «слоя» курганных погребений «II стадии» в Кабардино-Балкарии более или менее покрывается следующими типами.

А. Горшок, обычно значительных размеров, стройной округло-яйцевидной формы с невысоким, но ясно выраженным горлом и мягко отогнутым наружу венчиком, от края которого к плечикам отходят две кольцевидные ручки из глиняной ленты или валика; дно обычно утолщенное, плоское или волнистое, четко профилированное изнутри и снаружи; стенки отходят от дна под углом к плоскости дна, близким к 45°. Высота равна наибольшему диаметру, который приходится выше половины высоты сосуда, или несколько превышает последний.

Формовка, как правило, точная, поверхность на всех исследованных экземплярах лощеная, черепок обычно ровный, темных тонов.

Сосуды этого типа найдены во всех трех исследованных курганах: в кургане № 2 при погребении № 1 со вставленной в горло чашкой (табл. IV, 2); в кургане № 4 при погребении № 1 целый (табл. VII, 2)² и в насыпи фрагменты дна и стенок (табл. VIII, 3); в кургане № 2-а отдельные фрагменты, по профилю близкие к горшкам этого типа. В Нальчикском музее этот тип представлен лишь одним поврежденным экземпляром (инв. № 280/1929) из кургана в «садках» (V), раскопанного 4/VI 1929 г. (рис. 33, 4).

Последнее обстоятельство меньше всего свидетельствует о редкости этого типа сосудов в захоронениях данного района, но в силу порядочной величины и тонкости стенок горшки типа А находятся в раздавленном состоянии и, вследствие своей невзрачности, обычно не попадают в музейные коллекции. Из более отдаленных районов следует учесть любопытнейший горшок Северо-Осетинского музея в Орджоникидзе, происходящий с берега р. Дур-Дур на участке ст. Архонской; при чрезвычайно близком профиле и деталях, вплоть до украшения налепными шишечками, он отличается резкой несимметричностью постановки ручек, из которых одна сидит, подобно наль-

чикским горшкам, у самого венчика, а другая значительно ниже — на переходе от плечиков к брюшку сосуда (рис. 40, 10).

Б. Сосуд более или менее округлой или даже эллипсоидной формы с таким же низким горлом и таким же отгибом (иногда венчик почти прямой, без отгиба) и с такими же двумя ручками, как у горшков типа А; дно обычно не выражено, изнутри иногда утолщено, а снаружи представляет небольшое утолщение верхней округлости сосуда; стенки отходят от плоскости дна очень полого, под острым углом ок. 20—25°, а иногда даже меньше. Высота равна или несколько меньше наибольшего диаметра, находящегося на середине высоты сосуда или ниже нее.

Формовка обычно весьма правильная, поверхность лощеная, черепок большей частью светлых тонов охры, нередко розоватый. Обычно сосуды этого типа богато орнаментированы. Размеры весьма варьируют от довольно крупных до самых маленьких.

Достаточно характерным экземпляром типа Б является сосуд из кургана № 2-а (84-2), фрагменты которого собраны в достаточном количестве для восстановления полного профиля (табл. I; выс. 28.8 см, наиб. диам. 30 см). По плечикам богатый узор веревочным штампом (табл. 1, 4). Второй значительно меньший экземпляр собран из фрагментов в насыпи курганов № 2 (81-53, лит. Н; выс. 12.5 см, наиб. диам. 14.2 см); совершенно лишен орнаментации (табл. V, 2). Третий сосуд совсем маленький, такого же происхождения (81-54, лит. О; выс. 10.5 см; наиб. диам. 12.6 см), позволяет восстановить достаточно точно как профиль, так и украшение венчика пятью рядами веревочного штампа (табл. V, 3). К этому же типу следует отнести и два сосуда из кургана во дворе УНКВД (инв. №№ 79 и 80/1931) (табл. XIII, 1, 2), кстати единственных воспроизведенных в литературе.¹ Удивляющее на первых порах отсутствие в собрании Нальчикского музея крупных сосудов этого типа, соответствующих размеров из кургана № 2-а, покрывается приведенным выше объяснением о горшках типа А, подкрепляемым наличием в резервах музея довольно многочисленных фрагментов таких больших орнаментированных сосудов (в том числе и из курганов в «садках»), большая часть которых, по видимому, до музейных коллекций не дошла. В силу этого наиболее выразительные, но небольшие экземпляры типа Б в собраниях Нальчикского музея происходят из близлежащих степных районов Кабарды: это прекрасный, богато украшенный почти шаровидный сосуд из ст. Пришибской (инв. № 208/1926) охряного цвета с лощеной поверхностью, с почти прямым срезанным венчиком и едва выраженным дном

¹ Краткий отчет о работе Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. Сообщ. ГАИМК, т. I, 1926, стр. 128—129, рис. 24 и 25.

² Вторая ручка, причесанная на фотоснимке пунктиром, по ошибке была передана в Нальчикский музей в 1932 г. (до подборки и склейки сосуда) вместе со всем комплексом погребения № 1.

¹ Ancient Egypt and East, 1933, № 1—2, стр. 30, рис. 1.

(табл. XII, 6; выс. 14.5 см, наиб. диам. 17.2 см); еще более плоский (выс. 9.9 см, наиб. диам. 12.5 см) сосуд из кургана у сел. Светловодского недалеко от Пятигорска, раскопанного в 1928 г. (инв. № 99/1929; табл. XII, 1) и, наконец, своеобразный (повидимому, более поздний) сосуд из раскопанного музея кургана в сел. Кызбурун III на р. Баксане (инв. № 558/1925), охряный снаружи и черный внутри, с единственным в своем роде орнаментом, покрывающим и ручки (табл. XI, 2, выс. 9.8 см, наиб. диам. 13.4 см). Сюда же можно поставить и единственную близкую по совокупности форм аналогичную типу Б за формальными границами Кабардино-Балкарии, — маленький чрезвычайно плоский сосуд (отношение высоты 9.5 см к наиб. диам. 14.8 см, почти 2:3) с идентичным по технике (веревочной и треугольной штампы), но иным по композиции, чем на кабардино-балкарских, орнаментом из курганного погребения в осетинском (плоскостном) сел. Христианском¹ (ок. 50 км. от Нальчика по прямой линии). Небезинтересно, что из близкого района происходят фрагменты сосуда, по профилю, форме и технике подходящего к типу Б Нальчикского района, но без веревочного штампа, лишь с небольшими налепками у плечиков — курган № 2 из раскопок А. М. Радищева в 1919 г. в окрестностях г. Орджоникидзе за Осетинской слободкой (колл. Сев.-Осет. муз. № 132); сопровождающий комплекс и стадиально и формально имеет ряд точек соприкосновения с изучаемыми материалами Нальчикского района (рис. 40, 1—9).

С другой стороны, ряд сосудов этого типа выказывает обратную тенденцию — к вытягиванию пропорций вверх, переносу пучности выше, к выделению и оформлению донной части и к увеличению угла между плоскостью дна и отходящей стенкой, т. е. приближение к горшку типа А. Если наиболее выраженные экземпляры обоих типов резко различаются между собой, то на практике существует целый ряд сосудов, которые по форме можно с одинаковыми основаниями относить и к типу А и к типу Б; то, что эти промежуточные примеры приводятся здесь с типом Б, диктуется учетом не только самой формы, но и материала, окраски, орнаментации и пр. Таков второй большой сосуд из кургана № 2-а (84-1); восстановленный из многочисленных и достаточно крупных фрагментов; он весьма характерен (рис. 4; выс. его 31 см, наиб. диам. 31 см).

Таковы же несколько небольших сосудов Нальчикского музея из курганов в «садках», из которых здесь приводятся два. Первый [курган (I), инв. № 205/1929] грязно-охряного цвета, местами розоватый, в изломе черный, украшен по плечикам, основанию горла и по ручкам снаружи грубым веревочным штампом (пропорции: выс. 12.7 см, наиб. диам. 12.5 см, диам. венчика 10 см, диам. дна 6.5 см), пучина приблизительно у середины высоты (табл. IX, 1). Интересно, что среди нескольких маленьких сосудов типа Б, найденных в раздаточном состоянии в насыпи кургана № 2, один (81-11), из-за мелкой раздробленности не поддающийся склейке, является точным двойником описанного выше — профилем плечиков, горла и венчика, общие размеры и пропорции, вплоть до характера веревочного узора совпадают очень близко, отличаясь лишь более темной цветностью. Второй сосуд музея [курган (IV), инв. № 261/1929] светлоохряного цвета, слегка пятнистый, в изломе черепок черный; по пропорциям еще ближе к типу А (выс. 12.8 см, наиб. диам. 11.9 см, диам. венчика 9.1 см, диам. дна 5.3 см, притом наиб. диаметр поднимается выше к ручкам) (табл. IX, 3). Однако орнамент из косых резок «в елочку» по плечикам сосуда не типичен для «II стадии» изучаемого района и либо ставит вопрос о несколько более поздней датировке последнего сосуда, либо вызывает ассоциации со степной керамикой, напр. Калмыкии.¹

Сближение сосудов типов А и Б имеет основанием, повидимому, их функциональную близость: объем, общие пропорции, способ поднимания за две ручки, условия слива через венчик и т. п. О назначении сосудов типа А для жидкой пищи или, вернее, питья ясно говорит обстановка погребения № 1 кургана № 2, при котором внутри горшка типа А была найдена чашка для черпания или питья (рис. 15, 17, табл. IV, 3). Эта комбинация большого сосуда (для жидкости) и маленького (для черпания) довольно устойчива в погребениях «II стадии», поддающихся учету: кроме указанного погребения у кургана № 2, она имеется налицо во всех могилах Соломенского кургана² и прослеживается даже в сильно нарушенной обстановке кургана № 4 в виде сочетания в одном погребении горшка типа А (не считая фрагментов второго такого же в насыпи) с маленьким сосудиком-черпаком (см. выше, стр. 230), если правильно предположение о совмещении дефектных костяков №№ 1 и 4.

¹ Интереснейший комплекс, приобретенный Северо-Осетинским музеем (инв. № 33/1920) в 1920 г. от некоего Савельева, опубликован Tallgren'ом (ESA VI, стр. 137—138, рис. 48). Опубликованный там же и приведенный выше (стр. 240) шлифованный топор поступил в музей позже, в 1924 г., из кургана, вскрытого жителями с. Христианского при прокладке дороги (Архив ГАИМК, дело 1924/131). Принадлежность его к комплексу 1920 г., к сожалению, не устанавливается.

¹ Чрезвычайно близкую аналогию по профилю, размерам и орнаментации, но без ручек, составляет небольшой сосудик из погребения № 2 кургана № 1 группы I (П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Гри брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. Сов. археол., № 1, Лгр., 1936, стр. 129, рис. 8).

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 194, табл. XI.

Горшки «II стадии»	Сосуды без ручек.			Сосуды с двумя ручками													
	Соломенка			Тип Б								Тип А					
	мог. 3	мог. 2	мог. 3	с. Христианское	Кыз бурун II	Пришибская	Светловодское	Курган № 2 в насыпи		«Садки»		Курган 2-а		Кург. № 2, погр. № 1	Кург. № 4, погр. № 1	Кург. № 4, насыпь	Курган в «садах» V)
							81-53	81-54	205, 1929	261, 1929	84-2	84-1	Кург. № 2, погр. № 1	Кург. № 4, погр. № 1	Кург. № 4, насыпь	Курган в «садах» V)	
Высота сосуда	13.5	9.8	9.6	9.5	9.8	14.5	9.9	12.5	10.5	12.7	12.8	28.8	31	19.2	27	ок. 25 (?)	23
Наибольший диаметр	16.8	12.1	11.2	14.8	13.5	17.2	12.5	14.2	12.6	12.5	11.9	30	31.8	18.4	27.5	ок. 26	22
Диаметр венчика	11.3	10.1	8.3	12.5	—	12.7	—	ок. 11	7.5	10	9.1	19.8	20	12.7	16	—	ок. 11
Диаметр дна	—	6.2	ок. 3	—	—	—	—	5.7	5.1	6.5	5.3	7.9	10.5	6.3	10	10	8.5

Наконец, та же комбинация двурукого горшка, близкого к типу А, и небольшой чашки-кубка установлена А. А. Иессеном в погребении конца «II стадии» близ с. Зеюково¹ (кург. II, погр. 9).

Поскольку сосуды типа Б найдены экспедицией лишь в разрушенном кургане, а состав керамики, сопутствовавшей экземплярам, хранящимся в Нальчикском музее, часто остается невыясненным, может быть лишь выдвинуто предположение, нуждающееся в дальнейшем подтверждении или опровержении, о том, что сосуды типов А и Б, одинаковые по своему функциональному назначению, в составе одного погребения² не встречаются; объяснение этого предполагаемого явления — хронологическая ли последовательность этих двух видов, или разность производственных коллективов, или ритуальные различия по половому или иному признаку — не может быть получено без более широких систематических раскопок.³

Бытование на ряду с большими сосудами исследуемых типов их как бы уменьшенных копий, причем наличие двух миниатюрных ручек у сосудиков, свободно охватываемых рукой, совсем не обусловлено функциональными требованиями и является как бы пережиточной формой, ставит вопрос о том, не являются ли эти миниатюрные повторения специальным могильным инвентарем. Подтверждением этого положения является и сравнительное обилие именно этих сосудов в насыпи одного и того же кургана № 2. Под таким углом приобретает особый интерес то обстоятельство, что единственной аналогией горшкам типа А на

Сев. Кавказе является маленький сосудик из погребения в Абадзехском долмене,¹ с очень близким профилем и ручками, характерными вообще для керамики исследуемых погребений. Что касается типа Б, то нельзя не вспомнить похожего по общему облику двурукого сосуда из кургана у ст. Костромской с веревочным же штампом, но совсем иной композиции орнамента, покрывающего, в противоположность нальчикским, все тело сосуда.²

Других сосудов, которые являлись бы аналогиями типам А и Б не по отдельным элементам формы или орнаментики, а во всей совокупности их, неизвестно, и единственным положением, которое можно было бы защищать на настоящем уровне археологических знаний, является то, что бытование этих типов в могильном инвентаре ограничено территориально центральным Предкавказьем и во времени «II стадией», так как в погребениях «III стадии» мы их уже не встречаем. Генетически мы вправе связывать этот тип с более крупными сосудами Соломенского кургана, к одному из которых³ достаточно приделать кольцевидные ручки, чтобы получить тип Б. Нельзя исключить из круга внимания и несомненно более поздние сосуды «II культуры» Кобякова городища, чрезвычайно близкие к типу Б по материалу, профилям и орнаментации (в более поздней линейно-штриховой технике с добавлением и веревочного штампа), которые в отчете названы «бомбовидными»;⁴ к сожалению, от них найдены лишь отдельные фрагменты, и вопрос о наличии у этих «бомбовидных» сосудов ручек остается открытым, да и вообще ручек в Кобякове II, насколько мне известно, не обнаружено.

¹ Археологические работы в РСФСР. 1934—1936 гг. Лгр., 1940, табл. XXXVIII, 1, 2, стр. 226.

² Но не одного кургана, так как среди разрозненных остатков погребений в насыпи кургана № 4 есть фрагменты двух сосудов типа Б (141/125-131 и 141/181-187), последний со следами штампованного орнамента под ручкой; в погребении № 4 кургана № 2 внутри единственной при погребении миски найден фрагмент подобного же сосуда с ручкой и веревочным орнаментом под ней (81-147).

³ Форма горшка из вышеприведенного кургана II у с. Зеюково, опубликованного уже во время печатания данной работы, дает основания считать горшки типа А более поздними, чем тип Б.

¹ Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские долмены. МАК, IX, стр. 27, 35, рис. 7; А. Tallgren. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental. ESA IX, стр. 19, рис. 19, 10. Орнаментация не совпадает.

² ОАК, 1897, стр. 13—14, рис. 47. Принадлежность этого сосуда к скифскому инвентарю кургана № 1 более чем сомнительна; очевидно, он относится к одному из древних погребений этого кургана, разрушенных для сооружения скифского склепа.

³ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. XI, 4.

⁴ Сообщ. ГАИМК. т. I, стр. 132—133, рис. 28, 1 и 2.

В. В наборе остатков курганных захоронений в «садках» (I) — (V) Кабардино-Балкарского музея есть несколько горшков, обычно небольших, грубого теста и небрежной формовки, которые напоминают огрубленную схему профиля типа А, но резко отличаются наличием лишь одной ручки, придающей им характер кружки (инв. № 274/1929; табл. IX, 4, 5, 6).¹ Таков же сосуд Нальчикского музея (инв. № 79/1931) из кургана во дворе УИКВД (табл. XIII, 3). Под контуры этого типа подходит нижняя часть сосуда, найденного при остатках погребения № 4 в кургане № 4 (большого); перегиб от плечиков в горлу намечается ясно почти до венчика (табл. XIII, 1), но отсутствие противоположной половины стенки и невозможность определения наличия ручки позволяет с равным основанием отнести этот сосуд и к следующему типу.

Г. Горшочек вовсе без ручек, о котором в остальном можно повторить сказанное выше о предшествующем типе В; по экземплярам музея из тех курганов в «садках» (инв. № 207 и 282; табл. IX, 7, 8, 9) и другим случайным находкам можно говорить лишь о несколько более стройной придонной части горшков, что как раз не соответствует, так же как и размеры, сосуду из кургана № 4. Незначительность размеров сосудов типа Г (высота 6.6—7.8 см; наибольший диаметр 6.5—7.6 см) и тем самым, возможно, питьевое их назначение сближает их с сосудами, для которых эта функция документирована. Подобные сосуды найдены А. П. Кругловым в древних могилах большого могильника Царца (близ с. Чми), отчет по которым еще не издан.

Д. Чашка или «кубок» (Coupe, Becher) без ручек с плоским сравнительно широким дном, крутым подъемом боков к пучности, широким почти стоячим горлом и почти не выраженным венчиком. Такова чашка из кургана № 2 погребения № 1 с поясом из шишечек по брюшку, найденная внутри горшка типа А (рис. 17, табл. IV, 3). Очень близок по форме и размеру, но отличается нарезным «елочным» орнаментом, кубок из приводимого погребения № 2 кургана II у с. Зеюкова (выс. 7.3 см, наиб. диам. ок. 8.5 см), как указывалось выше, найденный также вместе с большим горшком, но при ином размещении погребального инвентаря.² Вернее всего, сюда же следует отнести сильно фрагментированный сосудик из кургана № 4 погребения № 4 (меньший) (табл. VIII, 2).

Генетически оба последние типа, без сомнения, тоже увязываются с группой маленьких

сосудов Соломенского кургана,¹ соединение которых в пределах инвентаря одной могилы с крупными сосудами подтверждает предположение о функции их как «кубков» для питья.

Аналогий этим сосудам из старых раскопок искать бесполезно, так как в силу своей невзрачности сосуды подобных типов обычно не брались, не фиксировались, а часть вероятно даже не регистрировалась. С другой стороны, впечатлительные длительной устойчивости бытовавшие этого типа сосудов вызывают средневековые, чаще всего стеклянные «дериваты»² из казачьих погребений горного Центрального Кавказа.³ Параллельный вариант «кубка» с одной ручкой, безусловно питьевого назначения, вполне устойчив в захоронениях моздокского кургана № 10.⁴

Е. Миска плоская (в описаниях нередко называется то чашкой, то блюдом, то еще иначе) с невыраженным утолщенным дном и более или менее завернутым внутрь краем венчика; пропорции довольно разнообразны, но более или менее константно отношение высоты сосуда к наибольшему диаметру: от 1 : 3 до 1 : 4. Весьма постоянный элемент в погребальных инвентарях «II стадии» исследуемого района. Экспедицией найдены миски этого типа: при погребении № 1 в кургане № 2 (табл. IV, 1), украшенная косыми резками по наружному бортику; при погребении № 1 в кургане № 4 украшенная четырьмя группами шишечек по наружному борту (табл. VII, 1); в насыпи кургана № 4 были найдены фрагменты и второй маленькой миски (141/197-200) из ровной плотной, хотя и довольно хрупкой глины с лощеной поверхностью, совсем без венчика с загнутым внутрь, сходящим на-нет краем (рис. 32, 7) — форма, весьма близкая к небольшой миске из могилы № 2 Соломенского кургана⁵ с двумя дырочками для подвешивания.

В коллекциях Нальчикского музея есть несколько мисок подобного рода (напр. инв. №№ 85/1935, 87/1936), в том числе из кургана (II) в «садках» (инв. № 267/1929) с

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. XI, 1 и 2.

² Независимо от привозного их происхождения.

³ Венский экземпляр: F. H a n ß a g. Der Inhalt eines Kobaner Katakombengrabes im Wiener Völkerkundemuseum, Mitt. der Anthropol. Ges. in Wien, 1933, стр. 39, рис. 9. — Е. Г. Пчелина. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 110—111, рис. 2. — П. С. Уварова, МАК, VIII, табл. XII, II, стр. 124, рис. 108. Раскопки В. Долбежева у Балты (ОАК, 1897, стр. 146, рис. 285; стр. 147, рис. 287; стр. 148, рис. 294); раскопки Неверовского у станции Змейской (МАК, VIII, стр. 347, табл. CXIV, 4—6).

⁴ Курган значительного размера, заключавший в основном ряд разновременных погребений эпохи бронзы, интересных переходным характером от захоронений «II стадии» изучаемого района к чисто степным памятникам. Раскапывался ГАИМК осенью 1936 г. при участии автора данного отчета.

⁵ См. в данном сборнике статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. XI, 5.

¹ Следует учесть, что с указанным аналогом к типу А в Абадзехском долмене найден и однорукий сосудик, весьма близкий к типу В (МАК, IX, стр. 27, рис. 8; IX, стр. 19, рис. 11).

² А. А. Иессен. Река Баксан (1934). Археологические работы в РСФСР. 1934—1936 гг. Лгр., 1940, стр. 226, рис. 61, 4, табл. XXXVIII, 2.

диаметром в 25 см при высоте 9 см; наконец, в комплексе из кургана под Домом Советов имеется раздавленная миска, точно повторяющая миску с шишечками по борту из кургана № 4 (рис. 39, 9).

Поскольку в обеих мисках из погребений, раскопанных экспедицией, *in situ* были найдены остатки костей, функции их в погребальном инвентаре этих погребений выясняются в качестве «тарелок» для мясной пищи. Характеристика этих сосудов не имеет в виду утверждения о единственном типе только лишь плоских мисок в быту данного времени: материалы позднего слоя Долинского селища, более или менее синхроничного Соломенке, дают нам другую по пропорциям (а может быть и по функциям) форму более глубокой миски,¹ имеющую соответствие в миске из впускного погребения могильника-кургана № 1.² Это кажущееся противоречие лишь подчеркивает систематический выбор для погребального обряда миски по преимуществу одного типа — плоского, связанного, очевидно, с характером полагаемой с покойником мясной пищи. Чрезвычайно интересно, что в погребениях последующей «III стадии» плоские миски последовательно сменяются опять глубоким типом с отношением высоты к наибольшему диаметру (от 1 : 2 до 1 : 1.5) с тем, чтобы к концу «III стадии» в погребениях «скифского» времени вновь смениться более плоской миской особого профиля. В связи с рядом других данных, к которым придется еще вернуться, я склонен рассматривать миску (глубокую, с выпуклыми до дна боками и двумя ушками для подвешивания), а с нею и все погребение № 4 в кургане № 2 (табл. V, 1) как позднее, переходное к «III стадии».

щие в состав многих погребальных комплексов: курганы в «садках» — (II) — 3 шт., (III) — 1 шт., (IV) — 1 шт.; курганы под Домом Советов 28 VII 1932 — 2 шт. (рис. 39, 14, 15) и др. Являются ли эти маленькие сосуды миниатюрной копией больших мисок или размер и форма их обусловлены характером их содержимого (в одном из комплексов моздокского кургана № 10 в подобной плошечке обнаружены следы краски) — установить невозможно в силу того, что как место их при костяке, так и археологическая их обстановка остаются вполне неясными; приходится лишь отметить нередкое их присутствие в изучаемых комплексах.

Примечательно то, что весьма близкие по форме и размерам сосудики подобного рода найдены в одном из прикубанских долменов с плоскими глиняными крышечками,¹ что говорит, как будто, о самостоятельной их функции.

3. В значительной степени особняком, не поддаваясь обобщению в «тип» за единичностью примера, стоит четвертый сосуд из погребения № 1 кургана № 2, найденный между руками и лицом костяка. Форма — кубышко-видная, округлая снизу и коническая в верхней половине, с двойным перегибом плечиков, узким отверстием без всякого отгиба и оформленного венчика и с двумя ушками-ручками от нижнего перегиба с вертикальными отверстиями; по обоим перегибам плечиков украшен штампом (табл. IV, 4). Сколько-нибудь точных формальных аналогий мне не известно, но конструктивные (а в связи с ними функциональные) данные позволяют сопоставить с нашим экземпляром: маленький сосудик из могилы № 1 Соломенского кургана² с четырьмя похо-

Миски типа E	Курганы				Долинское, 1932 г.	Соломенка, могила № 2		Могильник „III стадии“ у сел. Каменноостского ³				Могильник „III стадии“ в Кисловодске (санат. КСУ), погр. № 13	
	Курган № 4 насыпь	Курган № 4 погр. № 1	Курган № 2 погр. № 1	Курган № 2 погр. № 4		Курган № 1 погр. № 28	Соломенка, могила № 2	23	17.2	21	21	13.2	22.8
Наибольший диаметр . . .	24	29	24.4	18.4	31	19	14.8	23	17.2	21	21	13.2	22.8
Высота	ок. 7.5	8.5	6.5	10.3	12.5	8.2	4	8.4	7.4	12.8	13.5	6.7	11
Отношение (округлено)	ок. 1 : 3.5	1 : 3.5	1 : 4	1 : 1.75	1 : 2.5	1 : 2	1 : 3.5	1 : 2 ³ / ₄	1 : 2 ¹ / ₃	1 : 1 ³ / ₄	1 : 1 ³ / ₄	1 : 2	1 : 2
Диаметр дна	—	10.5	10.3	9.3	9	7.3	—	5.5	6.4	6.4	8.2	5.6	10.4

Ж. Внимательный разбор коллекций Нальчикского музея с помощью книги поступлений выявил и еще один тип керамики: плошечки или чашечки, всегда очень небольших размеров (наиб. диам. до 10—12 см и выс. до 4—5 см) с округлым или чаще прямолинейным профилем (в виде перевернутого усеченного конуса с незначительной высотой), входя-

жими выступами-ушками, с маленькими вертикальными дырочками в них, с очень маленьким дном, но с явно выраженным венчиком; занимающий как бы середину между ними сосудик из древнего погребения у Усть-Лабинской станицы с похожим на предыдущий, но

¹ МАК, IX, стр. 35, рис. 20; Tallgren, ESA IX, стр. 19, рис. 9 (данный предмет без основания отнесен к позднему инвентарю долмена на Зацепиной поляне).

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. XI, 3.

³ Ср. ниже, стр. 288.

¹ Там же, табл. IV, 9.

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, стр. 124.

шнуровым орнаментом¹ и, может быть, не без сомнений, несколько больший сосуд из долмена № 4 в Кюр-Дере (Абхазия), насколько можно судить по реконструкции в плохом воспроизведении.² Первые три экземпляра этого рода могут быть охарактеризованы как сосуды малой величины (выс. 8,7, 8,8 и 9,5 см) со слабо выраженным или почти округлым дном, узким, допускающим закуроривание пробкой отверстием горла (наим. диам. 2,8, 3,6 и 3 см) и 2—4 прилежными ушками-захватами, удерживающими округлое тело сосуда от выскальзывания при зажиме сосуда в кисти руки; все эти черты позволяют видеть в них, скорее всего, функциональный тип «флякопа» или античного алабастра, которому не противоречат и дырочки в ушках для подвеса.³

В сравнении с керамикой не только Агубековского селница, но и Долинского раннего слоя, керамика курганных погребений в «садках» и т. п. значительно подвигается вперед не только технически, но и по своим формам. Прежде всего, нельзя не отметить выработанность не только типов сосудов, но и отдельных конструктивных их элементов — полную законченность и выразительность получают корпуса сосудов, моделировка плечиков, сочетание стенок с днищем, форма венчиков, ручек и пр. Сочетание всех этих элементов впервые получает стройность и логичность не только эстетическую, но и функциональную. Ряд деталей обладает чрезвычайной устойчивостью. Так, кольцевидная ручка из плоской глиняной ленты, идущая от края венчика или чуть пониже от горла к плечикам сосуда, применяется в типах сосудов А, Б, В, т. е. во всех типах, где ручки играют конструктивную роль (рис. 4.33, табл. I, II, 5—6; IV, 2, VII, 2, IX, 1—3; XII, 1, 6). Эта форма ручек резко отличается от просверленных отверстий в наращенной стенке сосуда, типичных, напр., для Долинской I⁴ и исчезает вовсе в «III стадии», что дает возможность использовать ее как датирующий элемент.

На ряду с этим древняя форма ручек в виде небольших сплошных налепов, то тесно прижатых к стенке, то оттопыренных под прямым углом, нередко раздвоенных, появляю-

щаяся где-то на границе между I и II «стадиями», продолжает бытовать и в течение всей «II стадии» на малых сосудах типов Д и З (табл. IV, 3—4), иногда превращаясь в почти чисто декоративный придаток (табл. VII, 1), и переходит даже на некоторые сосуды «III стадии», обычно лишённые ручек вовсе (один довольно крупный горшок Нальчикского музея из Затинья около Нальчика, инв. № 330/1921, с четырьмя раздвоенными шишечками по плечикам).

Декоративная обработка исследуемой керамики отмечена значительной цельностью и единством приемов. Ведущим приемом является веревочный штамп, не встречаемый, кстати сказать, ни в Долинском, ни во впускных погребениях Нальчикского могильника («кургана» № 1), ни в Соломенке, достигающий в изучаемый период господствующего положения и исчезающий с переходом к «III стадии»; таким образом веревочный штамповый орнамент также является достаточно точным определяющим моментом для датировки погребальной керамики. Штампы других видов играют, по сравнению с веревкой или шнуром, подчиненную роль; чаще всего употребляется треугольный или угловой штамп (рис. 42, табл. II, 1—2; III, 1; XI, 2; XII, 1, 6; XIII, 2), реже кольцевой, наносимый каким-то трубчатым инструментом (возможно, костью или птичьим пером) (рис. 42, табл. IX, 2; XII, 6). Совсем редко встречается резной штриховой орнамент, налицый в Соломенском кургане¹ и играющий также ведущую роль в керамике «III стадии»: из учтенного материала можно указать лишь на наружный бортик миски из погребения № 1 кургана № 2, обработанный кругом грубыми и неправильными ногтевыми резками (табл. IV, 1) и на горшочек из кургана (IV) в «садках» с елочным орнаментом на плечиках (табл. IX, 3). Параллельно наблюдается на всем протяжении «II стадии» прием декорации ответственных пунктов сосуда: венчиков или бортов миски (табл. VII, 1), плечиков для подчеркивания наибольшей ширины или перегиба к горлу (табл. IV, 2, 3; VI, 4) и т. п. круглоконическими налепными шишечками, несомненно, имевшими определенную семантику. Эти шишечки применяются горизонтальными рядочками, всегда симметрично по две, чаще по три (горшок типа А из кургана № 2, погр. № 1); фрагмент толстостенного сосуда из кургана № 2 (81-75), фрагмент горшка (84-11) из кургана № 2-а, иногда по шесть (миска из погр. № 1, курган № 4) или по всей окружности (чашка из погр. № 1, курган № 2); примеров расположения шишечек в два ряда, как в Долинской, неизвестно. На одном из фрагментированных сосудов архаического типа из насыпи кургана № 2 (81-9,55, табл. VI, 3) встре-

¹ ОАК, 1903, стр. 67—68, рис. 126. — А. Аугараа, ук. соч., ESA VIII, стр. 124, рис. 126. Сообщение ОАК о нахождении этого сосуда внутри другого (рис. 125) не может соответствовать действительности из-за недостаточного диаметра «большого» сосуда.

² М. М. Иващенко, ук. соч., стр. 34, рис. XII (справа).

³ Следует учесть более устойчивое бытование этого типа сосудов в восточном Закавказье в позднейший переходный от «бронзы» к железу период, соответствующий нашей «II стадии». Н. Morgan. Recherches en Taluche Persan, в работе: J. Morgan. Délégation en Perse, VIII, стр. 274—275, рис. 390—404; стр. 322, рис. 758.

⁴ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. VII, 1, 3, 4.

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. XI, 1, 3.

тился обратный мотив — на плечиках ряд из трех круглых ямочек, по форме и положению негативно повторяющих такие же шишечки на других сосудах.

Не менее устойчивым является и композиционное размещение орнаментальных мотивов. Как правило, не дающее исключений, украшается верхняя половина сосуда до наибольшего расширения, в особенности же плечики, которые обрабатываются особенно богато и разнообразно по приемам; примеров сплошного украшения всего тела сосуда или нижней его части для группы курганов в «садках» мне неизвестно. Самая композиция также построена всегда горизонтально по зональной схеме. Простейшим вариантом является украшение перегиба плечиков к горлу тем или иным орнаментальным мотивом — рядом шишечек или впадин или несколькими сближенными шнуровыми кольцами (табл. V, 3). Последний мотив иногда осложняется перемежением горизонтальных шнуровых штампов косыми их отрезками «в елочку» или в виде шеврона (табл. I, IX, 1; XIII, 1 рис. 42) и чередованием шнурового мотива со штампами другой формы (треугольной, кольчатой) (рис. 42, табл. IX, 2; XII, 1, 6 и др.).

В наиболее развитой схеме к такому простому или сложному горизонтальному фризу подвешивается снизу ряд треугольников («волчьих зубов») в той же шнуровой технике, заштрихованных вкось, параллельно одной из сторон (рис. 4, табл. I). Вертикального размещения орнаментальных мотивов неизвестно и даже членение горизонтального фриза на отдельные «метопы» в материалах экспедиции зарегистрировано лишь в одном случае на фрагменте сосуда (из кургана № 2-а, табл. II, 2), который тем самым выказывает уже черты последующей стадии. Все декоративные мотивы и элементы нанесены с большой четкостью и точностью, но вместе с тем и с большой свободой, легко расставаясь, напр., со сферической горизонтальностью, с перебоем орнаментальной схемы у ручек и т. п. Ручки (если они есть) вообще служат опорными пунктами композиции — это хорошо заметно иногда по несовпадению под ручками числа и направления шнуровых линий, которые протягивались от одной ручки до другой (табл. I, 2). Две половины сосуда, разделяемые плоскостью ручек, оформляются иногда со значительным расхождением между собой: так, на сосуде типа Б из ст. Пришибской сдвоенные и строенные шнуровые тяги перемежаются в одной половине треугольными, а в другой кольцевидными штампами (рис. 42, 2, табл. XII, 6-а), причем перебой, получающийся под ручками, повидимому, ничуть не смущал исполнителя. Наконец, наиболее ярко выраженным разрывом симметрии является сосуд типа Б из кургана во дворе УНКВД в Нальчике (80/1931) с совершенно разными мотивами и композиционной схе-

мой, стыкающимися под ручками в полном беспорядке (табл. XIII, 1, рис. 42, 3). Сами ручки иногда украшаются теми же или особыми шнуровыми мотивами (табл. II, 6; XI, 2, рис. 42, 4), и в одном случае наблюдается особый декоративный мотив под ручками, которого нет на протяжении фриза (табл. IX, 2 а, б). Остается указать, что фриз из лежащих ромбов в том же шнуровом штампе (курган в с. Кызбурун III; табл. XI, 2) не нарушает горизонтальности композиции, но является декоративным элементом уже последующего времени.

Необходимо оговорить наличие в изучаемом районе небольшого числа захоронений, хронологически и стадияльно близких «II стадии», но снабженных керамикой совершенно иных типов, генетически связанной с иными территориями и выпадающей, тем самым, из рамок данной работы. Здесь следует упомянуть керамику из кургана в поселке Майском (возле ст. Прохладной), имеющую аналогию в неопубликованных материалах соседних притеречных степей, и часть керамического инвентаря двух курганов на месте нового здания УНКВД, особенно орнаментированный горшочек без ручек за инв. № 78/1931 (табл. XIII, 4). Эта последняя категория сосудов, возможно, участвовавшая в образовании форм керамики последующей «III стадии», типична для степных курганных захоронений более отдаленного района Днепра, Дона и нижней Волги,¹ но встречается и в соседнем Пятигорье,² во всяком случае, чаще, чем в Нальчикском районе.

Украшения

Украшениями платья и тела захоронения описываемого рода снабжались, как правило, довольно обильно, хотя и не всегда равномерно. Основной материал украшений — медь или ее сплавы; удельный вес иных материалов весьма незначителен. По функциональным признакам представлены следующие группы предметов: I) булавки разных размеров, точное применение которых нельзя считать установленным; II) головные украшения — височные кольца и подвески, налобные ленты и пр.; III) шейные украшения — бусы и подвески, образующие иногда целые ожерелья; IV) украшения рук — браслеты и т. п. В захо-

¹ Примеры: В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Материалы. Тр. XII Археол. съезда, I, стр. 270, табл. XIII (нижняя группа). — П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. Сов. археол., т. I, Лгр., 1936, стр. 129, рис. 8, — и др.

² Особенно близка керамика Пятигорского музея из кургана на р. Подкумке (табл. XIV, 16—18), но к этой же категории примыкает, повидимому, и керамика из самоквасовских раскопок, насколько можно судить по немногим опубликованным образцам (A. Tallgren. Zur Kaukasischen frühen Bronzezeit. ESA VI, стр. 128, рис. 9).

ронениях, исследованных экспедицией, эти категории представлены с весьма различной полнотой, что вместе с материалами Нальчикского музея получают полную выразительность.

I. Булавки погребений Кабардино-Балкарии представляют наибольшую оригинальность типов и украстительных мотивов. По имеющимся в распоряжении данным можно выделить три типа булавок, имеющих разный генезис, а может быть и различное функциональное приращение.

A. Булавка, обломанное навершие которой найдено при погребении № 1 кургана № 4 (рис. 28, 2, табл. VII, 3), небольшого размера и простой конструкции, вполне пригодная для целей скрепления одежды или прищипки. Она состоит из цилиндрического медного стержня в 3 мм толщиной, длина которого неизвестна, но вряд ли могла превышать 8—10 см; головка или навершие представляет двойную симметричную волноту (в 1½ завитка каждая), наподобие ионической капители; основания волнот образуют неправильную параболическую линию, под прямым углом от которой между завитками отходит стержень. Наибольшая ширина головки 2.1 см, толщина 2 мм. Вся булавка, не исключая и стержня, изготовлена в литейной технике. Головка найдена с изломом по одному из завитков, который по состоянию излома мог произойти от окисления по какой-либо трещине, но мог быть и первичным при положении с покойником.

От известных уже в археологической литературе булавок подобного типа описываемый экземпляр отличается сплошной верхней линией навершия, в то время как обычно обе волноты исходят из треугольно-расширенного основания стержня под острым углом друг к другу, наподобие «бараньих рогов». В Нальчикском музее есть образцы того и другого варианта: в интересном комплексе из курганного погребения в тех же «садках» в 1925 г. поступила булавка, чрезвычайно близкая к описанной (инв. № 487/1925), хотя и иной более поздней техники (табл. X, 2). Помимо этой, единственную и весьма близкую аналогию представляет золотая тонкой отделки булавка из замечательного кургана № XXII в Цалке (Вост. Грузия), раскопанного Б. А. Куфтиным уже после написания данной работы.¹

Другой курган в тех же «садках» (рис. 34, 5) дает экземпляр второго варианта, который можно считать прототипом булавки Гос. Исторического музея из Кумбулты и многих других.² Этот второй весьма широко распростра-

ненный и во времени и по территории тип «бараньих рогов» важен тем, что именно он явился основой для формирования в следующей «III стадии» своеобразного типа огромных булавок, типичных для могильных инвентарей некоторых горных районов (особенно могильников Кумбулты, Рутхи, Галната и Камуиты).¹ Последним его дериватом являются железные украшения, выкованные из железного листа в виде грубого подобия таких рогатых булавок неимоверной величины на входной двери знаменитого осетинского дзуара-святилища Реком, которые Уварова категорично, но ошибочно именует прямо «бронзовыми булавками, которые мы встречаем в Кумуитском могильнике».²

B. Вторая булавка, найденная при том же погребении, значительно большей величины и иной техники. Она состоит из цилиндрического стержня (толщ. вверху 6 мм), перевитого 4 раза у основания и слегка утончающегося книзу (общая дл. 24 см), головку которого образует перпендикулярная поперечина (дл. 5.5 см) с двумя гладкими дисками (диам. 2 см) на обоих концах (рис. 28, 1). Этот тип булавок нигде в археологической литературе не описан, не исключая и приведенной выше единственной сводной работы о кавказских бронзовых булавках. Ближайшую аналогию, почти точный дублет этой булавки, представляет экземпляр Нальчикского музея из кургана под Нальчиком в «базах», раскапывавшегося дважды — в 1923 и 1925 гг. (рис. 34, 4); некоторая разница лишь в размерах длины стержня — 28.2 см, толщ. вверху 7 мм, внизу утончается заметнее в тонкое, стройное острие (не исключена возможность, что булавка из кургана № 4 имела более длинный стержень, впоследствии обломанный и грубо отточенный); длина перекладки, слегка выгнутой, тоже 5.5 см; диаметр дисков на ней 1.6 см. Третий экземпляр также из Нальчика, из «садков» (дл. стержня 38.2 см, толщ. 7 мм, перекладка слегка вогнутая имеет форму пластины 7 мм шир. и 4 мм толщ., диам. дисков 1.8 см), отличается от двух преды-

же упоминается еще о трех булавках ГИМ, близких к предыдущей, из Рахты, Донифарса и Нальчикского же района, которые в связи с данным отчетом не могли быть обследованы *de visu*; П. С. Уварова, МАК, VIII, табл. LXXXVII, 4.

¹ П. С. Уварова, МАК, VIII, табл. LXXXVI, 1 и LXXXVII, 3, стр. 250, 304. — F. Načar, ук. соч., стр. 165, 166, рис. 28, 29. Последний автор совершенно напрасно соединяет безоговорочно в одну группу эти дериватные формы с их древними прототипами (стр. 164) лишь по формальному признаку. Технологический анализ одной из таких булавок см.: Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 225, рис. 12, 5 и стр. 244 табл. IV, 5. Несколько неопубликованных булавок этого типа из Галната хранятся в Северо-Осетинском музее в г. Орджоникидзе (коллекция Г. А. Вертепова № 239, оп. 546/29, №№ 203, 204, 208).

² П. С. Уварова. Кавказ. Путевые заметки, т. I М., 1887, стр. 64.

¹ Б. А. Куфтин. Краткие сообщения ИИМК, VIII, рис. 4; тоже: Раскопки в Цалке. Газ. «Вечерний Тбилиси» от 26 XI 1938, № 270.

F. Načar. Die Nadelformen des prähistorisches Kaukasusgebietes. ESA VII, 1932, стр. 164, рис. 27. Там

дущих орнаментацией головки (рис. 34, 2) — диски украшены спиралями, верхняя плоскость перекладины окаймлена веревочками, а пространство между ними заполнено изображением зигзагообразно извивающейся змейки, боковые плоскости перекладины заняты шнуровым орнаментом; комбинация того же шнура с извивающейся змеей занимает место четырех витков самого стержня в предыдущих экземплярах. В 1934 г. в Нальчикский музей поступила еще одна булавка (инв. № 89а 1934) из кургана на выгоне г. Нальчика (длина стержня 32 см), отличающаяся лишь деталями: диски перекладины утолщены до линзообразной формы; верхняя, также утолщенная часть стержня перевита тонкими декоративными витками в литейной технике; самая перекладина заметно присогнута обеими ветвями вниз наподобие коромысла. Украшение, кроме перевитости стержня, сводится к неизменным змейкам по концам перекладины головки (рис. 37, 2).

Музейные собрания вне Нальчика небогаты булавками этого типа; их нет, напр., ни в Гос. Эрмитаже, ни в Гос. Историческом музее; булавка, хранящаяся в Северо-Осетинском музее (колл. 22, инв. № 51/1912/13) и отличающаяся от найденной в кургане № 4 лишь большим количеством и густотой витков стержня, происходит также из того же б. Нальчикского округа¹ (рис. 37, 1); единственная известная до сих пор булавка из другого района находится в коллекциях Гос. Музея этнографии в Ленинграде,² приобретенная покупкой в составе коллекции Неверовского; булавка эта вместе с вислюобушным топором древнего типа значится в описях музея (инв. № 1964-1) происходящей из осетинского сел. Фаскау, в то время как на фотографии коллекции Неверовского еще до продажи на данном предмете имеется ярлычок, на котором под лупою читается ясно «Донифарс», что встречается подкрепление и в древнего типа керамике из могильника этого селения.³ Булавка Музея этнографии поражает не только своей величиной и массивностью (дл. стержня 61 см, толщ. вверху 1 см, перекладина, квадратная в сечении, дл. 9 см, толщ. 1.1 см,

¹ По этикетажу музея эта булавка происходит из раскопок М. Ермоленко в 1912 г. возле немецкой колонии Эбенепер (Пятигорск) и на планшете экспонирована вместе с раннесредневековым инвентарем того же происхождения; очевидно, это раскопки, произведенные по открытому листу на имя Терского областного статистического комитета казачьим подьесаулом Карауловым (ОАК, 1912, стр. 96 и 106; Архив ГАИМК, фонд ИАК, дело № 91/1912), но в тексте рукописного отчета нет ни слова ни о булавке, ни вообще о каком-либо раннем погребении).

² Кстати единственная, изображение которой опубликовано, хотя и без описания (П. Я. Сальдау и А. Ф. Гущина. Применение металлографии к археологии. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 50—51).

³ П. С. Уварова, МАК, VIII, табл. LXXXV, 11. См. также выше, стр. 122.

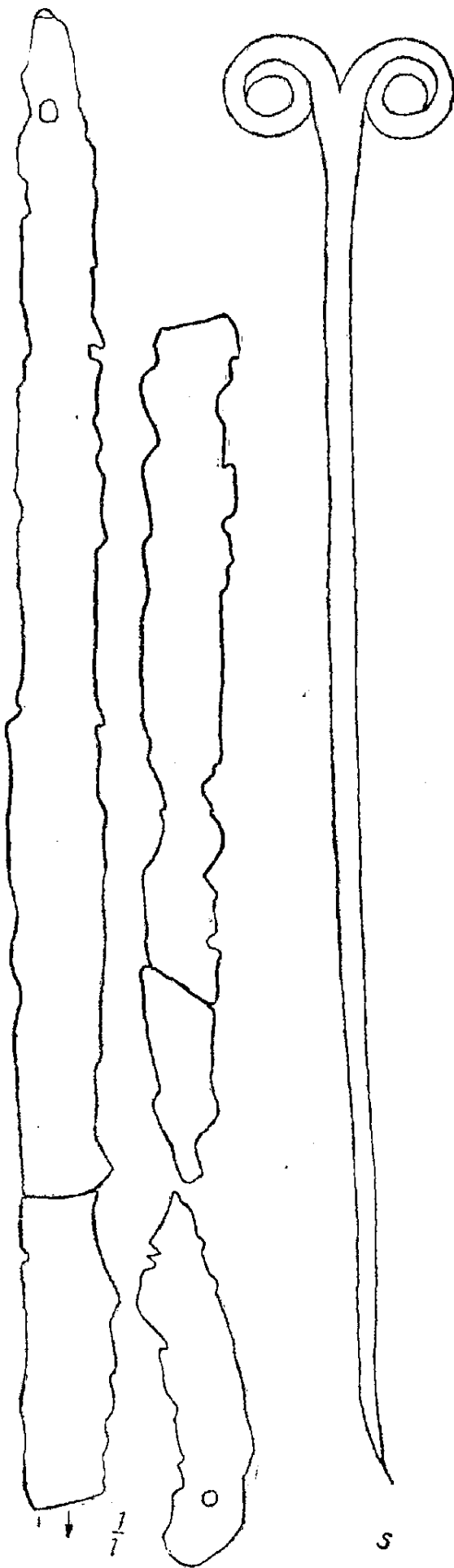
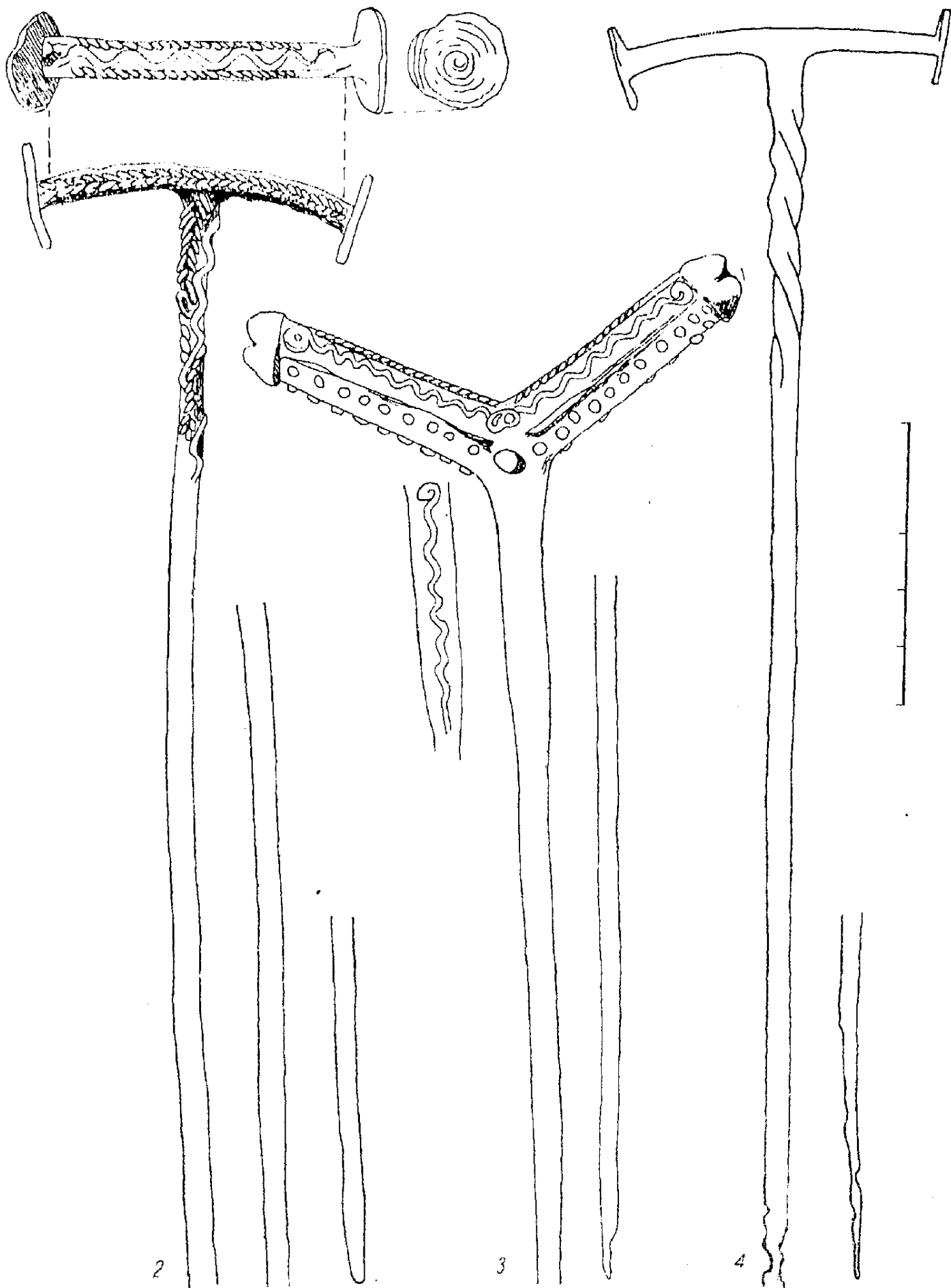

Рис. 34. Металл
1 — медная налобная лента (из так наз.

лические украшения из курганных погребений в Кабардинском парке.
 „садков*); 2, 3, 5 — медные булавки (оттуда же); 4 — медная булавка (из так наз. „базков*). Нальчикский музей.

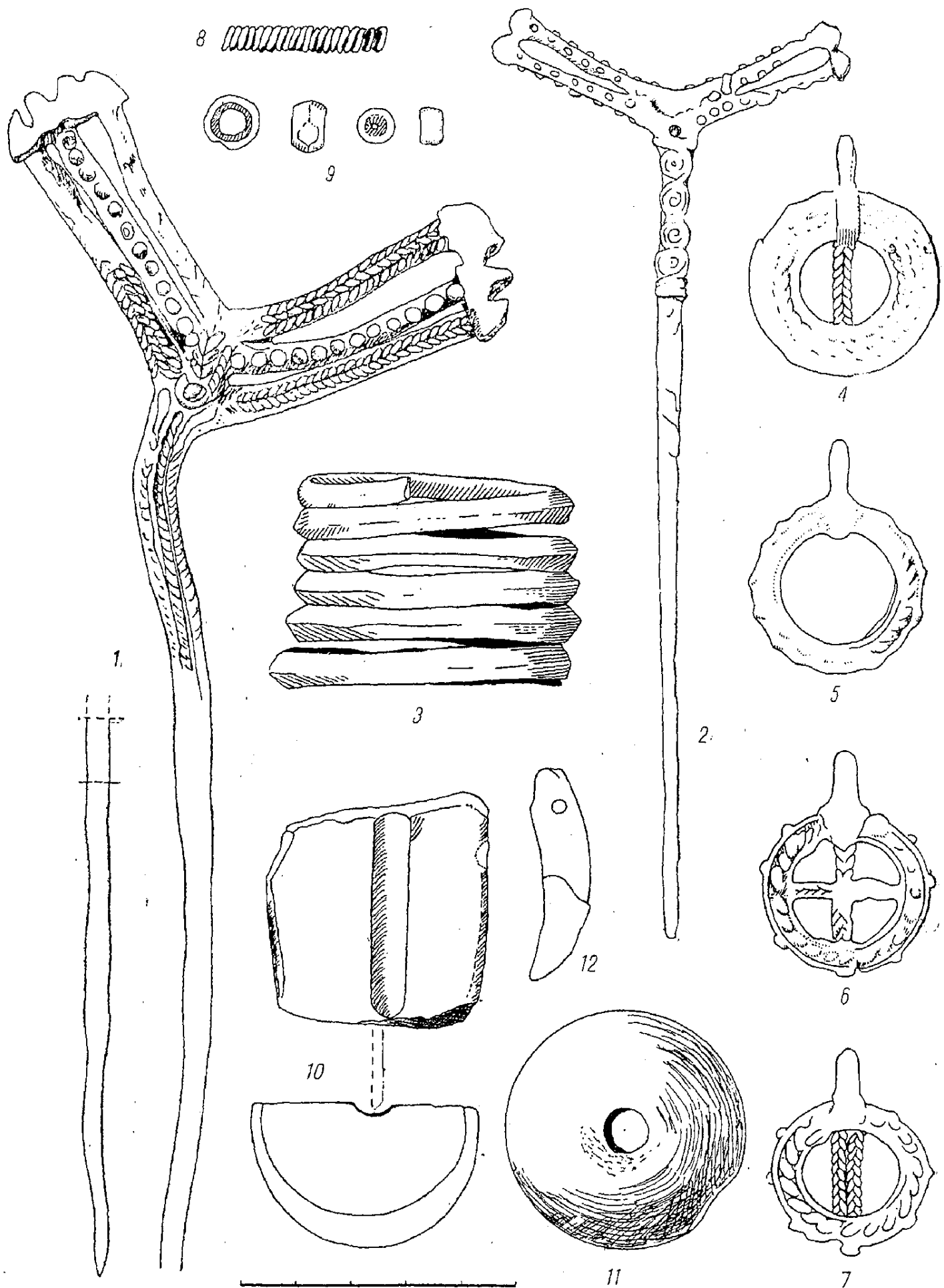

Рис. 35. Инвентарь курганных погребений в Кабардинском парке. 1, 3—9 — из кургана у так наз. «Советской дачи» (1929); 2, 10—12 — из одного из соседних курганов.

1, 2 — булавки медные; 3 — браслет-налокотник медный (2 шт.); 4, 5, 6, 7 — подвески круговые с ушком, медные; 8 — пронизка медная; 9 — бусы медные; 10 — псевдо-«литейная форма» из песчаника; 11 — полушарие просверленное из эпифиза крупного животного; 12 — подвеска из зуба крупного животного и обломок такой же (Нальчикский музей, поступления 1929 г.).

диски — 2,4 см при толщ. 4 мм), но и богатством орнамента: боковые плоскости переключины и верхняя часть стержня (на 7 см) сплошь выложены рядами веревочек или плетеной тесьмой; верхняя площадь переключины (где на предыдущей булавке была изображена

XVI, 1). Тем больший интерес вызывает наличие трех экземпляров этого типа булавок, очень близких к нальчикским, в собрании Музея Грузии в Тбилиси (колл. 94-10, №№ 19, 22, 24), происходящих из курганных захоронений в сел. Сачхере (горная Имеретия).¹

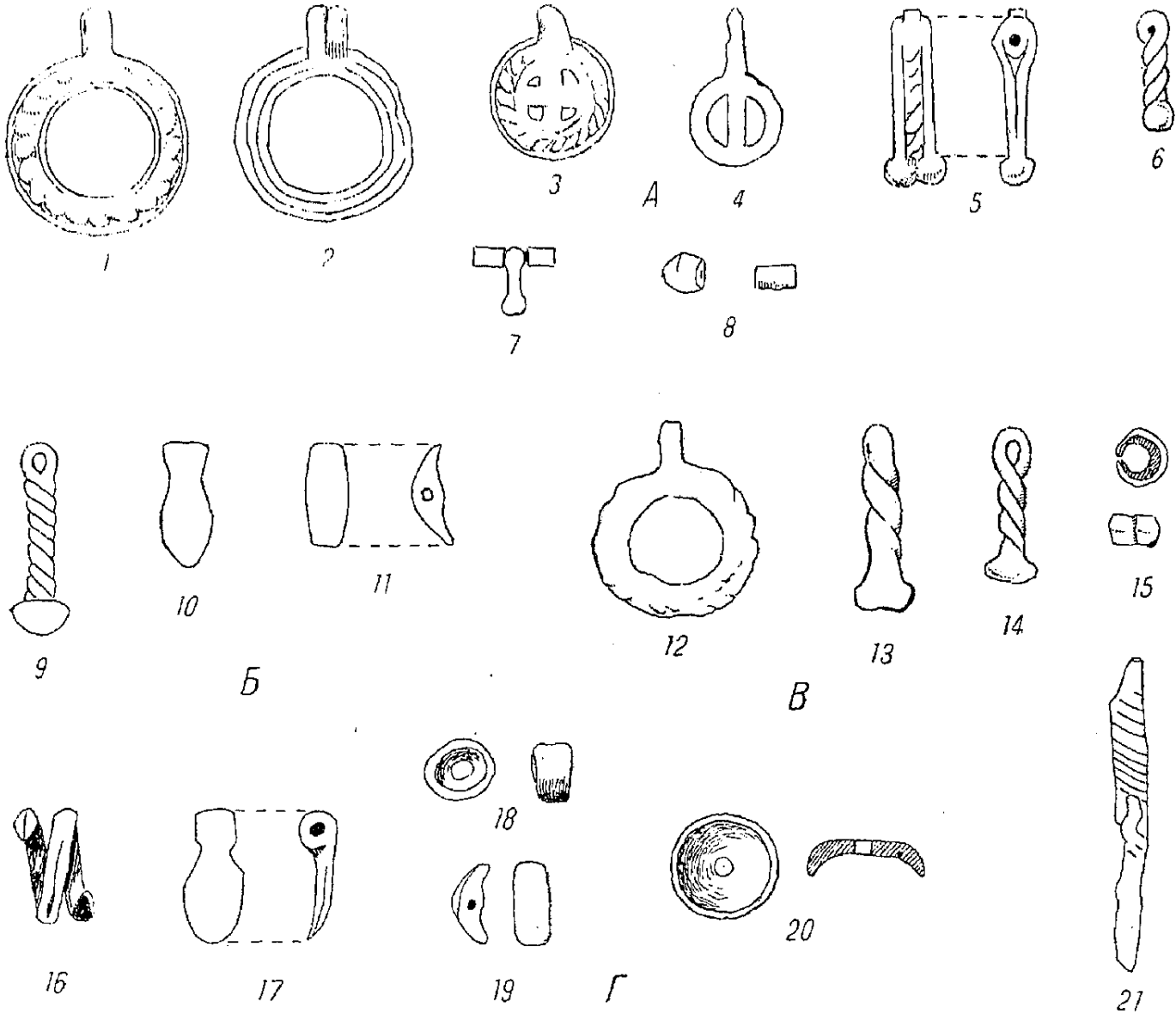

Рис. 36. Инвентарь курганных погребений в Кабардинском парке в так. наз. «садках», сгруппированный, повидимому, по могильным комплексам (А, Б, В, Г).

А) 1, 2, 3, 4 — подвески круговые с ушком, медные; 5, 6, 7 — подвески шейные медные (всего 13 шт.); 8 — бусы пастовые белые (всего 15 шт.); кроме того, спиральный налокотник, подобный рис. 35, 3. Б) 9 — подвеска шейная, «серая бронза» (всего 8 шт.); 10 — подвеска шейная, «серая бронза»; 11 — пронизка от браслета (?), «серая бронза» (Нальчикский музей, поступления 1923 г.). В) 12 — подвеска круговая с ушком, медная; 13, 14 — подвески шейные медные; 15 — бусина гнутая медная. Г) 16 — височное кольцо, медное (всего 4 шт.); 17 — подвеска шейная, «серая бронза» (всего 2 шт.); 18 — бусы гнутые медные (7 шт.); 19 — пронизки от браслета (?), «серая бронза» (5 шт.); 20 — бусина от ожерелья (зуб ископаемой рыбы); 21 — трубочка медная гнутая (фрагм.). (Нальчикский музей, поступления 1929 г.)

змея) украшена тремя скульптурными полукруглыми дугами, также обработанными веревочным орнаментом; в месте примыкания к плоскости переключины декоративные круглые заклепки; диски по краю обтянуты крутым шнурком, а плоскости заняты рельефной спиралью и такая же спираль помещена на стыке стержня с переключиной; наконец, боковые стороны украшенной части стержня, так же как и на предыдущей, заняты изображением зигзагообразно извивающихся змей (табл.

К сожалению, многочисленная «бронза» из сачхерских курганов не представляет комплекса, а лишь случайный набор разрозненных предметов, вырытых крестьянами по поручению Е. С. Такайшвили, содержащий вещи бесспорно синхронные или синстадиальные «II стадии» (в том числе маленькая булавка

¹ Е. С. Такайшвили. О Сачхерском кургане Шоропанского у. Изв. Кавк. отд. Моск. арх. общ., т. III, Тифлис, 1913, стр. 171.

типа А, спиральные налокотники, топоры и кинжалы древних типов и пр.), но на ряду с этим и безусловно более поздние. Возможно, что и три описываемые булавки не вполне одновременны: если в общих чертах они очень близки к простейшим экземплярам типа Б (в том числе к найденному экспедицией в кургане № 4), отличаясь лишь более крупными размерами (длина до 38 см) и более частыми и крутыми витками стержня, образованными не ковкой, а чисто литейной техникой, то одна из них (№ 22) выказывает позднейшие черты в виде тонких раскованных шляпок головки; в то же время другая (№ 19) не только имеет всю головку в литой технике при плоской перекладине, но и сохранила такую архаическую черту, как отверстие в скрещении стержня с перекладной, которого нальчикские экземпляры уже не имеют и которое лишь декоративно отмечено на булавке из Дони-фарса (табл. XVI, 1).¹ Во всяком случае, находка нескольких булавок этого типа прямо по другую сторону хребта от северо-кавказского ареала их бытования не может явиться случайным обстоятельством, но, к сожалению, данными для выяснения характера этой связи мы не обладаем.

В. Собрание Нальчикского музея включает и еще один тип сложных булавок, не встреченных в курганах, исследованных экспедицией, но крепко увязанных с ними сопутствующим инвентарем. Интереснейшие курганы вблизи Советской дачи дали музейному собранию два, весьма близких экземпляра. 1) Первая из этих булавок — небольшого размера — состоит из прямого сужающегося стержня (дл. 14.8 см при толщине вверху 5 мм и у конца 3 мм), на 3 см от головки покрытого сильно выпуклым орнаментом; головка состоит из двух прямых лопастей, в свою очередь составленных из пары отдельных круглых палочек, отходящих от стержня под углом в 120°; палочки лопастей, расширяясь, заканчиваются двумя яйцевидными шишками неправильной формы, слитыми вместе: в пункте скрещенния обеих лопастей с осью стержня сквозное отверстие (диам. 2 мм). Орнаментация булавки несложна: верхняя часть стержня украшена четырьмя спиральными кружками, связанными между собою по принципу плетенки или «волны», лопасти головки украшены продольными рядами круглых гладких шишечек вдоль отдельных палочек

(рис. 35, 2). 2) Вторая булавка совершенно той же схемы, отличающаяся лишь большими размерами и деталями: стержень (дл. 25.3 см, толщ. 8.5—3 мм) неправильно цилиндрической, резко суживающейся формы заметно искривлен по длине, так что головка сидит несколько набок; лопасти массивные (дл. 6 см) с меньшим углом между собой (ок. 100°), состоят каждая из трех палочек, шишковатые завершения лопастей разделены на три и на четыре дольки; отверстие у скрещенния осей неправильное (диам. ок. 4 мм). Верхняя часть стержня (на 5 см) и наружные палочки лопастей украшены двойными и тройными рядами веревочек, свитых в разных направлениях; вдоль средней палочки каждой лопасти ряд круглых гладких шишечек, как и на предыдущем экземпляре (рис. 35, 1). 3) Экземпляр Нальчикского музея, происходящий из неоднократно упоминавшихся остатков курганов в «садках» [курган (II), инв. № 269/1929], морфологически занимает среднее положение между двумя вышеприведенными: совершенно прямой стержень (дл. 26.6 см, толщ. 8—3 мм), плавно сходящий к острию, в верхней части на 4.5 см слегка утолщен и обработан на четыре грани: прямые лопасти с двумя палочками и двумя сливающимися шишечками под углом в 125°; отверстие овальное (диам. 4—6 мм). Система орнаментации объединяет последний экземпляр данного типа с предшествующим типом Б; кроме ординарной веревочки по верхнему канту всей головки, нижняя пара палочек отделана по всей длине параллельными рядами гладких шишечек, а вдоль верхней пары палочек под веревочкой размещены две схематичные зигзагообразные змейки со спиральным завитком на месте головы, связанные хвостами в узел на скрещении лопастей: совершенно такие же змейки помещаются и на боковых гранях квадратного утолщения стержня у основания (рис. 34, 3). Очевидно, в данном районе этот тип булавок был широко применяем — за последние годы собрание Нальчикского музея пополнилось еще несколькими образцами подобных сложных булавок с очень ограниченной территории западных окрестностей г. Нальчика. 4) Большая булавка (инв. № 91/1935) красной меди с прямым правильной формы стержнем (дл. стержня 32.5 см, толщ. 9—4 мм), цилиндрическим в верхней части и резко суживающимся, начиная с 7-го см; отверстие круглое (диам. 3 мм), лопасти прямые, расходящиеся почти под прямым углом друг к другу, от трех палочек, спаянных между собою в нижней половине и заканчивающихся свободными неслитыми головками. Орнаментация повторяет мотивы предыдущих: средние палочки лопастей убраны по длине рядом круглых шишечек, а наружные палочки и верхняя часть стержня с лицевой стороны — плетеным косовидным шнурком; по боковым сторонам

¹ Воспроизведение и подробные данные о булавках и прочих предметах из Сачхере публикуются в работе Б. А. Куфтина «К вопросу о хронологии двух этапов медно-бронзового производства на территории Грузии» (подготовлена к печати). Уже по окончании данной работы Б. А. Куфтиным при раскопках в Сачхере была найдена в сравнительно позднем комплексе булавка того же типа, но очень небольшого размера и выродившихся форм. См. Краткие сообщения ИИМК, VIII, рис. 1.

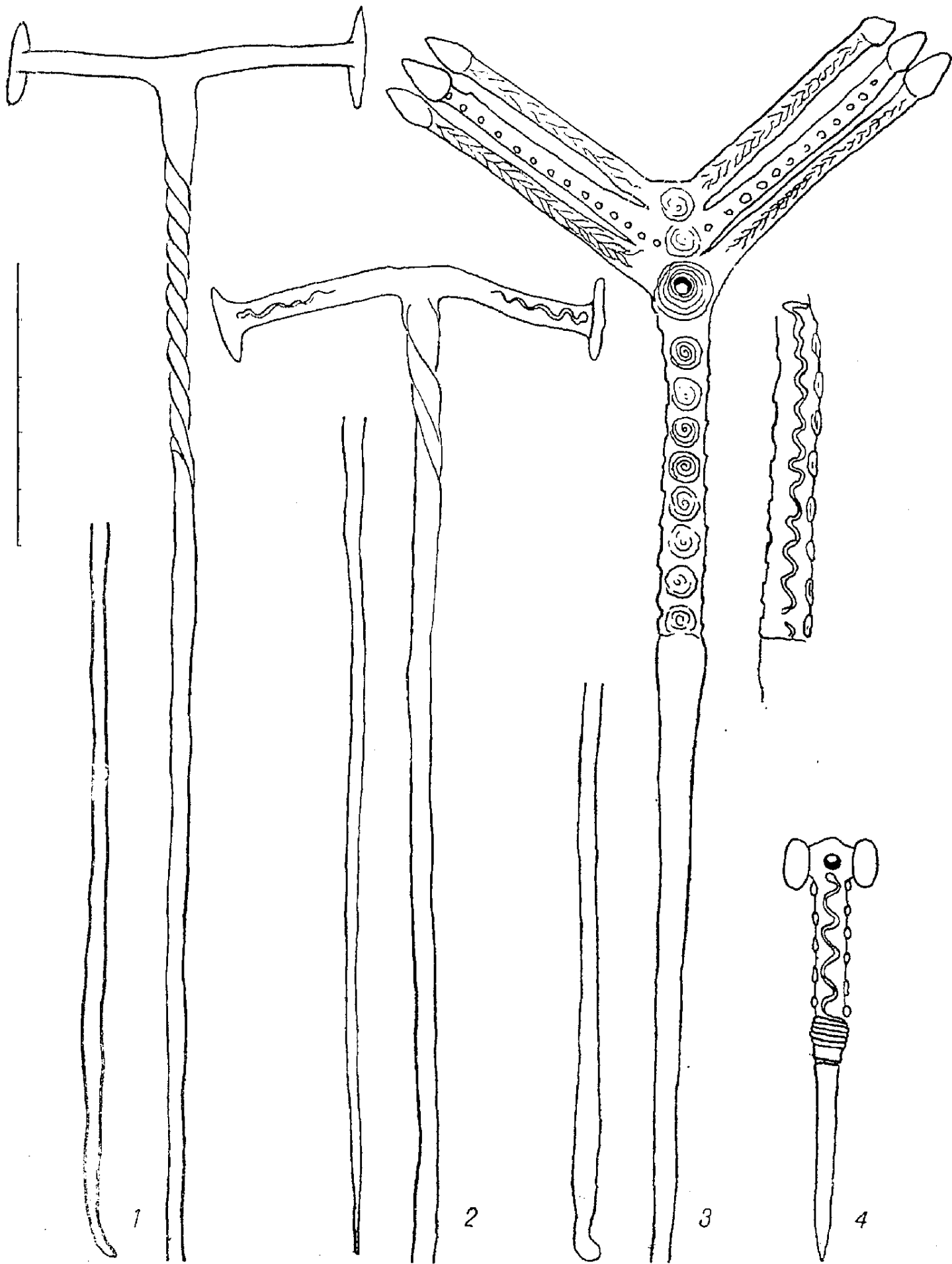

Рис. 37. Булавки различных типов из Нальчикского района (медь).

1 — из курганного погребения возле кол. Эбенецер (Орджоникидзе, Сев.-Осетинский музей, колл. № 22, № 51/1912-13); 2 и 3 — случайная находка из кургана на шоссе по дороге из Нальчика в Долинское (Нальчикский музей, № 89/1934); вместе с ними доставлен серпентиновый шлифованный топор-молот, № 88/1934; 4 — случайная находка при добывании глины в пос. Ново-Ивановском (Нальчикский музей, № 1503/1925).

стержня и нижних палочек извивается змейка, головой которой служит шишкообразное наголовие палочки; украшенная часть стержня отграничена обмоткой из гладкого шнура в семь витков; происходит из богатого набора медного инвентаря из кургана, раскопанного рабочими на выгоне у больницы 26 VI 1935 (рис. 38, 1). 5) Экземпляр меньшего размера (дл. стержня 28 см) из одного кургана с булавкой предыдущего типа (инв. № 896/1934) и серпентиновым шлифованным топором-молотком (инв. № 88/1934). Стержень прямой, вверху цилиндрический (толщ. 8 мм), на 7-м см слегка утолщающийся и затем заметно сходящий к концу до 3 мм; нижняя часть стержня очень неправильной формы и грубойковки, самый конец раскопан и присогнут; отверстие неправильной формы довольно крупное (2,3 — 2,5 мм). Орнаментация лопастей по схеме подобна предыдущей; в точке пересечения каждой пары палочек выпуклая круглая спираль или концентрические кружки, причем третий кружок, обрамляющий отверстие, значительно крупнее; такой же мотив по лицевой стороне стержня до утолщения, а по боковым его сторонам неизменная змейка (рис. 37, 3). Сохранность булавки неважная и орнамент не везде четко различаем. 6) Фрагментированная булавка, по форме очень близкая к предыдущему экземпляру, происходящая из кургана в Кабардинском парке (в «садках») при проложении дороги (инв. № 19/1936), доставленная с порядочным количеством металлических украшений, но, к сожалению, без керамики. Кроме меньшего размера (дл. стержня ок. 25 см) булавка отличается большим углом между лопастями (в 125°). Материал — красная медь (?), покрытая блестящей зеленой патиной; там, где патина отшелушилась, и в изломах окисленный металл имеет черновато-фиолетовую окраску. Орнаментация относится к наиболее богатым и технически совершенным образцам — украшение лопастей следует обычной схеме обогащенной плетеным косовидным шнурком по линии стыка лопастей и по всем четырем сторонам украшенной части стержня; в четырех промежутках размещены извивающиеся змейки, повторяемые по нижнему ребру лопастей с головами в виде шишек на концах нижних палочек; даже верхнее ребро лопастей убрано двумя шнурочками с просветом; отверстие с диаметром в 2 мм окаймлено тремя выпуклыми концентрическими кружками (рис. 39, 1). Аналогии булавок охарактеризованного типа приведены быть не могут по той простой причине, что ни в археологической литературе, ни в известных мне музейных собраниях образцов этого типа не имеется, и пока булавки типа В представляются эндемичными для Нальчикского микрорайона.

Однако значительно более существенным обстоятельством является то, что детальный

анализ этих булавок, выходящий за рамки данного отчета, указывает на несомненный генезис обоих характерных для Нальчика типов Б и В от двух разновидностей небольших медных, а ранее, костяных булавок типа, напр. Костромской¹ и Хатажукаевской,² весьма нередких как в прикубанских, так и в более северных степях, и пока почти не встреченных в Нальчикском районе.³ О функциональном назначении булавок сверхнормальных размеров имеется довольно обширная литература,⁴ но вопрос и на сегодняшний день приходится считать открытым, ограничиваясь исключением возможности бытового их применения и соответствующего объяснения наличия их в погребальных комплексах. Шагом к уяснению функций этого типа предметов может явиться тот факт, что именно в течение периода, охватываемого захоронениями типа курганов в «садках» и подобными, в предгорных районах Нальчика и др., мы можем установить последовательную тенденцию «роста» погребальных булавок — от экземпляров, вполне допускающих бытовое их применение (обломанная головка булавки из кургана № 4), до экземпляров, исключаящих таковое (большая булавка из кургана у «Советской дачи», булавка Гос. Музея этнографии и др.), — процесс, завершающий свое полное развитие лишь в последующую стадию и в более высокогорных районах.

II. Головные украшения в раскопках экспедиции не встречены, но в коллекциях музея представлены хорошо.

На первое место здесь нужно поставить медные (вряд ли бронзовые) налобные венчики, состоящие из ровной металлической ленты с отверстиями на концах для стягивания на затылке. Оба экземпляра Нальчикского музея происходят из курганов в «садках» — один из любопытного комплекса с описанной выше булавкой, идентичной булавке из кургана № 4, височными кольцами и характерными для этого периода подвесками, найден в 1925 г. непосредственно на костях черепа (табл. X, 3); другой венчик — из неоднократно приводимых поступлений 1929 г. в комплексе (III) от 31 X в «садках»; длина металлической ленты ок. 40 см, ширина в наиболее сохранившихся частях

¹ ОАК, 1897, стр. 16, рис. 63.

² ОАК, 1899, стр. 50, рис. 98.

³ Единственные два экземпляра Нальчикского музея происходят из степных районов Кабарды — типичная булавка этого типа (фрагментированная) из случайной находки при рытье глины в поселке Ново-Ивановском (инв. № 1503/1905) (рис. 37, 4) и отломанная головка опять-таки преувеличенно-крупной и массивной булавки (инв. № 173/1934) из сел. Чегем II, вместе с богатым набором украшений, типичных для конца «II стадии».

⁴ Автор специального этюда о молотковидных булавках: E. Majewski. O charakterze starszych kurganow grupy Jaskowickiej. Swiatowit, VI, стр. 57—63, — о нальчикских материалах и не подозревает.

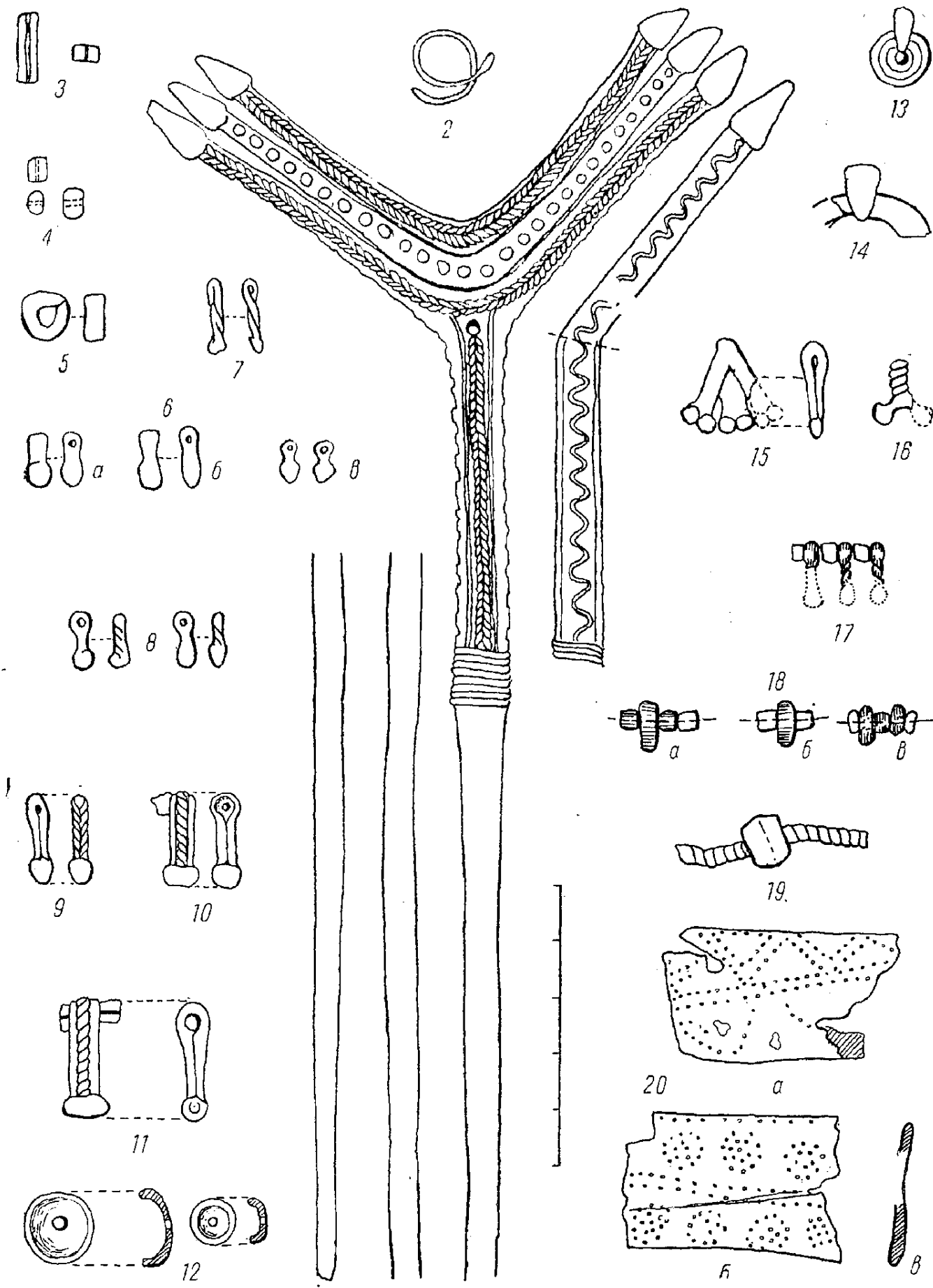

Рис. 38. Инвентарь курганного погребения, найден при постройке больничного корпуса в Нальчике, 26 VI 1935
(1-2, 4-11, 13-16, 19-20 — медь).

1 — булавка орнаментированная, литая, стержень откован; 2 — височное кольцо (2 шт.); 3 — бусы белой пасты; 4 — бусы металлические (всего 14 шт.); 5 — бусы металлические литые (всего 4 шт.); 6-11, 13-16 — подвески различных типов металлические (всего 13 шт.); (в ушках №№ 10, 11 прилипли белые пастовые бусы); 12 — бусина от ожерелья из окаменелых зубов ископаемой рыбы (всего 13 шт.); 17-18 — фрагменты ожерелья из металлических и пастовых бус, сцементированных окисью меди; 19 — медная бусина, надетая на спиральную проволоку; 20 — фрагменты металлической обшивки ремня (?), с пунсонным орнаментом. Кроме того, 4 фрагмента металлических трубочек и 34 шт. металлических спиральных проволочек обычного типа (Нальчикский музей, № 91-102/1925).

1,4 см (рис. 34, 1). До сих пор подобные налобные украшения покойников (иных размеров, форм и орнаментированные пуноном) были зарегистрированы лишь для значительно более позднего могильника в высокогорном юго-осетинском сел. Тли;¹ более ранних налобных венчиков для Сев. Кавказа ни в литературе, ни в музейных собраниях не было известно (золотые ленты с розетками из Майкопского кургана, Старомышастовского клада и Келермеса по ряду причин сопоставлению не подлежат.) Однако в изучаемом районе подобные головные украшения, по крайней мере в погребальном обиходе, не составляли, по видимому, редкости; кроме перечисленных примеров хорошей сохранности, обломки подобного рода ленты со следами пунонного орнамента имеются в наборе из кургана в Кабардинском парке (инв. № 21/1935) (рис. 39, 7) и в богатом комплексе украшений из кургана на выгоне у больницы 26 VI 1935 (рис. 38, 20), где ясно устанавливается наличие ремня, обтянутого орнаментированной медной полоской, который, конечно, мог служить и частью одежды, напр. поясом. Учитывая тонкость и значительную хрупкость описываемых предметов, необходимо допустить значительно более частое их бытование.

К головным украшениям нужно причислить и весьма распространенные в Нальчикском районе разных типов круговые подвески с ушком; к теме отчета ближе всего стоят несколько экземпляров из «садков» (рис. 36, 1—4, 12), один экземпляр (очевидно из разрозненной пары) из случайной находки у с. Верхний Баксан (инв. № 1937/208), две пары из небольшого кургана в самом городе на месте Дома Советов (23 V 1932, типа рис. 36, 12) и две пары с Советской дачи (рис. 35, 4—7)² и др. Поскольку находка Коссовича у ст. Константиновской (кург. № 8, погр. № 1) двух таких подвесок по сторонам черепа³ бесспорно устанавливает их применение в качестве височных украшений, приходится с сомнением отнестись к экспозиции Нальчикского

музея (лишенной полевой документации), монтирующего их с элементами шейных ожерелий.

Наконец, в некоторых из курганных комплексов района встречаются «височные кольца» обычного для Сев. Кавказа круглого типа (рис. 36, 16; 40, 8; табл. X, 5); и здесь весьма вероятно, что встречаются они гораздо чаще, но нередко ускользают от внимания небрежных раскапывателей.

III. Шейные украшения встречены экспедицией в обоих исследованных курганах и являются существенным элементом для их анализа.

A. Медная подвеска, найденная в кургане № 2 при погребении № 4 (рис. 12, 2) и представляющая, как можно заключить из приведенных выше (стр. 220) условий археологической обстановки, остаток более старого первичного захоронения, имеет длинный ряд аналогий как в ближайших, так и в более отдаленных районах Сев. Кавказа. В курганных комплексах изучаемого района неоднократно, в том числе и в «садках», встречаются чрезвычайно близкие экземпляры, равно как и целый ряд вариантов этого типа. Схемой его является стерженек с отверстием или утолщенной петлей на одном конце и утолщенной головкой (иногда раздвоенной) на другом (рис. 36, 5—7, 9, 13—14). Далее, в тот же ряд становятся наборы из 6 и 21 таких же подвесок в двух погребениях ст. Константиновской;⁴ 10 шт. в гробнице 2-й Острого кургана (Шпицкугеля) у Константиновки Пятигорского района;⁵ 7 шт. у щек костяка в насыпи кургана № 5 у ст. Келермесской,⁶ 9 шт. в кургане № 9 у ст. Андрюковской;⁷ 10 шт. в кургане № 3 погребения № 1 у ст. Ново-Лабинской;⁸ 2 шт. из «Высокого» кургана у ст. Казанской;⁹ 12 шт. в кургане с медным инвентарем у пос. Праздничного;¹⁰ 5 шт. упрощенной формы, без перевитости стерженька в кургане у ст. Чамлыкской;¹¹ другой вариант (может быть, несколько более поздний)

¹ A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 12—13, рис. 9, 10 (кург. № 8, погр. № 1 и кург. № 9, погр. № 2). К настоящему времени многие из них утрачены.

² Д. Я. Самоковасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 35. — Он же. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей, Варшава, 1892, стр. 14, № 503—506, табл. 1, 13. — A. Tallgren, ук. соч., ESA VI, стр. 133, рис. 21. — Он же, ESA II, стр. 115, рис. 68, 1.

³ ОАК, 1904, стр. 96, рис. 165 (вместе с уломяной выше псевдоформой для литья).

⁴ Гос. ист. музей, инв. № 42397; ОАК, 1897, стр. 22; картотека А. А. Спицына (архив ИИМК), «корочка» № 309 (материал этих предметов неправильно обозначен в карточке Спицына как «плохое серебро»).

⁵ ОАК, 1899, стр. 48 (указаны глухо); рукописный отчет — дело ИАК 1899/96, л. 55 об.

⁶ ОАК, 1901, стр. 68 (глухо); картотека А. А. Спицына; рукописный отчет — дело ИАК 1901/103, л. 36 (6-б); фотоархив ИИМК — нег. II-26783.

⁷ В публикации ОАК (1903, стр. 77) не упомянут; картотека А. Спицына.

⁸ ОАК, 1898, стр. 39 не указаны; картотека А. А. Спицына.

¹ ОАК, 1890, стр. 107, рис. 43. Три из них — в Гос. Историческом музее и два — в Гос. Эрмитаже. — П. С. Уварова, МАК, VIII, стр. 43, табл. СХХХII, 2 и 3; табл. СХХХIII, 3. Для полноты уместно указать подобные находки Реслера в Еленендорфском кургане № 5 (ОАК, 1899, стр. 68, рис. 135), весьма похожие по технике на орнаментированные налобные ленты из Тли, и Ивановского в Шамхоре, курган № 22 (МАК, VI, стр. 100, табл. VIII, 3, стр. 102, 106, 135—136).

² Один экземпляр из первой коллекции и два из последней воспроизведены впервые (без указания места находки) в работе: А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. Изв. ГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 133 рис. 2; стр. 136—139, 146—147. Подвеска — «зеркало» из ст. Пришибской (табл. XII, 5) описано на стр. 136—137 со ссылкой на рис. 5, отсутствующий в издании.

³ A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 11—12, 13, рис. 6—7; Архив ИИМК, фонд ИАК, дело 71/1904, л. 34.

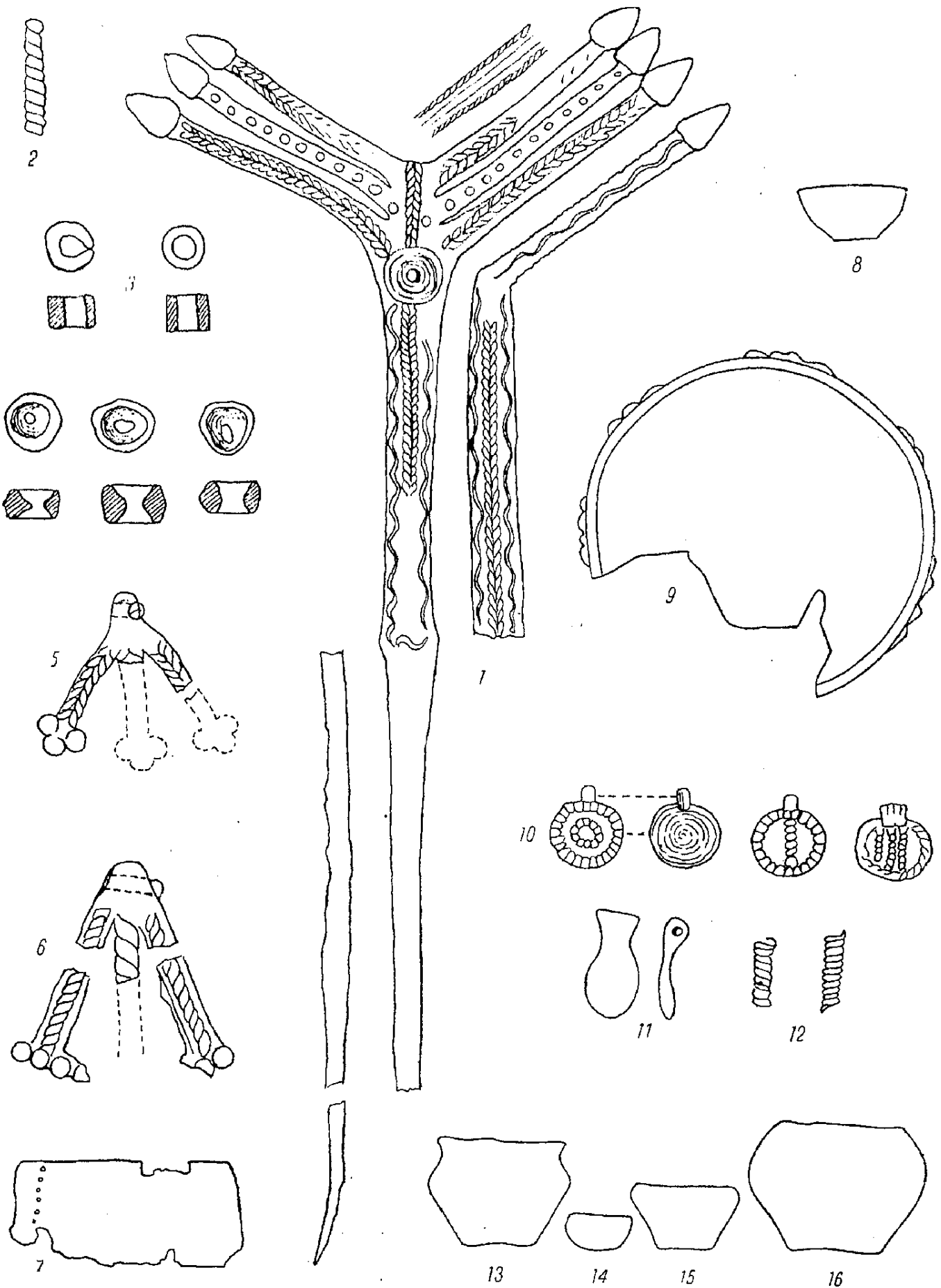

Рис. 39. Погребальный инвентарь из кургана в Кабардинском парке (поступления 9 X 1936) (медь).
 1 — булава орнаментированная, литая, стержень откован; 2 — пронизка спиральная (всего 28 экз. и фрагменты различной длины и толщины); 3 — бусы гнутые и спаянные, цилиндрической формы; 4 — то же бочкообразной формы (всего бус 28 шт.); 5 и 6 — фрагменты сложных подвесок; 7 — фрагмент налобного венчика со следами пунсонного орнамента (Нальчикский музей, №№ 19-23/1936).

Погребальный инвентарь из двух курганов под Домом Советов (поступления 28 V. 1932).
 8 и 14 — маленькие плосочки (тип Ж); 9 — миска плоская с рядами шишечек по борту (фрагментирована); 10 — круговые подвески с двусторонней орнаментацией; 11 — подвески „сленый зуб“; 12 — пронизки спиральные обычного типа 13, 15, 16 — глиняные сосуды без ручек (Нальчикский музей, №№ 262/1932 сл.).

декоративного оформления той же схемы при помощи мелких круглых шишечек (наподобие зерни) по всему телу стерженька, равно как и по головке, представляет случайная находка из ст. Кисловодской;¹ около 8 шт. Пятигорского музея (инв. № 12/1663) из кургана на Подкумке, возможно, входившего в состав того же курганного поля, что и предыдущая старая находка; наконец, 10 шт. из Чегемского общества Балкарии в коллекции Д. Вырубова, б. начальника Нальчикского округа.² Все эти близкие и синхронные аналогии весьма точно локализуют этот тип подвесок в центральном Предкавказье и Закубанье, не забираясь глубоко в горы и теряясь в предкавказских степях. Образцы таких подвесок весьма развитых форм найдены в единственной катакомбной могиле моздокского кургана № 10 (1936).

Самой северной точкой распространения подобного рода предметов является пока курган F-6, погребение № 9 у сел. Боаро в АССР Немцев Поволжья, где они найдены в количестве 8 шт. в необычном применении привесок к серьгам или височным кольцам.³

Любопытным поздним формальным дериватом этих подвесок являются очень похожие крупные и грубые подвески из раскопок Розендорфа каменных ящиков у сел. Човдар (Азербайджан),⁴ сопутствующие, кстати, круговыми височными подвесками с перекрестием, также несколько вырождающихся форм.⁵

Дальнейшим развитием этого типа, впрочем, не переходящим, повидимому, хронологических границ «II стадии», являются сложные подвески, как бы составленные из двух или трех простых, соединенных под углом у ушка наподобие кисточки. Такие подвески (5 шт.) найдены, но не опубликованы в упомянутом кургане у ст. Казанской,⁶ а в изучаемом районе встречены в комплексе «у больницы» (рис. 38, 15) и, особенно сложные, в разрушенном кургане в Кабардинском парке 1936 г. (рис. 39, 5, 6); весьма близкие предметы, но преувеличенного размера, были найдены больше сорока лет тому назад в сел. Малка (б. Ашабово) вместе с типичным шлифованным топором⁷ (рис. 40, 12). Повидимо-

¹ Д. Я. Самоквасов. Основания... стр. 13, № 449, табл. II, 13. — А. Tallgren, ESA VI, стр. 136, рис. 38.

² Архив ИИМК, дело ИАК 215/1896, фот. на стр. 13. Хранится в Гос. Эрмитаже.

³ Р. Раи. ESA IV, стр. 49, рис. 8, d, e.

⁴ ОАК, 1903, стр. 105, рис. 196.

⁵ Там же, рис. 186 и 188. С такими же подвесками сочеталась у Реслера вышеприведенная налобная повязка (ОАК, 1899, стр. 68, рис. 135).

⁶ Архив ИИМК, картотека А. Спицына.

⁷ Архив ИИМК, фонд ИАК, дело 178/1892. Бросается в глаза то обстоятельство, что большая часть этих украшений не опубликована, в то время как именно полный их учет и детальное изучение особенностей в будущем

му, позднейший дериват подобной же преувеличенной подвески встречается в материалах Кумбулты.¹

Б. Медные бусы, найденные при погребении № 1 кургана № 4 в количестве 14 шт., характеризуются прежде всего значительной неправильностью формы и размера: округлость по ободку весьма приблизительна, высота колеблется от 3.5 до 6.5 мм, а поперечник от 6 до 10 мм; среди них встречаются и цилиндрические и «бубликообразные», по больше всего бочонкообразных, иногда с заметной срединной линией (рис. 28, 4; 38, 5; 39, 3; табл. VII, 4). Совершенно такие же бусы в количестве 11 шт. имеются и в комплексе из кургана у Советской дачи (рис. 35, 9), в «садах» (рис. 36, 15, 18) и из кургана у сел. Кызбурун III (табл. XI, 3). Подобные украшения в Предкавказье не редки; можно указать на весьма близкие аналогии из соседнего Пятигорья: могила № 2 Острого кургана (Шпицкунель),² курган № 5 из группы «Три камня», курган на р. Подкумке (табл. XIV, 11);³ из кургана в Кисловодской станице, как уже указывалось, вероятно, несколько более позднего, происходят бусы более крупного размера (возможно уже бронзовые), прекрасно сохранившиеся, в которых биконическая бочонкообразная форма уже проведена последовательно.⁴ Такие же бусы хранятся в Гос. Эрмитаже из древних курганов в Ульском ауле на Кубани.⁵

В. Не менее обычна и найденная с предыдущими, повидимому в составе одного ожерелья, спиральная медная пронизка (рис. 28, 4; табл. VII, 4); предметы этого типа имеют чрезвычайно широкое распространение во времени и пространстве. Ограничимся заметкой, что в Нальчикском районе эти пронизки, имеющиеся почти в каждом комплексе, бывают значительно длиннее экземпляра из кургана у Советской дачи в 21 виток, длиной 3 см (рис. 35, 8). Число таких пронизок доходит в комплексах до 31 шт.

Г. В большей части ожерелий, содержащих бусы и подвески предыдущих типов, встречается еще один вид медных подвесок в виде выпуклого овального листика с петелькой, который не без основания вызвал предположение о металлическом подражании подвескам из молодых оленьих резцов.⁶

Многочисленные образцы хранятся в Наль-

сулит возможность хотя бы относительной датировки содержащих их памятников.

¹ МАК, VIII, табл. LXXXVIII, 9, где он помещен вверх ногами (обследован de visu не был).

² Самоквасов, № 505 (обе указанные работы). — А. Tallgren, ESA VI, стр. 133, рис. 21.

³ Самоквасов, № 427. — А. Tallgren, ESA IV, стр. 130, рис. 15.

⁴ Самоквасов, № 445. — А. Tallgren, ESA VI, стр. 136, рис. 37.

⁵ ИАК, вып. 35, 1910, стр. 3, рис. 2.

⁶ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 99.

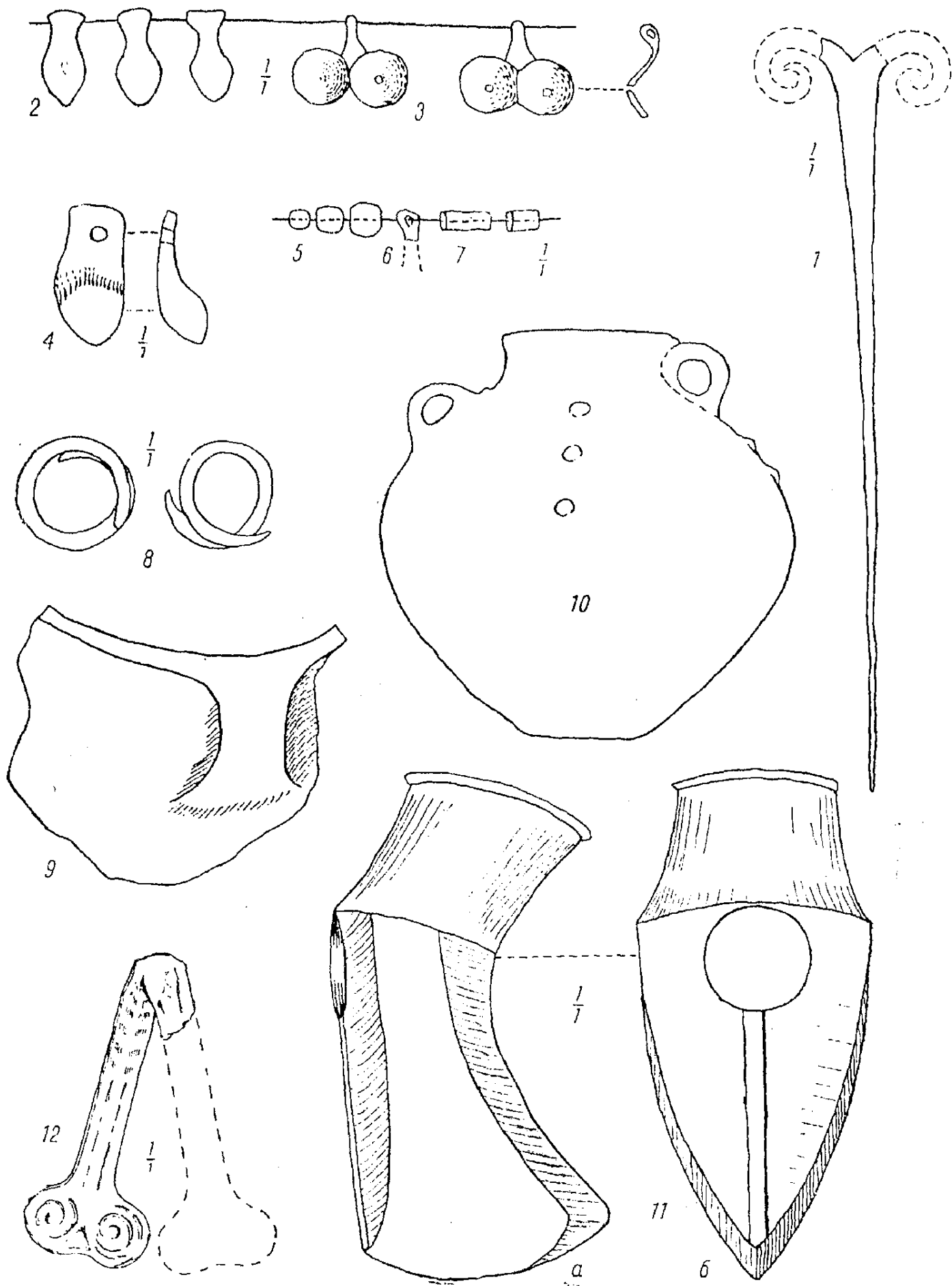

Рис. 40. Погребальный инвентарь курганного погребения № 1 из Осетинской слободки под г. Орджоникидзе (№№ 1—9).

1 — булавка металлическая с обломанными „рожками“; 2—4, 6 — подвески медные разного рода из ожерелья (4 — пара просверленных зубов оленя (?)); 5 — бусы медные; 7 — пастовые бусы белые; 8 — височные кольца металлические (всего 6 шт.); 9 — фрагмент большого сосуда красной глины с 2 ручками (тип Б) (Сев.-Осетинский музей, колл. 132); 10 — большой сосуд глиняный, украшенный шишечками с 2 ручками (случайная находка на берегу р. Дур-дур к 3 от г. Орджоникидзе, Сев.-Осетинский музей); 11 — топор-молот из твердого серого крапчатого камня (случайная находка в сел. Ново-Осетинском к 3 от г. Моздока); 12 — фрагмент медной подвески (хищнические раскопки 1886 г. у сел. Малка, б. Ашабово. Гос. Эрмитаж).

чикском музее, напр., из тех же курганов в «садках» (рис. 36, 10, 17; табл. X, 4), из кургана под Домом Советов (17 шт.) и пр., вполне аналогичные экземплярам из приводившегося комплекса Шницкугеля¹ или Северо-Осетинского музея в Орджоникидзе;² в собрании того же музея есть любопытный вариант обычной подвески этого типа, покрытой «зернью» вышеописанного характера,³ вполне идентичный 16 экземплярам ожерелья из кургана у сел. Светловодского (табл. XII, 4) давшего керамику типов кургана № 4 (так же как и Христианское); 18 экземпляров этого варианта из кургана у сел. Кызбурун III выполнены весьма грубо в иной позднейшей литейной технике (табл. XI, 3—4), равно как и другие бронзовые украшения этого комплекса, очень важного своей относительно позднейшей датировкой.

В связи с медными дериватами подвесок из зубов следует отметить бытование самого прототипа этого «украшения» и во «II стадии» — в комплексе кургана у Советской дачи имеются подвеска из просверленного в корне клыка животного (не определенного в экспедиционной обстановке) и обломок второго, парного ему, от которого уцелел лишь конец (рис. 35, 12). Перед фактом весьма широкого распространения во времени и пространстве подвесок из зубов диких и домашних животных в рамках данной работы достаточно указать на связь приведенного, повидимому, пережиточного явления с обилием просверленных зубов в кургане-могильнике «I стадии»⁴ и на наличие подвесок из подлинных оленьих зубов в уже приводившемся комплексе Северо-Осетинского музея (рис. 40, 4).

Д. Последней категорией шейных украшений, связанных с работами экспедиции, являются бусы из стеклянистой матовой пасты (мастики).⁵ Эти бусы найдены в кургане № 4 (погр. № 1) в количестве 19 штук, не считая фрагментов; большая часть из них (15) имеет простейшую цилиндрическую форму (дл. 6—16 мм, толщ. 3.5—4.5 мм), 3 неправильно-эллипсоидную и лишь 1 правильно-чечевицеобразную. Цвет у всех, кроме одной, матовобелый, а у этой одной — прозрачно-голубоватый (рис. 28, 6; табл. VII, 5). Пастовые бусы (белого цвета) встречаются и в других курганах Кабардинского парка (рис. 36, 7—8; 38, 3), в кургане у сел. Кызбурун III, в Светловодском комплексе (серые) (табл. XII, 3),

а в соседнем Пятигорье (Константиновка) зарегистрированы желтые и голубые (17 шт.). Следует отметить не только связь, но и количественную разницу всех перечисленных комплексов, насчитывающих пастовые бусы в пределах двух десятков (одна «пизка»), с многосотенными ожерельями впускного погребения № 28 в кургане-могильнике № 1.

Е. Из темы шейных украшений изучаемого периода и района нельзя выпустить еще одного вида ожерелий, хотя и встречающихся не в раскопках экспедиции, а в аналогичных им курганных комплексах окрестностей Нальчика; элементы этих ожерелий представляют небольшие плоские чашечки не совсем правильной круглой формы с отверстием в центре, из плотного блестящего материала органического характера, различных тонов серо-шоколадного цвета; выпуклая поверхность иногда несет следы подшлифовки, бортик всегда блестящий, а внутренняя поверхность чашечки характерно шероховатая, с заметной на просвет пористостью. Размеры варьируют от 8 до 25 мм в диаметре и от 4 до 6 мм высотой; форма же прежде всего поражает своей стандартностью при отсутствии геометрической точности. В изучаемом районе эти предметы встречены в незначительных количествах: 2 шт. в кургане (II) в «садках» (рис. 36, 20), 13 шт. в кургане у больницы 1935 г. (рис. 38, 12) и 3 шт. из случайной находки у с. Верх. Баксан (инв. № 1937/210); к этому нужно добавить 6 шт. из раскопок Филиппова на р. Подкумке (табл. XIV, 5) и «каменную подвеску формы чашечки» в кургане (III) у Константиновки.¹ Далее к западу они встречаются в больших количествах в составе одного погребения. Мне известны следующие комплексы с ожерельями подобного рода: 16—18 шт. из разрушенных курганов у ст. Переправной;² в основном погребении у хут. Кру на Кубани³ они составлены десятками экземпляров, а в ст. Константиновской на р. Чамлык (курган № 8, могила № 1) число их поднимается до 142 шт.⁴ Далее, «связка половинчатых бус» в 110 шт. найдена в курганном погребении у с. Ремонтного в Калмыцкой АССР.⁵ Подавляющее большинство этих интереснейших предметов не опубликовано вовсе и лишь иногда упоминается в отчетах под наименованием то каменных

¹ Самоквасов, № 506. — A. Tallgren, ESA VI, стр. 133, рис. 21.

² A. Tallgren, ESA VI, стр. 138, рис. 45.

³ Там же, рис. 42.

⁴ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, рис. 117, табл. I, 1, 8.

⁵ Определение Института археологической технологии, снимающее прежние домыслы о применении для их изготовления порошка пережеванной кости (напр.: В. А. Гордцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 261).

¹ Самоквасов, № 522. — Tallgren, ESA VI, стр. 132, рис. 36.

² Архив ИИМК, фонд ИАК, дело 1891/187, л. 30.

³ Гос. Историч. музей, инв. № 42419. В публикации (ОАК, 1900, стр. 34) обозначены как «костяные бусы в виде чашечек».

⁴ A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 12, рис. 11—12. Единственная серьезная публикация предметов подобного рода, которые, благодаря своему цвету, легко остаются незамеченными в суглинистых грунтах.

⁵ ОАК, 1904, стр. 134; рис. 249. — A. Tallgren. Zur frühen Metallkultur Südrusslands. Studien zur vorge-schichtlichen Archäologie. Leipzig, 1925, стр. 75, рис. 44.

подвесок (Самоквасов), то костяных бус (Веселовский), а Тальгрен определяет их материал оленьим рогом (aus Geweih).¹ Даже поверхностный обзор исключает возможность их целиком искусственного происхождения; невозможность, при отсутствии токарного станка, отформовать довольно глубокую, но тонкую чашечку, да еще с характерной поздраватой структурой, и вышеуказанная стандартность форм и пропорций, не только не типичная для данного периода, но и просто невозможная при крупном изготовлении, не оставляют сомнений в том, что основная форма представлялась природой и, повидному, лишь подправлялась и отделялась при помощи шлифовки, может быть сверления отверстия и т. п., следы чего видны на наружной выпуклой поверхности многих экземпляров. В единственной научной публикации этих предметов, со свойственной покойному А. В. Шмидту щепетильностью, проведено и определение исходного материала этих поделок как зубов ископаемых ганойдных рыб из сем. *Rusnodontidae* со ссылкой на палеозоологов Академии Наук.² Однако, повидному, здесь вкралось какое-то недоразумение, так как крупнейший авторитет в данной области чл.-корр. АН Л. С. Берг (Зоологический музей АН СССР) категорически высказался против возможности отнесения показанного ему мною экземпляра к зубам ганойдных, в частности пикнодонтид, и допускает лишь предположение об изготовлении предметов этого рода из зубов или накожных щитков сем. акул (*Selachiae*) какого-либо ископаемого рода.

Это мнение более или менее совпадает с определением подобных же предметов, насколько можно судить по неудовлетворительным воспроизведениям без описания, в «Трое III», позже «Трое II» (8 шт.),³ и в закладке древнейшего святилища Артемиды в Эфесе (6 шт.).⁴ Таким образом на сегодняшний день ни палеозоологический вопрос о материале изучаемых бус, ни — что главное для археолога — район залегания или распространения этого «материала» нельзя считать разрешенным. Поэтому непонятно, на основании каких материалов определяет обилие этих предметов и их кавказское происхождение В. А. Городцов.⁵

¹ ESA VI, стр. 132. Археологическим курьезом является наличие одной чашечки описываемого типа в средневековом скальном склепе у с. Хасаут (ГИМ, III отд., пл. 103/66, № 7).

² A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 12.

³ H. Schliemann. *Ilios*. Leipzig, 1881, стр. 482, рис. 591—598 (здесь профессор Английского королевского колледжа хирургов Флоуэр определяет их как спинные позвонки дельфина или маленькой акулы).

⁴ D. Hogarth. *Excavations at Ephesus*. London, 1908, текст, стр. 193, табл. XXXVI, 33, 34, 40 (здесь они отмечены просто как «натуральные рыбы позвонки»).

⁵ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 262. Уже во время печатания данной работы мною было получено исчерпывающее определение одной по-

Некоторые комплексы дают возможность реконструировать и применение разного рода бус и подвесок в ожерелье: иногда встречаются целые участки последних, сцементированные медными окислами. Так, из комплекса курганов у больницы можно установить ряд типичных сочетаний: чередование медных бус с пастовыми, коротких с длинными или с подвесками, нанизывание крупной бусины на медную спираль и пр. (рис. 38, 17, 18, 19); большие сложные подвески прикреплялись на низку мелких, обычно пастовых бус, нередко застревающих в ушке подвески (рис. 38, 10, 11; 39, 5, 6).

IV. Ручные украшения в находках экспедиции отсутствуют, да и в связанных с ними комплексах представлены небогато. Они почти исчерпываются парами спиральных локтевых браслетов, весьма массивных, треугольного или ромбического сечения — тип, который Уварова считала «типическим отличием» Кобанского могильника,¹ в котором (равно как и в Фаскау) он действительно получает полное развитие. Типичным образцом является парный комплект из комплекса кургана у Советской дачи (рис. 35, 3); пара подобных спиральных налокотников, с четырехгранным поперечным сечением, поступила в Нальчикский музей недавно из кургана у больницы (инв. № 92/1935) вместе с описанной выше булавкой и прочими медными украшениями; одиночный экземпляр из кургана (I) в «садках» (инв. № 208/1929), вполне подобный парному комплекту из кургана у Советской дачи, является, вероятно, разрозненной половинкой комплекта. Не приходится упускать из виду, что и в проведенном выше Сачхерском наборе имеется 5 шт. очень похожих, но, пожалуй, несколько более поздних спиральных браслетов.² Может быть, к украшениям руки следует причислить и часто встречающиеся вертикальные треугольные или полулунные скобочки с горизонтальным отверстием, найденные в Светловодском кургане в числе 14 шт. у руки костяка (табл. XII, 2), а в сборах из курганов в «садках» представленные то одним (рис. 36, 11), то пятью экземплярами (рис. 36, 19). Кроме Кабардино-Балкарии, подобные предметы известны, главным образом, опять же из соседнего Пятигорья — ст. Кисловодская Фелицына — Самоквасова³ и курган, раскопанный Филипповым там же

добной бусины от крупнейшего палеонтолога Сев. Кавказа проф. В. В. Богачева (Ростов н/Д.), разъяснившего загадочную бусину, как спинниковый (небный) зуб ископаемой рыбы *Sparus* или *Sparnodus* cf. *mitruia* Ag. (*Shry-sophrys Brusinae* Klombl) из костистых. Ближайшие формы известны, кроме Восточного Средиземноморья, и из миоцена Кавказа.

¹ МАК, VIII, стр. 58, рис. 54.

² Е. Такайшвили, ук. соч., стр. 170. — Б. А. Куфтин, ук. соч., рис. 1.

³ Самоквасов, № 448. — Tallgren, ESA VI, стр. 136, рис. 35.

(Пятигорский музей, инв. № 1661) (табл. XIV, 12).

Вне этого района мне известен лишь единственный экземпляр из кургана № 8 у ст. Андриковской, насколько можно судить по грубой зарисовке.¹

В. Было бы непростительной неполнотой не учесть здесь еще два предмета, хотя они лишь весьма условно относятся к категории «украшений» и встречены пока лишь в единичных случаях. Речь идет прежде всего о поделке из бедренного эпифиза крупного животного, тщательно отшлифованного в форме сферического сегмента (диам. 4.4 см), с просверленным в центре вертикальным отверстием (диам. 9 мм) (рис. 35, 11); найдена в кургане близ Советской дачи в комплексе с просверленными зубами и псевдолитерной формой. Довольно близкой аналогией могут служить лишь 4 экземпляра из катакомбных (?) погребений в осетинском селении Чми,² которые Уварова без аргументации относит ко времени кобанских «колодцев»,³ и один неопубликованный экземпляр из Човдара, хранящийся в Бакинском музее. Вне Кавказа «пряслице из бедренной головки» из приуральского сел. Баланбаш⁴ и «две бедренных головки человека(?) со сверлиной для употребления в качестве веретена» (Н 3687) из древнейшего слоя Тепе-Гиссара.⁵ Таким образом время бытования и назначение этих предметов не установлено, но форма в виде просверленного полушария невольно вызывает ассоциацию с весьма характерными для данного района предметами (функция которых также неизвестна), в виде полого внутри полушария,⁶ сегмента или параболоида, с отверстием в центре, из медного кованого листа, обычно украшенного пунсонным орнаментом. Пара таких полушарий, хранящаяся в Нальчикском музее (инв. № 519/1925), найдена в другом кургане у той же Советской дачи (табл. XI, 9), две пары входят в состав упоминавшегося комплекса Пятигорского музея (инв. №№ 1665 и 1666, 1667 и 1673) из кургана на р. Подкумке возле Кисловодска (табл. XV, 1, 2, 3, 4); однако нет никакой уверенности, что функционально в ту же категорию следует зачислить более массивные литые и более плоские (иногда кони-

ческие) тоже парные бляхи Нальчикского музея то с одной, то с двумя явно предназначенными для пришивания дырочками, типа бляхи, найденной в Кисловодской станице.¹ Таковы, напр., бляхи из обвалившегося кургана степного кабардинского селения Куба (инв. № 112/1922); возможно, что к этой же последней категории предметов относится еще более массивное (в литой технике) и более плоское «украшение» из Соломенского кургана,² вполне основательно сближаемое с обширным рядом плоских круговых подвесок.³

Вторым «загадочным» предметом украшения является как раз одна из таких плоских круговых подвесок из «серой бронзы» (табл. XII, 5), найденная случайно на месте разрушенного кургана в ст. Пришибской. Особенность этой подвески заключается не столько в исключительном богатстве орнаментации, сколько в том, что, в отличие от других, она двусторонняя: «левая» сторона представляет широкий ободок, украшенный тройным шнуrom, окаймляющий совершенно чистое, гладкое поле. Такая конструкция, очевидно, побудила определить функцию этого предмета на регистрационной карточке Северо-Кавказской экспедиции как «зеркальце»; интерес такого определения обостряет орнаментация его, суммирующая все ведущие мотивы керамических и бронзовых изделий «II стадии», в то время как древнейшие, известные нам на Сев. Кавказе зеркала относятся к «скифской» эпохе.⁴ Если бы это допущение было принято, то «подвеска» из ст. Пришибской явилась бы древнейшим зеркалом на Северном Кавказе.

В неопубликованном докладе (ноябрь 1933 г.) в Доклассовом секторе ГАИМК А. П. Круг-

¹ Самоквасов, № 453. — Он же. Основания... табл. II, 10. — A. Tallgren, ESA VI, стр. 136—137, рис. 41.

² См. в настоящем сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, рис. 33, 1.

³ А. А. Миллер. Элементы «неба»... стр. 136 и 139, рис. 6, 1. Чрезвычайно близкие по форме, величине и украстельному приему (пунсонным пунктиром) золотые предметы, найденные в шахтных гробницах Микен также в неизменно парном составе — 2 шт. в гробнице V и 4 шт. в гробнице VI (G. Caro, Schachtgräber von Mykenai. München, 1930, I, стр. 75 и 123, рис. 43, атлас, табл. XVI, №№ 631—632), к сожалению, не могут пролить света на функцию этих предметов из-за отсутствия сведений о точном их местонахождении при погребении (H. Schliemann, Mykenai, стр. 307, рис. 425), Попытка Г. Каро (ibid.) определить их как парные половинки бусины от ожерелья (?) или головки шпильки (?) остаются лишь неаргументированным домыслом.

⁴ Самым ранним памятником этой категории пока является круглое серебряное (?) с позолотой зеркало из архаического погребения VII—VI вв. у ст. Келермесской, воспроизведенное: М. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пгр., 1918, табл. VI, 2. — Ebert's Reallexicon der Vorgeschichte, VI, табл. 81, a. Возможно, что в восточном Закавказье мы имеем несколько более древние зеркала, если таковыми признать тонкие бронзовые кружки (диам. 5—7 см) с двумя отверстиями, а иногда с остатками ручки или ушком, также трудно отделимых от подобных же подвесок с выгисненным узором (H. Morgau, ук. соч., стр. 308, рис. 588; стр. 322, рис. 772, 814; стр. 378, рис. 442 и др.).

¹ Картотека А. А. Спицына, «корочка» 309.

² П. С. Уварова, МАК. VIII, табл. LV, 4, 5; табл. LVIII, 3, 4.

³ Там же, стр. 115—116.

⁴ Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг., табл. XX.

⁵ F. Schmidt, ук. соч., стр. 59, табл. XVIII, B.

⁶ Из внекавказских материалов в тот же ряд ставится сильно выпуклый диск со сверлиной в центре из слоновой кости и такой же каменный изклада в фундаменте Библосского храма (P. Montet, Byblos et l'Egypte. Atlas. Paris, 1929, табл. LIX, 373 и табл. VII, 326—327). К сожалению, недостаточное качество воспроизведений не позволяет убедиться в том, что с этими предметами связаны наличные в том же кладе медные чашки с отверстием в центре (ср. ниже).

лов вполне обоснованно доказал, что зеркальца из Кобанского могильника, относимые ранее к «древнейшему периоду» Кобана,¹ на самом деле датируются «сарматским» временем. Единственное медное зеркало с «неясным рисунком на оборотной стороне», зарегистрированное в литературе в составе кургашной могилы № 1 кургана № 2 у с. Лещинского в Ставрополье,² сопоставимое по инвентарю со «II стадией» Нальчикского района, является, несомненно, недоразумением и безусловно принадлежит, вместе с серебряной серьгой,³ к более позднему времени, может быть инвентарю другой также позднесарматской могилы в том же кургаше. В описи 1910 г. кургашного инвентаря из ст. Константиновской (раскопки Коссовича), хранящегося в Музее антропологии, археологии и этнографии АН, значится «зеркальце медное дефектное» (инв. № 167/20); однако и это зеркало по передаточной описи ИАК, вместе с тремя связками бус, сердоликовых и стеклянных, имеет против себя пометку «впускное погребение», что подтверждается и полевыми отчетными данными.⁴

Таким образом на Кавказе ни одного достоверного зеркала, датируемого временем, близким ко «II стадии», на научном учете не имеется. В самом же факте бытования ручного зеркальца во II тысячелетии до н. э. нет ничего невозможного, поскольку зеркала для этого и предшествующего времени известны, не говоря об Египте и Крите, в древнейших Сузах и Передней Азии.⁵

Особенно существенным является находка в верхнем слое (III) Тепе-Гиссарского могильника (Северный Иран) предмета, весьма близкого к анализируемому «зеркалу» из ст. Пришибской, но очень неточно и противоречиво описанного. «Широкий медный диск должен бы быть определен как зеркало, если бы мы не нашли на обеих сторонах покрова из волокнистого материала, предположительно тонкого плетеного изделия. Диск был орнаментирован концентрическими кругами, выполненными пунктиром в технике *heroussé*, а расположение волокнистых рядов следует металлическому образцу. Плоская ручка наводит на предположение об употреблении его, как *opaxala (fan)*»⁶ (?!). Описание, прежде всего, неточно: на фотографическом воспроизведении ясно видно, что описанный орнамент составляет лишь круговую рамку, а большая часть видимого поля диска украшена концентрическими или спиральными рядами рельефного веревочного оттиска, прекрасно увязывающегося с предметами нашей «II стадии». Наличие пле-

теного или иного футляра не вызывает сомнений, а наоборот, подкрепляет трактовку предмета как зеркала, поскольку иначе невозможно пошение при себе круглого зеркала без ушка и поскольку деревянный футляр документирован для бронзового круглого с центральным ушком зеркала из Келермесского кургана № 2¹ (кстати, одинакового с Гиссарским по размеру), а плетеные довольно обычны при поздних (средневековых) зеркалах той же конструкции. Однако поскольку не дано ни фотографии, ни описания второй неукрашенной (?) стороны, нельзя с какой бы то ни было уверенностью говорить о зеркале.

Как бы то ни было, функция вышеописанного подвесного круга из ст. Пришибской—служить зеркалом по-иному осветила бы технический уровень заботы о внешности в обществе «II стадии»; новое назначение могли бы приобрести небольшие круглые терочники, найденные на Долинском селище,² применение которых для косметических целей можно подкрепить параллелями;³ наконец, в таком свете не было бы ошибкой предположить, что маленькие узкогорлые сосуды (типа Ж), по крайней мере часть их, действительно служили флаконами для духов, масел или иных косметических снадобий. Аргументы в пользу этого предположения можно извлечь и из формы, и из вертикальных дырочек для подвешивания в ручках-выступах, никак не характерных для питьевых черпаков, и из положения «флакона» при погребении № 1 кургана № 2 против лица при наличии рядом безусловного черпака-чашки внутри горшка.

Однако вторичное обследование этого предмета в натуре, в Нальчикском музее, выяснило, что пустое поле на оборотной стороне не только не полированное, но и не вполне гладкое, так что если этот предмет и может быть признан зеркалом, то лишь в незаконченном обработкой виде; с другой стороны, отрицательное решение этого вопроса оставляет без объяснения единственный пример тщательной обработки оборотной стороны.

АРЕАЛ И ДАТИРОВКА

Суммируя все данные могильных инвентарей раскопанных экспедицией курганов в «садках» и связанных с ними комплексов, мы можем составить представление о временном и территориальном их определении. Как уже отмечалось в литературе,⁴ «II стадия» Северо-

¹ «Его обе поверхности покрыты слоем дерева, возможно, от деревянного футляра» (Б. З. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов среднего Приднепровья. Сов. Археол. I, стр. 88, рис. 4).

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 183.

³ Хотя бы пестик-растиралка со следами красной краски в кургане № 9 у ст. Константиновской на р. Чамлык (А. Schmidt, ESA IV, стр. 12).

⁴ А. А. Иессен, уч. соч., стр. 94, прим. 1.

¹ МАК, VIII, стр. 69.

² ОАК, 1899, стр. 57, рис. 106.

³ Ibid., рис. 105.

⁴ Архив ИИМК, дело ИАК 1904/71.

⁵ Ebert's Reallexicon für Vorgeschichte, т. XII, стр. 339—341.

⁶ E. Schmidt. Excavation at Tepe-Hissar. The Museum Journal, XXIII, стр. 401, табл. CXXXIII, H-451.

Кавказской экспедиции покрывается ранним и средним этапами «кубанских культур» А. В. Шмидта,¹ причем исследуемые в данном отчете памятники относятся основной массой своего материала к «среднекубанской» и, в наименьшей степени, к «позднекубанской», охватывающей начальный период «III стадии». Новых материалов для абсолютной датировки памятников «II стадии» и близких к ним непосредственные работы экспедиции почти не дают, хотя можно было бы указать интересные аналогии с более известными памятниками, не учтенные в археологической литературе. Описанные выше и так плохо опубликованные медные подвески, в виде жгутика с петлей на одном конце и головкой на другом, имеют настолько близкие по форме аналогии среди золотых ожерелий «Приамова клада»,² что они не могут быть лишь случайными совпадениями. Обратно, поразительное сходство формы одного из троянских глиняных сосудов, повидимому, относящихся также к слою «II города»,³ с сосудами типа Б «II стадии» следует считать, скорее всего, случайным совпадением, поскольку резко различна вся система керамических форм этих двух достаточно удаленных друг от друга районов. Здесь же уместно вспомнить и указанные на своих местах аналогии исследуемым предметам «II стадии» в составе могильных инвентарей шахтных гробниц Микенского акрополя — парные «шлифовалки стрел» (Pfeilstrecker), парные же металлические сегменты с отверстием (золотые в Микенах, медные в нашем районе) и некоторые другие менее индивидуальные предметы. Особенно же важным сравнительным материалом являются значительно более скромные захоронения того же круга на о. Левкаде: в коллективном могильнике (Familiengrab), под плоским курганом с круговой каменной обкладкой, одно из погребений (S 4) представляет сильно скорченный мужской скелет на левом боку, головой на Ю, заключенный в массивный каменный ящик; погребальный инвентарь, надежно увязываемый с микенскими шахтами, включает ряд предметов, характерных для «II стадии» изучаемого района, равно как и для «ранне- и среднекубанских культур», — та же пара «шлифовалок» или «выпрямилков», пара кабаньих клыков, типичные терочные камни, кремневые двуперые наконечники стрел (типа ст. Константиновской на р. Чамлык), разнокалиберные бронзовые долота (называемые и «плоскими топорами»);

сходство с предкавказскими захоронениями в ритуале подкрепляется положением у колен и, одновременно, у правой руки скорченного покойника одного из сосудов, а именно серой глиняной миски (местного типа).¹ Далее, заметное число близких аналогий бросается в глаза в составе клада в пифосе под полом Библосского храма: обильное ожерелье из вполне аналогичных белопастовых (de fauance) цилиндрических бус,² очень близких бронзовых (?) фрагментированных налобных лент, частично украшенных весьма похожим пулеошным орнаментом,³ не говоря о широко распространенных спиральных прошивках из бронзовой проволоки,⁴ бронзовых округлых и бочкообразных бус⁵ и т. п.; наконец, не приходится выпускать из вида и приведенных выше просверленных полушарий из слоновой кости и камня.⁶ Если новейшая датировка Трои II, а с ней и клада Приама относит основной слой «II стадии» к середине II тысячелетия до н. э.,⁷ то Библосский клад в пифосе, как уже отмечалось в литературе,⁸ к сожалению, не поддающийся стратиграфической датировке, состоит из предметов преимущественно II и начала I тысячелетия до н. э. Таким образом вне зависимости от критики формальной датировки этого клада XII династией (время закладки храма), вне зависимости от позиции в дискуссии о дате Микенских шахт, которую Оберг понижает до XVI в., все те немногие опорные моменты, которые мы можем извлечь из памятников Кабардино-Пятигорья, не выводят датировки «II стадии» за границы II тысячелетия, примыкая тем самым к прежним датировкам Тальгрена,⁹ отчасти Шмидта¹⁰ и Иессена,¹¹ но резко расходятся с фантастической архаикой Ростовцева,¹² Менгина¹³ и т. п. Однако при более дробной хронологии не приходится соглашаться с теми концепциями, которые отводят на всю «II стадию» (от древнейших памятников до «кубанского» могильника) ничтожный отрезок времени в какие-нибудь 500 лет.¹⁴ Не ставя сейчас вопроса о времени возникновения металлообработки или первого появления металлических предметов на Северном Кавказе, для периода, представляемого курганами в «сад-

¹ W. Dörpfeld. Alt-Ithaka, стр. 209—210, 309—312, рис. 15, табл. 14, прилож. 69, 1—5, 71-а, 1—4, 71-б, 2-а, б, 8.

² P. Montet. Byblos et l'Égypte. Atlas. 1929.

³ Ibid., табл. LXXIII, 580—586.

⁴ Ibid., табл. LXIX, 596.

⁵ Ibid., табл. LX и XIX, 551.

⁶ Ibid., табл. LIX, 373 и I VII, 326—327.

⁷ N. Åberg. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, III. Stockholm, 1932, стр. 101—107.

⁸ А. А. Иессен, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 171.

⁹ ESA IV, стр. 22—40, VI; стр. 126—145, IX; стр. 29.

¹⁰ ESA IV, стр. 21.

¹¹ Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 92.

¹² М. Ростовцев, ук. соч., стр. 30 сл.

¹³ O. Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931, стр. 452—459.

¹⁴ A. Tallgren, ESA II, стр. 142; и ESA IX, стр. 29.

¹ A. Schmidt, ESA IV, стр. 21. Ср.: М. Ростовцев. L'âge du cuivre dans le Caucase septentrional et les cultures de Sumér et de l'Égypte pré-dynastique. Rev. archéol., 1920. — A. Tallgren, ESA IV, стр. 22—40; VI, стр. 126—145.

² H. Schliemann. Atlas Trojanischer Alterthümer. Табл. 196 (№№ 3579, 3584); табл. 207—208 (№№ 4609—4610).

³ H. Schliemann, ук. соч., № 928, табл. 37.

ках», приходится думать скорее всего о всем II тысячелетии, с углублением, возможно, в конец III и переживанием (местами) на первую четверть I тысячелетия до н. э. При этом подавляющая часть материала, сколько-нибудь поддающаяся датировке, падает на вторую половину II тысячелетия.

При сопоставлении материалов Нальчикских курганов с памятниками «mittelkubanische Kultur» между ними, конечно, не подразумевается знака равенства во всех отношениях — на протяжении такого значительного отрезка времени и на достаточно обширной и расчлененной территории степей и предгорий Северного Кавказа (даже только западной его половины) мы не можем себе представить все многочисленные общества того времени развивающимися совершенно равномерно и синхронно. Произведенный выше анализ инвентаря курганных захоронений Нальчикского района показывает не только связи, но и глубокие отличия этих комплексов от ряда других, обычно включаемых в число основных памятников «mittelkubanische Kultur». Так, нельзя не учесть, напр., факта полного отсутствия в Нальчикском районе изделий из кости, характерных для более степной полосы, сигнализирующего о возможно значительной разнице материально-хозяйственной базы этих обществ; ряд типов керамических сосудов, булавок и других бронзовых изделий, находимых (по крайней мере до сих пор) исключительно или преимущественно в данном районе, выработанность орнаментальных мотивов, представляющих замкнутую систему, наконец, последовательная устойчивость сочетания отдельных предметов в могильных комплексах — все эти черты позволяют и заставляют выделить ареал размещения памятников этого рода в особый археологический район.¹

Если поставить в центр исследовательского внимания раскопанные экспедицией курганы в «садках», то ареал распространения идентичных им комплексов, кроме Нальчика и его окрестностей («садки», Советская дача, курганы на выгоне, у больницы, под Домом Советов), занимает предгорную полосу Кабарды — Пришибская, Светловодское, Малка (Ашабово), Кызбурун III, Чегем II (см. карту на рис. 41), с расширением на восток до окрестностей г. Орджоникидзе и ст. Карабулакской на р. Сунже, а на З включает все Пятигорье — Константиновку возле Пятигорска, Острый курган (Шпицкугель), «Три камня», ст. Кисловодскую и другие курганы по р. Подкумку; далее это компактное размещение памятников обрывается (что может объясняться неизученностью предгорной полосы Карачая — от Железно-

водска на ст. Суворовскую, станцию Баталпашицкую, ст. Отрадную и т. д.), находя себе значительное, но не полное повторение в неоднократно использованном здесь комплексе ст. Константиновской (Коссовича — Шмидта) (на р. Чамлык). Аналогии к отдельным предметам или типам расходятся значительно дальше на запад, до Майкопского района и р. Кубани, и в степи, быстро редая по мере удаления от гор; в восточном направлении аналогии, даже эпизодические, почти не встречаются, что также находит себе объяснение не только в своеобразии, но и в чрезвычайно недостаточной археологической изученности Чечено-Ингушии и Дагестана. Отдельные связи, как пережиточные, так и синстадиальные, протягиваются и к чисто горной зоне (Донифарс, Фаскау, Камунта, Кумбулта, Рутха, Кобан, Корца), в отдельных случаях перекидываясь и на южный склон Главного Кавказского хребта (сел. Тли в Южной Осетии и сел. Сачхере в Имеретии).

Если в этих горных связях совсем не указано аналогий из прилегающих районов горной Балкарии, то это надо целиком отнести за счет недостаточной изученности последней, по сравнению со знаменитыми могильниками Осетии, и за счет того обстоятельства, что многие старые коллекции, накопившие случайные материалы, и печатные «труды» не делали различия даже между технологическими «стадиями» и сваливали подчас в одну кучу предметы основной для горных районов «III стадии» (раннее железо) и значительно более редкие находки «бронзовых культур».¹ Наконец, нельзя представлять себе охарактеризованный «Кабардино-пятигорский» археологический микрорайон (равно как и всякий другой на Сев. Кавказе) без больших или меньших увязок с археологическими материалам Закавказья, как западного, так и восточного (см. карту, рис. 41).

Возможно, что с дальнейшими исследованиями западного и центрального Предкавказья конкретные границы этого микрорайона несколько раздвинулся, но общая территориальная характеристика вряд ли может существенно измениться.

Было бы грубой ошибкой считать весь погребальный материал «II стадии» монолитным

¹ Не всегда разбиралась в этом пункте и Уварова [в основной работе которой (МАК, VIII) все же есть соответствующие рубрики], на что попутно указывалось выше, но особенно это типично для таких наукообразных дилетантов, как граф E. Zichy (Voyage au Caucase et en Asie Centrale, т. I. Будапешт, 1897), где обильные материалы Балкарской археологии распределены просто по отдельным ущельям, даже без указания селения или района находки. К сожалению, подобную путаницу приходится встречать изредка и в настоящее время (правда, не в советской прессе): в упоминавшейся статье (V. Avdief. Ancient Egypt and East, 1933, № 1—2, стр. 29) автор без всяких сомнений смешивает всю «Кобань» вообще с ранней бронзой, вернее медью Кабардино-Балкарии, приводя без разбора примеры из II и III стадий.

¹ Материалы экспедиции «II стадии» прочно увязываются с более широким археологическим фронтом степной полосы Приднепровья, но анализ этой темы не входил в задачи данной работы.

и статически неизменным. С учетом типологической и технологической динамики форм и типов можно даже попытаться наметить некоторую (достаточно, конечно, условную) по-

ним надо причислить, возможно, курганчик на Долинском селище, а также остатки первичных захоронений в раскопанных экспедицией курганах. Комплекс кургана у Советской дачи

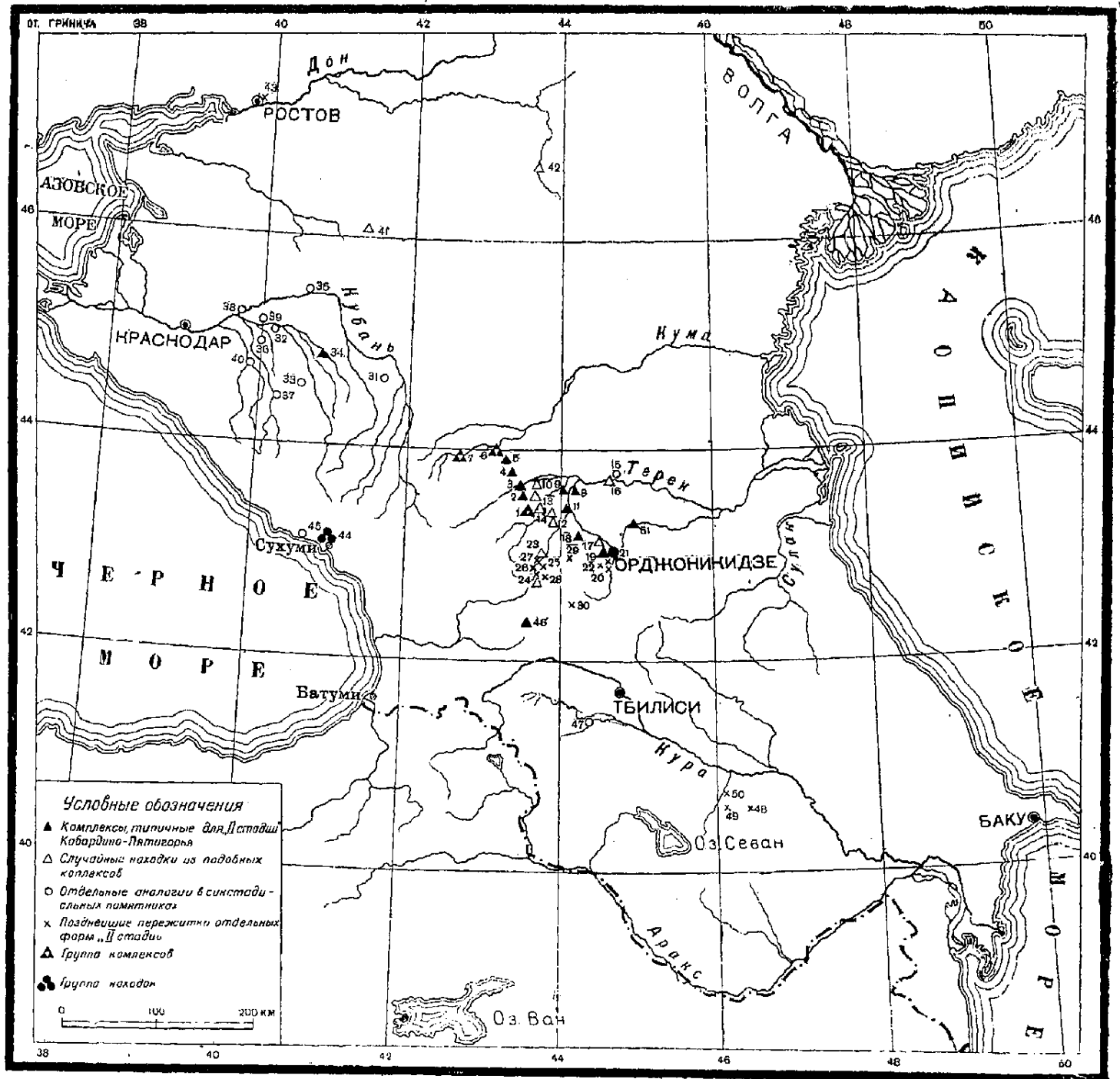

Рис. 41. Распространение памятников «II стадии» Кабардино-Пятигорского археологического района.

1 — Нальчик с окрестностями; 2 — Чегем I и II; 3 — Кызбурун III; 4 — Малка; 5 — Светловодское; 6 — Пятигорск с окрестностями; 7 — Кисловодск с окрестностями; 8 — Пришибская; 9 — Ново-Ивановское; 10 — Кишпек; 11 — Урух; 12 — Леская; 13 — Нартан; 14 — Аушгер; 15 — Моздок; 16 — Ново-Осетинское; 17 — Архонская (и р. Дур-Дур); 18 — Христианское; 19 — Орджоникидзе; 20 — Чми; 21 — Балта; 22 — Кобан; 23 — Донифарс; 24 — Фаскау; 25 — Камунта; 26 — Рутха; 27 — Кумбулта; 28 — Галиат; 29 — Корца; 30 — Тли; 31 — бассейн рр. Б. и М. Зеленчук; 32 — Уляп; 33 — Костромская; 34 — Константиновская; 35 — Казанская; 36 — Кру; 37 — Абалдзехская; 38 — Усть-Лабинская; 39 — Ново-Лабинская; 40 — Белореченская; 41 — Летническое; 42 — Ремонтное; 43 — Ростов н/Д (Кобяково городище); 44 — Сухумский район; 45 — Гудаутский район; 46 — Сачхере; 47 — Цалка; 48 — Ханлар (б. Вленендорф); 49 — Човдар; 50 — Шамхор; 51 — Карабулакская.

следовательность памятников. Самыми древними курганными захоронениями Кабардино-Пятигорского района представляются те из разрушенных курганов в «садках», из которых происходит упомянутый выше (стр. 237) фрагмент плоского шлифованного топора и пр.; к ран-

представляется более поздним, чем основной материал курганов №№ 2 и 4 чем значительная часть курганов в «садках», Константиновская (Коссовича—Шмидта) и пр. Наконец, самыми поздними памятниками, подходящими к порогу «III стадии», повидимому, являются

инвентари курганов: у с. Христианского, у ст. Кисловодской (Фелицын—Самоквасов), на р. Поджумке, раскопанный Филипповым и, особенно, в Кызбурне III.¹

ОСТАТКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уже не дискуссионным является положение, что погребальные памятники не являются непосредственными источниками для изучения социально-экономической структуры современного им общества, адекватными строению самого общества, безусловно уступая в этом отношении место остаткам, при всей их фрагментарности, связанных с ними поселений. В отношении курганных погребальных памятников в «садках», исследованных экспедицией, наряду с обычным искажением общественной действительности религиозно- и, в частности, похоронно-ритуальными представлениями, в данном случае к трудностям даже отдельных частных выводов в этом направлении прибавляется чрезвычайная численная недостаточность погребальных памятников, сколько-нибудь научно исследованных. Что касается поселений, как прямых археологических источников, то единственное сколько-нибудь исследованное селище — Долинское — не дает настолько близких совпадений с исследуемыми погребальными комплексами, чтобы считать их одновременными; кроме того, в связи с исключительной изменчивостью отдельных форм материальной культуры, орнаментации и т. п., а также, вероятно, и надстроечных форм обрядов, ритуалов и пр. между мельчайшими, иной раз чуть ли не покурганными (вернее всего родовыми) коллективами,² бесспорным

¹ Легче и проще всего было бы разделить «II стадию» на весьма принятые в археологической литературе рубрики — раннюю, среднюю и позднюю «подстадию», периоды и т. п., но подобное деление, построенное лишь на погребальном инвентаре и без учета материала неисследованных еще поселений, не отражало бы никаких конкретных социально-экономических этапов, а было бы в лучшем случае лишь формальным членением, поскольку каждое историческое явление имеет период становления, развития и разложения. «Три стадии», установленные работами Сев.-Кавказской экспедиции, потому и представляют более совершенную классификацию, чем предшествовавшие: Шмидта, Тальгрена, Ростовцева, что за ними подразумеваются не столько определенные комплексы предметов, сколько определенные периоды в истории общества.

² Например чрезвычайное единство орнаментации в кургане № 2-а, вовсе отсутствующей в рядом стоявшем кургане № 2, наличие булавок типа В исключительно лишь на узко ограниченной территории западных окрестностей г. Нальчика и т. п. В пережиточных формах это положение можно проследить этнографическими методами и в быту многих кавказских горцев, сохранявших наиболее архаические представления (напр. у сванов), у которых еще совсем недавно отдельные родовые группы нередко имели свои особые праздники и ритуалы, своих «патронов-покровителей», а также свои излюбленные системы орнаментации в домашних производствах — у кого в посуде, у кого в резьбе, вышивках и т. п. Параллельным примером подобного же единства орнаментации в отношении и орнаментальных

археологическим документом можно считать лишь несколько из того или иного поселения и кладбища его жителей.

Однако для некоторых тем именно погребальные памятники приобретают значение важнейших, чуть ли не решающих источников. Так, достаточно обильный, разнообразный и относительно стабильный по составу инвентарь курганов Кабардино-Пятигорского района дает такую концентрацию данных о составе и технологии ряда производств своего общества, какой не может представить ни одно самое археологически богатое селище в силу неизбежной отрывочности и случайности остатков бытовых комплексов (не говоря уже о фрагментарности их). Так, напр., оба раскопа Долинского селища, общей площадью свыше 200 кв. м, не дали ни одного грамма металла и никакого следа его обработки, в то время как одновременные захоронения (хотя бы Соломенский курган) показывают широкое его применение, по крайней мере в погребальном обиходе.

Прежде всего производство глины в большей или меньшей степени может быть охарактеризовано погребальной керамикой (функцией отдельных ее типов). В курганных погребениях «II стадии» данного района, как можно видеть из приведенных выше материалов, прослеживается следующий типичный минимальный набор погребальной посуды: 1) миска, 2) более или менее емкий сосуд типа А и Б и 3) совсем маленький сосудик. В двух (из трех найденных экспедицией) мисках обнаружены кости мелкого рогатого скота — остатки мясного кушанья, судя по небольшой глубине типичных мисок-тарелок, не жидкого характера;¹ этим достаточно документируется скотоводство, но, конечно, не его формы и развитие. О небольшом удельном весе скотоводства в хозяйстве говорит, между прочим, исключительная бедность костяными поделками,² что отличает курганы Кабардино-Балкарского района от памятников соседних северных и западных районов, не говоря уже о чисто степных областях.

Находка маленького сосуда в большом ясно определяет их общую функцию как сосудов для напитка, о составе которого можно лишь более или менее обоснованно гадать. Логически напиток мог быть либо молочным, типа

сметанов, и их композиции может служить керамика более или менее синхронного кургана № 10 возле г. Моздока, характеризующая исключительным единством шнуровых орнаментальных мотивов и приемов, напоминающим не менее последовательное единство орнаментации булавок типа В.

¹ Современные горцы Северного Кавказа варят суп и пьют его из глубоких чашек-кружек с ручкой, вареное же или жареное мясо раскладывается по столу или по отдельным плоским посудинам либо дощечкам.

² Во всем собрании Нальчикского музея с изучаемыми материалами может быть сопоставлен лишь один единственный костяной предмет — крючок из Соломенского кургана (см. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, рис. 33, 7).

айрана и т. п., либо искусственным изготовлением из растительных продуктов типа бузы из проса у адыгов (в том числе и кабардинцев) и овса у балкар, пива из ячменя у осетин, балкар и хевсур, араки-самогона из ржи, груш, бузины и т. п. у сванов и т. д.;¹ поскольку в пережитках древних верований у народностей Кавказа искусственные хмельные напитки имеют ярко выраженную ритуальную функцию и прежде всего в похоронном обряде, а молоко и молочные напитки (айран, кумыс и пр.) таковых функций обычно не несут, естественно предположить в горшках и «кубках» погребений «II стадии» какое-либо ритуальное хмельное питье из диких или культурных растительных продуктов.

Наличие последних, иначе говоря земледелия, достаточно документируется находкой при одном из погребений кургана № 2 вкладыша от серпа, подкрепленной ясно выраженными экземплярами из Долинского селища,² сопровождаемыми многочисленными зернотерками. В 1939 г. в полуразрушенном кургане с каменной обкладкой работниками Нальчикского музея был обнаружен прекрасно выраженный кремневый вкладыш, зажатый в правой руке костяка. К сожалению, датирующего материала при этой находке не оказалось, а раскопки продолжены не были. Не приходится и выпускать из вида, что при отсутствии или незначительном масштабе земледелия, остатки и отражения скотоводства или охоты в изучаемых погребальных памятниках не могли бы быть так скудно представлены, в то время как в опосредствованных, главным образом, надстроечных аргументах в пользу земледелия недостатка нет.

Несравненно яснее характеризуется могильным инвентарем домашнее производство орудий и предметов обихода, которые определяются в следующем составе.

Обработка камня

Довольно многочисленные кремневые поделки отличаются примитивной техникой обработки кремневого материала; в большинстве случаев это лишь крупные отщепы или пла-

стилки, обработанные или подправленные по рабочему краю мелкой крутой ретушью; лишь немногим орудиям придана намеренная форма путем оболванивания всего тела орудия широкой плоской ретушью. Подобная обработка составляла уже в этот период архаизм, местный источник которого нам пока неизвестен и самая постановка вопроса о котором затруднена неизученностью и отсутствием массового материала. Предположение о специально погребальном архаизме этих орудий, подкревленное обилием в могилах и курганах тысячи простых нерабочих отщепов и осколков кремневого и обсидианового материала, отводится полным тождеством технических приемов с обильными находками из обоих слоев Долинского селища, где бытование этих форм в повседневном обиходе не вызывает сомнений.

Грубость обработки большинства каменных орудий тем более нуждается в объяснении, что наряду с ними мы встречаем прекрасно полированные орудия: из более раннего периода описанные выше клиновидные плоские топоры (стр. 17), из более позднего — затейливые топоры «пятигорского типа» (стр. 238—40; табл. X, рис. 33, 1, 2, 3,) с тончайшей профилированной шлифовкой (не только из мягкого серпентина, но и твердого диорита), к которой добавляется новый прием — сверление проушины. Совокупность всех этих технологических приемов заставляет переосмыслить грубо оболваненный топор из кургана № 4 с еле намеченной проушиной (равно как и схожий с ними Ульский топор, прикрепление к которому рукоятки также затруднительно) как незавершенную стадию обработки данного типа орудий. Примеры подобного рода незаконченных топоров с лишь начатым сверлением проушины известны с весьма широкой территории: с Украины, из Крыма (Симферопольский музей), центральной России (Воронежский музей), Финляндии (Maaria) или Скандинавии.¹ Естественно, что наиболее трудоемкий процесс — отделка поверхности и ее полировка — производился после сверления, которое часто приводило к браку и отходу расколовшихся по сверлине орудий.² В заключение темы каменных орудий уместно высказать соображение, что чрезвычайная изменчивость и текучесть форм и деталей шлифованных каменных топоров в значительной степени зависит от характера и податливости его материала, вплоть до формы исходного куска камня, и что чрезвычайно дробные формальные классификации

¹ Шора-Бекмурзин Ногмов. История адыгейского народа. Пятигорск, 1891, стр. 36. — В. Ф. Миллер. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. МАК, III, стр. 129. — Сельский священный к. Кое-что о суевериях и разорительных обычаях осетин. Газ. «Кавказ», 1875, № 71. — С. N i o g a d z e. Begräbnis und Totenkultus bei Chewssuren. Stuttgart, 1931, стр. 37. — В. В. Бардавелидзе. Опыт социологического изучения хевсурских верований. Тифлис, 1932, стр. 13, 25—29. — Б. Ковалевский. Страна снегов и башен. М., 1930, стр. 60—61, 117. — Д. Червеняков. Похоронные обычаи в В. Сванетии. Газ. «Кавказ», 1905, № 260. — М. К. Абаев. Балкария. Журн. «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—17, стр. 588 и 605. — К с е н о ф о н т. Anabasis, кн. IV, §§ 26—28.

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 178.

¹ А. Аугарая, ук. соч., стр. 63 (рис. 60), 68 (рис. 69) и 93. (рис. 91). Музей антр. и этногр. АН, шифр 385-1 (бассейн Днепра), 3883-1 (Крым, перевал от Сары-тапы к Ели-сале, колл. Вебера) и 3100-3 (Скандинавия).

² Очень убедительные фрагменты нешлифованных еще орудий: МАЭ АН, 1614-1 (Волянь), 1078 А-207, 208 (с. Б. Козино Горьковского края, колл. В. И. Каменского).

этих орудий по мельчайшим уклонениям профиля, пропорций и т. п.¹ вряд ли целиком основаны на сознательных целях изготовителей их.

Обработка кости

Как уже указывалось, костяные изделия в данном районе чрезвычайно редки и не характерны. За исключением пары проеверленных зубов и полушария из энцифаза, которые являются скорее приспособлением готовых костей к потребностям магии и украшения, можно указать лишь на украшенный крючок из Соломенки.² Помимо своей неопределенной датировки, орнаментация этого предмета не встречается никаких аналогий в данном районе, и крючок свободно может оказаться привнесенным извне одним путем, хотя бы с сердоляковыми бусами из того же кургана.

С приведенным выше (стр. 270) кремневым вкладышем от серпа в том же разрушенном кургане за больницей была найдена костяная проколка, сделанная из лопатки какого-то крупного животного, но принадлежность этого погребения ко «II стадии», как уже указывалось, ничем не документируется. К сожалению, определение породы животных, кости которых послужили материалом для этих немногих поделок, было в экспедиционных условиях невозможным.

Обработка волокнистых материалов

В отношении этого производства мы имеем богатые, но неразработанные источники изучения в виде веревочных и шнуровых орнаментов в керамике³ и в бронзе. Учитывая, что бронзовая или медная отливка делается с такого же оттиска реального шнура по сырой глине, какой применяется и для украшения керамики (ср. выше стр. 247), оба эти приема показывают нам прежде всего способы и приемы витья, скручивания и сплетения исходного волокнистого материала.

Ведущей формой здесь выступает веревочка или простейший круглый шнурок из двух или трех прядей. Первый прием с более редкими витками ясно виден на орнаментированной керамике (табл. II, 2; III, 1 и др.); иногда отпечатки отдельных витков настолько редки, что кажутся имитацией веревки, но подлинность ее

легко восстанавливается при помощи пластилинового или иного оттиска (табл. XVII, 1—5). На бронзовых изделиях иногда (напр. на ободке дисков булавки Гос. Музея этнографии) (табл. XVI, 1) оттиск шнура выказывает настолько плотное витье (напоминающее «английский шнур»), что подразумевает не менее трех свитых прядей.¹ Такие веревки из двух и трех прядей на сегодняшний день в широком употреблении у горцев Кавказа, начиная с Балкара, в качестве универсального перевязочного материала; любопытно, что эти веревки, скручиваемые всегда вручную без всяких приспособлений, у карачаев носят интригующее наименование «шайтан-чалу»,² т. е. «чортова, бесова веревка».

На ряду с простейшим шнурком-веревочкой, получаемым при помощи самозакручивания отдельных накрученных в другую сторону прядей, некоторые бронзовые отливки воспроизводят формы более сложного шнура, не свитого, а сплетенного без закручивания из нескольких, иногда многих прядей. «Елочковидное» расположение витков на головках больших булавок из «садков» и др. (рис. 34, 2; 35, 1; 37, 3; 38, 1; 39, 1) или на крестовине подвески-«зеркала» из ст. Пришибской (табл. XII, 5) соответствует плоскому плетению из трех или четырех прядей, на манер женской косы; в живом горском быту шнурки этого рода служат чаще всего для висячих петель на одежде. Более сложное плетение показывает единственная в этом отношении подвеска из кургана № 2, представляющая как бы четырехгранный шнурок (причем каждая грань «в елочку») с петлей на одном конце и круглой головкой на другом (рис. 12, 2; табл. XVII, 7); точно такую же схему представляет (табл. XVII, 8) шнурок, сплетенный из пяти двойных петель (т. е. 10 прядей) и завязанный узлом, причем общая петля на другом конце получается сама собою по технике плетения; эта система плетения также бытует среди Балкара, карачаев и др., главным образом для приготовления круглых шнурковых пуговиц, причем женщина работает исключительно на пальцах, либо с помощницей (табл. XVII, 6),³ либо зацепляя исходную петлю шнура за что-либо, чаще всего за большой палец ноги.⁴ Похожую схему можно получить и иным способом — путем сгибания «косовидного» четы-

¹ Ср.: В. А. Городцов, ук. соч. Отчет Росс. историч. музея 1914 г., стр. 8—9, табл. VIII (16 типов). — А. Аугарай, ук. соч., стр. 9—55 (свыше десятка типов).

² См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, рис. 33, 7.

³ Впервые вопрос о возможности привлечения этого источника поставлен (без какой-либо конкретизации) В. А. Городцовым (Труды VIII Археол. съезда, т. III, стр. 197); методика вопроса начата разработкой, и некоторые интересные наблюдения сделаны А. С. Сидоровым (О витье волокнистых веществ. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. V, Лгр., 1930). На бронзовом материале текстильная тема вовсе не ставилась.

¹ Именно в виде такого круглого шнура, обычно по краю или какому-нибудь борту, этот мотив надолго переживает период своего возникновения и господства главным образом в серебре и в бронзе (ср. напр.: И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Лгр., 1935, табл. 22, 23, 25—29, 39—40, 48—49, 52, 54—55), причем далеко не все мотивы могут быть объяснены из более поздней техники жгутов, скрученных из металлической проволоки.

² Сообщено Е. Н. Студенецкой из записей в Б. Карачае (сел. Хурзук).

³ По фотоснимку Е. Н. Студенецкой в сел. Хурзук.

⁴ Ср.: О. В. Марграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 124—125.

рехпрядного шнура вдвое с образованием петли на одном конце и узла, завязанного на свободных концах, но при этом направление витков получается в одну сторону, а не встречное. Именно такие подвески встречаются среди «серебряных» из IX кургана у ст. Андриюковской (ГИМ, Москва). Тем самым все эти типы шнурков и приемы плетения документируются для «II стадии».

Значительно меньшую ясность удается внести в существеннейший вопрос, каким способом свивалась основная пряжа или нитка — ручным ли витьем (как дратва) или уже путем прядения на веретене. Некоторым пособием при разрешении этого вопроса в известной мере может служить направление витков — в правую или левую сторону. Исходя из того, что в настоящее время обычно пускают веретено правой рукой, а сучат пряжу левой, принято считать, что наклон витков вправо указывает на наличие прядения.¹ Подавляющее большинство отпечатков двухпрядных веревочек на керамике имеет наклон витков в левую сторону (рис. 4, табл. I), реже встречается на более поздних сосудах (табл. XII, 1, б) и обратное направление витья — вправо; наконец, весьма обычно в бронзовой и керамической орнаментике сочетание двух или большего количества веревочек с противоположным направлением витья, притом в композиции, исключающей возможность отиска плетеной плоской тесьмы, которая могла бы дать подобный же эффект (оборотная сторона «зеркала» из ст. Пришибской, табл. XII, 5б). Совокупность данных говорит, скорее, против прядения, тем более, что ни в раскопках экспедиции, ни в музейных материалах «II стадии», ни в Долинском селище не встречается, как правило, пряслиц, достаточно обычных в степных районах, равно как и в памятниках «III стадии».² Однако мне известны факты, что некоторые кавказские горянки при прядении свободно «меняют руку», а следовательно, и направление витья;³ кроме того, цитированный выше автор приводит интересные примеры из быта коми и удмуртов, когда веревка из магических (в частности похоронных) побуждений вьется в обратную нормальную сторону.⁴ В таких условиях наиболее осторожной формулировкой все же будет то, что по наличию имеющихся в рас-

поряжении данных искусство прядения во «II стадии» в Нальчикском районе не устанавливается.

«Проблема веретена» теснейшим образом связана с вопросом о материале прядения, — достаточно очевидно, что изобретение или внедрение ротационного прибора для прядения может возникнуть лишь на базе массового прядильного материала,¹ каким в обстановке архаического Предкавказья могла быть лишь шерсть. К сожалению, археологическая технология не располагает пока методами определения материала волокна по оттискам пряжи, и точным анализом вопрос решен быть не может; опыты, произведенные Северо-Кавказской экспедицией по получению шнуровых оттисков на пластелине, сырой глине и пр., дают основания отвергать возможность орнаментации керамики «II стадии» при помощи шерстяного шнура, хотя бы и провощенного, и наиболее близкие оттиски получались от шнура, свитого из льняной пряжи. У нас нет никаких археологических данных для суждения об основном материале одежды населения, оставившего изучаемые курганы, но если источник шерсти в хозяйстве документируется хотя бы незначительным количеством костей мелкого рогатого скота (найденных, напр. в кургане № 4, но не обнаруженных в слоях Долинского селища), то вопрос об использовании лубоносных, диких или культивированных растений не может быть решен при наличных данных. Однако в этом вопросе приходится учесть, что во время этнографической экспедиции б. Этнографического отделения Русского музея 1932 г. я наблюдал дикорастущий (или одичавший) лен (*Linum usitatissimum* L.) и на суглинистых полях Средней Балкарии (сел. Мухол) и в окрестностях Нальчика; лен значится в списке «произведенный всех трех царств природы в Кавказском Крае» «по части ботаники»;² наконец, существует мнение, что родина однолетнего льна находится именно на Кавказе,³ основанное, вероятно, на сообщениях древних греческих географов о культуре и экспорте льна в Кол-

¹ Наличие прядильных навыков и даже примитивного веретена в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах Австралии не может трактоваться синтактально с основным комплексом производительных сил австралийского общества и относится к наиболее молодому, безусловно вторичному слою его производственной культуры (не исключено и прямое заимствование извне); в силу этого попытка реконструировать прядильную технику еще в верхнем палеолите (П. И. Борисковский. Начатки текстильной техники у австралийцев. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 8, стр. 18 и 24—25) имеет под собой не более оснований, чем возведение к тому же палеолиту некоторых своеобразных и также вторичных патринейных и патрилокальных черт у австралийских бродячих охотников и собирателей.

² «Картина Кавказского края», соч. Пл. Зубова, ч. I, СПб., 1834, стр. 191.

³ Г. Обермайер. Доисторический человек. М., 1913, стр. 523.

¹ А. С. Сидоров, ук. соч., стр. 8.

² Напр.: ОАК, 1906, стр. 94, 95, 105 и др. Единственное глиняное пряслице Нальчикского музея, сопровождающее керамику поздней «II стадии» из разрушенного курганного погребения «на стрельбище», вызывает значительные сомнения в самом комплексе, заключающем, напр., конские зубы, ни разу не встреченные в памятниках «II стадии».

³ Ср.: О. В. Мэргграф, ук. соч., стр. 125, и рисунки народного художника Армении М. Сарьяна в: Армянские сказки, изд. Academia, Лгр., 1930, стр. 55—219.

⁴ А. С. Сидоров, ук. соч., стр. 7.

хиде.¹ Что касается конопли (*Cannabis sativa* L.), то она и в настоящее время растет и культивируется в предгорьях Северного Кавказа,² в частности Кабарда славится высококачественными коноплями; исторические же сведения о ней восходят к скифам.³ С другой стороны, очень характерным обстоятельством является то, что современные народы западного Предкавказья, по крайней мере в течение нескольких последних столетий, лубоносных растений не культивировали и вся потребность в холщевых и полотняных тканях покрывалась привозом извне.⁴

Функцию костяного крючка, найденного в Соломенском кургане, трудно определить иначе как инструмент для вязания — производства, представляющего переходную ступень от плетения к ткачеству и по сей день широко распространенного в горных обществах Кавказа.⁵ В материалах Долинского селища (позднейшего слоя) есть интереснейшая находка — керамический фрагмент с отпечатком внутри черепка подобия «ткани»; к сожалению, однако, эта находка не подвергнута изучению специалистом, и вопрос о том, имеем ли мы здесь отпечаток действительно ткани или широкого плоского плетения из растительных волокон, тонкого луба или соломы, равно как и о наличии во «II стадии» умения ткать материю на каком-либо станке, остается пока открытым. Характер переплетения нитей Долинского оттиска, насколько можно разобрать на маленьких расчищенных и несколько потертых участках⁶ с характерной параллельной «рифленостью», вызывает ассоциации с памятниками швейцарских свайных построек, где были находимы «очень редкие материи, которые могут быть изготовлены непосредственно плетением».⁷ Кроме вертикаль-

ного ткацкого стана со свободно висящими нитями основы,⁸ от плетения к ткачеству может явиться переходной ступенью и небольшой прибор из двух костяных или деревянных пластинок с 4 и 6 дырочками в каждой, также распространенный повсеместно у горцев Кавказа и представляющий по принципу миниатюрный ручной ткацкий станок, при помощи которого женщины плетут более или менее сложные тесемки, галуны и т. п., т. е. ту же ткань с очень небольшим числом ниток в основе (табл. XVII, 9). Получающаяся тесьма из 4, 6, 8 (в зависимости от числа дырочек и нитей) рядов встречных витков «в слочку» в точности соответствует моделировке декоративного плетенья хотя бы на головке булавки из Донифарса (табл. XVI, 1; XVII, 11) или на ушке подвески из кургана у ст. Кисловодской (табл. XVII, 10).² Тем самым бытование этих предшествующих ткачеству приемов документируется для «II стадии» с достаточной достоверностью.³

Керамическое производство

Технологическая характеристика керамики из курганов в «садках» выясняется с достаточной полнотой. Вся она вылеплена от руки без гончарного круга, но с большим различием в совершенстве — одни сосуды удивляют большой точностью в симметричности формы, отделке поверхности и формовке деталей (рис. 4; табл. I, IV, 2), другие же сработаны весьма грубо и небрежно — значительная асимметрия как по центру, так и в профиле, грубая поверхность и приблизительность в отделке деталей (табл. IV, 1; IX, 4—9). Причина этого различия — различная ли степень мастерства изготовителей, различие между обычной и специально погребальной посудой (и в какую сторону?) или что-либо иное — пока не установлена, тем более, что в пределах одного погребения встречаются сосуды совершенно разной по совершенству техники (пример — погребение № 1 кургана № 2). Не

¹ Herodoti historiae, II, 105. — Strabonis Geographica, XI, 11, 17.

² И. А. Сизов. Конопля СССР. Лгр., 1936, стр. 7. — В. П. Христианович. Из истории Кабарды и Балкарии. Кабардинская автономная область. Нальчик, 1922, стр. 46 [«Дикая конопля, достигающая на Кавказе колоссальных размеров, никогда, повидимому, не культивировалась населением, но тем не менее и в диком состоянии она входила в домашний обиход. Из нее плелись циновки и т. п. Плетение циновок из конопли до сих пор удержалось в некоторых селениях Кабарды (напр. в Борокове — М. Кабарда)»].

³ Herodoti historiae, IV, 74.

⁴ Ср.: Traité sur le commerce de la mer Noire, par M. de Peyssonnel. Paris, 1787, II, стр. 5, — солидный источник, подкрепленный многими другими, свидетельство которого не опровергается беглой фразой статьи за подписью Д. Г. в «Военном Сборнике» (XI, 1860, стр. 303).

⁵ Вопреки утверждению Маргграфа (ук. соч., стр. 119).

⁶ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, стр. 191, табл. X, 1—2.

⁷ Г. Обермайер, ук. соч., стр. 560. Образцы плетения «тканей» см.: J. Heierli. Uhrgeschichte der Schweiz. Zürich, 1901, стр. 175, рис. 143 и 144. — E. Vogt. Geflechte und Gewebe der Steinzeit. Basel, 1937, стр. 5—43.

¹ J. Heierli, ук. соч., стр. 177, рис. 147 (реконструкция). — W. L. Baume. Der stehende Webstuhl. Prähist. Ztschr., 1922, Bd. XXIV, N. 3—4. — E. Vogt ук. соч., стр. 97—114, рис. 151.

² По фотоснимку: A. Tallgren, ESA VI, стр. 136, рис. 39.

³ Приводимая здесь техника плетения, наблюдаемая мною в Балкарии в этнографической экспедиции 1932 г., в литературе описана для более развитых производств серебряного позумена в Закавказье: M. Bartels. Über das Weben mit Kartenblättern im Kaukasus. Ztschr. f. Ethnol., 1898, Verh., стр. 34—39, с 2 рис. (мужской кустарный промысел в Имеретии); M. Bartels (по материалам M. Lehmann-Filhés). Kaukasische Gürtel und Bänder. Ibidem, стр. 329—332, с 2 рис. (женское домашнее ремесло тифлиских армянок); на широком сравнительном материале построена основная сводная работа: M. Lehmann-Filhés. Über Brettchenweberei. Berlin, 1901; пример из египетского быта XIX в.: M. Heiden. Die Textilkunst des Altertums bis zur Neuzeit. Berlin, 1909, стр. 79, рис. 56.

меньшее различие устанавливается и по качеству самого черепка.

Анализу и определению¹ было подвергнуто 7 типических образцов.

Курган № 2.

Фрагмент 81-107 (находка в насыпи). Масса черепка весьма груба. Материал взят прямо из грунта, плохо перемешан, в массе черепка ок. 20—30% грубозернистого кварцевого песка и черных включений, много слюды. Последняя сконцентрирована, главным образом, на наружной и внутренней поверхностях черепка, что может служить указанием, что весьма тощая масса при обработке изделия должна была обильно смачиваться водой и чешуйки слюды расположились по поверхности заглаживания черепка более или менее правильно и параллельно поверхности заглаживания. Керамика весьма примитивная, свидетельствующая о низком уровне технологического знания. Состав черепка в минералогическом отношении весьма характерен и мог бы служить материалом для геологического определения места изготовления керамики. Т° обжига ниже 750°.

Фрагмент 81-33 (лит. Г). Весьма близок к предыдущему образцу. Материал, вероятно, из одного месторождения. Т° обжига ниже 750°.

Фрагмент 81-54 тонкостенного сосуда из насыпи (лит. О, табл. V, 3). Черепок относительно недурной выделки. Т° обжига ниже 750°.

Курган № 2-а.

Фрагмент 84-2 от сосуда типа Б (табл. I, 4). Желтая керамика. Черепок хорошо выделан. Т° обжига ниже 850°, характер обжига окислительный.

Фрагмент 84-16, темносерого цвета из относительно однородной глины. Ровная толщина стенок и хорошая выделка черепка свидетельствует о довольно высокой технике изготовления. Характер обжига восстановительный, т° не ниже 800°.

Фрагмент 84-46. Красная тонкая охристая глина (почти охра, тип «сангвины»), которая не дает указаний на обжиг. Является сомнение, что это «черепок», — на бумаге дает сочную характерную черту. Способность давать черту исчезает при Т° в 500°, так что данный образец либо обжигу не подвергался, либо подвергался в самой слабой степени.

Фрагмент 84-42. По материалу весьма близок к предыдущему образцу. Обжигу не подвергался.

По качеству теста и исходного материала подвергнутые анализу образцы распределяются на три типа:

I. Образец 81-33, 81-107 и др. Грубая арха-

ическая керамика. Желтый плохой черепок. Неудачный выбор глин (или отсутствие в данной местности подходящего материала) — плохая железистая глина со включениями. Т° обжига низкая — от 600—870°. Возможна формовка лишь грубых, толстостенных (толщина образца 81-107—13.4 мм), но непрочных сосудов; многие горшки этой категории полностью утратили качество поверхности, а иные расслаиваются чешуйками на части.

II. Образец 84-2 и др. Желтая керамика более тщательной выделки, чем предыдущая. Удачный подбор глины и хорошая обработка черепка позволяют изготовление тонкого и прочного черепка (до 4.25 мм толщиной — черепок 84-113).

III. Образец 81-96, 84-42 и др. Красная керамика из охристых слабообожженных глин. Дает черту сангвины на бумаге; после обжига, превышающего первоначальный, способность давать черту утрачивается. Формуется легко, но очень хрупка, так что обычно применяется для толстостенных сосудов; легко затирается и обкатывается, при реставрации не переносит грубого мытья водой, а тем более чистки жесткой щеткой.¹

В качестве общей характеристики технологического уровня этого керамического производства нужно признать типичным: низкую (в большинстве случаев температуру обжига (в отдельных случаях сомнительно даже какой-либо обжиг) и исходный материал большого количества изделий, избылующий включениями крупных, плохо окатанных зерен кварца и чешуек слюды, сцементированных желтой, повидимому тощей, железистой глиной. Подобный материал весьма типичен для гор, где отложения глины немногочисленны, часто перемещаются дождевыми потоками и в своих последующих отложениях перемешиваются с обломками горных пород, которые поблизости подвергаются процессам разрушения. Только бедностью хорошей глины объясняется неудачный подбор материала в большом количестве изделий, типичным образцом которых является черепок 81-107 из кургана № 2. Эта керамика характерна для определенного района, жители которого в силу каких-то причин были стеснены в выборе материала и вынуждены были довольствоваться тем, что имелось под рукой.² Последняя характеристика керамического материала свойственна не только инвентарю изученных

¹ Этот тип и технологически и морфологически совпадает с керамикой слоя Долинского поселения (см. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. Б. Подгаецкого, стр. 185), который его исследователи считают древнейшим.

² У кабардинцев и балкар керамического производства не существовало, но за последнее столетие в Нальчике образовалась целая небольшая колония прищлых гончаров-кумыков, которые производили на местном сырье для Нальчикского рынка бытовую керамику вполне удовлетворительного качества.

¹ Произведены б. Институтом археологической технологии ГАИМК, заключение которого приводится ниже почти дословно.

экспедицией курганов, по и обильному музейному материалу, что с полной убедительностью документирует чисто местное керамическое производство изучаемого периода.

Для вопроса о приемах формовки и лепки материалы экспедиции прямых свидетельств не дают. Если для Долнинского селища, на основании выписанных грядок «ткани» внутри черепка, мы можем предполагать весьма архаические приемы, то выработанность форм керамики из курганов в «садках» и близких к ним неизбежно предполагает и значительную выработанность технологических приемов формовки. Тщательное обследование поверхностей и неровностей стенок сосудов дает основание составлять их формовку с уже приводившимся в другой связи (см. выше, стр. 247) сосудом из абхазского долмена, который «при разрушении распался на узкие параллельные сегменты»¹ (в горизонтальном направлении); вряд ли окажется ошибочным предположение, что те сосуды, которые не лепились из одного комка глины, формовались из горизонтальных валиков или лент, наращиваемых друг на друга кольцами или спирально — общеизвестный архаический прием, применяемый для крупных сосудов и по сей день в высоко развитой керамической технике Грузии.² Что касается прикрепления ручек, то все они шалепные, как можно ясно видеть по многим фрагментам их, отделившимся от стенки как раз по плоскости прилепа (напр. 141/181-182), для чего всегда у ручки имеется большее или меньшее подошвообразное расширение, наличное, кстати, и в приведенной керамике из Абдзехского долмена.³

В отношении отделки поверхности для данного периода типично лощение, большей частью, всей наружной поверхности, на некоторых же сосудах сохранились следы частичного лощения параллельными полосками по просто заглаженному фону; заглаживание обычно и для внутренней поверхности сосудов. Ангобирование не применялось и нередко заметная на вид разница между изломом че-

репка и поверхностью является лишь кажущейся и объясняется неравномерностью обжига и опять же заглаживанием обильно смоченной поверхности, при котором крупнозернистая структура маскируется наиболее тонкими и пластичными компонентами. Штамповой орнамент наносился по сырой глине после лощения и вообще полной подготовки поверхности. Детальная техника нанесения веревочного штампа недостаточно ясна: песочнико, шнурок (или пучок их) придерживался у ручки и протягивался к другой, но каким приемом достигалось строгое натяжение шнурка вместе с полной четкостью и однородностью оттиска — не устанавливается; можно только утверждать, что нанесение штампа производилось в один прием, а это в одну пару рук без какого-либо приспособления почти невыполнимо; тем большее недоумение вызывают короткие отрезки шнурового штампа (в шевронах, вислых треугольниках и пр.), которые, сохраняя полную прямизну и значительную параллельность, дают изумительную чистоту в пересечениях. Техника нанесения мелких штампов (так же как и ногтевых резок) не вызывает вопросов, но следует подчеркнуть большое разнообразие и художественное чутье в применении треугольного штампа, при помощи которого получаются то вдавленные треугольники, то лишь остроконечные дырочки, то шаклонные фактурированные зубцы (табл. II, 1—3; XII, 1—6 и др.).

Обработка металла

Как можно было видеть из обзора инвентаря погребальных комплексов Кабардино-Пятигорья, бросается в глаза необычное обилие металла в этих комплексах. Без преувеличения, ни в одном районе СССР мы не находим в погребениях того же времени подобного богатства металлических изделий. Это важнейшее обстоятельство ставит во весь рост проблему производства и потребления металла в среде племен центрального Предкавказья в течение II тысячелетия до н. э.

Вопросы металлопроизводства изучаемого периода уже имеют некоторую литературу.¹ На этом основании уместно будет, во избежание повторений, в данном отчете ограничиться лишь теми вопросами, для которых материалы экспедиции дают какие-либо новые данные.

По отношению металлических изделий из погребений круга курганов в «садках»²

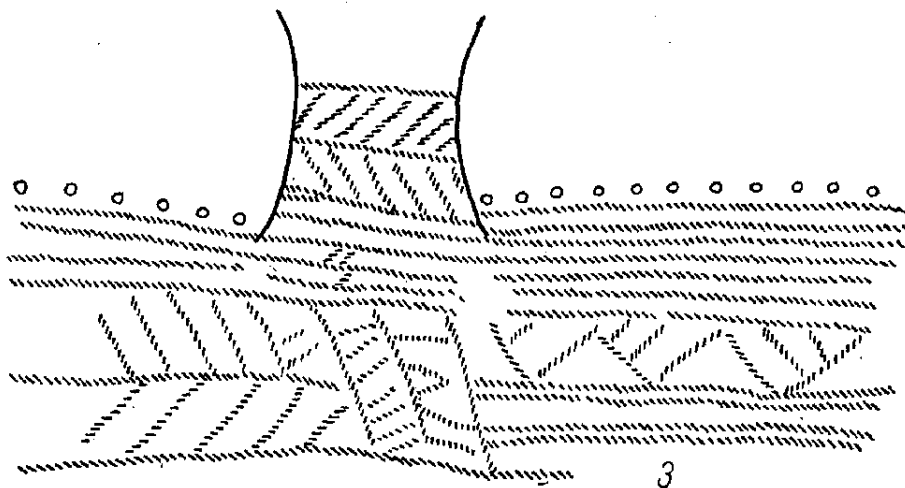
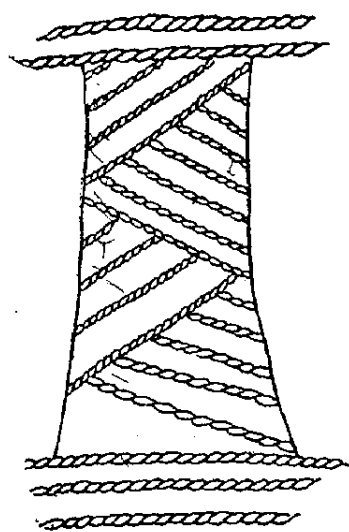
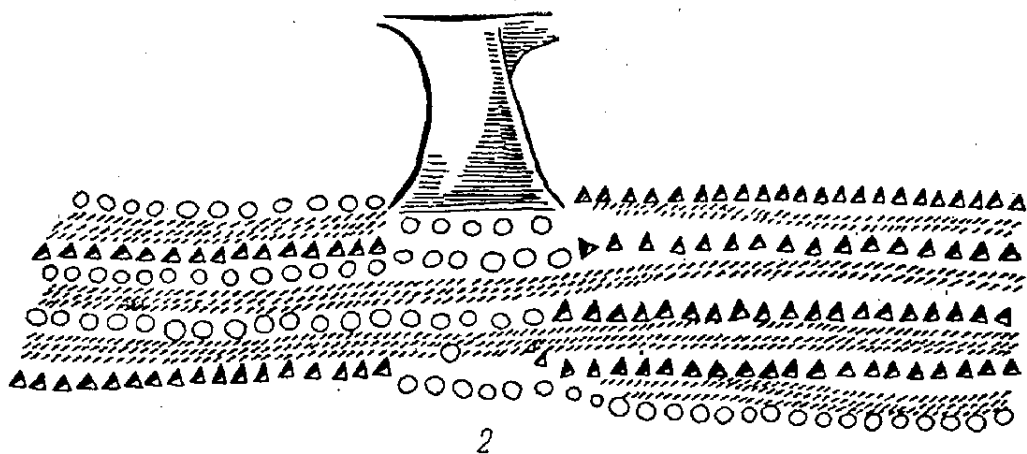
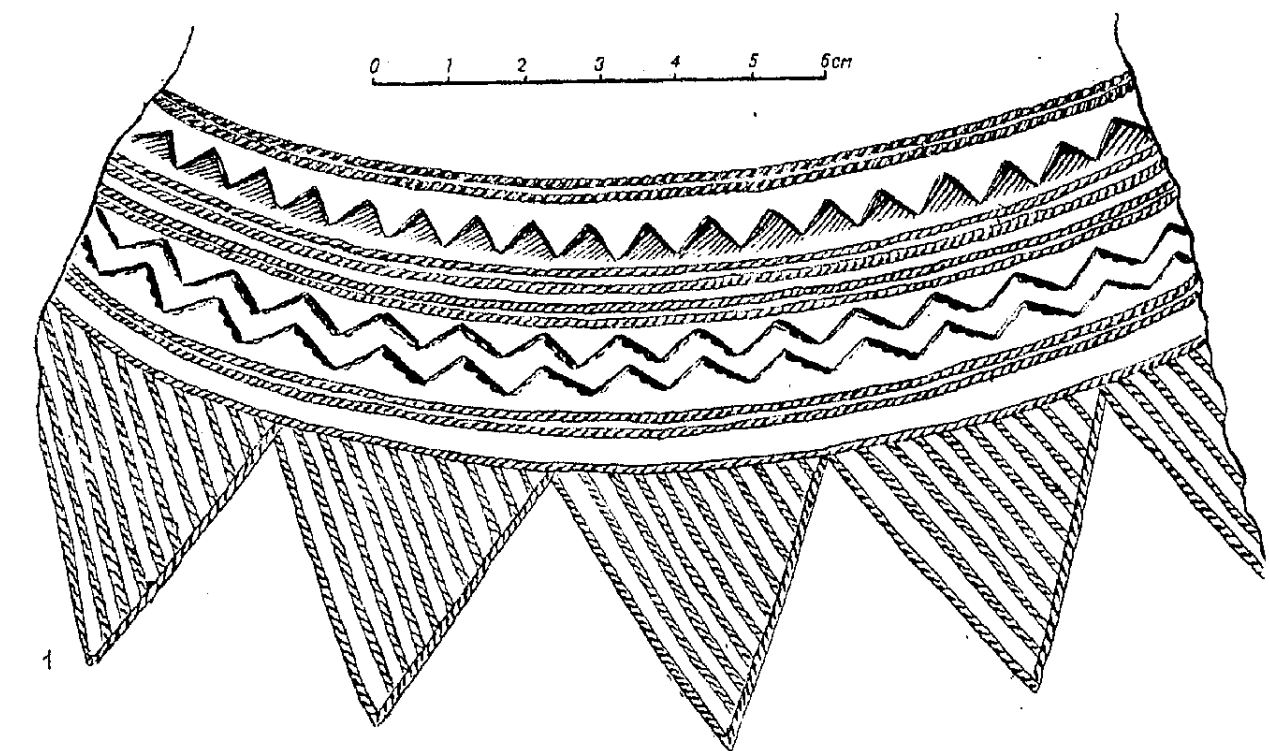
¹ А. А. Иессен, ук. соч., стр. 32—111. — Он же, Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 198. — В. В. Данилевский. Историко-технологические исследования древних бронзовых и золотых изделий. Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 223—225, 242—244.

² В отношении обработки металлов, соответствующих «второму этапу», см. указанную работу Иессена.

¹ М. М. Иващенко, ук. соч., стр. 31.

² А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Кустарная промышленность России, т. II, СПб., 1913, стр. 102, рис. 67. — Х. Асмаров. Сел. Арагва. Гончарное производство. СМОМПК, XI, Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья, стр. 198.

³ Е. Д. Фелицын, МАК, IX, стр. 27, рис. 7 и 8. Приведенный там же (стр. 61, рис. 37—38) способ прикрепления ручек из долмена на Зацепиной поляне при помощи вставления в стенку или надевания на штифт не сопоставим ни по датировке, ни стадийно с «эпохой бронзы», и можно лишь удивляться помещению этих ручек на одну таблицу (хотя и с оговоркой) с типичным инвентарем других долменов (А. Tallgren, ESA IX, стр. 19, рис. 18, 8). Очевидно, в результате этой же «литературной традиции» М. М. Иващенко (ук. соч., стр. 31), тот же способ прикрепления ручек приписал без оговорок всей керамике из абхазских долменов.

4

3

Рис. 42. Мотивы штампового орнамента на керамике типа Б, Нальчикского района.

1 — сосуд из „кургана“ № 2а (см. табл. III, 1); 2 — сосуд из ст. Пришибской (см. табл. XII, 6) — развертка от ручки; 3 — сосуд из кургана во дворе УНКВД (см. табл. XIII, 1) — развертка от ручки; 4 — украшение ручки от сосуда неизвестного происхождения (Нальчикский музей).

одним из самых неясных вопросов оставался состав применяемого металла, который лабораторному исследованию почти не подвергался.

В виду отсутствия хотя бы качественных спалликов предметов из Кабардино-Балкарского района, в полевых записях экспедиции значились лишь определения по цветности, технике выделки, характеру повреждений и т. п. чаще всего «медь или мягкая бронза»; нередко пометки «серая бронза», но неопределенному серо-синему цвету металла или сплава. Такими изделиями из «серой бронзы» (т. е. сплава с оловом, сурьмой, свинцом) обозначены из приведенного выше материала разнообразные шейные подвески из курганов в «садках» (поступления в Нальчикский музей 1923—1929 гг., рис. 36, 9, 11, 17, 19), шейные и ручные украшения из с. Светловодского (табл. XII, 2, 3), подвеска-«зеркало» из ст. Пришибской (табл. XII, 5) и др.; для суждения о составе материала никаких данных получено не было,¹ тем более, что все перечисленные предметы входят в собрание Нальчикского музея и не могли быть подвергнуты лабораторному анализу. Тем больший интерес возбудило то обстоятельство, что подвеска из кургана № 2 (рис. 12, 2) по очистке ее от легкой коррозии обнаружила блестящую и плотную поверхность литья (даже под увеличением в 5 раз, табл. XVIII, 1) того же серо-синего цвета, что и указанные выше предметы из «серой бронзы». Под микроскопом в изломе свободного металла не обнаружено: общая масса материала черного цвета, местами наблюдается красноватая окраска цвета закиси меди; в виде отдельных включений встречаются зеленоватые образования. На спиртовом пламени плавится (до 800°) с заметным уменьшением объема и с эффектом зеленоватых вспышек в начале плавления. Шлиф (полученный с большим трудом) при увеличении всего в 50 раз без всякой протравы выявляет под плотной блестящей поверхностью значительную пористость массы металла, пористость и засоренность, придающие ему исключительную хрупкость (табл. XVIII, 2). При большом увеличении и протравлении шлифа (20% азотной и 20% пикриновой кислотой) с полной ясностью вырисовывается структура «металла» (табл. XVIII, 3) — основная масса правильно раскристаллизованной, более или менее чистой меди, почти маскированная воздушными порами (меньшие сплошные пятна на микрограмме) и постоянными, иногда довольно крупными включениями (округловатые тела характерной структуры с диа-

метром до 0.4 мм).¹ Обильная пористость указывает на низкий уровень литейной техники, при котором не создается возможности выхода газов, остающихся в массе металла в виде пузырей и канальцев. Инеродные тела, засоряющие массу металла, не что иное, как комки и капли несудаленного шлака сернистого² состава. Химический анализ³ вполне подтверждает ситуацию, вскрытую металлографией, — во взятых пробах олово не обнаружено вовсе, равно как и сурьма, а в фильтрате по извлечении меди установлено канальным методом присутствие железа и мышька в ощутимых количествах и следы никеля; в отдельной пробе обнаружено присутствие серы также в заметном количестве. Количественный микроэлектроанализ в двух пробах показал чистой меди 66.02 и 63.30% (при приблизительном пересчете разнообразных окислов исследуемого образца, вдобавок засоренных шлаками, на исходный металл количество чистой меди в данном предмете приближается к 100%).

Cu		Sn	Sb	S	Fe	As	Ni
63.3—66.03%	95—97%	—	—	есть	есть	есть	следы
(в засоренных окислах)	(первонач. количество)	качественное определение					

Таким образом в применении к данной подвеске и, с большой вероятностью, ко всем предметам из «серой бронзы»⁴ не приходится говорить о бронзе в техническом смысле, так как материал представляет даже не «чистую» медь (с незначительными рудными ингредиентами), а неочищенную стадию ее, в процессе производства обычно называемую «черной медью» или даже «купферштейн».⁵ Уже эти немногие данные дают возможность сделать некоторые весьма существенные выводы. Прежде всего, ими бесспорно документируется местное литейное производство меди, так как невозможно предполагать невероятный факт привноса извне металлического материала такого низкого качества, вернее незавершенной продукции, как охарактеризованная «серая бронза». Заметная сернистость шлаковых включений прекрасно разъясняется

¹ Микроанализ производился в лаборатории завода «Красный металлист» под руководством инж. Е. Э. Гофмана.

² По заключению производившего микрографический анализ инж. П. П. Смирнова.

³ Определения произведены: капельным методом — В. Н. Кононовым, микро-электроанализом — А. А. Лаптевым.

⁴ Чрезвычайно интересно, что макроскопическое обследование инвентаря из курганов ст. Константиновской на р. Чамлык, хранящегося в МАЭ АН, большая часть вещей которого в описи В. И. Каменского за № 1671 обозначены как «серебристый металл», устанавливает чрезвычайную технологическую близость многих предметов к исследуемым образцам Нальчикского района.

⁵ Ср.: Регсу-Кнарр. Die Metallurgie, I. Braunschweig, 1863, стр. 355 сл.

¹ Во всяком случае с «серым металлом» (луженым), упоминаемым в указанной работе В. В. Данилевского (стр. 235), данные предметы имеют сходство лишь в слове «серый». Очевидно, именно такая «серая бронза» андрюковских подвесок, не дающая зеленых окислов, принята А. А. Спицыным за «плохое серебро» (см. выше, стр. 258, прим. 4).

выплавкой меди из местных сернистых руд типа колчеданов (т. е. железно-медных сернистых соединений), в то время как более легкоплавкие окисленные медные руды в Кабардино-Балкарии пока не обнаружены. Чрезвычайно существенно наличие в сплаве следов никеля и более заметный процент мышьяка, так как эти ингредиенты еще точнее локализируют предполагаемые рудные источники где-либо в районе недавно лишь разведанных полиметаллических, в частности мышьяковистых, зон оруденения, из которых ближайшая к Нальчику залегает в водораздельном массиве между Балкарским и Хуламским ущельями. Присутствие мышьяка, обнаруживаемое вспышками зеленоватого цвета при прокаливании, обуславливает не только повышение твердости и, одновременно, исключительной хрупкости сплава, но и понижение его точки плавления, из чего мы вправе сделать вывод, что применение именно мышьяковистых медных руд не было вполне случайным и обуславливалось вышеуказанными чертами сплава. Несовершенство техники литья (засоренность металла, пористость) также ясно свидетельствует об отсутствии предварительного опыта в выплавке и отливке из меди, т. е. достаточно документально подтверждает первичные этапы возникающей местной металлургии.

На ряду с этими «детскими» шагами литейного дела необходимо отметить большое мастерство формовочной техники, безусловно опирающейся на опыт штампового украшения керамики. Техника самого литья по восковой модели с ежеразной утратой и модели, и глиняной формы неоднократно (и достаточно подробно) была предметом внимания Северо-Кавказской экспедиции,¹ так что здесь можно остановиться лишь на некоторых деталях литейных, вернее формовочных, приемов.

Для формовки изучаемых медных изделий характерна последовательная конкретность украшительных приемов, своеобразная, так сказать, «натуралистичность». Почти все мотивы: шнур в разных комбинациях, спирали, даже ряды круглых шишечек изображены на восковой модели не из «восковых нитей»,² а накреплением на восковую болванку настоящих (может быть проволочных) нитей, шнуров, тесемок, твердых шишечек и т. п.; восковые нити, не имеющие упругости и натяжения, не могут дать натурального воспроизведения плетения, спирали и пр., да и вообще воск, как сравнительно мягкий материал, не дает на глине той четкой моделировки, которая поражает в исследуемых изделиях. Некоторые мелкие украшения, как подвеска из

кургана № 2 и длинный ряд ей подобных, представляют, как было показано выше, прямое воспроизведение в глине, а затем в медной отливке отрезка крученого или плетеного шнура с петлей на одном конце и узелком (вероятно обмазанным воском) на другом, кругом замешленного в глину;¹ ввиду невозможности вынуть такую, хотя бы и проволочную, модель из формы опи, очевидно, выжигались или специально, или при обжиге формы, или, наконец, при заливке раскисленным металлом. Таким образом творческий элемент в этих изделиях сводится преимущественно к монтажке готовых мотивов на простейшие формы восковых болванок, с минимальным применением скульптурного искусства (лепки), столь характерного для медных литых украшений «III стадии» в горных районах Кавказа; из чисто скульптурных (а не мулажных) мотивов можно указать лишь на повторную тему змейки, особенно частую на булавах, и на единичный и сравнительно поздний пример трехмерной скульптурной фигуры барана из ст. Кисловодской,² неумело сформованной и украшенной теми же традиционными шнуровыми налестками: эти и подобные им сюжеты, по видимому, формовались прямо из воска.

Технику литья à cire perdue нужно считать ведущей и, по видимому, единственной системой отливки, так как в учтенных экспедицией материалах нет ни одной вещи, которая могла бы быть отлита в разборной (хотя бы и одностворной) форме, применение которой, на ряду с литьем по восковой модели, А. А. Иессен предполагает лишь типологически, так как приводимые им примеры, по его же указанию, относятся к последующей «III стадии».³ Исключением, лишь подтверждающим закономерность, является только один комплекс из кургана у с. Кызбурун III, который и по остальным формальным признакам является наиболее поздним, стоящим уже на пороге «III стадии». Это отсутствие во всех производствах каких бы то ни было приспособлений для автоматического повторения изделия

¹ Доклады А. А. Миллера в ГАИМК (июнь 1931 г.) и в ИИНИТ АН (апрель 1932 г.); Архив ИИМК, дело 232/1933, стр. 41—43.

² А. А. Иессен, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 99 и 109.

¹ В описи коллекции МАЭ АН подобные подвески из ст. Константиновской (инв. № 1671/4 и 11) с полным основанием обозначены «в виде жгутика с узелком». Для более поздних памятников вполне основательно соображение О. А. Кривцовой-Граковой (ГИМ) о применении «сканной» техники скручивания и последующего сваривания металлической проволоки, которая в свою очередь выросла из плетения волокон; однако для ранних ступеней и для сплавов подобных приведенным, у которых коэффициент вязкости ничтожен, ни о каком кручении не может быть речи и никакая обработка, кроме отливки, невозможна; не приходится упускать из виду и слабую способность к свариванию у меди (В. А. Скиндер. Бронза. СПб., 1908, стр. 81).

² Д. Я. Самоквасов. Основания..., стр. 12, № 445, табл. II, 8.—А. Tailiggen, ESA VI, стр. 136, рис. 40.

³ А. А. Иессен, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 109, прим. 1.

или его отделки закрепляется и в художественной технике в виде свособразной идиосинкразии к предварительной разметке, к точной симметрии, тем более к точному повторению одного образца, даже в тех случаях, где это нам кажется непеременимым условием. Чрезвычайно характерно, что упоминавшиеся не раз две круговые подвески из ст. Константиновской,¹ найденные у обоих висков одного и того же лица, заметно различаются и по размеру и по пропорциям.

Однако характеризованный выше уровень литья и «черная медь» как материал долго могли удовлетворять лишь немногим требованиям, предъявляемым к металлу. Уже макроскопическое обследование металлических бус из кургана № 4, типичных для всего изучаемого периода, показывает, что они не могли быть изготовлены непосредственным литьем, но свертывались в горячем или холодном состоянии из плоской полосы (табл. XVIII, 4—5) или бруска неправильного сечения, — операция для материала, подобного подвеске из кургана № 2, невозможная в виду его исключительной хрупкости. Действительно шлиф, взятый с торца одной из бусин, подвергнутой детальному исследованию, под небольшим увеличением и без травления показал совершенно иную картину — значительно большей плотности, а, следовательно, и вязкости металла (табл. XVIII, 7). Под небольшим увеличением или даже невооруженным глазом на протравленном 20% азотной кислотой шлифе легко прослеживается очень точная концентрическая слоистость материала (табл. XVIII, 6). Под большим увеличением (при протравке той же HNO₃) выступает совершенно иная микроструктура, — несмотря на все еще значительную засоренность массы металла, — свойственная более или менее чистой меди почти сплошная масса кристаллитов, окрашенных азотной кислотой в черный цвет;² у наружного края шлифа часть этих кристаллитов (зерен металла), обычно округлых по форме, показывает явную вытянутость и сплюснутость в одном направлении (табл. XVIII, 8) — результат повторных сильных ударов, перпендикулярных плоскости сплюсчивания, иначе — поверхности первоначальной медной заготовки. Таким образом здесь впервые документируется протягивание медной отливой болванки путем проковки в одном направлении — операция, способствующая окончательному очищению выплавленной меди от шлаков и сернистых соединений и значительно повышающая ее механические свойства. Химический анализ этого образца полностью подтверждает это.

Cu	Sn	Pb	Fe	As	Ni	S
98,20%	—	следи	есть	есть	есть	—

Эти результаты, так же как и микрофотограмма, явно свидетельствуют, что ни намеренной присадки, ни тем более закалки¹ и в данном случае мы не имеем,² но что рудная база, по-видимому, не изменилась. Раз возникнув из тех или иных побуждений, механическая обработка посредствомковки приобретает весьма значительное место. А. А. Миллером впервые с привлечением металлографического анализа³ было установлено, что большие булавки, возникающие в изучаемый период, при отливке головки в обычной технике «à cire perdue», стержень имеют всегда кованый; винтообразное перевитое основание стержня у присоединения к головке указывает на применение не только холодной, но и горячейковки. Характерно, что в дальнейшем кованая техника распространяется и на обработку головок огромных декоративных булавок, так что генезис центральнопредкавказских типов булавок образует следующую весьма важную последовательность: 1) небольшие целиком литые булавки по костяным образцам типа «Hammer-nadeln» (в пределах изучаемого микрорайона экземпляр из Ново-Ивановки) или типа «бараньих рогов»; сопровождаются бусами и подвесками примитивного литья; 2) генетически связанные с Hammer-nadeln крупные булавки Нальчикского района (из «садов» и Советской дачи) с литыми головками и откованными стержнями; из сопровождающего материала характерны спиральные налокотники, несомненно кованой техники; 3) огромные декоративные булавки Камунты, Кумбулты, Галиата и пр., также вырастающие из литого типа путем расковки, не говоря о стержне, и всей головки в тонкий медный лист, прочно сохраняющий контуры «бараньих рогов». Отнюдь не стремясь к обобщению подобной последовательности, однако, для изучаемого района с довольно поздней местной металлургией мы неизбежно приходим к выводу о последовательном развитии сперва литейного, а затем и кузнечного мастерства, которое тем самым также становится датирующим элементом. На ряду с этим нужно отметить вначале отсутствие сварной или спайной техники⁴ (пример — не соединенные концы бус хотя бы из кургана № 4, что пред-

¹ В. А. Скин дер. Бронза. Ее природа и история с древнейших времен. СПб., 1908, стр. 87. А. J. Duffield. Die verlorene Kunst der Kupferhartung (приложение к Н. Schliemann. Ilios. Leipzig, 1881, Anhang VII, стр. 814—816).

² Всякая присадка олова дает характерную структуру геометрической или «дендритовой» схемы или хотя бы показывает тенденцию к ней. Ср.: Н. М. Витторф, ук. соч., табл. XVI и сл.

³ Опубликовано: П. Сальдау и А. Гущина. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 50—51 без паспорта предмета.

⁴ О плохой свариваемости меди: В. А. Скин дер. Бронза, стр. 84.

¹ A. V. Schmidt, ESA IV, стр. 13, рис. 6 и 7. — Архив ИИМК, дело ИАК 1905/71, л. 34.

² Ср.: Н. М. Витторф. Теория сплавов в применении к металлическим системам. СПб., 1909, стр. 230 и 366, л. 155, табл. XVI.

ставляет значительные неудобства при нанизывании), в то время, как клепка, возможно, была уже известна. Во всяком случае, трудно объяснить иначе, чем декоративной имитацией заклепок, круглые «пуговицы» у точек присоединения извилистого навершия к поперечной перекладке булавки ГМЭ из Долифарса (табл. XVI, 1).

Суммируя все только лишь начинающие выясняться контуры истории металлообработки на Кавказе, мы вряд ли рискуем сильно ошибиться, если именно к этому первому этапу местной литейной техники (связанной приемами формовки с керамическими навыками) и неотрывного еще от нее кузнечества отнесем глухие отголоски в фольклоре и быте кавказских народов об участии женского мастерства в первичной обработке металла, на которые мне приходилось уже обращать внимание в связи с производством и обработкой железа.¹ Что же касается значительно более развитых и оформленных мифологических образов кузнечных мастеров, подобных осетинскому Курдалагону или абхазскому Айнар-ижю, которые клали медные заплатки на котлы, равно как и на черепа богатырей-нартов так, что не было видно шва,² то все их черты коренятся в законченно-патриархальной среде «III стадии».

Не может быть двух мнений о том, что приведенный выше перечень, конечно, не исчерпывает всех производств, свойственных обществу «II стадии» изучаемого района, но от остальных не осталось вещественных документов и лишь о некоторых можно догадываться по косвенным отражениям или исходя из логического анализа природной и исторической обстановки. При обилии в районе леса разнообразнейших пород вряд ли можно сомневаться в широком использовании дерева в различных применениях и, в частности, деревянной посуды на ряду с глиняной; здесь же достаточно указать, что под господствующим слоем формативных элементов, идущих главным образом от керамики «III стадии», можно различить в деревянной горской посуде и более древние, как бы подавленные элементы, которые мы в праве возводить к формам и декорировке сосудов «II стадии». Не следует упускать из вида, что в тех более редких случаях, когда при погребениях «II стадии» не оказывается посуды, это значит лишь, что не было глиняной, но она могла быть деревянной или даже кожаной (типа бурдюка), которая, конечно, не сохранилась. В числе орудий, возможных для изготовления деревянных предметов, необходимо вспомнить специализированные скребки с волнатым лезвием, описанные выше

(стр. 236, рис. 32, 2, 10), равно как и разного рода ножевидные орудия.¹

В коллекциях Нальчикского музея имеется массивное медное, очень сработанное долото (инв. № 1927/289), но случайной находки, и, следовательно, отнесение его ко «II стадии» не доказуемо.

При характеризованном выше широком развитии плетения не приходится сомневаться в его применении и на других материалах: лозе, коре, лубе и пр.

Наконец, не может представляться дискуссионной и обработка шкур и кож. Не говоря о широком использовании шкур в совсем недавнем быту ближайших горских районов для самых примитивных форм одежды, обуви, спинных мешков и пр., более близким образом обработка шкур почти документируется обилием и разнообразием кремневых скребков, в том числе и крупных (рис. 32, 3), находимых как в могилах круга «садов», так и в соседствующем Долинском поселении. Не приходится скидывать с учета и указанную в литературе² аналогию из шорного производства для песчаниковых псевдолитейных форм, хотя функция этих предметов для выпрямления и выглаживания древков стрел представляется наиболее убедительной. Описанная выше каменная «гладилка» из кургана № 4 вряд ли может найти иное объяснение, чем «утюжок» для обработки швов кожаной одежды, применение которой тем самым устанавливается. Более чем вероятно, что предметы подобного рода не так уже редки и на Северном Кавказе, но в силу своей невзрачности не привлекали внимания ни дилетантов-роскопщиков, ни профессиональных археологов прежнего времени.³ Наконец, почти бесспорным документом является медная обивка полосы, которая вряд ли могла быть чем-либо, кроме ремня, из кургана у больницы 1935 г. (рис. 38, 20).

ОБМЕН

Среди обильного инвентаря, сопровождающего захоронения изучаемого периода и, как было показано выше, довольно полно характеризующего местные производства, следует выделить группу предметов, не укладывающихся в местные производственные условия. Речь идет прежде всего о бусах некоторых

¹ В настоящее время долбленая, украшенная резьбой посуда делается горцами Сев. Кавказа обычно простым поясным ножом.

² А. Добровольский. Де шю про знаряддя, які Городцов называє формочками. Антропологія, т. I, Київ, 1928, стр. 182.

³ Следует отметить, что и в северных районах подобного рода предметы «вдруг» обнаружались в больших количествах в связи с повышением точности и детальности полевого изучения археологического комплекса и с выдвинутым на первый план научного интереса к древним селищам (городищам), на Сев. Кавказе, как известно, не исследованным вовсе.

¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства в Закавказье... Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 343—345 и 417—418.

² Н. Джанашия. Абхазский культ и быт. Христ. Восток, V, вып. 3, стр. 174.—В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, II, стр. 247—248, и др.

видов, весьма редких в погребениях данного времени, но материал которых не мог быть в распоряжении каждого района. Здесь, в первую очередь, речь идет о бусах белой, реже цветной пасты, но большей части простейшей цилиндрической формы, встречаемых как в погребении № 1 кургана № 4, так и в большинстве захоронений «II стадии» этого района, хотя и в небольших количествах (см. выше, стр. 262); в этом отношении резко выделяется впускное погребение № 28 кургана-могильника № 1 со своим ожерельем из тысячи без малого бус этого рода. Не повторяя технологической характеристики этих изделий, остается констатировать ее несоответствие производственным возможностям изучаемой культуры и, повидимому, их «импорт» выявляется и на материале основных захоронений в «саджах», указав лишь, что впускные погребения большого могильника, датируемые в общих чертах «II стадией», относятся, повидимому, к ее концу и выказывают другую линию развития, не характерную для данного района. Источник этого импорта, при уровне археологической изученности всей Передней Азии и публикаций даже исследованных памятников, остается в достаточной мере неясным, и совершенно непонятно, на основании каких данных именно месопотамское происхождение их представлялось В. А. Городцову несомненным.¹ В этом вопросе не приходится забывать вышеприведенного ожерелья из Библосского клада в пифосе;² близкие формы пастовых бус встречаются во всех трех слоях Тепе-Гиссарского некрополя (Сев. Иран), причем число их с течением времени возрастает и наибольшего количества достигает в Гиссаре III.³ Можно с уверенностью утверждать, что бусы этого типа находятся в значительно большем количестве, чем опубликованы, и до полного учета их распространения и сравнительно-технологического анализа всякие выводы о месте их производства и путях «распространения культурных течений»⁴ будут висеть в воздухе. Уместно в этой теме вспомнить и о приведенной выше связи со вторым городом Гиссарлика-Троей и с шахтными гробницами Микен. Что касается описанных на своем месте бус из рыбьих окаменелостей, источник которых также не может быть повсеместным, то здесь можно ограничиться указанием на заметное уменьшение численности этих украшений в могилах по мере продвижения к востоку, подчеркивая, что восточнее Нальчика пока ни одной подобной находки не известно. Таким образом привнос извне в изучаемый период в данном районе органичивается, насколько мож-

но судить по имеющимся данным, предметами украшения и, как будто, выказывает тенденции тяготения к западу — к низовьям Кубани и Азово-Черноморскому побережью и далее на север к низовьям Волги (к Манычскому водному пути?).

При несомненности южного направления этого «импорта», каковы бы ни были конкретные пути этого поступления, с Черного ли моря или через хребет из Закавказья, от непосредственных ли поставщиков или через несколько рук от ближайших соседей, удельный вес чужеземного элемента в материальной культуре изучаемого района и периода, особенно в свете приведенных выше данных о переработке металла (стр. 277),¹ безусловно не велик. Можно лишь предполагать рост дальнейшего импорта вместе с развитием изучаемой культуры, поскольку можно это заключить по значительно большему обилию пастовых бус как в позднейших впускных захоронениях «II стадии» в кургане-могильнике № 1, так и в последующих памятниках «III стадии» Кабардино-Пятигорья.

Несколько более определенны элементы ближайшего межплеменного (?) обмена. Здесь намечаются уже двусторонние связи — с одной стороны, не раз отмеченные выше степные «ингредиенты», особенно в керамике изучаемых памятников, с другой — распространение типичных для Кабардино-Пятигорья медных украшений (особенно жгутиковых перевитых подвесок) с постепенным исчезновением в азово-каспийских степях. При всей незначительности и отрывочности материала очень соблазнительно предположение об обмене продукции степей с более развитым скотоводством на горный металл центрального Предкавказья, где во «II стадии» не обнаруживаются хозяйственные излишки, могущие служить массовой и постоянной базой обмена. Последний следует представлять себе в течение всей «II стадии» (в пределах данного района) нерегулярным и спорадическим (не последнюю роль в этом «обмене», вероятно, играла и военная добыча, хотя незначительность оружия в могильном инвентаре не говорит о «воинственности» данного общества), и эквивалент его со стороны местного населения не вполне ясен — для дальнего «рынка», скорее всего, продукты охоты (шкура, меха) и пчеловодства (мед, воск), дикie фрукты и т. п., для местного межплеменного обмена, кроме металла и металлических изделий, возможно, и соль Пятигорья.²

¹ Эти данные вступают в противоречие с концепцией А. А. Иессена, который предполагает импорт, а затем и местное производство более высокого по качеству материала для периода, считаемого автором более древним, чем изучаемые памятники (Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 87—90).

² Ср.: Herodoti historiae, I, 203. — Strabonis Geographica, XI, V, 6 и другие места.

¹ В. А. Городцов. Бытовая археология, стр. 261.

² P. Montet, ук. раб. Атлас, табл. XVII, 571.

³ E. F. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar. Damghan. Publications of the Iranian section of the University Museum. Philadelphia, 1937, стр. 223.

⁴ В. А. Городцов, там же.

Перед фактом подчеркиваемой выше узкой локальности не только керамических типов, но и их орнаментальной схемы, с одной стороны, и, с другой, внедрения отдельных сосудов или групп их более или менее отдаленных степных образцов возникает предположение еще об одном редко учитываемом виде межобщинного и межплеменного обмена материальными продуктами — путем, напр., браков с женщинами из соседних племен или иных коллективов, которые приносят в дом и род мужа новые навыки, новые формы домашних производств, свои приемы орнаментации и т. п. Так, для примера, в недавнее еще время производство узорных войлочных ковров (кииз'ов) можно было встретить лишь в тех кабардинских семьях, где в замужестве были женщины из соседних балкарских обществ, так как кабардинки этого производства не знали. Допущение такой гипотезы неизбежно вызвало бы и вытекающее из него предположение о патрилокальной форме брака в изучаемом обществе.

ОТРАЖЕНИЯ НАДСТРОЕЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Погребальные памятники сохраняют отражения общественной идеологии в двух аспектах: отражения общей для всего данного общества, преимущественно религиозно-магической идеологии и более частные ритуально-похоронные представления, показывающие иногда, понятно, в двойном преломлении, и некоторые черты социальной структуры коллектива — строителя памятника.

Ключом к расшифровке погребальных документов изучаемого периода является охарактеризованный выше достаточно устойчивый состав погребальной посуды и полный ассортимент пищи и питья, полагавшиеся с умершим для его потребностей в загробном существовании; эта полнота ассортимента, подкрепляемая всем характером инвентаря, очевидно, соответствует той ступени мировоззрения неразложившегося родового коллектива, когда загробная жизнь умерших его членов представляется продолжением жизни во всей естественной натуралистичности этого представления.

Развитием представления о том, что загробная жизнь во всем подобна земной, является и погребальное сооружение как преднамеренная постройка, не существовавшая в «I стадии». Здесь на первое место нужно поставить выделение и оформление камнем могилы, одиночной или, реже, для немногих покойников (см. выше, стр. 231), также подчеркивающее индивидуальное продолжение личной жизни каждым из умерших родовичей. Что же касается такого важнейшего элемента, как курганная насыпь и ее конструкция, то он переводит вопрос в область общего мировоззрения, современного захоронениям общества. В литературе уже есть опыты применения к погребальным

холмам-курганам палеонтологической формулы «гора — голова — небо», с признанием примата не за технической, а за ритуальной функцией курганной насыпи,¹ за «космическим» или «ураническим» осмыслением ее строителями. Не повторяя здесь основных положений яфетидологии, следует подчеркнуть исключительно развитую систему каменной обкладки изучаемых курганов, образующей либо сплошной свод,² либо, как в кургане № 4, сложную конструкцию из трех курганов-кромлехов. Если же мы учтем, что курганная форма погребений, как уже указывалось выше, возникает впервые ша пороге «II стадии» и в изучаемом районе с паступлением «III стадии» уступает бескурганной форме грунтовой могилы (см. ниже, стр. 289), то эта форма — курган, в эллино-скифскую эпоху являющаяся уже лишь одним из «мотивов, попавших сюда из других, предшествующих стадияльных состояний»,³ вполне соответствует очевидно, религиозному мировоззрению именно «II стадии».

Основа этого мировоззрения — космичность, понимаемая под этим термином круг религиозных и бытовых представлений, построенный на зависимости производственного мышления от циклической годовой смены природных явлений, и в образном воспроизведении фиксируемый на фигуре солнца — круга — колеса и бесчисленных их дериватов. Можно считать твердо установленным, что эта форма мышления, возникшая еще на грани дикости и варварства в обстановке осложненного охотничьего хозяйства, получила полное свое развитие и выражение в формах оседлого земледельческого производства и быта. После капитального исследования Дешелетта⁴ и специальной работы, построенной на северокавказском материале,⁵ возвращаться к этой теме нет необходимости. Стоит лишь подчеркнуть, что космическими (астральными) представлениями пронизаны все элементы погребального ритуала изучаемых памятников и что в эту систему космического мировоззрения укладываются полностью даже такие детали, как «орнаментальные» мотивы в виде кольцевых штампов, кругло-выпуклых блях, налепных шишечек и шариков (зернь) и прочих дериватов неба, вплоть до вогнутых круглых ямок на сосуде из кургана № 2 (табл. VI, 3; 42, 2, 3).

¹ И. И. Мещанинов. Кромлехи. Изв. ГАИМК т. VI, вып. III (преимущественно стр. 17—19).

² Ср.: N. Marr. Quelques termes d'architecture designant route ou arc. Яфет. сборн., II, 1923, стр. 137—157 (преимущественно стр. 137—167, 144—145 и 165).

³ И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 20.

⁴ J. Déchelette. Le culte du soleil aux temps préhistoriques. Revue archéologique, т. XIII, стр. 305—357; т. XIV, стр. 94—123. — Он же. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. Paris, 1908, т. II, гл. XIII, стр. 409 слл.

⁵ А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. Изв. ГАИМК, вып. 100, Сборн. «XLV — Н. Я. Марру — ГАИМК», Лгр., 1933, стр. 125—157.

Одной из закономерных филиаций образа неба, как известно,¹ является змея (она же рыба), столь обычная на бронзовых предметах «II стадии», олицетворяющая, по последовательной диалектике космического мышления, то верхнее небо — солнце, то нижнее — воду, а в бытовом аспекте объединяющая противоположности огня и воды в домовом святилище — очаге; чтобы не отвлекаться от темы, кратко сошлюсь лишь на земные фольклорные приметы, в которых связь змеи-рыбы с очагом-водой и его хозяйкой, восходящая безусловно не ближе, чем ко «II стадии», выступает наиболее наглядно.² Нет ничего «естественного», как помещение изображения змеи на медном предмете, который готовится при помощи огня, обращающего металл в жидкость — воду, чаще всего на женском украшении — булавке или, изредка, на мужском оружии — кинжале.³

Было бы, в связи с этим, большой ошибкой полагать, что космическое осмысление или оформление касалось лишь погребально-ритуального инвентаря. Вспоминая, что такая «чисто бытовая» или техническая деталь, как кольцевые ручки сосуда, появляется и исчезает в пределах «II стадии», мы в праве отнести к изучаемой эпохе истоки недавно еще живых воззрений в дагестанской среде, где считали необходимым закрывать лишь посуду без ручки, так как в сосуд с ручкой шайтан и так не войдет.⁴ Мы не ошибемся, если для изучаемого периода будем исходить из положения, что и в производстве и в быту не было ни одной конкретной формы или детали, которые не были бы осмыслены космическим мировоззрением и не имели бы в силу этого той или иной магической функции. Ведь не случайно «тот же термин (космический (небо—го-

лова — гора)⁵ обозначал и каждую вогнутую посуду или сосуд».¹

В таком аспекте становится настоятельной необходимостью определить роль и семантику такого постоянного «украшительного» мотива, как шнуровой орнамент во всех его разветвлениях, магическая функция которого не вызывает сомнений, но содержание которого еще не было раскрыто. Не имея возможности перегружать данный отчет всем громоздким аппаратом аргументации, достаточно сформулировать здесь положение, что шнурок, как простой, так и зашпестивший в косу, является геометризованным олицетворением той же космической змеи, во всяком случае со смысловой нагрузкой воды.

Это осмысление шнура как змеи-воды полностью разъясняет, напр., графическую двойственность «лучей» на привеске-«зеркале» из ст. Пришибекой (табл. XII, 5a)² как «различные свойства бога-светила»: именно змеи одного перекрестия могли определять «такие свойства солнца, как блеск, свет», а также жар, молнию (огонь небесный) и огонь (земной), а двойные и тройные шнуры другого перекрестия означают, по видимому, дождь (небо-вода) и воду (земную).³ Тем самым украшение шнуром посуды, назначенной для воды (жидкости), становится прямой магической «необходимостью», тем более, что и вторая сущность змеи — огонь — находит себе приложение в огне очага, на который ставится посуда для приготовления пищи, — акт безусловно магический. Культурно-семантическая линия солнце — огонь — очаг в изучаемых погребениях находит себе отражение в виде факта кострищ под некоторыми погребениями (см. выше, стр. 232), представляющих, вероятно, уже пережиток еще более древнего обряда захоронения на очаге жилья — обряд, имеющий глухие отзвуки в этнографических материалах Кавказа.⁴ Связь змеи с очагом настолько прочна, что и в последующих стадиях, при господстве железного материала, она четко локализуется на железной надочажной цепи («железная веревка»), которая увязана со змеей целым рядом пережиточных представлений.⁵

Каковы бы ни были магические обоснования ассоциации веревки-шнура с космической змеей-небом — вытянутость пропорций, изви-

¹ N. Магг, ук. соч., стр. 143, 150, 164. Из многочисленных высказываний Н. Я. Марра о «змее», «змие» и т. п., прошедших весь путь его анализа, начиная от племенных тотемов (Термин „скиф“. Яфет. сборн., I, 1922, стр. 131), ближе всего к теме предисловие к книге: Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишалы. Лгр., 1931, стр. 22—23.

² Г. А. Халатъянц. Общий очерк армянских сказок. Сборн. матер. по этн. Дашковского этн. музея, отд. I, стр. 166. — И. Ш. Анисимов. Кавказские еврей-горцы. Там же, вып. III, стр. 212. — Т. Навасардян. Армянские народные сказки, т. III. Женщина, давшая себя поцеловать нищему. Русск. перев. см.: Армянские сказки. Изд. (2-е), Academia, М. — Л., 1933, стр. 93—94.

³ A. Tallgren (ESA VI, стр. 139—140, рис. 50) воспроизводит рукоятку кинжала из раскопок В. Р. Апухтина в Пятигорске, орнаментация которого и по элементам (двойной шнур и змейка) и по композиции теснейшим образом примыкает к булавкам типа В из нальчикских курганов «II стадии». Вряд ли является дискуссионным, что предметы убора тела и платья в первобытных обществах имели значение не только украшений, но осмыслились, в основе, с точки зрения той или иной системы надстроечных представлений.

⁴ А. А. Миллер. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 1, Лгр., 1927, стр. 73.

⁵ N. Магг, ук. соч., стр. 150.

² Оставшуюся без конкретного объяснения при анализе изучаемого предмета в уже приводившейся работе А. А. Миллера «Элементы неба...» (стр. 136—137). Предлагаемое осмысление этой двойственности удовлетворяет и другим некавказским графическим схемам, приводимым на стр. 134—135 и 137.

³ Н. Я. Марр. Иштарь. Яфет. сборн., V, стр. 112—113, 133 et passim; о змее — стр. 161.

⁴ Р. Д. Эристов, Зап.-Кавк. отд. Геогр. общ. XIX, прил. 2, стр. 34. — Еп. Гавриил, Правосл. обзор, 1874, № 10, стр. 420.

⁵ И. Нижерадзе, СМОМПК, XXXI, стр. 56—57. — В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, вып. II, стр. 296.

стость закрученных витков или иные, нам известные, — они не должны закрывать от нашего внимания магической роли и самой веревки как таковой, ее завязки и развязки, узлов и пр., опять же пережиточно бытовавшие в совсем недавнем горском быту: общеизвестное магическое «завязывание» волчьих зубов или ног, «развязывание» мук роженицы и т. д. Эта двойственность магического аспекта одного и того же явления в плане космическом и в плане производственно-бытовом, повидимому, характерна для мышления изучаемой стадии, но в данном примере еще важна возможность «нащупать» и возможные корни магического осмысления конкретного бытового явления. Если мы вспомним, что изображение змеи мы встречаем еще в «I стадии»,¹ а шнуровые оттиски в изучаемом районе характерны для полного расцвета «II стадии», что в течение всей «II стадии» в данном районе не встречено ни одного прясла или другого доказательства прядения, что в «III стадии», при широком применении прядения и тканья, а также и змеи в орнаментации, почти сразу вымирает шнуровой орнамент, вряд ли далеким от исторической действительности будет предположение, что уменьше ссучивать волокна в нитку и, что то же, нитки в веревочку, веревочки в шнурок и т. д. в данном районе возникает довольно поздно, где-то в начале «II стадии». Без риска вульгаризации соотношений базиса и надстройки мы имеем основание полагать, что на ранних ступенях общественного развития могут быть отдельные случаи — новые производственные «изобретения» и «открытия», — которые настолько резко поражают мышление современников, что немедленно, без обычного отставания, входят в действующую систему религиозных представлений своего времени.² Таким изобретением и явилось для своего времени и уровня сучение и кручение,³ т. е. искусство получать из разрозненных элементов (волокна) новый бесконечный материал (веревку), открывающий в производстве и быту такие новые возможности, которые не покрывались существовавшим до того плетением, и подготовивший бытовой переворот веретена и ткацкого станка;⁴ неудивительно, что это новое искусство и его основные элементы — витки, шнурок, узел — приобрели магическое значение и нашли себе космический эквива-

лент в образе змеи, тем более что уменьше соединять отдельные части воедино, напр. сваривание металла, с трудом укладывается в нормы примитивного мышления.¹

Выше (стр. 271—72) было показано, что характерные подвески типа найденной в кургане № 2 могут быть выведены из магического узла на шнурке с петлей. Однако чрезвычайная устойчивость их схемы (стерженек с петлей на одном конце и утолщенной, иногда раздвоенной головкой на другом) при чрезвычайном разнообразии оформления отдельных элементов (стерженек в виде двойного, тройного или плетеного шнура, параллельно кольчатый, совсем гладкий, осыпанный зернью; головка в виде простого утолщения, иногда утолщенного снизу шарика, иногда раздвоенного, линзовидной или грибовидной шляпки, большей частью гладкая, но иногда также осыпанная зернью или иначе обработанная) заставляет думать, что эта схема также имела свое самостоятельное магическое значение, объясняющее ее устойчивость. И в данном случае придется лишь кратко формулировать магическое значение этих привесок как фаллических знаков, органичиваясь в аргументации лишь указанием на то, что в последующих стадиях эта тема разрастается по трем линиям: 1) более крупные и грубые дериваты той же схемы,² 2) вполне натуралистические изображения фалла, известные как местной работы,³ так и импортные (египетская паста)⁴ и подражания им⁵ (правда, не кавказские) и, наконец, 3) еще дальше зашедшие в схематизации подвески (обычно серьги) из металлического стерженька с бусинкой из другого материала, надетого вторым концом на металлическое же кольцо.⁶

Фаллическая значимость этого рода подвесок, редко образующих целую низку (ст. Константиновская на р. Чамлык, кург. № 8, мог. № 1),⁷ обычно же входящих в состав ожерелий в количестве нескольких единиц (см. выше, стр. 258); выступает из семантического круга анализированных до сих пор надстро-

¹ R. Andrieu. Ethnographische Parallelen. Stuttgart. 1878, стр. 159. — Br. Guimard. Der Schmied und seine Kunst im animistischen Denken. Z. f. Ethnol. 1912, 1, стр. 82.

² П. С. Уварова, МАК, VIII, стр. 233, табл. XCIII, 20—22; СХХIII, 18; XXXVI, 17.

³ П. С. Уварова, МАК, VIII, стр. 284 и 322. — ОАК, 1902, стр. 74 и др.

⁴ B. Piotrowski. Ägyptische Alterthümer im nord-kaukasischen Gebiet. Кружок по изуч. древностей Востока при Гос. Эрмитаже, сборник № 2 (9), 1935, стр. 42—43, 46. Египетские параллели тем более уместны, что в более древнем классическом периоде эти фаллические изображения-амулеты (обычно из камня) представляют тот же схематический тип, что и анализируемые бронзовые подвески Кавказа (ср. в собрании Гос. Эрмитажа. Сектор Востока, I отд., №№ 631, 2513 и др. — Среднее и Новое царство).

⁵ Там же, стр. 41.

⁶ П. С. Уварова, МАК, VIII, 14—16.

⁷ A. V. Schmidt, ESA IV, стр. 12, рис. 10. — Коллекция МАЭ, № 1671/11.

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, рис. 38, табл. IV, 12.

² Ср.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, ИМЭЛ, М., 1933, стр. 16.

³ В этнографической литературе справедливо отмечено, что нитки и веревки значительно более необходимы в хозяйстве австралийцев, чем в хозяйстве современных европейцев [Thomas. Natives of Australia, 1906, цит. по ук. соч. П. И. Борисовского (СГАИМК, 1931, № 8, стр. 19)].

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1934, стр. 140.

сных представлений, но не ограничивается лишь предметами данной категории. В этом разрезе представляет исключительный интерес упоминавшееся уже единственное изображение барана из курганного погребения у ст. Кисловодской,¹ которое при очень приближенной трактовке всех форм имеет четко моделированные половые органы самца-производителя. Эта деталь находит себе объяснение не в абстрактном «художественном натурализме», а в значении, которое придавалось наружным половым органам и их изображением уже не в матриархальном, а в патриархальном кругу культово-магических представлений. Нет сомнений, что и в идеологии материнского рода на сексуальных мотивах строилось много производственно-магических надстроек, по имени в процессе осмысления перелома к патриархату ведущую роль, естественно, начинает играть изображение мужского органа — фалла; при этом ни в коей мере не случайно, что на ряду с символами фалла вообще (описанные выше подвески) и раньше, чем на человеческой фигуре (бесчисленные фаллические статуэтки «кобанского» круга), мы находим подчеркивание сексуальной характеристики у барана — фаллический в узком смысле культ вырастает на почве не только патриархального счета родства, но и заботы об умножении того скота, который способствует накоплению в руках мужчины скотоводческой продукции, напр. шерсти. Прямо к этому этапу восходит зарегистрированный мною несколько лет назад в сванской среде весьма, архаичный фаллический обряд, в магическом плане не отделяющий размножения семьи от умножения стада.²

Существенно напомнить, что комплекс ст. Кисловодской с этим бараньим изображением по ряду признаков относится к концу «II стадии».

В заключение нельзя не отметить, на ряду с указанными новообразованиями, и ряд пережиточных для своего времени деталей похо-

роинного обряда, подтверждающих переходный характер ритуального мышления. Имеется в виду то обстоятельство, что на ряду с немногочисленными сравнительно каменными орудиями при захоронениях, а особенно в насыпи встречается значительное количество пластин, отщепов и просто осколков кремня, реже обсидиана, без следов работы, а в большинстве случаев и не могущих употребляться в качестве каких бы то ни было орудий. К этому надо добавить, что большинство каменных предметов производственного назначения либо представляют часть сложного орудия, либо фрагментированы, либо сильно сработаны, либо носят следы вторичного применения, снимающего основную функцию. В тот же ряд нужно поставить и недосверленные и нешлифованные топоры, т. е. полуобработанные заготовки,¹ равно как и топор из мягкого туфа, и, особенно, миниатюрные имитации — символы топоров. Конечное впечатление, что, в противоположность предшествующему времени, в изучаемый период, на ряду с «наивно натуралистическим» отношением к пище покойника, класть в могилу целые и полноценные орудия и оружие уже избегали (особенно, к концу периода) и стремились заменить их вышедшими из употребления или недоработанными экземплярами, или нерабочим подобием орудия, либо просто материалом, лишь символизирующим «целое по части».² Факт этот наиболее убедительное объяснение нашел бы в возникающем к этому времени обычае наследования оружия и орудий умершего какой-либо категорией сородичей, тем более, что это объяснение покрывало бы и уже упоминавшуюся выше бедность могильных инвентарей изучаемого периода медным оружием и орудиями, которые не выходили из употребления при погребении, а переплавлялись на новые предметы.

В кругу системы «замещения» не следует упускать из внимания возникающие элементы надмогильной «тризны», явно прощупываемые в археологической структуре курганной насыпи кургана № 2.

В конечном счете, по совокупности всех материалов, представленных погребальными памятниками круга курганов в «садках» и им подобных, изучаемый период на территории

¹ Самоквасов, № 445. — Ол же. Основания..., стр. 12, табл. II, 8. — A. Tallgren, ESA VI, стр. 136, рис. 40. Оба издателя осторожно называют эту единственную круглую скульптуру («серая бронза») просто «четвероногим животным», однако не только общий habitus фигуры, но и ясно выраженные космы шерсти, понятые Самоквасовым как «броня», одевающая животное (Могильные древности Пятигорского округа, стр. 29), трактованные традиционно при помощи крученого шнура, и, повидимому, курдюк, отмеченный спиралью (удвоенными), вряд ли позволяют сомневаться в определении прототипа фигуры как барана; любопытно, что рога не изображены, глаза и ноги намечены чрезвычайно грубо и детализированы лишь производственные моменты (руно, курдюк) и половые органы.

² Б. Ковалевский, ук. соч., стр. 142—143. Описанный обряд уже давно находится в состоянии полного отмирания и локализовался лишь в двух точках, что дало основание некоторым сванским кругам, шокированным подобным пережитком, даже вовсе отрицать его существование. Однако экспедиция Этнографического отдела Музея Грузии 1934 г. вновь зафиксировала его последние остатки в тех же двух точках.

¹ Вряд ли иное значение, чем отнюдь не забытых, но вышедших из бытового употребления и сохранившихся в ритуальном обиходе каменных орудий, имеет вытравление грубых каменных топоров в позднейших «сарматских» погребениях Кубани, ритуальное значение которых трактовалось Н. Веселовским совершенно неправильно как беспочвенный пиетет к давно забытым, случайно найденным древностям (Н. И. Веселовский. Каменные орудия в курганах северного Кавказа первых веков хр. э. Тр. XI Арх. съезда, т. I, стр. 813—816).

² Пережиток этого можно усмотреть в обычае горных ингушей класть в ноги покойнику какой бы то ни было камень (хотя бы кресало), если он правильно изображен в «этнографическом» романе Л. Пасынкова (Тайпа, 3-е изд., М., 1935, стр. 146).

Кабардино-Пятигорского микрорайона можно охарактеризовать следующими чертами.

А) В области производства характерно земледелие при мало развитом вначале скотоводстве; к концу периода овцеводство начинает играть заметную, может быть даже ведущую роль, о чем свидетельствует появление веретена и, может быть, ткацкого станка; столь же характерно возникновение местной металлургии меди, повидимому, на серпистых рудах, и развитие металлообработки (сначала только литья, а затем иковки, которая к концу периода занимает первое место). Обмен еще слабо развит.

Б) В области надстроечной характерно господство первобытно-космических представлений и культ предков. Магическое оформление всех производственных и бытовых элементов. Разработанная система орнаментации. Фаллические (в точном смысле) культы возникают в изучаемом периоде, к концу которого появляются в кругу магических тем изображения барана.

В) Структура общества характеризуется начальными ступенями разложения первобытно-коммунистического общества, т. е. переходом от матриархального строя к патриархату, — процесс, возникший, возможно, раньше, чем это отразилось на могильном инвентаре, но окончательно оформившийся уже на пороге последующей «III стадии».

Настоящая характеристика (предлагаемая пока еще за недостаточной документированностью отдельных моментов в порядке рабочей гипотезы) свидетельствовала бы, между прочим, об одной из важнейших черт истории кавказских обществ — о неравномерности темпов их развития. Сравнение изучаемого Кабардино-Пятигорского района с соседними степными или более западными районами Прикубанья (весьма близкие и, по господствующим воззрениям, синхронные памятники которых содержат гораздо большее количество и гораздо более ясных свидетельств о наличии скотоводства, обработки кости и шерсти) рисует общий уровень развития производительных сил изучаемого района как будто более низким, чем в соседних районах; параллельно этому и социальный строй этих более северных и западных обществ представляется, по их памятникам, менее архаичным и более дифференцированным. Однако вопросы хозяйственной и социальной «прогрессивности» или «отсталости» в реальности очень сложны и не поддаются схематическим формулировкам. Так, характерное для Кабардино-Пятигорья сочетание оседлого земледелия с мало развитым скотоводством (и охотой с собирательством), возникновение прядения и ткачества, шнуровой штампы на керамике и, вообще, господство космическо-астральной тематики в орнаменте более знакомы археологу в ранне-родовых обществах с еще «неолитической»

техникой. А одновременно этот же самый Кабардино-Пятигорский район изучаемого периода несравненно богаче металлом (материалом «прогрессивным»), чем одновременные общества соседних и дальних понтокаспийских степей, и вряд ли ошибочным окажется предположение о снабжении степей медью из центрального Предкавказья.

Это обстоятельство заставляет лишний раз вспомнить о чрезвычайной скудости неолитических остатков на Кавказе, которая не может быть объяснена исключительно лишь недостаточной археологической изученностью его. Насколько можно сейчас судить, металлы — медь — появляются на Северном Кавказе значительно раньше, когда техника изготовления кремневых (и костяных) орудий далеко еще не исчерпала возможностей «классического» неолита; опережая, таким образом, в технологическом отношении «нормальную» последовательность производственного развития, северокавказская эпоха бронзы, вернее меди, несет в себе грузное наследие «неолита», завершая в себе ряд социальных и хозяйственных процессов и консервируя строй идеологических представлений, в нашем научном восприятии обычно связанных с более ранними технологическими ступенями общественного развития.

ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ «III СТАДИИ»

Охарактеризованная выше археологическая обстановка погребений №№ 2 и 5 в кургане № 4 не оставляет сомнений в том, что погребения эти являются позднейшими, помещенными в курган с пренебрежением к его устройству или с незнанием его. От других захоронений этого кургана, равно как и от всех исследованных экспедицией захоронений, данные две могилы отличаются прежде всего вытянутым (С—Ю) положением костяков и совершенно иной количественной и качественной характеристикой инвентаря.

Вытянутое труположение на спине само по себе не могло бы служить фактором стадальной или абсолютной датировки: на ряду со «скорченными окрашенными костяками» на Северном Кавказе, особенно в Прикубанье, нередко встречаются, иногда в одном кургане, и вытянутые костяки, сопровождаемые весьма архаичным медным инвентарем, напр. костяки в центре Келермесского кургана № 5¹ и, особенно, наиболее близкие по инвентарю к Кабардино-Пятигорскому району курганные захоронения ст. Константиновской на р. Чамлык;² надо лишь подчеркнуть, что в изучаемом микрорайоне вытянутые погре-

¹ ОАК, 1904, стр. 97.

² A. V. Schmidt, ESA IV, стр. 10; см. также рисунок М. Коссовича (Архив ИИМК, дело ИАК 1904/71, л. 37).

бення «II стадии» пока неизвестны, и в пределах этого района такое положение, может быть, служит относительно более поздним датирующим признаком.

Определяющим моментом в данном случае является могильный инвентарь, хотя он сводится к одному сосуду, найденному в ногах костяка № 2. Сосуд представляет довольно крупный горшок (диам. 25,3 см, диам. венчика 19 см, наиб. диам. 29,7 см, диам. дна 8,5 см) без ручек; туловище более или менее округлое, слегка стянутое конусообразно вниз ко дну; плечики ясно выраженные, круто переходящие к невысокому горлу; венчик чуть отогнутый. Цвет охристо-серый снаружи и желтоватый с внутренней поверхности. Формовка довольно исправная. Черепок грубый, крупнозернистый и довольно хрупкий, в изломе двуцветный. Поверхность заглаженная (табл. XIX, 1). От середины высоты до горла сосуд украшен орнаментальным поясом, разделенным вертикально на шесть «метопов», в которых чередуются два мотива: вертикальные ряды ногтевых резок с защипом, направленных слегка вкось то влево, то вправо («в елочку») и вертикальные же ряды крупных параллельных зигзагов из пяти колен, нанесенных длинными резаными штрихами (табл. XIX, 2).

«Метопы» далеко не одинаковы по ширине, но видна уже попытка предварительной разметки орнаментального фриза на участки при помощи вертикально прочерченных линий на границе между различными мотивами (ясно видны на фотоснимке, табл. XIX, 1).

Сколько-нибудь полных аналогий описанному сосуду не имеется ни в литературе, ни в известных мне музейных коллекциях, но генетические связи с керамикой района устанавливаются с достаточной ясностью. По форме и пропорциям горшок из погребения № 2 идет от «бомбовидных» сосудов типа Б и горшков типа А, отличаясь от них полным отсутствием ручек, тестом черепка и орнаментацией. Техника в композиции орнамента вводит этот сосуд и с ним погребение № 2 в круг памятников «III стадии», достаточно обильных в Кабардино-Пятигорском районе, но мало описанных и совершенно неисследованных.

Ближе всего к описываемому сосуду стоит набор фрагментов такого же горшка (лит. X, 84-9, 17, 43 и др.) из кургана № 2-а (табл. III, 2): тот же профиль восстанавливаемой части, а орнамент из глубоко врезанных параллельных зигзагов и по композиции, и по технике весьма точно повторяет один из мотивов горшка из кургана № 4, с той, однако, разницей, что здесь он не разделен на «метопы» и не составляет фриза по плечикам, а, повидимому, покрывал сплошным и единообразным узором большую часть корпуса сосуда. В эту довольно тесную группу нужно включить и горшок, найденный в кургане у

колонии Николаевки возле Пятигорска¹ с зубами теленка и лошади (?) в нем. При большой близости профиля (венчик еще меньше выражен) мы имеем здесь то же размещение орнаментального пояса по брюшку сосуда с отступлением от венчика на 3,5 см и, вопреки описанию, не доходящего значительно до дна; орнамент нанесен ногтевыми резками или защипами различного размера, располагающимися косыми рядами «в елочку», т. е. представляет комбинацию декоративных элементов сосуда из кургана № 4. Судя по описанию археологической обстановки, не исключена возможность, что и в данном случае сосуд относится к позднему погребению «III стадии», впущенному в непомерно большую яму (4,1 × 3,2 м) с архаическим инвентарем, чем напоминает обстановку погребения № 4 в кургане № 2 Северо-Кавказской экспедиции (см. выше, стр. 223, рис. 7). Далее исследуемый сосуд нужно сопоставить с горшком из грунтового могильника каменных ящиков на месте санатория КСУ в Кисловодске, раскопанного С. Н. Замятниным в 1933 г.,² представляя функционально тот же тип сосуда и сходясь орнаментальным приемом с одним из мотивов горшка из Нальчикского кургана № 4; этот сосуд несколько отличается более вытянутыми пропорциями и отсутствием вертикального членения орнамента, покрывающего не только верхнюю часть, но почти весь корпус сосуда глубокими горизонтальными рядами пальцевых защипов и косых (в одну, левую, сторону) ногтевых резок (табл. XX, 1). В дальнейшем этот тип развивается в высокие горластые горшки-кувшины из могильника каменных ящиков или склепов под курганами у сел. Каменноостского (б. Кармово) в нагорной Кабарде на р. Малке (материалы хранятся в Нальчикском музее); ту же систему рядов ногтевых резок (горизонтальных и без защипов) мы находим в сосуде из частной находки осенью 1928 г. при погребении в каменном ящике (фототека ИИМК № 0-218,22); принцип «метопов» (по четверной схеме), в том числе и параллельные зигзагообразные ряды, применен в сосудах из раскопок музея 25 V 1921 (инв. № 25/1921, фотот. № 0-218,28 и инв. № 35/1926, фотот. № 0-218,13); наиболее близким по пропорциям к горшку из Нальчикского кургана № 4 является сосуд из той же находки 1928 г. (инв. № 87/1929, фотот. 0-218,12), который в орнаментации повторяет традиции «II стадии» — горизонтальные пояса заштрихованных треугольников, но в резной технике и в иных композиционных комбинациях; и в данном случае орнаментация покрыв-

¹ N. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nicolajevsk (Umgegend von Pjatigorsk). ESA IV, стр. 58—60, рис. 1.

² Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 223, рис. 206 (отдельный фрагмент).

Горшки «III стадии» без ручек ¹	Нальчик Курган № 4, погреб. № 2	Кисловодск, Санат. КСУ	Могильник в сел. Каменноостском		
			№ 0-218,12	№ 0-218,13	№ 0-218,22
Высота сосуда	25,3	ок. 33	24	ок. 28	29,3
Диаметр пучины	29,7	„ 32	29,2	29,5	30,2
„ венчика	19	„ 16	14,5	ок. 14	15,6
„ дна	8,5	„ 11	10,2	11	11,3

вает весь корпус сосуда от плечиков почти до дна (табл. XX, 2).

Второй ведущий тип керамики «III стадии» — характеризованные выше (стр. 246) глубокие миски — не отличается от горшков системой орнаментации: основной техникой прием и здесь резной штрих, иногда двойной и даже тройной, заменяющий шнуровую линию «II стадии»; из орнаментальных мотивов чаще всего применяются шевроны и параллельные зигзаги, в композиции заметна тенденция к «метопному» и, вообще, вертикальному размещению элементов. В этом отношении² типичны миски из Кисловодского могильника (санатория КСУ), напр. из погребения 13,³ из могильника у с. Каменноостского (Нальч. муз., инв. № 89/1929, фототека ИИМК № 0-218,30; инв. № 643/1921, фотот. № 218,35; фотот. № 0-218,16) и из раскопанного хищнически кургана в степи у сел. Старый Лескен (инв. № 60—61/1923, табл. XX, 3).

Приведенный отчет С. Н. Замятина о раскопках Кисловодского могильника в 1933 г., устанавливающий стадийные связи этого могильника не только с Каменноостским, но и с классическим Кобанским и, следовательно, со всеми характеризуемыми «кобанским» инвентарем могильными памятниками горного Кавказа,⁴ избавляет от необходимости повторять эту тему и в данном отчете.⁵

¹ Ср. горшки без ручек Соломенского кургана — в настоящем сборнике статья А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, табл. XI 6 и 7 и табл. на стр. 244.

² С. Н. Замятин, Изв. ГАИМК, вып. 109, рис. 200, 7 и 8 и 201, 4, 5, 6.

³ Других особенностей формы, техники и пр. касаться здесь не приходится.

⁴ Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 223—225.

⁵ Лишь формулировка что «для района Минеральных Вод памятники этой эпохи вообще подвергаются раскопкам впервые» (стр. 225) требует уточнения: в 1881 г. в порядке подготовки к V Археологическому съезду Д. Я. Самоквасов в большей или меньшей степени раскопал шесть могильников (типа Чеснок-кургана), частично именно этой эпохи («III стадии») (Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. Варшавск. унив., Известия, 1882, отд. отг., стр. 14—21. — Он же. Основания . . . №№ 1883—2098, табл. III, особенно фиг. 6, 7, 9). Кстати, браслет со змеиными головами, изображенный на фиг. 7, чрезвычайно близок к 2 браслетам из грунтового, повидимому, могильника близ сел. Кашкатау, разрушенного при прокладке шоссе в 1932 г., пересланным рабочими через меня в Нальчикский музей; браслеты этого типа (парные) нередко встречаются на территории Кабардино-Балкарии, напр. из бескурганного погребения у моста

Единственный горшок «III стадии» из погребения № 2 в кургане № 4 по морфологическим элементам формы и орнаментации должен быть оставлен в начале приведенного выше ряда аналогий и содержит ряд черт, еще связывающих его с керамикой «II стадии».

Эта генетическая связь, представляющая погребения №№ 2 и 5 самыми поздними, но органическими компонентами кургана № 4¹ (а не просто случайным разрушением более древнего памятника), является, пожалуй, самым важным результатом их находки и исследования. Однако, незначительность материалов из выпускных погребений «III стадии» в курганах в «садках» не дает оснований к анализу соответствующей культуры хотя бы в масштабе, выполненном выше для основных захоронений «II стадии». Вследствие этого необходимо коснуться здесь лишь отдельных тем, затронутых для «II стадии», под углом динамики их развития.

Сама количественная бедность керамического инвентаря — один сосуд — является чрезвычайно существенным моментом для анализа изменений погребального ритуала по сравнению со «II стадией», для которой выше был установлен более или менее константный набор из, по меньшей мере, трех сосудов особого назначения. То обстоятельство, что при всех погребениях Кисловодского могильника, кроме одного,² найдено также по одному лишь сосуду, определяет это явление как не «случайное». К сожалению, о составе инвентаря из каменноостских захоронений известно очень мало, но та же «однососудность» устанавливается данными К. Ольшевского и для основного Кобанского могильника.³ Так

на р. Шалушке (Нальч. муз., инв. № 214/1928), иногда с вещами конца «III стадии» («скифских» типов), напр. из кургана со склепом у балкарского сел. Хабаз в среднем течении р. Малки (Нальч. муз., инв. № 467/1921).

¹ Несомненно, и другие курганные комплексы Кабардинского парка имели в своем составе погребения «III» стадии, что для кургана № 2-а можно считать документированным приведенным выше фрагментом горшка «III стадии» (табл. III, 2).

² Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 221 (мог. № 13, к тому же раскопанная не автором отчета, а случайным любителем).

³ П. С. Уварова, МАК, VIII, стр. 71 [в противоположность другому могильнику в сел. Н. Кобан, раскопанному А. А. Драницыным в 1907 г., где каменные

как совершенно невозможно предполагать для «III стадии» (прочий инвентарь которой свидетельствует о значительном развитии производительных сил по сравнению со «II стадией») такое «упрощение» состава пищи, чтобы она и в быту сводилась к одной посудине (не говоря о питье), то единственное удовлетворительное объяснение сведению погребальной посуды до одной штуки (то горшка, то миски, то «банки» и пр.) можно найти лишь в изменении не только похоронного ритуала, но и порождающих его представлений о смерти и загробной жизни, вернее о взаимоотношениях между умершими и живыми сородичами. В соответствии с этим изменением ритуальные формы, лишь зарождавшиеся в захоронениях «II стадии», — тризна и символическое «замещение» — становятся здесь ведущими, и вся пища, посвящаясь покойнику, почти полностью потреблялась над его могилой сородичами, в могилу же полагались лишь образцы пищи и питья «вообще» (может быть лишь возлияния), для чего и одного сосуда было вполне достаточно. Необходимо подчеркнуть важнейшее обстоятельство, отнюдь не являющееся единичным, что в данном случае мы встречаем этнографические аналогии не в самых глубоких отмирающих пластах, а в господствовавшем до самой революции слое быта и народного мышления горцев Кавказа, где ритуальное поминальное пиршество над трупом или на могиле покойного еще недавно сохраняло формы, весьма недалеко ушедшие от «III стадии». ¹ При этом из огромного количества потребляемой пищи самому покойнику доставалось несколько капель жира или араки, так что, как общее правило, в современных горских могилах не находится и одной посуды. Прекрасным реальным подкреплением реконструкции поминального пиршества, возникшей из анализа керамического инвентаря, являются любопытные «очаги», обнаруженные в Кисловодском могильнике в количестве, не уступающем числу расследованных погребений, которые С. Н. Замятин осторожно называет «сооружениями, по видимому, культового характера» и вполне основательно сближает с «ямками» А. Драницына в Кобанском могильнике. ² В заключение этой темы следует указать, что именно нали-

чие в погребении № 4 кургана № 2 одной единственной миски (рис. 7, 12, 1; табл. V, 1) еще более, чем ее глубокая форма, побуждает относить это захоронение также к началу «III стадии» или к переходному моменту, в то время как найденные в камнях обкладки медная подвеска и разрозненные керамические фрагменты являются остатком первичного захоронения «II стадии».

Факт помещения погребений «III стадии» в более древний курган ставит вопрос о специфической для данной стадии форме захоронения и погребального сооружения. В степной полосе курганная насыпь удерживается, достигая своего апогея в грандиозных «скифских» и «сарматских» погребальных холмах, нередко надсыпанных на древней основе курганов «с окрашенными и скорченными костяками». ¹ Что же касается предгорий, то наряду с отдельными захоронениями, впущенными в курганы «II стадии» в начале исследуемого периода, в дальнейшем форма захоронений изменяется в отдельные небольшие курганчики над склепом или каменным ящиком (Каменноостровский могильник) и, наконец, в простой грунтовой могильник из каменных ящиков (Кисловодск—КСУ). В нагорной полосе — Кубань и другие известные осетинские могильники — грунтовая могила с каменным ящиком становится ведущей формой и удерживается у многих горцев Центрального Кавказа вплоть до настоящего времени. ² Реже встречается склеповая конструкция в скалах и пещерах ³ — в изучаемом районе такие захоронения известны со слов в районе балкарского селения Гунделен. Поскольку на одной территории, хотя бы Кабардино-Пятигорского района, встречаются и курганные и грунтовые захоронения, дело, очевидно, не в грунте или других природных условиях, а опять же в изменении погребальных верований. Тенденция изменения прослеживается довольно ясно: групповое захоронение — курган — последовательно сменяется индивидуальной могилой.

Оформление этой грунтовой или скально-пещерной могилы в виде склепа или каменного ящика указывает на смену космического образа «неба — гнезда пра-значений», ⁴ в виде курганного купола, «микроскосмическим» ⁵ представлением могилы-дома, жилища — со всеми оговорками к этой теме материалистической истории языка — мышления. ⁶ Возможно, что именно отсюда тянутся корни более

ящики содержали, при скорченных костяках, всегда по несколько сосудов (ОАК, 1907, стр. 91—93, рис. 91—96, Архив ИИМК, фонд ИАК, дело 93/1907); этот могильник, по видимому, следует сопоставлять со «II стадией» нашего района].

¹ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, II. Стр. 285—288, 294 сл.—Д. Червенаков. Похоронные обычаи в В. Сванетии. Кавказ, 1905, № 260 (перевод из груз. газеты «Иверия»). — Н. Джанашия. Абхазский культ и быт. Христ. Восток, т. V, вып. 3, стр. 179, 183—187 и др.

² Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 222 (с указанием архивного источника, прим. 4); в ОАК, 1907 (а не 1906, как ошибочно указано в ссылке) об этих «ямках» не упоминается.

¹ ОАК, 1897, стр. 14—15; 1902, стр. 69; 1903, стр. 65—68; 1906, стр. 93; 1907, стр. 89 и др.

² Ср.: Б. Деген-Ковалевский, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 250.

³ Напр.: В. Ф. Миллер, МАК, I, стр. 61, рис. 72.

⁴ Н. Я. Марр, ДАН, 1924, стр. 23.

⁵ И. И. Мещанинов. Язык и мышление в доклассовом обществе. Пробл. ист. докапит. обществ, 1934, № 9—10, стр. 25.

⁶ Н. Я. Марр. Первый средиземноморский дом. ИАН, 1924, стр. 226—227.

поздних надземных, домоподобных склепов, широко распространенных по всему горному Кавказу,¹ и чрезвычайно вероятно, что незаметные сейчас грунтовые могилы снабжались на поверхности особыми постройками, поздними дериватами которых можно считать хотя бы надмогильные сооружения «черкасов» XVII в.² Рядом в этом процессе нужно поставить и высказанное выше положение, что именно к «III стадии» нужно возводить генезис не только «небесных кузнецов». Сафы, Курдалагона или Айнар-ижия, но и всякие персонифицированные божества, столь обильных в дохристианских верованиях кавказских народов, сменивших обобщенные космические образы «II стадии».³

Незначительность объема материалов «III стадии», непосредственно охваченных работами экспедиции, не позволяет расширить их анализ хотя бы пропорционально работе, проведенной над памятниками «II стадии», тем более, что территория горной Балкарии подвергалась лишь разведочному обследованию. В заключение, необходимо остановиться несколько лишь на вопросе о территориальном, вернее зональном расхождении памятников «II и III стадий», поскольку эта тема затрагивается совместным нахождением захоронений обеих стадий в одних и тех же курганах Кабардинского парка. При историческом подходе к процессу заселения горных районов в этом повторном и отнюдь не случайном археологическом факте территориального совмещения нет ничего противоречивого. Самый процесс освоения высокогорья ни в коем случае нельзя представлять в виде какого-то поголовного и внезапного переселения из степи или предгорий в субальпийскую зону, но в связи с расширением производительных сил в виде неизбежного на данном этапе расширения обитаемой и освоенной территории. Не случайно в пределах Кабардино-Пятигорского

микрорайона развитие овцеводства прослеживается археологически лишь к концу периода и притом как раз в Пятигорье; иначе быть не могло, так как бывшая лесистость Нальчикского района сильно стесняла развертывание всякого скотоводства недостатком травяных пастбищ и, в частности, почти исключала разведение мелкого рогатого скота в связи с неизбежным обилием хищного зверя (волка, медведя).¹

Процесс развертывания скотоводства, в частности овцеводства (а параллельно и утверждение патриархальных отпочкований), неизбежно должен был потребовать расширения пастбищных угодий за счет углубления в степи, с одной стороны, и в горы — с другой. Степь, выгорающая на Северном Кавказе уже к июлю до состояния пустыни,² не могла разрешить пастбищной проблемы в летний сезон, и освоение горных альпийских лугов становилось необходимым. Конечно, знакомство с горными районами нужно предположить и для «II стадии»: об этом ясно говорят, к примеру, упоминавшиеся уже в другой связи древнейшие предметы из Фаскау,³ Донифарса,⁴ а в изучаемом районе находки горнобалкарского отряда экспедиции 1933 г. в Верхнем Чегеме;⁵ к проникновению в эти районы толкали интересы и потребности охотничьего промысла, не оставившего археологических следов, но несомненно широко развитого и во «II стадии», затем разветвляющейся металлургии, так как все известные залежи медных руд Кабардино-Балкарии лежат не ближе Скалистого хребта, и, наконец, даже скромного по масштабу скотоводства «II стадии». Иногда, повидимому, эти интересы приводили и к прочному оседанию в высокогорье, что свидетельствуется погребальным характером предметов из Фаскау и др. Однако без развитой техники сенозаготовок (а у нас нет никаких данных предполагать ее для «III стадии») скотоводческое хозяйство равным образом не могло обойтись без предгорий и малоснежных степей, где скотина могла бы из-под снега разгрести себе прошлогоднюю траву в качестве скудного зимнего прокорма. Таким образом именно «III стадия» характеризуется формированием той полукочевой сезон-

¹ Примеры. Для Осетии: МАК, VIII, табл. I, стр. 4—5, 104, табл. I, стр. 159, табл. СХІХ и др. — Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. Для Чечено-Ингушии: В. Ф. Миллер, МАК, I, стр. 24—29, рис. 38—43, табл. VI. — И. П. Щелыкин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Изв. Инг. инст. краевед., I, Владикавказ, 1926, стр. 293—296. Для Хевсурии: П. С. Уварова. Кавказ. Путевые заметки, III, М., 1904, стр. 247. — G. Nioğdze. Begräbnis und Totenkultus bei den Chewssuren. Stuttgart, 1931, стр. 31—34, рис. 24—29. Для Балкарии опубликовано меньше всего: А. А. Миллер. Сообщ. ГАИМК, I, 1926, стр. 76—78, рис. 6. — В. Ф. Миллер, МАК, I, стр. 82—83, рис. 74—75. — В. В. Дубянский, Прилож. к Ежег. Кавк. горн. общ., Пятигорск, 1911, стр. 18—20.

² А. Олеарий. Описание путешествия в Московию..., СПб., 1906, стр. 518—519.

³ Пережитками этой стадии религиозных представлений в живом быту являются клятвы просто солнцем (Н. Я. Марр. Извлечения из сванско-русского словаря. Матер. по яфетич. языковедению, т. X, стр. 20) или не имеющее образа космическое божество сванов Ал или Хэл (Б. Ковалевский, ук. соч., стр. 146, 149).

¹ Даже в почти современных условиях убыль скота от волков достигала до 20% по овцам и ок. 5% по крупному рогатому скоту (молодняк) (В. П. Христианович. Горная Ингушия. Ростов/Д., 1928, стр. 161 и 173). Из личных полевых наблюдений в 1926 г. мне пришлось убедиться, что на кавказском Черноморье многие украинские переселенцы с большим хозяйственным опытом принуждены были вовсе отказаться от овец в хозяйстве в виду невозможности сберечь их от хищников.

² Сборник материалов Кабардинской Опытной-оросительной станции, № 1. Малая Кабарда, 1929, стр. 34.

³ П. С. Уварова, МАК, VIII, табл. СХV, 2, 3; СХVI, 2—5; стр. 283 и др.

⁴ Там же, табл. LXXXV, 11, 12; см. также выше, стр. 250—54, табл. XVI, 1.

⁵ См. статью А. А. Иессена в настоящем сборнике, стр. 14, табл. I, 1.

ной системы скотоводства, которая *mutatis mutandis* дожила до настоящего времени и которая в Европе носит название «альпийской», а на Кавказе «кошевой» или «эйлажной». ¹ Стало быть, при раздвижении хозяйственной системы на все три зоны, речь идет не о покидании предгорий для переселения в горные долины, а лишь о переносе зимней базы от зимних пастбищ к летним.

Этот процесс переноса жилья вслед за стадом происходил с известной постепенностью, так что в течение известного периода основным местожительством и родовым кладбищем, вероятно, являлась территория поселения «II стадии» — это объясняет полностью погребения «III стадии» в курганах «II стадии» лишь как самые поздние в непрерывной цепи родовых захоронений. Возможно допустить даже, что и после переноса вверх жилья тела покойников по традиции относились на родовое кладбище вниз, что можно было бы подкрепить этнографическими аналогиями. ² Этому соответствует и археологическая обстановка кургана № 4, где поздние захоронения, видимо, старались по возможности не повредить прежние, а при невольном повреждении не разрушать остатков; ³ позже же, когда связь со старыми родовыми захоронениями прерывается, остается лишь традиция хоронить в прежнем кургане, и с древними погребениями уже не церемонятся, что ясно можно видеть в обстановке кургана № 2, где ряд погребений (в том числе центральное) уничтожены вместе с инвентарем.

Дальнейшим этапом явился перенос оседлого жилья с организацией при нем своего кладбища на ближайшие плоскогорья, представляющие аванпосты степи в зоне лесистых гор, какими особенно было богато Пятигорье. Типичные для «III стадии» грунтовые могильники этого района ⁴ сопровождают довольно гу-

стую сеть синстадиальных поселений; ⁵ зонально ничем не отличается и расположение Каменноостовского могильника, около которого должно быть и соответствующее селище.

Окончательным шагом, завершившим формирование «III стадии», был переход селений в глубину речных ущелий, иногда к верхней кромке лесной зоны, поставившей не только хозяйство, но и ремесленные производства в совершенно иную природную среду. Результаты всего этого процесса здесь можно отметить лишь схематически: значительное развертывание молочного скотоводства и шерстомясного овцеводства, конечно, без прекращения земледелия, которое, оставаясь ли на прежних местах или осваивая сравнительно плодородные плоскости ущелий, становится пашенным, плужным; вторичный расцвет охотничьего промысла; в области домашних производств — широкое применение прядения и тканья шерсти, в корне изменивших систему одежды: впервые в кавказском быту появляется фибула характерных типов; ¹ металлообработка переходит в основном на качественную, константную по составу бронзу ² и на железо, которое кладет технологическую грань между «II и III стадиями»; ведущими приемами обработки становится серийное литье бронзы в формах и, особенно,ковка, которая в конце концов приводит к обособлению кузнечного ремесла; ³ наконец, переход в обстановку, богатую лесом и бедную глинами, стимулирует деревообделочные производства и, в частности, обуславливает смену глиняной посуды деревянной, пережиточно повторяющей многие керамические формы и мотивы.

Таким образом патриархально-скотоводческая «III стадия» характеризуется значительным развитием всех производительных сил по сравнению с предыдущим временем.

Однако намеченная выше неравномерность развития обществ Северного Кавказа, с ростом производительных сил в хронологических рамках «III стадии» не только не снимается, но, наоборот, вступает в обостренную и решающую фазу. Охарактеризованная экстенсивность пастушеско-скотоводческой системы требует не только очень значительной территории, достаточно дифференцированной в отношении сезонных пастбищ; в связи с этим совмещение в одном хозяйственном коллективе высокогорных летних пастбищ и плоскостных или предгорных зимних становится одним из основных средств производства, а владение, в частности, предгорными пастбищами — условием свободного экономического и социального развития или экономического, социального и

¹ Технику этой системы на Сев. Кавказе см.: М. М. С и н и ц ы н. Вопросы экономики и организации животноводства на Сев. Кавказе. Ростов/Д., 1929. — В. П. П о ж и д а е в. Хозяйственный быт Кабарды. Труды по ест.-истор. и эконом. обследованию Кабарды, т. II, вып. 2, Воронеж, 1926, стр. 20—53. — В. П. Х р и с т и а н о в и ч. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта, Ростов/Д., 1928, гл. VI, стр. 106—132, частично гл. VII и VIII. В указанных работах предлагается вниманию описательная часть, но отнюдь не экономическая. Для Швейцарии: I. Spann. Agrarwirtschaft. München, 1923, passim.

² Ср.: Б. Е. Деген-Ковалевский, Сов. этногр. 1936, № 4—5, стр. 42.

³ Именно подобным пиететом к прежним покойным сородичам, кости которых бережно возвращаются в курган — родовую усыпальницу, объясняется прощание всего пресловутая «антропофагия» обитателей Пятигорского округа. — Д. Я. С а м о к в а с о в. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 52—53.

⁴ Д. Я. С а м о к в а с о в. Могильные древности Пятигорского округа, стр. 14—21.

⁵ Там же, стр. 21—23; Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае, СГАИМК, 1932, № 9—10, стр. 65; см. там же карту разведочной работы экспедиции в 1929 и 1930 гг., составленную А. А. Иессеном.

¹ Напр.: МАК, VIII, рис. 53; табл. XXXI, 5—7; табл. XXXII и подобные.

² А. А. И е с с е н, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 177—180, 218 слл.

³ Б. Е. Деген-Ковалевский, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 347 сл.; стр. 417—418.

политического господства и угнетения. Не требует доказательств и то положение, что неимоверная растянутость годовой пастбищной территории влечет значительную уязвимость в отношении охраны и обороны, и для населения высокогорных ущелий и котловин защита зимних и весенних пастбищ составляет наиболее трудную задачу. С ростом и обострением противоречий интересов, разрешаемых военными столкновениями, тот, кто владеет предгорьями, экономически и политически владеет и горами, — формула, действительная не только в эпоху завоевания Кавказа, когда войска Российской империи, захватывая для себя плодородные степи, занимали систематически и ненужные им предгорья (основной фонд горских зимних пастбищ), но и в хазаро-аланскую, напр., эпоху, понять которую в пределах Северного Кавказа невозможно без учета и разработки материалов многочисленных укрепленных поселений и городов этого времени, господствующих над выходами из горных мест обитания.¹ Эти отношения между горами и предгорьями в изучаемом районе восходят, по видимому, как раз к «III стадии», поскольку о том свидетельствует наличие, напр., в Баксанской долине не только долинных селений этого времени, но и природно-укрепленного пункта в отрогах хребта Хара-хоро,² контролирующего доступ к пастбищным угодьям и давшего подъемный материал в виде типичной для «III стадии» черной лощеной керамики (ГАИМК, колл. З IV 1933). Учет этих фактов и их следствий может заставить несколько переосмыслить и подход к датировке памятников «III стадии» (и синхронных им), более или менее установившейся в немногочисленной среде советских кавказоведов-археологов. Эта традиционная датировка хотя бы Кобанского могильника рубежом I—II тысячелетия до н. э.³ основана по существу на том, что эпоха, представляемая этим и синстадиальными памятниками, должна уложиться во времени до памятников и предметов «скифской» стадии. Не имея оснований отрицать то бесспорное, по видимому, положение, что скифская хозяйственная и, насколько можно судить, социальная система является непосредственным продолжением и развитием элементов, из которых складывалась «III стадия», под углом изложенной выше концепции мы не должны упускать из внимания, что переход от пастушеской системы масштаба «III стадии» к развитому кочевому скотоводству скифов мог произойти лишь при условии полного владения всем годовым оборотом сезонных пастбищ, горных

или степных. Одновременно, те общества, которые в этой борьбе оказывались отрезанными от зимних пастбищ плоскости и предгорий, не только принуждены были к выкупу права пользования ими ценою всякого рода дани, но, что главное, лишались возможности свободного экономического и социального развития, сохраняли архаические хозяйственные формы (вдобавок искалеченные нарушением оборота пастбищ) и соответственные им пережитки идеологии, — короче говоря, резко замедляли темп исторического развития.

Приняв предлагаемое построение, мы получаем возможность наполнить отжившие и безнадежно устарелые, древние и новые сообщения и домыслы о племенах и народах, «загнанных в горы», «затерявшихся или спрятавшихся в горах» и т. п. новым переосмыслением на «отрезанные в горах от зимних пастбищ». При таком построении для нас отпадает необходимость непременно «покончить» с Кобаном и т. п. до «выступления» на историческую арену «скифов»; в таком аспекте «III стадия» Кабардино-Пятигорья, осетинский Кобан и пр., и пр. предстает перед нами как более архаичный локальный горный вариант, параллельный степному скифскому варианту. Это построение объяснило бы нам без натяжек такие факты, как разительные совпадения керамики из «типичных для III стадии» могильников у сел. Каменноостского и Кашкатау и раннескифского могильника под Моздоком, как находка в Кисловодском могильнике (санаторий КСУ) чешуйки от «типично-скифского» (и не раннего) панциря¹ и ряд других; это построение подкрепляется отсутствием точного скифского эквивалента в археологии горных районов, без перерыва и существенных изменений состава врастающей в период, датируемый уже римскими монетами.

Несомненно (и эту тему можно было бы развить в большую монографию), что многие хозяйственные формы и формы материальной культуры «III стадии» не изжили себя в горских обществах Кавказа даже в те близкие к нам периоды, когда пережитки их легко фиксировались «этнографическими» методами. В этом отношении было бы большой ошибкой не учитывать и охарактеризованной выше, начиная с «III стадии», социально-экономической двуприродности кавказских обществ, яркий пример которой представляет и двуэтнический состав Кабардино-Балкарии, где кабардинцы — насельники предгорий являются «наследниками» скифской системы социально-экономического развития и свободно проходят все стадии феодального классовообразования вплоть до порога капитализма, а горцы-балкары, несмотря на свою туркоязычность, всем типом хозяйства, материальной и надстроечной культуры представляют весьма замедленное в тем-

¹ Ср. карту А. А. Иессена в статье данного сборника, стр. 24, рис. 7. — Б. Е. Деген-Ковалевский. Отчет о работах на Баксанстрое (1933 г.). Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 12—16, рис. 1—3.

² Б. Е. Деген-Ковалевский, ук соч., стр. 14—15, № 13.

³ Напр.: А. А. Иессен, Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 111.

¹ Изв. ГАИМК, вып. 109, стр. 224, рис. 207, 6.

не развитие системы «III стадии» (к моменту русского завоевания дошедшее лишь до ранних ступеней феодализма). Противоречивая двойственность, сохранившаяся на протяжении трех тысяч лет, изжита лишь ленинско-сталинской национальной политикой, в течение двад-

цати лет не только выдвинувшей Кабардино-Балкарию в ряды передовых республик Советского Союза, но и сочетавшей ее специфические особенности в единстве кооперированного советского хозяйства и социалистической культуры.

B. DEGEN.

Les tumulus du parc Kabardinskij à Nalčik

(Résumé)

Sur la troisième terrasse de la vallée de la rivière Nalčik, entre le centre de la ville et les établissements de cure (ci-devant cité «Dolinskij»), s'étend un immense champ de tumulus qui longe la lisière ouest du parc Kabardinskij sur 1—1.5 km de distance. La majorité des tumulus de ce vaste cimetière sont des monuments de l'époque du bronze (plus exactement du cuivre) à riche mobilier funéraire. Les fort intéressantes collections de ces objets qui remplissent les vitrines du Musée Kabardino-Balkarien à Nalčik se laissent en partie raccorder avec les monuments funéraires déjà connus en archéologie de l'avant-pays du Caucase et plus rarement de la zone montagneuse de la région Précaucasienne occidentale, tandis qu'en partie elles introduisent des types ou des variétés tout à fait nouveaux de céramique et d'objets métalliques. La richesse et les particularités de ces collections sont si grandes que toute construction théorique dans le domaine de l'histoire primitive du Caucase du Nord qui n'en tiendrait pas compte ne pourrait prétendre être scientifiquement fondée. D'autre part, le fait que ces collections se sont constituées de pièces, trouvées occasionnellement, ou provenant de fouilles, opérées par des pilleurs ou des dilettantes, et surtout la destruction des tumulus au cours des travaux de bâtiment, privaient les monuments de toute documentation scientifique. Vu cet état de choses, il fut décidé d'inclure dans le plan des travaux de la mission Nord-Caucasienne, à côté de l'enregistrement et de l'étude des collections de musée, une exploration de reconnaissance de 1—2 monuments de ce genre au moyen de fouilles méthodiques devant élucider la stratigraphie archéologique générale, la structure des aménagements funéraires, la composition et la disposition du mobilier dans la tombe, le rituel funéraire, etc.

En 1929 fut ainsi exploré le tumulus № 2, qui avait 1.1 m de hauteur et 15—16 m de diamètre. Sa structure était la suivante: sous une couche de gazon s'étendait une couche de galets de rivière recouvrant la surface entière du tumulus; au-dessous venait une couche de limon brun plus ou moins homogène de 60—75 cm d'épaisseur, reposant à son tour sur 3—5 cm de pierraille, qui surmontaient un segment sphé-

rique intérieur, de sol mêlé, renfermant une forte proportion de menue pierraille et de gravier; le tout était établi sur une couche de cailloutis fluviatile continental de moyenne grosseur nettement différent des couches du tertre. Ces dernières étaient remplies de débris archéologiques: le segment intérieur a fourni plusieurs éclats de silex, les couches superposées — 20 éclats de taille de silex, 2 grattoirs en silex, 1 lame et 3 fragments de lame de silex, 2 éclats d'obsidienne, 1 pierre à aiguiser (fragmentaire) et une grande quantité de fragments de céramique, en partie ornements (on a réussi à reconstituer plusieurs vases complets avec des tessons disséminés sur une surface considérable). Il convient encore de signaler dans ces couches supérieures deux amas d'ossements humains hors de sépulture, broyés jusqu'à être presque méconnaissables (v. plus haut pp. 216—224 texte russe, figs. 3, 5, 6, pl. V et VI).

Le tumulus recélait 4 sépultures. La sépulture № 1 se trouvait dans la couche moyenne de limon brun sur une couche de pierraille, à une profondeur de 80 cm de la surface. La fosse mortuaire était comblée de gros blocs, mais ses limites n'étaient pas reconnaissables. Squelette en mauvais état de conservation, avec traces de coloration partielle, couché sur le flanc gauche, la tête au nord et dans une posture très ramassée. Mobilier: 1) écuelle plate en argile, avec «pincées» obliques irrégulières à la marge; trouvée près du bassin; 2) pot de terre cuite, à deux anses, orné de petites bosses appliquées; trouvé à côté de la précédente, près des os des mains; 3) coupe ornée d'un cercle de petites bosses appliquées; trouvée dans le goulot du vase précédent; 4) petit vase d'argile du type «flacon» avec deux anses-oreillettes, décoré d'un ornement fait par estampage; trouvé devant la face du squelette (pp. 220, figs. 13—16, pl. IV). Sépulture № 2: même couche, pan ouest du tumulus. Squelette endommagé; sa partie inférieure seule in situ, la partie supérieure composant probablement un des amas d'os susmentionnés dans les couches supérieures du tertre. Pas de mobilier funéraire (p. 222, fig. 18). Sépulture № 3: même couche, pan sud-est du tumulus. Squelette également très endommagé (la partie supérieure seule sub-

siste) dans la position ramassée, couché apparemment sur le côté droit, la tête au nord. Mobilier de la partie conservée du squelette: pièce de silex de type des pièces d'insertion pour faucille, trouvée dans la région du thorax, et éclat d'obsidienne, trouvé un peu au-dessous de l'abdomen présumé (pp. 222, figs. 19 et 20). Sépulture № 4: centrale et apparemment plus récente, introduite par en haut avec destruction de la sépulture centrale initiale et détérioration des sépultures №№ 2 et 3. Fosse mortuaire très spacieuse (4 × 5 m) aux parois vaguement indiquées, comblée de pierre. Squelette dans la posture ramassée couché sur le flanc gauche, la tête au nord-ouest, dans une petite tranchée ménagée dans le cailloutis et recouvert d'une couche de pierre. Tibias et en partie fémurs colorés en rouge; la couleur rouge imprègne aussi le sol sous le crâne et le bassin et à côté des genoux. Mobilier: 1) écuelle creuse en argile à deux anses horizontales avec débris d'os de menu bétail à cornes; trouvée tout près du genou; 2) 2 petits morceaux de craie. En outre, parmi les pierres du recouvrement, pendeloque en cuivre sous forme de petite torsade avec renflement, 3 éclats de silex et 3 fragments de céramique appartenant probablement à la sépulture primitive détruite (pp. 219—20, figs. 7—12, pl. V, I, XVII, 7 et XVIII, 1—3).

Le tumulus № 4, qui avait 1 m de hauteur et 15—16 m de diamètre, a été exploré en 1930 (le commencement des gelées a obligé d'interrompre les fouilles). Structure: à la différence de ce qu'on observe dans le tumulus précédent et les autres tumulus synchroniques connus de la mission, l'enveloppe de pierre ne recouvre pas toute la surface du tertre, mais forme comme plusieurs (au moins trois) couches concentriques disposées en cône à sommet ouvert, mêlées de sable argileux et cimentées, semblait-il, avec de l'argile; la netteté de la structure était fortement troublée par des détériorations anciennes et récentes. Le tertre était beaucoup, ceux-ci se réduisaient à un certain nombre d'instruments et d'éclats de silex trouvés dans ses couches supérieures (pp. 224—25, figs. 21—23).

Le tumulus renfermait en tout six sépultures, mais vu l'état très incomplet de certaines d'entre elles, il se peut que leur nombre se ramène à quatre. La sépulture № 1 était située dans le pan sud-ouest du tertre, sous le revêtement annulaire intérieur, grandement endommagé au-dessus de la sépulture même, comme d'ailleurs sur tout ce côté du tumulus. Squelette très incomplet et mal conservé, couché dans la position ramassée sur le flanc gauche, la tête au sud. Fosse mortuaire confusément indiquée, mais sous le squelette on distinguait nettement des restes d'un feu. Mobilier: 1) écuelle plate en argile, décorée sur la marge de quatre rangées de petites bosses appliquées à la manière d'anses; trouvée à l'en-

droit ou devaient être les genoux. Elle contenait quelques petits os de menu bétail à cornes, un éclat de silex et deux petits morceaux de craie; 2) pot en argile à deux anses (semblable à celui du tumulus № 2) sans ornement, avec traces de polissage; trouvé près de la précédente; 3) épingle en cuivre à branche tortillée et tête en forme de bobine, trouvée dans la région du cou ou de la poitrine; 4) tête d'épingle en cuivre (fragmentaire) en forme en cuivre de double volute plate, trouvée près de la précédente; 5) dans la région du cou: 13 perles cylindriques ou en forme de tonnelets, une boucle de cuivre en spirale, 24 perles de pâte blanche de forme cylindrique, ellipsoïdale ou lenticulaire. A proximité immédiate de cette sépulture, on a découvert une hache-marteau sans oeil (pp. 227, figs. 26—28, pl. VII). Sépulture № 2: située dans la section sud-est du cercle de pierres intérieur, qui a été évidemment enlevé dans ce but. Squelette complet et dans un état de conservation satisfaisant, couché dans la position allongée, la tête au sud, à faible profondeur. Fosse mortuaire non distincte. Au-dessus de fémur gauche et sous le squelette traces d'un feu. Sur les os restes de peinture. Mobilier: 1) pot d'argile sans anses, orné de «pincées» et d'entailles, trouvé près des pieds du squelette. Au voisinage immédiat de la sépulture morceau de couleur, 3 éclats de silex et petit amas de substance pulvérulente rose (pp. 230, fig. 30, pl. VIII, 4 et XIX). Sépulture № 3: presque au centre du cercle de revêtement intérieur, directement sous la couche de pierre. Squelette incomplet, très mal conservé, couché dans la position ramassée sur le côté gauche, la tête au nord-est. Fosse mortuaire non reconnaissable. Mobilier funéraire inexistant (ou non conservé) (pp. 225—26, fig. 24). Sépulture № 4: restes d'ossements comprenant une mâchoire inférieure et un petit os de la paume de la main, parmi les pierres de la couche inférieure. A proximité immédiate, on a trouvé: 1) un petit pot d'argile à marge cassée; 2) des fragments d'un petit vase du type des coupes. Il est possible que tous ces restes appartiennent au complexe de la sépulture № 1 (p. 230, fig. 29, pl. VIII 1—3). Sépulture № 5: située à côté de la sépulture № 2, à laquelle elle était entièrement semblable, sauf qu'elle ne possédait aucun mobilier (p. 230, fig. 31). Sépulture № 6: petit amas d'os sans mobilier, situé au centre du tumulus à l'intérieur du revêtement de pierres circulaire, au voisinage immédiat de la sépulture № 3, dont il représentait peut-être la partie détruite. La fosse mortuaire n'était pas reconnaissable, mais le remaniement des couches du sol était très considérable. On a trouvé dans ces couches à divers niveaux: 1) instrument en silex, 1 éclat de silex et 2 fragments de céramique (p. 226, fig. 25).

Outre ces deux tumulus explorés à l'aide de

fouilles, la mission a examiné le tumulus № 2a, récemment détruit, dans les restes duquel elle a cerueilli une quantité importante de fragments de céramique, pour la plupart richement ornements et tout à fait dignes d'être scientifiquement étudiés; au cours des travaux de cabinet, on a réussi à assortir et à coller ensemble les tessons de manière à obtenir sinon des vases entiers, du moins des portions de vase suffisantes pour permettre de juger de leur forme et de leur aspect. On a reconstitué ainsi les types de ces vases — gros pots «bombiformes» à deux anses plates, richement ornés d'un décor en cordon et angles fait par estampage, non rencontrés dans les fouilles de la mission et n'existant pas dans les collections du musée de Nalčik (pp. 214—215, fig. 3, 4, pl. I—III).

Les matériaux fournis par les tumulus fouillés par la mission dans le parc Kabardinskij et les collections correspondantes du Musée Kabardino-Balkarien se répartissent en deux groupes d'âge et de stade différents, bien que liés génétiquement entre eux. Le premier, déterminé suivant la périodisation adoptée pour le Caucase du Nord comme «stade II», comprend: sépultures №№ 1—3 et mobilier funéraire du tumulus № 2, majeure partie des restes du tumulus détruit № 2a, sépulture № 1 (et № 4) du tumulus № 4 et nombreuses pièces de musée provenant des tumulus fouillés ou détruits du parc Kabardinskij, du village de Solomenka, de la station Prišibskaja, des villages de Svetlovodskoe, Kyzburum III, etc. Le second groupe, qui appartient au «stade III» de notre périodisation, moins bien étudié, mais d'une importance capitale pour l'ethnogénèse et l'histoire de la culture matérielle des peuples caucasiens modernes, renferme les sépultures №№ 2 et 5 du tumulus № 4, une partie de la céramique du tumulus № 2a, qui se rattache aux collections de musée, provenant du village de Kammennomostskoe, etc. La sépulture № 3 (et № 6) du tumulus № 4, et surtout la sépulture № 4 du tumulus № 2, semblent occuper une position intermédiaire.

Les monuments funéraires du «stade II» sont caractérisés avant tout par un tertre bien formé, parfois de très grandes dimensions, généralement édifié en plusieurs fois et très souvent recouvert d'un revêtement en pierre. Ces tumulus recèlent presque toujours plusieurs sépultures plus ou moins équivalentes par leur position et leur mobilier. On peut noter une tendance naissante à donner un caractère plus au moins défini à la tombe individuelle sous forme de fosse creusée dans le sol naturel, entourée ou comblée de pierres et, à la fin de la période, sous forme de ciste. Les squelettes ont une posture plus ramassée qu'au «stade I», mais la coloration des os est moins intense. L'orientation des squelettes et leur position sur le flanc droit ou gauche sont indéterminées et ne se prêtent à aucune explication scientifi-

que. Un trait assez constant est la présence de restes de foyer au-dessous (plus rarement au-dessus) du squelette (pp. 231—232). Le mobilier est relativement riche et uniforme. En tenant compte des collections de musée, on peut fixer sa composition comme suit.

Instruments: grattoirs en silex, parfois en obsidienne, grands et petits, de formes spécifiques, lames-couteaux et instruments tranchants en silex, atypiques, pièce d'insertion du type de celles pour faucilles et beaucoup d'éclats de silex avec quelques éclats d'obsidienne; en outre, pierres à aiguiser en grès, généralement utilisées aussi comme petites enclumes pour des besognes inconnues et repassoir en pierre probablement pour le travail des peaux (pp. 234—237, fig. 32). Les armes sont pauvrement représentées: marteau en pierre rhomboïdal sans oeil, haches-marteaux polies caractéristiques à oeil et talon obtus étiré en arrière; l'usage des flèches (et par conséquent de l'arc) est attesté par des «redresseurs» en pierre pour hampes de flèche qu'on a incorrectement nommés «moules à couler»; les collections du musée contiennent un certain nombre de poignards en cuivre foliiformes de type commun (pp. 237—240, figs. 28, 3; 33, 1, 2; 35, 10; pl. X, 1; XI, 1, XIII, 5).

La poterie est ordinairement très abondante. Types fondamentaux: A. Pot d'assez grandes dimensions, d'une forme sphérico-ovoïdale harmonieuse avec deux anses plates en forme d'anneaux, en général non ornementé. B. Vases «bombiformes» avec des anses semblables, mais souvent plus petites; d'ordinaire richement décorés par estampage au cordon ou à l'aide d'un objet anguleux ou tubulaire, plus rarement ornement composé de traits. On rencontre aussi des formes intermédiaires (pp. 240—44, figs. 33, 4; 40, 10; pl. I, 1, 4; IV, 2; VII, 2; VIII, 3; IX, 1—3; XI, 1; XII, 1, 6; XIII, 1, 2). C. Petits pots munis d'une anse qui leur confère un caractère de gobelet (pp. 244, pl. IX, 4—6, XIII, 3). D. Petits pots sans anses (pp. 244—245, pl. IX, 7—9). E. Coupes à boire de petites dimensions sans anses ou avec petites protubérances; se rencontrent à côté des grands vases ou à l'intérieur de ceux-ci (pp. 245, fig. 16, b 17, pl. IV, 3). F. Écuelles ou plats de deux types: plats ou plus creux; renferment généralement des restes d'aliments carnés (pp. 245—246, fig. 32, 7; pl. IV, 1; VII, 1). G. Toutes petites écuelles à profil rectiligne d'un usage inconnu (pp. 246, pl. XIII, 7—8). 3. Spécimens isolés de vases atypiques fort différents de forme et d'ornementation, mais de dimensions restreintes, à goulot rétréci et oreillettes de suspension, répondant au type du «flacon» ou de l'alabastrite primitif (pp. 246—247, pl. IV, 4). La forme et la décoration de la céramique se distinguent par leur fini, leur harmonie et l'unité des procédés appliqués. Le procédé d'ornementation fondamental est l'estampage au cordon; ce dessin

est souvent associé à d'autres motifs. Certains détails, comme par exemple la forme des anses, peuvent servir à la datation (pp. 247—248).

Les objets de parure du corps et des vêtements sont représentés dans les monuments ici étudiés avec le plus d'abondance et de diversité. Ils comprennent: 1) épingles ou épingles à cheveux en cuivre de petite dimension, à tête en forme de double volute ou de cornes de bélier; ont beaucoup d'analogues dans les autres régions (pp. 249, figs. 28, 2; 34, 5; pl. X, 2); 2) épingles ou épingles à cheveux en cuivre d'assez grande dimension, à tête en forme de bobine; ont quelques analogues dans l'Ossétie septentrionale et l'Iméréthie (pp. 249—254, figs. 28, 1, 34, 4; XVI, 1); 3) épingles ou épingles à cheveux en cuivre d'une dimension encore plus grande, à tête originale en forme de fourchure compliquée, en général abondamment ornée de motifs en cordon ou anguiformes; tout-à-fait endémique et sans analogues ailleurs (pp. 254—256, figs. 34, 3; 35, 1, 2; 37, 3; 38, 1); les épingles des deux derniers types ne sont connues que par des trouvailles isolées, et leur position auprès du squelette et les fonctions qui en découlent n'ont pas été établies; 4) pendeloques rondes plates en cuivre généralement ornées, servant de parure temporaire (pp. 258; fig. 356, 1—4, 12; 35, 47; pl. XI, 5—8); 5) «anneaux temporaires» en fil de cuivre d'une forme ronde caractéristique de cette période, d'ordinaire à 1½ tour (pp. 258); 6) pendeloques de cou en cuivre en forme de cordon tortillé avec petite boucle à un bout et petite tête à l'autre; nombreuses variantes en nombreux analogues (p. 258—260; fig. 12, 2; pl. XVII, 7; XVIII, 1, 3); 7) pendeloques de cou en dents perforées de cerf et d'autres animaux, et leurs imitations en cuivre (pp. 260—262); 8) perles en cuivre, faites d'une bande enroulée, de forme très simple cylindrique ou en tonnelet (pp. 260); 9) perles en pâte vitreuse, le plus souvent de forme cylindrique, plus rarement sphérique ou lenticulaire, ordinairement de couleur blanche, parfois jaune, grise ou bleue (pp. 262); 10) perles en matière organique pétrifiée, non entièrement déterminée, en forme de cupules avec orifice au centre (pp. 262—263); 11) bracelets — cubitières spirales faits d'une bande de cuivre à section triangulaire ou rhombique (pp. 263); 12) bandeaux frontaux en cuivre avec orifices aux extrémités, parfois décorés d'un ornement peu compliqué au poinçon (pp. 256—258).

L'ensemble de ces objets peut donner une idée assez exacte de l'âge et de la distribution territoriale des monuments étudiés. La stabilité dans le temps des complexes funéraires, les types déterminés de poterie, d'épingles et d'autres objets de parure métalliques, le caractère achevé des motifs ornementaux, qui constituent un système complet, permettent de faire de l'aire d'extension des monuments de

ce genre une micro-région archéologique particulière Kabardino-Piatigorskienne. Cette micro-région embrasse Nalčik et environs, la zone d'avant-pays de la Kabardie et le territoire s'étendant plus à l'est jusqu'à la ville d'Ordžonikidze et à l'ouest toute la région de Piatigorsk, trouvant son analogue assez proche quoique non entier dans les tumulus de Konstantinovskaja (bassin du Kouban). Les analogues d'objets ou de types séparés se propagent beaucoup plus à l'ouest, jusqu'à la région de Majkop et le fleuve Kouban et au nord dans les steppes, diminuant rapidement à mesure qu'on s'éloigne des montagnes; dans la direction de l'est, les analogies épisodiques elles-mêmes sont très rares. Certains liens soit de survivance, soit synstadias rattachent aussi cette micro-région archéologique à la zone purement montagneuse du Caucase occidental et s'étendent même, dans certain cas, jusqu'au versant sud de la chaîne Principale. Enfin, on ne peut se la représenter (comme toute autre, du reste) sans rapports plus ou moins étroits avec les monuments de la Transcaucasie, tant occidentale qu'orientale (v. la carte) (pp. 265—267, fig. 41).

Les matériaux rassemblés par la mission Nord-Caucasienne ne fournissent que peu de données nouvelles pour une datation absolue des monuments étudiés et par conséquent du «stade II». On pourrait relever certaines affinités avec le «dépôt de Priam», «le dépôt dans la jarre» sous le plancher du temple de Byblos et quelque autres monuments de l'Asie Antérieure ne remontant pas au delà du IIme millénaire avant notre ère, mais on ne peut prétendre à une datation plus précise, bien qu'il soit impossible de concevoir tout le matériel funéraire du „stade II“ ou même de la région explorée comme monolithe et statiquement invariable. Si nous tenons compte des dimensions et de la dynamique de la culture assez complexe et développée du «stade II» dans la région Kabardino-Piatigorskienne nous devons lui attribuer au moins tout le IIme millénaire avant notre ère, avec pénétration peut-être dans la fin du IIIme millénaire et prolongement de quelques-uns de ses phénomènes dans le premier quart du Ier millénaire avant notre ère (pp. 268—269).

La richesse et la diversité relatives du mobilier funéraire des tumulus étudiés nous mettent en mesure de tirer certaines conclusions touchant l'objet et la technologie de la production dans la société donnée. Les trouvailles d'os de menu bétail à cornes dans les restes de nourriture et de pièces d'insertion se rapportant apparemment à des faucilles, en même temps qu'une série de données indirectes attestent l'existence de l'agriculture et de l'élevage mais à une échelle modeste, ce qui nous oblige à supposer la coexistence de branches auxiliaires de pro-

duction d'aliments — chasse, ramassage, etc. On en a la confirmation dans les documents ethnographiques (pp. 269—270). Le mobilier funéraire détermine d'une manière suffisamment complète la production domestique des instruments et des objets usuels. Le travail de la pierre se caractérise par un dualisme marqué: la technique primitive du travail du silex produit souvent une impression fort archaïque et s'allie mal avec le niveau élevé du travail de la pierre polie (haches-marteaux perforées, non seulement en serpentine tendre, mais aussi en diorite dure, en roches andésitiques etc.) (pp. 270—271).

Un trait caractéristique des monuments étudiés est la place minime qu'y occupe le travail de l'os, qui se réduit presque exclusivement à l'adaptation des dents, des épiphyses de fémur, etc. à des fonctions ornementales, etc. (p. 271).

Le travail des matières textiles est nettement révélé par l'ornement «en cordon» ordinaire, sous forme d'empreinte positive en céramique et d'empreinte négative dans le coulage du cuivre, qui établissent l'existence du tordage de cordons de divers genres (tordus à droite ou à gauche) faits de deux ou trois touffes de fibres ou davantage, du tressage de rubans compliqués et peut-être du tricotage au crochet. L'ensemble des données recueillies ne permet pas de constater l'existence du filage et du tissage dans les monuments étudiés (pp. 271—273).

L'art de la céramique se dégage d'une manière suffisamment complète. Toute la vaisselle d'argille était façonnée à la main, sans l'aide du tour, mais présente de grandes différences dans la qualité de la pâte, la précision de la forme et le travail de la surface. La qualité de la matière première n'est pas élevée, ce qui est caractéristique des régions de montagnes; la température de cuisson atteignait seulement 600—870°. Les vases étaient confectionnés probablement par le procédé du ruban, les anses sont toujours ajoutées; la surface est la plupart du temps égalisée et assez souvent polie. Le procédé dominant dans l'ornementation était l'estampage au cordon ou à l'aide d'un objet anguleux ou en anneau, appliqué sur l'argile humide après la polissure et l'achèvement du travail de la surface; toutefois les détails de la technique de l'ornement au cordon, parfois très compliqué comme composition, sont encore insuffisamment éclaircis (pp. 273—275).

L'étude détaillée et l'analyse intégrale des objets métalliques permet de voir en eux le produit des premières étapes de l'industrie du cuivre locale basée sur les minerais sulfureux polymétalliques mêlés d'éléments accessoires caractéristiques tels qu'arsenic, etc. C'est à la présence de ces éléments que sont dues la haute fusibilité des minerais (au-dessous de 0°), la belle surface brillante de la pièce coulée, mais aussi la fragilité considérable de l'alliage

obtenu («bronze gris» des archéologues) qui exclut le forgeage. L'analyse de quelques-uns de ces objets montre un progrès technologique ultérieur dans le sens de la purification de la masse cuivreuse. L'importance croissante du forgeage dans la confection d'abord des longs fils étirés des épingles figurées, de lames de poignard, etc., puis d'objets en mince feuillés de cuivre forgée, peut donc servir dans une certaine mesure à la datation relative des complexes étudiés. Le système prépondérant de la fonte et même probablement l'unique, qui, soit dit en passant, donnait un produit de très haute qualité, était le procédé de la fonte à cire perdue (pp. 275—280).

L'énumération ci-dessus n'épuise certainement pas toutes les branches de production propres à la société de «stade II» dans la région étudiée, mais les autres n'ont laissé, et ne pouvaient laisser, aucun document matériel. On ne peut douter toutefois du large emploi dans ce milieu en qualité de matériaux d'oeuvre, du bois, de l'osier et de l'écorce, ni surtout du travail des fourrures et des peaux, attesté semble-t-il par la trouvaille du lissoir en pierre dont il a été question plus haut (pp. 280).

Toutes les catégories d'objets contenues dans le mobilier funéraire ne peuvent être déduites des conditions de production locales, et pour certaines d'entre elles il est nécessaire d'admettre une importation. Telles sont les perles en pâte blanche ou de couleur, qui ont des affinités est-méditerranéennes, affinités, qui, selon toute probabilité, expliquent aussi la ressemblance marquée existant entre les pendeloques en cuivre en forme de cordonnet tortillé et les pendeloques en or du «trésor de Priam». On ignore totalement l'origine des perles cupuliformes en matière pétrifiée, qui se rencontrent en quantité beaucoup plus grande dans les régions voisines. Un peu mieux élucidés sont les rapports d'échange avec les régions steppiques voisines, à l'influence desquelles il convient d'attribuer certains types de céramique, par exemple les pots à large goulot avec ornement au trait; au contraire, certains objets en cuivre caractéristiques de la région étudiée se constatent aussi en nombre restreint dans les régions steppiques s'étendant plus au nord jusqu'au bas cours de la Volga. Quoi qu'il en soit, le rôle de cet échange dans la culture considérée est peu important, ses voies ne se laissent pas scientifiquement déterminer pour le moment et les opérations d'échange durant tout le «stade II» ont dû avoir ici un caractère irrégulier et sporadique (pp. 280—282).

Les travaux de la mission fournissent beaucoup moins de données pour les déductions touchant les phénomènes idéologiques que ceux de la production matérielle. L'idéologie de la société étudiée se caractérise par le règne des représentations agraro-cosmiques (tombe-tumulus-voûte-ciel), le reflet dans le rituel funéraire du

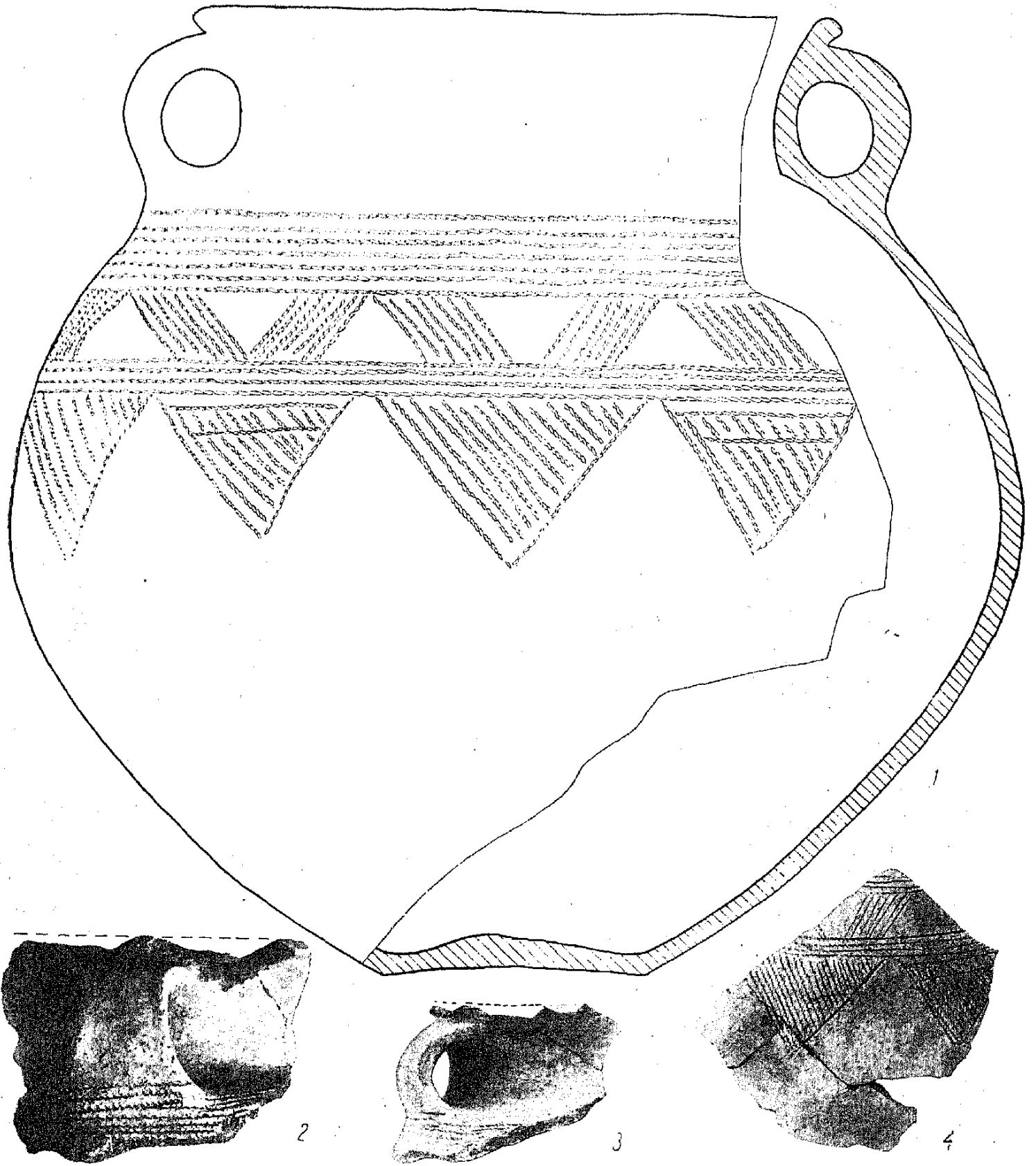
culte des ancêtres selon la formule: vie d'outre-tombe — vie terrestre, l'interprétation magique de tous les éléments de la production et de la vie quotidienne, l'élaboration sous cet angle d'un système d'ornementation établi presque exclusivement sur les éléments du cercle solaire, du cordon et du serpent, le développement de représentations culturelles phalliques (au sens exact du terme) et l'apparition parmi les motifs magiques de la figuration du bélier (avec accentuation de son caractère sexuel). Dans le domaine social, vu le nombre tout-à-fait insuffisant des monuments étudiés et l'absence de matériaux provenant de localités synchroniques, nous en sommes réduits à supposer assez schématiquement que la société de la période étudiée se trouvait aux premiers stades de la décomposition de la communauté primitive et a passé graduellement au régime patriarcal — processus qui a commencé sans doute plus tôt que cela ne s'est reflété dans le rituel funéraire, mais qui n'a reçu une forme organisée qu'au stade suivant, le «stade III» (pp. 282—286).

Des sépultures plus récentes secondaires du «stade III» ont été découvertes au cours des travaux de la mission dans les deux tumulus fouillés, et, autant qu'on en peut juger par les restes de mobilier, se trouvaient aussi dans les autres tumulus détruits et pillés. Les traits distinctifs de ces sépultures sont la position allongée du squelette, placé parfois sur un foyer, et la forte diminution du mobilier, qui consiste d'ordinaire en un seul vase. Le gros pot sans anses à ornement sculpté et pincé trouvé à l'extrémité de la sépulture № 2 dans le tumulus № 4 et qui a des analogues assez proches dans la région de Piatigorsk voisine, est intéressant du fait qu'il montre des éléments intermédiaires réalisant la transition des vases du «stade II» à ceux des cimetières évolués typiques du «stade III» situés près du village de Kamenomostskoe et autres déjà dans la zone montagnaise. Les modifications du rituel funéraire, qui s'accroissent avec le temps, peuvent se résumer comme suit dans l'essentiel: 1) remplacement graduel de la position ramassée du cadavre par la position allongée sur le dos, 2) passage successif de la sépulture par groupe dans une seule construction funéraire à la tombe individuelle avec évolution correspondante de la construction funéraire — utilisation des tumulus déjà existants, petits tumulus au-dessus de la tombe isolée, tombe entièrement creusée dans le sol et aménagée avec beaucoup plus de soin (forme dominante: ciste);

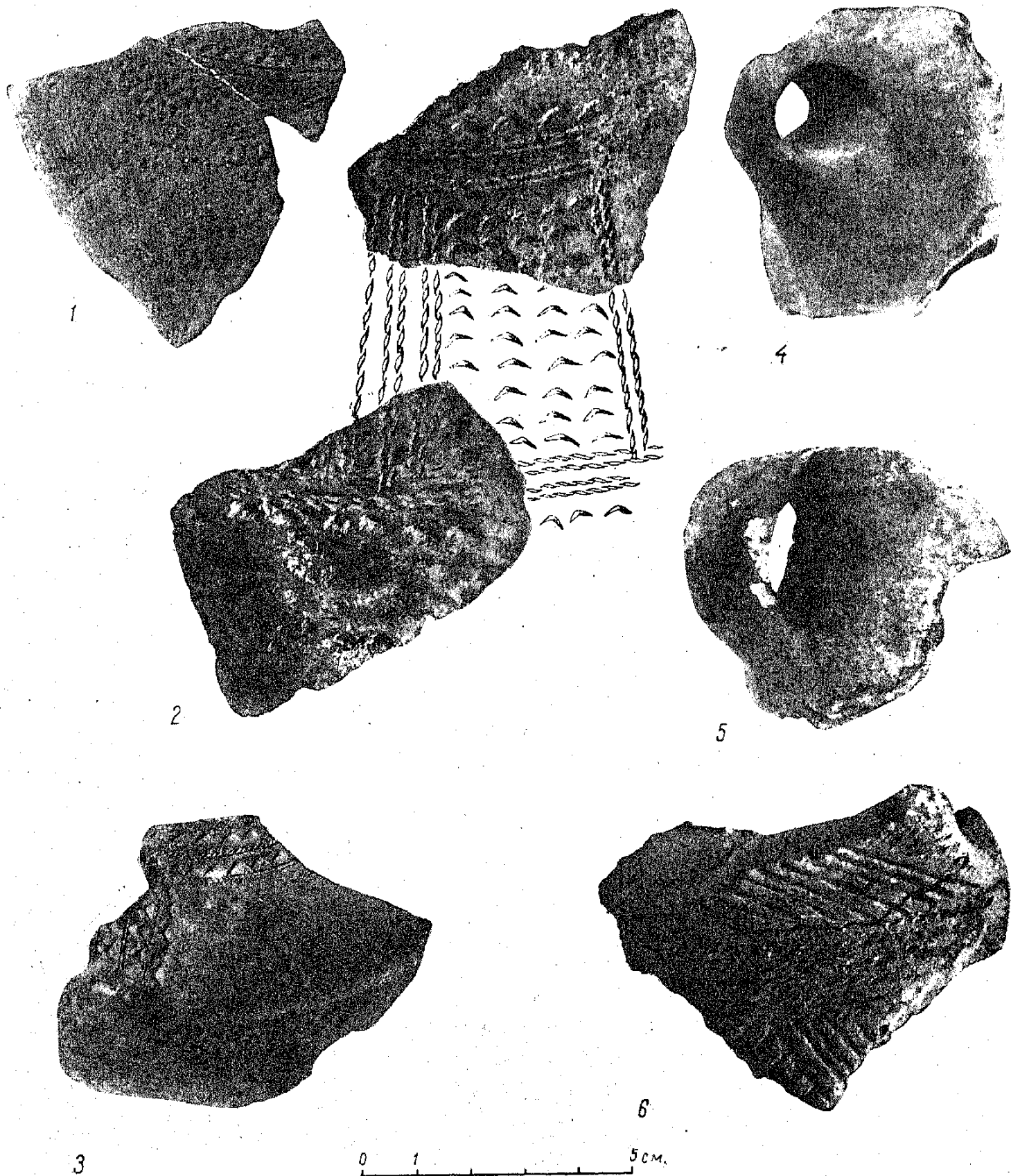
3) remplacement graduel des provisions en aliments, boisson et objets usuels placées auprès du mort par leur représentation symbolique sous forme d'échantillons d'aliments dans un seul vase, de copies réduites ou de fragments des objets et autres procédés semblables; en même temps, développement du repas de commémoration sur la tombe fait par les parents vivants (pp. 286—290).

Le trait définitif qui acheva la formation du «stade III» fut le transport graduel de l'habitat plus haut dans les montagnes, au fond des gorges, sous l'influence des besoins croissants de l'élevage. Dans ce milieu naturel tout-à-fait différent, l'économie se caractérise par les traits suivants: développement considérable de l'élevage du bétail laitier et du mouton à laine et à viande, sans que pour cela cesse l'agriculture, qui passe maintenant au labourage; nouvel épanouissement de la chasse; dans le domaine des industries domestiques: large application du filage et du tissage de la laine, qui changea radicalement le système de l'habillement — pour la première fois apparaît chez les Caucasiens la fibule, qui présente des types caractéristiques; le travail des métaux passe au bronze de qualité à composition constante et au fer, qui établit une limite technologique entre le «stade II» et le «stade III»; le procédé dominant devient la fonte en série du bronze dans des formes et, surtout, le forgeage, qui, en fin de compte conduit à l'individualisation du métier de forgeron; enfin, le passage dans un milieu riche en forêts et pauvre en argile stimule le travail du bois et en particulier amène le remplacement par la vaisselle en bois de la céramique, qui disparaît peu à peu du mobilier funéraire (pp. 290—291). Dans le domaine des arts plastiques, les traits fondamentaux de l'époque sont le développement de la sculpture sous forme de figurines animales en bronze et la géométrisation de l'ornement, le remplacement de l'empreinte de cordon en céramique par le trait gravé et la tendance à la composition verticale.

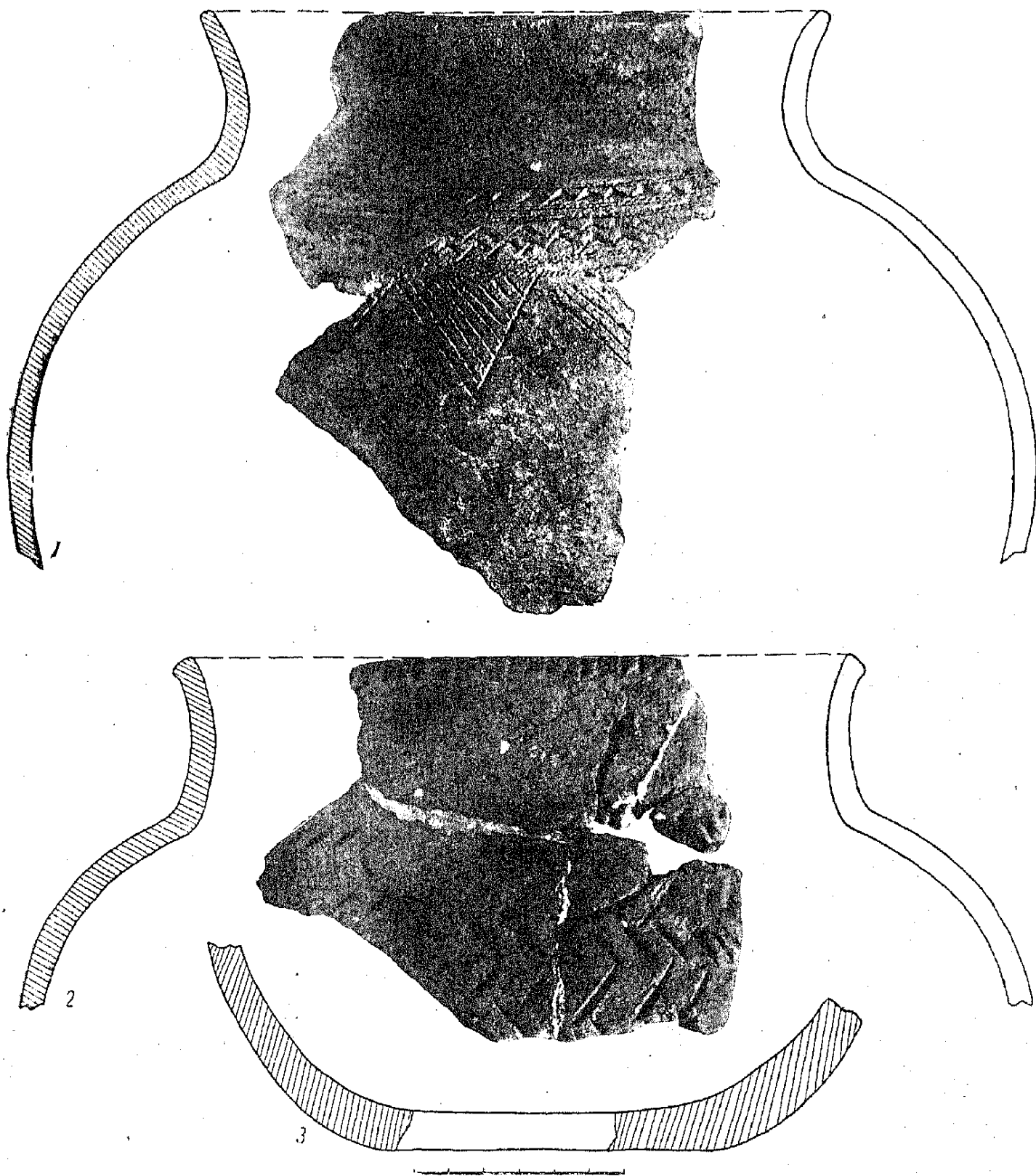
Un fait extrêmement important est que tous les éléments archéologiquement fixés du «stade III» apparaissent déjà au cours du «stade II», dont ils constituent le développement ultérieur dialectique, et que les traits essentiels de la culture matérielle et de l'idéologie du «stade III» survivent mutatis mutandis dans le milieu des tribus montagnards du Caucase jusqu'aux temps où ils ont été fixés et étudiés déjà par les méthodes ethnographiques.

Сосуд (84-2) из кургана № 2-а в Кабардинском парке. 1 — реконструкция; 2, 3 — ручка сосуда; 4 — фрагменты стенки с орнаментацией.

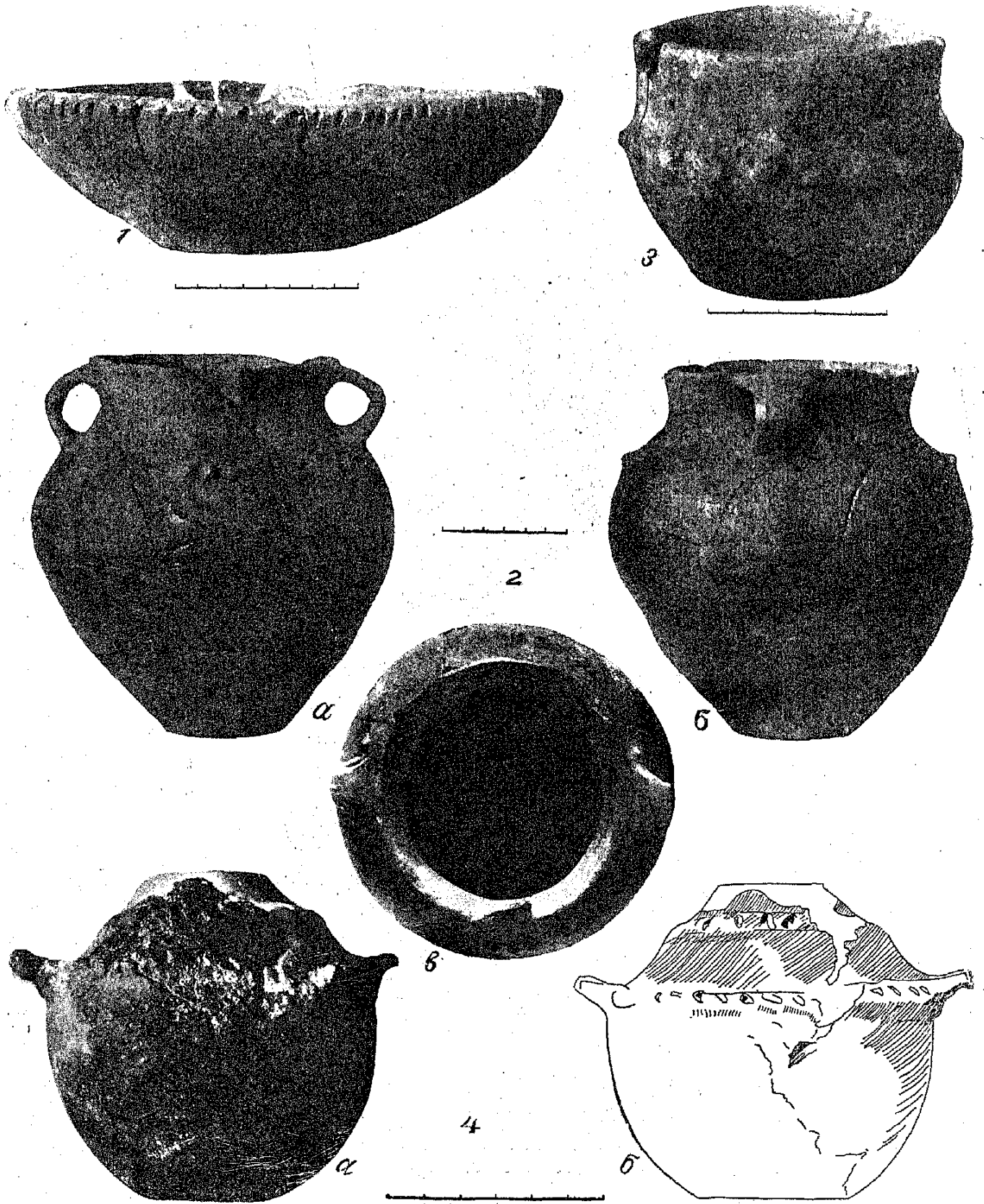

Керамические фрагменты из кургана № 2-а в Кабардинском парке.
 1, 2, 3 — фрагменты стенок с орнаментацией; 4, 5, 6 — фрагменты с ручками.

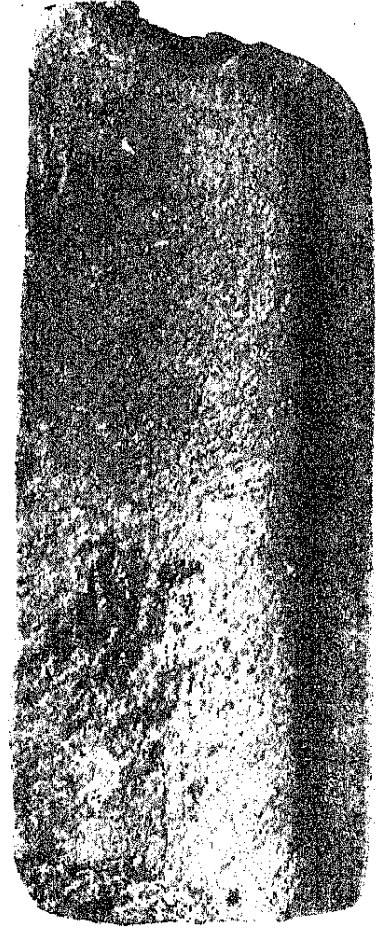
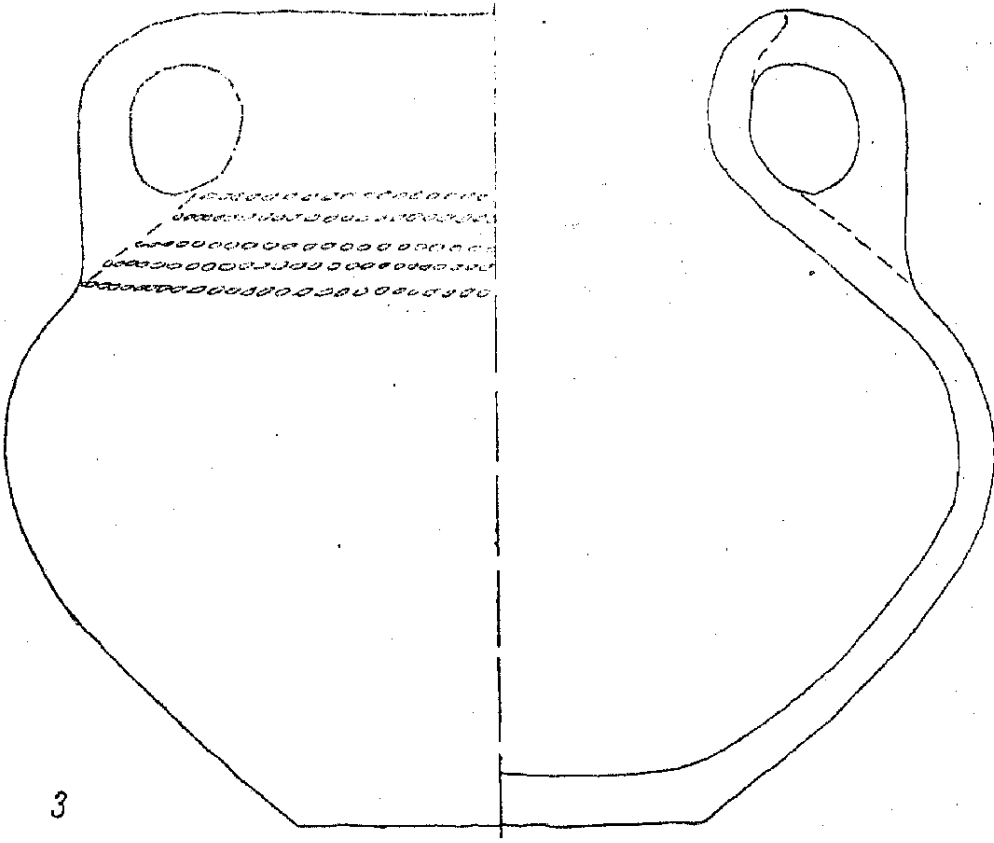
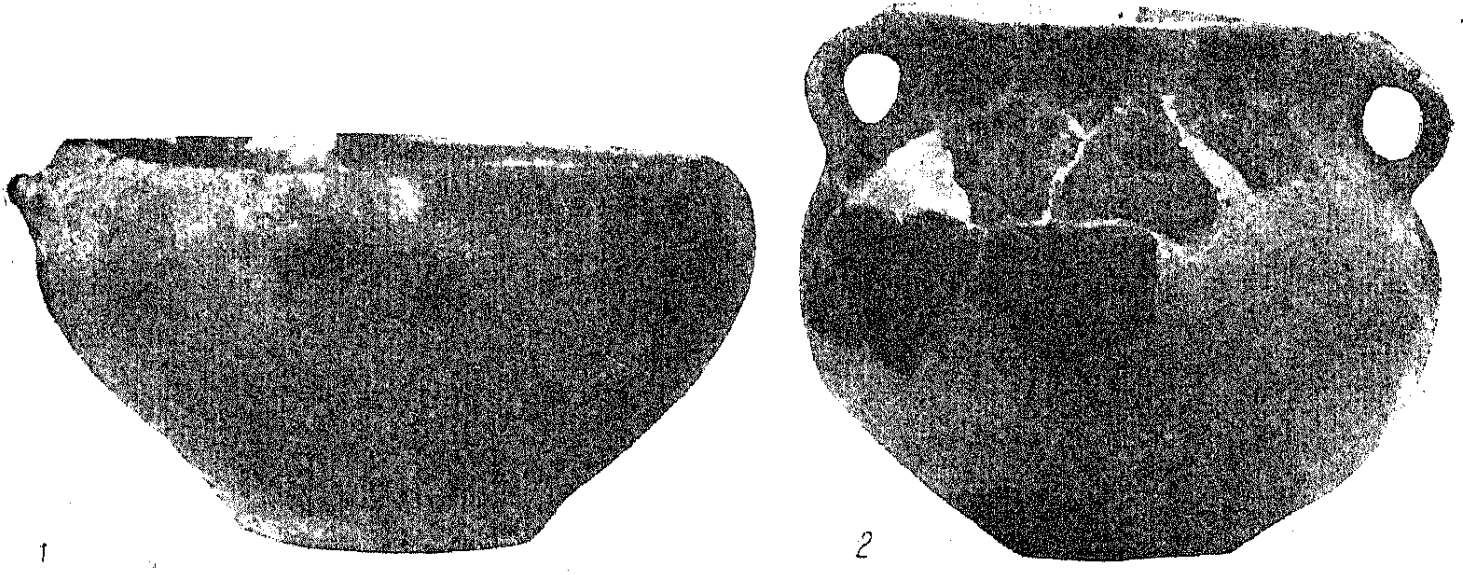

Керамика из кургана № 2-а в Кабардинском парке.

1 — верхняя часть сосуда (84-3) с орнаментом; 2 — верхняя часть сосуда (84-5) с орнаментом; 3 — днище сосуда (84-18).

Керамика из кургана № 2 в Кабардинском парке, погребение № 1.
 1 — миска; 2, а, б, в — горшок с двумя ручками; 3 — чашка-черпак; 4 — сосуд неопределенного назначения.

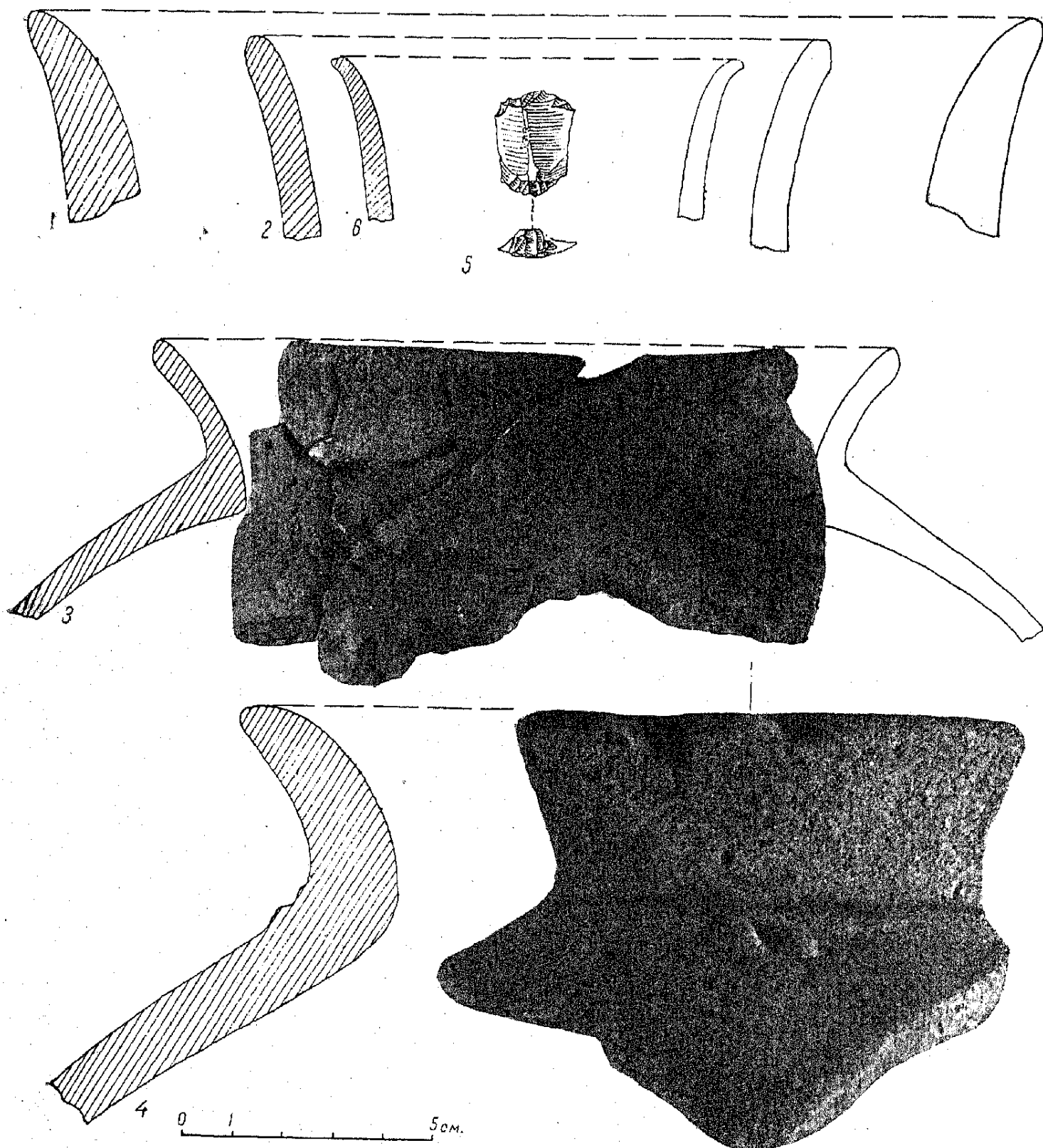

0 1 5см.

0 1 5см

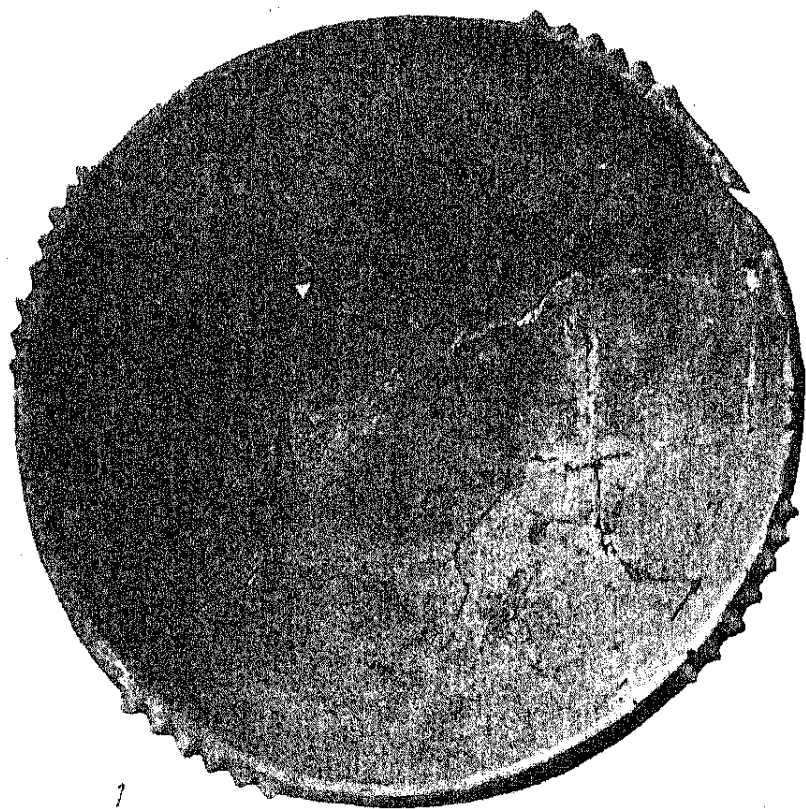
Керамика из кургана № 2 в Кабардинском парке.

1 — миска с двумя ушками из погребения № 4; 2 — горшочек с двумя ручками из насыпи (лит. Н); 3 — горшочек с двумя ручками из насыпи (лит. О) — реконструкция; 4 — фрагмент оселка.

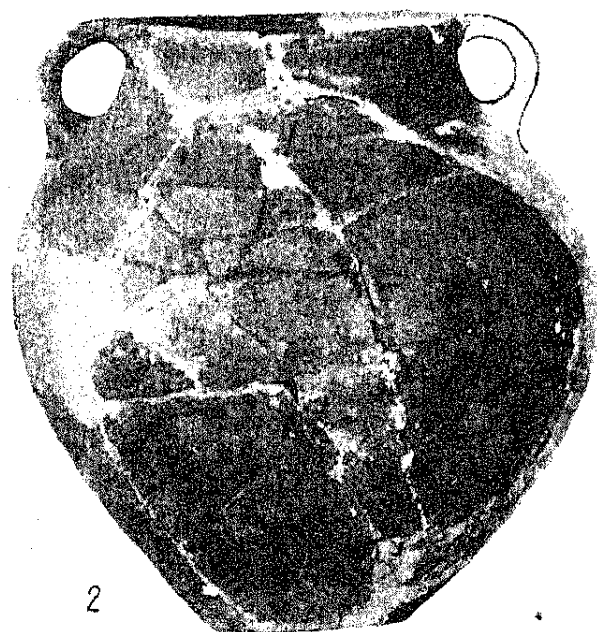
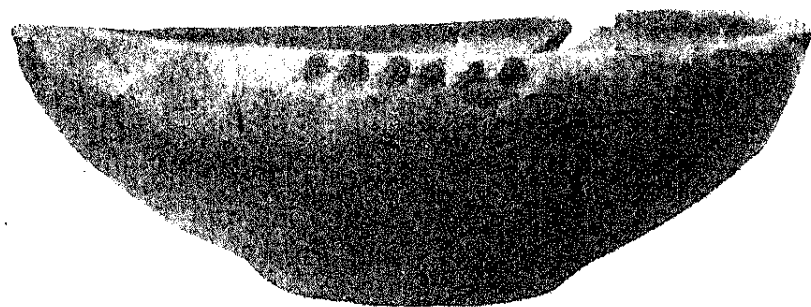

Находки в насыпи кургана № 2 в Кабардинском парке.

1, 2, 6 — венчики однотипных сосудов; 3 — верхняя часть горшка архаического типа; 4 — верхняя часть сосуда; 5 — кремневый скребок двусторонний.

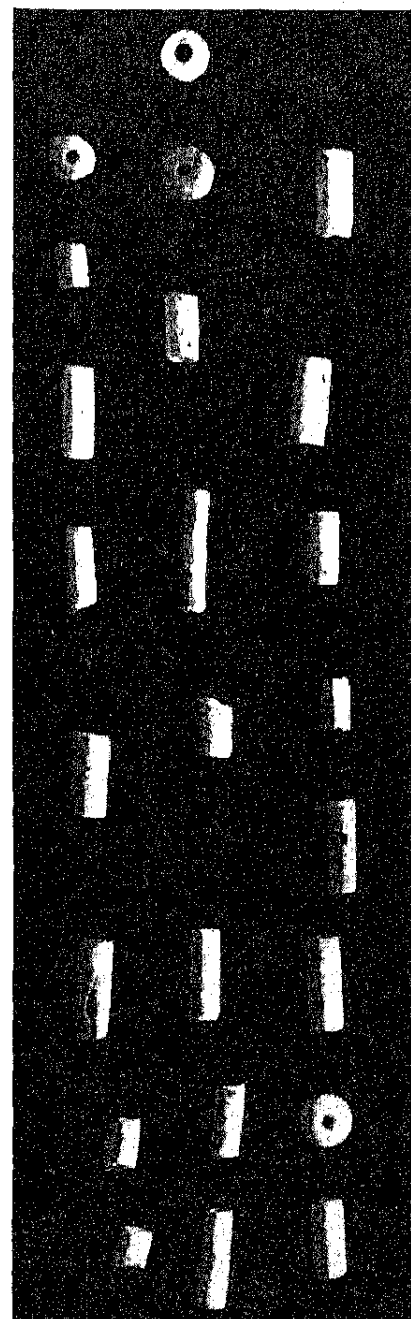
1

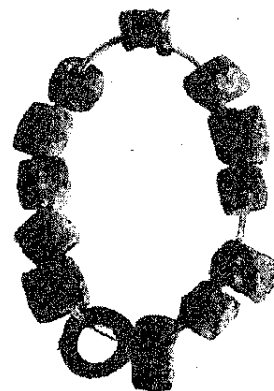
2

3

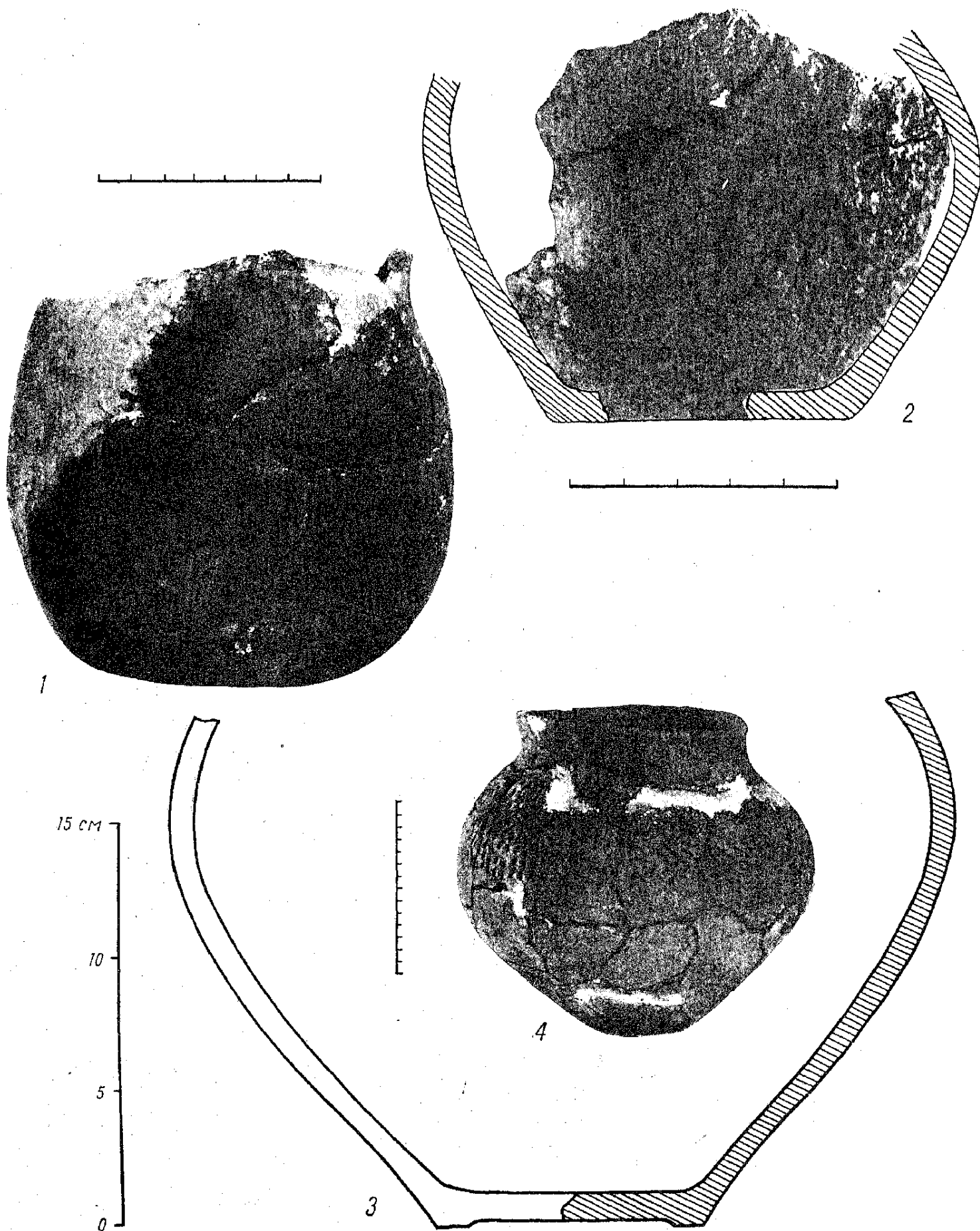
5

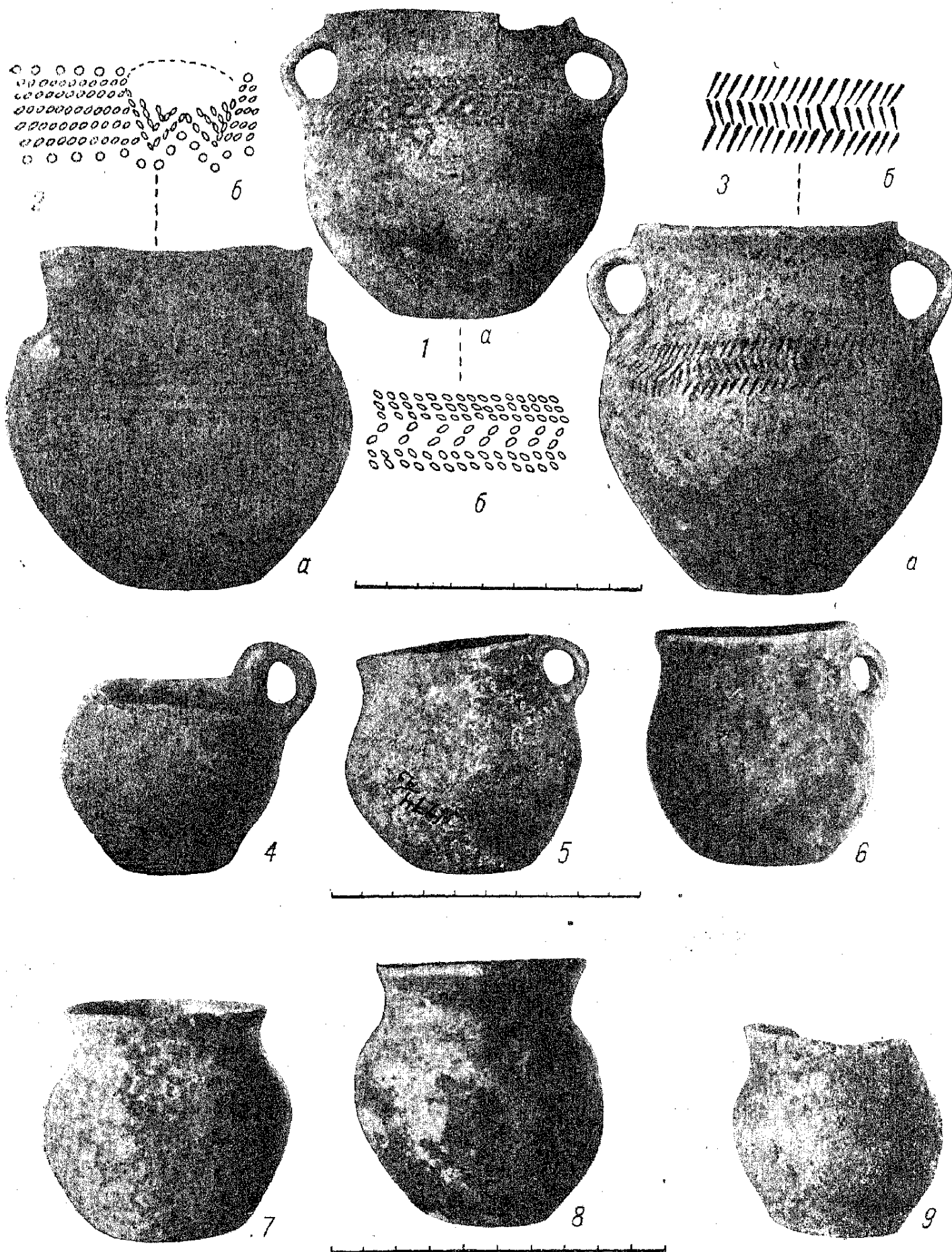
4

Находки из кургана № 4 в Кабардинском парке, погребение № 1.

1 — миска; 2 — горшок с двумя ручками; 3 — головка медной булавки; 4 — бусы медные; 5 — бусы пастовые белые цилиндрические плоская, округлые и чечевицеобразная.

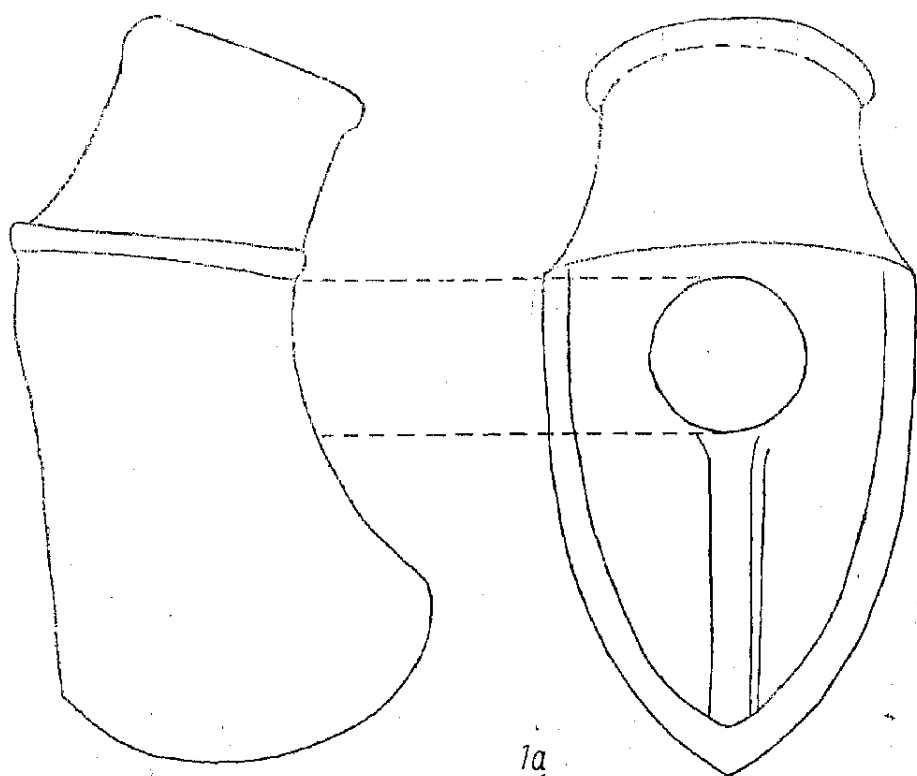

Находки из кургана № 4 в Кабардинском парке.
 1 — нижняя часть горшка из погребения № 4; 2 — сосудик для питья (?) из погребения № 4 (реконструкция); 3 — нижняя часть горшка из насыпи; 4 — орнаментированный горшок без ручек из погр. № 2.

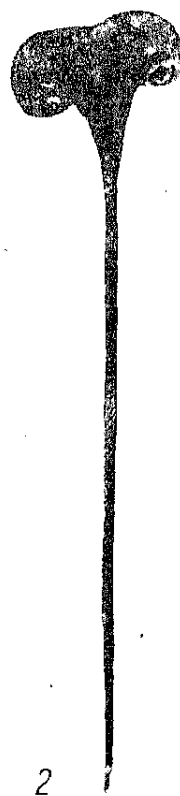

Керамика из дурганов в «садках».

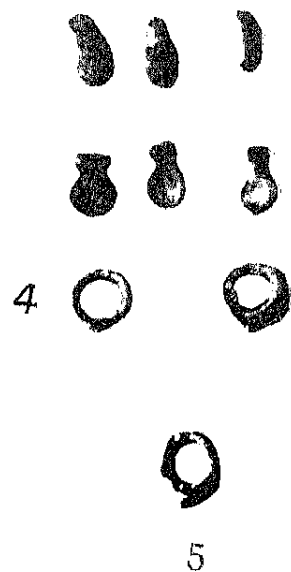
1, 2, 3 — горшки с двумя ручками (б — мотивы их орнаментации); 4, 5, 6 — горшочки с одной ручкой; 7, 8, 9 — горшочки без ручек (Нальчикский музей.)

1a

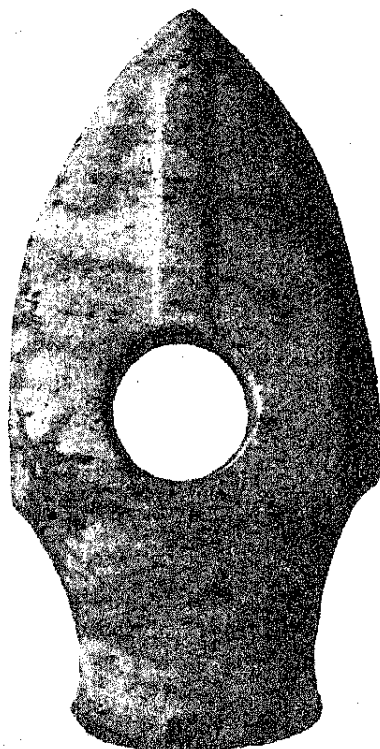

2

4

5

1b

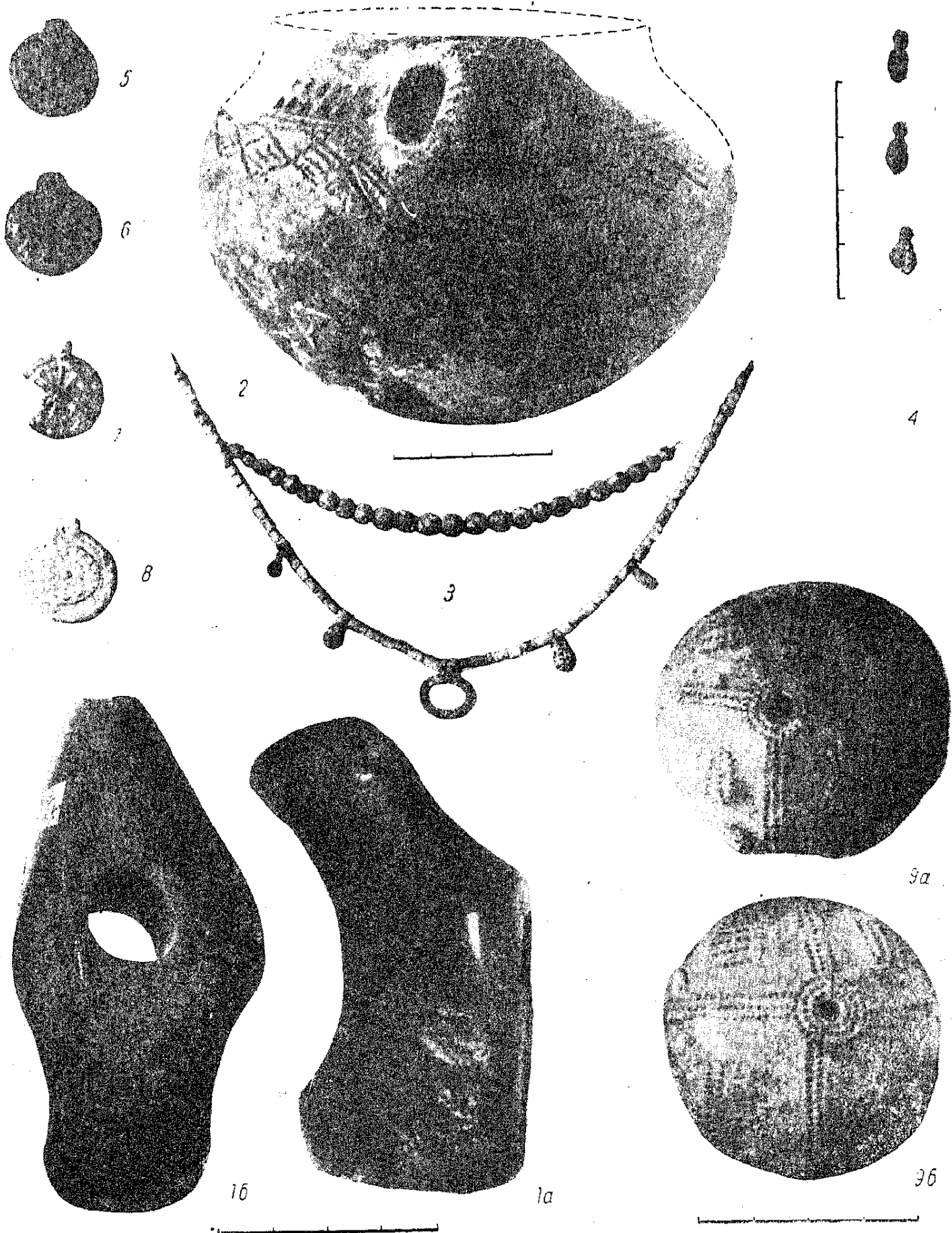

3

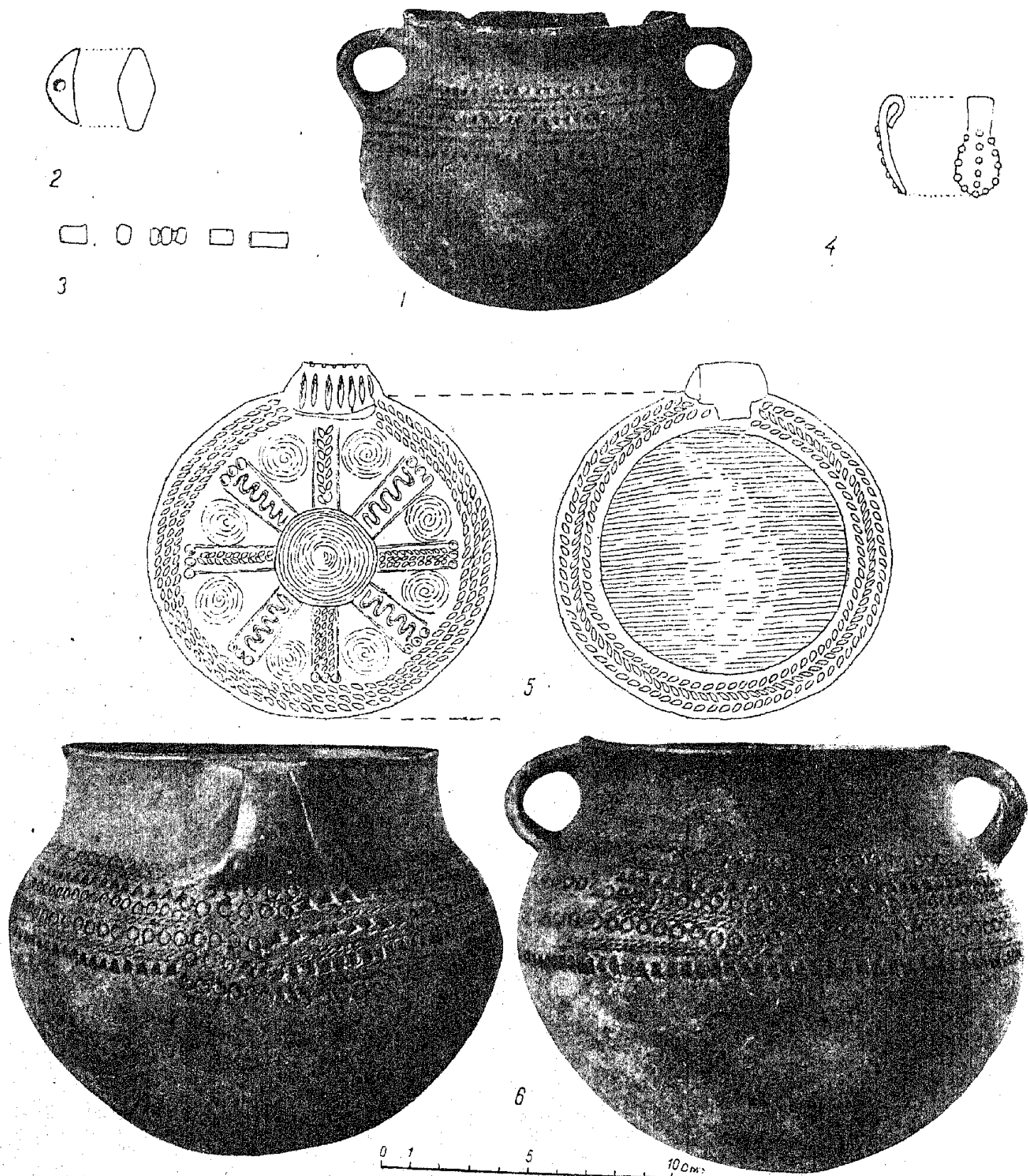

Находки из курганов в «садках».

1, a, б — каменный топор-молот, шлифованный (1929 г.); 2—5 — комплекс, раскопанный в 1925 г.; 2 — булавка медная; 3 — налобная лента медная; 4 — подвески медные (Нальчикский музей); 5 — «височные кольца» медные.

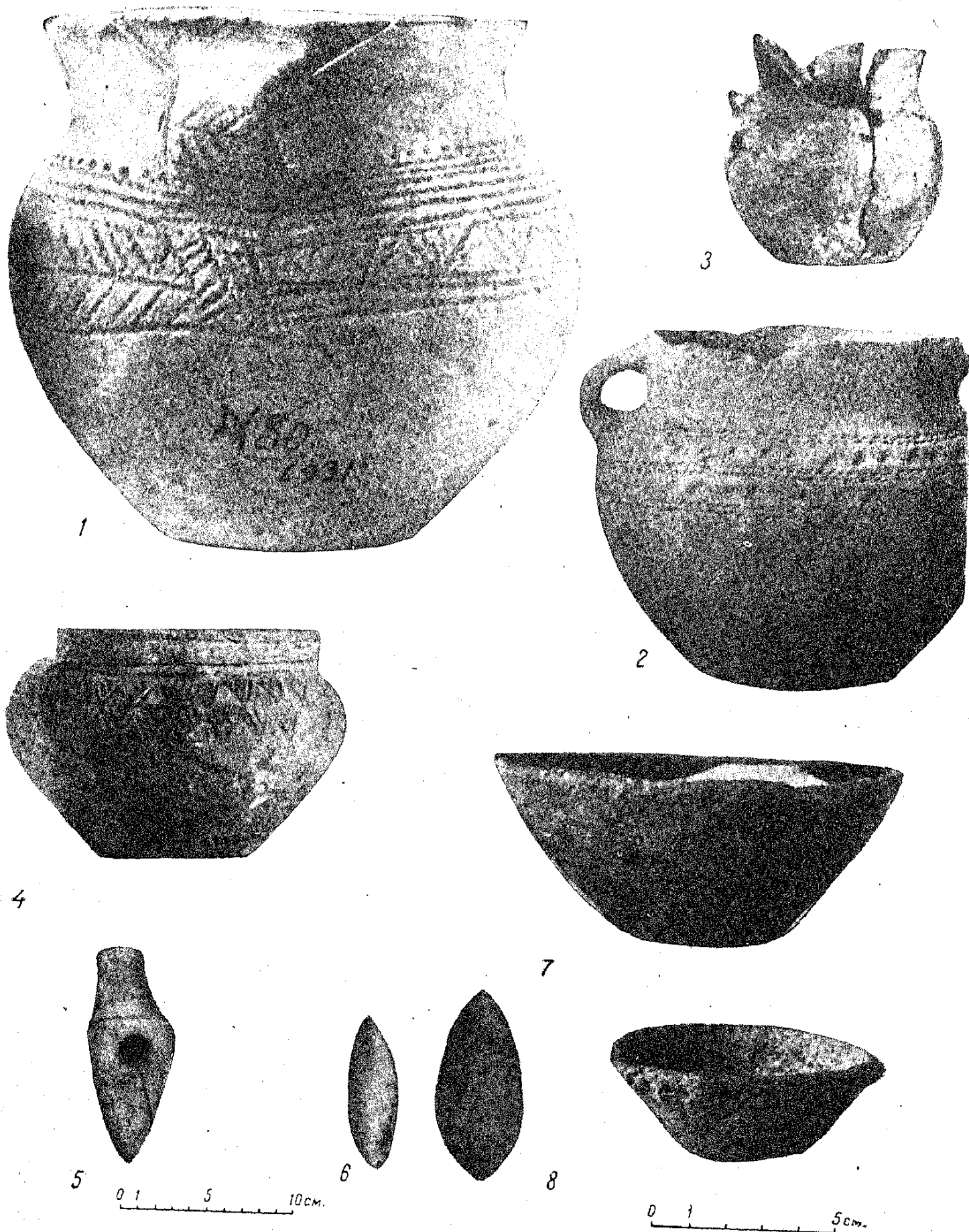

1 — каменный топор шлифованный (случайная находка из сел. Кишпек, инв. № 193/1924); 2—8 — находки из курганного погребения в сел. Кызбурун III; 2 — горшок с двумя ручками; 3 — элементы ожерелья (медь или бронза); 4 — подвески шейные (медь или бронза); 5—8 — подвески круговые с ушком (медь или бронза); 9 — курганное погребение в Кабардинском парке у так наз. «Советской дачи», Полушария с отверстием из медного (?) листа (комплекс 1923 г., отличный от рис. 35) (Нальчикский музей).

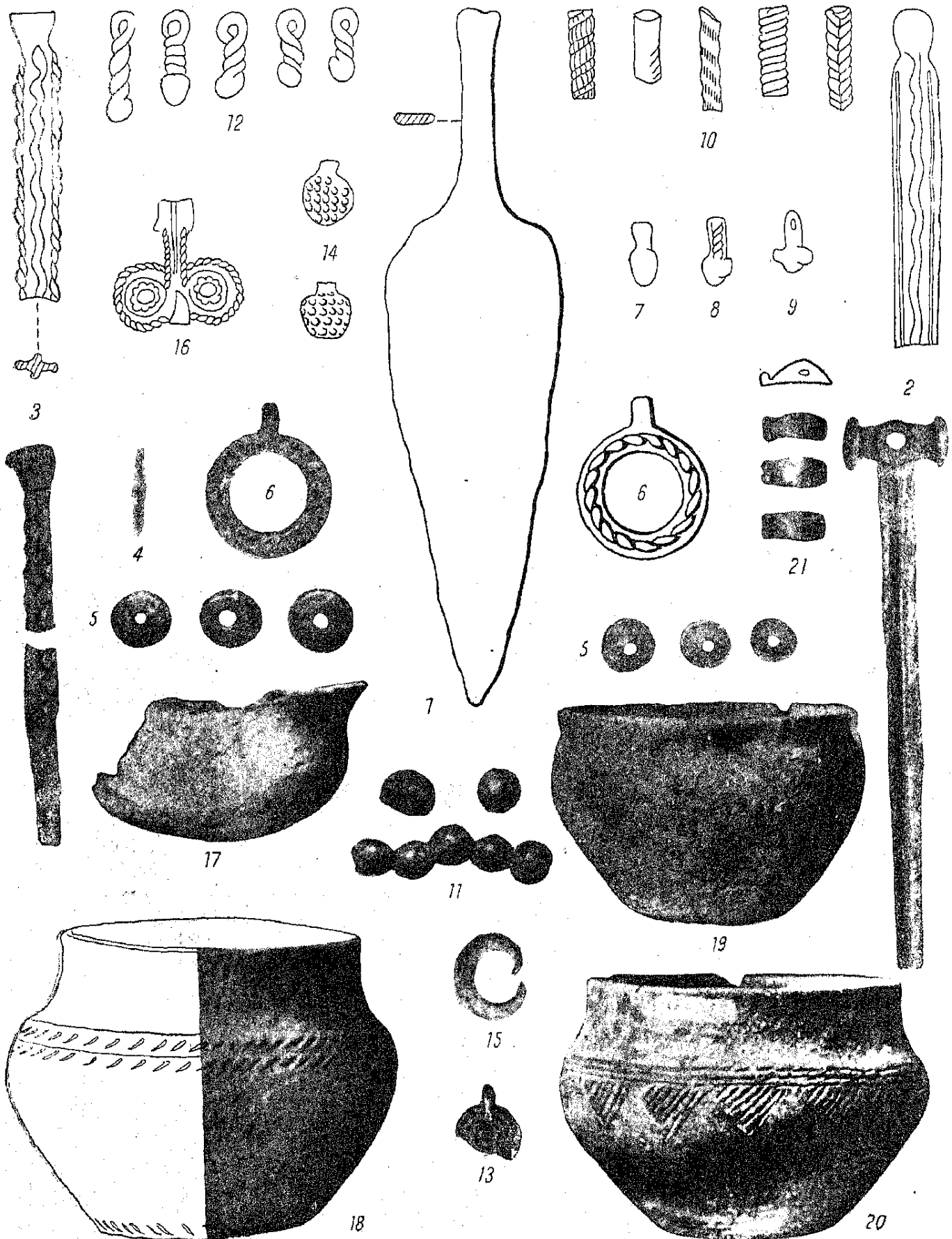

Находки из курганного погребения у сел. Светловодского.

1 — горшок с двумя ручками; 2 — прописка от браслета (?), „серая бронза“ (14 шт.); 3 — бусы пастовые серые; 4 — подвески шейные, „серая бронза“ (16 шт.). Находки из ст. Пришибской (Нальчикский музей); 5 — подвеска-„зеркало“ (?) с ушком, „серая бронза“; 6 — горшок с двумя ручками. (Нальчикский музей.)

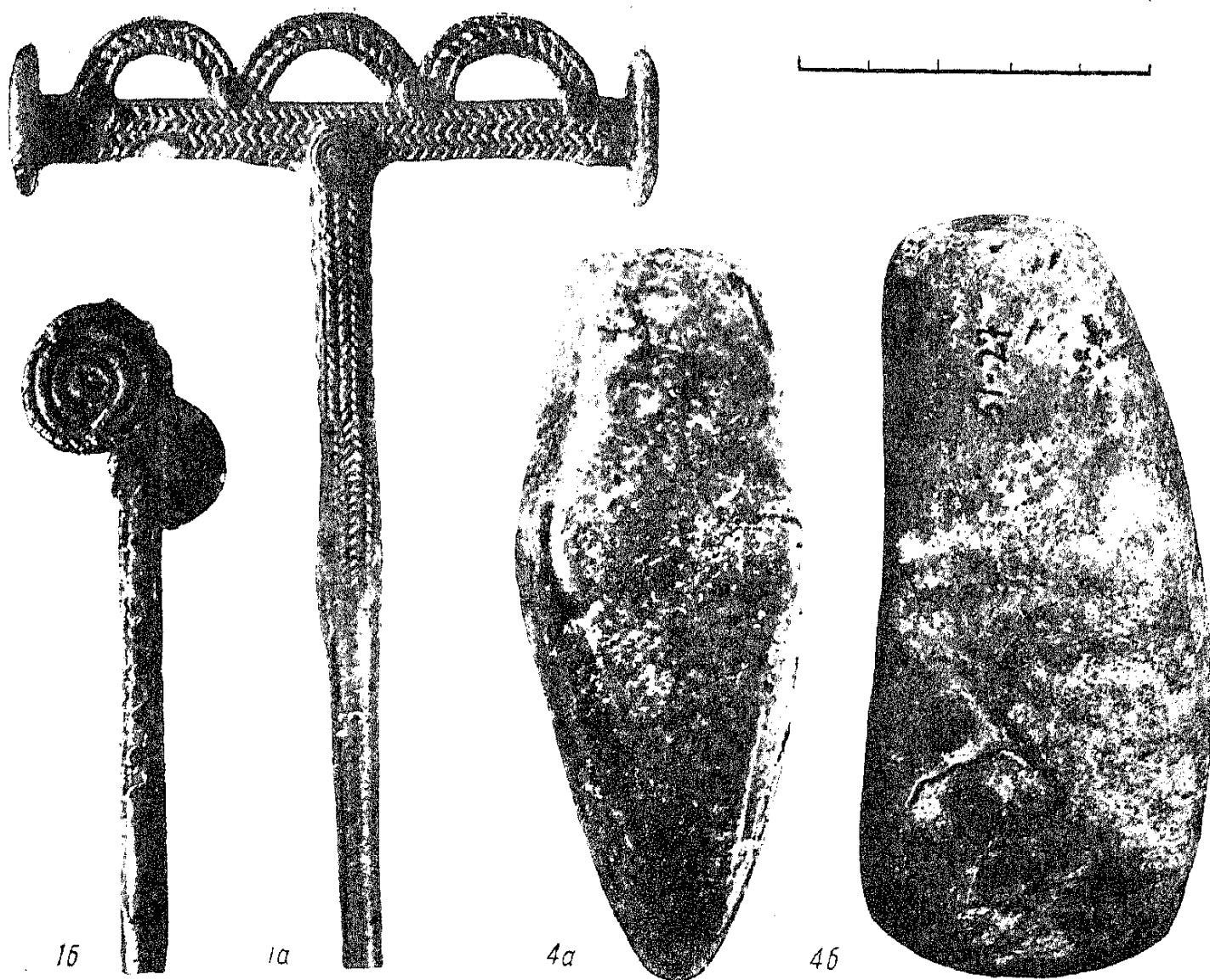

Погребальный инвентарь из двух курганов во дворе УНКВД.
 1 и 2 — горшки с 2 ручками (тип Б) со штамповым орнаментом; 3 — горшочек с одной ручкой (фрагментирован); 4 — горшочек без ручек с резным орнаментом (фрагментирован); 5 — молоток серпентинный шлифованный, вытянутого типа; 6 — два мягких известняковых обломка, грубо обделанные наподобие топориков (Нальчикский музей, №№ 77-84/(II)1931); 7-8 — небольшие пласточки (тип Ж) из кургана (II) в „садках“ 1929 г. (Нальчикский музей, инв. № 1929/265-266).

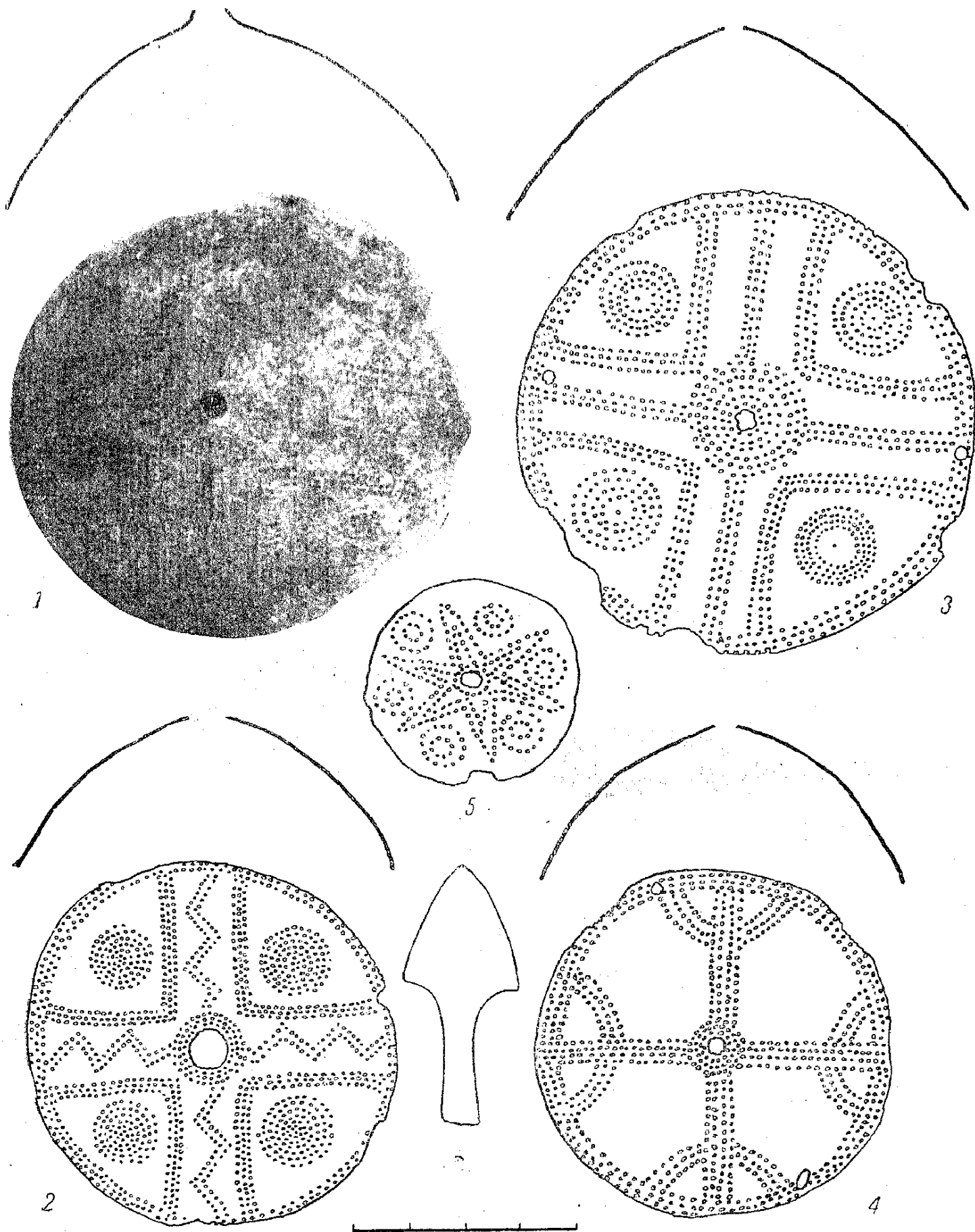

Погребальный инвентарь из кургана у ст. Кисловодской на правом берегу р. Подкумка.

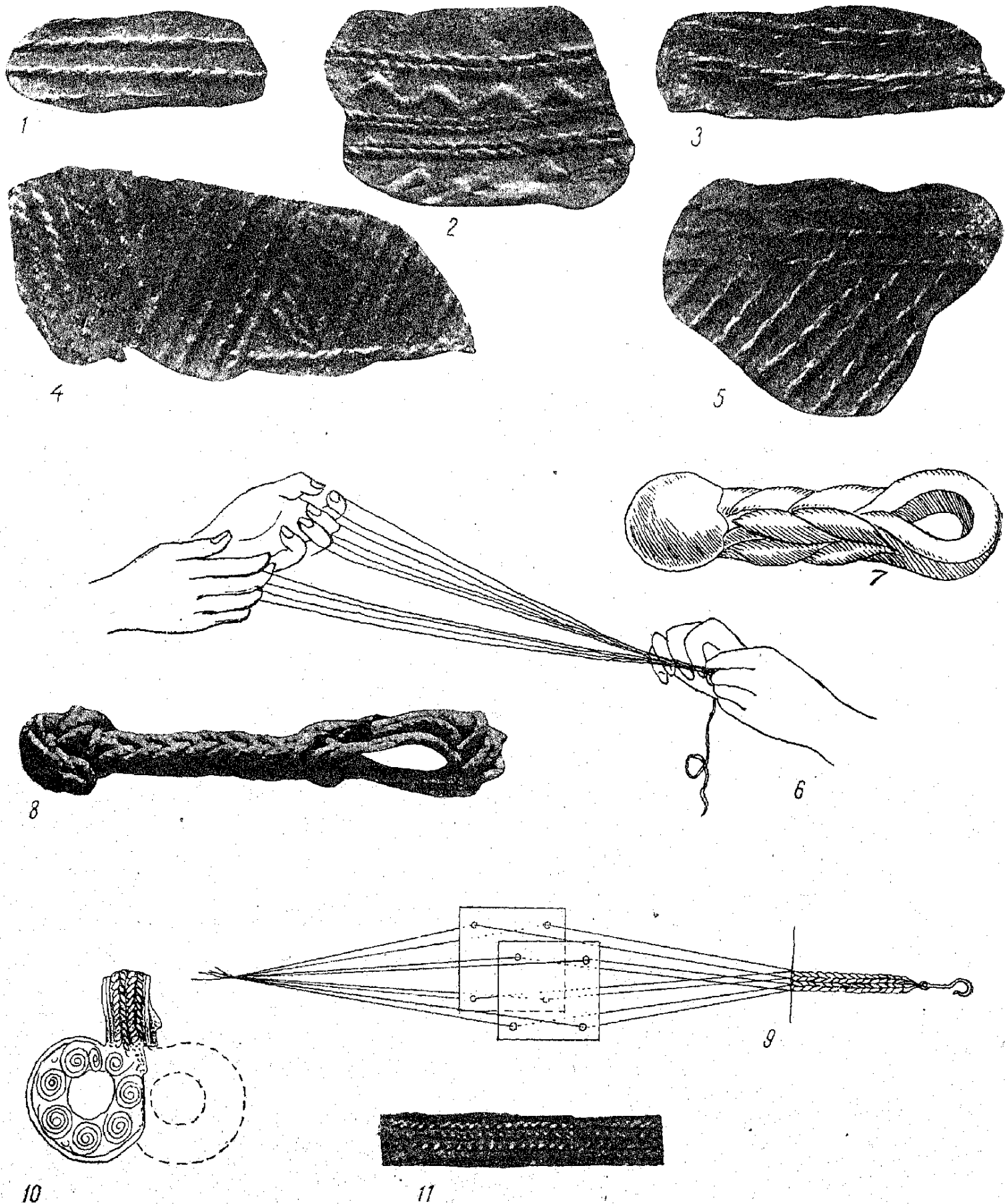
1 — кинжал медный плоский; 2 — булава металлическая литая, молотковидная, с орнаментом (фрагментирована); кроме того, отломанная головка подобной же булавы; 3 — булава металлическая литая гвоздевидная с орнаментом (фрагментирована); кроме того очень похожая булава, почти целая; 4 — наконечник медного штыка четырехгранного; 5 — бусы из ожерелья (всего 6 шт.) из окаменелых зубов ископаемой рыбы; 6 — пара височных круговых подвесок с веревочным орнаментом; 7, 8, 9 — медные подвески из ожерелья, металлические, разных типов; 10 — пронизки металлические разнообразных форм и типов, в том числе и обычные спиральные; 11 — бусы металлические бочоночной формы разной величины и несколько белых пастовых бус цилиндрической формы; 12 — подвески медные в форме жгутика с петлей и головкой; 13 и 14 — подвески металлические индивидуальных форм; 15 — серьга (?) металлическая; значительное число «височных колец» обычного типа разных размеров и плоские пронизки от сложного ожерелья с двумя отверстиями; 16 — подвеска медная особой формы; 17 — мисочка небольшая глиняная, фрагментирована; 18 — горшочек глиняный (выс. 10 см.) с нарезным орнаментом; имеются следы отбитой ручки; 19 — горшочек без ручки, грубой формовки с неправильными нарезками (выс. 7,5 см.); 20 — горшочек без ручек орнаментированный веревочкой (выс. 9 см.); 21 — пронизки, медные плоские (всего 4 шт.).

1—Булавка из Донифарса, Сев. Осетия: *a*—орнаментированная головка в фас, *b*—орнаментация бокового диска и боковой грани стержня; 2—шлиф вырезки из головки; 3—шлиф вырезки из нижней части стержня (Гос. Музей этнографии — Ленинград); 4, *a*, *b* — каменный топор-молот из кургана № 5, могила 4 у с. Уляп, Прикубанье (Гос. Эрмитаж).

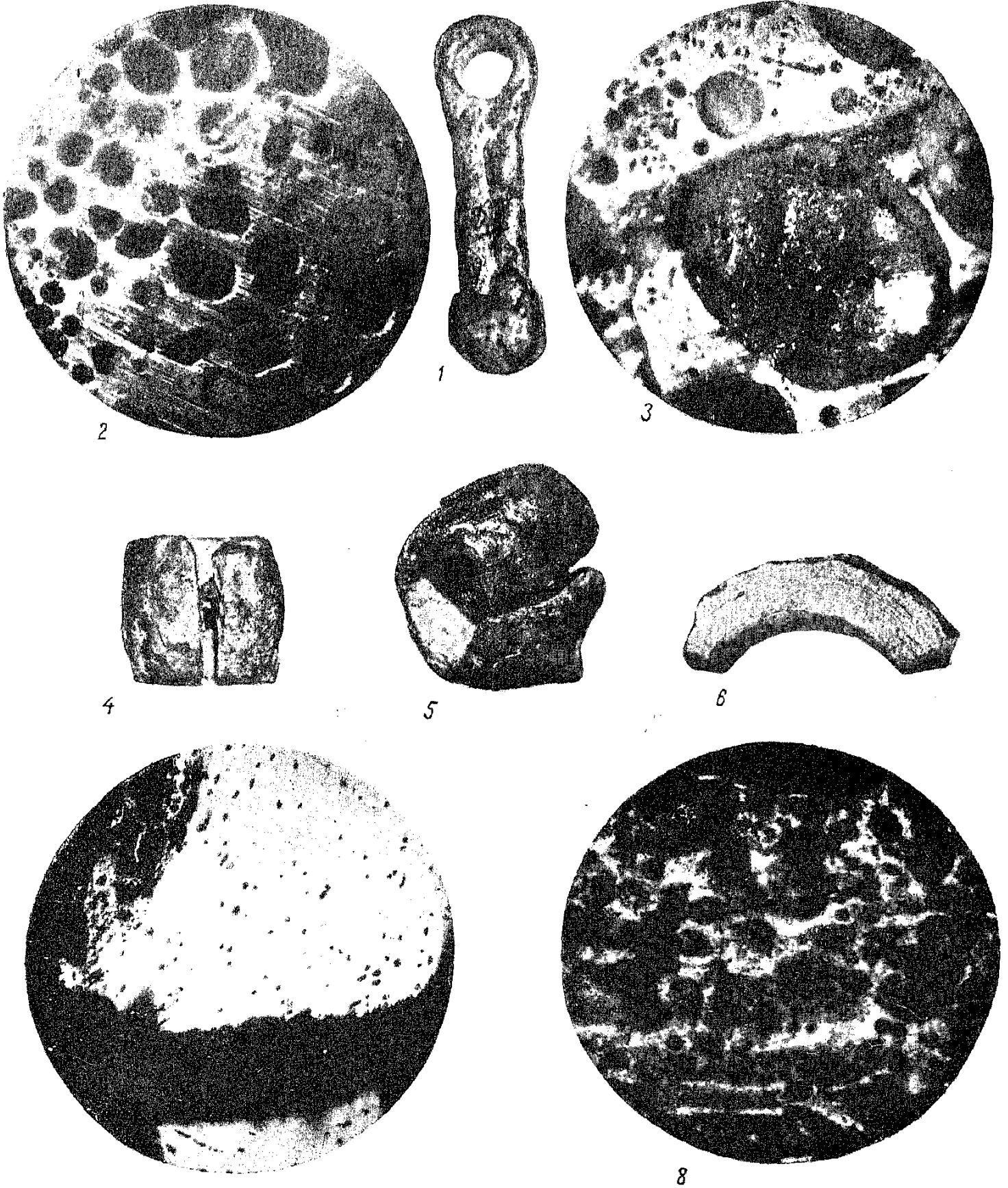

Погребальный инвентарь из кургана у ст. Кисловодской на правом берегу р Подкумка.
 1, 2, 3 и 4 — две пары медных полушарий из раскованного листа с пунсонным орнаментом, с отверстием в центре и двумя меньшими у края; 5 — подобный, но непарный экземпляр меньшего размера и незначительной [выпуклости]; 6 — наконечник стрелы или дротика, медный, плоский, и около дюжины трубочек, свернутых из медного кованого листа, дл. 4—6 см (Пятигорский музей).

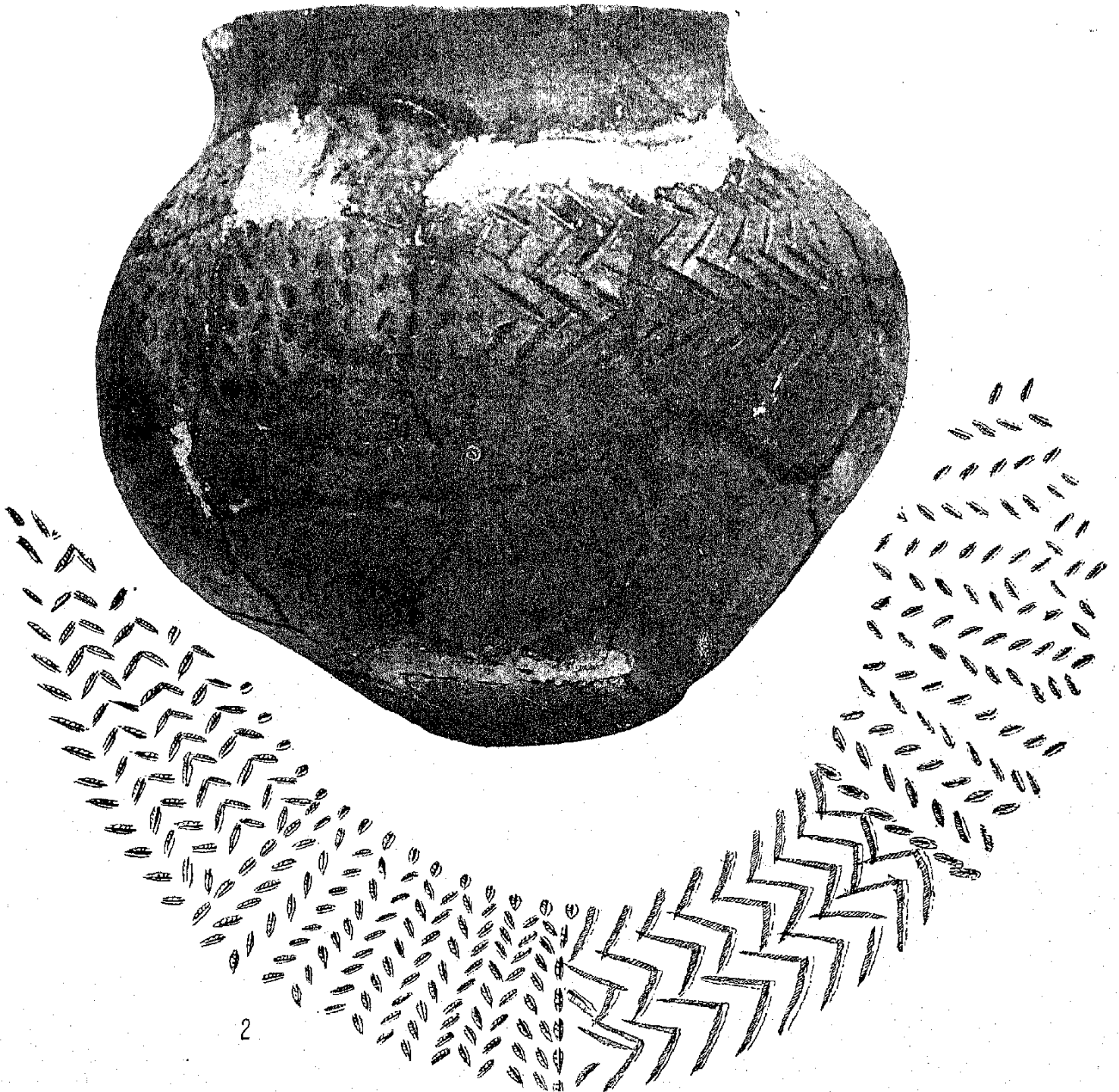
Техника обработки волокнистых материалов.

1-5 — копр-оттиски отпечатков витых двухрядных шнурков на керамике; 6 — современное плетение четырехрядного шнура из пяти двойных петель (Карачай); 7 — схема такого же плетения в медной подвеске из кургана № 2, погребение № 4; 8 — шнурок, сплетенный этим способом, завязанный узлом; 9 — современный прибор для плетения четырехрядной тесьмы (Балкария); 10 — воспроизведение такой же тесьмы на медной подвеске из ст. Кисловодской; 11 — то же, на медной булавке из Донифарса.

Элементы металлургической техники.

Медная подвеска из кургана № 2, погребения № 4: 1 — вид сбоку при увел. $\times 5$; 2 — шлиф не протравленный при увел. $\times 50$; 3 — шлиф, травленный 4% раствором азотной и пикриновой кислоты, при увеличении $\times 150$. Бусина из кургана № 4, погребение № 1: 4 — боковой вид при увел. $\times 4$; 5 — то же при увел. $\times 4,5$; 6 — торцевой шлиф при увел. ок. $\times 10$, травленный 20% раствором HNO_3 ; 7 — тот же шлиф не травленный при увел. $\times 75$; 8 — тот же шлиф, травленный раствором HNO_3 при увел. $\times 125$.

Горшок из кургана № 4 в Кабардинском парке, погребение № 2
1 — общий вид; 2 — часть развертки орнамента.

Керамика «III стадии».

1 — верхняя часть горшка из могильника в Кисловодске, на месте санатория КСУ (Гос. Эрмитаж); 2 — горшок из могильника у сел. Каменноостского (Нальчикский музей); 3 — миска из кургана у сел. Лескен (Нальчикский музей).

А. В. МАЧИНСКИЙ

Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика

Во время работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1929 и 1932 гг. было раскопано два кургана, заключавших поздние погребения.

Курган, раскопанный в 1929 г., принадлежал к курганной группе, находившейся на расстоянии около полутора километров от г. Наль-

чика, недалеко от кургана № 2.¹ Эта курганная группа расположена на третьей террасе р. Нальчика, в городском парке (местность, носившая прежде у местных жителей название «садки»). Все курганы сильно заросли кустарником. У большинства из них насыпь полностью или частично скрыта, вследствие чего общую их численность установить трудно. Все сохранившиеся курганы имеют примерно одинаковые размеры. Строение насыпи, насколько об этом можно судить по ее остаткам у наполовину скрытых курганов, тоже однородное. Насыпь состояла из чернозема и во многих случаях была частично покрыта каменной обкладкой.

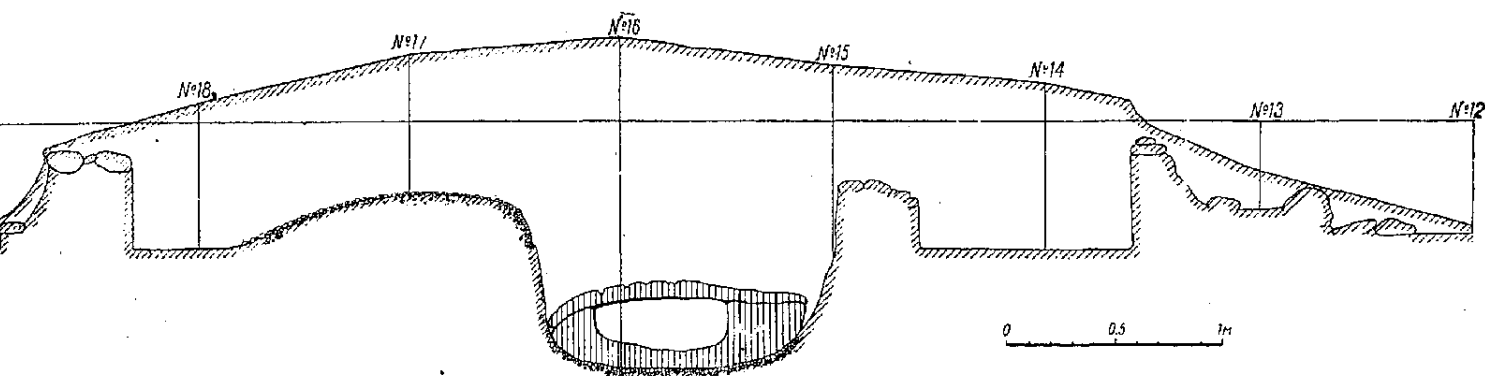

Рис. 1. Разрез кургана № 3, раскопанного в 1929 г.

Для определения времени, к которому относится данная курганная группа, был исследован один курган (№ 3 по общей нумерации 1929 г.). Раскопки производились А. В. Мачинским. Курган этот с северо-западной стороны сильно порос кустарником, вследствие чего при раскопке было вскрыто примерно

глубине 6—16 см от поверхности последнего, находилась каменная обкладка (рис. 1). Она состояла из мелких и крупных камней и не покрывала его целиком, а обхватывала широким кольцом по самому краю насыпи. Ширина кольца обкладки составляет в среднем 1 м 25 см (рис. 2). На глубине 16—20 см ниже уровня почвы начинался слой гальки. В насыпи были найдены один осколок кремня и один обломок стенки глиняного сосуда. Под центральной частью курганной насыпи в галечном слое находилась яма. Галька, выкинутая при рытье ямы, образовала вокруг последней небольшой валик, достигающий в своей северо-западной части высоты 27 см над уровнем почвы (т. е. 53 см над уровнем галечного слоя). С южной и западной сторон ямы валик был покрыт крупными камнями, несколько крупных камней лежало в самой яме. Яма имела неправильную, вытянутую с ЗЮЗ на ВСВ форму и была засыпана мешаной землей (галька и чер-

¹ См. в наст. сборн. статью Б. Е. Дегена.

¹ В предварительном отчете ошибочно указано 6 м (Сообщ. ГАИМК, 1931, № 3, стр. 27).

нозем). Глубина ямы 60 см от уровня почвы. На дне ямы лежала сильно сгнившая долбленая колода (рис. 2 и 3). Длина колоды 2 м 15 см, ширина колеблется от 42 см в ногах, до 64 см в голове. Толщина колоды вместе с крышкой 38 см (нужно, конечно, иметь в виду, что под давлением земли сгнившая колода, вероятно, несколько сплюснулась). Толщина стенок колеблется от 6 до 10 см. Крышка была приблизительно того же размера и той же глубины, как и сама колода. Возможно, что это был ствол дерева, распиленный вдоль. Поперечные стенки колоды у головы и ног

Курган, раскопанный в 1932 г. (№ 2 по общей нумерации этого года) находился на четвертой террасе р. Нальчик, недалеко от поселка Долинского, на участке, занятом поселением эпохи бронзы, вблизи от места раскопок 1933 г.¹ Раскопки были произведены Е. Ю. Кричевским. При диаметре основания в 5 м, высота кургана равнялась 40 см. Насыпь каменной обкладки не имела. В ней было найдено 5 кремневых осколков и 6 обломков глиняных сосудов. Все указанные предметы не стоят ни в какой связи с погребением и их нахождение в насыпи объясняется тем, что

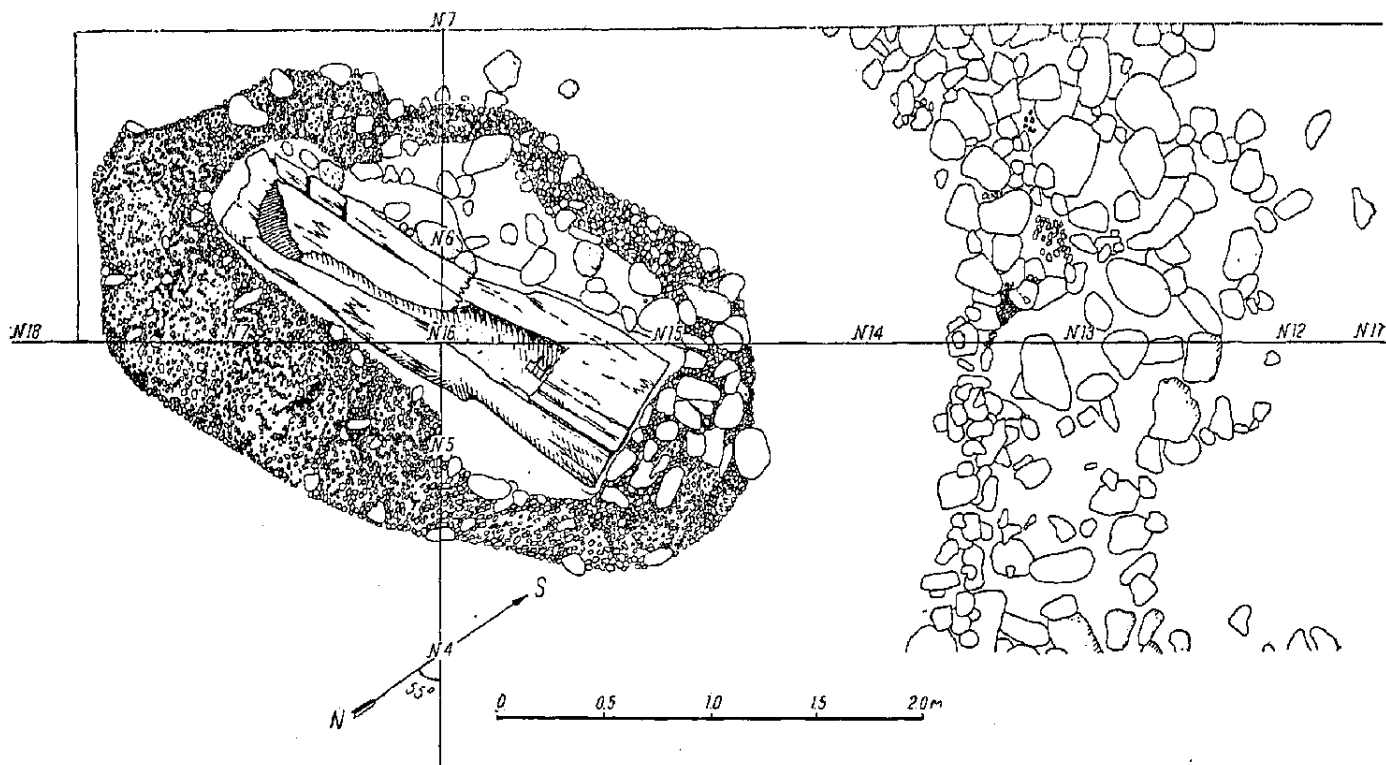

Рис. 2. Колода, валик из гальки и камней вокруг могильной ямы и часть каменной обкладки кургана № 3.

скелета были сделаны из отдельных кусков дерева, а не получены при долблении, что доказывается направлением древесных волокон. Внутри колоды лежал на спине, головой на ЗЮЗ, ногами на ВСВ, хорошо сохранившийся скелет с вытянутыми вдоль тела руками.¹ Под черепом и по бокам черепа был насыпан древесный уголь. Череп отделился от позвоночника и слегка отвалился к задней стенке колоды, нижняя челюсть осталась лежать у левой ключицы. Скелет принадлежал, по определению Г. И. Петрова, мужчине около 40 лет. У левой стороны таза лежал почти совершенно разрушившийся железный нож длиной 34 см и шириной 3.5 см. Деревянная рукоятка ножа совершенно сгнила. У верхнего конца ножа, выше таза, лежали кремь для высекания огня и сильно перержавевшая железная пряжка (рис. 4).

¹ Левая плечевая кость имела нарост, происхождение которого не выяснено.

последняя состоит из земли, взятой со значительно более древнего поселения.² Почти по середине кургана, на глубине 72 см от его вершины, было обнаружено пятно земли, смешанной с угольками. В том же месте на глубине 1 м 3 см от вершины находился сильно сгнивший скелет (рис. 5). С правой стороны скелета (несколько выше его) и под ним замечены следы сгнившего дерева. Установить, следы ли это сгнивших досок или, подстилки из коры, не удалось. Скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на З с небольшим отклонением к Ю. У левого бедра, на месте сгнившего таза, был найден железный нож 19.5 см длины и 2.8 см ширины, с остатками дерева от деревянных ножен или гробища. Рядом с ножом лежал желез-

¹ См. в наст. сборн. статью А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого.

² Фрагменты керамики полностью соответствуют таковым же, найденным в культурном слое поселения. (та же статья А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого).

ный, кольцеобразный предмет, приблизительно 3,5 см в диаметре, с небольшим выступом (кресало или пряжка?). У нижнего конца берцовой кости правой ноги был найден железный наконечник стрелы листовидной формы, 8 см длины и 2 см ширины (рис. 6).

Курганы со сходными по способу захоронения и инвентарю погребениями раскапывались в окрестностях г. Нальчика и раньше. Так, в 1897 г. И. А. Владимировым были произведены раскопки семи курганов в двух верстах к СВ от г. Нальчика (тогда слобода Нальчик).¹ Эти курганы входили в состав большой группы, тянувшейся вдоль шоссе, начиная со 2-й версты от г. Нальчика вплоть до

Нальчика. Высота кургана 5 арш. 2 верш. [3,64 м]. Диаметр 32 шага. Длина колоды 3 арш. 14 верш. [2,75 м], ширина колоды 1 арш. 1 верш. [0,75 м]. Глубина под материком 4 вершка [0,18 м]. Направление лица—вверх, головой на юго-запад.

«Курган находится среди большой группы курганов, идущих полосой вдоль шоссе, начиная от 2-й версты от слободы Нальчика по направлению на северо-восток до 6-й версты.¹ Курган № 6 находится близ слободы и по величине один из наибольших. Почва вокруг кургана хрящеватый щебень, покрытый слоем в 5—6 вершков [0,22—0,26 м] толщиной чернозема и густого дерна. Курган весь

Рис. 3. Погребение в колоде. Курган № 3, раскопанный в 1929 г.

6-й версты. Насыпи курганов состояли из чернозема и имели каменные обкладки различных типов. В одном случае это была кольцеобразная обкладка, как у кургана, раскопанного в 1929 г., в других случаях слой камней покрывал только вершину кургана; наконец, в одном случае насыпь кургана состояла из чередующихся слоев земли, щебня и голышей. Инвентарь погребений в этих курганах очень близок к инвентарю погребений, раскопанных Северо-Кавказской экспедицией, но в ряде случаев отличается большим богатством (золотые украшения) и лучшей сохранностью (остатки тканей и деревянных ножен). Привожу описание одного из этих курганов² (рис. 7).

«Курган³ на второй версте по шоссе от

¹ Извлечение из отчета о раскопках, произведенных И. А. Владимировым в Нальчакском округе, Терской области. ОАК, 1897, СПб., 1900, стр. 139—141.

² Описание взято не из печатного отчета (см. предыдущее примечание), так как он слишком краток, а из дневника И. А. Владимирова (Архив ИИМК, фонд № 1, дело № 215, 1896, л. 25, стр. 8, об. 9 и 10).

³ Курган № 6 по рукописному дневнику и № 1 по печатному отчету.

состоит из чернозема (очевидно перегнившая дерновина), на глубине трех аршин встретился слой щебня, в котором скоро образовался провал; по раскапывании провала оказалось, что гробовище находится под материком на 4 вершка [0,18 м] и было покрыто сначала слоем щебня, затем слоем в два ряда камней (валунов) и снова щебнем. Нижний слой щебня опустился и образовал пустоту под камнями, которые и провалились при раскопке. Гробовище оказалось колодой дубового дерева, выдолбленного посередине и прикрытого дубовой же доской, верхняя доска была посередине продавлена провалом. Колода была из цельного круглого дерева, вероятно с корой, на концах имелось по 6 вершков [0,26 м] невыдолбленного пространства; снаружи концы колоды были закруглены. Костяк был положен на спину и под головой найдена кучка угля; руки были протянуты вдоль тела и ноги лежали прямо. На черепе найдены остатки шелковой шапочки в виде скуфьи с двумя по-

¹ См. план в том же дневнике, стр. 15.

досками серебряного галуна весьма грубой работы. У шейных позвонков также найдены следы шелковой материи и галуна. Вдоль гру-

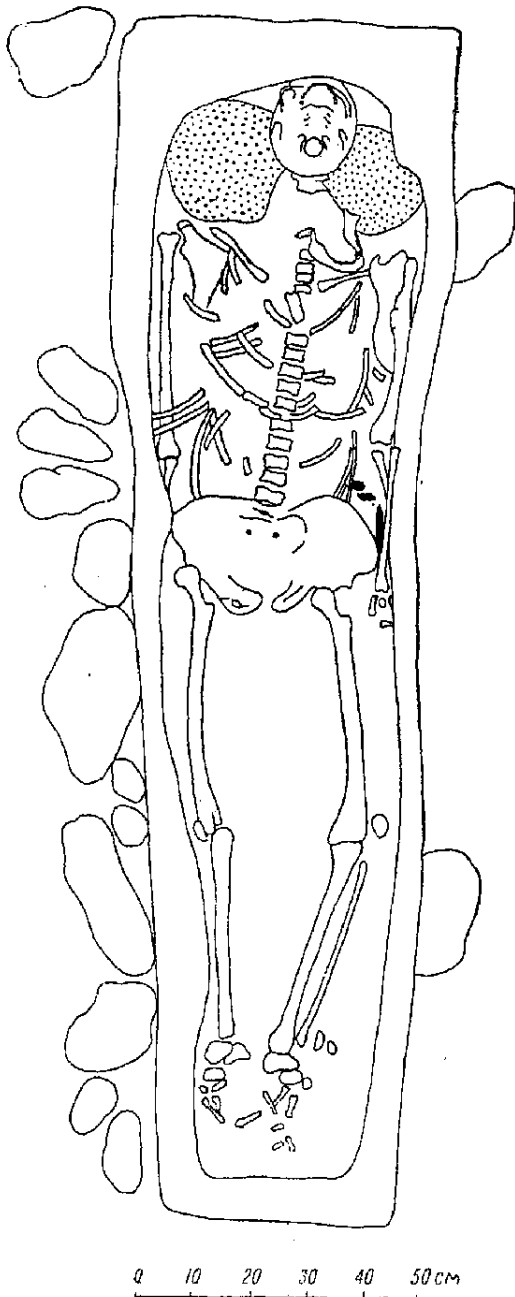

Рис. 4. Погребение в кургане № 3.
Раскопки 1929 г.

ди также найдены остатки материи и галуна, идущего сверху вниз. У тазовых костей видны следы плетеного пояса и найдены железная пряжка и гайка; ¹ у левой руки найден железный нож в ножнах, обтянутых кожей, и опниво в небольшом кожаном кармане. У правого плеча найден 1 наконечник стрелы ² и на большом пальце кольцо, сплетенное из серебряных ниток. Кости ступни правой ноги

¹ В описи в том же деле (л. 22 об.) этот предмет обозначен как часть пряжки.

² В печатном отчете назван наконечником колья (ОАК, 1897, стр. 140).

срослись между собой и нога на $2\frac{1}{2}$ вершка [0.11 м] короче левой. Костяк, очевидно, принадлежал мужчине очень старому и хромоту».

Подобные курганы были раскопаны И. А. Владимировым не только в непосредственной близости Нальчика, но и в ряде других мест тогдашнего Нальчикского округа. ¹ Основываясь на данных, полученных И. А. Владимировым, мы можем установить значительную разницу в инвентаре этих погребений, относящихся несомненно к одному историческому периоду. С одной стороны, мы имеем погребения, имеющие очень бедный инвентарь, состоящий обычно из железного ножа, железного наконечника стрелы, кресала и кремня и иногда какого-либо украшения из низкопробного серебра. К этой группе относятся погребения, раскопанные Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК. С другой стороны, имеются погребения с гораздо более богатым инвентарем, который, помимо перечисленных предметов, включает саблю (обычно в деревянных, обтянутых кожей ножнах), остатки деревянного колчана

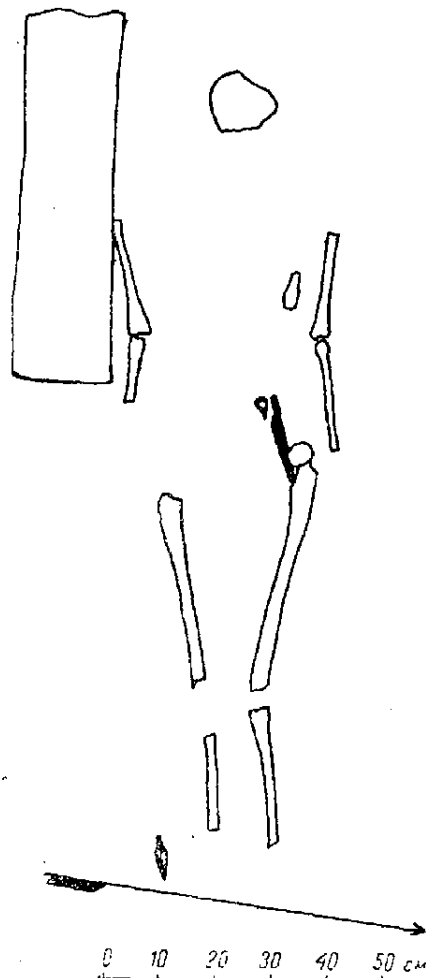

Рис. 5. Погребение в кургане № 2.
Раскопки 1932 г.

с несколькими наконечниками стрел, железную уздечку, олений рог, серебряную пряжку (или даже пояс с серебряным набором), серебряное

¹ Там же.

кольцо, а иногда еще серебряный сосуд и какое-нибудь золотое украшение (серьгу); остатки ткани, находимые в таких богатых погребениях, иногда бывают вышиты золотом.

Для получения более полного представления о погребениях этого типа я останавливался еще на раскопках Н. И. Веселовского, Ф. С. Гребенца и Б. В. Лунина.

В 1896 г. Н. И. Веселовским у ст. Андрюковской на Малой Лябе были раскопаны курганы с погребениями, датируемыми им XIV—XV вв. Большинство из них имело инвентарь, сходный с найденным тем же исследователем в курганах у ст. Белореченской. На ряду с ни-

раскопали значительное число аналогичных курганов, причем оба, в отличие от Н. И. Веселовского, несмотря на бедность погребального инвентаря, дали подробные описания каждого кургана. Большинство курганов, раскопанных Ф. С. Гребенцом, имело погребальный инвентарь, совершенно сходный с найденным при издаваемых здесь погребениях.¹ Характерной особенностью женских погребений является, с одной стороны, наличие каких-либо украшений (обычно серег), с другой стороны, ножиц (последние были найдены и И. А. Владимировым). В одной из курганных групп Ф. С. Гребенец раскопал еще два кургана с несколько

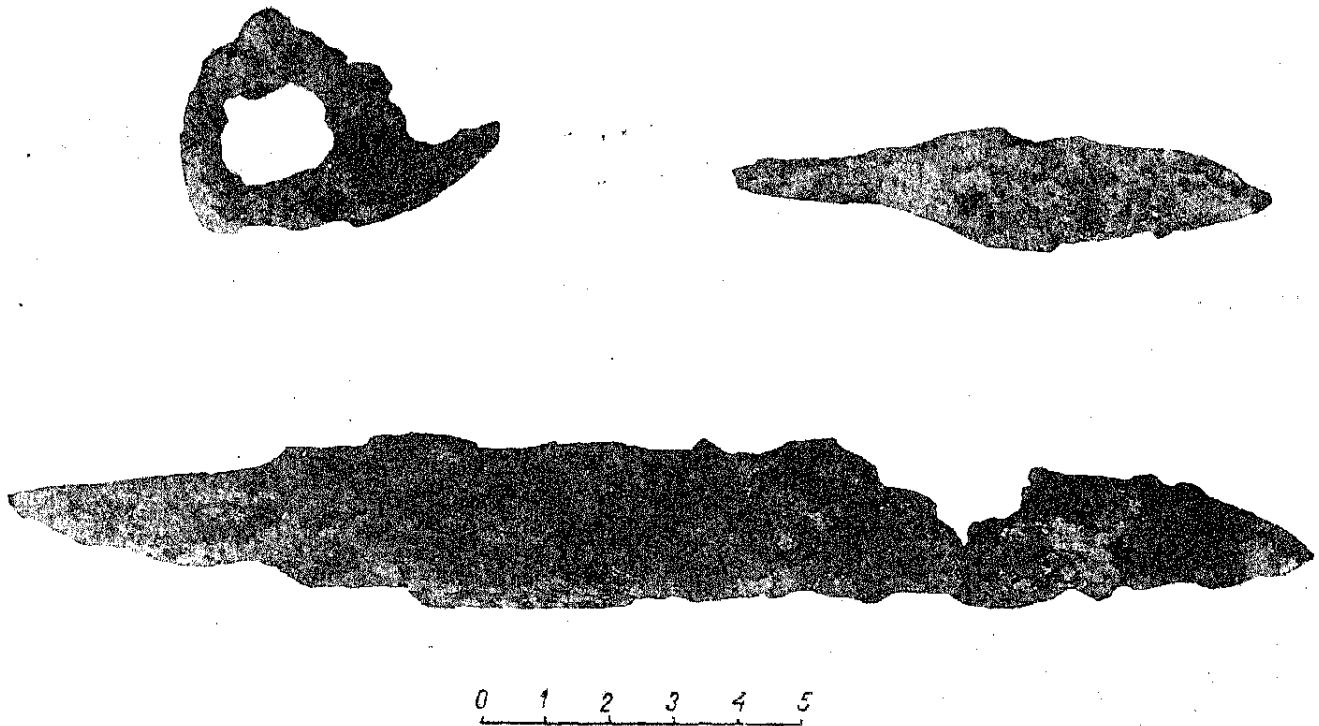

Рис. 6. Железный кинжал, железный наконечник стрелы и железное кольцо из кургана № 2, раскопанного в 1932 г.

ми им было раскопано 6 курганов со значительно более бедным инвентарем, совпадающим с найденным в погребениях окрестностей г. Нальчика. К сожалению, описание этих курганов (очевидно как не заслуживающих внимания с точки зрения Н. И. Веселовского в виду бедности их инвентаря) чрезвычайно кратко. Оно не содержит совершенно никаких данных ни о строении насыпи кургана, ни о способе захоронения.¹

Ф. С. Гребенец в 1912 г. у ст. Змейской и Б. В. Лунин в 1920—1921 гг. у Пятигорска

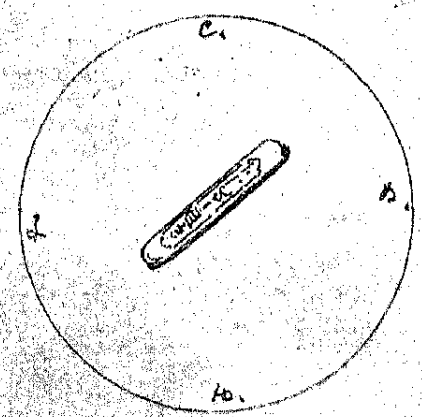
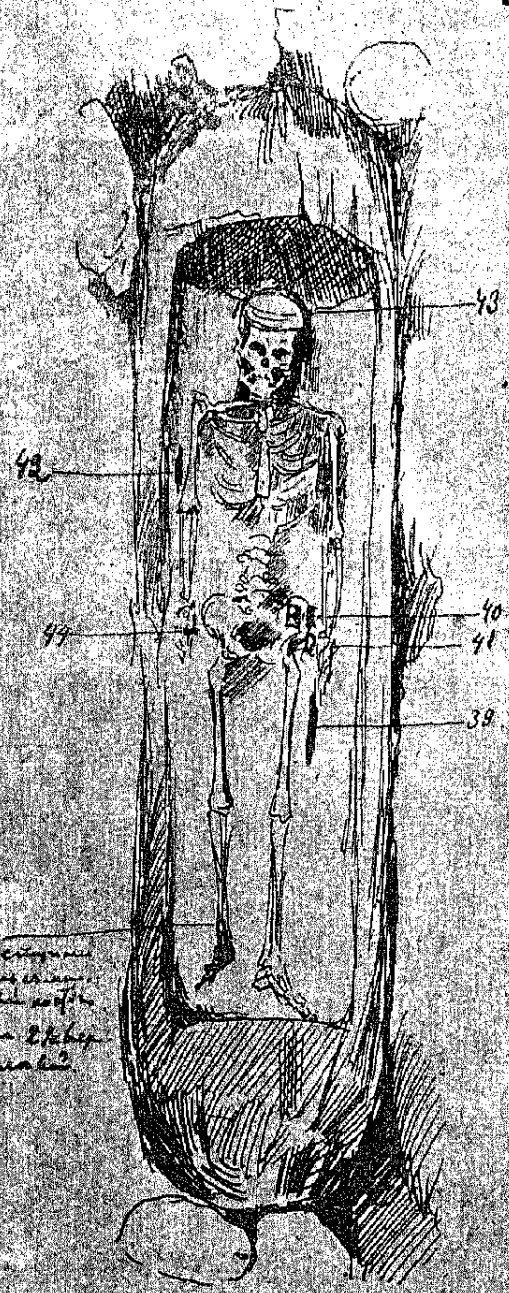
отличным инвентарем. Первый из них, помимо обычных для бедных погребений предметов, имел 11 бронзовых застёжек и железный «ятаган».² Второй, также имевший более богатый набор предметов (истлевший колчан из бересты с шестью наконечниками стрел, «ятаган», кинжал, кресало с кремнем, остатки кожаной обуви и шелковой одежды), существенно отличался от описанных выше самим устройством погребения, имевшим вид сводчатого склепа. Курган значительно превышал по своим размерам (выс. 4¹/₂ аршина — 3.20 м) осталь-

¹ Привожу описание Н. И. Веселовского: «В прочих 6 курганах была бедная погребальная обстановка, заключающаяся, главным образом, в железных саблях, наконечниках копий и стрел, пряжках, ножах и ножницах. Только в трех женских гробницах найдено в каждой по паре золотых проволочных серег; затем в одной, также женской могиле, оказались две серьги из серебряной проволоки, с бусой на стержне» (ОАК, 1896, СПб., 1898, стр. 56).

¹ Ф. С. Гребенец. Курганы в окрестностях станции Змейской (Терского казачьего войска). Сборн. матер. для описания местностей и племен Кавказа, вып. 44, Тифлис, 1915, стр. 1—30; то же: Изв. Кавказск. отд. Моск. археол. общ., вып. IV, Тифлис, 1915.

² Для этого погребения Ф. С. Гребенец отмечает, что теменная кость хорошо сохранившегося черепа была пробита, а в один из спинных позвонков был воткнут наконечник стрелы.

Курган на второй веретин по шоссе пр. Кавказа, № 6

Высота кургана 5 ар. 2 вер.
 Диаметр " 3 1/2 шага
 Основание " 3 1/4 шага
 Поверх " 10 шагов
 Диаметр колоды 3 ар. 1 1/2 вер.
 Ширина колоды — 1 ар. 1 вер.
 Глубина под матер. 4 веретин
 Диаметр пофунта 2 ар. 1 1/2 вер.
 Канты выложены вверх,
 головной и ного-белом

Часть скелета
 в раскопке
 на 2-й веретин
 по шоссе пр.
 Кавказа

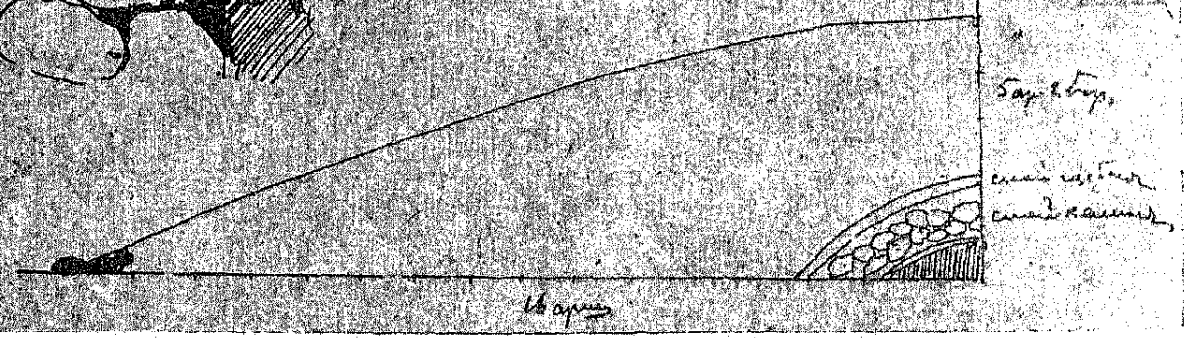

Рис. 7. Страница из дневника И. А. Владимирова (Архив ГАИМК, фонд № 1, дело № 215, 1896, л. 25, стр. 8).

ные курганы, раскопанные Ф. С. Гребенцом, и был обложен слоем крупного камня.

Раскопки Б. В. Лунина на Константиногорском плато, у подножия горы Машук, дали во многом сходный материал.¹ Им было раскопа-

но 12 курганов окружностью от 9.45 до 11.55 м и высотой от 0.40 до 1.50 м (в среднем 0.60 м). Колоды в этих курганах были двух типов: в одних случаях выдолбленная колода была прикрыта плоской доской, в других, наоборот, плоская доска прикрывалась колодой. Инвентарь погребений состоял из железных ножей (во всех погребениях, кроме одного), кресал и кремней, железных ножниц

¹ Б. В. Луни н. Курганные могильники близ г. Пятигорска, Терской области. Зап. Северо-Кавк. краев. общ. археол. ист. и этногр., кн. I (т. III), вып. 2, Ростов н/Д., 1927, стр. 3—17.

и костяных игл (найлены в двух погребениях, по одной в каждом). Особенностью раскопанных Б. В. Луниным погребений являются наличие железных скоб (от одной до четырех), которые скрепляли плоскую доску с выдолбленной колодой, и отсутствие во всех погребениях древесного угля под черепом, что является обычным для описанных выше погребений.¹

Б. В. Луниин датирует раскопанные им погребения XVI—XVII вв. и даже первой половиной XVIII в., ссылаясь на то, что их погребальный инвентарь отличается от найденного Д. Я. Самоквасовым в погребениях этого района (датируемых последним XII в.) отсутствием железных наконечников стрел и наличием железных скоб.² Мы можем вполне согласиться с этим доводом и считать, что погребения, раскопанные Б. В. Луниным, относятся к более позднему времени, не только по сравнению с курганами, раскопанными Д. Я. Самоквасовым, но и по сравнению с раскопанными Н. И. Веселовским, Ф. С. Гребенцом и И. А. Владимировым, а также и описанным в настоящей статье. Это подтверждается разницей не только в инвентаре, но и в погребальном обряде. В то время как почти во всех погребениях из раскопок Н. И. Веселовского, И. А. Владимирова и Ф. С. Гребенца под головой находился древесный уголь, в погребениях, раскопанных Б. В. Луниным, он совершенно отсутствовал во всех случаях, кроме одного.

Наконец, остановлюсь еще на кургане с аналогичным погребением, раскопанном в 1936 г. А. П. Кругловым и А. В. Мачинским на территории Чечено-Ингушской АССР.³ Курган входил в состав могильника, расположенного на правом берегу р. Фортанги, к западу от сел. Ачхой-мартан. Высота кургана равнялась 83 см, диаметр 12 м. Почти в центре кургана, на глубине 1 м 5 см от его вершины, находилась колода. Колода была выдолблена из толстого бревна, причем поперечные стенки не вставные, как у колоды в кургане № 3 раскопок 1929 г. в Нальчике, а составляют одно целое с боковыми стенками и дном. Толщина колоды 40 см. Средняя часть погребения разрушена грабителями. Кости грудной клетки, позвоночника, левой руки, таза и частично ног разбросаны. Кроме того разрушена крышка колоды около черепа. Погребение было разграблено, по всей вероятности, вскоре после захоронения, когда сухожилия

еще не успели разложиться, так как некоторые выброшенные кости сохраняли правильное взаимное положение. В нетронутых положениях лежали: левая лопатка и левая плечевая кость, все кости правой руки, большие и малые берцовые кости обеих ног и кости ступней обеих ног. Из вещей при скелете найдено: рог, лежавший около ступни правой ноги, и железный наконечник стрелы, лежавший рядом с берцовыми костями правой ноги. Последний лежал острием по направлению к ступням ног. Следов угля в колоде не найдено.

Б. Е. Деген-Ковалевским был раскопан в 1933 г. ряд грунтовых могил у сел. Заюкова на р. Баксане (могильник № 1).¹ Могилы не имели насыпей и были отмечены лишь одним или несколькими камнями, реже каменными выкладками круглой формы. Инвентарь погребений отличался большой бедностью [медный перстень с камнем (?), бусины из белого стекла или алебаstra, футлярчик в виде восьмигранной призмы из посеребренной меди с концами, закрытыми полусферическими крышечками, и щитки ганойдной рыбы] или полностью отсутствовал. В ряде погребений имелись следы угольной подстилки. Б. Е. Деген-Ковалевский относит данный могильник к XIII—XV вв. (указывая между прочим на то, что найденный им футлярчик имеет аналогю среди находок Н. И. Веселовского у ст. Белореченской), связывая его с адыгейским этническим элементом. В бедности найденного им погребального инвентаря Б. Е. Деген-Ковалевский справедливо видит следствие значительного имущественного и классового расслоения.

Почти такие же грунтовые погребения там же в Заюкове, но на другом могильнике, расположенном западнее предыдущего, в 1934 г. были исследованы А. А. Иессеном.²

Погребение, раскопанное Северо-Кавказской экспедицией в 1929 г. (курган № 3), можно датировать XIV—XVI вв.¹ Примерно к этому же времени, судя по найденным в них предметам, относятся и раскопанные И. А. Владимировым в окрестностях г. Нальчика курганы. Так как в этот период район Нальчика был населен кабардинцами, то отнесение к ним описанных погребений не может вызвать никаких сомнений.

В заключение я остановлюсь на одном утверждении Б. В. Лунина, с правильностью которого, по-моему, никак нельзя согласиться. В уже упомянутой работе Б. В. Луниин пишет:

¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Археол. раб. Акад. на новостройках в 1932—1933 гг., II, Изв. ГАИМК вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 15—17.

² А. А. Иессен. Краткий отчет о работах Баксанской экспедиции ГАИМК 1934 г. Археологические работы в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1940, № 30.

³ Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. СГАИМК, 1931 г. № 3, стр. 27. Ср. приведенную выше датировку курганов у ст. Андриюковской Н. И. Веселовским.

¹ Древесный уголь был найден Б. В. Луниным только в одном погребении (№ 8), причем не под головой, а в ногах.

² Б. В. Луниин справедливо отмечает чрезвычайную скудость сведений, сообщаемых Д. Я. Самоквасовым о вскрытых им курганах, и допускает отнесение их к несколько более позднему времени, чем XII в.

³ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938, стр. 30—31.

«Следы такого преобразования социально-экономического характера усматриваются в инвентаре погребений; если раскопки Д. Я. Самоквасова, А. Н. Грена и В. Р. Алухтина отразили жизнь и быт «воинственного» народа (действительно — в раскопанных перечисленными лицами насыпях, содержащих мужские костяки, сабли, кинжалы, стрелы, луки с колчанами и т. п. предметы, едва ли не превышали собой по количеству предметы «мирного» обихода), то курганы, исследованные нами и рассматриваемые как более поздние сооружения, представляют исключительно бытовой инвентарь мирного обихода оседлого, по видимому (ср. с длительным бытованием однородных погребений), народа, утратившего черты «воинственности».¹

Я не вижу никакого основания для того, чтобы считать подобное мнение обоснованным. Погребения, расположенные на одном и том же могильнике, характеризующиеся одинаковым способом захоронения, имеющие целый ряд одинаковых вещей (ножи, кресало, ножницы, наконечники стрел) и отличающиеся

только тем, что одни погребения, на ряду с этими вещами, имеют еще шашки, большое число наконечников стрел и какие-либо изделия из драгоценных металлов, а другие их не имеют, не могут без достаточных оснований считаться ни разновременными, ни принадлежащими народам «воинственным» или «мирным», не говоря уже о том, что само по себе подобное деление не выдерживает никакой критики.

С нашей точки зрения эта разница в инвентаре погребений обусловливается имущественным и социальным неравенством.

Таким образом мы можем считать синхроничными, в известных границах, все перечисленные в данной статье погребения, включая и погребения, раскопанные Н. И. Веселовским у ст. Белореченской, давшие значительно более богатый инвентарь. Все эти погребения, как было указано выше, датируются XIV—XVI вв.,¹ причем погребения, раскопанные в окрестностях г. Налчика, являются кабардинскими.

A. MAČINSKIJ

Sépultures de tumulus kabardiennes aux environs de Nalčik

(Résumé)

En 1929 et 1932, la mission Nord-Caucasienne de l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle a fouillé aux environs de Nalčik deux tertres funéraires renfermant des sépultures tardives.

Le tumulus exploré en 1929 était entouré d'un cercle de pierres. Au centre du tumulus se trouvait un tronc de bois creusé pourri, à l'intérieur duquel était couché sur le dos un squelette la tête au SWW. A côté du squelette gisaient un couteau en fer, une pierre à feu et une boucle en fer. Sous le crâne était répandu du charbon de bois (figs 1—3).

Le tumulus fouillé en 1932 renfermait également une sépulture. Celle-ci était si mal conservée, qu'il n'a même pas été possible d'établir si le squelette était étendu sur une litière

d'écorce ou dans un cercueil en bois. On a recueilli ici un couteau en fer, un objet en fer en forme d'anneau et une pointe de flèche en fer (figs 5 et 6).

La comparaison des tumulus décrits avec les sépultures de tumulus analogues fouillées par I. Vladimirov près de Nalčik (fig. 7), N. Veselovskij près du village d'Andrjukovskaja, S. Grebenec près du village de Zmejskaja, B. Lunin près de Piatigorsk, B. Degen-Kovalevskij sur le Baksan, etc. les fait dater des XIV—XVIme siècles. Comme la région était alors habitée par les Kabardiens, l'attribution des sépultures décrites à ce peuple ne peut soulever aucun doute.

¹ Что же касается погребений, раскопанных Б. В. Луниным, то, как я уже отметил, соглашаясь с ним, они могут быть отнесены к более позднему времени.

² Б. В. Лунин, ук. соч., стр. 16.

EB 1941 AKS 332

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии	7
Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ Нальчика	51
А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике.	67
А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика	147
Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика	213
А. В. Мачинский. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика	317

TABLE DES MATIÈRES

	Page
Note éditoriale	5
A. Jessen. Les monuments archéologiques de la République autonome Kabardino-Balkarie (Caucase du Nord)	7
E. Kričevskij et A. Kruglov. Une localité néolithique près de la ville de Nalčik	51
A. Kruglov, B. Piotrovskij et A. Podgaeckij. Le cimetière de Nalčik	67
A. Kruglov et G. Podgaeckij. La station de Dolinskij près de Nalčik	147
B. Degen. Les tumulus du parc Kabardinskij à Nalčik.	213
A. Mačinskij. Sépultures de tumulus kabardines dans les environs de Nalčik	317

50

Редактор *М. И. Артамонов.*

М 62860. Объем 40,75 печ. л., + 7 вкл.

Подписано к печати 11/VI 1941 г.

Авторских 45, 4 л. Тираж 15.000 экз.

Тип. № 1 им. Володарского, Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета. Ленинград, Фонтанка, 57. Заказ № 2653.